

„КАРТЫ—НА СТОЛЪ“!

ПОВѢСТЬ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Засѣданіе подходило къ концу. Въ гостиной было сильно накурено. На длинномъ овальномъ столѣ тускло горѣли свѣчи. Въ открытую дверь изъ столовой, ярко освѣщенной, гдѣ готовили холодный ужинъ, доносились звуки посуды.

Бучаевъ сидѣлъ, все время, въ углу и сильно курилъ. Оттуда ему видны были, въ ракурсѣ, всѣ сидѣвшіе за столомъ, и мужчины, и женщины.

Тутъ все — самый „послѣдній крикъ“ и женскаго, и мужского „движенія“.

Хозяйка, Анна Прокофьевна Козлянина — еще не старая, когда-то хорошенькая женщина, съ раскраснѣвшимися щеками и возбужденными глазами — только-что вдоволь „выкричалась“,— какъ Бучаевъ выговорилъ про себя. Она — самая рьяная учредительница и хлопотунья по всякимъ общественнымъ вопросамъ и заслуженный боецъ за женскія права.

„Баба добрая, а царя въ головѣ нѣтъ“,—уже давно поставилъ ей діагнозу Бучаевъ.

Справа и слѣва отъ нея и по угламъ сидятъ ея товарки, члены того же кружка, который собирается въ этотъ сезонъ — вырабатывать устои новаго „союза“.

---

*) См. выше: январь, стр. 51.

И нѣсколько мужчинъ — все изъ интеллигенціи — сидятъ за столомъ. Онъ ихъ всѣхъ болѣе или менѣе знаетъ, вплоть до того худого, съ кадыкомъ, черноволосаго мужчины, съ длинными волосами и жидкой бородой. Это—богатый коммерсантъ, университетскаго образованія, страстный охотникъ до всякихъ „движеній", пріятель актеровъ, газетчиковъ, музыкантовъ, кѣмъ-то въ печати прозванный „*сверхъ*-купцомъ".

А зовется совершенно по-гостинодворски—Варсанофій Силычъ Свайщиковъ.

Но какой же „союзъ" можетъ быть теперь безъ купца? Кто же поддержитъ?

Самая выдающаяся фигура—баринъ, съ наружностью не то писателя, не то артиста, крупный блондинъ, съ красивой бородой, въ золотомъ pince-nez, съ типичнымъ проборомъ русыхъ волосъ, почти по срединѣ черепа.

Это — извѣстный Сукачевъ, Леонидъ Алексѣевичъ, земскій дѣятель, ораторъ, недавно прославился одной рѣчью на какомъ-то провинціальномъ съѣздѣ.

Онъ — въ этотъ сезонъ — герой дня. „На него" — приглашаютъ.

Къ своему „союзу" хозяйка привлекла его въ качествѣ будущаго почетнаго члена. Всѣ дамы передъ нимъ—таютъ.

И всѣ тѣ, кто здѣсь собрался, считаютъ его вовсе не тѣмъ, что онъ изъ себя изображаетъ.

И Бучаевъ знаетъ это доподлинно. Онъ давно слѣдитъ за этимъ махровымъ земцемъ, присутствовалъ даже на томъ засѣданіи, гдѣ онъ отличился, года три назадъ, слышалъ отъ него самого исторію его „коллизіи" съ высшимъ начальствомъ, и даже вызывалъ его на принципіальный разговоръ, гдѣ тотъ выставилъ довольно откровенно свою „платформу" и даже свою „тактику".

А эти ультра-радикальныя дѣятельницы продолжаютъ млѣть передъ нимъ и воображаютъ, что онъ „что ни на есть" кандидатъ на историческую роль, по меньшей мѣрѣ, Дантона.

Можетъ быть, кое-кто изъ этихъ господъ, даже „сверхкупецъ", мекаетъ, что въ немъ Дантонъ ни въ какомъ разѣ не воскреснетъ, но они тоже „падамъ до ногъ" и, во все время дебатовъ, не иначе обращались къ нему, какъ съ титуломъ: „нашъ высокоуважаемый сочленъ, Леонидъ Алексѣичъ".

„Кажется, сейчасъ все кончится",—подумалъ Бучаевъ.

Но, вотъ, встаетъ хозяйка дома—она же и предсѣдательница, встала, обвела взглядомъ весь столъ, кивнула и ему въ уголъ, и начала произносить съ нѣкоторой дрожью въ голосѣ:

— Господа! Позвольте отъ лица всѣхъ васъ принести нашу глубочайшую признательность...

„Высокоуважаемому Леониду Алексѣевичу",—мысленно подсказалъ Бучаевъ, продолжая сидѣть въ своемъ углу.

— Сердечно уважаемому Леониду Алексѣевичу за то участіе, какое онъ принялъ въ нашемъ, сегодня уже окончательно народившемся союзѣ.

Дамы захлопали. Изъ мужчинъ застучалъ чѣмъ-то по столу купецъ Свайщиковъ.

— Въ лицѣ нашего дорогого сочлена,—продолжала, все поднимая тонъ, хозяйка,—мы привѣтствуемъ здѣсь гражданина, который такъ доблестно защищаетъ самыя коренныя права человѣка...

„И гражданина",—прибавилъ мысленно Бучаевъ.

И такъ шло все въ гору—еще на нѣсколько минутъ.

Сукачевъ не остался въ долгу. Онъ произнесъ что-то и свѣтски-любезное, по адресу дамъ, и указывающее на какія-то перспективы общественнаго возрожденія. Опять ему зааплодировали. И тогда хозяйка попросила всѣхъ перейти въ столовую.

— Что же это вы, Николай Сергѣевичъ,—спросила она его въ полголоса, подавая ему стаканъ чаю, — все безмолвствовали?

— Зато внимательно слушалъ, Анна Прокофьевна.

— Да, я знаю васъ... ставили, про себя, отмѣточки всѣмъ намъ.

Онъ только пожалъ плечами.

И хозяйка, и остальныя дамы опять прильнули къ Сукачеву. Кто-то вспомнилъ о прошлогоднемъ всероссійскомъ съѣздѣ и сожалѣлъ, что Леонидъ Алексѣевичъ могъ попасть только на одно засѣданіе, задержанный у себя въ губерніи. А какъ бы его присутствіе было знаменательно на томъ вечернемъ засѣданіи, когда произносили шумные протесты противъ „полицейскаго гнета" и внезапнаго запрещенія реферата, котораго всѣ такъ страстно ждали.

— Леонидъ Алексѣевичъ! — вдругъ окликнулъ его Бучаевъ, подавшись впередъ съ своего мѣста.—Вы были на одномъ засѣданіи — и я помню, на какомъ — когда произносила свою, такъ сказать, исповѣдь одна пожилая учительница въ очкахъ?

— Да, да!

Сукачевъ поглядѣлъ на него вопросительно. Онъ точно предчувствовалъ, что за этимъ вопросомъ что-нибудь да кроется.

— Ну, и что же?—спросила кто-то изъ дамъ.

— Согласитесь, господа,—Бучаевъ обвелъ взглядомъ все обще-

ство, — сокровенный смыслъ того, что тамъ читалось и говорилось, сводился къ чему?

Глаза Сукачева вопросительно обратились къ нему.

— Къ одной фразѣ, къ одному желанію: какъ бы поскорѣе рухнуло кое-что...

— Какъ вы изволили сказать?—остановилъ купецъ Свайщиковъ.

— Кое-что...—повторилъ раздѣльно Бучаевъ.—Всякій понималъ—что...

И онъ игриво поглядѣлъ на хозяйку.

— Это само собою разумѣется,—отвѣтила за нее одна изъ дамъ.

— Ну, а вы, Леонидъ Алексѣевичъ, — продолжалъ Бучаевъ съ той же усмѣшкой въ глазахъ,—какъ себя, такъ сказать, пріурочиваете... къ какой формулѣ?

Этотъ вопросъ заставилъ хозяйку напряженно улыбнуться въ сторону почетнаго гостя—Сукачева.

— Леонидъ Алексѣевичъ—сторонникъ безусловной свободы мнѣній и совѣсти,—поспѣшила она выговорить, впадая опять въ торжественный тонъ.

— Но я хотѣлъ бы знать, — въ какой степени этотъ общій лозунгъ, признававшійся tacitu consensu громаднымъ большинствомъ съѣзда, могъ раздѣлять и Леонидъ Алексѣевичъ?

— Это слишкомъ личный вопросъ, Бучаевъ!—замѣтила одна изъ дамъ.

— И каждый имѣетъ свое credo, — прибавила другая дама, какъ бы обидѣвшись за Сукачева.

— Вашъ вопросъ я не совсѣмъ понимаю, monsieur Бучаевъ,— выговорилъ Сукачевъ тономъ предсѣдателя, желающаго предупредить непріятный инцидентъ на публичномъ засѣданіи.

— Будто, Леонидъ Алексѣевичъ?—спросилъ все съ той же усмѣшкой Бучаевъ. И, повернувъ голову къ хозяйкѣ, прибавилъ:— Pardon! Я хотѣлъ только освѣжить въ памяти и засѣданіе того съѣзда, и одинъ принципіальный разговоръ... прошлой зимой.

Онъ, вкось, поглядѣлъ на Сукачева. Тотъ промолчалъ. Хозяйка опять „пустила свой волчокъ“ и перешла къ тѣмъ перспективамъ, на которыя указывалъ Сукачевъ въ своемъ отвѣтномъ спичѣ, тамъ, въ гостиной.

Что-то вышло какъ будто несовсѣмъ ловкое.

Сукачевъ заговорилъ въ полтона съ своей сосѣдкой, по лѣвую руку. Хозяйка взглянула на Бучаева съ особеннымъ выраженіемъ. Онъ продолжалъ усмѣхаться.

Не прошло и пяти минутъ, какъ Сукачевъ поднялся и сталъ раскланиваться.

— Леонидъ Алексѣевичъ! Куда вы такъ рано? — вскричала хозяйка, устремляясь къ нему и протягивая обѣ руки.

— Не могу... дорогая Анна Прокофьевна. Никакъ не могу!

Остальныя дамы всполошились и окружили Сукачева.

Онъ поцѣловалъ руку у хозяйки и всѣмъ пожалъ руку.

Бучаеву онъ также протянулъ руку и, улыбаясь глазами, выговорилъ:

— Нашъ разговоръ я помню, monsieur Бучаевъ. И отъ всего того, что̀ я тогда сказалъ—не отступлюсь и теперь.

И съ этими словами двинулся въ переднюю. Дамы его провожали.

— Въ вашихъ словахъ былъ тонкій намэкъ,—произнесъ, помосковски, купецъ Свайщиковъ, подходя къ Бучаеву.

— Николай Сергѣичъ!—вскричала хозяйка, вернувшись изъ передней.—Это Богъ знаетъ что̀ такое! Мы всѣ на васъ негодуемъ.

— За что̀?

— Какъ за что̀? И спрашиваетъ это такимъ казанской сиротой! Mesdames! Какъ вамъ это нравится?

Дамы окружили его.

— Не понимаю, почему предметъ вашего поклоненія, mesdames, такъ встрепенулся!

— Вы пустили какую-то шпильку — перебила хозяйка. — И мы ее даже не поняли. У васъ былъ съ Леонидомъ Алексѣевичемъ какой-то тамъ разговоръ... Но это—ваше личное дѣло.

— Не просто разговоръ,—возразилъ Бучаевъ, оглядывая ихъ всѣхъ съ тою же усмѣшкой: — Сукачевъ высказалъ мнѣ свою платформу...

— Какую платформу?—остановила въ недоумѣніи одна изъ дамъ.

— Душечка!—пояснила ей хозяйка.—Это—нынѣшнее слово... вмѣсто profession de foi... или политической программы тамъ что-ли.

— Ну, да. Онъ ее не скрываетъ... по крайней мѣрѣ, когда ему ставятъ категорически вопросъ. Сукачевъ — славянофильствующій земецъ, вѣрующій въ то, что намъ надо не представительство съ гарантіями, безъ которыхъ никакое подобіе свободы немыслимо, а пресловутое сліяніе народа съ источникомъ власти, безъ всякаго средостѣнія.

— Ну, такъ что-жъ! — нервно воскликнула одна изъ дамъ.

— Больше ничего... Мнѣ вспомнился съѣздъ, гдѣ ему также сдѣлали овацію и гдѣ все было проникнуто одной формулой, подъ которой милѣйшій Леонидъ Алексѣевичъ, конечно, не подпишется.

— Онъ—выше всякихъ партій!—крикнула хозяйка.

— Нисколько, и согласитесь, mesdames, что наивно такимъ радикалкамъ въ западномъ смыслѣ, какъ всѣ вы, — считать Сукачева своимъ единомышленникомъ, повторяю—человѣкомъ одной платформы.

— Это правильно!—замѣтилъ съ юморомъ Свайщиковъ.

— Онъ сочувствуетъ идеѣ нашего союза... Его имя...— начала-было одна изъ дамъ.

— Позвольте, —остановилъ ее Бучаевъ, и нѣсколько другимъ тономъ продолжалъ: —мнѣ, въ сущности, все это „Schnuppe", какъ говорятъ нѣмцы. Я самъ стою всегда за абсолютную свободу мнѣній; но гдѣ же логика, гдѣ же послѣдовательность? А главное: зачѣмъ человѣка считать Дантономъ, когда онъ, московскій земскій человѣкъ XVII вѣка... вѣрующій въ формулу: „народу—мнѣніе, государю—власть"?

— Правильно! — съ той же интонаціей выговорилъ сверхкупецъ.

— Все это прекрасно!—заволновалась хозяйка. — Но вы, Бучаевъ, придали всему этому... какъ бы это сказать — инциденту... личный характеръ...

— Для васъ и вашего круга непріятный?—остановилъ онъ ее.—Очень сожалѣю и прошу извинить меня. Вамъ угодно считать Сукачева Дантономъ, — считайте! На здоровье! А если вы знали, кѣмъ онъ самъ себя считаетъ, тогда дѣло иное: вы его привлекли потому, что вамъ нужно его имя... Такъ и будемъ знать.

— Все-таки!

Хозяйка, обращаясь къ остальнымъ гостямъ, воскликнула:

— Господа! Сядемте же! Вѣдь вы еще ничего не кушали... И чай стынетъ.

Всѣ стали разсаживаться...

Бучаевъ сходилъ съ крыльца вмѣстѣ съ однимъ брюнетикомъ, который все время—и на совѣщаніи, и за чаемъ—сидѣлъ молча.

Онъ не былъ твердъ въ его фамиліи, но считалъ его привать-доцентомъ. Его голова ему нрабилась.

Вмѣстѣ прошли они по троттуару большого двора и вышли изъ воротъ.

Бучаевъ, оглянувшись вправо и влѣво, спросилъ его:

— Вамъ въ какую сторону?

— На Арбатъ.

— И мнѣ также. А извозчика ни единаго. Хотите пройтись?

— Съ удовольствіемъ.

Помолчавъ немного, спутникъ его выговорилъ мягкимъ, пріятнымъ голосомъ:

— Вы въ нихъ пустили освѣжающій душъ.

— Я?

— Это превосходно! Первѣе всего — бороться съ той безтолковщиной, какая царитъ у насъ въ интеллигенціи. Вотъ такой земецъ XVII-го вѣка, а слыветъ у нашихъ радикальныхъ дамъ за Дантона. Ха, ха!

Онъ засмѣялся короткимъ, очень пріятнымъ смѣхомъ.

— А я, вотъ, злюсь на себя, — сказалъ хмуро Бучаевъ.

— За что̀?

— Вышло пошловато. Точно я завидую дешевымъ лаврамъ господина Сукачева. Такъ теперь всѣ эти феминистки и станутъ судачить.

— Пускай ихъ! Карты на столъ! Вотъ что̀ теперь нужно, какъ воздухъ.

Бучаевъ остановился и воззрился въ брюнета.

— Карты на столъ! Вы точно знали, что это—мой лозунгъ.

— Прекрасный лозунгъ!

— Только у насъ и имъ не возьмешь... А самъ прослывешь смутьяномъ.

Протянувъ руку спутнику, онъ сказалъ:

— Моя фамилія Бучаевъ. Будемъ знакомы.

II.

И опять столовая—просторная, съ высокимъ штучнымъ потолкомъ, въ богатомъ домѣ, откуда родители нарочно удалились, чтобы не мѣшать юнца́мъ.

Чай уже пили. На столѣ, кромѣ самовара — закуски, варенье, остатки сладкаго пирога и ваза съ фруктами.

Но никто ни къ чему уже не прикладывается.

Всѣ заняты бесѣдой.

Идутъ „пренія“. Молодые хозяева созвали своихъ товари-

щей и товарокъ по гимназіи. Всѣхъ человѣкъ до двѣнадцати. Есть одинъ студентъ; но онъ больше въ качествѣ слушателя. Есть и предсѣдатель—гимназистъ восьмого класса. Дѣвицъ меньше, чѣмъ молодыхъ людей.

И Бучаевъ попалъ въ число приглашенныхъ. Онъ былъ заинтересованъ этой „debating society", напомнившей ему тотъ сезонъ, когда онъ жилъ въ Лондонѣ, и въ первый разъ попадалъ на такое юное засѣданіе, гдѣ все велось очень чинно, какъ „у большихъ", съ предсѣдателемъ, съ строгой очередью ораторовъ, когда начались „дебаты", послѣ прочтенія реферата.

Тема была: „Непротивленіе злу", какъ соціальный принципъ.

Докладчикъ—краснощекій юноша, съ пушкомъ на щекахъ, въ штатскомъ платьѣ, не читалъ, а говорилъ, съ конспектомъ, сначала немного волновался и какъ-то все вздыхалъ, переводя дыханіе; но потомъ вошелъ въ роль, говорилъ складно и горячо, только голосъ его часто срывался: низкія ноты заскакивали въ альтовый регистръ звуковъ.

Онъ выставилъ даже нѣсколько тезисовъ.

Въ женскомъ персоналѣ выдѣлялись двѣ дѣвушки: красивая брюнетка, стройная, съ огромными глазами, въ формѣ гимназистки, и ея ближайшая подруга—блѣднолицая, худая дѣвица, съ большимъ лбомъ и причесанными за уши пепельными волосами.

Бучаевъ уже зналъ, что ея фамилія Порослева. И подруга окликаетъ ее „Васса".

Предсѣдатель — старше всѣхъ, уже съ усиками и чѣмъ-то вродѣ бакенбардъ — въ сѣрой гимназической блузѣ.

Онъ очень серьезно исполняетъ обязанности предсѣдателя, говоритъ баскомъ, поводитъ внушительно бровями, не позволяетъ перебивать и требуетъ, чтобы всѣ держались очереди.

Всего чаще останавливалъ онъ своего товарища, тоже въ сѣрой блузѣ, съ вихромъ на лбу. Лицо у него старше его лѣтъ, русые волосы вихрятся. Онъ нервенъ и подвиженъ, и вотъ сейчасъ выступилъ съ настоящимъ разносомъ и самаго доклада, и отдѣльныхъ „положеній".

— Какъ его фамилія? — спросилъ Бучаевъ шопотомъ у сидѣвшаго рядомъ съ нимъ студента.

Тотъ все время поглядывалъ на юнцовъ, снисходительно усмѣхаясь, и курилъ одну папиросу за другой.

— Вонъ тотъ... возражатель? — переспросилъ студентъ.

— Да.

— А! Это у нихъ первый діалектикъ. Тыквинъ — его фамилія.

Бучаевъ сталъ прислушиваться, когда этотъ Тыквинъ попросилъ у предсѣдателя голоса, не въ очередь, съ согласія одной изъ дѣвицъ, блондинки съ пепельными волосами.

— Намъ неясно, — сталъ выкрикивать Тыквинъ, поднимаясь на цыпочкахъ,—онъ упирался, стоя, на спинку стула,—какого же собственно руководящаго принципа держится самъ авторъ доклада.

Авторъ пожалъ плечами и еще болѣе покраснѣлъ. Его полное, полудѣтское лицо такъ и пылало.

— Докажите, Тыквинъ! — раздался женскій голосокъ.

Предсѣдатель зазвонилъ. Дѣвица смолкла.

— И постараюсь,—увѣренно выговорилъ Тыквинъ. — Одно изъ двухъ: или считать „толстовскій" принципъ безусловно вѣрнымъ... тогда надо признать и то, откуда идетъ все его ученіе; или же держаться прямо противоположныхъ принциповъ, необходимыхъ для всякой общественной борьбы. А тутъ я вижу у него нѣчто половинчатое. И такъ, и этакъ! Можно съ почтеніемъ относиться къ имени великаго писателя, но все-таки признать, что съ этимъ „непротивленіемъ" далеко не уйдешь!

Голосъ у Тыквина крѣпчалъ, и некрасивое лицо, съ энергичнымъ ртомъ и быстрыми темными глазами, то-и-дѣло мѣняло выраженіе.

— Спорщикъ! — шепнула одна гимназистка другой.

— И какой еще!

— Вы кончили? — спросилъ безстрастнымъ тономъ предсѣдатель.

— Нѣтъ-съ... позвольте еще нѣсколько словъ. И уже съ нѣкоторымъ обобщеніемъ... такъ сказать.

— Записано еще трое.

— Знаю... но я не задержу.

Тыквинъ звонко откашлялся и опять взялся обѣими руками за спинку стула.

— Вообще... позволю себѣ сказать, что въ настоящій моментъ, когда наше отечество переживаетъ такой кризисъ и приступаетъ къ переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей...

— Сейчасъ будетъ изъ Ничше цитировать, — шепнула подругѣ та же гимназистка.

— Все еще слишкомъ много водится у насъ такихъ интеллигентовъ, которые только все анализируютъ... чрезвычайно тонко и умно, а въ сущности имъ ни до чего дѣла нѣтъ.

Глаза рѣчистаго гимназиста повернулись въ ту сторону, гдѣ сидѣли, у стѣны, Бучаевъ и студентъ.

И Бучаеву показалось, что это было брошено въ его огородъ, хотя онъ въ первый разъ видѣлъ Тыквина.

Это какъ будто его задѣло. Онъ подавилъ въ себѣ тотчасъ же мимолетное непріятное чувство. Но развѣ онъ и въ глазахъ ближайшихъ своихъ сверстниковъ не можетъ считаться такимъ субъектомъ?

И точно чьи-то другіе глаза—уже не мужскіе, а женскіе—уставились на него и говорили ему:

„Вы мастеръ разбередить душу. А чуть что—вы на попятный дворъ. И вамъ дѣла нѣтъ до того, что въ этой душѣ происходитъ“.

— А намъ теперь такихъ половинчатыхъ резонеровъ не надо. Пускай русская жизнь оставитъ ихъ за шлагбаумомъ, вмѣстѣ съ разными нытиками и психопатами, которыми слишкомъ долго кормила насъ беллетристика.

Захлопала блондинка съ пепельными волосами. На ней, какъ и на хозяйкѣ, была гимназическая форма.

— Вы кончили, Тыквинъ? — такъ же безстрастно спросилъ предсѣдатель.

— Многое бы могъ добавить, но...

— Надо и честь знать! — крикнулъ ему кто-то изъ гимназистовъ.

Всѣ разсмѣялись.

— Вѣрно!—согласился Тыквинъ съ полнымъ апломбомъ и, оглянувъ всю аудиторію, сѣлъ на стулъ, перевернувъ его къ себѣ сидѣньемъ.

И опять Бучаеву показалось, что умные и задорные глаза перваго „спорщика“ уставились на него.

Студентъ взглянулъ на него все съ той же усмѣшкой.

— Господа! Угодно еще кому-нибудь записаться?

Никто не заявилъ себя.

— Въ такомъ случаѣ позвольте маленькій перерывъ.

— Страсть чаю хочется! — раздался женскій возгласъ.

И всѣ дружно расхохотались.

За столомъ всѣ сначала пили и закусывали, а потомъ вдругъ разомъ заговорили.

Тыквинъ сдѣлался тотчасъ же предметомъ шутокъ и его товарищей, и дѣвицъ. Видно было, что Порослева, блондинка съ пепельными волосами, благоволитъ къ нему. Онъ сѣлъ съ ней рядомъ и потчивалъ ее пирожнымъ.

— Да, Тыквинъ, здорово споритъ!—весело крикнулъ одинъ изъ гимназистовъ, постарше.

— Діалектикъ! Одно слово!—съ юморомъ, не мѣняя серьезнаго выраженія, выговорилъ предсѣдатель, и сталъ скоро-скоро отхлебывать свой чай.

— Недаромъ онъ собирается въ учителя, — замѣтила брюнетка съ огромными глазами.

— И все онъ по хріямъ разбираетъ, точно въ семинаріи учился!

Это замѣчаніе предсѣдателя вызвало общій смѣхъ.

Острые глазки „діалектика“ бойко оглядывали всѣхъ.

„Смѣйтесь, молъ, а я васъ не боюсь, потому что у меня логика; а вы желаете только нанизывать хорошія слова“.

Тыквинъ, наклонившись къ уху Порослевой, шепнулъ ей:

— Пущай ихъ!

— Они любя... безъ всякаго ехидства.

— А хотя бы и съ ехидствомъ?.. Только бы дѣло...

Студентъ, сидѣвшій рядомъ съ Бучаевымъ, противъ Тыквина, положилъ локти на столъ и подался впередъ головой.

— Позвольте маленькій вопросъ, господинъ Тыквинъ,—началъ онъ съ своей двойственной усмѣшкой, — я у васъ здѣсь, вотъ какъ и мой сосѣдъ, мы только гости и права голоса въ вашей конференціи не имѣемъ.

— Почему же? Говорите!—откликнулась первая Порослева.— Мы всѣ были бы такъ рады, если бы вы приняли участіе... вы и господинъ Бучаевъ.

Она ласково взглянула на него. Ея кавалеръ кивнулъ головой и проговорилъ своимъ теноркомъ:

— Подѣлитесь съ нами вашимъ умственнымъ добромъ.

— Такъ вотъ... я хотѣлъ васъ спросить, — продолжалъ студентъ, глядя прямо на своего vis-à-vis, черезъ столъ:—почему вы такъ строго выразились насчетъ тѣхъ, кто не хочетъ быть прямолинейнымъ? Рубить съ плеча—не значитъ еще возвѣщать безусловную истину!

Всѣ насторожились.

— Я этого не говорилъ!

Тыквинъ быстро покраснѣлъ и также подался впередъ, и также положилъ локти на столъ.

— Вы мнѣ навязываете совсѣмъ не мои слова... Выраженіе „прямолинейный“ вы употребили, кажется, въ ироническомъ смыслѣ?

Глазки гимназиста задорно блеснули.

— Это слово давно имѣетъ право гражданства. И всякій пойметъ—что оно собою изображаетъ.

— Позвольте-съ! Прямолинейный! Если взять это слово какъ слѣдуетъ... серьезно, то всякое глубокое убѣжденіе должно быть прямолинейно. Какъ же иначе?

И онъ обвелъ всѣхъ взглядомъ.

— Разумѣется!—подтвердила брюнетка.

— А я только и говорилъ, что про твердые принципы, про то, что обязательно становиться направо или налѣво, а не изображать собою газетную прибаутку: „надо сознаться, хотя нельзя не признаться".

— Это все по твоему адресу!—крикнулъ кто-то краснощекому автору доклада.

— И къ этому,—продолжалъ Тыквинъ,—никакъ не слѣдуетъ пріучаться съ молодыхъ лѣтъ. Ну, вы провретесь, ну, вы защищаете чистѣйшую ерундистику, но вы должны быть въ этомъ убѣждены, и когда рѣчь идетъ о какомъ-нибудь важномъ принципѣ—нельзя бродить только вокругъ да около!

Блондинка обласкала его взглядомъ.

— Не мало есть и настоящихъ интеллигентовъ... старше насъ... съ учеными дипломами... Слушаешь ихъ, а никакъ тебѣ не вдомёкъ: кто собственно сей господинъ—каковъ его символъ вѣры?..

Бучаеву опять показалось, что этотъ „діалектикъ" посмотрѣлъ на него съ особеннымъ выраженіемъ.

„Что ему отъ меня нужно?"—не безъ раздраженія подумалъ онъ.

— Вы позволите обратиться къ вамъ?

— Ко мнѣ?—спросилъ Бучаевъ.

— Да-съ... Вы меня какъ будто совсѣмъ не знаете... а мы были съ вами на одномъ вотъ такомъ же рефератѣ съ преніями.

— Гдѣ же это—позвольте узнать?

Бучаевъ переглянулся съ студентомъ.

— У Панкратьевыхъ это было, въ началѣ зимы. Помните... когда читалъ господинъ Анкудиновъ... по соціологіи. Мы—несовершеннолѣтніе — сидѣли въ уголкѣ, около двери... двое насъ было... сынъ хозяина и я...

— Будто и тамъ ты не выступилъ?—остановилъ предсѣдатель и вызвалъ опять смѣхъ..

— Намъ не полагалось. Но позвольте мнѣ—онъ повернулъ голову къ Бучаеву—сказать на чистоту... прямолинейно что-ли...

хотя вы имѣете право и не отвѣтить мнѣ, если вамъ не понравится.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь! — сказалъ сдержанно Бучаевъ.

„Что ему отъ меня нужно?“—спросилъ онъ, про себя, во второй разъ.

— Вы, конечно, помните... какой главный тезисъ защищалъ тогда референтъ?

— Помню.

— И вы были въ числѣ оппонентовъ. Насъ съ моимъ пріятелемъ сначала сильно заинтересовала ваша рѣчь. Но когда вы кончили... мы остались въ великомъ недоумѣніи.

— Почему же?

— Будь мы съ вами знакомы—мы бы позволили себѣ и тогда спросить: за кого же, собственно, прикажете считать васъ?

Всѣ стали глядѣть на Тыквина съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

Предсѣдатель, допивъ свой стаканъ, остановилъ его словами:

— Съ какой же стати, Тыквинъ, такой допросъ? Это вѣдь называется по латыни argumentum ad hominem?..

— Ничего, ничего, — тономъ снисходительнаго старшаго отозвался Бучаевъ.

Студентъ покачалъ головой.

— Тутъ нѣтъ ничего личнаго,—возразилъ Тыквинъ, возбужденно оглядывая всѣхъ.—Я уже предупредилъ, что господинъ Бучаевъ можетъ и не отвѣчать мнѣ. Но я и теперь хотѣлъ бы знать: къ какой—какъ нынче говорятъ—*платформѣ* вы себя самого причисляете?...

— Какъ же это не личный вопросъ?—строже остановилъ его предсѣдатель.

— Позвольте ему высказаться,—попросилъ Бучаевъ тѣмъ же снисходительнымъ тономъ; но, про себя, онъ обозвалъ Тыквина „назойливымъ іерихонцемъ“.

— Мы съ товарищемъ не могли взять въ толкъ, господинъ Бучаевъ, говорилъ ли въ васъ соціалъ-демократъ чистой воды, другимъ словомъ, марксистъ, или соціалъ-революціонеръ, или ни то, ни другое... а какъ будто идеалистъ... вотъ въ новѣйшемъ значеніи, иначе—нео-идеалистъ, какіе теперь здѣсь процвѣтаютъ?...

— Тебя, Тыквинъ, не спросивши! — замѣтилъ кто-то изъ гимназистовъ.

— Ладно!—возразилъ ему Тыквинъ съ комической гримасой и, повернувъ опять голову къ Бучаеву, продолжалъ тономъ пониже: —Извините еще разъ. Никто не имѣлъ бы права подвергать васъ допросу. Но намъ съ товарищемъ было бы поучительно и цѣнно—знать, что такой интеллигентный человѣкъ, какъ вы, принадлежитъ къ сторонникамъ такой-то партіи или ученія.

Насмѣшливые глаза студента обратились къ нему, кажется, съ такимъ же вопросомъ.

„И ты также?"—подумалъ онъ.

Точно будто оба они—и рѣчистый гимназистъ, и прималчивающій студентъ—собирались крикнуть ему: „Карты на столъ, господинъ обличитель!"

Ему сильно захотѣлось осадить этого самомнительнаго „мальчишку"; но онъ сейчасъ же пристыдилъ себя.

— Вы, господинъ Тыквинъ, смѣшиваете двѣ вещи,—началъ онъ:—credo данной личности, когда оно должно быть заявляемо прямо и смѣло, и свободу критическаго анализа. Предположимъ, что я держусь одной изъ этихъ доктринъ:—марксизма, чисто экономическаго ученія, революціоннаго соціализма или новѣйшаго идеализма...

— Вотъ это для насъ и осталось тайной.

— Если бы дѣло шло о какомъ-нибудь голосованіи... о поддержкѣ какой-нибудь резолюціи, — тогда и я, и всякій убѣжденный человѣкъ высказался бы pro или contra, положилъ бы шаръ направо или налѣво. Но разбирался теоретически чисто научный вопросъ...

— Общественный!—крикнулъ Тыквинъ.

— По соціологіи... т.-е. по теоріи общественнаго развитія. И тутъ обязанность мыслящаго и свободнаго внутренно человѣка—воздерживаться отъ всякой партійной односторонности. Иное дѣло научная истина, иное дѣло—то, чего вы добиваетесь, какъ борецъ за тотъ или другой идеалъ!

— Вѣрно!—тихо воскликнулъ предсѣдатель.

— Ну, инъ будь по вашему!—выговорилъ, крякнувъ, Тыквинъ и что-то шепнулъ блондинкѣ.

Всѣ остальные молчали, и Бучаевъ почувствовалъ, что его отвѣтомъ никто не остался доволенъ.

И насмѣшливый взглядъ студента опять остановился на немъ.

— Господа! Пренія еще не кончены! Пожалуйте!—пригласилъ предсѣдатель.

III.

Третій мѣсяцъ пошелъ, какъ Бучаевъ „ходитъ" опять по Москвѣ. Ѣздилъ онъ, на нѣсколько дней, въ Петербургъ и въ два губернскихъ города, по близости.

И опять онъ въ тѣхъ же номерахъ, близъ университета, полу-студенческихъ, полу-обывательскихъ, гдѣ такъ же шумно, грязновато и неприглядно, такъ же пахнетъ керосиномъ и ваксой, такъ же плохо освѣщены узкіе корридоры.

И все это напоминаетъ ему студенческіе годы, да и по цѣнѣ сходно, хотя на двадцать процентовъ дороже, чѣмъ было десять лѣтъ назадъ.

Каждый день, утромъ, онъ записываетъ все, что пережилъ за день. Записи—короткія; но и ихъ набирается немало.

Столько теперь всякаго „овоща"—по всѣмъ вопросамъ, во всѣхъ слояхъ и кружкахъ... хоть ушатомъ черпай!

И всѣ говорятъ, спорятъ, кричатъ, горячатся или мрачно молчатъ, накопляютъ въ себѣ всякіе виды протеста.

Готовые лозунги и формулы такъ и рѣютъ въ воздухѣ. У каждаго свой рецептъ, своя панацея. И какимъ бы жестокимъ пессимизмомъ онъ васъ ни обдалъ, знайте, что у него, за пазухой, все-таки найдется вѣра въ какое-нибудь Эльдорадо.

А главнаго—нѣтъ: желанья и умѣнья сплотиться.

Когда разразится кризисъ—а его надо ждать, какъ евреи ждутъ Мессію, — то наверхъ всплывутъ все тѣ же стародавнія повадки.

Ему, съ каждымъ днемъ, кажется все больше и больше, что выйдетъ, скорѣе всего, полная шумиха и безсиліе—найти выходъ изъ невыносимаго положенія. Начнутся ожесточенные партійные раздоры. Они неизбѣжны, потому что надъ всей страной тяготитъ роковое неумѣнье сплотиться, во имя общей и ясной цѣли. И это—въ самомъ избранномъ меньшинствѣ, которое привыкло смотрѣть на себя, какъ на соль земли.

Но ничто это его не удивляетъ. Такъ должно быть. И главная бѣда идетъ отъ самообмана. А самообманъ—отъ стараго недуга, отъ слащаваго или фанатическаго романтизма, что сводится, опять-таки, къ тому же самому.

То, что вышло на совѣщаніи у милѣйшей Анны Прокофьевны Козляниной—развѣ не блистательное доказательство того, какой разбродъ царитъ въ головахъ? Славянофильствующаго земца, за

нѣкоторый либерализмъ, окружаютъ ореоломъ. И кто? Самый радикальный кружокъ, который считаетъ „Декларацію правъ человѣка и гражданина“ только легкой закуской ко всякимъ другимъ правамъ.

А если у тебя нѣтъ готовой репутаціи, то ты долженъ сейчасъ же выкладывать свою „платформу“, какъ тогда, въ кружкѣ самой зеленой молодежи, гдѣ гимназистъ Тыквинъ, первый „діалектикъ“, сталъ его допрашивать. И вышло нехорошо. Точно будто эти мальчуганы изловили его, приперли къ стѣнѣ, а онъ уклонился, „далъ бѣжку“, какъ они, навѣрно, назвали на своемъ жаргонѣ школьниковъ.

Ничего не будетъ удивительнаго, если на него начнутъ смотрѣть подозрительно.

Что за гусь? Бываетъ вездѣ, во всѣхъ кружкахъ, землячествахъ, обществахъ, всѣхъ допрашиваетъ, все разнюхиваетъ, а самъ не выкладываетъ своего символа вѣры.

Человѣкъ „сумлительный“.

Въ старой Москвѣ сейчасъ бы скомандовали:

„Взять его за приставы!“

А теперь ничего нѣтъ легче, какъ сдѣлаться „сумлительнымъ“ всякимъ лагерямъ и очутиться между двухъ огней.

Его сестрица и ея супругъ—тѣ зачислили его, безповоротно, въ странствующіе агенты одного изъ „комитетовъ“.

Объ нихъ онъ ничего не знаетъ, съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ оттуда. Переписываться съ сестрой — нѣтъ повода. Это было что-то вродѣ окончательнаго разрыва. Милѣйшій Эліодоръ Ильичъ отъ такого родственнаго „разъѣзда“ — конечно въ восхищеніи Да и Елена... что же имѣетъ она съ нимъ общаго — въ теперешней фазѣ своего развитія?

Нѣкоторое время ему было ее жаль. Онъ хотѣлъ даже, по пріѣздѣ сюда, написать ей большое письмо—родъ увѣщанія; но нашелъ, что это будетъ совершенно глупо.

Господа Зубровы должны остаться вѣрны своему типу поборниковъ капитализма, орудующаго по усадьбамъ и хуторамъ въ ожиданіи того момента, когда все это полетитъ вверхъ тормашками.

И они еще болѣе приготовлены къ борьбѣ, умнѣе, честнѣе, работящѣе другихъ владѣльцевъ... имя которымъ—легіонъ!

Милѣйшій Эліодоръ Ильичъ и его „выученица“ Елена Сергѣевна—имѣютъ право смотрѣть на себя какъ на образцовыхъ, корректныхъ ландлордовъ новѣйшей формаціи, трудящихся надъ привитіемъ мужику всякихъ культурныхъ добродѣтелей.

Бучаевъ перебиралъ все это, ходя взадъ и впередъ по своему „мумеру", какъ называетъ его корридорный.

Сегодня онъ долженъ быть у Марьи Өедоровны Лодыгиной. Она просила его, по телефону, завернуть къ ней, между тремя и четырьмя.

У Лодыгиныхъ онъ не былъ уже цѣлую недѣлю. Это могло показаться умышленной уклончивостью съ его стороны.

Точно онъ, въ самомъ дѣлѣ, „притаился".

Когда онъ пріѣхалъ въ Москву и зашелъ, въ первый разъ, къ Лодыгинымъ, онъ засталъ его одного. Марья Өедоровна уѣхала въ Петербургъ—не совсѣмъ, но жила тамъ уже третью недѣлю.

Лодыгинъ принялъ его странно, дѣлалъ какіе-то намеки, взглядывалъ на него съ особенной усмѣшкой и подъ-конецъ сказалъ:

— Я не зналъ, что вы такой дипломатъ, Бучаевъ.

На его вопросительный взглядъ онъ продолжалъ:

— Моя супруга... задумала, кажется, возвратить себѣ свободу?.. Ни въ чемъ, какъ говорится... преступномъ—я ее не подозрѣваю... И васъ также,—прибавилъ онъ иронически,—но вы были, кажется, ея просвѣтителемъ... открыли ей глаза на личность ея мужа.

На это онъ ничего не отвѣтилъ и вообще уклонился отъ всякаго „лишняго" объясненія.

— Это ея дѣло! Но у насъ дѣти. Отнимать ихъ у матери я не желалъ бы; но ставить ихъ между отцомъ и матерью, другими словами, омрачать ихъ лучшіе годы — безъ серьезной причины—врядъ-ли похвально, не говоря уже о той нечистоплотной процедурѣ, которая, по нашимъ законамъ, связана съ разводомъ.

Вынесъ онъ такое впечатлѣніе, что этотъ самовлюбленный „субъективистъ" не переживалъ ничего трагическаго. Всего замѣтнѣе то, что тщеславію Лодыгина нанесенъ жестокій ударъ, что жена его „раскусила".

По возвращеніи Марьи Өедоровны, онъ видѣлся съ нею раза два, урывками, при постороннихъ. Но она дала ему понять, что скоро все должно рѣшиться. Говорила она и о Парижѣ—на вторую половину зимы.

Провожая его, въ послѣдній его визитъ, до передней, она сказала ему съ удареніемъ:

— Намъ бы надо съ вами обширно потолковать.

— Душевно радъ!—отвѣтилъ онъ и, дѣйствительно, притаился.

— Такъ вы на всю зиму? — спросилъ Бучаевъ Марью Ѳедоровну, принимая отъ нея чашку чаю.

Они сидѣли въ ея кабинетѣ.

Все было такъ же убрано, какъ и годъ назадъ. Комната—въ матеріяхъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ. Много этюдовъ и рисунковъ. Мебель зеленоватая, въ новомъ стилѣ. Диванчикъ — въ углубленіи стѣны, гдѣ стоитъ и чайный столикъ. Мольбертъ— въ углу, пустой. Два букета—сирени и лилій—въ другомъ углу.

Хозяйка—въ черномъ гренадиновомъ платьѣ-мѣшкѣ, съ косой, зачесанной, на маковкѣ, живописнымъ узломъ, съ полуоткрытыми рукавами. Лицо у нея сегодня особенно интересно, но блѣднѣе обыкновеннаго. И глаза какъ будто немного впали.

Мужа ея нѣтъ въ Москвѣ. Онъ уѣхалъ защищать куда-то на югъ, на очень громкій аграрный процессъ.

— Да, на всю зиму, Николай Сергѣевичъ,—замедляя темпъ рѣчи, выговорила она.—И часть весны захвачу. Тамъ такъ хорошо ранней весной и позднѣе, къ маю, когда зацвѣтутъ глициніи по стѣнамъ и на балконахъ. Вы вѣдь живали тамъ?

— Живалъ.

— Гдѣ? Въ Алупкѣ?

— И въ Алупкѣ, и въ Гурзуфѣ, и въ Ялтѣ. По моему, довольно-таки противна эта россійская Ницца.

— О, да! Ялта въ разгаръ сезона—отвращеніе!

— Ихъ степенства московскія династіи...

— Ха, ха!

Она было-засмѣялась и тотчасъ же смолкла.

Ея взглядъ остановился на немъ. Но онъ сидѣлъ съ опущенной головой и отхлебывалъ изъ чашки маленькими глотками.

Имъ обоимъ было неловко; но онъ это чувствовалъ больше и замѣтнѣе, чѣмъ она.

Объясняться имъ было не о чемъ. Вѣдь между ними не завязалось даже хорошаго флёрта. Онъ велъ себя слишкомъ безупречно. Какъ красивая и интересная женщина, она могла бы считать себя обиженной — будь она потщеславнѣе. Но у нея, все-таки, былъ противъ него маленькій „зубъ“, хотя она и понимала прекрасно, что ему, до сихъ поръ, какъ бы совѣстно передъ ней. Отъ него пошелъ тотъ „разъѣдающій анализъ“, который довелъ ее—жену и мать двоихъ дѣтей—до разрыва.

Бучаевъ поднялъ голову и спросилъ:

— Это житье въ Крыму, Марья Ѳедоровна, будетъ вродѣ искуса?

— Врядъ-ли, Николай Сергѣевичъ, — отвѣтила она, очень

простымъ тономъ.—Викторъ Петровичъ не желалъ бы всей этой нечистоплотной процедуры,—какъ онъ выражается.

— И онъ, быть можетъ, правъ.

О томъ, какъ Лодыгинъ говорилъ съ нимъ безъ нея, онъ не сказалъ ей ни слова.

— Но какъ же имѣть полную свободу? Вы сами знаете...

— Не по личному опыту.

— И не женитесь, Бучаевъ.

Рядомъ, въ столовой, раздались дѣтскіе голоса.

Вбѣжали мальчикъ и дѣвочка, какъ были—она въ салопчикѣ, онъ въ пальто, съ покрытыми головами.

Отъ нихъ пышало снѣжнымъ воздухомъ.

— Мама! Милая!

Дѣвочка первая бросилась ее цѣловать. Мальчикъ тоже потянулся.

— А поздороваться съ Николаемъ Сергѣевичемъ не надо развѣ?—остановила она.

Оба—по порядку — подали ему свои ручонки — еще въ варежкахъ; но онъ почуялъ, что эти дѣти какъ будто имѣютъ что-то противъ него. Точно они знаютъ, что отъ него все пошло... и если они не лишатся матери, то отецъ уже не будетъ съ ними жить, а потомъ, можетъ, явится и „второй папа“.

— Ну, идите... раздѣвайтесь.

Когда дѣти выбѣжали, Марья Ѳедоровна отставила свою чашку и откинулась на спинку дивана.

— И они вамъ останутся... нераздѣльно?—потише промолвилъ Бучаевъ.

— Надѣюсь.

Марья Ѳедоровна взглянула на него съ новымъ выраженіемъ.

— Пока все точно по старому. Но старое уже не вернется, Николай Сергѣевичъ. Говорю это безъ горечи. Но не правда ли, начни я изливаться какой-нибудь барынькѣ, изъ моихъ подругъ—меня каждая сочтетъ чуть не психопаткой.

— Будто ужъ и каждая?

— Я думаю. Адюльтера нѣтъ, побоевъ нѣтъ, ни малѣйшаго скандала. Нѣтъ даже охлажденія или дурного характера—incompatibilité d'humeur — какъ у французовъ. Будь это въ Парижѣ и я задумалась бы разводиться по французскимъ законамъ—это было бы очень трудно. Тамъ меня уже, конечно, всѣ бы признали... une folle... наши бабушки называли: „полудурья“.

И она тихо разсмѣялась.

Онъ ей не вторилъ.

— Я никого не виню,—продолжала она, точно думая вслухъ.— Онъ—такой! Надо было раньше разглядѣть его... какъ сдѣлали вы. Вотъ и все! Я и сама не знала, что я такая... какъ бы это сказать... прямолинейная.

— Можетъ, это къ худу?

— Бучаевъ! Вы ли это говорите?

Она даже покачала головой.

— Женщинѣ трудно... срывать маски,—выговорилъ онъ, поглядѣвъ на нее пристально.

— Другими словами, она обречена на вѣчные компромиссы?

— Пожалуй.

— Даже если предметъ ея анализа—и не мужъ, не герой ея романа?

— Тутъ менѣе опасно... а все-таки...

— Не со всѣми мужчинами, Бучаевъ... вы, напримѣръ... вотъ мы съ вами прощаемся. Когда опять столкнемся—не знаю. я могла, на свободѣ, изучать васъ. Помните... разговоръ въ бесѣдкѣ, когда Лодыгинъ сталъ вамъ ставить вопросные пункты. Нельзя сказать, чтобы вы тогда „притаились“.

Это его кольнуло; но онъ промолчалъ.

— Но, право, вы для меня, до сей минуты, нѣчто вродѣ таинственнаго незнакомца.

— Не такъ, какъ для четы Зубровыхъ.

— А для нихъ кто вы?

— Эмиссаръ подпольнаго комитета.

— Нѣтъ,—она вдумчиво прищурила глаза.—Нѣтъ,—протянула она,—вы совсѣмъ не то. Но и не дилеттантъ-наблюдатель... не скептикъ... Только вашъ часъ еще не пробилъ.

— Это было бы слишкомъ претенціозно, Марья Ѳедоровна. Такъ о себѣ говорилъ только... Учитель изъ Назарета.

— Ваша любимая поговорка: „карты на столъ“! Еслибъ вамъ самимъ кинули ее прямо въ глаза—вы бы, пожалуй, и раскрыли эти самыя карты. Но врядъ-ли бы это много подвинуло того или ту, кто бы сталъ къ вамъ приставать.

— Какая вы умница!—тихо сказалъ онъ.

— Полноте... Всѣ мы... женское сословіе, въ сущности, жалкій народъ.

И, выпрямившись, она спросила другимъ тономъ:

— Въ Крымъ вы не соберетесь? А тамъ славно... Только надо выбрать уголокъ. Вы видали вещи Васильева? Такой былъ пейзажистъ.

— Не помню.

— И умеръ тамъ... чахоткой. Такой талантливый и душевный. Какія писалъ чудесныя письма! Мнѣ бы хоть частицу его таланта.

Она подавила вздохъ.

— Всѣ вы, мужчины—каковы бы вы ни были—куда занимательнѣе насъ.

— Аминь!—шутливо выговорилъ онъ.

Имъ обоимъ стало вдругъ очень грустно.

IV.

Въ дешевомъ ресторанѣ—позади Большого театра—такая же дешевая публика, почти изъ одной молодежи, нахлынула разомъ изъ четырехъ театровъ.

За однимъ изъ дальнихъ столиковъ второй комнаты Бучаевъ засѣдалъ съ своими двумя собесѣдниками — студентомъ и студенткой. Онъ съ ними разговорился „на верхахъ“ Новаго театра, гдѣ, въ этотъ вечеръ, шелъ не драматическій спектакль, а опера, съ теноромъ, любимцемъ публики.

Ресторанъ уже начиналъ пустѣть; но все еще по немъ ходили волны дыма. Изъ первой комнаты доносились голоса подгулявшей компаніи.

Студентъ былъ въ рубашкѣ-косовороткѣ и разстегнутой тужуркѣ, уже немолодой, бородатый, съ копной волосъ, изъ такихъ, въ комъ сразу можно признать члена какого-нибудь землячества.

Его спутница—онъ пришелъ съ нею и въ театръ — также смотрѣла типичной слушательницей какихъ-нибудь курсовъ, въ короткихъ, свѣтлорусыхъ волосахъ, въ кофточкѣ мужского покроя, еще юная, съ красивыми карими глазами, очень близорукая, но не въ очкахъ.

Бучаеву не трудно было распознать въ нихъ нѣчто ему прекрасно знакомое. Въ антрактѣ они разговорились, и не объ оперѣ, не о голосахъ, не о тенорѣ, которому молодежь неистово хлопала и такъ же неистово вызывала его послѣ каждаго дѣйствія, а сейчасъ же о разныхъ „злобахъ дня“.

Почти сутокъ не проходило, чтобы онъ не велъ разговоровъ съ молодежью, то здѣсь, то тамъ; но у него не было никакого своего кружка. Онъ и въ студенческіе годы не выносилъ никакого закрѣпощенія кружку, землячеству, партіи, доктринѣ. И

тогда уже онъ выработалъ себѣ большое умѣнье сходиться, въ бесѣдахъ, съ самымъ разнохарактернымъ людомъ. Онъ не поддакивалъ умышленно, не выспрашивалъ съ цѣлью вытянуть у собесѣдника его profession de foi; онъ только не отталкивалъ его ничѣмъ слишкомъ прямолинейнымъ и авторитетнымъ, прекрасно умѣлъ слушать и только тогда возражалъ, когда выходило что-нибудь „противъ логики".

Одинъ его товарищъ давно сказалъ ему: „Слушай, Бучаевъ, не знай я тебя такъ давно и такъ хорошо, я бы сталъ думать, что ты—„агентъ-провокаторъ".

Они оба засмѣялись; но самому Бучаеву не разъ приходило на мысль, что его могли бы, пожалуй, заподозрить въ принадлежности къ такой профессіи.

Въ матеромъ студентѣ-медикѣ, сидѣвшемъ противъ него, за кружкой пива, онъ сразу зачуялъ апостола „экономическаго матеріализма" чистой воды. И онъ, дѣйствительно, оказался начетчикомъ по Марксу и суровымъ теоретикомъ, съ непоколебимой вѣрой въ непреложность доктрины учителя.

Курсистка—его пріятельница—была совсѣмъ не той „платформы". Повидимому, они стали сходиться только въ эту зиму. Кажется, и любовнаго влеченія тутъ не было. Медикъ держался съ ней тона старшаго брата, достаточно пожившаго и болѣе начитаннаго. Это ее немного задѣвало, и она отстаивала—довольно забавно—свои „самоопредѣленія"—ея любимое слово.

По нѣсколькимъ фразамъ, въ началѣ ихъ ужина, Бучаевъ догадывался, что она уже побывала за-границей, гдѣ-нибудь „въ теплыхъ мѣстахъ", и здѣшнимъ своимъ ученьемъ была недовольна, да, кажется, и смотрѣла на лекціи только какъ на средство участвовать „въ движеніи".

Медикъ сказалъ Бучаеву, что видалъ его въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ ему называли его по фамиліи. Онъ считалъ его, кажется, беллетристомъ; но разспрашивать его не сталъ. Дѣвица была тоже нелюбопытна. Для нея, вѣроятно, довольно было того, что онъ—„изъ интеллигенціи".

— Ахъ, Макаровъ!—вскричала курсистка, послѣ длинной тирады студента.—Вы застыли на книжныхъ формулахъ.

— Скажите, пожалуйста!—шутливо остановилъ ее медикъ и покачалъ своей лохматой, огромной головой.

— Разумѣется! Теперь или никогда надо дѣйствовать, а не дожидаться результатовъ классовой борьбы.

— Зачѣмъ же дожидаться? Она идетъ теперь на всѣхъ парахъ. Но всякое движеніе подчиняется извѣстнымъ соціологическимъ законамъ. Надо его осмыслить, упорядочить.

— Поѣхали!—воскликнула дѣвушка, съ жестомъ правой руки.—Теорія у меня, и не у одной меня, въ зубахъ завязла, Макаровъ! Вотъ что я вамъ скажу! Развѣ не правда?—обратилась она къ Бучаеву.—Скажите!

— Пожалуй и такъ!—промолвилъ онъ.

— И вездѣ-то теорія! Разныя тонкости и хитросплетенія, законы развитія!—она повела ртомъ съ комической гримасой.—Слушаешь, слушаешь—одурь возьметъ! Ужъ я про здѣшніе курсы не говорю. А и за-границей также.

— А вы долго тамъ были?—спросилъ Бучаевъ.

— Три семестра. Въ Берлинѣ, въ Парижѣ, въ Новомъ Вольномъ, и въ Русской школѣ. Захаживала и въ Сорбонну, и въ Collège de France. Но возьмемъ даже и Nouvelle Université libre. Считается самымъ что ни на есть... какъ бы это сказать?..

— Разрывнымъ?—подсказалъ студентъ.

— Ну, да. Первая знаменитость по части анархизма... вы знаете, кто?—она оглядѣла обоихъ:—а читаетъ географію. Ходила изъ принципа. Старецъ-то ужъ очень симпатиченъ. И пострадалъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ, былъ въ изгнаніи... Выйдетъ на каѳедру, такъ тепло скажетъ каждый разъ: „Mes frères!“ Но развѣ намъ географія нужна? Ха, ха! Скажите на милость!

Всѣ трое разсмѣялись.

— Вы, небось, слушаете его, да думаете: „Милый старичокъ, полно тебѣ меледу-то эту разводить. Научи ты насъ лучше—какъ похерить всѣ теперешніе общественные и политическіе порядки!“

Студентъ громко разсмѣялся своимъ собственнымъ словамъ. Дѣвушка тоже улыбнулась.

Бучаевъ оглядѣлъ комнату. За однимъ столомъ сидѣли два какихъ-то индивида, неопредѣленнаго званія.

Онъ наклонился къ студенту и сказалъ въ полголоса:

— А васъ не стѣсняетъ то, что мы въ такомъ мѣстѣ?

— Насчетъ сикофантовъ? Такъ вѣдь если черезчуръ остерегаться—нигдѣ рта не раскрывай. Все едино. Вездѣ теперь этой нечисти завелось видимо-невидимо. Поди, и среди женскаго пола?—спросилъ онъ у дѣвушки.

— Не знаю доподлинно... но весьма можетъ быть. За-границей—навѣрное. И я могла бы вамъ кое-что поразсказать.

— Значитъ, и на лекціяхъ?—спросилъ студентъ.

— Въ Парижѣ всего возможнѣе. Но не будемъ, господа, уклоняться отъ главной нашей темы. И за-границей, и въ русской школѣ также... есть люди съ большой ученостью. И по направленію ничего,—протянула она,—но настоящей сути все-таки же нѣтъ...

— Въ какомъ смыслѣ?—очень осторожно остановилъ ее Бучаевъ.

— Ну, читаютъ курсъ что-ли тамъ, по соціологіи, по экономикѣ... Какіе тамъ фламандскіе или итальянскіе города развивались въ пятнадцатомъ столѣтіи...

— А вашему брату совсѣмъ не это надо!—опять перебилъ студентъ.

— Разумѣется... не это!

— А ты, молъ, милый человѣкъ, дай намъ лучше рецептъ насчетъ того—какую намъ пустить тактику для осуществленія своей платформы? А исторической иллюстраціей могутъ тебѣ послужить примѣры атамана Разина или Емельки Пугачева.

— Вы все свое!

— А развѣ не вѣрно? Вотъ—указалъ на нее студентъ Бучаеву—и все такъ у женскаго пола! Боятся словъ, именъ и самой сути. Но вѣдь, добрѣйшая Настасья Петровна,—повернулся онъ къ дѣвушкѣ,—прежде чѣмъ что-либо разрушить, надо знать ходъ развитія извѣстнаго учрежденія.

— Довольно книжекъ!—вскричала дѣвушка.—Это только парализуетъ волю! И что мнѣ, въ сущности, за дѣло, что нѣсколько сотъ лѣтъ пошло на то, чтобы развилось и укоренилось какое-нибудь безобразіе, которое надо стереть съ лица земли? Все это одна безплодная, педантская ученость! Стоило ли копаться въ прошломъ, чтобы констатировать—какъ человѣчество было глупо и какъ оно, по доброй волѣ, надѣвало на себя цѣпи и дѣлало жизнь адомъ?..

Глаза ея заблестѣли и щеки разгорѣлись. Бучаеву она очень нравилась, въ эту минуту.

— Ахъ, Настасья Петровна!—студентъ покачалъ головой:—такъ, по вашему, исторію-то человѣчества можно похерить однимъ почеркомъ пера или одной хорошей соціальной пертурбаціей? Такъ тогда лучше уже, какъ у Ломоносова, кажется, говорится въ одной одѣ:

„Иль тяготой земли тряхнуть,
Да-бъ беззаконныхъ съ ней сопхнуть".

— Или,—добавилъ Бучаевъ,—продѣлать изверженіе Лысой горы на Мартиникѣ, только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ...

И, какъ бы перебивая самого себя, онъ повернулся къ дѣвушкѣ и продолжалъ, глядя на нее съ сочувственной улыбкой:

— И васъ я понимаю. И, право, не знаю, что̀ лучше: быть сторонникомъ пропаганды... par le fait..., или все гнуть только къ тому, чтобы держаться упорно тѣхъ или иныхъ выводовъ доктрины?..

— Они,—указала дѣвушка на студента,—книжники и фарисеи!

— Ужъ будто и фарисеи? Мы-то?

— А книжники—это тысячу разъ вѣрно. Да и фарисейской въ васъ непогрѣшимости—цѣлый непочатой уголъ. И вы, еслибъ молились, тоже бы приговаривали: „Смотрите, я не такой, какъ вонъ тотъ мытарь. Мы—праведники, мы—глашатаи безусловной истины!“ Такъ то-съ!

Эта горячая тирада, сказанная однимъ духомъ, грозила вызвать одинъ изъ тѣхъ безконечныхъ споровъ, какіе Бучаеву приводилось слушать и въ Россіи, и за-границей, въ русскихъ кружкахъ, сотни, если не тысячи разъ.

— Ну, мы книжники... а вы кто? Развѣ это не высокомѣріе—считать всѣхъ, кто не хочетъ становиться въ ваши ряды, такой же дрянью, какъ и буржуа, эксплоататоры, гасильники, душители народной свободы?

— Такъ вѣдь и вы твердите: „все на смарку“!

— Что̀ все-то? Надо различать. Да и это невѣрно.

— Какъ невѣрно?

— Мы говоримъ: происходитъ неизбѣжная эволюція экономическихъ фактовъ. Капиталъ овладѣлъ орудіями производства...

— Слышали, Макаровъ, слышали мы это!

— Послушайте еще разъ! Выше желѣзнаго закона эволюціи—не прыгнешь! И чѣмъ сильнѣе разростется могущество капитала, тѣмъ скорѣе ему крышка!

— И это знаемъ! А въ настоящій моментъ,—нервно возразила дѣвушка,—и этотъ моментъ можетъ продлиться еще сто и больше лѣтъ, и въ Европѣ, и въ Америкѣ, и у насъ—вы будете созерцать, какъ буржуи жирѣютъ, дѣлаются милліардерами; а пролетаріи—все въ роли ихъ илотовъ, паріевъ.

— Зачѣмъ, барышня, зачѣмъ? У пролетаріевъ крѣпнетъ классовое чувство, и борьба идетъ исполинскимъ шагомъ впередъ. Точно вы этого не знаете?

— Борьба? Мышеловка! Иллюзія! Всѣ ваши стачки... и всеобщія забастовки—обманъ! Еще вопросъ: полезны ли онѣ самимъ пролетаріямъ?

— А вы отрицаете ихъ значеніе?

— Я этимъ не занимаюсь. Не вторгаюсь въ вашу спеціальность; но кое-что читала. Да и вообще, это еще старушка надвое сказала: много ли толку въ томъ, что ваша братія побѣждаетъ на выборахъ?

— Что за притча? Не понимаю!—крикнулъ студентъ.

— А нѣмецкій рейхстагъ? Вотъ вамъ и всеобщая подача голосовъ... Вотъ вамъ и побѣда соціалъ-демократовъ. Сколько ихъ теперь тамъ?

— Человѣкъ восемьдесятъ!—подсказалъ Бучаевъ.

— Вонъ видите!

— Больше, чѣмъ гдѣ-либо, чѣмъ въ Парижѣ, въ Италіи, въ Бельгіи.

— А какой толкъ? Въ этомъ самомъ рейхстагѣ большинство все-таки стоитъ за мракобѣсіе и сословный духъ, роль играютъ аграріи и клерикалы... Небось вы не будете этого отрицать?

Она подалась головой къ студенту и вызывающе глядѣла на него.

— Дайте срокъ! Сегодня восемьдесятъ человѣкъ, а черезъ десять лѣтъ и всѣ двѣсти, и такъ далѣе.

— По пословицѣ: „Улита ѣдетъ, скоро ли будетъ“! А, пока, вы будете сидѣть и подсчитывать статистическія цифры и разводить антимонію насчетъ законовъ соціальнаго развитія? Ха, ха! Головастики вы, господа! Вотъ что! Книжники...

— И фарисеи!—дурачливо добавилъ студентъ.

Но сквозь шутливый тонъ студента Бучаевъ чувствовалъ, что ему непріятно такое отношеніе къ доктринѣ „учителя“.

— Друзья мои,—обратился онъ къ нимъ обоимъ.—Позвольте мнѣ повторить стихъ изъ „Горе отъ ума“:

„Зашла бесѣда наша за ночь“!

И здѣсь врядъ-ли очень удобное мѣсто для такого принципіальнаго спора!

Все тѣ же два индивида сидѣли въ сторонѣ и пили пиво.

Студентъ и курсистка оглянулись на нихъ разомъ.

— Не суть важно! — выговорилъ студентъ.— А, кажется, часъ уже поздній?

Бучаевъ посмотрѣлъ на часы.

— Сорокъ второго... Скоро и заведеніе будутъ закрывать. Надо спросить счетъ.

Онъ подозвалъ человѣка.

— Счетъ пополамъ?—сказалъ въ полголоса Бучаевъ, наклоняясь къ студенту.

Дѣвушка услыхала это.

— Почему же не на три части?—все такъ же возбужденно возразила она.—Меня не считаете отдѣльной особой, а только придаткомъ къ какому-нибудь мужчинѣ? Я протестую.

— Ну, ладно!—успокоилъ ее студентъ.

Пока человѣкъ ходилъ за счетомъ, Бучаевъ, точно входя въ роль предсѣдателя, сдѣлалъ вслухъ выводъ изъ пріятельской схватки.

— Выходитъ, стало быть,—началъ онъ,—что вамъ трудно столковаться, господа.

— Время терпитъ!—вставилъ студентъ.

— Вы хотите сказать, что ваша знакомая... придетъ къ тому, что гораздо вѣрнѣе и разумнѣе — создавать новый порядокъ вещей, справляясь съ экономической эволюціей, чѣмъ сразу превратить все въ tabula rasa...

— А вы сами какого мнѣнія?—остановила его дѣвушка и довольно строго поглядѣла на него.

Въ ея внезапномъ вопросѣ ему вспомнилось обращеніе къ нему гимназиста Тыквина.

„Карты на столъ!“—мысленно выговорилъ онъ.

— Развѣ это такъ важно?—спросилъ онъ, сдержанно улыбнувшись.

— Все-таки!..

— Въ другой разъ... и въ другомъ мѣстѣ, если позволите, мы вернемся къ той же темѣ... Я надѣюсь, мы бесѣдуемъ не въ послѣдній разъ... Но позвольте мнѣ только одно замѣчаніе... вотъ такого шатуна, какъ я, способнаго сочувственно относиться къ каждому искреннему убѣжденію. Вѣдь, кажется, васъ разъединяетъ чуть не цѣлая пропасть?

— Вродѣ того!—откликнулась первая дѣвушка.

— А между тѣмъ, между вами есть мостикъ, объединяющій двѣ такія доктрины.

— Любопытно узнать, какой такой мостикъ?—спросилъ съ юморомъ студентъ.

— И вы—сторонникъ экономической эволюціи...

— И борьбы съ капиталомъ,—прибавилъ тотъ.

— Ну да, ортодоксальный соціалъ-демократъ... И вотъ эта особа—Бучаевъ указалъ головой на курсистку—въ концѣ концовъ питаетесь одной и той же вѣрой.

— Какой это еще вѣрой?!—воскликнула она.

— Вѣрой въ то, что какъ только восторжествуетъ ваша доктрина, начнется для рода человѣческаго настоящее Эльдорадо.

Всѣ сдѣлаются если не ангелами, то кроткими, какъ агнцы, и мудрыми, какъ зміи.

— Всѣ! Нѣтъ!—перебилъ студентъ.

— А подавляющее большинство! И въ особенности,—повернулся Бучаевъ къ курсисткѣ, —когда произведена будетъ tabula rasa всей теперешней безобразной культуры. Тогда уже навѣрное всѣ превратятся въ небожителей.

Человѣкъ подалъ счетъ. И студентъ, и курсистка, поглядѣли на Бучаева разомъ, и въ ихъ взглядахъ можно было прочесть: „Вотъ ты какой!“

V.

Все уложено. Чемоданъ, сундукъ и ручной багажъ отправлены съ артельщикомъ на вокзалъ.

Дѣти притихли разомъ и сидѣли уже съ бонной, совсѣмъ одѣтыя, укутанныя въ залѣ.

Въ своемъ кабинетѣ, Марья Θедоровна, въ послѣдній разъ, выдвинула ящикъ письменнаго стола—посмотрѣть, не забыла ли чего.

Она была очень блѣдна. Руки ея нервно вздрагивали.

Пришлось ей уѣзжать одной. Мужъ ея защищаетъ по очень громкому процессу въ провинціи и пробудетъ тамъ неизвѣстно еще сколько времени.

Квартиру онъ сдастъ послѣ новаго года, если найдетъ что-нибудь болѣе подходящее для *одного* себя.

Сюда она не вернется больше. Это она чувствуетъ всѣмъ своимъ существомъ.

Рука ея нащупала, въ самой глубинѣ ящика, листокъ бумаги.

Это ее очень удивило. Она нервно выдвинула еще ящикъ и схватила двумя пальцами листокъ.

Объ этомъ письмѣ она еще вчера вспоминала и не могла найти.

Она получила его отъ Бучаева на дняхъ, послѣ того, какъ у нихъ былъ разговоръ вотъ здѣсь же, въ ея кабинетѣ.

Ей оно тогда не понравилось. Она сдѣлала даже движеніе, какъ бы желая разорвать его; но не разорвала, а сунула вотъ въ этотъ ящикъ.

Вѣроятно, хотѣла перечитать его, но не перечитывала, захваченная всякими мелкими хлопотами по укладыванію.

Марья Θедоровна подошла къ окну—день былъ хмурый,—

присѣла въ кресло и стала читать медленно, по своей привычкѣ, выговаривая слова мысленно.

„Мнѣ очень не по себѣ, Марья Ѳедоровна,—писалъ Бучаевъ своимъ ровнымъ, круглымъ и твердымъ почеркомъ,—больше того, совсѣмъ скверно на душѣ. Такое впечатлѣніе оставилъ во мнѣ нашъ—неужели самый послѣдній?—разговоръ.

„Вышло что-то неладное, и мнѣ прискорбно сознавать, что въ васъ остался ко мнѣ какой-то „зубъ“.

„Неужели это правда? А хуже всего то, что я точно будто хотѣлъ вчера выгораживать „собственное обличье“, какъ я любилъ выражаться студентомъ, вычитавъ эту фразу у какого-то критика,—кажется, у Аполлона Григорьева.

„И не съ вами одной... такъ у меня всегда выходитъ. Тѣ, кому я помогаю осмотрѣться вокругъ себя, не впадать въ самообманъ и другимъ не позволять того же—подъ-конецъ смотрятъ на меня... какъ бы это выразить... помогите. Ну, какъ на задиру и зачинщика, который тоже не хочетъ открыть своихъ картъ и ускользаетъ.

„Не знаю, то ли именно у васъ чувство. Но между нами какая-то кошка да пробѣжала, если не черная, то темносѣрая.

„Мнѣ это больно... очень больно!

„Изъ всѣхъ русскихъ женщинъ, какихъ я встрѣчалъ въ послѣдніе годы, съ тѣхъ поръ какъ сталъ больше распознавать и самого себя—вы, конечно, самая симпатичная, самая милая. И вы на пути къ тому, чтобы смотрѣть правдѣ въ глаза не только насчетъ окружающей среды, но и самой себя.

„Способенъ ли я увлечься женщиной въ теперешнемъ моемъ „аватарѣ“,—выражаясь буддійскимъ терминомъ,—какъ можно это знать, какъ можно за самого себя поручиться?

„Зачѣмъ только судьбѣ угодно было устроить нашу встрѣчу и болѣе близкое знакомство именно теперь, когда вы уже были женой Лодыгина, а его сдѣлать моимъ товарищемъ? Представьте себѣ, что это случилось бы въ концѣ зимы или ранней весной, въ Крыму... въ Алупкѣ что-ли, гдѣ вы будете черезъ три-четыре дня?

„Пожалуй, вы меня сочтете фатомъ, если не нахаломъ. Какъ будто я могу быть опасенъ для вашего сердца!

„Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ. Я сумѣлъ такъ испортить наше хорошее пріятельство, что теперь все равно — какъ бы вы на меня ни посмотрѣли.

„Нѣтъ! Я вру! Я безбожно вру! Изъ всѣхъ моихъ здѣшнихъ, даже самыхъ близкихъ лицъ, ваше отношеніе ко мнѣ—самое для меня дорогое.

„Но этого мало. Вы такая умница и такая сильная натура, что я съ трепетнымъ интересомъ способенъ былъ бы слѣдить за тѣмъ—*что изъ васъ будетъ*—простите за рѣзкость фразы,—какъ вы *додѣлаете* себя, дойдете ли до полнаго расцвѣта своего „я“, избѣжите ли новаго подводнаго камня, въ образѣ *его*—„луи“ какъ называютъ въ Италіи предметъ своего увлеченія.

„Не надо! Не надо! Лучше одиночество или даже разсудочный, спокойный союзъ на договорномъ правѣ, лучше супружество, вродѣ того, какимъ кончила тургеневская Одинцова, чѣмъ та ужасная „галера“, въ которую попадаетъ женщина, безумно вѣрующая въ то, что счастье—только въ любви!

„Сколько въ моей памяти примѣровъ?! Нѣтъ числа! И нѣтъ для женщины возможности быть самой собою до тѣхъ поръ, пока этотъ роковой инстинктъ не замеръ въ ней.

„Но возможно ли это?

„Не берусь отвѣтить. Но молю боговъ объ одномъ: если жизнь гдѣ-нибудь столкнетъ насъ, хочу найти васъ *внутренно свободной*, живущей во всемъ и всегда на свой страхъ... наши старики говаривали: „на свой салтыкъ“.

„Когда это будетъ? Не знаю. Не буду интересничать, скажу откровенно: меня сильно потянетъ туда, гдѣ Язонъ вмѣстѣ съ золотымъ руномъ обрѣлъ и Медею. Но это было бы слишкомъ скоро! Какъ мой профессоръ химіи, передъ перерывомъ лекцій, неизмѣнно говорилъ: „Wollen wir ein Bischen pausiren“?

„Такъ и мы съ вами... Да вы, быть можетъ, и не пожелаете совсѣмъ, даже и черезъ иксъ времени—лицезрѣть вашего „подстрекателя“. Вѣдь это такъ называется въ русскомъ уложеніи?

„Важнѣе всего то, что вы „прозрѣли“, и великолѣпный Викторъ Петровичъ уже не будетъ властителемъ вашихъ думъ.

„Я написалъ это безо всякой злости. Какіе между нами счеты?.. Предоставляю ему цѣнить меня, какъ ему угодно. Быть можетъ, и онъ считаетъ меня чуть не агентомъ-провокаторомъ“?

„Но довольно! Здоровья тѣла и духа горячо желаю вамъ...

„Прощайте! Нѣтъ, лучше: до свиданья, хоть и не до скораго.

„Вашъ—Н. Бучаевъ“.

Рука Марьи Ѳедоровны, въ которой былъ листокъ, опустилась на колѣни... А лѣвой рукой она прошлась по глазамъ и опустила голову.

Въ буфетѣ на станціи сновала публика. За длиннымъ столомъ и по бокамъ ѣли, пили, курили, громко разговаривали.

У окна, сидѣли, другъ противъ-друга, Бучаевъ и Марья Ѳедоровна.

Она уже отправила дѣтей съ бонной въ отдѣленіе вагона, занятое ею.

До второго звонка оставалось еще добрыхъ четверть часа.

Бучаевъ встрѣтилъ ее на подъѣздѣ вокзала. Она почти-что не ожидала его и даже сказала ему суховато:

— Зачѣмъ вы безпокоились?

Онъ взглянулъ на нее съ нѣкоторымъ упрекомъ и поцѣловалъ ей руку, чего обыкновенно не дѣлалъ.

Но, кажется, ей было пріятно, что онъ все-таки пріѣхалъ проститься съ нею.

Когда они остались вдвоемъ за столикомъ и имъ подали двѣ чашки кофе, Бучаевъ сдѣлалъ намекъ на свое письмо, немного какъ бы сконфуженнымъ тономъ, но распространяться объ этомъ не сталъ.

— Вамъ, Николай Сергѣичъ,—начала она, не поднимая на него головы,—пора бы пустить корни.

— Ужъ не жениться ли?—остановилъ онъ.

— Нѣтъ!—Вовсе не то, а осѣсться здѣсь... или въ другомъ мѣстѣ. Люди такъ нужны.

— Но я-то буду не ко двору, Марья Ѳедоровна.

— Почему?

— Какъ будто вы сами не знаете? Надо приставать къ какой-нибудь кликѣ.

— Непремѣнно къ кликѣ...

— А то какъ же?.. Я, должно быть, родился... бѣгуномъ, странникомъ. Вы знаете—такая есть секта?

— Но неужели вы можете жить только... какъ наблюдатель?..

— И рисковать, что васъ наконецъ будутъ подозрѣвать—не предаетесь ли вы ремеслу соглядатая, сикофанта?

— Что вы!

— Очень возможно. Я ни въ сихъ, ни въ оныхъ, Марья Ѳедоровна. Попаду въ одинъ кружокъ, съ которымъ, въ идеяхъ и принципахъ, имѣю много общаго — и сейчасъ же мнѣ бросается въ носъ ихъ нетерпимость, доктринерство, и мнѣ хочется показать имъ—какіе они тупицы и фанатики... Точно то же чувствую и среди ихъ противниковъ.

— Нельзя же такъ!.. Да я вамъ и не вѣрю. Вы потому выдаете себя только за... какъ бы это сказать... за созерцателя, что ваше credo слишкомъ радикально.

— Не употребляйте этого слова. Не хочу никакой клички!

И вамъ никакой не желаю, хотя и удобнѣе выбрать себѣ ярлыкъ, лозунгъ и прощеголять съ нимъ весь свой вѣкъ.

Оба они чувствовали, что ихъ прощальный разговоръ—совсѣмъ не то, что имъ хотѣлось бы сказать другъ другу.

Если онъ не испытывалъ никакого перелома въ своей бродячей жизни, то она, въ принципѣ, уже разорвала съ своимъ прошлымъ. Можетъ быть, онъ не совсѣмъ этому вѣритъ—и такая мысль сильно бы обидѣла ее. Ей и захотѣлось увѣрить его въ томъ, что она — не нервная, взбаломошная барыня, которой нужно что-нибудь новое, по любовной части... что къ мужу она дѣйствительно не вернется и „пойдетъ въ жизнь" одна, не создавая себѣ никакого кумира, въ видѣ такой „цацы", какъ ея *бывшій* супругъ.

Ей показалось, что глаза его усмѣхались.

— Бучаевъ,—нервно начала она,—вы, кажется, думаете, что мой отъѣздъ — такъ... une escapade... и что я попрыгаю, попрыгаю — и вернусь къ тому же домашнему очагу? Скажите прямо!

— Нѣтъ, я этого именно не думаю, Марья Өедоровна, но вамъ все-таки надо будетъ окунуться во что-нибудь, какъ каждой женщинѣ. Что-жъ! У васъ есть искусство...

— Какъ вы это сказали!

— Совершенно искренно. Не всѣ имѣютъ такой козырь въ своей рукѣ. У васъ есть талантъ, вы любите природу, вы найдете свою ноту въ ея художественномъ толкованіи.

— Но вѣдь нельзя себя отрѣшить отъ всего. Я не декадентка. Отъ жизни не уйдешь. Да я и не хочу уходить отъ нея.

— Да, не уйдете... если не захотите впасть въ какое-нибудь маньячество, воздѣлывать только свое „я".

Онъ подался впередъ головой.

— Бѣдовое это дѣло, Марья Өедоровна... переоцѣнка всѣхъ цѣнностей. Вотъ, одну статью вы покончили. Но остается еще десять такихъ же статей, съ которыми надо такъ или иначе порѣшить. Первое — то, что вы собою изображаете въ смыслѣ классоваго чувства.

— Я не совсѣмъ понимаю васъ.

— А то какъ же? У васъ есть собственныя средства?

— Есть.

— Но, если не ошибаюсь, вы не выдѣлены? У васъ есть пай въ мануфактурномъ дѣлѣ вашихъ братьевъ?

— Да.

— Стало быть, вы представляете собою капиталъ. Вотъ вамъ

и классовое чувство. И тутъ надо быть по сю или по ту сторону соціальной пропасти.

— Зачѣмъ такъ страшно?

— Будто вы никогда объ этомъ не думали?

— Думала.

— Но ни до какого итога не доходили? Тутъ вѣдь на полумѣрахъ и на полусловахъ остановиться нельзя. Захотите дойти до сути — надо будетъ сжигать корабли.

— Ахъ, Бучаевъ! Вы—ужасный человѣкъ! Развѣ можно рѣшить это сейчасъ, вотъ до отхода поѣзда?!

— Зачѣмъ такъ скоропостижно? Но душевное равновѣсіе до тѣхъ поръ не наступитъ, пока мысль не выѣстъ всѣхъ противорѣчій и компромиссовъ. Иначе самообманъ неизбѣженъ. Вѣдь вы хотите во всемъ идти до конца. Положеніе вашего эксъ-супруга Виктора Петровича—гораздо выгоднѣе. Онъ имѣетъ право смотрѣть на себя, какъ на пролетарія.

— Хорошъ пролетарій!

— Позвольте... Разница количественная. Онъ работаетъ по найму... у него нѣтъ рабочихъ. Онъ не сидитъ на капиталѣ. Вдобавокъ, онъ можетъ и отказываться отъ гонорара.

— Если ему это выгодно.

— Все равно. Вотъ, въ настоящую минуту, что онъ дѣлаетъ?

— Защищаетъ.

— Но по какому дѣлу?

— Не знаю, — съ гримасой выговорила она.

— А я знаю! Дѣло о стачечникахъ, очень серьезное, по которому двадцать и больше человѣкъ могутъ пойти въ Сибирь. И онъ ихъ защищаетъ. Допустимъ, это онъ дѣлаетъ для своей славы; но все-таки онъ будетъ громить хозяевъ. Онъ преисполненъ, за своихъ кліентовъ, классоваго чувства. Предположимъ, что стачка съ разгромомъ случилась на мануфактурѣ вашихъ братьевъ, гдѣ вы пайщица. Какова была бы ваша платформа, Марья Ѳедоровна!

Она замѣтно вспыхнула.

— Зачѣмъ все это, Бучаевъ? Неужели вы думаете, что я способна...

— Стоять за хозяйскую эксплоатацію? Но тогда вамъ надо войти въ дѣло или уйти изъ него, и не просто, продавъ свой пай, а сдѣлавъ что-нибудь радикальное въ интересахъ рабочихъ.

И глаза его—можетъ быть, противъ воли—улыбнулись.

— Марья Ѳедоровна! Пожалуйте! Второй звонокъ! — раздался отъ двери зовъ бонны.

Оба встали.

— Продолженіе слѣдуетъ,—сказалъ онъ, подавая ей руку,

— Прощайте, Бучаевъ... Развѣ вы злой? Приготовили мнѣ такой заключительный аккордъ.

— Клянусь вамъ, не нарочно!

Она заторопилась. Онъ пошелъ за ней на платформу.

Поѣздъ давно ушелъ. Бучаевъ ходилъ все по длинной платформѣ, подъ навѣсомъ.

Вышло что-то совсѣмъ неладное, и онъ стыдилъ себя за этотъ „прощальный“ разговоръ.

Съ какой стати началъ онъ его? Женщина милая, интересуетъ его, достойна особеннаго сочувствія, разорвала съ прошедшимъ, и въ этой разъѣдающей работѣ „подстрекателемъ“ былъ онъ. И онъ, на прощанье, сталъ обличать ее, какъ „буржуйку“, которая сама себя обманывала и, считая себя радикалкой, а то и соціалисткой, преспокойно продолжала получать дивидендъ съ своего пая.

Многіе изъ его парижскихъ пріятелей, даже изъ самыхъ крайнихъ, сказали бы:

„Vous vous êtes comporté comme un cuistre!“

Да, но такъ случилось безъ всякаго, съ его стороны, умысла. Все равно, встрѣтся они позднѣе, черезъ годъ, черезъ два— „переоцѣнка цѣнностей“ всплыла бы въ видѣ вотъ такого же кореннаго вопроса общественной морали.

„Разочароваться въ своемъ мужѣ и уѣхать отъ него — это еще не все, милѣйшая Марья Өедоровна. Надо показать, насколько вы сами выше его“,—выговорилъ онъ мысленно и пошелъ къ выходу. А на сердцѣ что-то скребло.

VI.

Бучаевъ шелъ по Тверскому бульвару и сильно задумался.

Стоялъ сухой, солнечный день. Онъ только-что позавтракалъ, тутъ же, въ дешевомъ ресторанѣ, гдѣ всего больше бываетъ студентовъ.

Онъ хотѣлъ подсѣсть къ одной „компаніи“, гдѣ нашелъ одного знакомаго студента и одного „интеллигента“—изъ газетныхъ переводчиковъ, съ которымъ встрѣчался и въ прошлую зиму.

И тутъ вышло нѣчто несовсѣмъ ладное.

Студентъ протянулъ ему руку съ какой-то странной усмѣшкой. Газетный сотрудникъ, на его вопросъ:—„Мы съ вами встрѣчались?“ —ничего не отвѣтилъ и только кивнулъ головой.

И ему неловко стало сказать имъ:

„Позволите присѣсть къ вамъ?“

Онъ тотчасъ же ушелъ въ дальній уголъ залы и сѣлъ за маленькій столикъ.

„Компанія“, къ которой онъ хотѣлъ подсѣсть, была очень шумная, когда онъ приближался къ ней. А тутъ они сразу спустили всѣ тонъ и стали говорить гораздо тише.

Двое изъ нихъ даже оглянулись на него, когда онъ уже сидѣлъ за столикомъ.

Это его сильно покоробило.

„Что же это такое?“ —спрашивалъ онъ себя и минутъ съ пять сидѣлъ надъ картой, не находя глазами того, что хотѣлъ бы заказать.

Лакей стоялъ надъ нимъ, недоумѣвая.

— Что изволите заказать?—проговорилъ онъ наконецъ.

Бучаевъ заказалъ совсѣмъ не то, что желалъ, и не сразу овладѣлъ собою.

Для него было несомнѣнно, что студентъ и его пріятель „интеллигентъ“ не пожелали принять его въ свою компанію.

Почему?

До сихъ поръ молодежь не сторонилась его. А тутъ чѣмъ-то другимъ запахло.

Неужели и въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь пустилъ слухъ, что его надо остерегаться, потому что онъ—„подозрительная личность“?

Внутри у него даже захолодѣло. Это его взбѣсило. И былъ моментъ—онъ хотѣлъ встать, подойти къ тому столу и начать вышучивать студента, который такъ нелюбезно обошелся съ нимъ.

Но онъ сдержалъ себя и даже сдѣлалъ самому себѣ окрикъ:

„Что за мальчишество, Бучаевъ!“

И какое же ему, въ сущности, дѣло до обоихъ этихъ „индивидовъ“, и до студента, и до того газетнаго „строчилы“?

Онъ дѣлается слишкомъ нервенъ... оттого, что зажился въ этой Москвѣ, гдѣ только болтаютъ въ разныхъ говорильняхъ, а вся гражданская жизнь сводится къ учебнымъ забастовкамъ.

Ничего, въ сущности, нѣтъ такого, къ чему стоило бы примкнуть. Въ вожаки онъ не собирался, даже еслибъ и выходило что-нибудь покрупнѣе. Надо непремѣнно поддѣлываться къ

„улицѣ“, какова бы она ни была, безграмотная или интеллигентная.

Поѣлъ онъ скверно, и когда спросилъ счетъ, то та компанія все еще сидѣла за столомъ, продолжая говорить настолько тихо, что отъ его окна трудно было схватывать и отдѣльныя фразы.

Онъ прошелъ черезъ буфетъ, чтобы не быть вынуждену поклониться студенту и газетному сотруднику.

И подъ впечатлѣніемъ этого, въ сущности пустѣйшаго, „инцидента“ онъ вышелъ на бульваръ, прошелъ, до самаго конца, по боковой аллеѣ, и опять сталъ подниматься къ памятнику Пушкина.

Ему—и туда, и назадъ—попадалась все молодежь, и въ студенческой формѣ, и штатскіе.

Впервые онъ началъ испытывать что-то похожее на непріязнь ко всѣмъ этимъ фигурамъ и лицамъ—и къ франтикамъ въ пальто изъ зеленаго сукна, и къ простецамъ въ косоворткахъ, даже въ красныхъ рубашкахъ, воротъ которыхъ выступалъ изъ-подъ воротниковъ, и къ очень долговолосымъ, и къ обстриженнымъ подъ гребенку.

И зачѣмъ ихъ столько? И почему они стали играть роль какой-то чуть не политической партіи? Точно будто всѣ судьбы родины сведены къ тому: желаютъ они ходить на лекціи или не желаютъ, устраиваютъ они обструкціи или нѣтъ?

Для него все это—только „продромы“ другихъ движеній. И то общество, которое предоставляетъ такую роль юнцамъ, этимъ самымъ показываетъ, какъ оно мало способно къ настоящему почину.

Подходя къ памятнику, онъ перебилъ себя вопросомъ:

Отчего же такія ворчливыя ноты явились у него именно теперь? Неужели оттого, что одинъ студентъ и одинъ „газетчикъ“ не пожелали пригласить его присѣсть къ ихъ столу?

Но и по прошествіи цѣлаго часа онъ все-таки не могъ отдѣлаться отъ подозрѣнія, что это было „не спроста“.

Какая-нибудь сплетня да опутываетъ его. И уже не со вчерашняго дня.

И онъ сталъ припоминать: о сколькихъ изъ его знакомыхъ, въ разные годы—и въ Россіи, и за-границей—вдругъ, ни съ того, ни съ сего, начиналось шипѣнье? Уликъ нѣтъ, фактовъ еще меньше; а человѣкъ зачисляется въ какой-то разрядъ...

„Сумнительныхъ“,—какъ говоритъ народъ. И никто не защищаетъ его, не возмущается голословностью такого подозрѣнія.

Въ заграничныхъ кружкахъ молодежи это всего чаще. А главная причина—роковая российская склонность къ раздорамъ, взаимнымъ обличеніямъ, узкопартійному духу.

„Какъ ты смѣешь не признавать моихъ догматовъ? Не молиться на моего учителя, не повторять нашихъ формулъ?“

„Коли такъ,—ты человѣкъ непрочный. Кто тебя знаетъ, кто ты такой!“

И ему вспомнились безсознательно-циническія слова одного такого сектанта:

„Мнѣ нѣтъ дѣла до того, какой ты жизни человѣкъ; а ты прими мое credo. Согласись, что я безусловно правъ. Все остальное — вздоръ!“

Какъ же—на такомъ грунтѣ—не развиться маніи подозрѣній?

— А! Здравствуйте, добрѣйшій!

Этотъ возгласъ заставилъ Бучаева остановиться и поднять голову.

Передъ нимъ стоялъ Лодыгинъ, въ короткой шубѣ съ ильковымъ воротникомъ.

Лицо — свѣжее, румянецъ, глаза блестятъ, все съ той же снисходительной усмѣшкой на выразительныхъ губахъ.

— Здравствуйте.

Бучаевъ, подавая руку Лодыгину, оглядѣлъ его вбокъ.

— Какой вы сіяющій! Послѣ побѣды въ Кремлѣ?

— Нѣтъ. Я совсѣмъ изъ другого мѣста. А вы гуляете?

— Гуляю.

— Хотите покурить?

Лодыгинъ протягивалъ ему папироснишу.

Съ отъѣзда Марьи Ѳедоровны они не видались. Бучаевъ не заходилъ къ нему и былъ радъ, что не видитъ его. Но онъ не ожидалъ, что тотъ повстрѣчается съ нимъ съ такимъ видомъ. Ему захотѣлось даже сказать что-нибудь колкое.

— Спасибо, не хочется,—отвѣтилъ онъ суховато.

— Какъ угодно. Пройдемся немного. Погода прекрасная.

Молча, Бучаевъ согласился, и они стали, замедленнымъ шагомъ, удаляться внизъ по бульвару, отъ памятника.

Ясно было, что Лодыгинъ напускаетъ на себя полное душевное равновѣсіе, точно будто въ жизни его не случилось ничего особеннаго.

„Хлыщъ!—выбранился про себя Бучаевъ.—Комедіантъ!“

И тотчасъ же подумалъ:

„А, быть можетъ, онъ очень радъ? Что̀ для него жена, даже и такая, какъ Марья Ѳедоровна?“

— Вы, конечно, знаете, что я теперь—соломенный вдовецъ?

— Знаю,—такъ же сухо промолвилъ Бучаевъ.

— Вы, вѣроятно, провожали Марусю?

И называетъ ее „Маруся“ такимъ тономъ, точно онъ и теперь еще „супругъ и повелитель“.

Подозрѣніе мгновенно охватило Бучаева: „А что̀, если и въ самомъ дѣлѣ никакого разрыва нѣтъ, и она къ нему вернется, какъ ни въ чемъ не бывало?“

Это защемило его сильнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ.

— Послушайте, Лодыгинъ — остановилъ онъ его, взявшись за пуговицу шубы,—зачѣмъ вы ломаете комедію?

— Я? Въ какомъ смыслѣ?

— Жена разорвала съ вами и уѣхала, съ тѣмъ, чтобы не возвращаться больше; а вы... съ такимъ легкимъ сердцемъ говорите о ней... Странно!

— Странно?—повторилъ Лодыгинъ. — А вы чего же желали бы, Бучаевъ? Чтобы я посыпалъ главу пепломъ... именно передъ вами?

— Зачѣмъ этотъ тонъ?

Они дошли уже до площадки, гдѣ кофейная.

— Присядемъ! — пригласилъ Лодыгинъ, все еще сохраняя свой довольный, улыбающійся видъ.

Бучаевъ сѣлъ съ нимъ на одну скамью.

— Вы вѣдь пріятель Марьи Ѳедоровны... — заговорилъ Лодыгинъ съ короткимъ смѣхомъ — и нѣкоторымъ образомъ ея вдохновитель. Стало быть, вамъ должны быть достаточно извѣстны мотивы ея рѣшенія.

И онъ, вбокъ, прищурился на него.

— А вамъ они не извѣстны?

— До сихъ поръ... не могу достаточно уразумѣть.

— И я—нервно спросилъ Бучаевъ—сыгралъ тутъ роль подстрекателя... съ тайнымъ умысломъ... Такъ что-ли?

Лодыгинъ, все съ той же улыбочкой, покачалъ головой, въ дорогой бобровой шапкѣ.

— Извините, добрѣйшій... Такихъ подозрѣній, ей-же-ей, не имѣю.

Тонъ былъ очень дерзкій; но Бучаевъ самъ себя счелъ виноватымъ: не слѣдовало заводить такого разговора.

— Другими словами,—сказалъ онъ,—я слишкомъ мало гожусь въ роль...

— Соблазнителя? Не знаю!.. Это вѣдь дѣло вкуса. Но Марья Ѳедоровна никѣмъ не увлечена... Я въ это вѣрю. У нея колобродитъ голова... а не сердце... и даже не темпераментъ.

— И вы увѣрены, что она къ вамъ вернется?

— Было бы безуміемъ—разбивать жизнь... Богъ знаетъ изъ-за чего!..

— Да-а, вотъ что!—протянулъ Бучаевъ и, не поднимая головы, выговорилъ какъ бы про себя:—Завидное ослѣпленіе!

— Чье?

— Ваше. Чье же больше?

— Прошу объясненія... Ха, ха!

— Зачѣмъ этотъ смѣхъ, Лодыгинъ?—строже остановилъ Бучаевъ.—Или онъ напускной, или циническій? Средины тутъ быть не можетъ. Вы сейчасъ сказали, что нельзя такъ, ни съ того, ни съ сего, разбивать жизнь. Чью? Позвольте узнать. Вашу? Врядъ-ли!

— Какъ же вы можете говорить за меня?

— Вы вѣдь жрецъ индивидуализма. Такой инцидентъ не можетъ надломить ваше великолѣпное „я“. Полноте! Не предавайтесь новому самообману.

— Прекрасно. А потомъ что?

— А Марья Ѳедоровна — насколько я ее понимаю — изъ тѣхъ женщинъ, которыя не пойдутъ на компромиссъ. Особенно, если вѣрно то, что она еще не любила.

— Какой же выводъ?

— Лодыгинъ! Мы здѣсь не въ залѣ Окружного Суда. Оставьте вы свои адвокатскіе фасоны! Я не вмѣшиваюсь въ ваши интимныя дѣла.

— И благоразумно умываете руки?

— Это уже совсѣмъ—некстати. Будь у васъ другая натура—я бы не простилъ себѣ, что—не желая того—вызвалъ въ вашей женѣ тотъ разъѣдающій процессъ, который кончился ея уходомъ. Но вѣдь это, рано или поздно, должно было случиться. А согласитесь, лучше раньше, чѣмъ съ опозданіемъ, когда женщина потеряла бы силу рвануть?..

— Спасибо за наставленіе.

— Еще разъ прошу васъ: оставить вашъ тонъ. А впрочемъ.. мнѣ все равно. Даже еслибъ вы стали доказывать, что я изъ низкой зависти сталъ подкапываться подъ вашъ супружескій пьедесталъ или мстилъ вамъ за то, что вы—за глаза—прохаживались насчетъ меня, дали мнѣ прозвище нео-Базаровъ. Я не обижаюсь. Базаровымъ, даже и не подлиннымъ, лучше быть, чѣмъ...

— Вы выпустите что-нибудь ядовитое, добрѣйшій. Не прекратить ли намъ этотъ коллоквій?

Бучаевъ сдержалъ себя, съ острымъ чувствомъ недовольства самимъ собою. Опять вышло что-то неладное, какъ и въ послѣднемъ его разговорѣ съ Марьей Ѳедоровной, въ буфетѣ вокзала.

Рѣшительно, онъ теряетъ равновѣсіе, дѣлается нервознымъ, точно какая истеричка. И впечатлѣніе, тамъ, въ ресторанѣ, было такое же болѣзненное, недостойное человѣка, который, какъ онъ, выше всего ставитъ „внутреннюю свободу духа".

— Извините, Лодыгинъ,—началъ онъ совсѣмъ другимъ тономъ.—Все, что я сейчасъ сказалъ, я беру назадъ. Никакихъ счетовъ между нами нѣтъ и быть не должно. Мы смотримъ другъ на друга строгонько... Это—право каждаго изъ насъ. Желаю вамъ выйти побѣдителемъ изъ той борьбы, какая завязалась у васъ дома. Русская женщина пробуждается только теперь. И намъ всѣмъ надо держать ухо востро!

И съ этими словами онъ всталъ. Поднялся и Лодыгинъ.

— Да и вообще, Бучаевъ, время—рѣзкое. И всѣ цѣнности идутъ на переоцѣнку.

Эта фраза опять напомнила ему послѣдній разговоръ съ Марьей Ѳедоровной.

— Вы еще помаячите здѣсь, на Москвѣ?—спросилъ Лодыгинъ, опять съ усмѣшкой въ острыхъ глазахъ.

— Пріѣдается эта московская солянка на сковородкѣ.

— Ха, ха! Сравненіе удачно! Именно солянка. Чего хочешь—того и проси; и квашеная капуста, и специи, и лимонъ, и куски севрюжки. Севрюжина...—протянулъ онъ съ особымъ выраженіемъ.—Помните у Щедрина: „Хочется чего-то, не то севрюжины, не то конституціи". Ха, ха!

Подавая Бучаеву руку, онъ выговорилъ интонаціей коренного москвича:

— Всего хорошаго!

Они разошлись въ разныя стороны. Лодыгинъ пошелъ скорой легкой походкой внизъ; а Бучаевъ, дойдя до памятника, постоялъ съ минуту, глядя ему вслѣдъ.

Врядъ-ли они будутъ видаться. Къ чему? Опошливать отношенія, которыя, и безъ того уже, не то что для университетскихъ товарищей, а и просто для „добраго знакомства"—слишкомъ неподходящія.

Бучаевъ оглядѣлся кругомъ. Что-то близкое къ тоскѣ, никогда еще не испытанной имъ, подобралось внезапно.

„Московская солянка!"—беззвучно выговорилъ онъ.

VII.

На эстрадѣ было такъ же душно, какъ и въ залѣ. Электрическія лампочки рампы слѣпили Бучаеву глаза. Передъ нимъ, въ полусвѣтѣ, пестрѣла публика, гдѣ женскія головы и туалеты преобладали.

Зала была набита биткомъ. Вдоль стѣнъ стояли мужчины, и сзади, между стѣной и послѣднимъ рядомъ креселъ, все чернѣло отъ мужскихъ сюртуковъ.

За длиннымъ столомъ сидѣли—вправо и влѣво отъ докладчика — предсѣдатель и члены бюро. Позади, полукружіемъ — члены разныхъ коммиссій,—между ними и двѣ-три женщины.

Бучаевъ говорилъ по конспекту свободно, ни разу не сбился, но слишкомъ нервно—и самъ не былъ доволенъ и собою, и составомъ своей аудиторіи.

Зачѣмъ онъ согласился читать этотъ рефератъ?

Ужъ, конечно, не изъ тщеславія. Но у него была одна „завѣтная“ тема. Онъ о ней говорилъ съ пріятелемъ, изъ университетскихъ преподавателей, а тотъ—въ постоянныхъ сношеніяхъ съ директоромъ кружка—повезъ его туда, и ему сейчасъ же назначили день.

Рефератъ—съ преніями, какъ у нихъ водится. Это ему не очень понравилось; но иначе нельзя было сдѣлать.

Онъ не разсчитывалъ на особенно горячій пріемъ. И предвидѣлъ—откуда потянетъ противный вѣтеръ. Его тема должна была понравиться только самому избранному меньшинству.

Она не должна была понравиться ни эстетамъ, ни народникамъ, ни марксистамъ.

Когда онъ кончилъ, ему довольно жидко похлопали. Чуткое ухо референта распознало и звукъ, похожій на шиканье.

Предсѣдатель, извѣстный своей находчивостью, сказалъ ему въ полголоса:

— На всякое чиханье не наздравствуешься.

Бучаевъ ничего не отвѣтилъ и, во время короткаго перерыва, пошелъ курить. Публика оставалась больше въ залѣ.

Онъ присѣлъ къ столу и спросилъ себѣ стаканъ чаю.

Никогда еще онъ не чувствовалъ себя, въ многолюдствѣ, такимъ одинокимъ и чужимъ.

А вѣдь здѣсь все „интеллигенція“. Сколько молодежи—и самой юной! Онъ разсмотрѣлъ—въ заднихъ рядахъ и вдоль стѣнъ—

одѣтыхъ въ штатское гимназистовъ. И столько женщинъ — всякихъ, и въ модныхъ туалетахъ, даже въ брилліантахъ, и въ самыхъ скромныхъ темныхъ платьяхъ, бѣдно и небрежно одѣтыхъ.

И между нимъ и этой „интеллигентной“ массой нѣтъ тока, который бы трепетно отдавался въ его душѣ, въ его мозгу. Для нихъ — совсѣмъ не того надо.

Онъ охотно удалился бы тотчасъ же вонъ отсюда... да это было бы непорядочно... и трусливо.

— А! Господинъ референтъ! Добраго здоровья!

Ему протягивалъ руку высокій брюнетъ, съ просѣдью, въ бородѣ, въ длинномъ сюртукѣ, наклонившись надъ его столомъ.

— А! Докторъ! Вы были въ залѣ?

Бучаевъ обрадовался этой встрѣчѣ. Докторъ Сергѣевъ—его давнишній знакомый. У него давно своя лечебница по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ и солидное имя по этой спеціальности.

— Присядьте, докторъ.

— Да вѣдь вамъ надо идти... на пропятіе?

— Успѣю.

Докторъ присѣлъ и закурилъ.

— Какъ себя чувствуете... передъ схваткой?

— Могу повторить возгласъ Чацкаго:

„И въ многолюдствѣ я затерянъ, самъ не свой...
Нѣтъ, недоволенъ я Москвой!“

Оба тихо разсмѣялись.

— Сказать вамъ откровенно, Бучаевъ...

— Пожалуйста.

— Вы... слишкомъ сами по себѣ. А наша публика... вотъ такая, какъ въ этой залѣ... хотя и состоитъ изъ элементовъ довольно-таки разношерстныхъ... но вся преисполнена иллюзій. У каждаго свой конекъ. И всѣ мы—россійскіе сектаторы...

— Какъ вы сказали?

— Сектаторы. Камня на камнѣ не оставимъ, когда разносимъ существующій порядокъ. Но вѣримъ, что если примутъ нашу формулу, наше credo... то всѣ превратятся въ ангеловъ и настанетъ Эльдорадо.

— Какъ это вѣрно!—вырвалось, со вздохомъ, у Бучаева.

— И вы, голубчикъ, имѣли смѣлость высказать это безъ всякихъ подсахариваній. И никому не польстили. Никого по головкѣ не погладили. А у насъ этого вамъ не простятъ.

— Никакой охоты нѣтъ... препираться съ разными...

— Милостивыми государями,—подсказалъ психіатръ.—Удо-

вольствіе—не особенное! Дѣлать нечего! Назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ!

И, мѣняя тонъ, онъ наклонился къ Бучаеву и сказалъ ему почти-что на ухо:

— Тутъ есть одна компанія, почему-то имѣющая противъ васъ зубъ. До меня долетѣло нѣсколько фразъ, тамъ, въ читальнѣ, до начала лекціи...

Бучаевъ весь нервно встрепенулся.

— На здоровье! Въ какомъ же вкусѣ?

— Такъ... вздоръ... сплетни, не стоющія вниманія.

И тотчасъ Бучаева точно что внутри дернуло: ему представилась зала дешеваго ресторана, какъ его тамъ встрѣтили и въ какомъ настроеніи вышелъ онъ на бульваръ...

Неужели и здѣсь говорятъ уже о немъ, какъ о подозрительной личности?

— Вы — психіатръ, и вамъ яснѣе, чѣмъ кому-либо—какія душевныя контагіи захватываютъ массу. Не правда ли, докторъ, въ такомъ обществѣ, какъ наше,—воспитанномъ въ традиціяхъ рабства,—свирѣпствуетъ манія чудовищнаго злоязычія и всеобщее заподозриванье?

Голосъ Бучаева вздрагивалъ, когда онъ выговаривалъ эту тираду.

— Обязательно, голубчикъ! Но только вы не волнуйтесь, пожалуйста. Навѣрно, будутъ глупыя выходки. Не тратьте своихъ нервовъ. Пускай глупятъ и дерзятъ. Ныньче, батенька, всякій клопъ—гимназистъ пятаго класса—норовитъ изрекать глаголы изъ Заратустры собственнаго производства! Смѣху подобно!

Оффиціантъ въ сѣромъ фракѣ прошелъ съ колокольчикомъ вдоль столовой, направляясь къ буфету. Оттуда онъ началъ звонить.

— А вы останетесь?—спросилъ Бучаевъ, допивая чай.

— Съ вашего позволенія. Только не тратьте вы пороху... зря. А выищется оппонентъ съ мозгами, не изъ сектаторовъ, влюбленныхъ въ свой конекъ,—дайте ему отпоръ. Охотно поддержалъ бы васъ, еслибъ это было въ другомъ мѣстѣ. А здѣсь какъ-разъ нарвешься на какого-нибудь коллегу, который будетъ въ восхищеніи—пустить въ васъ каверзой!..

Психіатръ разсмѣялся, поднимаясь съ своего стула.

Бучаевъ ему не вторилъ.

Они вмѣстѣ дошли до первой залы, гдѣ уже накрыты были столы для ужина, и тамъ пожали другъ другу руки.

— Можетъ, поужинаемъ?—спросилъ тотъ.

— Спасибо!

Предсѣдатель уже занималъ свое мѣсто. Бучаевъ сѣлъ опять рядомъ съ нимъ, откинулся на спинку кресла и глядѣлъ молча на то, какъ наполнялась опять зала.

Докторъ Сергѣевъ сидѣлъ близко отъ рампы, во второмъ ряду. Онъ кивнулъ Бучаеву головой, какъ бы желая еще разъ сказать ему:

„Не тратьте пороха, голубчикъ. Пожалѣйте свои нервы“.

Раздался звонокъ предсѣдателя.

— Прошу покорно тѣхъ, кто думаетъ возражать—дать свои фамиліи. Предупреждаю, что записалось уже немало желающихъ.

Поднялось нѣсколько человѣкъ. Двое взбирались и на эстраду. Бучаеву показалось, что одинъ изъ этихъ господъ сидѣлъ въ той компаніи, которую онъ нашелъ въ ресторанѣ Тверского бульвара.

Одинъ изъ записавшихся былъ совсѣмъ юнецъ, непохожій даже на студента.

Глазами докторъ Сергѣевъ указалъ на него Бучаеву: „вотъ, молъ, какіе у насъ слётки выступаютъ передъ публикой“.

Сразу стало опять душно и внизу, и на эстрадѣ. Бучаеву вступило въ голову. Съ великой радостью удалился бы онъ изъ этой говорильни. Не тревогу, а безвкусное равнодушіе къ тому, что̀ онъ услышитъ отъ своихъ оппонентовъ, проникало въ него. Но приходилось отсиживать.

Въ кофейной гудѣла ночная публика. Электрическій свѣтъ ровно обливалъ фигуры и лица. Между ними выдѣлялись огромныя шляпки женщинъ. Ихъ рѣзкій смѣхъ пронизывалъ общій гулъ, гдѣ преобладали мужскіе голоса.

Было немало учащейся молодежи, въ формѣ.

Въ углу, вправо отъ входа изъ пекарни, за столикомъ, сидѣли Бучаевъ и докторъ Сергѣевъ.

Они уже заказали себѣ что-то и оба курили.

Докторъ былъ очень огорченъ за Бучаева. Они условились ужинать тамъ, въ „Кружкѣ“, но Бучаевъ не захотѣлъ оставаться... И они, выйдя на улицу, тотчасъ же зашли въ кофейную, открытую до поздняго часа.

Дорогой они молчали. Дѣло было непоправимое. Какъ предсѣдатель дебатовъ ни сдерживалъ оппонентовъ, но двое изъ нихъ— одинъ совсѣмъ юный, въ тужуркѣ студента, и другой, уже немолодой „интеллигентъ“, волосатый, бородатый, въ темныхъ очкахъ—стали нападать на него съ особенной злобностью, и вто-

рой изъ нихъ закончилъ свои выходки весьма прозрачными намеками на то—какою репутаціею пользуется „докладчикъ“. Предсѣдатель хотѣлъ-было зазвонить и лишить его слова, но Бучаевъ попросилъ его жестомъ руки—не дѣлать этого.

Свою обличительную рѣчь этотъ оппонентъ закончилъ словами:

— Тѣ, кто подъ личиною радикализма и даже соціальныхъ стремленій—предаются, въ сущности, какому-то обличительному скептицизму,—тѣ должны, въ первую голову, оглядѣться на самихъ себя и отвѣтить на вопросъ: кто они сами... и не лучше ли имъ, первѣе всего, позаботиться о томъ, чтобы свое собственное обличье немножко обѣлить?

Раздались, въ глубинѣ залы, рукоплесканія и даже крики: „Славно, славно!“

Предсѣдатель сильно зазвонилъ и хотѣлъ сдѣлать выговоръ оппоненту; но Бучаевъ опять остановилъ его движеніемъ руки.

— Говорите! Говорите!—раздалось сзади него, между сидѣвшими на эстрадѣ.

Онъ поблѣднѣлъ, хотѣлъ сказать что-то и лишился чувствъ.

Когда онъ открылъ глаза и пришелъ въ себя, надъ нимъ хлопоталъ докторъ Сергѣевъ.

Онъ и увелъ его въ какую-то пустую комнату, гдѣ далъ ему чего-то изъ рюмки.

И вотъ, теперь, они сидятъ другъ противъ друга за стаканами кофе.

Первый прервалъ молчаніе психіатръ.

— Нервы у васъ... расшатаны... голубчикъ. Вы бы должны были исчеркыжить этого милостиваго государя, какъ онъ того заслуживалъ. А теперь... они будутъ болтать, что вы сами себя выдали.

Сергѣевъ не досказалъ, чувствуя, что такъ не слѣдовало говорить.

— Все равно, докторъ! Что же тутъ дѣлать!

И, глотнувъ изъ стакана, Бучаевъ понизилъ тонъ и заговорилъ нервнѣе:

— Вѣдь вы уже слышали до начала моего доклада шипѣніе на мой счетъ. Скажите прямо, безъ обиняковъ: обо мнѣ говорили, какъ о... сикофантѣ?

— Стоитъ ли копаться въ этой мерзости!

— Нѣтъ, не уклоняйтесь! мнѣ все равно. Я уже не со вчерашняго дня догадываюсь, что легенда гуляетъ здѣсь. Кто ее пустилъ, по какому поводу—я добираться не стану.

— Но недопустимо, добрѣйшій... оставить такъ... подобную гнусность.

— Что же я стану дѣлать? — рѣзче спросилъ Бучаевъ, и выпрямился. Требовать сатисфакціи?.. Это слишкомъ глупо. Я не трусъ; но я не допускаю самаго мотива. Его намеки можно толковать и такъ, и этакъ.

— Чего же прозрачнѣе?

— Да; но формально можно требовать удовлетворенія только за дерзкій тонъ и неумѣстныя выходки. Но въ какой странѣ мы живемъ, докторъ? Во Франціи что-ли? У насъ ни одного сборища, ни въ одной говорильнѣ, не происходитъ безъ руготни. Это въ нашихъ нравахъ.

— Но, по малой мѣрѣ, привлечь его къ суду чести. Вѣдь это кружокъ! Обязанность дирекціи — заставить его извиниться.

— Да онъ можетъ оказаться и не членомъ, а гостемъ. Знаю я эти суды чести. Кромѣ новыхъ гнусностей, ничего не наслушаешься! Эхъ, докторъ!—Бучаевъ тряхнулъ головой.—Кто не рабъ кружковщины, кто не льститъ панургову стаду и не преклоняется передъ стоптанной туфлей учителя—тотъ и ренегатъ, тотъ и гасильникъ, если не предатель и не тайный агентъ. Мнѣ противно, что нервы мои не выдержали... точно какая институтка. И никогда со мной не бывало обмороковъ.

— Васъ взорвало! Сердце посильнѣе сжалось—вотъ и лишились чувствъ. Штука самая простая... Досадно, что такъ вышло подъ самый конецъ. А все-таки не совѣтую оставить это такъ.

— Будьте послѣдовательны, докторъ! Вы сами мнѣ сказали, передъ началомъ лекціи, чтобы я плевалъ на всякую злобную болтовню. Вы ко мнѣ расположены; а вѣдь не стали вы затѣвать исторіи съ тѣми господами, которые говорили обо мнѣ въ такомъ же духѣ.

Бучаевъ опустилъ голову въ руки и сидѣлъ такъ съ минуту.

— Знаете, докторъ,—началъ онъ, выпрямляясь:—надо имѣть много твердости, чтобы не впасть въ самый отчаянный скептицизмъ... чтобы сохранить въ себѣ хоть какія-нибудь иллюзіи. Всѣ мы—жалкіе романтики...

— Кто мы?—остановилъ Сергѣевъ.

— Всѣ, всѣ! Можетъ, и вы также—не обижайтесь. У всѣхъ насъ есть какая-нибудь „цаца". Одни носятся съ народомъ, другіе—съ интеллигенціей... вѣрятъ въ лозунги и готовыя формулы, ждутъ наступленія чуда, когда всѣ будутъ какъ безтѣлесные ангелы.

— Это вѣрно!

— А вы вотъ—какъ психіатръ—отлично знаете, что этого никогда не будетъ. Вы, какъ человѣкъ науки, должны стоять за роковой детерминизмъ. Вездѣ—вырожденіе, упадочность, кривлянье, самовлюбленность, безуміе!

— И прочая, и прочая, и прочая! Спорить не стану; а въ отчаяніе приходить все-таки не слѣдуетъ, милѣйшій! Надо проповѣдывать норму... Въ ней одной спасеніе.

— Аминь! А первѣе всего надо вонъ изъ Москвы, какъ у меня вырвалось, когда вы ко мнѣ подошли сегодня.

— Нѣтъ, и этого не слѣдуетъ дѣлать. Надо вести свою линію. И всякихъ наглецовъ сокрушать, какъ Самсонъ сокрушалъ филистимлянъ ослиной челюстью, то-есть, ихъ же тупоуміемъ и гнусностью. А теперь—пора спать... и если ваша милость не желаетъ связываться съ тѣмъ... милостивымъ государемъ—плюньте и ножкой разотрите.

Докторъ позвалъ проходившаго мимо лакея.

Когда они надѣли свое верхнее платье и пошли отъ вѣшалки къ подъѣзду, еще ярко освѣщенному, Бучаевъ взглянулъ влѣво и узналъ сейчасъ же двухъ юнцовъ—Тыквина и его товарища, который былъ предсѣдателемъ въ говорильнѣ гимназистовъ.

Они оба приподнялись и поклонились ему. Но въ глазахъ Тыквина онъ прочелъ что-то похожее на вопросъ:

„Что? Дождался аттестаціи?“

Оба эти юнца были навѣрное въ залѣ, слушали пренія и врядъ-ли возмутились выходкою того лохматаго индивида въ темныхъ очкахъ.

VIII.

Наканунѣ Бучаевъ ходилъ выправлять себѣ заграничный паспортъ, и когда вернулся въ свою меблировку, получилъ два письма.

Довольно большой неожиданностью было для него первое изъ этихъ писемъ—отъ сестры.

Елена Сергѣевна писала ему въ какомъ-то странномъ тонѣ, чѣмъ-то очень встревожена, спрашивала—найдетъ ли она его еще въ Москвѣ, и распространялась на ту тему, что всѣмъ, кто стоитъ „за просвѣщеніе и культуру“—пора сплотиться, оставить всякія партійныя распри и спасать общество отъ надвигающейся „пугачевщины“.

Второе письмо—городское—было также женское, и также въ

приподнятомъ тонѣ — отъ той самой передовой дамы, гдѣ онъ высказалъ себя такимъ плохимъ дипломатомъ и огорчилъ всѣхъ своей „трезвенной“ оцѣнкой эффектнаго земца.

Она была на его докладѣ, все видѣла и слышала, и проситъ его вѣрить, что она возмущена выходкой его послѣдняго оппонента, повторяя нѣсколько разъ, что „это“ нельзя оставить „такъ“, и что ея друзья и единомышленники, и мужчины, и женщины—готовы составить коллективное письмо въ дирекцію кружка, если онъ ничего противъ этого не имѣетъ.

Въ концѣ, она „умоляетъ“ его быть у нея завтра вечеромъ. Она чувствуетъ „неудержимую потребность“: выразить ему, съ глазу на глазъ, очень многое, завѣряя его, что она сама — „высоко цѣнитъ“ свободу его мыслей и „скорбитъ душой“ о томъ, что въ нашей интеллигенціи такъ все преисполнено духа партій, недовѣрія и личныхъ счетовъ.

Сестрѣ онъ отвѣтилъ сегодня, что по дорогѣ за границу—заѣдетъ къ ней проститься надолго, если только его пріѣздъ не будетъ особенно непріятенъ Эліодору Ильичу, и просилъ отвѣтить ему депешей.

А къ радикальной барынѣ онъ отправилъ сегодня же посыльнаго съ письмомъ, гдѣ благодарилъ ее за сочувствіе, но просилъ извинить его: онъ уѣзжаетъ и долженъ укладываться.

Барыня не унялась. Она, съ тѣмъ же посыльнымъ, прислала длиннѣйшее письмо, въ огорченно-лирическомъ тонѣ.

Онъ „обидитъ ее кровно“, если не навѣститъ ее. Такая женщина, какъ она, способна больше, чѣмъ кто-либо, оцѣнить его profession de foi, которое — она въ этомъ признается — ей несовсѣмъ ясно и послѣ его доклада. Она горячо желаетъ обмѣняться съ нимъ идеями и симпатіями, и теперь уже цѣнитъ ту проницательность, какую онъ выказалъ, когда заговорили о томъ земцѣ. Она и сама видитъ, что его популярность не отвѣчаетъ его настоящему „удѣльному вѣсу“, какъ общественнаго дѣятеля.

„Отъ нея не отвертишься!“—выговорилъ онъ, про себя, и отвѣтилъ ей депешей, что будетъ у нея вечеромъ, къ девяти часамъ.

Ему, все-таки, стало какъ-то полегче. Барыня фразиста и „безъ царя въ головѣ“,—но никто не заставлялъ ее изливаться, если она не была возмущена выходкой его послѣдняго оппонента.

Но онъ будетъ просить ее: никакого коллективнаго протеста не писать. И самъ не желаетъ никакого „суда чести“.

Бесѣда вышла не съ глазу на глазъ.

Бучаевъ нашелъ у Козляниной еще двухъ дамъ, изъ тѣхъ, что были на ея совѣщаніи, и скромнаго брюнета, съ которымъ они тогда вышли на улицу и разговорились.

Онъ былъ, въ столовой, встрѣченъ громкимъ возгласомъ хозяйки:

— Monsieur Бучаевъ! Какъ я рада!

И она начала зáново знакомить его и съ обѣими дамами, и съ брюнетомъ.

Навѣрное, она и пригласила ихъ „на него“. Можетъ, и еще наберется народъ, и это было ему очень непріятно.

— Вотъ, господа,—начала хозяйка тономъ спича,—вы знаете... какую выходку позволилъ себѣ одинъ господинъ... въ кружкѣ, возражая Николаю Сергѣевичу...

— Какъ же, какъ же!—воскликнула одна изъ дамъ.

— Не правда ли, надо протестовать?

Какъ бы предвидя возраженіе Бучаева, она стремительно продолжала:

— Я понимаю... Вы сами не желаете выступать. Это—ниже вашего достоинства. Но мы и не будемъ васъ вмѣшивать.

— Виноватъ,—остановилъ ее скромный брюнетъ:—можетъ быть, Николаю Сергѣевичу будетъ вообще непріятно?..

— Было бы очень досадно, еслибъ мы всѣ не воспользовались такимъ инцидентомъ.

Хозяйка порывисто схватила со стола нумеръ какой-то газеты.

— Намъ всѣмъ,—продолжала она въ томъ же приподнятомъ тонѣ,—надо сплотиться, господа. Развѣ вы не замѣчаете, что началась травля того, чѣмъ только и держится общественное движеніе?

— Интеллигенціи!—подсказала одна изъ дамъ.

— Именно! И не одни гасильники, изувѣры, обскуранты и сикофанты систематически науськиваютъ на интеллигентовъ. И тутъ не обошлось безъ рабскаго подражанія гнилому Западу. Что̀ мы видимъ во Франціи? Ихъ націоналисты—чѣмъ они лучше нашихъ патріотовъ „своего отечества“? Всѣ эти антидрейфуссары... Какой срамъ! Писатели, поэты съ европейской репутаціей—и предаются такому ненавистничеству! Брюнетьеръ, Коппé, Жюль Леметръ... Я уже не говорю о такихъ старыхъ блудницахъ пера, какъ Рошфоръ и Дрюмонъ!.. И тамъ ожесточенный походъ противъ тѣхъ, кого называютъ „les intellectuels“... По нашему... противъ все той же интеллигенціи...

Брюнетъ молча кивнулъ головой.

— И вдвойнѣ непростительно нѣкоторымъ изъ нашихъ кружковъ такъ же шипѣть на интеллигенцію и въ своихъ произведеніяхъ изображать какой-то обывательскій сбродъ, выдавая его за интеллигентовъ.

— Вѣрно, вѣрно!—разомъ воскликнули обѣ дамы.

— Можно ли безъ негодованія читать вотъ такія вещи... въ печати, въ газетахъ, которыя, какъ-разъ, распространены въ публикѣ, нуждающейся въ честномъ руководительствѣ?

Она развернула газетный листъ, нашла сейчасъ столбецъ, отмѣченный краснымъ карандашомъ, и начала читать, громко, останавливаясь на запятыхъ и взглядывая и на дамъ, и на мужчинъ.

— „Наша интеллигенція, не сумѣвшая, за послѣднее полстолѣтіе, установить какой-нибудь разумной и прочной связи съ народомъ, заблудившаяся въ созданномъ ею же самой лабиринтѣ, не знающая ни своихъ правъ, ни своихъ обязанностей, презирающая тотъ домъ, въ которомъ живетъ, и хлѣбъ, которымъ ее кормятъ,—наглая и трусливая“...

— Ого!—крикнула одна изъ дамъ.

— Подождите! Это цвѣточки, ягодки будутъ впереди!

И, громко переведя духъ, она принялась опять читать, подчеркивая каждое звонкое слово:

— „И въ трусости своей готовая продаться любому инородческому хищнику, этотъ ублюдокъ крѣпостнаго рабства и франкорусско-европейской декадентки съ разстроенными нервами и жадными загребистыми лапами—вотъ надъ кѣмъ дѣйствительно горятъ грозныя слова Валтасарова видѣнія!“

Дочитавъ эту тираду, хозяйка обратилась къ брюнету и спросила его:

— Куда же дальше идти?

Тотъ промолчалъ и только сдержанно усмѣхнулся.

— И вотъ заключительная угроза... Прислушайтесь.

Она дочла:

— „Вамъ слѣдуетъ помнить, что какъ ни терпѣливъ и ни привыченъ ко всякимъ экспериментамъ надъ собой народъ, но когда наступитъ серьезный моментъ его жизни — врядъ ли онъ примирится съ необходимостью считать своей интеллигенцію, своимъ цвѣтомъ—толпу неврастениковъ, нытиковъ, международниковъ и прихвостней европейскаго космополитизма“.

Листокъ она бросила на столъ и вызывающе выпрямилась.

— Что-жъ! — первый откликнулся брюнетъ:—насчетъ неврастениковъ и нытиковъ и я подписался бы!

— Что вы говорите!—вскричала хозяйка.—Развѣ вы не понимаете, что они пристегнуты тутъ только затѣмъ, чтобы облить помоями все, что у насъ есть самаго достойнаго и даже доблестнаго?..

— Позвольте,—кротко возразилъ брюнетъ,—выходка, разумѣется, гадкая... но за нашей интеллигенціей водятся грѣхи, и немаловажные. Это во-первыхъ; а во-вторыхъ — давно пора разобраться въ этой формулѣ, въ этой кличкѣ. Давно пора отдѣлять овецъ отъ козлищъ.

— Они-то и сваливаютъ все въ кучу... нарочно, съ цѣлью натравливанья.

— Конечно... Но мы-то съ вами, уважаемая Анна Прокофьевна, знаемъ—какъ много плевелъ на россійской нивѣ, гдѣ произрастаютъ злаки интеллигенціи.

Онъ тихо разсмѣялся и, поднявъ голову въ сторону Бучаева, спросилъ:

— Развѣ это не такъ, Николай Сергѣевичъ?

— Безусловно такъ, — подтвердилъ Бучаевъ и прибавилъ, обращаясь къ хозяйкѣ: — За исключеніемъ нѣсколькихъ фразъ, я бы сказалъ то же.

— Что вы... Monsieur Бучаевъ!—въ голосъ крикнули всѣ три дамы.

— Въ томъ, въ особенности, что говорится тутъ объ интеллигенціи и народѣ. Съ нимъ никто у насъ не чувствуетъ и не мыслитъ въ униссонъ, и не можетъ этого сдѣлать!

— Помилуйте!

Блѣднѣя, онъ выговорилъ съ сильнымъ удареніемъ:

— Никто! О гасильникахъ и хищникахъ я уже не говорю. Но и самые крайніе лагери: одни херятъ чуть не сто милліоновъ мужиковъ съ высоты своей платформы, другіе не могутъ еще стряхнуть съ себя мистической вѣры въ этого самаго мужика, хотя они и позитивисты. И что же мудренаго, что улица въ городахъ и громада въ деревнѣ—очутятся въ рукахъ такихъ руководителей, которымъ съ интеллигенціей—какъ говорится—не дѣтей крестить.

— Ну да!—крикнула хозяйка.—Къ тому идетъ! Къ пугачевщинѣ!

— Можетъ быть,—подтвердилъ Бучаевъ.—Но тѣ, кто надѣется на народъ... могутъ очутиться сами жертвой его расправы.

И хозяйка, и ея двѣ гостьи удивленно поглядѣли на Бучаева, и у одной изъ нихъ вырвался возгласъ:

— Такой отповѣди мы отъ васъ никакъ не ожидали!

Они опять шли по пустыннымъ переулкамъ.

— Кажется, я этихъ дамъ чуть не скандализовалъ?—спросилъ брюнета Бучаевъ.

— Во всякомъ случаѣ, онѣ не того отъ васъ ждали, Николай Сергѣевичъ.

— И я, въ глазахъ хозяйки и ея подругъ, нѣчто вродѣ того, на что намекалъ мой оппонентъ въ кружкѣ?

— Но вѣдь Анна Прокофьевна права. Вдругъ, съ разныхъ концовъ—и сверху, и снизу, и съ боковъ—началась травля интеллигенціи. Что изъ этого будетъ?

— Всеобщій разбродъ!—глухо вымолвилъ Бучаевъ.

И они оба остановились.

Это было на перекресткѣ все того же глухого переулка.

— Хорошо, если только разбродъ. А какъ пугачевщина,—какъ вырвалось у одной изъ этихъ госпожъ?

— Можетъ и это быть. Позвольте,—Бучаевъ поднялъ голову на своего спутника,—для васъ народъ—символъ и догма, ultima ratio?

Выговоривъ это, Бучаевъ тотчасъ охладилъ себя вопросомъ:

„Какъ же ты самъ допытываешься у другого—выложи тебѣ свое credo?“

— Не сотвори себѣ кумира,—пошутилъ брюнетъ.

— Но онъ уже сотворенъ. И до тѣхъ поръ, пока его не повергнутъ—все будетъ проникнуто мистицизмомъ. Нужды нѣтъ, что народопоклонники считаютъ себя невѣрами.

— Но не они теперь берутъ нотой выше, а ихъ непосредственные противники—вамъ это прекрасно извѣстно, Николай Сергѣевичъ! И если тотъ собратъ въ черныхъ очкахъ—я вѣдь былъ на вашемъ докладѣ—позволилъ себѣ такую выходку, то навѣрно отъ того, что онъ васъ считаетъ народолюбцемъ... во вкусѣ семидесятниковъ, защитниковъ ненавистныхъ ему и его одновѣрамъ деревенскихъ устоевъ.

— У нихъ фундаментъ болѣе прочный. И роль они сыграютъ болѣе видную.

— Вы это признаете?

— Да. Но и они мистики.

— Нѣкоторые изъ нихъ... повернули къ „откровенной“ истинѣ.

— Я не про этихъ говорю, а про тѣхъ, кто держится научнаго камертона. И для нихъ, съ всеобщей нивеллировкой, настанетъ Эльдорадо и всѣ превратятся въ ангеловъ.

— Вѣдь ихъ учитель держится пессимизма въ своихъ выводахъ?

— Пожалуй. Но они—россіяне. Не можемъ мы быть безпощадными детерминистами. Оттого у насъ все такъ хаотично и безплодно, что разумъ подчиненъ у насъ подоплёкѣ. И такъ, кажется, всегда будетъ...

Бучаевъ чего-то не досказалъ.

— И такимъ интеллигентамъ, какъ вы, Николай Сергѣевичъ, особенно тяжко быть въ положеніи...

— Знаете кого?..—остановилъ его Бучаевъ.—Я много разъ сравнивалъ такихъ, какъ я, съ зрителями въ амфитеатрѣ, надъ ареной, гдѣ происходитъ бой быковъ. Быка вамъ жаль больше, чѣмъ всѣхъ этихъ раззолоченныхъ франтовъ — пикадоровъ и торреровъ. Но вѣдь и имъ можетъ угодить здорово... А подъ конецъ вамъ дѣлается тошно.

— Можно не ходить!

— Конечно. Но отъ нашей россійской арены не уйдешь. Ввязаться въ схватку можно... но тогда—прощай всякая свобода духа! Безъ фанатизма вы не годитесь! А убѣжать изъ амфитеатра—не поможетъ... Все тянетъ васъ на его скамейки. И вы жадно впиваетесь глазами въ то, что дѣлается у васъ подъ ногами, и сердце ваше бьется, и спирается духъ... и сжимаются кулаки. Вотъ взлетитъ на воздухъ отчаянный пикадоръ, а потомъ и самъ торреро!..

— Быка-то все-таки повалятъ.

— Можетъ быть... А потомъ-то что?

— Какъ въ писаніи говорится, Николай Сергѣевичъ: „не уявися, что будетъ“.

Они простились на углу Арбата.

Бучаевъ не бралъ извозчика и пошелъ дальше по плохо освѣщеннымъ улицамъ, гдѣ только мелькали извозчичьи сани и кое-гдѣ былъ свѣтъ въ обывательскихъ домахъ.

Обиды онъ уже совсѣмъ не чувствовалъ отъ инцидента въ „Кружкѣ“.

Ну, пускай ихъ считаютъ его сикофантомъ! Это—косвенная месть за то, что онъ—„ни въ сихъ, ни въ оныхъ“, что онъ, до сихъ поръ, не записывался ни въ какой цехъ, ни въ какую организацію.

Но все-таки, какъ-то сразу, эта Москва, для него лично, потеряла всякій вкусъ. Не тянетъ его, какъ еще недавно, ни къ молодежи, ни къ своимъ сверстникамъ.

Надо всего ждать. Все возможно!

И тутъ слово, брошенное за чайнымъ столомъ, у Козляниной—„пугачевщина"—зазвучало въ ухѣ. И цѣлый рядъ картинъ пронесся въ его воображеніи.

Вотъ на этой самой улицѣ или на площади, гдѣ онъ сейчасъ проходилъ—стоитъ гулкое галдѣнье. Толпа—пьяная, дикая, отвѣдавшая крови, гдѣ все перемѣшалось: босяки съ мастеровщиной, оборванные нищіе съ хорошими чуйками и сапогами, отпибающими ворванью—разноситъ лавки и кабаки, бьетъ стекла, выбрасываетъ мебель, жжетъ и выпускаетъ изъ бочекъ керосинъ, пиво, водку.

И раздается кличъ: „бей ихъ!"

Кого?

Какъ кого? Интеллигенцію: „скубентовъ", барышенъ, по-господски одѣтыхъ „стрюцкихъ", тѣхъ самыхъ, кто возлагалъ надежды на поддержку народа.

„Бей ихъ!"—перекатывается дальше, все ближе къ Кремлю и къ Красной площади. Разсвирѣпѣвшая громада въ сотни тысячъ головъ хватаетъ женщинъ, подростковъ, топчетъ ихъ ногами, бьетъ чѣмъ попало, превращая лица въ безформенные комы мяса.

Онъ весь вздрогнулъ и нервно закрылъ глаза, отгоняя отъ себя кровавое видѣніе.

„Неужели это будетъ?"—спросилъ онъ себя, дико осматриваясь.

IX.

Бучаевъ вышелъ въ переднюю канцеляріи, гдѣ получилъ паспортъ.

Одинъ изъ сторожей потянулся къ его верхнему платью и сталъ разыскивать его галоши.

Слѣва, по лѣстницѣ, спускался какой-то господинъ. Бучаевъ сначала не обратилъ на него вниманія. Но тотъ, на предпослѣдней ступенькѣ, пристально поглядѣлъ на него.

Лицо желтоватое, нѣсколько одутлое, бритое, точно актерское, круглая лысая голова, съ рыжеватыми короткими волосами на вискахъ, большой ростъ. Одѣтъ въ черную пару. По костюму и выраженію лица, смотритъ учителемъ или чиновникомъ, лѣтъ подъ-сорокъ.

Въ лѣвой рукѣ онъ несъ портфель.

Что-то Бучаевъ вспомнилъ.

Лицо ему извѣстно. Но оно было не такое лѣтъ шесть-семь назадъ.

— Николай Сергѣевичъ Бучаевъ?—глухо окликнулъ его незнакомецъ, медленно подходя къ нему.

Его свѣтло-сѣрые, тусклые глаза смотрѣли вопросительно и еще съ какимъ-то несовсѣмъ пріятнымъ выраженіемъ.

— Къ вашимъ услугамъ,—отозвался Бучаевъ.

— Не узнали меня?

— Извините.

— Давненько это было.

Ему также подалъ сторожъ шинель съ мѣховымъ воротникомъ.

Бучаевъ припомнилъ и почти уже остановился на одной фамиліи, но его что-то удержало.

Они вмѣстѣ вышли на подъѣздъ. Справа видна была ѣзда по Тверской. Налѣво шелъ дальше переулокъ.

Господинъ съ бритымъ по-актерски лицомъ поправилъ на головѣ мягкую плюшевую шапку и спросилъ съ тѣмъ же выраженіемъ глазъ:

— Такъ вы не признали сразу?

— Виноватъ... Лицо знакомое... И голосъ также.

— Варенцовъ... Павелъ Варенцовъ!..

— Вы?!

Мгновенно Бучаевъ вспомнилъ все.

Они встрѣчались когда-то въ Швейцаріи. Этотъ Варенцовъ былъ тогда однимъ изъ самыхъ „страшныхъ“ заправилъ того кружка, которымъ Бучаевъ—одно время—интересовался.

И съ тѣхъ поръ они не встрѣчались. Онъ зналъ доподлинно, что для того уже нѣтъ возврата домой. Кто-то ему говорилъ, не такъ давно, что этотъ Варенцовъ „повинился“ и проживаетъ въ Россіи, кажется, въ Москвѣ, гдѣ-то работаетъ.

Но это вылетѣло у него изъ головы.

— Теперь—узнали?

Тонъ этого господина ему не нравился. Было что-то въ немъ и тревожное, и почти-что дерзкое.

— Да... вы обрились... и—если правду сказать—постарѣли.

— Полагаю. Да, года берутъ! Я, вѣдь, годковъ чуть не на десять постарше васъ.

„А что тебѣ отъ меня угодно?“—подумалъ Бучаевъ.

— Вы въ какую сторону? Сюда, по Тверской?

— Пожалуй.

„Неужели будетъ просить на бѣдность?“

Но онъ былъ прилично одѣтъ, въ шинели съ бобромъ, и вовсе не смотрѣлъ „интеллигентнымъ пролетаріемъ“.

— Не зайдемъ ли... по близости, въ кофейную?

— Если угодно.

Повести разговоръ въ менѣе сдержанномъ тонѣ—Бучаевъ не могъ. Слуховъ и сплетенъ онъ не жаловалъ; но факты были на лицо: если такой Варенцовъ живетъ *здѣсь*, а не находится въ мѣстахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ, послѣ его прошлаго—значитъ, онъ такъ или иначе „повинился“.

А можетъ быть, и хуже того?

Пришлось попасть въ ту самую кофейную, гдѣ они сидѣли съ докторомъ Сергѣевымъ, послѣ вечера въ „Кружкѣ“.

И случилось, точно нарочно, что они сѣли въ томъ самомъ углу.

— Позволите... предложить вамъ чего-нибудь, Бучаевъ?

— Благодарю, послѣ.

— А я проголодался... Схожу, возьму горяченькій пирогъ съ чѣмъ-нибудь.

Онъ скорымъ шагомъ ушелъ въ пирожную и вернулся съ пирогомъ на тарелкѣ.

Бучаевъ закурилъ и сидѣлъ въ выжидательной позѣ.

— Вы на меня не будете въ претензіи?—заговорилъ тотъ, прищуривъ свои мутные глаза.—Я бы и не обратился къ вамъ, Бучаевъ. Но видите ли... я былъ—на дняхъ—на томъ вечерѣ въ „Кружкѣ“, гдѣ вы читали рефератъ.

„Опять!“—вскричалъ Николай про себя.

— Какъ-же-съ... Былъ свидѣтелемъ и прелестнаго инцидента... когда вашъ послѣдній оппонентъ выпалилъ свою нахальную инсинуацію. И еслибъ вы только знали, что̀ это за личность,—его блѣдныя губы повела презрительная усмѣшка,—вы бы еще болѣе возмутились! И мнѣ было за васъ въ высшей степени обидно. Вамъ сдѣлалось дурно. Нервы! Я понимаю. Но, право, не стоило... приходить въ такое настроеніе, когда громъ гремитъ не изъ тучи, а прямо изъ навозной кучи.

У Бучаева чуть было не соскочилъ съ губъ вопросъ:

„Да вы-то въ какомъ качествѣ сидѣли въ залѣ?“

Это бритое лицо точно нарочно было создано для нѣкоторой спеціальности.

— Случилось такъ,—продолжалъ его собесѣдникъ, все тѣмъ же двойственнымъ тономъ,—что послѣ дебатовъ я васъ видѣлъ и здѣсь. И, кажется, вы сидѣли съ извѣстнымъ психіатромъ, докторомъ Сергѣевымъ... какъ-разъ тутъ, гдѣ мы теперь сидимъ. Я тогда не хотѣлъ быть нескромнымъ и подойти къ вамъ.

„Куда онъ пробирается?“—подумалъ Бучаевъ.

— Вы насчетъ меня... навѣрно, кое-что слышали?

— Да, слышалъ, кажется, — умышленно просто отвѣтилъ Бучаевъ.

— Воображаю, въ какомъ вкусѣ. И съ моей стороны довольно была порядочная смѣлость—напомнить вамъ о нашемъ когда-то знакомствѣ. Но я подумалъ вотъ что...

Онъ подался всѣмъ своимъ длиннымъ туловищемъ и продолжалъ гораздо тише:

— Я подумалъ: вотъ господинъ Бучаевъ самъ испыталъ— что за народъ играетъ теперь роль въ радикальныхъ сферахъ... Какая нетерпимость и какое нахальство!.. Чуть что... ежели вы мало-мальски уклонились отъ нашей *платформы*... вамъ вѣдь извѣстенъ этотъ модный терминъ?

— Извѣстенъ.

— Вы—ренегатъ... хуже того... вы—сомнительная личность... вы—сикофантъ. Развѣ не такъ? Скажите, ради Создателя!

Голосъ его вздрагивалъ.

— Я уже о себѣ не говорю. Оправдываться ни передъ кѣмъ я не намѣренъ... Но васъ я почему-то считаю человѣкомъ дѣйствительно свободнаго міровоззрѣнія. И говорю съ вами прямо.

Онъ доѣлъ послѣдній кусокъ пирога и громко перевелъ дыханіе.

— Горькимъ опытомъ и долгими думами я пришелъ къ тому, что сжегъ свои старые корабли. Пускай это зовутъ отступничествомъ, ренегатствомъ... На здоровье! Савлъ гналъ христіанъ, побивалъ ихъ каменьями—и сдѣлался столпомъ Христовой церкви. Нашъ Бѣлинскій отъ оптимистическаго гегельянства перешелъ къ обличительному радикализму. За это его восхваляетъ россійская печать. Но гдѣ же тутъ стойкость убѣжденій? И почему утопіи Луи Блана и Пьера Леру—и распущенный феминизмъ Жоржъ-Зандъ—выше величественнаго построенія мудреца, для котораго все сущее прекрасно и разумно, само себѣ довлѣетъ?

Бритыя, пухловатыя щеки стали краснѣть.

Бучаевъ слушалъ его, сидя съ опущенной головой.

„Къ чему ты пробираешься и кто ты теперь?“—подумалъ онъ и тутъ только поднялъ голову.

— Мы съ вами, Николай Сергѣевичъ, можетъ быть, больше и не встрѣтимся. А если гдѣ столкнемся, то вы, пожалуй, и не захотите меня признать.

На вопросительный взглядъ Бучаева онъ продолжалъ:

— Я работаю въ такомъ органѣ печати, который—для людей

вашего стана—представляетъ собою нѣчто достойное ненависти и презрѣнія.

Сдѣлавъ передышку, онъ замѣтилъ:

— Простите... я сейчасъ сказалъ—„для людей вашего лагеря"; но мнѣ сдается—таково было мое впечатлѣніе отъ вашего реферата,—что вы не кружковой человѣкъ. Нѣтъ! Но, во всякомъ случаѣ, я и въ вашихъ глазахъ... нѣкоторый подозрительный *иксъ*... разъ я вернулся на родину съ повинной.

Тусклые глаза получили другое выраженіе—болѣе твердое и смѣлое.

— Это—дѣло... вашей совѣсти!—вымолвилъ, какъ бы нéхотя, Бучаевъ.

— Да... моей совѣсти. Публично я оправдываться не намѣренъ; но я беру на себя отвѣтственность за то *credo*, къ которому пришелъ еще тамъ, за границей, послѣ долгой мучительной борьбы. Я чуть не нажилъ душевнаго разстройства! Я выстрадалъ свое... если угодно—отступничество.

Это слово онъ выговорилъ съ намѣреніемъ замедленно.

— Мое глубочайшее убѣжденіе—то, что наше отечество погибнетъ, если его судьбы очутятся въ рукахъ изувѣровъ всеобщей нивеллировки.

Онъ опять громко перевелъ духъ.

— Я, Николай Сергѣевичъ, выстрадалъ свою вѣру въ тѣ устои русскаго народа, которые одни спасутъ наше отечество отъ разложенія, какое мы видимъ вездѣ, тамъ...

Онъ провелъ рукой.

— На гниломъ Западѣ?—подсказалъ Бучаевъ.

— Вы вѣрите въ него, въ этотъ хваленый Западъ? А я извѣрился... И ставлю себѣ въ самую большую вину, что такъ долго ходилъ на буксирѣ у европейскихъ заправилъ... считалъ ихъ спасителями человѣчества, когда они—или изверги, или галлюцинаты... Простите, что задержалъ васъ. Вашего credo доподлинно не знаю и не берусь поставить правильную діагнозу; но... что вы тоже на распутьи, что вы тоже *ищете*... я въ этомъ не сомнѣваюсь. Думаю, что въ моихъ словахъ нѣтъ ничего особенно обиднаго для васъ?

Онъ поднялся съ своего мѣста.

Бучаевъ ждалъ, протянетъ онъ ему руку или нѣтъ.

Но тотъ воздержался. И, отходя отъ стола, выговорилъ:

— Добраго здоровья!

И пошелъ къ вѣшалкѣ надѣвать свою шинель.

Оставшись одинъ у столика, Бучаевъ оглянулъ залу, гдѣ

понабралось всякой публики, въ томъ числѣ и троттуарнаго женскаго пола.

У проходившаго мимо служителя онъ спросилъ себѣ стаканъ чаю.

Эта встрѣча съ бывшимъ эмигрантомъ—изъ партіи террористовъ—совсѣмъ на особый ладъ возбудила его.

Вѣдь если такой господинъ рѣшился напомнить о себѣ—значитъ, онъ и въ самомъ дѣлѣ распозналъ въ немъ человѣка, „стоящаго на распутьи“.

А еще проще: это—подходъ, „фортель“ такого „милостиваго государя“ (какъ назвалъ бы докторъ Сергѣевъ), который захотѣлъ позондировать почву. Авось и „клюнетъ“.

— Ахъ ты!..

Бранное восклицаніе чуть было вслухъ не вырвалось у него.

Но этого еще мало. Вотъ въ этой самой залѣ могутъ сидѣть молодые люди—студенты, репортеры, педагоги, знающіе его въ лицо. Кто-нибудь, при случаѣ, напомнитъ ему:

„А я васъ имѣлъ удовольствіе видѣть въ кофейной, въ оживленной бесѣдѣ съ нѣкоимъВаренцовымъ... Или это былъ вашъ двойникъ?“

— Вонъ, вонъ изъ Москвы!

Но онъ задумался надъ стаканомъ чая, который только-что поставили передъ нимъ.

Каковъ бы ни былъ этотъ эксъ-террористъ, но онъ не затруднился открыть свои карты.

„А ты самъ? Неужели тебѣ не пріѣлась твоя роль аналиста и мелкаго обличителя тѣхъ, кто носитъ личину—сознательно или въ состояніи самообмана?

„Вѣдь этотъ бритый, какъ актеръ, покаявшійся „мятежникъ“ имѣлъ бы также право крикнуть тебѣ:

„— Господинъ Бучаевъ! Карты на столъ! Мы въ темную не играемъ.

„И что̀ бы ты ему отвѣтилъ?“

X.

Убогія пошевни ухали изъ ухаба въ ухабъ. Сверху шла изморозь пополамъ съ мокрымъ снѣгомъ. Часто попадались „зажо̀ры“. Тучи—темно-сѣрыя и густыя—висѣли кругомъ.

Бучаевъ—въ короткой шубѣ—сидѣлъ на чемоданѣ, прикры-

ваясь пледомъ. Распустить зонтикъ казалось ему слишкомъ „по-западнически“.

На станцію ему не выслали саней отъ Зубровыхъ. Онъ телеграфировалъ сестрѣ—съ какимъ поѣздомъ пріѣдетъ изъ Москвы. Елена Сергѣевна не могла такъ не по-родственному обойтись съ нимъ.

Нашелся ямщикъ, на парѣ, съ развалистыми пошевнями, безъ сидѣнья и даже безъ рогожи, которой можно было бы укрыться.

На станціи ему показалось что-то несовсѣмъ обычное, какая-то тревога, усиленная ходьба прислуги. Даже жандармы все поглядывали по сторонамъ.

Но онъ не сталъ ни о чемъ разспрашивать. Надо было поторговаться съ ямщикомъ; тотъ запросилъ непомѣрно дорого.

— Въ Теряву (онъ такъ произнесъ—вмѣсто Теряево)... больше десяти верстъ буде.

— Всего только семь.

— А дорога-то, баринъ? А время-то какое?

Слово „время“ онъ произнесъ какъ-то особенно; но Бучаевъ сначала не обратилъ на это вниманія.

Скорчившись на своемъ чемоданѣ, сидѣлъ онъ—хмурый и нервный—отъ безсонной ночи въ вагонѣ, гдѣ было адски натоплено, и въ головѣ у него бродили разрывчатыя, такія же хмурыя и нервныя мысли.

Давно ему такъ жадно не хотѣлось вонъ изъ Россіи. Поскорѣе, какъ можно поскорѣе... туда, на границу, въ Эйдкуненъ и, нигдѣ не останавливаясь, очутиться на яркомъ, блистающемъ югѣ, на берегу Неаполитанскаго залива, передъ огненнымъ конусомъ Везувія... или въ Палермо.

Почувствовать себя просто туристомъ-шатуномъ... по-европейски глядѣть, дышать, ходить, спать, мечтать... стряхнуть съ себя русскіе недуги унынія, хандры, тупого раздраженія, безпросвѣтнаго разброда.

Зачѣмъ онъ торчалъ такъ долго въ этой мужицко-купецкой Москвѣ? Что̀ онъ тамъ забылъ? Для кого нужны его соціологическіе анализы, опусканіе лакмусовой бумажки въ растворы общественныхъ кислотъ и щелочей?

Добился того, что заподозрѣнъ какимъ-то „милостивымъ государемъ“ чуть не въ шпіонствѣ. И нечего этому удивляться! Онъ вѣдь изъ „самоопредѣляющихся“, ни къ какому толку не принадлежитъ, всѣхъ подвергаетъ анализу, ни передъ какимъ „учителемъ“ не падаетъ въ прахъ и не цѣлуетъ его ногъ.

„Вонъ, вонъ!“ — повторилъ онъ беззвучно, не раскрывая глазъ и чувствуя, какъ мокро его лицо, какъ хлещетъ его изморозь, забираясь подъ приподнятый воротникъ.

Лошади еле тащились. Бучаевъ все еще не раскрывалъ глазъ.

Какъ тяжко ему будетъ у Зубровыхъ! Видно, что сестра совсѣмъ перетрусила.

Подѣломъ! И ей, и ея великолѣпному Эліодору Ильичу. Но что̀ ему-то до всего этого? Ничего путнаго не выйдетъ изъ такого родственнаго свиданія. Этихъ „совмѣстителей“ не исправишь! Пускай сами отстаиваютъ „священный“ принципъ собственности, какъ знаютъ!

Дорого бы онъ далъ, еслибы что-нибудь чрезвычайное прервало его поѣздку, и онъ принужденъ былъ бы вернуться на чугунку и взять билетъ до того пункта, гдѣ онъ попалъ бы на варшавскую дорогу.

Думать на эту тему стало еще тошнѣе. Онъ сжалъ вѣки и, покачиваясь изъ стороны въ сторону отъ толчковъ, какъ будто задремалъ.

И вдругъ лошади стали. Бучаевъ раскрылъ глаза.

Они были на перекресткѣ. По дорогѣ, шедшей имъ крестъ-на-крестъ, протянулся обозъ, и вправо, и влѣво.

Не сразу понялъ онъ, что̀ это такое. Ѣхали мужики съ бабами и ребятишками. Возы были нагружены и хлѣбомъ, и всякой всячиной.

Никто не шелъ рядомъ; а всѣ сидѣли и лежали, громко переговарились, пѣли. Не мало было и подгулявшихъ.

— Что̀ это такое?—спросилъ онъ своего ямщика.

Тотъ, обернувшись къ нему лицомъ, осклабился.

— Невдомёкъ вамъ, ваше степенство?

— На простой обозъ не похоже.

— А это изъ барской экономіи... значитъ... забрали господскій хлѣбъ и всякую штуку.

— Какъ забрали?

— Очень просто. У насъ... по всей округѣ... вотъ уже которая недѣля... такимъ-то манеромъ удоблетворяютъ себя.

И ямщикъ засмѣялся, прищурившись.

„А! Вотъ оно что̀!“—подумалъ Бучаевъ и весь выпрямился.

— По всей округѣ, ты говоришь?

— Вѣрно... И у вашихъ теряевскихъ тоже драная грамота съ господами.

И, обернувъ свою шершавую рыжеватую бороду къ сѣдоку, ямщикъ спросилъ, опять прищурившись:

— А вы сродственникъ ихній будете, али по дѣлу ѣдете, значитъ?

Бучаевъ ничего не отвѣтилъ.—„Такъ вотъ оно что̀!“—снова воскликнулъ онъ про себя.

А обозъ все еще тянулся. Гудѣли голоса, раздавалось пьяное пѣніе.

Сестра сидѣла передъ нимъ — въ креслѣ, около кровати— въ ихъ общей спальнѣ, съ головой, укутанной въ пуховый оренбургскій платокъ, въ какой-то странной куцавейкѣ на мѣху и въ бархатныхъ сапогахъ.

Въ комнатахъ не было холодно, но ее лихорадило. Лицо—съ землистымъ цвѣтомъ кожи и красными глазами.

И говорила она простуженнымъ голосомъ, скоро, отрывисто и все оглядывалась по сторонамъ.

— Какой ужасъ!.. Дора поѣхалъ сегодня чѣмъ свѣтъ въ городъ къ земскому и къ воинскому начальнику—просить команду.

— Вотъ что̀!—беззвучно выговорилъ Николай.

Никогда онъ не могъ представить себѣ сестры такой жалкой. Но она еще не сдавалась.

— Да вѣдь у васъ пока ничего нѣтъ?

— Я жду... съ часу на часъ... У меня есть чувство, что ночь такъ не пройдетъ.

— Зачѣмъ же ты сидишь?

— Мы не хотимъ бѣжать. Пускай пожалуютъ.

— Тогда ладьте съ мужиками. А вы просите команду. Откуда вы ждете погрома? Изъ Теряева?

— Развѣ это можно знать?—почти крикнула она.—Отовсюду. Третьяго дня къ Казанцеву нагрянули чуть не сто подводъ... даже и не изъ нашей волости, и не изъ сосѣдней. Это какое-то нашествіе варваровъ. Хуже того! Хулиганство, или душу возмущающее...

— Леля!—остановилъ онъ сестру и взялъ ее быстро за руку. —Воздержись отъ этихъ ненужныхъ возгласовъ. Неужели ты не понимаешь, что ледъ тронулся, что пришли минуты расплаты?..

— За что̀?—спросила она его, сдвинувъ брови.

— Ты не понимаешь?

— Нѣтъ, не понимаю. И Эліодоръ не понимаетъ. Мы ни у кого ничего не отнимали... у насъ не было крѣпостныхъ... мы подняли заработки... мы не поднимали арендъ. У насъ нѣтъ ни одного должника, чтобы зарабатывать задатки за ничтожную плату.

— Хорошо. Вѣрю. Но всего этого мало.

— Мало?—повторила она почти со слезами.

— Терневскіе мужики... по скольку получили на душу?

— Я не знаю. Эліодору досталось имѣніе всего восемь лѣтъ назадъ.

— Не можетъ быть, чтобы ты не знала, по скольку... Такъ я тебѣ скажу. Они сѣли на обязательный выкупъ... Ты понимаешь, что это такое.

— Это была ихъ добрая воля. Могли требовать и полнаго надѣла.

— Лена! Лена! Смотрю я на тебя, слушаю и ужасаюсь: во что можетъ превратиться женщина, у которой было чувство правды и жалость къ народу... во что!

Она сдѣлала движеніе, точно хотѣла закрыть себѣ лицо обѣими руками.

— Зачѣмъ ты мнѣ все это говоришь? Я тебя просила... пріѣхать проститься. Я чувствую, что тутъ пахнетъ кровью.

— Если сами не доведете себя до этого—крови не будетъ.

— Какъ ты можешь знать?..

Елена Сергѣевна уставила на немъ глаза.

— Что же?.. Ты все это зналъ впередъ? Можетъ быть... черезъ твои руки прошли... листки подметные, прокламаціи... или грамоты съ печатями?.. Говори! Сбрось ты маску! И я тебѣ крикну: Николай! Карты—на столъ!

— Полно! Не говори вздору.

— Почему это вздоръ? Развѣ я знаю, кто ты!

— Будь я то, въ чемъ ты меня подозрѣваешь, я бы сюда къ вамъ въ усадьбу не пріѣхалъ. Я не занимаюсь активной пропагандой.

— Но ты сочувствуешь ей?

— Это уже сыскъ, сестра, а не разговоръ по душѣ. Я жду, и давно жду, что это движеніе начнется и вотъ въ такихъ именно формахъ. А тебя оно удивляетъ. Гдѣ же у васъ съ твоимъ Эліодоромъ были глаза? Неужели вы думали, что у мужика—не душа, а паръ, какъ у кошекъ? Вы прозѣвали то, что лежитъ въ глубинѣ всей его подоплеки. „Земля — наша!“ Вотъ чѣмъ живутъ они съ незапамятныхъ временъ. Точно будто ты, когда меня воспитывала въ цивическихъ идеяхъ, не знала этого? Ха, ха! Смѣху подобно, сестра! Отъ тебя-то я и слыхалъ эту формулу: „мы ваши, а земля—наша!“ А такъ какъ они уже больше не ваши—и случилось это больше сорока лѣтъ, — то, кажется, не трудно закруглить этотъ силлогизмъ.

— И это твое credo?

Голосъ ея дрогнулъ.

— А когда же я тебѣ говорилъ, что считаю коренную вѣру мужика безуміемъ... Когда?

Она опустила голову. Лицо было полно нервнаго возбужденія; даже руки ея вздрагивали.

— Да... вотъ что... И ты... съ злорадствомъ присутствуешь теперь при нашей ликвидаціи!

— Радоваться еще рано, Лена...

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но дверь изъ корридора со скрипомъ растворилась, и въ спальню вошелъ Зубровъ, въ шапкѣ, въ полушубкѣ и большихъ сапогахъ.

— А! Мое почтеніе, Николай Сергѣевичъ!

— Что, Дора? Что?!

Елена Сергѣевна кинулась къ нему.

— Предоставлены... на произволъ судьбы.

— Какъ?

У нея перехватило въ горлѣ.

— Очень просто! Нѣтъ ни одного взвода... ни одного десятка казаковъ... Все отправлено туда... на заводъ... князя Щигровскаго. Тамъ второй день идетъ форменный разгромъ. И защитники порядка явятся туда, когда все уже будетъ истреблено и поломано, а то и подожжено... Знаешь, какъ въ опереткѣ Оффенбаха:

„Nous sommes des carabiniers...
Nous arrivons toujours trop tard!“

Обернувшись къ Бучаеву, онъ сквозь носъ засмѣялся:

— Не правда ли, высокій комизмъ? И вы должны быть въ особенно пріятномъ настроеніи, любезнѣйшій beau-frère?

Николай повелъ головой и медленно поднялся съ кресла.

— Мое настроеніе, добрѣйшій Эліодоръ Ильичъ, ничему не поможетъ. Одно могу сказать: на всѣ сто милліоновъ владѣльческой земли, чтобы ее отстоять съ оружіемъ въ рукахъ—врядъ-ли хватитъ и цѣлой арміи.

— Да-съ?—съ глухой злобой спросилъ Зубровъ, и тутъ только снялъ мѣховую шапку и бросилъ ее на столъ.—Противъ такой истины нельзя ничего возразить. Арміи у насъ нѣтъ... нѣтъ даже жалкой команды... Но мы такъ даромъ не дадимся въ руки господамъ пейзанамъ.

— Но что же теперь дѣлать?—совсѣмъ упавшимъ голосомъ спросила Елена Сергѣевна и опустилась на край постели.

— Я знаю—что!

Онъ оглянулся на Бучаева.

— Не хочу мѣшать вашей конференціи,—сказалъ тотъ.—Я тутъ лишній. Позвольте мнѣ удалиться.

— Какъ вамъ угодно!—сказалъ Зубровъ и заходилъ по комнатѣ, разстегивая ременный поясъ своего полушубка.

Все еще спитъ въ усадьбѣ. Николай проснулся въ темнотѣ. Окна его комнаты — въ антресолѣ — выходятъ на дворъ; а за околицей идетъ проселокъ изъ села Теряево на хуторъ Займище.

Онъ лежитъ въ постели. Сильно засвѣжѣло. Должно быть, истопникъ забылъ закрыть печку.

Сна уже не будетъ. Онъ это знаетъ. Все пережитое имъ вчера слишкомъ его всколыхнуло.

Да, ледъ тронулся. Надо ждать водополья, когда всѣ плотины и шлюзы прорветъ. Это еще не повсюдное пробужденіе; но оно будетъ имъ—не сегодня—завтра, не черезъ полгода, такъ черезъ годъ.

И его уже больше не тянетъ туда, въ Эйдкуненъ и дальше, къ Неаполитанскому заливу, въ Палермо.

Надо остаться. „Гнусно" было бы бѣжать въ такой моментъ.

Голова заработала совсѣмъ по новому. Въ груди точно такое ощущеніе, какъ бывало на горныхъ высяхъ, гдѣ воздухъ разрѣженъ и требуетъ глубокихъ передышекъ.

Только здѣсь, у этихъ перепуганныхъ и злобствующихъ „совмѣстителей", онъ не желаетъ оставаться и до завтрашняго дня.

Бездушно! Сестра въ такой тревогѣ, а онъ не хочетъ поддержать ее, помочь, защитить, если выйдетъ что-нибудь серьезное!

Въ его помощи не нуждаются. Вчера Эліодоръ Ильичъ язвительно сказалъ ему:

— Вамъ будетъ не особенно пріятно оставаться здѣсь.

„Ты, молъ, пожалуй станешь во главѣ бунтующихъ мужиковъ и укажешь имъ, гдѣ лежитъ наша кубышка!"...

Не будетъ же онъ вооружаться винтовкой изъ рукъ Эліодора Ильича? Тотъ сегодня сбирается устроить вооруженную засаду съ своими лѣсниками.

Томительно тянется время. Тишина дома кажется зловѣщей. Должно быть, еще очень рано.

Онъ чиркнулъ спичкой. Половина шестого. Деревня должна уже подняться. Если изъ Теряева начнется „исходъ" на хуторъ, то обозъ двинется мимо, вдоль частокола усадьбы... За

хлѣбомъ и прочимъ добромъ поѣдутъ на хуторъ. Мужики знаютъ, что въ усадьбѣ, кромѣ запасовъ на продовольствіе господъ и прислуги—ничего нѣтъ. Все тамъ: риги, амбары, кладовыя, машины, скотные дворы.

А можетъ быть, захотятъ произвести и разгромъ усадьбы... Это —по дорогѣ. Всего прямѣе — выместить на барскомъ добрѣ то, что у нихъ накипѣло противъ ихъ „супротивника", противъ „ловкача" и „искаріота", который на обухѣ рожъ молотитъ, извелъ ихъ штрафами, собирается отрѣзать ихъ отъ водопоя.

Въ шесть часовъ Николай всталъ, зажегъ свѣчу, началъ умываться и одѣваться, стараясь дѣлать все это какъ можно тише. Снизу стали доходить звуки. Прислуга поднялась. Кажется, поднялись и господа.

Но онъ не сходилъ внизъ, сѣлъ у окна, досталъ изъ чемодана какую-то книжку и сталъ читать, стараясь уйти въ то, что мелькало передъ нимъ въ печатныхъ строкахъ.

Такъ протянулось еще съ полчаса. Онъ поглядѣлъ въ окно. Чуть-чуть брезжило.

И ему показалось, что слѣва вправу, вдоль частокола господской усадьбы, тянулось что-то сѣрой полосой, мелькали головы лошадей, дуги, темныя фигуры на мужицкихъ розвальняхъ и у оглоблей.

„Это—исходъ!—мысленно воскликнулъ онъ.—Это — теряевскіе крестьяне".

Они ѣдутъ на хуторъ.

Что-то въ немъ внутри точно дернуло.

Надо же предупредить хозяевъ дома.

Онъ тихонько спустился внизъ. Корридоръ былъ уже освѣщенъ лампой, горѣвшей въ передней.

Изъ дверей спальни, со скрипомъ своихъ большихъ сапогъ, вышелъ Эліодоръ Ильичъ.

Они столкнулись почти носъ къ носу.

— Вы изволили видѣть, Николай Сергѣевичъ, отъ себя, сверху? Потянулись подводы къ хутору... Милости просимъ. Я ѣду туда!

— А сестра?

— Она останется здѣсь. Можетъ быть, вы ей хоть сколько-нибудь поможете уложиться. Оставаться дольше—рискованно.

— Конечно, конечно.

— Благодарю васъ,—съ удареніемъ выговорилъ Зубровъ и скорымъ шагомъ пошелъ къ передней.

Въ залу было вынесено нѣсколько сундуковъ. Горничная, мальчикъ, кухонный мужикъ помогали барынѣ.

Смеркалось. Въ кабинетѣ мужа Елена Сергѣевна прибирала бумаги на столѣ, то вскакивала, то опять садилась. Въ углу стоялъ несгораемый шкапъ. Мужъ забылъ ей сказать, гдѣ ключи отъ него. Съ собою ли онъ захватилъ ихъ, или куда положилъ—она не знала.

Братъ предлагалъ ей — ѣхать сейчасъ же. Лошади были дома, и второй кучеръ, на котораго можно было положиться. Но она отказалась ѣхать до возвращенія Эліодора Ильича съ хутора.

Она было-порывалась туда; но онъ не пускалъ ее. Не могъ оставить ее и одну. Вдругъ какъ часть теряевскихъ крестьянъ пожалуетъ сюда.

День стоялъ сумрачный. И въ девятомъ часу было совсѣмъ почти темно.

Въ это время изъ людской прибѣжала баба и крикнула:

— Батюшки! Горитъ!

Всѣ выбѣжали на крыльцо. На небѣ что-то клубилось и зловѣще переливалось.

— Это заводъ князя Щигровскаго,—тотчасъ узнала Елена Сергѣевна.

Блѣдная и вся вздрагивающая, она вернулась въ домъ и стала еще безпомощнѣе метаться. И опять начала искать ключи отъ несгораемаго шкапа.

Николай ходилъ за ней, боясь, что она вдругъ упадетъ въ обморокъ.

— Баринъ! Баринъ! — пронесся женскій крикъ въ корридорѣ.

Оба они бросились туда.

— Господи! Ты раненъ, Дора?

Раздались ея рыданія.

— Ничего! ничего!

Рука у него была перевязана. Онъ взялъ ее за талію и повелъ въ кабинетъ. Николай пошелъ за ними.

— Что́ это... Дора? Въ тебя стрѣляли?

— Мы должны были дать нѣсколько выстрѣловъ. Никто не убитъ. А я, вотъ, видишь... раненъ... чѣмъ-то... камнемъ, должно быть... Но нельзя терять ни минуты, Леля! Сейчасъ будутъ готовы лошади... ты поѣдешь съ приказчикомъ; а я останусь.

И тутъ только замѣтивъ Бучаева, онъ сказалъ ему:

— Я васъ не прошу провожать вашу сестру. Если угодно... мы дадимъ вамъ сани,—вѣдь вы спѣшите за границу? Добраго пути!..

— Я не тороплюсь,—выговорилъ Николай.

„Всѣмъ намъ надо расплачиваться“, — добавилъ онъ про себя.

А изъ окна уже видны были, на пеленѣ дымнаго неба, красные языки зарева.

П. Боборыкинъ.

1905 г.

КИТАЙ

и

ЕГО ВООРУЖЕННЫЯ СИЛЫ

I.

Кто не былъ нѣсколько лѣтъ въ Пекинѣ и возвратился туда въ послѣднее время, тотъ не могъ не замѣтить въ столицѣ имперіи много перемѣнъ къ лучшему, какъ во внѣшнемъ видѣ самого города, такъ и во внутренней его жизни. Прежде всего бросается въ глаза начинающееся благоустройство Пекина. Улицы освѣщаются, вмѣсто прежнихъ масляныхъ плошекъ, фонарями не только въ европейской части столицы, но также и въ китайскомъ городѣ.

Въ фонаряхъ, правда, горятъ керосиновыя лампочки, но императорскій дворецъ уже весь освѣщается электричествомъ, и идетъ рѣчь о проведеніи электричества для освѣщенія посольствъ и Посольской улицы.

На видныхъ мѣстахъ устроены полицейскіе посты, и полицейскіе одѣты въ полу-европейскую военную форму.

Улицы поливаются чистой водой изъ колодцевъ, а не изъ вонючихъ уличныхъ лужъ, количество которыхъ значительно уменьшилось; уменьшилось вмѣстѣ съ ними и прежнее зловоніе. У городскихъ воротъ въ китайскомъ городѣ стоятъ солдаты съ ружьями, а по ночамъ, по люднымъ улицамъ, ходятъ вооруженные патрули. Въ утренніе часы со всѣхъ сторонъ Пекина доносятся китайскіе военные сигналы и марши, по поводу обученія солдатъ.

Нерѣдко можно теперь встрѣтить на китайскихъ улицахъ

проходящія китайскія войска, хорошо вооруженныя, хорошо одѣтыя, предводимыя офицерами. Эти войска создалъ энергичный Юанъ-Ши-Кай.

Должно признать вообще, что съ боксерскаго 1900 года Китай несомнѣнно далеко шагнулъ впередъ и сталъ твердой ногой на путь, указанный ему Европой: завелъ, вооружилъ и обучилъ войска, дабы быть всегда въ готовности европейскому вооруженному кулаку показать свой вооруженный китайскій кулакъ.

Настоящее тяжелое время, которое готовитъ едва ли счастливое будущее для народовъ Дальняго Востока, требуетъ серьезнаго и вдумчиваго отношенія не только къ японцамъ, но и къ китайцамъ.

Въ настоящее время нельзя продолжать относиться невѣжественно къ жизни народовъ, но необходимо прежде всего изученіе и знаніе этой жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ.

Было бы преступно, поэтому, успокоиться въ своемъ невѣжествѣ по отношенію китайцевъ и удовольствоваться тѣми знаніями, которыя опредѣляли китайцевъ или какъ трусовъ, или какъ миролюбивыхъ земледѣльцевъ и торгашей. Европейцы давно уже отрѣшились отъ такого взгляда на китайцевъ и приступили къ изученію ихъ государственнаго строя, обративъ серьезное вниманіе на вооруженныя силы Китая.

По этому вопросу въ европейской печати имѣется уже обширная литература, и недавно вышедшая книга генерала H. Frey, „L'armée chinoise", даетъ намъ много интересныхъ свѣдѣній.

Генералъ H. Frey въ книгѣ своей, посвященной китайской арміи, коснулся пяти вопросовъ: организаціи древней китайской арміи; данныхъ организаціи современной китайской арміи; средствъ, которыми располагаетъ Китай для возможно скорой организаціи своихъ вооруженныхъ силъ; состоянія китайской арміи въ 1903 году и того возможнаго, что она можетъ дать въ будущемъ. Въ пятой части своей книги авторъ дѣлаетъ выводъ изъ всего имъ сказаннаго.

„Ихэтуанскій" (боксерскій) 1900-й годъ раскрылъ глаза европейцамъ на дѣйствительное къ нимъ отношеніе китайцевъ и показалъ, что въ душѣ китайскаго народа много накопилось горечи и прочно осѣла ненависть къ своимъ просвѣщеннымъ западной цивилизаціей поработителямъ.

Вполнѣ понятно, что послѣ ихэтуанскаго года вся Европа встрепенулась и взглянула тревожно въ сторону Желтаго Востока, гдѣ увидѣла для себя „желтую опасность".

Не довольствуясь уже сообщеніями своихъ дипломатовъ, евро-

пейскіе народы пожелали узнать мнѣніе о Китаѣ всѣхъ тѣхъ, кто въ немъ жилъ и работалъ.

Всѣмъ предложенъ одинъ общій вопросъ: существуетъ ли желтая опасность? Чѣмъ можетъ грозить Европѣ Китай?

Яснаго, опредѣленнаго отвѣта, однако, нѣтъ и по сей день.

Да и трудно ожидать такого опредѣленнаго отвѣта, такъ какъ китайскій народъ все еще остается для всѣхъ загадочно-молчаливымъ о томъ, о чемъ онъ мыслитъ и что лежитъ глубоко сокрытое въ его душѣ.

Въ настоящее время, быть можетъ, еще не настала та минута, когда онъ сознаетъ самъ, что таилось въ его вѣками нароставшихъ народныхъ идеалахъ.

О китайскомъ народѣ можно въ настоящее время сказать только одно: онъ проснулся и можетъ проявить себя столь же неожиданно, какъ и жестоко. Чтобы не быть застигнутыми врасплохъ, неподготовленными дать отвѣтъ на предъявленныя требованія народовъ Дальняго Востока, необходимо быть всегда насторожѣ, быть всегда наблюдающими и изучающими жизнь этихъ народовъ во всѣхъ ея проявленіяхъ. Европейцы, впрочемъ, давно уже изучаютъ Китай и Японію; иностранная литература объ этихъ странахъ обширна.

Русскіе и въ знаніи жизни своихъ сосѣдей далеко отстали отъ иностранцевъ, между тѣмъ какъ русскому обществу болѣе, чѣмъ какому-либо иному, необходимо знаніе, знаніе и знаніе. Настоящее время въ жизни народовъ таково, что заставляетъ прежде всего мыслить, но не полагаться только на одну грубую силу кулака, которая, будучи сильна сама по себѣ, безсильна противъ знанія и мысли, какъ наглядно показала намъ несчастная для насъ война съ японцами, маленькимъ государствомъ, населеніе котораго мы называли не иначе, какъ презрительнымъ именемъ „макакъ“ и „япошекъ“...

Китайскаго народа и китайскаго государства мы тоже не знаемъ, мы не изучали его внутренней жизни, мы не знаемъ его вооруженныхъ силъ...

Военная мощь Китая слагалась столь же своеобразно, какъ и само китайское государство, создавшееся изъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ и удѣльныхъ княжествъ, образовавшихъ эту громадную имперію.

Общій принципъ государственной жизни Китая былъ и остается до сего дня—широкая децентрализація, которая служитъ основой управленія четырехсотъ-милліоннаго населенія. На этомъ принципѣ децентрализаціи развивался и военный

строй Китая. Намѣстникъ каждой области, губернаторъ каждой провинціи, имѣлъ столько военныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, сколько находилъ нужнымъ имѣть только для своей области или своей провинціи, оставаясь совершенно независимымъ, какъ отъ потребностей сосѣднихъ областей, такъ и отъ центральной власти.

Каждый намѣстникъ и губернаторъ содержали свои войска на средства своей области и своей провинціи, являясь отвѣтственными только передъ трономъ, когда этого требовали чрезвычайныя обстоятельства.

Съ появленіемъ европейцевъ въ Китаѣ такая система военной организаціи оказалась вполнѣ непригодной, и покойный Ли-Хун-Чангъ первый задался цѣлью образовать, обучить и вооружить по-европейски хоть часть своихъ войскъ, положивъ начало китайской общегосударственной арміи и оставивъ пока въ сторонѣ областныя войска. Послѣдователемъ Ли-Хун-Чанга является въ настоящее время энергичный Юан-Ши-Кай.

Правительственная китайская армія состояла и состоитъ изъ такъ-называемыхъ „Восьми знаменъ".

Самымъ многочисленнымъ изъ нихъ являются войска „Зеленаго знамени", состоящія почти исключительно изъ китайцевъ. Войска „Зеленаго знамени" дѣлятся на двѣ части: внутренній гарнизонъ и полевыя войска.

Войска, входящія въ составъ внутренняго гарнизона, являлись постоянными и несли обязанности жандармеріи, участвуя во взиманіи податей, составляя охранную стражу городовъ.

До 1900-го года эти войска были вооружены копьями, луками и старинными кремневыми ружьями-пистолями.

Полевыя войска „Зеленаго знамени" составлялись изъ выборныхъ отъ всего знамени, а кромѣ того пополнялись солдатами и по вольному найму.

Эти войска распредѣлялись на границахъ государства для ихъ охраны, употреблялись для подавленія возстаній, для преслѣдованія разбойниковъ.

Этимъ войскамъ было уже дано европейское вооруженіе и обученіе. Подобная военная организація Китая по отдѣльнымъ областямъ, не имѣя ничего въ себѣ общаго, не могла создать единой китайской арміи, почему Китай и не былъ въ состояніи выдержать ни одной войны съ европейцами.

Въ 1860 году противъ соединенной англо-французской арміи Китай выставилъ лишь одну печилійскую армію, такъ какъ война велась въ Печилійской области.

Въ японо-китайскую войну 1894—95 года противъ японской арміи дѣйствовали войска Ли-Хун-Чанга, т.-е. войска печилійскаго намѣстника и войска манчжурскія, такъ какъ война велась въ этихъ мѣстностяхъ. Вызванные на помощь отборные отряды отъ другихъ областей и провинцій не могли быть полезными, такъ какъ явились вполнѣ неподготовленными и разрозненными другъ отъ друга въ вооруженіи и обученіи.

Вполнѣ понятнымъ является, что до 1900 года большинство китайскихъ войскъ являлось временнымъ лишь уличнымъ сбродомъ, нанимавшимся на случай необходимости, а постоянной арміи въ европейскомъ смыслѣ слова не существовало.

Отсюда и явилась общая характеристика китайскихъ войскъ того времени, какъ негодныхъ къ серьезной войнѣ, трусливыхъ, плохо обученныхъ, плохо вооруженныхъ.

До послѣдняго времени Китай, какъ обособившееся отъ Европы государство, занимавшее средину и восточную оконечность азіатскаго материка, не обзаводился войсками, необходимыми для отраженія наступательнаго движенія Европы, а для своихъ внутреннихъ потребностей, для борьбы съ разбойниками, для подавленія возстаній довольствовался мѣстными войсками. Такому положенію дѣла въ Китаѣ много способствовала и его вѣковая культура, столь враждебная развитію военнаго государства.

Общее количество войскъ въ Китаѣ считалось на бумагѣ въ шестьсотъ тысячъ, но на самомъ дѣлѣ ихъ было ничтожное количество. Низшіе офицеры по своему образованію и развитію стояли не выше своихъ солдатъ, а высшіе военные чины были прежде всего ученые гражданскіе чиновники, носившіе вмѣстѣ съ своими гражданскими обязанностями только присвоенное имъ военное званіе.

Такіе гражданскіе военачальники не могли, конечно, создать духа арміи и дисциплины, а солдаты, набранные изъ отбросовъ народа, не могли вселить къ себѣ уваженіе и создать связь съ населеніемъ.

Понятнымъ отсюда являлось въ Китаѣ общее народное презрѣніе и страхъ къ военному сословію, выразившіеся въ народной пословицѣ: „Хорошее желѣзо не берутъ на выдѣлку замковъ, и изъ хорошихъ людей не дѣлаютъ солдатъ".

Отсутствіе сильной китайской арміи проходитъ черезъ всю исторію Китая. Слабость китайскихъ войскъ дала возможность завоевать Китай монголамъ въ 1260 году, подъ предводительствомъ Чингисъ-Хана. Завоеватели-монголы отлично понимали

всю выгоду, которую они могутъ извлечь изъ невоинственности китайскаго народа, и поэтому покровительствовали проповѣди китайскихъ философовъ и учителей, которые указывали, что только науки, искусства, тихая семейная жизнь, сохраненіе мира составляютъ счастье человѣка.

Монголы поощряли враждебное чувство китайцевъ къ ужасамъ войны и бѣдствіямъ, которыя вызываютъ постоянныя передвиженія войскъ. Монголы не заставляли умолкать ученіе Конфуція, который сказалъ: „Миръ, хотя бы и мало славный, не составляетъ ли самую блестящую побѣду?“ —и ученіе другого мыслителя, который говорилъ: „Воздавайте побѣдителямъ только погребальныя почести; встрѣчайте ихъ воплями и криками въ память совершенныхъ ими душегубствъ, и пусть памятники ихъ побѣдъ будутъ окружены могилами“.

Китайскіе императоры, тѣмъ не менѣе, признавали необходимость имѣть армію для огражденія своей династіи отъ посягательствъ сосѣдей, а также и для охраненія безопасности внутри своихъ владѣній, что и было причиной, что въ Китаѣ все-таки всегда существовали династическія войска.

Манчжуры, завоевавъ Китай въ 1644 году, признали эти войска весьма полезными и удержали ихъ, какъ отвѣчающія вполнѣ интересамъ династіи, раздѣливъ на восемь знаменъ, причемъ манчжуры-побѣдители были всѣ поголовно обязаны оставаться воинами, а китайцы-побѣжденные зачислялись въ войска по найму.

Монголы образовали тогда особое казачество, обязанное нести военную службу за дарованныя имъ государствомъ земли. Манчжуры, ставъ владыками Китая, не довѣряли китайцамъ отвѣтственныхъ должностей въ войскахъ, почему во всѣ китайскія провинціи отправлялись солдаты-манчжуры, и китайскимъ солдатамъ начальниками назначались также офицеры-манчжуры, дабы показать повсемѣстно власть манчжурской династіи. Въ древней исторіи Китая, тѣмъ не менѣе, былъ и періодъ милитаризма, выдвинувшій знаменитаго генерала Сун-Цзы, о славѣ и доблестяхъ котораго говорятъ всѣ лѣтописи.

Генералу Сун-Цзы, жившему за 2500 лѣтъ до Р. Х., приписываютъ классическое сочиненіе о военномъ дѣлѣ.

Ему же приписываютъ громадное вліяніе на китайское правительство, которое признавало справедливость высказаннаго имъ положенія: „Войска должны составлять самую великую заботу государства, ибо отъ нихъ зависитъ жизнь или смерть подданныхъ, величіе или упадокъ государства“.

Генералъ Сун-Цзы въ сочиненіи своемъ, раздѣленномъ на тринадцать главъ, подробно опредѣляетъ основныя правила военной науки и искусства. И до сего дня основныя положенія, высказанныя генераломъ Сун-Цзы, сохраняютъ свою жизненную правду и пріемлемость.

„Командованіе арміей и дисциплина,—говоритъ онъ,—должны быть одинаковыми, какъ во время мира, такъ и во время войны.

„Наши древніе военачальники были люди мудрые, дальновидные, энергичные и упорные въ трудѣ. Они были всегда готовы ко всякой случайности. Войска, которыми они начальствовали, были хорошо дисциплинированы и всегда были готовы нанести ударъ по первому данному имъ знаку.

„У нихъ теорія и практика предшествовали войнѣ и подготовляли къ ней.

„Чтобы выйти побѣдителемъ надъ своими врагами, необходимо соблюсти пять условій: 1) знать время начать бой и время начать отступленіе; 2) знать, когда, по обстоятельствамъ, нужно пустить въ дѣло много войска, когда—мало; 3) проявлять одинаковую любовь, какъ къ простому солдату, такъ и къ высшимъ офицерамъ; 4) умѣть пользоваться всѣми обстоятельствами, какъ заранѣе предусмотрѣнными, такъ и неожиданно явившимися; 5) быть увѣреннымъ, что государь не станетъ порицать за все то, на что̀ можно отважиться, какъ для пользы его службы, такъ и для славы его войска.

„Если ко всему вышесказанному присоединить личное сознаніе того, что̀ можешь сдѣлать и чего сдѣлать не въ силахъ, а также знаніе всѣхъ людей, которые находятся подъ твоимъ начальствомъ, знаніе, что̀ они могутъ сдѣлать и чего отъ нихъ можно требовать,—то, еслибы пришлось выдержать сотни войнъ, изъ нихъ выйдешь сто разъ побѣдителемъ.

„Хорошій генералъ никогда не долженъ говорить: „я поступлю такъ-то, я пойду туда-то, я произведу аттаку на врага, я предприму осаду такой-то мѣстности“. Обстоятельства должны имѣть рѣшающее значеніе.

„Не слѣдуетъ всегда и во всемъ держаться одной общей системы, не слѣдуетъ точно также руководствоваться разъ созданнымъ планомъ. Каждый день, каждый случай, каждое обстоятельство требуютъ особаго тщательнаго разсмотрѣнія и примѣненія того или другого принципа. Великій полководецъ долженъ постигать искусство измѣнять планы.

„Если онъ придерживается всегда строго опредѣленныхъ знаній, однообразнаго приложенія правилъ, однихъ и тѣхъ же

законовъ дисциплины... онъ не заслуживаетъ того званія, которое носитъ, онъ не заслуживаетъ назначенія быть начальникомъ.

„Жалованье солдатамъ должно платить всегда своевременно и съ величайшей точностью.

„Заботьтесь о плѣнныхъ; кормите ихъ, какъ вашихъ собственныхъ солдатъ; старайтесь даже, если возможно, чтобы у васъ имъ было лучше, нежели въ собственномъ ихъ лагерѣ или даже у нихъ на родинѣ. Извлекайте пользу изъ ихъ службы, принимая, конечно, всѣ необходимыя мѣры предосторожности. Короче сказать, смотрите на плѣнныхъ, какъ еслибы они принадлежали къ солдатамъ, свободно пришедшимъ подъ ваши знамена.

„Только одна необходимость должна заставлять начинать войну. Только она одна можетъ принудить захватить территорію вашего непріятеля для увеличенія собственной страны, только она одна можетъ заставить вторгнуться въ селенія враговъ, внести разореніе въ ихъ жилища.

„Не считайте средствомъ побѣды однѣ только битвы, осады. Учитесь побѣждать, не сражаясь; чѣмъ болѣе вы достигнете въ этомъ, тѣмъ болѣе приблизитесь къ превосходному, несравнимому.

„Достигнуть того, чтобы ворота города были открыты безъ кровопролитія, найти средства побѣдить чужеземныя государства, не входя въ ихъ предѣлы съ войсками—такова задача, которую военачальники, предводя арміями, должны непрестанно имѣть въ виду и никогда не отчаяваться въ ея достиженіи.

„Не упускайте ни единой возможности тревожить, тѣснить непріятеля; губите его по частямъ; находите возможность раздражать его, чтобы заставить его попасть въ разставленную вами для него западню.

„Отвлекайте непріятеля, отнимайте у него подвозъ припасовъ, его транспорты. Великій полководецъ торжествуетъ надъ врагомъ, пуская въ ходъ все свое искусство, чтобы разстроить планы непріятеля; онъ распространяетъ раздоры въ рядахъ его людей; онъ держитъ ихъ въ постоянномъ напряженіи, не давая врагу отдыха, не допуская до него подходящихъ подкрѣпленій“...

Таковъ идеалъ полководца, выставленный генераломъ Сун-Цзы въ его книгѣ.

Переходя къ описанію современной китайской арміи, генералъ Frey во второмъ отдѣлѣ своей книги говоритъ, что каждый, кто видѣлъ китайскія войска въ послѣдней печилійской войнѣ и особенно въ Тяньцзинѣ въ 1900 году, кто видѣлъ во-

оруженіе арміи, обученіе пѣхоты и артиллеріи, однимъ словомъ, кто видѣлъ китайскую армію, какъ цѣлое, составленное изъ различныхъ ея частей, тотъ не можетъ не удостовѣрить, что китайская армія значительно стала лучше не только противъ 1860 года, но и противъ 1894-го. Китайскія войска 1900 года не помѣшали европейскимъ войскамъ достигнуть Пекина только потому, что генералъ Юан-Ши-Кай, бывшій главнымъ начальникомъ войскъ и вице-королемъ Шандунской провинціи, увелъ свои войска въ свою провинцію, чѣмъ, какъ дальновидный государственный человѣкъ, достигъ двухъ цѣлей заразъ: боксерское движеніе было локализовано только въ Печилійской провинціи и не могло распространиться въ Шандунской провинціи, въ которой Юан-Ши-Кай поддержалъ строгій порядокъ, и европейскія войска безъ особыхъ препятствій достигли Пекина и положили конецъ смутамъ, освободивъ европейскія посольства отъ боксеровъ. Такимъ образомъ, армія Юан-Ши-Кая, серьезно обученная и дисциплинированная, можетъ служить образцомъ новыхъ китайскихъ войскъ.

Другой европейски-обученной и дисциплинированной арміей обладаетъ другой выдающійся китайскій государственный человѣкъ, вице-король Чжан-Чжи-Дунъ.

Его армія расположена на югѣ Китая: въ Ву-Зунѣ и по Ян-Цзэ-Кіангу.

Одинъ изъ французскихъ офицеровъ, присутствовавшій на маневрахъ артиллеріи въ 1901 году, говоритъ о ней такъ: „Всѣ движенія артиллеріи отличаются поразительной точностью; выѣздъ на позиціи, снятіе и постановка орудій совершаются съ поразительной быстротой и совершенствомъ. Инструкторъ, нѣмецкій офицеръ, признавая прекрасныя военныя качества китайскихъ солдатъ, высказалъ, что каждый изъ нихъ превосходный стрѣлокъ, у каждаго изъ нихъ великолѣпное зрѣніе и полное отсутствіе нервовъ“.

Вучангская армія Чжан-Чжи-Дуна состоитъ изъ десяти-тысячъ прекрасно вооруженныхъ, обученныхъ и дисциплинированныхъ солдатъ. Ядромъ, изъ котораго выдѣлились и развились эти новыя китайскія арміи, были все тѣ же старыя „Восемь знаменъ“. Первый, положившій начало этимъ арміямъ, какъ уже было сказано, былъ Ли-Хун-Чангъ, выдѣлившій изъ „Восьми знаменъ“ новый пекинскій корпусъ въ составѣ тринадцати тысячъ, который долженъ былъ всегда держаться въ боевой готовности для защиты Пекина. Въ 1889 году, изъ „Восьми знаменъ“ былъ выдѣленъ новый корпусъ въ сорокъ-три тысячи,

предназначенный для защиты всей Печилійской провинціи. Первая печилійская армія и была излюбленнымъ дѣтищемъ покойнаго Ли-Хун-Чанга. Императрица, признавая всю неотложность реорганизаціи вооруженныхъ силъ Китая, указомъ отъ 7-го декабря 1898 года раздѣлила всѣ дѣйствующія войска на пять дивизій, подъ общимъ начальствомъ генерала Чжун-Лу, получившаго тогда наименованіе генералиссимуса.

Весь этотъ пяти-дивизіонный корпусъ заключалъ въ себѣ 57.000 человѣкъ съ 5 тысячами кавалеріи и небольшимъ количествомъ артиллеріи. Первая дивизія, подъ начальствомъ генерала Суна, была размѣщена въ Шанхай-Гуани; вторая дивизія, подъ начальствомъ генерала Нэ, была размѣщена въ Лутаѣ и Кайпинѣ, близъ Тяньцзина. Генералъ Нэ, одинъ изъ просвѣщенныхъ китайскихъ генераловъ, былъ убитъ въ бою подъ Тяньцзиномъ въ 1900 г. Его войска въ Лутаѣ имѣли въ 1899 году русскихъ инструкторовъ въ лицѣ полковника лейбъ-гвардіи гусарскаго полка П. П. Воронова и двухъ гусарскихъ унтеръ-офицеровъ.

Третья дивизія, подъ начальствомъ генерала Юана, была расположена въ Сяо-Чанѣ; четвертая дивизія, подъ начальствомъ знаменитаго въ боксерскомъ движеніи Дун-Фу-Сань, была расположена въ Цзи-Чжоу, и, наконецъ, пятая дивизія, находившаяся въ личномъ распоряженіи самого генералиссимуса Чжун-Лу, располагалась въ окрестностяхъ Пекина въ такъ-называемомъ императорскомъ Охотничьемъ паркѣ, и была предназначена для службы въ предѣлахъ императорскаго дворца. Большинство войскъ этихъ пяти дивизій было уже вооружено ружьями Маузера и Манликера, и только меньшинство имѣло ружья различныхъ системъ.

Что касается Манчжуріи, то въ трехъ ея провинціяхъ войска были выдѣлены изъ „Восьми знаменъ" и составили въ каждой провинціи гарнизонъ изъ четырехъ тысячъ пѣхоты, вооруженной по-европейски, 500 кавалеріи и 80 орудій полевой и горной артиллеріи.

Эти арміи должны были находиться въ состояніи боевой готовности.

Въ случаѣ необходимости, войска въ Манчжуріи могли быть доведены до 37 тысячъ общаго состава.

Кромѣ того, на границѣ Кореи и Россіи находилась самостоятельная армія въ 10 тысячъ человѣкъ.

Весь численный составъ манчжурской арміи и пограничной съ Россіей и Кореей, въ случаѣ военныхъ дѣйствій, долженъ былъ быть доведенъ до 170.000. Но манчжурскія войска не

имѣли еще европейскихъ инструкторовъ, и, какъ полагаютъ, общее ихъ количество едва-ли могло превысить 60 тысячъ.

Кромѣ этихъ армій, существовавшихъ въ дѣйствительности, считалась еще на бумагѣ такъ-называемая тибетская армія, въ постоянномъ численномъ составѣ въ три тысячи человѣкъ, а въ случаѣ войны долженствовавшая имѣть численный составъ въ 47 тысячъ.

Южный Китай имѣлъ свои войска, расположенныя какъ въ городахъ провинціи, такъ и въ пограничной полосѣ Китая и Тонкина.

Полковникъ Famin, наблюдавшій эти пограничныя войска, говоритъ, что количественно они достигаютъ 10 тысячъ, въ числѣ этомъ заключаются пѣхота, кавалерія и горная артиллерія, сообразно съ характеромъ горной мѣстности.

Бо́льшая часть южной арміи, по словамъ полковника Famin, получила поверхностное европейское военное образованіе, но дисциплина этихъ войскъ удовлетворительная, а стрѣльба—хорошая.

Вооруженіе армій самое разнообразное и въ большинствѣ—старое. Въ различныхъ мѣстностяхъ расположенія арміи находятся въ достаточномъ количествѣ снабженные аммуниціей запасные склады.

По близости границы имѣются также арсеналы, производящіе снаряды и порохъ.

Что касается состава офицеровъ въ южной арміи, то большинство изъ нихъ не имѣетъ общаго образованія, и многіе изъ нихъ не сдавали даже военнаго экзамена. Корпусъ высшихъ офицеровъ пополняется кандидатами на вакансію, живущими при арміи и ожидающими зачисленія въ войска.

Замѣщеніе невѣжественныхъ офицеровъ получившими образованіе въ военныхъ школахъ происходитъ очень медленно, за общимъ пока еще недостаткомъ военныхъ школъ относительно потребности въ образованныхъ офицерахъ. Что касается до унтеръ-офицеровъ, то большинство изъ нихъ старые служаки и выбираются сами же солдатами, по добровольному соглашенію. Низкій умственный и нравственный уровень офицеровъ и унтеръ-офицеровъ составляетъ пока слабую сторону организаціи въ южной пограничной арміи.

Для потребностей этой арміи въ нѣсколькихъ мѣстахъ находятся большіе склады риса, но въ арміи нѣтъ ни санитарной организаціи, ни организаціи перевязочныхъ средствъ и транспортовъ.

Полковникъ Famin считаетъ, что пограничный армейскій южный корпусъ находится въ благопріятныхъ условіяхъ только для веденія оборонительной войны въ этой мѣстности, трудно вообще доступной и войскамъ хорошо извѣстной.

Боевыя качества этой арміи выказались въ благопріятномъ все-таки свѣтѣ, такъ какъ въ 1902 году она храбро выдержала борьбу съ возстаніемъ. Небольшая китайская армія, организованная по образцу арміи въ Гуань-Си, находится также и въ провинціи Юн-Нань.

Офицеры и унтеръ-офицеры въ этой юн-наньской арміи принадлежатъ къ бывшимъ когда-то предводителямъ пиратовъ и мятежниковъ во время войны въ Тонкинѣ. Войска эти хотя мало обучены и мало дисциплинированы, но къ нимъ небрежно относиться нельзя...

Если бы произошла война съ Китаемъ, то они могли бы въ Индо-Китаѣ доставить французамъ менѣе хлопотъ.

Одна изъ новѣйшихъ и наиболѣе обученныхъ южныхъ армій, это та, которая расположена въ Ву-Чангѣ.

Эту армію видѣлъ французскій офицеръ Hubert, въ началѣ 1901 г., и говоритъ о ней слѣдующее.

Въ концѣ 1894 года, вице-король Лянцзянскихъ провинцій Чжан-Чжи-Тунъ, пригласилъ въ Нанкинъ 12 германскихъ офицеровъ, 24 унтеръ-офицера, и поручилъ имъ организовать, обучить и вооружить бывшія подъ его начальствомъ войска, долженствующія быть постоянными.

По прошествіи двухъ лѣтъ, Чжан-Чжи-Тунъ декретомъ императрицы былъ переведенъ въ провинцію Ху-Бей, въ которой Ву-Чангъ является главнымъ торговымъ пунктомъ. Вице-король взялъ съ собою въ новое свое вице-королевство (намѣстничество) и бо́льшую часть своей новой, по-европейски вооруженной и обученной арміи.

Кромѣ обученія по-европейски войскъ, Чжан-Чжи-Тунъ учредилъ въ Нанкинѣ военную школу и нѣсколько военныхъ заводовъ, изготовлявшихъ ружья и отливавшихъ пушки.

Прибывъ въ Ву-Чангъ, Чжан-Чжи-Тунъ, немедля, при помощи тѣхъ же германскихъ офицеровъ, приступилъ и здѣсь къ организаціи постоянной по-европейски обученной арміи, и открылъ военную школу, послужившую ядромъ, изъ которой выростали новые китайскіе офицеры. Къ концу 1897 года число по-европейски обученныхъ войскъ въ Ву-Чангѣ было до трехъ тысячъ, и въ настоящее время количество этихъ войскъ считаютъ возросшимъ до 20 тысячъ.

Эти войска раздѣлены на двѣ дивизіи: дивизію дѣйствующую (войны) и дивизію резерва, которая несетъ службу внутри провинціи.

Дѣйствующая дивизія (войны) состоитъ при вице-королѣ и заключаетъ въ себѣ три полка пѣхоты, батальонъ саперъ, эскадронъ кавалеріи, полкъ артиллеріи (8 горныхъ баттарей) и двѣ роты желѣзнодорожной охраны.

Вторая резервная дивизія состоитъ изъ трехъ полковъ пѣхоты, одного полка артиллеріи (8 горныхъ баттарей) и различныхъ отрядовъ, несущихъ службу по охранѣ путей сообщенія, городскихъ гарнизоновъ, полиціи, охраняющей европейцевъ, и т. д.

Что касается состава войскъ различнаго рода оружія, то китайскій пѣхотный полкъ состоитъ изъ батальоновъ, ротъ, взводовъ.

Батальонъ во всѣхъ новыхъ полкахъ въ провинціи состоитъ изъ 500 человѣкъ. Вооруженіе офицеровъ по образцу нѣмецкому.

Войска вооружены ружьями Маузера съ ножемъ-штыкомъ.

Одежда, лагерное расположеніе, шанцевые инструменты— все это заведено или по нѣмецкому, или по японскому образцамъ.

Инженерныя войска по внѣшнему виду ничѣмъ не отличаются отъ пѣхоты, но имѣютъ въ своемъ распоряженіи артиллерійскіе парки, зарядные ящики, взрывчатыя вещества, матеріалъ для наведенія мостовъ при переправахъ чрезъ небольшія рѣчки и каналы.

Артиллерійскій полкъ состоитъ изъ четырехъ баттарей, каждая баттарея имѣетъ 8 орудій калибра 57 мил. системы Круппа.

Кавалерія находится еще въ періодѣ начальнаго образованія,

Вооруженіе кавалерійскаго офицера состоитъ изъ сабли и револьвера.

Сабля—нѣмецкаго образца. Вооруженіе солдатъ состоитъ изъ копья и магазиннаго карабина.

Считаютъ, что въ каждомъ вновь сформированномъ эскадронѣ имѣется 250 лошадей.

Обмундировка по-европейски обученныхъ солдатъ повсюду одинакова. Разные роды оружія отличаются другъ отъ друга только цвѣтомъ галунныхъ нашивокъ на рукавѣ.

Офицерамъ, начиная съ чина капитана, полагается быть на конѣ.

Каждый батальонъ имѣетъ военнаго врача и необходямый запасъ врачебныхъ матеріаловъ и средствъ.

Жалованье солдатамъ платится ежемѣсячно.

Обозъ каждой военной части одинаковъ и состоитъ изъ китайскаго образца тачекъ, хорошо и прочно построенныхъ по

особому типу и весомыхъ, какъ вообще практикуется у китайцевъ, особыми кули (чернорабочими).

Каждый пѣхотный батальонъ, артиллерійскій полкъ и кавалерійскій эскадронъ имѣетъ свое значеніе, но въ каждомъ знамени въ центрѣ помѣщена китайская надпись: „Всегда впередъ —и никогда назадъ".

Въ европейски обученныхъ войскахъ офицерскій корпусъ пополняется получившими военное образованіе въ военныхъ школахъ въ Тяньцзинѣ, Ву-Чангѣ, Нанкинѣ. Въ ближайшемъ будущемъ всѣ офицерскія мѣста будутъ пополняться людьми, получившими военное образованіе въ военныхъ школахъ.

Чтобы поднять уваженіе къ военному сословію, вице-король Чжан-Чжи-Тунъ издалъ приказъ, по которому всѣ подвѣдомственные ему мандарины обязаны одного изъ своихъ сыновей отдавать въ военную школу. Самъ вице-консулъ подалъ этому примѣръ, отдавъ одного сына въ военную школу въ Ву-Чангѣ, а другихъ своихъ сыновей отправивъ въ военную школу въ Токіо.

Солдаты въ провинціяхъ Печилійской, Шандуньской и Хоньской нанимаются на службу на десятилѣтній срокъ. Всѣ принятые на службу солдаты должны быть грамотны и принадлежать къ хорошимъ семьямъ.

Французскій командиръ Hubert, который присутствовалъ на маневрахъ различныхъ частей китайскихъ войскъ, говоритъ, что нашелъ войска хорошо вымуштрованными, какъ въ отношеніи сомкнутаго строя, такъ и при дѣйствіи въ разсыпную.

Построенія въ боевой порядокъ, наступленія, отступленія, высылка подкрѣпленій, совершались войсками въ высшей степени правильно, съ увлеченіемъ, но въ величайшемъ спокойствіи и тишинѣ.

Порядокъ въ стрѣльбѣ замѣчательный: стрѣлки развиваютъ правильный огонь, не обнаруживая торопливости.

Прицѣлъ, назначаемый начальникомъ, берется всегда замѣчательно точно.

Инженерныя войска приспособлены къ различнымъ маневрамъ пѣхоты и исполняютъ ихъ съ тою же тщательностью, какъ и пѣхота. Въ исполненіи своей спеціальности эти войска проявляютъ ту особенную способность, которая такъ свойственна китайцамъ.

Артиллерія выполняетъ свои маневры выше всякихъ похвалъ: постановка орудій, наводка ихъ на прицѣлъ, стрѣльба, повѣрка стрѣльбы по методу вилки,—одинаково усвоены, какъ начальниками, такъ и солдатами. Какъ только орудіе выѣхало на пози-

цію, то наводчики и прислуга при орудіяхъ, чтобы не показывать непріятелю явной цѣли, остаются сидѣть; такое положеніе, помимо удобства, предохраняетъ ихъ отъ утомленія во время продолженія стрѣльбы.

Кавалерія не столь удовлетворительна. Вооруженіе карабиномъ, саблей и копьемъ отягощаетъ всадника, а малый ростъ лошади не даетъ возможности легко развернуться рукѣ съ копьемъ.

Тѣмъ не менѣе, всѣ упражненія въ волтижировкѣ исполняются китайцами-кавалеристами съ ловкостью и отвагой.

Что касается размѣщенія войска въ Ву-Чангѣ, то казармы, гимнастическій плацъ, магазины и склады для храненія матеріаловъ какъ дѣйствительной службы, такъ и резервовъ, кухня, баня, лазаретъ, содержатся въ прекрасныхъ условіяхъ, въ чистотѣ, и хорошо обставлены. Каждый человѣкъ имѣетъ свою походную кровать, которая образуетъ крышку деревяннаго сундука съ выдвижными ящиками для помѣщенія вещей. Постельный приборъ состоитъ изъ цыновки, двухъ одѣялъ и мустикера.

Вице-король Чжан-Чжи-Тунъ, по примѣру покойнаго Ли-Хун-Чанга, одновременно съ реорганизаціей своей арміи, принялъ мѣры также и къ тому, чтобы освободиться отъ опеки европейцевъ и зависимости отъ доставки ими всѣхъ необходимыхъ матеріаловъ и обмундированія для своей арміи.

Вслѣдствіе этого онъ поручилъ бельгійскимъ и нѣмецкимъ инженерамъ привести въ извѣстность природныя горныя богатства въ провинціяхъ Ху-Бей и Хунань, изобилующихъ мѣстонахожденіями угля, желѣза, мѣди.

Въ настоящее время по близости Ву-Чанга возникли уже многіе промышленныя учрежденія и заводы, каковы: сталелитейные, желѣзодѣлательные, арсеналы, дабы все необходимое получалось и обработывалось изъ первыхъ рукъ и источниковъ.

Директоромъ арсенала состоитъ китайскій чиновникъ, имѣющій помощниками двухъ нѣмецкихъ инженеровъ. Машинное устройство доставлено по большей части отъ Круппа.

Въ этомъ арсеналѣ имѣются слѣдующія производства: 1) заводъ для выдѣлки ружей системы Маузера, — ежедневно 50 штукъ; 2) заводъ для отливки пушекъ и мастерская для изготовленія лафетовъ, необходимыхъ для пушекъ въ количествѣ ста ежегодно; пушки отливаются скорострѣльныя, системы Grüson, калибра 37 mm., 57 mm. и 80 mm.; имѣется литейная для производства гранатъ въ количествѣ ста тысячъ въ годъ; 3) патронный заводъ, выпускающій ежедневно 25 тысячъ патроновъ.

4) пороховой заводъ, расположенный въ нѣсколькихъ километрахъ къ сѣверу отъ арсенала.

Въ устьѣ рѣки Ян-Цзэ существуетъ другой, еще болѣе солидный арсеналъ, нежели въ Хань-Янѣ (Ву-Зунѣ).

Этотъ арсеналъ имѣетъ директоромъ также китайскаго чиновника и нѣсколькихъ инженеровъ-англичанъ.

Въ этомъ арсеналѣ не только дѣлаются ружья и отливаются скорострѣльныя орудія, но отливаются и тяжелыя горныя орудія, а также и необходимыя вооруженія для фортовъ гор. Янцзэцзяна. Крупныхъ орудій, по образцу англійскихъ морскихъ, отливается въ этомъ арсеналѣ ежегодно 20 и сто скорострѣльныхъ по модели Grüson, калибровъ 37 m., 47 m. и 57 m.

Находящійся въ 4 километрахъ къ юго-востоку отъ арсенала, пороховой заводъ производитъ порохъ различнаго качества и пироксилинъ; здѣсь выдѣлываются также и патроны для ружей всѣхъ системъ, принятыхъ въ войскахъ Лянцзянскаго намѣстничества.

Кромѣ арсеналовъ, въ Ву-Чангѣ имѣется еще центральный складъ оружія и матеріаловъ, служащій, какъ резервъ.

Здѣсь имѣется большое количество пушекъ, полученныхъ изъ Германіи передъ войной 1900 года, а также и орудія собственнаго производства. Эти запасы считаютъ въ 342 орудія 57 mm., 60 орудій 75 mm.; 70 тысячъ ружей Маузера; полевыя баттареи европейскаго производства; запасы въ тысячу пачекъ патроновъ и т. д.

Кромѣ 20 тысячъ войскъ, обученныхъ по-европейски, въ южномъ Китаѣ есть еще 40 тысячъ необученныхъ, вслѣдствіе лишь недостатка въ европейцахъ-инструкторахъ, но всѣ эти войска вооружены ружьями Маузера.

Въ каждомъ пунктѣ болѣе или менѣе значительнаго расположенія этихъ войскъ находится одинъ или два батальона, обученныхъ по-европейски, которые и служатъ образцомъ при обученіи всѣхъ остальныхъ войскъ.

Изъ числа этихъ 40 тысячъ, въ Сяо-Янѣ расположено отъ 6 до 8 тысячъ; 12 тыс. расположено въ Ичанѣ, 10 тыс.—большинство манчжуры—расположено въ Кин-Чоу, гдѣ находится главная квартира манчжурскаго генерала. Войска эти вообще, какъ малообученныя и не имѣющія достаточнаго числа образованныхъ офицеровъ, не заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Было уже нами сказано выше, что тотъ, кто первый обратилъ все вниманіе на военное образованіе офицеровъ и положилъ начало этому образованію учрежденіями военныхъ школъ

въ Тяньцзинѣ, Пекинѣ, Кантонѣ, Нинпо, Нанкинѣ, Уюнѣ,—былъ Ли-Хун-Чангъ.

Однѣ изъ этихъ школъ были школами низшаго разряда, приготовительными къ званію офицера, а другія были школами спеціальными или военными академіями, воспитанники которыхъ, по окончаніи курса наукъ, выходили прямо офицерами. Подготовительныя военныя школы были основаны въ Манчжуріи въ городахъ Мукденѣ, Гиринѣ и Цицикарѣ въ 1894 г.

Подполковникъ Быковскій, посѣтившій Цицикаръ въ 1900 г., сообщилъ интересныя свѣдѣнія о пріемѣ воспитанниковъ въ училище, о программѣ преподаванія и продолжительности курса. Преподаваніемъ въ училищѣ занимались тогда пять офицеровъ, большинство изъ нихъ были манчжуры.

Двое проходили китайскую литературу, а трое читали военныя науки: фортификацію, артиллерію, топографію, курсъ желѣзнодорожнаго дѣла, курсъ миннаго дѣла.

По выходѣ изъ школы, ученики должны были прослужить въ теченіе года въ званіи нижнихъ военныхъ чиновъ, затѣмъ получали чинъ унтеръ-офицера и зачислялись на вакансію по собственному желанію въ одну изъ трехъ армій. Прослуживъ еще годъ въ званіи унтеръ-офицера, они получали званіе адъюнктовъ, по пѣхотѣ или кавалеріи.

Прослуживъ два года въ этомъ званіи, они получали первый офицерскій чинъ, который давался имъ, такимъ образомъ, не особенно легко.

Капитанъ Boichut, ознакомившись съ положеніемъ китайскихъ военныхъ школъ, признаетъ, что китайцы сдѣлали много шаговъ впередъ по пути прогресса, и если бы національное ихъ движеніе не было замедлено, то боксерское движеніе 1900 года, съ прекрасно вооруженной арміей и образованными молодыми офицерами, могло бы имѣть другой результатъ.

Въ настоящее время европейцы не могутъ не признать попытокъ китайскаго правительства создать у себя военное населеніе и должны къ будущему отнестись съ большимъ вниманіемъ.

Послѣ 1900 года въ Китаѣ проявляются попытки японцевъ къ организаціи военнаго образованія среди китайцевъ силами японскихъ инструкторовъ, съ каковой цѣлью японскіе офицеры въ отставкѣ или въ запасѣ предлагали свои услуги вице-королямъ различныхъ южныхъ провинцій къ учрежденію военныхъ школъ въ главныхъ городахъ и обученію ихъ солдатъ по-европейски.

Послѣ 1900 года, въ Китаѣ открыто уже нѣсколько выс-

шихъ военныхъ училищъ, преподавателями въ которыхъ были приглашены европейскіе офицеры.

Каждая изъ высшихъ школъ имѣетъ до ста воспитанниковъ, изъ которыхъ многіе уже имѣютъ ученую степень, полученную ими при окончаніи курса гражданскихъ наукъ. Курсъ въ высшихъ военныхъ школахъ трехлѣтній. По окончаніи курса, воспитанники въ зависимости отъ успѣховъ получаютъ дипломъ—одни на чинъ капитана, другіе—на чинъ лейтенанта. Офицеры-европейцы, которые интересовались узнать, насколько усвоено военное развитіе и мышленіе китайскими офицерами, окончившими высшія школы, высказываютъ мнѣніе, что первоначальное образованіе до поступленія въ школу, получаемое по китайской системѣ обученія, безусловно неблагопріятно и служитъ самымъ серьезнымъ препятствіемъ къ усвоенію офицерами широкаго военнаго образованія.

Китайскій методъ образованія и до сего времени стремится развить въ высшей степени память въ ущербъ всѣмъ остальнымъ способностямъ, а особенно въ ущербъ личной иниціативѣ и свободному мышленію.

Остающійся непоколебимымъ въ Китаѣ, методъ литературный имѣетъ своей задачей возможно больше обогатить память учащагося множествомъ изреченій китайскихъ мыслителей и правилъ морали, не развивая въ то же время критическаго сужденія. И до сего дня въ Китаѣ умственное развитіе чиновника ставится въ зависимость отъ его искусства владѣть кистью и умѣть примѣнять къ выраженію своихъ сужденій возможно изящно подобранныя изреченія классиковъ.

Даже либеральные новаторы послѣдняго времени, требующіе введенія новыхъ системъ образованія по-европейски, не имѣютъ рѣшимости и смѣлости отказаться отъ китайскаго метода образованія, какъ отжившаго свое время и вреднаго. Даже они оставляютъ этому методу видное мѣсто.

Въ числѣ неблагопріятныхъ условій ставятъ еще и то обстоятельство, что новыя военныя школы, стремясь дать европейское научное военное образованіе, оставляютъ совершенно безъ вниманія духовную сторону, поднятіе нравственнаго уровня, развитіе въ душѣ высшей чести воина.

Военное образованіе китайцы ставятъ на степень ремесла и понимаютъ военное дѣло какъ ремесло. Въ высшей военной школѣ въ Ву-Чангѣ введена строгая дисциплина, воспитывается строгое уваженіе къ офицеру, требуются товарищескія отношенія и уваженіе къ службѣ и оружію. Такія же строгія требованія

обращены и къ солдатамъ, отъ которыхъ требуются уваженіе къ своимъ начальникамъ, уваженіе другъ къ другу, чистота и бережное отношеніе къ оружію и преслѣдуется азартная игра и куреніе опіума.

Школа въ Ву-Чангѣ — образцовая, изъ которой, по проекту вице-короля Чжан-Чжи-Туна, должны выходить лучшіе офицеры.

Дѣлая общій обзоръ китайской арміи, генералъ Frey признаетъ, что какъ регулярныя войска, такъ даже и кантонскіе пираты, съ которыми французы вступали въ бой во время войны въ Тонкинѣ, обладаютъ многими военными качествами и способностями, а серьезная военная организація и обученіе могутъ сдѣлать изъ нихъ достойнаго противника.

Должно признать,—говоритъ генералъ,—что китайцы обладаютъ высшей военной доблестью — презрѣніемъ къ смерти.

Трудно, правда, согласовать презрѣніе къ смерти съ трусостью, которую обнаружили китайскіе солдаты во множествѣ случаевъ, какъ во время войны 1900 года, такъ и во время японо-китайской войны, когда китайцы были вынуждаемы вступать въ открытый бой въ полѣ безъ прикрытія или совершать отступленіе, или выдерживать несущуюся на нихъ отчаянную аттаку, грозящую перейти въ рукопашный бой.

Презрѣніе къ смерти въ дѣйствительности высказывается у китайцевъ не только у политическихъ преступниковъ, но и у уголовно-осужденныхъ, не только у мандариновъ, но и у простыхъ рабочихъ, когда они спокойно подставляютъ свою шею подъ топоръ палача. Это презрѣніе къ смерти высказывается среди китайцевъ всѣхъ слоевъ во многихъ случаяхъ. Развѣ оно не отвѣчаетъ понятію о мужествѣ и, въ частности, не можетъ быть приравнено къ храбрости воина?

Трусливость китайскаго солдата происходитъ отъ собственнаго признанія себя какъ существа низшаго, отъ сознанія, что онъ самъ и вся китайская армія ниже по достоинству, нежели европейскія войска, отъ недовѣрія къ своему собственному профессіональному образованію, отъ недовѣрія къ мужеству своихъ полководцевъ и, въ концѣ концовъ, отъ недовѣрія къ конечному счастливому исходу,—вотъ причины, которыя предрасполагаютъ армію къ пораженію.

Китайскій солдатъ, особенно пѣхотинецъ, неутомимъ, выносливъ въ трудѣ, проявляетъ величайшую умѣренность и замѣчательное проворство въ ручной работѣ, совмѣщаемое съ поразительной ловкостью.

Кромѣ того, въ организаціи общественнаго строя своей жизни

и, въ частности, въ организаціи строя своей семьи китаецъ воспитываетъ въ себѣ духъ повиновенія, мягкости характера, уваженія,—качества наиболѣе важныя, чтобы образовать человѣка съ военной дисциплиной.

Какъ стрѣлокъ, китаецъ оставляетъ еще желать многаго: запахъ пороха пріятно опьяняетъ его, волненіе боя заставляетъ его легко терять голову и предаваться безконечной и безполезной стрѣльбѣ, что, впрочемъ, дѣлаютъ большинство солдатъ восточнаго происхожденія, если они не пріучены дѣятельной, методической и строгой подготовкой къ дисциплинѣ огня.

Французскіе офицеры въ колоніяхъ въ Африкѣ и въ Азіи знаютъ, какихъ трудовъ стоитъ — вразумить туземцевъ - солдатъ въ необходимости спокойнаго опредѣленія цѣли и отданія отчета въ своихъ дѣйствіяхъ въ виду непріятеля. Нѣкоторые писатели того мнѣнія,—что отвѣчаетъ также убѣжденію и генерала Frey, — что китайскому солдату, въ силу его слабо развитой нервной системы и въ силу его значительной покорности и послушности, можно дать хорошее военное образованіе и сдѣлать изъ него хорошаго стрѣлка. Баронъ Binder Krieglstein сообщаетъ по этому случаю, что нѣмецкіе офицеры во время происходившаго боя на границѣ Шен-Си были поражены тѣмъ спокойствіемъ, съ которымъ китайскіе солдаты выдерживали прицѣльный огонь, а китайскіе офицеры съ невозмутимымъ хладнокровіемъ въ самомъ разгарѣ боя медленно ходили по линіи огня, чтобы ободрять своихъ солдатъ и вселять въ нихъ довѣріе.

Китайскій солдатъ, какъ показали Тяньцзинъ и Пекинъ, умѣетъ извлекать для себя выгоду изъ малѣйшаго прикрытія: боксеры и солдаты сражались изъ-за баррикадъ, зубчатыхъ стѣнъ, развалинъ домовъ, могилъ.

Достаточно было небольшого прикрытія, чтобы за нимъ собрался цѣлый отрядъ китайскихъ солдатъ.

Нѣкоторые писатели дѣлаютъ выводъ, что китайскій солдатъ хорошъ только для пассивной обороны, но въ послѣдней китайской войнѣ 1900 года были наблюдаемы случаи, что китайскіе солдаты переходили въ отчаянное наступленіе. Таковы были 4-ое и 11-е іюля 1900 г., когда китайцы шли въ аттаку желѣзнодорожной станціи въ Тяньцзинѣ. Правда, это были, какъ выяснилось впослѣдствіи, лучшіе батальоны китайской печилійской арміи.

Несостоятельнымъ оказалось также убѣжденіе европейцевъ, что китайцы боятся ночной темноты и отказываются, изъ боязни демоновъ и злыхъ духовъ, бродящихъ по ночамъ, отъ всякихъ военныхъ дѣйствій. Какъ китайскія войска, такъ и боксеры пред-

принимали въ Тяньцзинѣ и Пекинѣ среди непроглядной ночной тьмы и во время грозъ отчаянныя нападенія на европейцевъ.

Заслуживаетъ большого вниманія у китайцевъ ихъ поразительное искусство возведенія окоповъ и земляныхъ укрѣпленій, что наблюдалось европейцами въ Бей-Цанѣ, Ян-Цунѣ, гдѣ войска генерала Ма быстро возвели на полѣ битвы ретраншаменты для пѣхоты и прикрывающія насыпи отъ выстрѣловъ артиллеріи.

Китайцы обладаютъ также удивительнымъ умѣньемъ выбирать оборонительныя позиціи, устраивать вспомогательныя защитныя работы, рыть волчьи ямы, устраивать наводненія, отводя искусственно воду изъ каналовъ и рѣкъ, производить минныя работы.

Французы еще не забыли, съ какимъ искусствомъ и ловкостью пользовались всѣми этими средствами „черные флаги“ во время тонкинской экспедиціи.

Вообще же, о китайскомъ солдатѣ должно сказать, что онъ будетъ защищать ввѣренную ему позицію до послѣдней крайности и дорого отдастъ свою жизнь, если только будетъ видѣть хорошій примѣръ со стороны своего офицера.

Но недостаткомъ китайскихъ офицеровъ, какъ младшихъ, такъ и начальствующихъ, должно считать отсутствіе знаній по стратегіи и тактикѣ.

Имѣя кое-какія теоретическія познанія въ военномъ дѣлѣ, они не имѣютъ никакой опытности, никакой практики въ командованіи и маневрированіи большими силами, пользованіи соединенными арміями разныхъ родовъ оружія, призывомъ подкрѣпленій, резервовъ.

Что касается китайской артиллеріи, то капитанъ канонерки „Le Lion“, M. Frot, говоритъ, что во время боя 17 іюня 1900 года упорство китайской артиллеріи было замѣчательное. Выбывавшая въ бою прислуга при орудіяхъ быстро замѣнялась другими.

Китайскіе артиллеристы много разъ давали возможность убѣдиться, что уроки европейцевъ, обучавшихъ ихъ, не были напрасны.

Что касается кавалеріи, то европейскіе офицеры не имѣли возможности прослѣдить ее въ дѣлѣ, такъ какъ кавалерія держалась въ сторонѣ, но французскіе офицеры, которые наблюдали дѣятельность китайской кавалеріи въ преслѣдованіи боксерскихъ шаекъ, говорятъ, что у китайскихъ кавалеристовъ не было недостатка ни въ смѣлости, ни въ умѣньи нести развѣдочную службу.

Китайцы-кавалеристы проявляютъ большой навыкъ въ обращеніи съ лошадью и въ обращеніи съ копьемъ.

Европейская кавалерія во время войны 1900 года, несмотря на свою прекрасную внѣшность и быстроту своихъ коней, всетаки уступала китайской кавалеріи, такъ какъ китайцы-монголы на своихъ маленькихъ, но сильныхъ и выносливыхъ лошадкахъ, привыкшихъ къ ѣздѣ на своей неудобной почвѣ, представляющей множество препятствій, всегда умѣли избѣгать столкновеній и уходить отъ преслѣдованія европейцевъ.

Бо̀льшая часть лошадей, несущихъ кавалерійскую службу у китайцевъ, доставляется изъ Монголіи, обширныя степи которой кормятъ болѣе милліона головъ лошадей, а монгольскіе князья, въ случаѣ призыва, могутъ доставить тысячи всадниковъ.

Ежегодно по веснѣ изъ Монголіи пригоняютъ на продажу цѣлые табуны лошадей. Послѣ тяжелаго пути лошади приходятъ худыя и истощенныя, но послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отдыха и корма получаются добрые кони, какъ для работы, такъ и для военной службы.

Монгольская лошадь, низкорослая, съ густой длинной гривой, коренастая, съ толстыми ногами, короткой шеей, чрезвычайно вынослива, неприхотлива и нервна.

Она хорошо выдерживаетъ длительную пробѣжку и при умѣлой тренировкѣ всегда выдѣляетъ для скачекъ нѣсколько хорошихъ скакуновъ.

Въ 1903 году европейцы-спортсмены устроили пробѣгъ на монгольскихъ лошадяхъ изъ Тяньцзина въ Пекинъ. Въ пробѣгѣ участвовало 38 монгольскихъ лошадей; разстояніе между Тяньцзиномъ и Пекиномъ равняется 126 километрамъ.

Несмотря на неблагопріятную погоду (пробѣгъ состоялся 20 февраля), первая лошадь прошла это разстояніе въ 7 часовъ 33 минуты, а 23-я лошадь прошла это разстояніе въ 9 часовъ 7 минутъ.

Обращаясь къ 1900 году, генералъ Frey говоритъ, что китайскія войска не проявили себя во всей своей силѣ противъ европейцевъ, благодаря лишь нѣкоторымъ исключительнымъ особенностямъ и дѣйствіямъ китайскаго правительства.

Прежде всего, у китайскаго правительства отсутствовалъ общій планъ защиты Пекина и защиты пути отъ Тяньцзина на Пекинъ. Пастроеніе китайскаго правительства было крайне смутное: одинъ день правительство относилось благопріятно къ посольствамъ и европейцамъ вообще, а на другой день брала верхъ враждебная партія. Эта измѣнчивость настроенія не могла не

отзываться на военныхъ начальникахъ и солдатахъ, не знавшихъ въ концѣ концовъ, какъ имъ относиться къ европейцамъ. Наконецъ, по занятіи Пекина европейскими войсками, твердо отданное приказаніе Ли-Хун-Чанга, чтобы китайскіе генералы избѣгали всякой встрѣчи, всякаго возможнаго столкновенія съ международными войсками, окончательно вывело китайскія войска на путь мирныхъ отношеній.

Какъ государственный человѣкъ, Ли-Хун-Чангъ стремился лишь къ тому, чтобы насколько возможно облегчить веденіе мирныхъ переговоровъ и положить конецъ войнѣ, которую онъ почиталъ гибельной для истинныхъ интересовъ Китая.

Бо́льшая часть китайскихъ войскъ отошла отъ Тяньцзина и Пекина, слѣдуя приказанію Ли-Хун-Чанга, но нисколько не потеряла ни одушевлявшаго ихъ чувства патріотизма, ни воинскаго духа.

Baron Krieglstein, въ своей книгѣ: „Les combats du corps expéditionnaire allemand en Chine“, говоритъ, что китайскія войска, не теряя изъ вида союзныхъ европейскихъ войскъ, располагались слѣдующимъ образомъ въ Печилійской провинціи. На востокъ отъ Тяньцзина стояла лутайская армія, часть арміи Юан-Ши-Кая, 12 тысячъ; эти войска были прекрасно вооружены и экипированы. Къ сѣверу отъ Пекина находились войска генераловъ Ма и Хо, 10 тысячъ, съ пятью орудіями. Стояли также аванпосты съ полевой баттареей на Шахэ и Чанъ-Пи. Въ главныхъ городахъ провинціи находились гарнизоны отъ 1.500 до 4 тысячъ солдатъ. На югъ отъ Императорскаго канала расположены были войска въ разныхъ пунктахъ до 25 тыс. Всѣ проходы, которые вели изъ Печилійской провинціи въ Шахейскую, были также заняты значительными отрядами.

Въ общемъ, какъ считаетъ баронъ Krieglstein, у китайцевъ было подъ ружьемъ отъ 80 до 90 тысячъ, и не будь рѣшительнаго запрещенія Ли-Хун-Чанга, эти войска могли бы оказать сильное сопротивленіе союзнымъ европейскимъ войскамъ.

Какъ только европейскія государства заключили мирный договоръ съ Китаемъ, такъ ставшій извѣстнымъ печилійскій вице-король Юан-Ши-Кай, приступилъ къ энергичной реорганизаціи военныхъ силъ въ своей провинціи. То же самое предпринялъ и другой вице-король, Чжан-Чжи-Тунъ. О всѣхъ нововооруженныхъ и по-европейски обученныхъ китайскихъ войскахъ получаются единогласныя свидѣтельства европейцевъ, что войска эти, расположенныя въ Пекинѣ, Тяньцзинѣ, Шандунѣ, Ву-Чангѣ, Нанкинѣ, Фу-Чжоу, въ Манчжуріи и Лянцзянской провинціи, содержатся

прекрасно и всегда могутъ быть двинуты въ ту часть территоріи Китая, которой станетъ угрожать новое столкновеніе съ однимъ или нѣсколькими европейскими государствами.

Генералъ Frey, разбирая господствующее въ настоящее время среди китайскаго правительства убѣжденіе о необходимости создать сильную армію и флотъ по европейскому образцу, приводитъ рядъ документальныхъ справокъ о развитіи этого убѣжденія среди партіи реформъ. Въ знаменательный періодъ реформъ 1898 года, когда императоръ Гуанъ-Сюй съ лихорадочной поспѣшностью издавалъ декретъ за декретомъ, ломавшимъ старые устои, были сказаны имъ знаменательныя слова: „Для новой жизни нужны новые пути. Мы предоставимъ всѣмъ приверженцамъ старой организаціи арміи охранять берега Китая при помощи стараго вооруженія, старыхъ канонерокъ, вмѣсто современныхъ броненосцевъ“.

Что касается до мандариновъ, противниковъ реформъ изъ-за рутины, а также всѣхъ тѣхъ, которыхъ приводили въ отчаяніе обширность издержекъ, имѣющихъ привести Китай къ разоренію черезъ вынужденное обложеніе народа налогами, а также всѣхъ тѣхъ, которые, будучи противниками милитаризма по убѣжденію, предлагали, вмѣсто организаціи дорого стоющихъ армій, общее разоруженіе, полагаясь на возможность урегулированія могущихъ возникать между Китаемъ и другими государствами недоразумѣній путемъ уваженія къ справедливости и международнымъ правамъ, —то представители реформъ, не скрывая своего презрѣнія къ нимъ, высказывались такъ: „Войска для страны составляютъ то же самое, что дыханіе для тѣла. Ни одинъ человѣкъ не можетъ жить не дыша, ни одна страна не можетъ существовать безъ арміи.

Въ настоящее время, когда въ Китаѣ находятся люди съ высокимъ положеніемъ, видящіе необходимость для Срединной имперіи присоединиться къ лигѣ разоруженія, потому что имперія находится въ отчаянномъ положеніи, и вѣрующіе въ то, что дѣятельность этой лиги можетъ охранить миръ на Востокѣ, —другіе высказываютъ убѣжденіе, что разоруженіе Китая, вмѣсто введенія въ страну мира, послужитъ лишь скорѣе тому, что другія государства произведутъ новыя нападенія, и они разсуждаютъ такъ:

„Какъ не должны мы быть теперь особенно на сторожѣ, когда всѣ государства говорятъ о разоруженіи?

„Если мы сохранимъ нашу армію, то маленькіе народы будутъ на насъ смотрѣть съ уваженіемъ, а великіе народы будутъ насъ бояться.

„Очень многіе изъ насъ имѣютъ полное довѣріе къ международному праву, но они столь же недальновидны, какъ и тѣ, которые надѣются на разоруженіе или всеобщій миръ.

„Для государствъ равно вооруженныхъ международное право еще что-нибудь значитъ, но что можетъ сдѣлать это право, чтобы разрѣшить возникшія несогласія и споры между народомъ слабымъ и сильнымъ?

„Въ эти-то критическія времена пусть совѣтники императора будутъ честны и искренни, заняты только однимъ, чтобы предупредить малѣйшую опасность, которая могла бы угрожать имперіи.

„Пусть высшіе чиновники оберегаютъ границы, пусть генералы внушаютъ войскамъ презрѣніе къ опасности и обучаютъ искусству войны, пусть среди народа и солдатъ держится только любовь къ предкамъ“.

Но не одни прогрессисты во главѣ съ императоромъ высказываютъ такіе взгляды. То же самое высказывалъ въ бесѣдѣ съ однимъ французскимъ публицистомъ и выдающійся китайскій государственный человѣкъ, вице-король Чжан-Чжи-Тунъ.

„Мы пріобрѣли сокровища европейской науки,—говорилъ онъ,—такъ намъ нужно беречь ихъ; а чтобы ихъ сберечь, намъ будетъ нужна армія“.

„Въ настоящее время нѣсколько ученыхъ, видя, что положеніе Китая становится съ каждымъ днемъ все болѣе критическимъ, предложили примкнуть къ европейской лигѣ разоруженія.

„Этотъ проектъ, естественно, навлекъ бы на насъ новыя самыя ужасныя унижения. Весь міръ говоритъ о мирѣ, но никто не стремится къ его осуществленію. Германія силой своего оружія захватила Кіао-Чао, а Россія—Портъ-Артуръ.

„Въ продолженіе 20 лѣтъ только и слышно, что вездѣ говорятъ объ увеличеніи флота, о новыхъ расходахъ на армію.

„Всѣ государства оспариваютъ одно у другого первенство въ количествѣ пушекъ и ружей. Если мы будемъ имѣть солдатъ, то сильныя государства будутъ искать нашей дружбы; а если мы не будемъ имѣть солдатъ, ожидая, что другія государства распустятъ своихъ, то не сдѣлаемъ ли мы себя посмѣшищемъ всего свѣта?

„Проектъ разоруженія въ дѣйствительности можетъ имѣть только одинъ результатъ—наше разрушеніе.

„Другія государства, видя насъ до такой степени ослабленными, нерѣшительными, безъ сомнѣнія устремятся на насъ всѣ вмѣстѣ, чтобы раздѣлить имперію“ („En Chine“, G. Donnat).

Тѣ же самые реформисты-патріоты, которые признаютъ необходимость въ созданіи могущественной арміи и флота, признаютъ также обязанность Китая пріобрѣсти для себя западную науку, безъ которой не можетъ быть прогресса для народа въ борьбѣ его съ международными интересами разнаго рода.

Реформисты признаютъ желательнымъ учрежденіе въ Китаѣ преподаванія современныхъ техническихъ и практическихъ знаній, которыя позволили бы будущимъ поколѣніямъ развивать отечественную промышленность посредствомъ разработки горныхъ и другихъ богатствъ почвы, посредствомъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ, военнаго и коммерческаго флота, литья пушекъ и другихъ военныхъ принадлежностей.

Въ этомъ заключается—говорятъ они—безотлагательная необходимость; въ этомъ, въ концѣ концовъ, лежитъ вопросъ благополучія имперіи, вопросъ, который надо вбивать въ голову молодымъ людямъ, избирающимъ себѣ карьерой новое военное искусство, которое идетъ въ своемъ усовершенствованіи соотвѣтственно новѣйшимъ знаніямъ. Молодые люди держатся того мнѣнія, что изъ чтенія западныхъ европейскихъ книгъ гораздо меньше можно пріобрѣсти знаній и проникнуть въ таинства новаго высшаго искусства, нежели чрезъ путешествія и частыя посѣщенія другихъ народовъ, чрезъ изученіе на мѣстѣ организацій различныхъ армій, чрезъ тѣсное общеніе съ тѣми расами, отъ которыхъ желаешь пріобрѣсти познанія.

„Наше большое несчастіе,—сказалъ одинъ изъ реформистовъ,—происходитъ отъ того, что мы не путешествуемъ. Годъ жизни въ Европѣ доставитъ намъ больше пользы, нежели пятилѣтнее изученіе у себя на родинѣ европейскихъ книгъ"...

В. И. Дальченко.

Пекинъ, 1905 г.

ДВА ДНЯ

ВЪ

КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ *)

Уже около мѣсяца жили мы на кочевкѣ, верстахъ въ полутораста отъ Оренбурга, а охота, отъ которой мы обѣщали себѣ столько удовольствія, почти ничего не представляла занимательнаго. Лѣто было самое жаркое, всѣ болота высохли; со дня на день ожидали соколовъ, чтобы поохотиться на утокъ и стрепетовъ, но соколовъ не привозили, и намъ оставалось только ходить съ лягавой за тетеревами.

Во всякомъ другомъ мѣстѣ эта охота была бы для меня занимательна, но здѣсь она мнѣ скоро надоѣла. Кочевка расположена между высокими холмами, составляющими начало Уральскаго хребта и покрытыми дубнякомъ и березникомъ. Мимоходомъ можно сказать, что холмы эти совершенно между собою схожи, и что ничего нѣтъ легче, какъ въ нихъ заблудиться. Почти всѣ они имѣютъ ту же оригинальную форму, почти всѣ увѣнчаны стѣнообразнымъ гребнемъ сланцеватаго камня, и въ каждой долинѣ протекаетъ небольшой ручей, съ обѣихъ сторонъ скрытый кустарникомъ. Долины эти изобилуютъ разными ягодами, а болѣе всего особеннымъ родомъ дикихъ вишенъ, ростущихъ въ высокомъ ковылѣ едва примѣтными кустами.

[1]) Изъ бумагъ покойнаго гр. А. К. Толстого; доставлено С. П. Хитрово.—*Ред.*

Имъ-то, кажется, должно приписать неимовѣрное множество тетеревей, водящихся въ этихъ мѣстахъ. Каждый день мы стрѣляли штукъ по шестидесяти и даже по сто, но уменьшенія ихъ вовсе не было замѣтно. Обыкновенно мы уѣзжали верхами рано поутру и часа черезъ три возвращались домой, обвѣшанные добычей. Каждый изъ насъ убивалъ столько, что невозможно было помѣстить всего въ обыкновенномъ ягдташѣ, и чтобы помочь этому неудобству, одинъ опытный охотникъ того края изобрѣлъ ремни, которые, не занимая лишняго мѣста, могли помѣстить на себѣ множество дичи. Съ начала охоты ремни эти мы носили черезъ плечо, а подъ конецъ навьючивали ими лошадь. Случалось, что мы принуждены были воротиться единственно потому, что у насъ истощался весь запасъ пороха и дроби. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о числѣ тамошнихъ тетеревей, я приведу только одинъ примѣръ. Въ теченіе часа мы однажды втроемъ убили шестьдесятъ-три штуки.

Правда, что у насъ была отличная собака: бѣдный Буффонъ былъ глухъ и кривъ, но имѣлъ такое чутье и такую стойку, какихъ я никогда не видывалъ. Я помню, однажды онъ сталъ надъ куропаткой. „Пиль!" сказалъ я.—Буффонъ ни съ мѣста.—„Пиль, Буффка!"—Буффонъ не шевелится.—„Пиль, дуракъ!" закричалъ я,—и пихнулъ его ногой. Буффонъ перекувырнулся и сталъ ко мнѣ лицомъ, нисколько не теряя ни хладнокровія, ни стойки. Куропатка сидѣла между нимъ и мною, и я поймалъ ее руками. Таковъ былъ бѣдный Буффонъ, но даже и безъ него мы бы настрѣляли пропасть тетеревей: стоило только отойти шаговъ двѣсти отъ кибитокъ, чтобы поднять нѣсколько выводковъ. Охота эта могла позабавить сначала, но у нея недоставало главной прелести охоты: ожиданія неизвѣстнаго, которое такъ же пріятно охотнику, какъ и игроку. Если бы сей послѣдній зналъ напередъ, что онъ не можетъ проиграть, игра для него, вѣроятно, лишилась бы всей занимательности. Такъ точно и я, увѣренный заранѣе, что убью непремѣнно столько-то штукъ, не находилъ въ томъ никакого удовольствія. Тетеревиная стрѣльба наша напомнила мнѣ кровопролитныя охоты въ нѣмецкихъ паркахъ—охоты, которыхъ, откровенно сказать, я терпѣть не могу.

Послѣ этого сознанія, легко себѣ можно представить, какъ я обрадовался, когда пришло на кочевку извѣстіе, что за Ураломъ, въ Киргизской степи, показались сайгаки. Я вспомнилъ объ описаніяхъ этого животнаго въ натуральныхъ исторіяхъ, гдѣ о немъ всегда говорится какъ объ одномъ изъ быстрѣй-

шихъ и недоступнѣйшихъ антилопъ. Нѣкоторые изъ охотниковъ, бывшіе въ хивинской экспедиціи, разсказывали намъ, какъ на возвратномъ пути, весною, имъ случалось встрѣчать сайгаковъ, и какъ они тщетно старались догнать ихъ лучшими скакунами. Однажды имъ удалось окружить цѣлый табунъ и вогнать его въ середину обоза, но сайгаки безъ всякаго усилія перепрыгнули черезъ навьюченныхъ верблюдовъ и тотчасъ скрылись изъ виду.

Подобные разсказы еще болѣе возбудили мое любопытство, и я горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть сайгака, почти не смѣя надѣяться на удачу охоты. Цѣлый день мы выливали пули, пробовали штуцера и дѣлали патроны. Отъ кочевки до Сухорѣченской крѣпости, гдѣ намъ надлежало ночевать и потомъ переѣхать черезъ Уралъ, было верстъ двѣсти. Ѣзда въ оренбургской губерніи неимовѣрно быстра, степныя дороги гладки какъ паркетъ, а башкирскія лошади неутомимы.

Часовъ въ четырнадцать мы на двухъ тарантасахъ проскакали двухсотверстное пространство и еще нашли время выкупаться въ Сакмарѣ и пообѣдать въ одной изъ линейныхъ станицъ. Мѣста, черезъ которыя мы проѣзжали, были очень разнообразны и живописны; сначала такіе же холмы, какъ и на кочевкѣ, потомъ широкія долины, Сакмара, отсвѣчивающая сквозь лѣсъ серебряныхъ тополей, зеленая, цвѣтущая степь, а вдали—голубыя Губерлинскія горы.

Стаи витютней пролетали надъ нами; по дорогѣ прохаживались степные кулики, съ краснымъ носомъ и красными ногами, называемые сороками по цвѣту ихъ перьевъ; время отъ времени вспархивалъ изъ-подъ тарантаса испуганный стрепетъ и поминутно выскакивали изъ норъ своихъ суслики и свистѣли, сидя на заднихъ лапкахъ. На все это мы почти не обращали вниманія, будучи заняты лишь мыслью о сайгакахъ. Часовъ въ девять вечера мы пріѣхали въ Сухорѣченскую крѣпость и остановились у станичнаго атамана. Передъ его домомъ казаки забавлялись стрѣляніемъ въ цѣль изъ длинныхъ винтовокъ съ крошечнымъ калибромъ и съ присошкой о двухъ остріяхъ, придѣланной къ ложу. Настрѣлявшись съ ними вдоволь и выкупавшись въ Уралѣ, мы легли на дворѣ на свѣжемъ сѣнѣ и заснули подъ говоръ атамана, разсказывавшаго намъ, какъ его взяли въ плѣнъ киргизы и какъ онъ отъ нихъ убѣжалъ.

Солнце едва начинало всходить, а тарантасъ нашъ уже ѣхалъ по берегу Урала, окруженный конвоемъ башкирцевъ. Переѣздъ черезъ рѣку былъ какъ нельзя болѣе живописенъ.

Крутые берега утеса, тарантасъ, до половины колесъ погруженный въ воду, прыгающія лошади, башкирцы, вооруженные луками, наши ружья и сверкающіе кинжалы, все это освѣщенное восходящимъ солнцемъ, составляло прекрасную и оригинальную картину. Уралъ въ этомъ мѣстѣ не широкъ, но такъ быстръ, что насъ едва не унесло теченіемъ. На другой сторонѣ степь приняла совершенно новый видъ. Дорога скоро исчезла, и мы ѣхали цѣликомъ по крѣпкой глинистой почвѣ, едва покрытой сожженною солнцемъ травою. Степь рисовалась передъ нами во всемъ своемъ необъятномъ величіи, подобная слегка взволнованному морю. Тысячи разноцвѣтныхъ оттѣнковъ бороздили ее въ разныхъ направленіяхъ; въ иныхъ мѣстахъ стлался прозрачный паръ, черезъ другія бѣжали тѣни облаковъ и все казалось въ движеніи, хотя ничего не поражало нашего слуха, кромѣ стука колесъ и конскаго топота. Вдругъ одинъ башкирецъ остановилъ коня и протянулъ руку. Послѣдовавъ глазами направленію его пальца, я увидѣлъ нѣсколько свѣтложелтыхъ точекъ, движущихся на горизонтѣ: то были сайгаки. Одинъ изъ насъ сѣлъ на башкирскую лошадь въ надеждѣ, что успѣетъ какъ-нибудь къ нимъ подъѣхать; но едва сайгаки увидѣли эти приготовленія, какъ пустились бѣжать, не смотря, что насъ раздѣляло нѣсколько верстъ. Мы продолжали путь, и вскорѣ стали различать кибитки, расположенныя у подножія высокаго и длиннаго утеса, синяго и лиловаго цвѣта который, какъ я узналъ послѣ, назывался Кукъ-Ташъ, т.-е. синій камень, и состоялъ изъ яшмы. Тутъ былъ приготовленный для насъ станъ. Нѣсколько казаковъ выѣхали къ намъ на встрѣчу, и между ними хорунжій Иванъ Ивановичъ, завѣдывавшій на кочевкѣ всѣми охотами. Извѣстія о сайгакахъ были самыя удовлетворительныя. Казаки говорили, что имъ нѣтъ и числа, и что не помнятъ, когда бы ихъ приходило на линію такое множество. Они полагали, что засухи вытѣснили ихъ изъ самой глубины степей и заставили искать прохлады вблизи отъ Урала.

Когда мы вошли въ кибитку, Иванъ Ивановичъ, къ удивленію нашему, показалъ намъ десять сайгачьихъ головъ, съ красивыми рогами и съ безобразными горбатыми носами, напоминающими своею длиною и мягкостью носы индѣйскихъ пѣтуховъ.

— Что̀ вы сдѣлали? — сказалъ я ему: — вы напугали сайгаковъ, они опять уйдутъ въ степи, и вся наша охота пропадетъ!

— Что̀-жъ дѣлать? — отвѣчалъ онъ: — никакъ ребятъ не удержу. Еще казаковъ пристрастилъ кое-какъ, а башкирцевъ ничѣмъ не остановишь, — такъ и рвутся! Вчера убили тридцать

штукъ, сегодня еще не успѣли поохотиться; впрочемъ, не безпокойтесь, довольно останется для всѣхъ!

Мы хотѣли тотчасъ же ѣхать на охоту, но намъ совѣтовали подождать, чтобы сдѣлалось пожарче. Поутру сайгаки бродятъ табунами и никого не подпускаютъ, но къ полудню они ложатся порознь, и тогда есть возможность къ нимъ подползти. Подождавъ немного, мы сѣли на лошадей и разсѣялись по степи партіями человѣка по четыре.

Дорогой я завелъ разговоръ съ своими проводниками, и спросилъ ихъ: часто ли видно на линіи киргизовъ?

— Теперь не такъ часто, ваше благородіе,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ; — а все-таки случается; и черезъ Уралъ даже переходятъ табуны угонять!

— А какъ ты думаешь, увидимъ мы ихъ сегодня?

— Куда! Они уже давно пронюхали, что мы на охотѣ; и ни одна собака сюда не покажется!

— А я слышалъ, что они не всегда васъ боятся?

— Да, тогда не боятся, когда ихъ десять на одного: дрянной народъ, нечего сказать, а плетьми бить умѣютъ! Меня чуть живого оставили, какъ попался я имъ, года два тому; да добро бы одинъ билъ, а то кто подъѣдетъ, тотъ и ударитъ, да одинъ другого крѣпче, по чему ни попало; а сидѣлъ я на лошади нагишомъ; лишь только поймали, собаки, такъ всего и раздѣли дочиста. Дрянной народъ, ваше благородіе!

— Какъ же ты ушелъ отъ нихъ?

— Двухъ лучшихъ коней высмотрѣлъ, ваше благородіе, да и ускакалъ ночью о дву-конь. Два дня, почитай, скакалъ безъ остановки, на третій совсѣмъ проголодался, да не далъ Богъ умереть: нашелъ мертваго сайгака, поѣлъ немного да взялъ съ собою на дорогу, а безъ него пропалъ бы навѣрно; верстъ было съ пятьсотъ отъ линіи.

— Что жъ тебя заставляли дѣлать киргизы?

— Что тамъ заставлять? Табуны стерегъ, кобылъ доилъ, да сыръ дѣлалъ изъ козьяго молока. Только били каждый день, собаки; да добро бы ужъ одни мужчины, а то и бабы, и мальчишки! А плети-то у нихъ съ доброе полѣно!

Разговаривая такимъ образомъ, мы проѣхали верстъ десять, не встрѣтивъ ничего, кромѣ сурковъ, которые, выскакивая изъ норъ, стояли надъ ними какъ будто на часахъ, но не подпускали насъ на ружейный выстрѣлъ. Изрѣдка, какъ желтыя точки, виднѣлись вдали сайгаки, но мгновенно исчезали, не давая намъ даже различить ихъ формы. Вдругъ казакъ, ѣхавшій возлѣ меня,

прилегъ къ конской шеѣ и круто повернулъ назадъ. Я и другіе казаки послѣдовали его примѣру.

— Слѣзайте проворнѣе!—сказалъ онъ мнѣ:—вонъ, за этимъ бугромъ, лежатъ сайгаки! Ты, Рѣшетаевъ, оставайся съ лошадьми да поглядывай по сторонамъ, а вы ложитесь на землю и ползите за мною.

Мы оба легли на землю и начали ползти на локтяхъ и на колѣняхъ. Въ одной рукѣ у меня была тяжелая одноствольная винтовка, въ другой—не менѣе тяжелое двуствольное ружье, заряженное картечью.

Глинистая, засохшая почва, ужъ и безъ того жесткая какъ камень, была еще покрыта маленькими, острыми камешками, которые причиняли мнѣ ужасную боль; солнце жгло мою спину какъ будто огонь, и потъ градомъ съ меня катился. Не смотря на то, я ползъ, не останавливаясь; но, не предвидя этому конца, спросилъ тихонько у казака: гдѣ лежатъ сайгаки?

— А вотъ, изволите видѣть кустикъ съ красными ягодами?

— Вижу.

— А тамъ, полѣвѣе, прямая травинка?

— Вижу; тамъ что жъ?

— Слѣдите глазомъ все прямо между ягодами и травинкой; ступеняхъ въ пятидесяти оттоль торчитъ какъ будто сучокъ: то сайгачьи рога.

Я напрягъ свое зрѣніе, и дѣйствительно увидѣлъ что-то похожее на сучокъ.

— Скоро ли мы туда дополземъ?—спросилъ я.

— А вотъ надобно дать немного круга, чтобъ подлѣзть изъ-подъ вѣтра, а то какъ разъ почуютъ. Да не извольте головы подымать, ваше благородіе,—тотчасъ замѣтятъ!

Мы опять стали ползти и описали такой большой кругъ, что я почти выбился изъ силъ.

— Теперь ужъ близко! — сказалъ казакъ:—шаговъ сто, не больше! Не подымайтесь на колѣняхъ, ползите на брюхѣ! Да, ради Бога, тише, не стучите ружьями о землю!

Я совсѣмъ растянулся и ползъ какъ лягавая собака.

— Что, скоро ли?

— Тсъ! вонъ, сталъ голову подымать,—что-нибудь да замѣтилъ... Ради Бога, тише... Ну, теперь пора!.. Кладите ружье ко мнѣ на плечо!..

Не успѣлъ я взвести курка, какъ сайгакъ вскочилъ и вихремъ умчался въ степь. Другіе, лежавшіе вблизи, послѣдовали за нимъ.

Казакъ и я посмотрѣли другъ на друга, встали на ноги и побрели навстрѣчу къ лошадямъ.

— Я вамъ говорилъ, что надобно болѣе нагибаться!—сказалъ онъ, покачивая головою.

Мы пустились рысью, и вскорѣ Рѣпниковъ (такъ звали казака) опять увидѣлъ сайгаковъ.

Этотъ разъ мнѣ удалось доползти къ нимъ шаговъ на восемьдесятъ, но руки мои дрожали, потъ катился въ глаза и мѣшалъ мнѣ смотрѣть; я цѣлился минуты съ двѣ, наконецъ выстрѣлилъ и далъ промахъ. Къ счастью, сайгакъ насъ не увидѣлъ; онъ вскочилъ, посмотрѣлъ на всѣ стороны, отошелъ шаговъ на сорокъ и опять легъ. Я, лежа, зарядилъ ружье, подползъ опять на выстрѣлъ, но, прежде чѣмъ стрѣлять, отдохнулъ нѣсколько минутъ, не спуская съ глазъ сайгака. Я могъ различить его большіе, красиво-выгнутые рога съ черными кончиками, глубокія морщины на горбатомъ носу и огромныя раздутыя ноздри, которыми онъ шевелилъ во всѣ стороны.

Когда я собрался стрѣлять, сердце мое такъ сильно забилось, что мнѣ казалось, будто сайгакъ услышитъ его стукъ. Я вынулъ изъ-за пояса ятаганъ и воткнулъ его въ землю; потомъ съ величайшею осторожностью положилъ на него винтовку и крѣпко прижалъ его къ плечу. Мнѣ видны были только голова и шея. Я прицѣлился въ шею и, удержавъ дыханіе, тронулъ шнеллеръ.

Сначала ничего нельзя было различить за дымомъ, но когда я всталъ и посмотрѣлъ вокругъ себя, сайгака нигдѣ не было. Я побѣжалъ впередъ, и кто опишетъ мою радость, когда онъ представился моимъ глазамъ, лежащій съ прострѣленною шеей: я попалъ какъ разъ куда цѣлилъ.

Казаки скоро ко мнѣ подоспѣли, сайгака выпотрошили и привязали за сѣдло. Онъ былъ ростомъ болѣе дикой козы, свѣтлобураго цвѣта, и съ шестнадцатью кольцами на рогахъ.

Эта удача насъ развеселила. Мы поскакали далѣе, соображая направленіе пути съ теченіемъ солнца. Я опять вступилъ въ разговоръ съ казаками.

— Правда ли,—спросилъ я, между прочимъ,—что киргизы переносятъ боль съ необыкновеннымъ терпѣніемъ, и никогда не жалуются, какъ бы тяжело они ни были ранены.

— Правда, ваше благородіе, — отвѣчалъ Рѣпниковъ.—Намедни я откусилъ одному киргизцу ухо, такъ нисколько и не поморщился, собака!

— Откусилъ ухо!—вскричалъ я:—какимъ это образомъ?

— Да вотъ будетъ скоро двѣ недѣли, какъ они угнали ночью табунъ изъ станицы. Мы собрались самъ-восемь и пустились въ погоню. Ѣдемъ часъ, ѣдемъ другой, не видать ничего; а слѣдъ на солончакахъ знатенъ, ошибиться нельзя. Что за чортъ! По моему разсчету намъ бы давно пора ихъ увидѣть: слѣдъ идетъ небольшой рысью, а мы ѣдемъ верстъ по пятнадцати на часъ. „Смотрите, ребята, — говорю я, — тутъ какая-нибудь да штука,—они, должно быть, запали вонъ въ той лощинѣ. Ступайте шагомъ, да приготовьте винтовки,—мнѣ что-то сдается, что они выскочатъ, собаки, вонъ изъ-за этого камня!“ Не успѣли мы еще поровняться съ камнемъ, какъ слышимъ: ззъ!.. и стрѣла воткнулась мнѣ прямо въ ногу. Тутъ какъ завизжатъ они, да какъ посыплются одинъ за другимъ изъ-за камня!.. Я думаю, человѣкъ съ двадцать-пять было, всѣ съ копьями, да еще двое панцырниковъ! Ребята было-смѣшались, да я говорю: „не робѣть!“ Вытащилъ стрѣлу изъ ноги, соскочилъ съ камня, приложился, бацъ! Такъ одинъ и покатился. Рѣшетаевъ ссадилъ другого, а они, шельмы, какъ увидѣли, что мы стоимъ за себя, повернули коней, да и давай тягу! „Ну, братцы,—говорю я,—теперь за ними!“ Тутъ ребята ударили на мошенниковъ, кто кого догоняетъ, а Рѣшетаевъ гонится за панцырникомъ. Ужъ онъ было-доставалъ его плетью, вдругъ тотъ—въ сторону. Я вижу, что уйдетъ, разбойникъ, а панцырь на немъ рублей во сто,—я и сталъ норовить наперехватъ. Подъ нимъ конь хорошъ, а подо мной лучше. Скачемъ, скачемъ, только тотъ какъ обернется на всемъ скаку, да какъ пуститъ стрѣлу прямо въ горло моему коню, такъ у него и духъ вонъ; покатился, сердечный, и я вмѣстѣ съ нимъ. Досадно стало, да и коня, признаться, жаль. Не упустить же разбойника, говорю я! Взялъ у товарища коня, да и давай опять догонять собаку. Только куда! Пока я поднялся на ноги, тотъ ужъ успѣлъ ускакать чуть-ли не на версту, а я остался за всѣми послѣдній. Смотрю, онъ скачетъ ровнымъ бѣгомъ, что стрѣла летитъ, а Рѣшетаевъ чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе отстаетъ. „Эхъ, жаль, уйдетъ!“—думаю я, только, глядь, лошадь его какъ летѣла, такъ со всѣхъ ногъ и ударилась о землю: знать, наткнулась на сурочью яму. Тутъ Рѣшетаевъ съ ребятами навалились на молодца и скрутили ему руки, а я какъ подскакалъ къ нимъ, да какъ увидѣлъ эту киргизскую рожу, такъ сердце и закипѣло,—бросился на него и отхватилъ зубами ухо...

Тутъ разсказчикъ остановился и, заслонившись рукою отъ солнца, началъ всматриваться вдаль.

— Э, э, э!—сказалъ онъ:—да ихъ тутъ нѣсколько сотенъ!

— Кого?—спросилъ я:—киргизовъ?

— Нѣтъ, сайгаковъ!—отвѣчалъ онъ.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣдовавъ направленію его нагайки, я увидѣлъ множество свѣтло-желтыхъ точекъ, которыя съ разныхъ сторонъ бѣжали къ зеленой полосѣ, ясно отдѣлявшейся отъ бураго цвѣта степи. Зеленою полосою казались издали берега небольшого ручья, впадающаго въ Уралъ. Сайгаки, мучимые жаромъ, бѣжали на водопой.

— Что?—спросилъ я:—убьемъ ли мы хоть одного изъ нихъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Рѣпниковъ:—кабы заранѣе залечь въ травѣ, такъ, можетъ, и набѣжалъ бы одинъ, другой, а теперь не подъѣхать.

Число сайгаковъ примѣтнымъ образомъ увеличивалось. Они бѣжали къ ручью огромными стадами. Чѣмъ болѣе я всматривался вдаль, тѣмъ болѣе открывалъ ихъ на горизонтѣ: они тянулись отовсюду. Вся степь, исключая какого-нибудь десятиверстнаго пространства вокругъ насъ, была ими покрыта. Я думаю, тутъ было нѣсколько тысячъ.

— Экое богатство!—говорили казаки.—Видитъ глазъ, да зубъ нейметъ!

Между тѣмъ, мы ѣхали далѣе и вскорѣ наткнулись на лежащій табунъ. Вѣроятно, его уже прежде насъ подсмотрѣла другая партія, ибо мы увидѣли верстахъ въ двухъ четырехъ всадниковъ, осторожно объѣзжающихъ холмъ, на которомъ лежали сайгаки; но мы были къ нимъ ближе и къ тому же подъ вѣтромъ. Я слѣзъ съ лошади, началъ-было ползти, но сайгаки тотчасъ вскочили, не допустивъ меня на нѣсколько выстрѣловъ. Охотники другой партіи поскакали, чтобы перерѣзать имъ дорогу, а мы погнались за ними съ другой стороны, такъ, что они бѣжали между двумя партіями, какъ будто въ клещахъ.

Мы были отъ нихъ довольно далеко, и не имѣли никакой надежды догнать ихъ; но товарищи наши, скрытые холмомъ, успѣли ихъ перехватить. Табунъ остановился, и намъ видно было, какое произошло въ немъ смятеніе. Старый самецъ, бѣжавшій впереди, бросился-было въ сторону, но одинъ изъ охотниковъ соскочилъ съ лошади и застрѣлилъ его на лету въ то самое время, какъ онъ дѣлалъ отчаянный прыжокъ. Выстрѣлъ этотъ возбудилъ удивленіе казаковъ, никогда не стрѣляющихъ иначе, какъ съ подлаза, и то съ помощью придѣланныхъ къ ихъ ружьямъ присошекъ.

— Джигитъ! джигитъ!—закричали они, посматривая другъ на друга, т.-е., „молодецъ, молодецъ!“ Здѣсь можно замѣтить, что

татарскій языкъ употребляется у казаковъ линейныхъ станицъ почти столько же, какъ и русскій, а мои проводники безпрестанно на немъ болтали.

Мы съѣхались съ своими товарищами, сравнили нашихъ сайгаковъ, и нашли, что убитый ими гораздо болѣе моего. Между тѣмъ солнце такъ пекло, и мы чувствовали такую жажду, что рѣшились воротиться въ свои кибитки.

Охотникъ, застрѣлившій сайгака, убилъ дорогой сурка изъ винтовки. Бывшій съ нимъ калмыкъ тотчасъ слѣзъ съ лошади, чтобы его взять.

— Что̀ это, самецъ или самка? — спросилъ мой товарищъ.

— Жеребецъ, ваше благородіе!—отвѣчалъ калмыкъ, снявъ фуражку.

Мы отъ души захохотали, и кто видалъ смѣшную фигуру сурка, тому этотъ отвѣтъ, вѣроятно, покажется столь же забавнымъ, какъ и намъ.

— Смотрите, ваше благородіе!—сказалъ мнѣ Рѣпниковъ:— вѣдь калмыкъ теперь подобралъ сурка, а потомъ его съѣстъ. Это такой народъ,—хуже киргизовъ, всякую гадость ѣдятъ, а еще называютъ себя христіанами.

И казакъ, незадолго передъ тѣмъ откусившій киргизское ухо, съ омерзѣніемъ плюнулъ въ сторону.

Мнѣ также удалось заслужить названіе джигита: я застрѣлилъ пулей, на довольно большомъ разстояніи, сидячаго карагуша, родъ орла, котораго бывшіе съ нами башкирцы тотчасъ ощипали, чтобы перьями его оклеить себѣ стрѣлы.

Когда, послѣ продолжительной ѣзды, мы увидѣли вдали свои кибитки, то, вмѣстѣ съ ними, намъ представилось необыкновенное и великолѣпное зрѣлище. Вмѣсто степи, сожженной солнцемъ, у подножія синяго утеса Кукъ-Ташъ разстилалось прекрасное озеро, отражавшее, какъ свѣтлое зеркало, и утесъ, и расположенныя близъ него кибитки.

— Что̀ это за озеро?—спросилъ я съ удивленіемъ:—это не наши кибитки?

— Наши!—отвѣчали, смѣясь, казаки.—Это не озеро, а марево [1].

Несмотря на это объясненіе, я не могъ повѣрить, что вижу не что̀ иное, какъ призракъ; и мнѣ казалось, что я различаю всѣ оттѣнки воды и отраженныхъ въ ней облаковъ. Я поскакалъ прямо къ кибиткамъ; но по мѣрѣ того, какъ я къ нимъ

[1]) Извѣстное явленіе, которое французы называютъ mirage.

приближался, вода дѣлалась все болѣе и болѣе прозрачною, превращалась въ струящійся паръ и наконецъ совсѣмъ исчезла.

Въ кибиткахъ былъ приготовленъ для насъ вкусный обѣдъ; но мы предпочли пить чай. Никогда я не забуду, съ какимъ удовольствіемъ выпилъ я одиннадцать стакановъ горячаго чаю, несмотря на то, что на мнѣ не было ни одной сухой нитки, и что даже въ тѣни было болѣе тридцати градусовъ.

Остальную часть дня мы провели въ бездѣйственномъ отдыхѣ. Разсѣянныя партіи возвращались одна послѣ другой; но башкирцы остались въ степи и пріѣхали только поздно вечеромъ, обремененные добычей. У многихъ было по два, а у иныхъ даже по три сайгака за сѣдломъ. Всего-на-все въ этотъ день было убито болѣе пятидесяти штукъ, а всѣхъ насъ было только сорокъ человѣкъ.

Большая часть нашихъ оренбургскихъ охотниковъ, утомленныхъ ѣздою и ползаніемъ, въ тотъ же вечеръ уѣхали на кочевку; но я остался, чтобы еще на другой день поохотиться съ казаками.

Цѣлую ночь передъ кибиткою горѣлъ костеръ изъ сухой травы и привезеннаго нами хвороста. Казаки окликали другъ друга на пикетахъ. Звѣзды сквозь круглое отверстіе кибитки смотрѣли мнѣ прямо въ лицо; но ни поэтическій свѣтъ ихъ, ни трескъ пылающаго хвороста, ни клики казаковъ не помѣшали мнѣ заснуть крѣпкимъ сномъ. Я спалъ какъ убитый, и проснулся только тогда, какъ солнце было уже высоко и наставало время ѣхать на охоту.

Рѣпниковъ съ своими товарищами повели меня этотъ разъ по другому направленію. Опять я увидѣлъ тысячи сайгаковъ, опять имѣлъ случай любоваться чудеснымъ освѣщеніемъ и безчисленными оттѣнками степи; но мѣста, по которымъ мы проѣзжали, являли болѣе разнообразія, чѣмъ вчера. Холмы были выше, лощины глубже, а мѣстами синѣли обломки яшмовыхъ утесовъ, или краснѣли большія груды желѣзняка. Но, кромѣ рѣдкой сожженной травы, мы ни вчера, ни сегодня не встрѣчали никакого слѣда прозябенія.

Послѣ долгой ѣзды и многихъ неудачныхъ попытокъ, я застрѣлилъ одного сайгака съ подлаза, а другого, раненнаго казакомъ, мы догнали на лошадяхъ. Довольные этой добычей, мы уже возвращались домой, какъ увидѣли вдали большой бѣгущій табунъ.

Рѣпниковъ нѣсколько секундъ слѣдилъ за нимъ взглядомъ, ударилъ коня и поскакалъ совсѣмъ въ другомъ направленіи, сказавъ только: „За мной, не отставайте!“

Мы примчались къ глубокому оврагу, бросились на самое дно и продолжали скакать во весь опоръ, не обращая вниманія

на большіе, острые камни, лежавшіе на дорогѣ. Оврагъ, похожій на узкій корридоръ, поворачивалъ то направо, то налѣво, и, наконецъ, началъ постепенно уравниваться съ поверхностью земли. Какъ скоро она стала видна, Рѣпниковъ велѣлъ намъ слѣзть съ лошадей и бѣжать за нимъ пѣшкомъ, согнувшись какъ можно болѣе.

Такимъ образомъ мы достигли до утеса, изъ-за котораго могли свободно обозрѣвать степь, сами не будучи видимы. Чего ожидалъ Рѣпниковъ, то и случилось. Не прошло двухъ минутъ, какъ показались сайгаки, бѣгущіе рысью прямо на насъ. Впереди ихъ былъ прекрасный самецъ, съ большими лирообразными рогами, нѣжнаго желтаго цвѣта, которые на солнцѣ казались прозрачно-золотыми. Онъ раздувалъ широкія ноздри и подымалъ голову кверху, какъ будто чуя опасность.

Мы притаили дыханіе и взвели курки. Когда табунъ, шагахъ въ шестидесяти, поровнялся съ утесомъ, я приложился и выстрѣлилъ въ передового сайгака. Онъ перевернулся колесомъ и упалъ вверхъ ногами. Весь табунъ взволновался, поднялась ужасная пыль и скрыла его на минуту. Казаки также выстрѣлили по бѣгущему табуну, но дали промахъ. У меня еще оставалось двуствольное ружье, заряженное картечью. Я выстрѣлилъ изъ обоихъ стволовъ, почти не надѣясь на удачу. Табунъ продолжалъ бѣжать, но одинъ сайгакъ отдѣлился отъ прочихъ и бросился въ сторону. Онъ бѣжалъ скоро, но по временамъ спотыкался, взрывая облака пыли.

„Подбитъ, подбитъ!“—говорили казаки, смотря ему вслѣдъ.

Мы сѣли на лошадей, оставили одного казака, чтобы взять убитаго сайгака, и пустились догонять раненаго. Вскорѣ мы его настигли, и Рѣпниковъ, подскакавъ къ нему съ боку, убилъ его наповалъ однимъ ударомъ нагайки.

Этотъ случай далъ ему поводъ разсказать мнѣ, какимъ образомъ башкирцы и киргизы ѣздятъ осенью на волковъ. „Лишь только упадетъ пороша,—говорилъ онъ,—они садятся на коней и ищутъ волчьяго слѣда. Попавъ на тропу, они ѣдутъ ею до тѣхъ поръ, пока не увидятъ звѣря; а какъ скоро онъ покажется, то преслѣдуютъ его затѣмъ небольшою рысью. Сначала звѣрь бѣжитъ скоро, иногда даже скрывается изъ виду, но мало-по-малу устаетъ, останавливается и оглядывается на охотниковъ. Случается, что они такимъ образомъ ѣдутъ верстъ пятьдесятъ. Наконецъ, волкъ выбьется изъ силъ, высунетъ языкъ и пойдетъ шагомъ: тогда охотники къ нему подскакиваютъ и убиваютъ его нагайками. Ударъ по носу считается вѣрнѣйшимъ“.

Разговаривая про киргизовъ, про степь и охоту, мы пріѣхали къ своимъ кибиткамъ. Вскорѣ возвратились и прочіе стрѣлки; а какъ наканунѣ прибылъ въ станъ дистаночный начальникъ съ тридцатью новыми казаками, то и добыча этотъ разъ была гораздо болѣе.

Несмотря на то, что охота кончилась ранѣе вчерашняго, мы застрѣлили слишкомъ сто сайгаковъ.

Обѣдъ нашъ состоялъ большею частью изъ сайгачины. Мясо это довольно вкусно и нѣсколько похоже на баранину; но я ѣлъ его не безъ отвращенія: у всѣхъ сайгаковъ подъ кожей на спинѣ были большіе бѣлые черви; и хотя мѣста эти тщательно вырѣзывались, но мысль о нихъ не придавала особеннаго вкуса ни соусу, ни жаркому. Черви эти происходятъ отъ яицъ, которыя кладутъ къ нимъ въ шерсть какія-то насѣкомыя. Всѣ кожи, нами снятыя, были на спинѣ какъ будто прострѣлены крупною дробью; но зимою у сайгаковъ червей не бываетъ.

Послѣ обѣда началась между башкирцами стрѣльба изъ лука, борьба и пробованіе силы. Мнѣ удалось, на разстояніи пятидесяти шаговъ, пронзить стрѣлою татарскую шляпу; но послѣ этого случайнаго выстрѣла я не переставалъ давать промахи. Въ борьбѣ, требующей столько же силы, сколько и ловкости, башкирцы безъ труда бросали меня на землю, также какъ и казаковъ; но въ пробованіи силы я нѣсколько разъ одерживалъ надъ ними верхъ, и они меня честили именемъ джигита. Когда настала ночь, мы всѣ вмѣстѣ отправились верхами въ Сухорѣченскую крѣпость. Казаки затянули пѣсни, и голоса ихъ терялись въ необъятномъ пространствѣ, не повторяемые ни однимъ отголоскомъ... Пѣсни эти отзывались то глубокимъ уныніемъ, то отчаянною удалью, и время отъ времени были приправляемы такими энергическими словами, какихъ нельзя и повторить. Поѣздъ этотъ запечатлѣлся въ моей памяти со всѣми его подробностями.

Какъ теперь вижу я небо, усѣянное звѣздами, и степь, похожую на открытое море; какъ теперь слышу слова:

> Дай намъ Богъ, казаченкамъ, пожить да послужить,
> На своей сторонушкѣ головки положить!

Слышу глухой топотъ и фырканье коней, бряцаніе стремянъ, шумъ и плескъ воды, когда мы переѣзжали черезъ Уралъ...

На другой день мы прибыли опять на кочевку; началась наша прежняя тихая жизнь, стрѣляніе въ цѣль и купанье, и безконечная тетеревиная охота...

Графъ А. К. Толстой.

ОЧЕРКИ

изъ жизни

ЛОНДОНСКАГО ЮНОШЕСТВА

I.

Лондонское юношество можно раздѣлить на два класса: на учащееся и подучивающееся. Первое регулярно посѣщаетъ учебныя заведенія; днемъ учится въ средней или высшей школѣ, а вечеромъ готовитъ уроки, проводитъ время въ семьѣ, съ родными, или въ пансіонахъ и коллегіяхъ. Этотъ классъ юношества принадлежитъ къ состоятельному слою общества; онъ готовится въ одну изъ свободныхъ профессій или на солидныя должности въ банковскихъ, страховыхъ и иныхъ учрежденіяхъ торгово-промышленнаго характера. Изрѣдка, какъ въ видѣ исключенія, среди этого класса юношества попадается и молодой человѣкъ бѣдныхъ родителей, пользующійся одной изъ многочисленныхъ стипендій, которыя въ послѣдніе годы учреждены какъ лондонскою, такъ и другими думами. Число юношей изъ бѣдныхъ семей, попадающее въ университеты, несомнѣнно значительно выросло въ послѣднее время въ Англіи и доступъ къ среднему и высшему образованію сталъ куда легче, чѣмъ бывало хотя бы лѣтъ 10 тому назадъ. Но все-таки, въ общемъ, регулярное школьное и университетское воспитаніе продолжаетъ быть удѣломъ все еще почти однихъ болѣе или менѣе хорошо обезпеченныхъ классовъ англійскаго общества. И происходитъ это не столько потому, что образо-

ваніе обходится дорого, сколько по нетерпѣнію родителей, стремящихся какъ можно скорѣе воспользоваться заработками подростающихъ дѣтей. Къ сожалѣнію, стремленіе это находитъ себѣ сильное поощреніе въ спросѣ на трудъ подростковъ, сдѣлавшійся наиболѣе искомымъ товаромъ на рабочемъ рынкѣ. Множество причинъ соединилось, чтобы сдѣлать подростка между 14 и 16 лѣтъ самымъ желаннымъ служащимъ. Съ одной стороны, обязательное элементарное образованіе, улучшеніе нравовъ и домашняго воспитанія, усовершенствованіе манеръ и болѣе высокое развитіе сдѣлали мальчика, рожденнаго даже въ простой рабочей семьѣ, болѣе пригоднымъ для разныхъ услугъ. Съ другой стороны, увеличилось и число мѣстъ, замѣщаемыхъ обыкновенно подростками. Въ клубахъ, богатыхъ домахъ и гостинницахъ прислуживающіе мальчики, такъ называемые page-boys (старо-русское „казачки") сдѣлались необходимымъ учрежденіемъ. Они отлично замѣняютъ взрослыхъ лакеевъ и въ то же время обходятся много дешевле. Почтово-телеграфное вѣдомство завело у себя въ Лондонѣ, да и въ другихъ большихъ городахъ Англіи, цѣлыя бригады разсыльныхъ изъ подростковъ. Кромѣ телеграфнаго вѣдомства, мальчиковъ-разсыльныхъ содержатъ и частныя телеграфныя заокеанскія компаніи. А лондонская акціонерная компанія участковыхъ разсыльныхъ только и пользуется трудомъ подростковъ. Затѣмъ, конторы въ Сити почти не обходятся безъ office-boy, безъ „конторскаго мальчика", обязанности котораго бываютъ иногда чрезвычайно разнообразны, начиная съ докладовъ „самому" о посѣтителяхъ, желающихъ его видѣть, и принятія почты, и кончая веденіемъ какой-нибудь нехитростной конторской записи.

Кромѣ этого, огромное число мальчиковъ поступаютъ для мелкихъ порученій въ лавки, къ уличнымъ торговцамъ и на прочія мелко-торговыя мѣста, не говоря уже, конечно, о серьезныхъ мастерскихъ и большихъ торговыхъ домахъ, гдѣ мальчики не только имѣютъ заработокъ, но и обучаются какому-нибудь полезному дѣлу. При такомъ огромномъ спросѣ на трудъ подростковъ мальчикъ въ Лондонѣ очень легко можетъ зарабатывать отъ 5 до 10 шиллинговъ въ недѣлю, и, понятно, бѣдныя семьи, даже и при наличности образовательныхъ средствъ, нерѣдко предпочитаютъ увидѣть дѣтей на службѣ, чѣмъ въ классѣ. Пусть себѣ мальчикъ будетъ телеграфнымъ разсыльнымъ или office-boy, лишь бы приносилъ домой каждую недѣлю нѣсколько шиллинговъ въ помощь семьѣ. Правда, черезъ два-три года, когда мальчикъ выростетъ, этихъ нѣсколькихъ шиллинговъ уже не хватитъ, да

и спросъ на его трудъ сравнительно упадетъ, хотя жалованье и поднимется. Но бѣдныя семьи слишкомъ далеко заглядывать не могутъ, и онѣ берутъ пока то, что даетъ имъ настоящее, а тамъ пусть себѣ выросшія дѣти сами о себѣ заботятся.

Такимъ образомъ, кромѣ учащагося юношества, имѣется огромный классъ подростковъ и юношей, вынужденныхъ порвать съ регулярнымъ посѣщеніемъ учебнаго заведенія и заняться добываніемъ средствъ къ жизни. Вотъ объ этомъ-то классѣ юношей, который если не учится, то все же отчасти „подучивается", продолжая занятія по вечерамъ, какъ въ государственныхъ вечернихъ классахъ, такъ и въ частныхъ учрежденіяхъ (обществахъ и клубахъ), я и намѣренъ здѣсь поговорить. Воспитаніе этого класса юношей, по достиженіи ими 14 лѣтъ, составляетъ для соціальнаго реформатора самую трудную задачу. До 14 лѣтъ мальчикъ или дѣвочка обязаны въ Англіи посѣщать школу, и какова бы ни была ихъ жизнь въ семьѣ, каково бы ни было воспитаніе, получаемое ими дома, за нихъ никто, кромѣ родителей, не отвѣчаетъ. До 14 лѣтъ у ребенка имѣются вполнѣ опредѣленныя лица, отвѣчающія за него: дома—это мать и отецъ, въ школѣ—это учитель. Плохъ ли надзоръ за нимъ или хорошъ, но номинально и юридически этотъ надзоръ существуетъ. Но какъ только школьный возрастъ минулъ и мальчикъ начинаетъ самъ зарабатывать на свое содержаніе, прежняя отвѣтственность, прежніе факторы воспитанія теряютъ свою силу. Вмѣсто семьи и школы, ареной дѣятельности становится улица; вмѣсто родителей и учителей выступаетъ „хозяинъ", и вмѣсто семейныхъ связей и школьнаго товарищества, мальчика начинаютъ притягивать и опутывать уличныя „знакомства" и „пріятельства". Въ этомъ отношеніи рабочее юношество глубоко отличается отъ учащагося, которое до 17—18 лѣтъ, а иногда и значительно позже, продолжаетъ оставаться подъ вліяніемъ лишь семьи и школы.

Нечего говорить, что, предоставленный почти всецѣло новымъ условіямъ жизни, мальчикъ, оставляя школу, особенно нуждается въ какихъ-нибудь общественныхъ учрежденіяхъ, которыя бы имѣли цѣлью заботы о его дальнѣйшемъ воспитаніи. Если мальчику, въ силу матеріальныхъ условій, нельзя посѣщать школу, нельзя учиться усидчиво и систематически, то все же можно создать вокругъ него такую нравственную атмосферу, которая вліяла бы на выработку характера его не хуже школы и семьи. Эту именно задачу воспитанія юношества отъ 14 до 18 или 20-лѣтняго возраста и берутъ на себя разныя учрежденія, о которыхъ рѣчь впереди.

II.

По характеру своей дѣятельности англійскія учрежденія, имѣющія дѣло съ воспитаніемъ рабочаго юношества, могутъ быть раздѣлены на четыре категоріи: на образовательныя, клубныя, трудовыя и милитарныя или, вѣрнѣе, дисциплинарныя. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ смѣшанный характеръ, соединяя разнообразные виды воздѣйствія на юношество, но у каждаго изъ нихъ есть все-таки какая-нибудь основная, преобладающая черта дѣятельности и устройства, дѣлающая всегда возможнымъ причислить его къ опредѣленной категоріи, хотя по существу, конечно, безразлично, къ какой категоріи вы его отнесете, такъ какъ мы приняли эту классификацію лишь для удобства описаній.

За исключеніемъ образовательныхъ учрежденій, содержимыхъ на счетъ муниципалитетовъ и государства, всѣ остальныя являются дѣломъ частной инціативы и руководства и всѣ они основаны на началѣ самодѣятельности. Въ однихъ учрежденіяхъ и обществахъ принципъ этотъ проводится во всей полнотѣ и сами юноши являются полными руководителями и отвѣтчиками въ своихъ собраніяхъ, клубахъ и пр., а въ другихъ самодѣятельность ихъ отчасти ограничена и они ее дѣлятъ съ взрослыми организаторами и руководителями.

Въ настоящей статьѣ я хотѣлъ бы ограничиться лишь тѣми учрежденіями, которыя имѣютъ больше воспитательный, чѣмъ образовательный характеръ, и поэтому болѣе обстоятельно намѣренъ остановиться лишь на послѣднихъ трехъ категоріяхъ. Однако, для полноты и цѣльности очерка, считаю нелишнимъ, хотя бы вкратцѣ, сказать кое-что и о первой категоріи учрежденій, т.-е. образовательныхъ, тѣмъ болѣе, что, въ концѣ концовъ, самымъ могучимъ факторомъ воспитанія все-таки является образованіе.

Къ образовательнымъ учрежденіямъ для рабочаго внѣ-школьнаго юношества въ Лондонѣ принадлежатъ вечерніе классы, политехникумы, вечернія школы и тому подобныя заведенія, почти всецѣло приноровленныя къ потребностямъ мальчиковъ выше 14 лѣтъ, занятыхъ днемъ на службѣ. Основныя свойства этихъ учрежденій состоятъ въ томъ, что занятія въ нихъ происходятъ по вечерамъ и что записываться можно въ нихъ лишь на курсы отдѣльныхъ предметовъ по желанію и выбору ученика. Лондон-

ская дума, какъ и существовавшее до 1903 года особое училищное правленіе Лондона, обязанности котораго перешли нынѣ къ думѣ, придаетъ огромное значеніе этимъ вечернимъ классамъ, для содержанія которыхъ она не жалѣетъ средствъ. За обученіе ученики почти ничего не платятъ. Съ нихъ взимается лишь номинальная плата въ два или три пенса въ недѣлю. Очевидно, все разсчитано на привлеченіе учениковъ изъ наиболѣе бѣдныхъ слоевъ населенія, и съ этой цѣлью для учениковъ и ученицъ устраиваются время отъ времени даже танцовальные вечера и концерты въ помѣщеніяхъ вечернихъ классовъ. И до нѣкоторой степени средства, употребляемыя думой, оказываются успѣшными, но все-таки не настолько, чтобы привлечь всю огромную массу рабочаго юношества. По отчету 1902—3 года, въ среднемъ, посѣщало вечерніе классы, устраиваемые въ помѣщеніяхъ элементарныхъ школъ Лондона, 57.800 молодыхъ людей обоего пола. Если имѣть въ виду, что всего населенія въ возрастѣ между 15 и 21 годами считалось въ томъ же году въ Лондонѣ около 537.000 лицъ, то можно сказать почти навѣрное, что изъ 10-ти лондонскихъ юношей лишь одинъ пользуется предоставленной возможностью дальнѣйшаго образованія. Пожалуй, и этотъ процентъ слишкомъ большой, такъ какъ въ числѣ лицъ, посѣщающихъ вечерніе классы, многіе старше 21-го года и никоимъ образомъ къ „юношамъ“ причислены быть не могутъ.

Впрочемъ, записывается обыкновенно на лекціи куда больше лицъ. Въ 1902—1903-мъ отчетномъ году ихъ записалось 126.753 лица. Но больше половины ихъ скоро отстаетъ, начинаетъ манкировать и вычеркивается изъ списковъ. Всего въ этомъ году преподавалось 76 предметовъ, изъ которыхъ можно было избрать любой. Многіе изъ этихъ предметовъ не имѣютъ, впрочемъ, теоретическаго значенія и составляютъ лишь рукодѣлія или техническія знанія, особенно изъ сферы домоводства.

Нѣкоторое понятіе о программѣ классовъ и требованіяхъ учениковъ могутъ дать слѣдующія цифры лицъ, обучавшихся девяти наиболѣе популярнымъ предметамъ. Цифры эти, однако, относятся лишь до такихъ учениковъ (и ученицъ), которые пробыли на лекціяхъ, въ сложности, не менѣе 14-ти часовъ. Этотъ минимумъ времени установленъ правительствомъ для каждаго ученика, на котораго оно выдаетъ пособіе. Если ученикъ учился въ классахъ менѣе 14-ти часовъ, то онъ игнорируется, и дума за его счетъ отъ правительства никакой субсидіи не получаетъ. Нижепоказанныя цифры касаются поэтому лишь тѣхъ молодыхъ людей, на обученіе которыхъ вечерніе классы получили отъ правитель-

ства соотвѣтственныя пособія, составляющія нѣсколько шиллинговъ на человѣка.

Стенографіи обучалось . . .	16.082	лица.
Гимнастикѣ	10.207	„
Работѣ иголкой.	8.406	„
Бухгалтеріи	8.142	„
Пѣнію	6.515	„
Французскому языку . . .	4.947	„
Обработкѣ дерева	4.938	„
Чтенію и письму.	4.284	„
Ариѳметикѣ.	3.799	„

Затѣмъ, огромное число молодыхъ людей привлекаютъ къ себѣ такія образовательныя учрежденія, какъ „политехникумы“ и „институты“, которые, однако, ничего общаго не имѣютъ съ заведеніями, извѣстными подъ этимъ именемъ въ Россіи. Прежде всего эти лондонскіе институты и политехникумы въ большинствѣ случаевъ представляютъ собою столько же клубы для юношества, сколько и образовательныя заведенія, и этой своей особенностью они существеннымъ образомъ отличаются отъ вечернихъ школъ и вечернихъ классовъ, содержимыхъ муниципальнымъ управленіемъ. Затѣмъ, хотя въ нихъ читаются иные курсы и днемъ, все же главная работа ихъ происходитъ вечеромъ, именно въ часы, когда рабочее юношество свободно отъ обычныхъ своихъ занятій.

Въ общей сложности, политехникумы и институты посѣщаются не менѣе, чѣмъ 60.000 лицъ обоего пола. Но въ огромной массѣ своей лица эти далеко не принадлежатъ къ тому классу рабочихъ, который обыкновенно подразумѣвается, когда говорятъ о „рабочемъ вопросѣ“. Это въ большинствѣ случаевъ молодые люди небогатаго средняго класса, дѣти лавочниковъ, хорошо оплачиваемыхъ ремесленниковъ, мелкихъ агентовъ страховыхъ обществъ, приказчиковъ въ большихъ магазинахъ и тому подобнаго слоя трудящагося населенія, которое хотя и не даетъ своимъ дѣтямъ университетскаго образованія, все-таки не хочетъ оставить ихъ совсѣмъ безъ дальнѣйшаго обученія какимъ-нибудь искусствамъ и наукамъ.

Имѣя въ виду главнымъ образомъ подготовку хорошихъ и искусныхъ мастеровъ, нѣкоторые изъ политехникумовъ и институтовъ, кромѣ обученія многимъ теоретическимъ предметамъ, содержатъ и классы спеціальныхъ ремеслъ, особенно такихъ, которыя болѣе всего ходки въ той мѣстности, гдѣ расположено заведеніе, и, напримѣръ, политехникумъ на Риджентъ-стритѣ имѣетъ особую мастерскую для обученія каретному дѣлу; институтъ въ

Клеркенвеллѣ обучаетъ, между прочими предметами, отдѣлкѣ кирпичей, т.-е. обтесыванью ихъ въ разныя формы, которыя могутъ потребоваться при кирпичной кладкѣ и облицовкѣ; „политехническій институтъ" въ Бороу имѣетъ самую лучшую въ Лондонѣ школу пекарнаго и пирожнаго мастерства.

Многія изъ заведеній этого характера содержатся на деньги, взимаемыя въ видѣ платы за обученіе, и на пособія, получаемыя отъ города. Нѣкоторыя имѣютъ собственные, большіе, завѣщанные и дарственные капиталы, а иныя содержатся религіозными конгрегаціями или спеціальными вѣдомствами. Изъ послѣднихъ заведеній можно отмѣтить институтъ телеграфныхъ разсыльныхъ, являющійся и клубомъ, и школой для мальчиковъ, служащихъ въ телеграфномъ вѣдомствѣ. За однимъ или двумя исключеніями, всѣ „институты" и политехникумы одинаково доступны для лицъ обоего пола, и записывающіеся въ нихъ на курсы называются часто не слушателями или учениками, а членами. Такъ напримѣръ, политехникумъ на Риджентъ-стритѣ объявляетъ, что за послѣдніе двѣнадцать мѣсяцевъ его курсы посѣщало свыше 15.000 „членовъ". Уже это одно наименованіе учащихся показываетъ истинный характеръ отношеній, установившихся между заведеніемъ и его учениками и ученицами,— характеръ равенства и самостоятельности, наполовину клубный, наполовину университетскій.

III.

Болѣе глубокій, хотя и не столь обширный слой рабочаго юношества захватываютъ клубныя учрежденія. Клубы для мальчиковъ, такъ называемые „boys clubs", исключительно даже предназначаются для юношей изъ рабочаго класса. Богатыя дѣти не нуждаются въ такихъ спеціально-мальчишескихъ клубахъ: днемъ они учатся, а вечеромъ проводятъ время дома, гдѣ къ ихъ услугамъ хорошо освѣщенныя, богато-обставленныя, просторныя гостиныя, столовыя, библіотеки. Зачѣмъ мальчику изъ состоятельной семьи клубъ? Если же онъ живетъ въ пансіонѣ или колледжѣ, то у него, кромѣ собственнаго помѣщенія, еще есть чисто товарищескіе, школьные или университетскіе клубы. Только для юноши рабочей семьи, которому дома и тѣсно, и неудобно, нужно какое-нибудь особое помѣщеніе, гдѣ бы онъ могъ въ кругу товарищей пріятно и безвредно проводить время. Такой юноша, возвращаясь домой со службы или работы въ подчасъ переполненную ребятишками и взрослыми комнату, невольно рвется

вонъ, на уличный просторъ, гдѣ его поджидаютъ иногда разные соблазны и испорченная компанія. Для него, поэтому, клубная обстановка, соотвѣтствующая его возрасту, является весьма полезнымъ и даже необходимымъ дополненіемъ домашней жизни. Въ клубѣ онъ найдетъ просторную комнату, товарищей для игръ, книги для чтенія, предметы для забавы, иногда развлеченія въ видѣ концертовъ, лекцій и общихъ собесѣдованій (дебатовъ). Здѣсь онъ не услышитъ окриковъ старшихъ, находящихся почему-либо не въ духѣ, не получитъ тумака отъ раздраженнаго или пьянаго отца, не ввяжется въ ссору или драку съ своими воинственными сестрами или братьями, и не станетъ предметомъ ворчанья и брани сварливой матери. Въ своемъ клубѣ онъ если и не полный хозяинъ, то независимъ и ровня каждому. Правда, за ними и тутъ имѣется надзоръ какого-нибудь секретаря или другого дежурнаго изъ взрослыхъ учредителей и руководителей клуба, но надзоръ этотъ очень нечувствителенъ; онъ не стѣсняетъ дѣйствій отдѣльныхъ членовъ клуба и касается лишь общаго порядка.

Конечно, каждый клубъ имѣетъ свои особые порядки и правила. Въ одномъ больше дисциплины, въ другомъ меньше. Одинъ задается болѣе широкими задачами, а другой — болѣе скромными; одинъ предоставляетъ мальчикамъ больше самоуправленія, другой — меньше. Но всѣ они имѣютъ передъ собою одну общую цѣль — оказывать облагораживающее вліяніе на своихъ юныхъ членовъ. На хорошее вліяніе такого рода клубовъ для рабочаго юношества обратили вниманіе особенно въ послѣдніе годы. Нѣсколько случаевъ грубаго и серьезнаго „хулиганства", происшедшихъ на улицахъ Лондона, произвели переполохъ и тревогу въ обществѣ. Хулиганами въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ оказывались юнцы 14 — 20-лѣтняго возраста, дѣти рабочихъ, проводящія весь свой досугъ на улицахъ. Правда, нѣкоторые историки и старожилы Лондона ничего новаго и угрожающаго въ нынѣшнемъ хулиганствѣ не нашли. Напротивъ, по ихъ мнѣнію, Лондонъ замѣчательно даже прогрессируетъ въ очищеніи себя отъ уличныхъ безобразниковъ, грубіяновъ и драчуновъ, и они указываютъ на то, что въ былое время, и даже не въ очень далекое отъ насъ, уличными нападеніями занимались и молодые люди приличныхъ семей, студенты-медики и даже аристократы.

Однако, лондонцу, терпящему отъ современнаго хулигана, отъ историческихъ изысканій ничуть не дѣлается легче, и естественно вопросъ о мѣрахъ къ предупрежденію безобразій со сто-

роны уличныхъ юнцовъ получилъ въ послѣдніе годы особую важность. Вспомнили о клубахъ. Гдѣ же клубы для рабочаго юношества? Почему юнцы шляются по вечерамъ по улицамъ и не находятъ себѣ мѣста, гдѣ бы могли прилично и пріятно проводить свое досужее время? И въ 1902 г. была основана спеціальная лига, такъ называемая „Лига двадцатаго столѣтія" (Twentieth Century League), для содѣйствія и поощренія основанія клубовъ для рабочаго юношества.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ этой лигой въ первый годъ своего существованія, оказалось, что этихъ учрежденій, сравнительно говоря, не много въ Лондонѣ. Многія изъ нихъ, огромное даже большинство ихъ, открыты лишь одинъ или два вечера всего въ недѣлю. Клубовъ, открытыхъ не меньше шести дней въ недѣлю, считалось около 80-ти; изъ нихъ около 30-ти были женскіе. Вообще, по подсчетамъ „Лиги", изъ 291.000 мальчиковъ между 14 и 21 годами членами клубовъ были 26.000, а изъ 325.000 дѣвушекъ того же возраста клубами пользовалось не больше 22.000 лицъ. Недостаточное развитіе клубной жизни объясняется главнымъ образомъ двумя причинами: отсутствіемъ средствъ на устройство и содержаніе ихъ и отсутствіемъ людей для руководства ими. И цѣль „Лиги"—восполнить эти два недостатка.

„Лига" взялась за свою задачу очень энергично. Она успѣла соединить подъ своимъ знаменемъ представителей всѣхъ религій и разнороднѣйшихъ учрежденій, и, напримѣръ, въ числѣ ея вице-президентовъ состоятъ епископъ лондонскій, главный раввинъ, нонконформистскій борецъ и ораторъ, пасторъ Клиффордъ, министръ колоній Литльтонъ, директоръ Итонской школы и др. Въ каждомъ отдѣльномъ лондонскомъ участкѣ „Лига" старается имѣть свое отдѣленіе, которое собираетъ свѣдѣнія о мѣстныхъ нуждахъ въ клубахъ для юношества, поддерживаетъ существующія и открываетъ новыя учрежденія. Подъ вліяніемъ же этой „Лиги" недавно основана и „бригада соціальной службы", состоящая изъ молодыхъ людей, готовыхъ посвятить часть своего времени работѣ на пользу общества, особенно рабочаго юношества.

Впрочемъ, „Лига" или эта новая „бригада соціальныхъ служителей"—не первыя и не единственныя организаціи, имѣющія дѣло съ клубами для юношества. Этихъ организацій не мало. Стоитъ только упомянуть о „союзѣ помощи фабричнымъ дѣвушкамъ", устраивающемъ клубы и оказывающемъ вообще помощь рабочимъ дѣвушкамъ, о центральной федераціи соціальныхъ клубовъ въ Лондонѣ, объ ассоціаціи вечернихъ помѣщеній для дѣ-

вушекъ (Girls' Evening Homes Association), и другихъ этого же рода организацiяхъ. Въ перiодъ расцвѣта имперiализма, въ 1900 г., была основана и имперская лига мальчиковъ (the Boys' Empire League), имѣющая также цѣлью воспитанiе и развитiе рабочаго юношества посредствомъ клубныхъ учрежденiй, но въ духѣ имперiализма. Мальчики, поступающiе въ эту лигу, обѣщаются обращаться съ иностранцами вѣжливо и въ своихъ сношенiяхъ съ ними „помнить традицiи британской расы, касающiяся честности, мужества и прямоты, и ничего не дѣлать такого, что унизило бы отечество въ глазахъ ихъ". Мальчики обѣщаются также прочитать въ опредѣленный срокъ одну книгу о какой-либо части англiйской имперiи. Имперская лига мальчиковъ принципiально поставлена широко, обнимая собою всѣ партiи и религiи. Въ настоящее время лига считаетъ до 6.000 членовъ, вербуемыхъ, главнымъ образомъ, въ клубахъ рабочаго юношества.

Очень близко къ клубнымъ учрежденiямъ, и почти сливаясь съ ними, стоятъ учрежденiя трудовыя, т.-е. такiя, которыя доставляютъ своимъ членамъ не только моральное и религiозное воспитанiе, но и матерiальную поддержку. Этихъ учрежденiй, если не считать спецiально сиротскихъ, въ Лондонѣ очень немного, просто потому, что въ такихъ учрежденiяхъ рабочее юношество почти не нуждается. Какъ уже было упомянуто выше, трудъ мальчика встрѣчаетъ здѣсь слишкомъ большой спросъ, и лишь стеченiе очень неблагопрiятныхъ обстоятельствъ могло бы поставить подростка въ положенiе тщетно ищущаго работы.

Единственными учрежденiями трудового типа можно считать, кажется, лишь „бригады" сапожныхъ чистильщиковъ и „бригаду" домашняго услуженiя. Первыя возникли еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, а послѣдняя—дѣло новѣйшаго времени.

Благодаря инициативѣ Джона Макгрегора, пользовавшагося содѣйствiемъ извѣстнаго въ свое время филантропа, графа Шефтсбюри, была основана въ Лондонѣ, въ 1851 году, первая Shoe Black Brigade, бригада сапожныхъ чистильщиковъ, составленная изъ уличныхъ, безпризорныхъ мальчиковъ 14 — 16-лѣтняго возраста. Мальчики поступаютъ въ бригаду по собственному лишь желанiю, и если у нихъ нѣтъ мѣста, гдѣ жить, то имъ предоставляютъ въ особомъ прiютѣ, открытомъ Макгрегоромъ, помѣщенiе, столъ и обмундированiе. Каждый членъ бригады занимаетъ опредѣленный, указанный ему уголъ на какой-либо улицѣ, и занимается чисткой сапогъ желающимъ. Минимальная плата за чистку одной пары была установлена въ одинъ пенсъ, но большинство заказчиковъ даетъ больше. Изъ выручки мальчикъ

вноситъ опредѣленную часть на покрытіе расходовъ по его содержанію, а остальное вносится въ банкъ или сберегательную кассу на его имя.

Послѣ учрежденія первой бригады, извѣстной подъ именемъ центральной, были учреждены и другія для разныхъ частей города. Въ 1854 г. возникли южно-лондонская и восточно-лондонская; въ 1857 г. появилась вестъ-эндская; а въ 1868 г.— бригада „Юніонъ-Джекъ". Каждая изъ нихъ представляетъ собою отдѣльную организацію со своими особыми порядками и учрежденіями. У всѣхъ у нихъ заведены библіотеки, классы, гимнастическія залы, спортсменскіе кружки и разныя игры и развлеченія. Достигнувъ 16-ти лѣтъ, мальчики должны выйти изъ бригады и обыкновенно пристраиваются въ армію, флотъ или же въ частныя учрежденія. Мальчики же, страдающіе отъ какихъ-либо физическихъ недостатковъ, могутъ оставаться въ бригадѣ всю жизнь.

Однако, спросъ на трудъ мальчиковъ развился за послѣднія пять или десять лѣтъ настолько, что бригады чистильщиковъ сапогъ, первоначально предназначавшіяся только для помощи подросткамъ, за послѣднее время очутились почти безъ членовъ, и пріюты ихъ начали пустовать. И хотя всѣ прежде основанныя бригады еще продолжаютъ существовать, но три изъ нихъ обратились уже въ учрежденія для взрослыхъ безработныхъ и лишь двѣ продолжаютъ еще вербоваться изъ подростковъ.

IV.

До сихъ поръ рѣчь у насъ шла объ учрежденіяхъ, которыя почти въ одинаковыхъ размѣрахъ имѣютъ дѣло съ образованіемъ и воспитаніемъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Политехникумы и институты принимаютъ въ члены молодыхъ людей обоего пола, для которыхъ и классы, и развлеченія въ большинствѣ случаевъ устраиваются даже не отдѣльно, а смѣшанно. Клубы бываютъ также иногда смѣшаннаго, иногда обособленнаго для каждаго пола характера. Столь же общи для обоихъ половъ бываютъ и учрежденія трудовой категоріи. Если дѣвочки и не составляютъ бригадъ сапожныхъ чистильщицъ, то у нихъ есть другія занятія, какъ домашнее услуженіе, шитье и пр. Теперь же мы укажемъ на такія учрежденія, которыя имѣютъ дѣло исключительно съ воспитаніемъ мальчиковъ, это—милитарныя, извѣстныя въ Англіи подъ именемъ boys' brigades, бригадъ мальчиковъ.

Бригады эти, несомнѣнно, являются одною изъ самыхъ оригинальныхъ и курьезныхъ выдумокъ Англіи. Онѣ возникли въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія по иниціативѣ одного жителя Гласго, нѣкоего Вильяма Смита. Начавшись съ одной „роты", состоявшей изъ трехъ „офицеровъ" и тридцати мальчиковъ, бригады эти теперь считаютъ десятками тысячъ своихъ членовъ, встрѣчаются во всѣхъ городахъ и во множествѣ деревень Великобританіи и даже въ англійскихъ колоніяхъ и Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. „Бригадами" стали обзаводиться разныя христіанскія исповѣданія и даже евреи, среди которыхъ „бригада мальчиковъ" была основана въ серединѣ 90-хъ годовъ покойнымъ нынѣ полковникомъ Гольдсмитомъ. Изъ всѣхъ бригадъ, однако, болѣе всего извѣстна и наиболѣе успѣшной оказалась та, которая была основана изобрѣтателемъ ихъ, Вильямомъ Смитомъ, называющаяся просто „The Boys' Brigade" (бригадой мальчиковъ). Въ настоящее время бригада эта считаетъ 52.000 мальчиковъ, 1.150 ротъ и 4.300 офицеровъ, не считая тѣхъ отдѣленій ея, которыя разсѣяны по англійскимъ колоніямъ и въ Америкѣ. Главныя силы бригады находятся въ Лондонѣ, гдѣ сформированы восемь баталіоновъ, состоящихъ изъ 152 ротъ и, въ общей сложности, считающихъ 6.556 мальчиковъ, 580 офицеровъ и 180 „штабныхъ сержантовъ" (цифры взяты изъ отчета за 1903 г.).

Цѣль бригады, на основаніи 2-го параграфа ея устава, заключается „въ споспѣшествованіи царству Христа между мальчиками и въ развитіи среди нихъ привычекъ послушанія, благоговѣнія, дисциплины, самоуваженія и всего того, что составляетъ настоящее благородство характера христіанина" (true Christian manlikness).

Чтобы достигнуть этой цѣли, стоитъ только, по мысли иниціатора бригаднаго движенія, одѣть мальчика въ военную форму, обучать его военнымъ пріемамъ и упражненіямъ и записать его членомъ „роты". Необходимо только, чтобы нравственно-религіозная цѣль этого военнаго маскарада никогда не упускалась изъ виду и чтобы увлеченіе милитарной стороной движенія не заглушало первоначальной воспитательной задачи. Милитарное же устройство избрано средствомъ воспитанія потому, что, по наблюденіямъ Смита, мальчики вообще любятъ играть въ солдаты. Если надѣть на мальчика кепи вмѣсто обыкновенной шапки и сказать ему: „смирно!", вмѣсто: „пожалуйста, ведите себя прилично!", то онъ гораздо больше будетъ слушаться. Этой психологіей и воспользовался Смитъ, имѣвшій въ виду исключительно тотъ классъ

дѣтей, которыя, кончая школу къ двѣнадцати или, какъ нынѣ, къ четырнадцати годамъ, начинають уже жить полусамостоятельной жизнью подручныхъ въ лавкахъ и мастерскихъ и освобождаются не только отъ школьной, но и семейной опеки.

Въ правильности своей теоріи Смитъ успѣлъ убѣдиться въ первые же мѣсяцы своей „бригадной" дѣятельности. Ведя раньше воскресный классъ для рабочаго юношества, онъ съ трудомъ могъ собирать на свои чтенія и молитвы какой-нибудь десятокъ уличныхъ подростковъ, и съ этой горсточкой сорванцовъ онъ справлялся съ трудомъ. Но стоило ему только объявить, что онъ собирается составить „роту" изъ мальчиковъ и обучать военной гимнастикѣ и маршировкѣ, какъ къ нему начали являться десятки и сотни мальчиковъ, съ просьбой записать ихъ въ его роту. Разъ въ недѣлю въ теченіе первой зимы онъ собиралъ свою роту и обучалъ ее маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ. При этомъ пѣлись гимны, совершались молитвы и произносились краткія проповѣди. По воскресеньямъ происходили обычные библейскіе классы, но въ военной обстановкѣ. Этотъ первый опытъ послужилъ толчкомъ къ основанію въ Гласго новыхъ ротъ, и мысль Смита встрѣтила откликъ въ разныхъ мѣстахъ Шотландіи и Англіи, и мало-по-малу движеніе разрослось. Вскорѣ состоялась конференція учредителей разныхъ ротъ, былъ выработанъ общій для всѣхъ нихъ уставъ; роты были соединены въ одну „бригаду" и все дѣло сосредоточено въ одномъ правленіи, въ такъ называемомъ совѣтѣ бригады. Чтобы движеніе не уклонилось отъ первоначальной религіозно-нравственной цѣли, было установлено основать роты лишь при какой-нибудь церковной или религіозной организаціи: при церкви, миссіи или библейскомъ классѣ. Только такія роты включаются членами въ бригаду. Если же рота основана кѣмъ-либо самостоятельно, безъ покровительства какой-либо христіанско-церковной организаціи, the Boys' Brigade ея не признаетъ.

Шесть или больше ротъ соединяются въ баталіоны, и баталіонный совѣтъ, состоящій изъ офицеровъ ротъ, является главнымъ руководителемъ движенія въ соотвѣтственной мѣстности. Баталіонный совѣтъ избираетъ своего президента, вице-президента, секретаря, казначея и исполнительный комитетъ. Совѣтъ же всей бригады состоитъ изъ „капитановъ" (начальниковъ) всѣхъ ротъ, изъ баталіонныхъ исполнительныхъ комитетовъ и изъ лицъ, занимающихъ почетныя баталіонныя должности.

Въ роты записываются мальчики отъ 12-ти до 17-ти лѣтъ. Достигшіе 17-ти лѣтъ роту оставляютъ. Каждый изъ мальчиковъ поступаетъ въ роту „нижнимъ чиномъ" и затѣмъ, по „выслугѣ

лѣтъ“ и по личнымъ достоинствамъ, производится въ младшіе, а потомъ и въ старшіе унтеръ-офицеры. Члены роты обязаны платить какой-либо еженедѣльный, очень небольшой взносъ и затѣмъ уплатить около двухъ шиллинговъ за экипировку, состоящую изъ трехъ вещей: кепи, пояса и сумки. Ружья составляютъ собственность бригады. Это очень дешевенькія монте-кристо, которыми и курицу нельзя убить. Вообще, на основаніи правилъ бригады, выработанныхъ еще на первой конференціи, ни штыковъ, ни сабель, ни вообще ничего смертоноснаго въ вооруженіи бригады не можетъ быть. Даже военная градація чиновъ въ ней допускается лишь въ границахъ самой роты, въ которой она необходима какъ приманка. Но она совершенно отсутствуетъ внѣ роты и никакихъ „майоровъ“, „полковниковъ“, „генераловъ“ въ ней нѣтъ. Бригада прежде всего—учрежденіе гражданское, съ безусловно обще-гражданскими цѣлями, усвоившее лишь нѣкоторые военные порядки, какъ мишуру и позолоту, для привлеченія еще не установившихся дѣтски-легкомысленныхъ подростковъ.

Съ годами и съ развитіемъ движенія, роты и баталіоны стали заводить собственные оркестры, клубы, библіотечки. Стали устраивать лѣтомъ „лагери“ гдѣ-либо на берегу моря или въ полѣ, и лагери эти, продолжающіеся обыкновенно отъ трехъ до четырнадцати дней, составляютъ очень пріятный и желанный отдыхъ для членовъ роты.

Чтобы дать читателю болѣе вѣрное представленіе о томъ кругѣ населенія, откуда обыкновенно „вербуются“ члены этихъ ротъ, какъ и объ обычныхъ занятіяхъ ихъ, считаю нелишнимъ разсказать здѣсь о моихъ личныхъ впечатлѣніяхъ. Благодаря близкому знакомству съ „капитаномъ“ одной роты, я имѣлъ возможность присутствовать не только на ея ученьяхъ и смотрахъ, но и при „наборѣ“ членовъ роты. Нужно сказать, что окончательные списки ротъ составляются въ сентябрѣ. Но одной записи мало. Начальство роты еще считаетъ необходимымъ удостовѣриться, что мальчикъ записался съ разрѣшенія родителей или опекуновъ. Родители же далеко не всѣ позволяютъ дѣтямъ присоединиться къ бригадѣ. Многіе изъ нихъ боятся, что занятія въ бригадѣ разовьютъ въ ихъ дѣтяхъ охоту къ военной службѣ, далеко не популярной въ англійскомъ народѣ. Въ солдаты обыкновенно поступаютъ здѣсь лишь лѣнтяи и на серьезное дѣло и трудъ неспособные. Офицерамъ бригады приходится поэтому раньше всего обходить родителей записавшихся мальчиковъ и часто доказывать имъ, что поступленіе въ бригаду имѣетъ мо-

ральное значеніе и ничего общаго съ солдатчиной не имѣетъ. Впрочемъ, не только родители, но и многіе соціальные дѣятели далеко не увѣрены въ пользѣ воспитанія, прививающаго дѣтямъ милитарный духъ, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ была основана новая бригада, хотя тоже на началахъ дисциплины, но не милитарнаго, а человѣколюбиваго характера,—это Boys' Life Brigade, занятія которой состоятъ не въ упражненіяхъ съ ружьями, а въ обученіи пріемамъ спасанія жизни на пожарахъ, на водѣ и при другихъ несчастныхъ случаяхъ. И эта новая бригада начинаетъ теперь завоевывать симпатіи юношей, но пока болѣе популярна прежняя бригада, къ описанію которой возвращаюсь.

И вотъ разъ въ такой-то экспедиціи по домамъ кандидатовъ бригады я и сопровождалъ „офицера", хорошо знакомаго мнѣ молодого человѣка, сына богатаго строительнаго подрядчика. Молодой человѣкъ, занимавшійся днемъ въ конторѣ отца своего, любилъ посвящать свои вечерніе и каникулярные досуги волонтерной арміи, бригадѣ мальчиковъ и спорту. Вмѣстѣ съ „капитаномъ" роты, занимавшимся тоже по строительной части, они организовали свой отрядъ при одной изъ баптистскихъ церквей въ одной изъ очень скучныхъ сѣверо-западныхъ частей Лондона.

V.

Было около семи часовъ вечера, когда мы достигли района жительства записавшихся „рекрутовъ". Это былъ типичный рабочій участокъ Лондона. На улицахъ играли толпы дѣтей, и въ воздухѣ стоялъ несмолкаемый шумъ отъ дѣтскаго крика, визга и смѣха. На углу, у кабака, играла шарманка, и подъ тоскливые и рѣзкіе звуки ея плясали на мостовой нѣсколько десятковъ маленькихъ дѣвочекъ, которыя съ наивной серьезностью выдѣлывали разныя фигуры и, внимательно слѣдя за тактомъ, отбивали своими тоненькими дѣтскими ножками, вертѣлись и играли своими коротенькими юбочками не хуже балеринъ, танцующихъ на театральной сценѣ. Итальянецъ-шарманщикъ, вертя ручку своего инструмента, какъ будто самъ увлекался этимъ полнымъ жизни зрѣлищемъ, и продолжалъ играть и играть, несмотря на то, что никто ему ничего не давалъ и становилось уже темно. Словно слившись въ одну загипнотизированную группу, прыгали ритмически дѣвочки, игралъ шарманщикъ и поодаль остановились неподвижно любопытные прохожіе. По сторонамъ улицъ тянулись уныло и однообразно ряды двухэтажныхъ домиковъ съ крошеч-

ными палисадниками впереди, изъ которыхъ мѣстами торчали чахлые кусты.

Мой спутникъ повернулъ въ одинъ изъ этихъ домиковъ и постучался въ дверь. Вышла нестарая женщина, вытиравшая руки о передникъ.

— Что угодно?—спросила она грубовато.

— Вы миссисъ Вильямсъ?.. Я изъ гордонскаго клуба. Вашъ мальчикъ Джонъ хочетъ поступить въ бригаду,—заявилъ мой спутникъ.

— Ни за что, сэръ!—отвѣтила она рѣзко.—Извините, но Джонъ и думать не долженъ объ этомъ. Вотъ еще, позволю ему шляться по улицамъ до поздней ночи! Пусть дома сидитъ. Тоже! У меня и такъ голова идетъ кругомъ отъ ихъ шалостей... Вотъ и этотъ пострѣлъ еще на улицѣ, никакъ дозваться не могу,—сказала она вдругъ, замѣтивъ своего четырехлѣтняго карапуза на противоположномъ тротуарѣ.—Чарли, эй, Чарли!—крикнула она ему. — Сейчасъ сюда, а то я тебѣ... Ахъ! вы не можете себѣ представить, сколько съ ними хлопотъ! (а въ это время изъ кухни донесся дѣтскій плачъ)... Вотъ и этотъ.... У меня ихъ четверо. Джонъ—старшій...

Очевидно, миссисъ Вильямсъ попала на свой конекъ, на трудность управиться съ дѣтьми, и жалобамъ, вѣроятно, не было бы конца, еслибы ихъ не остановилъ мой спутникъ напоминаніемъ о цѣли своего визита.

— Нѣтъ,—повторила она рѣшительно.—Очень любезно съ вашей стороны, но онъ долженъ по вечерамъ дома сидѣть. Онъ и такъ достаточно времени проводитъ на улицѣ.

Дѣлать нечего, пришлось уйти ни съ чѣмъ, и мой спутникъ оставилъ лишь ей листокъ.

— Прочтите,—сказалъ онъ ей:—сами увидите, что мы какъ-разъ спасаемъ дѣтей отъ уличнаго бездѣлья, а не толкаемъ на улицу.

На слѣдующій стукъ черезъ нѣсколько домовъ на той же улицѣ намъ открылъ дверь самъ „рекрутъ“.

— Здравствуйте,—сказалъ мой спутникъ.—Это вы—Дэвисъ и есть?

— Да,—отвѣтилъ мальчикъ не безъ собственнаго достоинства.

— Прошлаго мая вы заявили, что хотите записаться въ „Boys' Brigade“. Что же, не перемѣнили намѣреніе?

— Пожалуй,—милостиво отвѣтилъ Дэвисъ.

— Пожалуй,—отвѣтилъ въ тонъ офицеръ.

— Если хотите, могу записаться.

— Пожалуйста, любезнѣйшій, не причиняйте себѣ лишнихъ хлопотъ. Мы, правда, безъ васъ обойтись не можемъ, но все-таки попытаемся, лишь бы только не обезпокоить васъ,—подражаетъ мой спутникъ независимому тону мальчика.

Я улыбаюсь. Мальчикъ, глядя на меня, тоже улыбается не то сконфуженно, не то съ хитрецой юной проницательности. Но въ это время раздается голосъ изъ внутренней комнаты:

— Кто тамъ, Дэви, съ кѣмъ это ты?

— Это господинъ—насчетъ бригады,—говоритъ онъ.

— All right,—доносится изъ глубины узенькаго корридорчика, и къ намъ выходитъ благообразный мужчина въ ситцевой рубашкѣ и разстегнутомъ жилетѣ, съ трубкой въ зубахъ.

— Good evening, sir, — говоритъ онъ какъ-то открыто и добродушно и приглашаетъ въ переднюю комнату, въ гостиную. Онъ проситъ сѣсть и начинаетъ говорить, очевидно готовый покалякать послѣ дневного труда и сытнаго ужина. По убранству комнаты, скромному, но не безъ претензій на комфортъ, видно, что отецъ Дэви принадлежитъ къ рабочимъ съ постояннымъ заработкомъ. И дѣйствительно, оказывается, онъ служитъ въ какомъ-то мебельномъ складѣ и работаетъ на одномъ мѣстѣ уже восьмой годъ. Хозяинъ нашъ—большой политикъ и философъ. Начинаетъ говорить о церкви, о роли ея, объ отношеніи ея къ государству, о школьномъ вопросѣ. Но мой спутникъ нетерпѣливъ. У него на рукахъ еще много адресовъ, большинство которыхъ онъ хочетъ обойти еще сегодня. Онъ, поэтому, пользуется первымъ удобнымъ случаемъ и обрываетъ своего собесѣдника вопросомъ:

— Кажется, вашъ мальчикъ не очень охотно поступаетъ въ бригаду?

— Помилуйте! — возражаетъ тотъ: — мой Дэви спитъ и во снѣ видитъ себя мальчикомъ бригады, только о ней и говоритъ. Пусть поступитъ! Вреда отъ этого не будетъ.

Оставивъ въ распоряженіи отца Дэви разные бланки и листки, касающіеся записи въ бригаду и дѣятельности ея, мы отправляемся дальше.

Въ слѣдующей семьѣ намъ открыла дверь болѣзненнаго вида женщина и очевидно очень недовольная своимъ непослушнымъ сыномъ. Мой спутникъ объяснилъ, что пришелъ справиться, не имѣютъ ли чего-либо родители противъ поступленія ихъ сына въ бригаду.

— Онъ можетъ дѣлать, что ему угодно,—отвѣтила съ легкимъ раздраженіемъ женщина.—Какъ будто онъ когда-нибудь насъ спрашиваетъ!

— Но вы знаете, что мы его не примемъ, если не подпишетесь вы или вашъ мужъ,—говоритъ мой спутникъ.

— Сдѣлайте одолженіе, подпишу, что угодно, лишь бы только избавиться отъ него. Франки!—крикнула она въ сторону кухни.— Вотъ господинъ изъ бригады, выйди!—прибавила она, удаляясь навстрѣчу вышедшему къ намъ Франки, плохо одѣтому, грязноватому и кудластому мальчугану лѣтъ тринадцати.

Мальчикъ, носившій какой-то мѣшковатый пиджакъ съ предлинными рукавами, очевидно, съ чужого плеча, оказался, однако, далеко не такимъ извергомъ, какимъ онъ представлялся по словамъ его матери. Мой спутникъ передалъ ему бланкъ и сказалъ:

— Ну-ка, любезный, прочти внимательно и напиши полностью имя и фамилію. Если нѣсколько именъ, валяй всѣ, но четко и чисто. Напиши и адресъ, и сколько лѣтъ, и день рожденія. Понялъ?

— Хорошо, сэръ,—отвѣтилъ Франки скромно и конфузясь.

— Вотъ увидите, изъ этого Франки выйдетъ молодецъ; ему нужны ласка и теплота, а дома его, очевидно, вѣчно бранятъ,— сказалъ мнѣ мой спутникъ, когда мы очутились на улицѣ.

По слѣдующему адресу мать оказалась, наоборотъ, ужъ очень глубоко интересующейся похожденіями своего сына. Она была вдовой, занималась стиркой, чисткой комнатъ и прочей поденной домашней работой на ближайшихъ улицахъ; но жила она очень чистенько и не безъ комфорта. Она занимала три комнаты, одна изъ которыхъ составляла спальню, другая—гостиную, куда она и пригласила насъ, а третья—кухню и столовую. Гостиная, очевидно, составляла гордость вдовы, что-то вродѣ священнаго храма, куда не могла ступить ни одна нога изъ младшихъ членовъ ея семьи. Гостиная служила знаменемъ респектабельности, крѣпостью, въ которой охранялась сословная честь семьи, знавшей, должно быть, лучшія времена.

Вдова, съ засученными рукавами и въ передникѣ, быстро зажгла газовый рожокъ подъ розовымъ стекляннымъ колпакомъ, имѣвшимъ видъ тюльпана, и небольшая комната наполнилась мягкимъ свѣтомъ, въ которомъ передъ нами предстала обычная обстановка „drawing-room“ всякой болѣе или менѣе приличной англійской рабочей семьи: по переднимъ угламъ важно покоились кресла, покрытыя поддѣльнымъ плюшемъ. На спинкахъ ихъ бѣлѣли вышитыя салфетки, такъ называемые антимакассары. У двери стоялъ комодъ съ разными бездѣлушками и съ зеркаломъ. На каминѣ торчали вазы, статуэтки, рамки съ фотогра-

фическими карточками. На стѣнѣ было нѣсколько портретовъ и какой-то аттестатъ общества („ордена“) трезвости и взаимопомощи, выданный на имя покойнаго главы семьи. У окна стоялъ высокій треножникъ съ вазой для цвѣтовъ. Было еще нѣсколько мягкихъ стульевъ и, наконецъ, какъ высшій символъ приличнаго соціальнаго положенія у стѣны, насупротивъ камина, красовалось піанино.

— Я такъ рада, что мой Артуръ поступаетъ въ роту,—начала хозяйка.—Это ему будетъ полезно. Ему нужно хорошо проводить время... Онъ теперь моется, сейчасъ кончитъ. Онъ только-что изъ Сити... Вы знаете „Нокъ и Вильямсъ“? Большая фирма фотографическихъ принадлежностей. Онъ тамъ служитъ... Онъ раньше приходитъ, чѣмъ его сестра; она тоже служитъ въ Сити, въ кофейнѣ „Эй-Би-Си“ (акціонерное общество кофейныхъ заведеній, извѣстное подъ именемъ Aerated Bread Company, а сокращенно „A. B. C.“),—болтала она.

Вскорѣ въ комнату вошелъ чистенько одѣтый мальчикъ четырнадцати или пятнадцати лѣтъ, причесанный и съ манерами благовоспитаннаго человѣка. Мой спутникъ подалъ ему бланкъ и сказалъ:

— Вы знаете, какъ написать?

— О, да!—отвѣтилъ тотъ увѣренно. И мы вышли.

— Этотъ поступаетъ съ мыслью сейчасъ же попасть въ унтеръ-офицеры, — сказалъ мой спутникъ; — но семья, очевидно, хорошая, согласная и трудовая.

Впечатлѣніе, вынесенное изъ этой квартиры вдовы charwoman, быстро улетучилось и смѣнилось тяжелымъ чувствомъ, оставленнымъ въ насъ посѣщеніемъ другой семьи. Это посѣщеніе было послѣднимъ въ тотъ вечеръ.

По данному однимъ „рекрутомъ“ адресу мы постучались въ одну изъ длиннаго ряда облупленныхъ и обшарпанныхъ дверей, выходившихъ на тоскливый и глухой рабочій переулокъ. Корридорчикъ за дверью не былъ освѣщенъ, и когда какая-то фигура открыла намъ дверь, мы только по запаху ея могли узнать, что она не совсѣмъ трезва. Это была мать рекрута. Она, видно, порядочно выпила, но отлично держалась на ногахъ, и языкъ ея не только не заплетался, но пріобрѣлъ еще какую-то необыкновенную бойкость и плавность.

— Пожалуйте, сударь, пожалуйте, — говорила она, узнавъ, въ чемъ дѣло.—Пожалуйте, сударь. Очень рада.

Она насъ ввела въ кухню. Изъ кухни дверь вела въ другую комнату, бывшую спальней. Какая-то запущенность, оголенность

и неуютность царили въ этой квартирѣ. Въ кухнѣ стоялъ грязный столъ съ неубранными чайными чашками и съ остатками ужина. У одной изъ стѣнъ стояла небольшая кровать, на которой, растянувшись, лежалъ теперь глава семьи и курилъ изъ коротенькой трубки. Дѣти разнаго возраста копошились во всѣхъ углахъ.

— Вамъ нужно Боба, не такъ ли?—говорила хозяйка.— Бобъ!—крикнула она.—Офицеръ изъ бригады пришелъ. Встань сейчасъ же и иди сюда! О, сударь, за честь почитаю видѣть васъ у себя, за истинную честь. Какъ это мило съ вашей стороны—интересоваться моимъ мальчикомъ! Надѣюсь, что вы изъ него сдѣлаете человѣка, надѣюсь на васъ, господа!

Тутъ мать Боба очень расчувствовалась, впала въ сентиментальный тонъ и продолжала:

— Да, надѣюсь. Конечно, мой Бобъ и такъ хорошій мальчикъ. Любитъ и жалѣетъ свою маму. Бобъ! что ты тамъ копаешься, выйди же! Видишь, идутъ къ тебѣ хорошіе господа,— говорила она, повернувшись лицомъ въ сторону спальни.

— Я вотъ его потормошу сейчасъ, такъ онъ у меня ловчѣе станетъ,—произнесъ вдругъ хриплымъ басомъ молчавшій до сихъ поръ глава семьи, лицо котораго носило явные слѣды алкоголя.

И черезъ минуту къ намъ вышелъ, застегиваясь на ходу, блѣдный и высокій мальчикъ, съ тонкими чертами лица и съ синими глазами. Это былъ Бобъ (Робертъ).

Мальчикъ произвелъ на насъ сразу глубокое впечатлѣніе. Въ этой неряшливой, полупьяной и нищенской обстановкѣ отъ него повѣяло на насъ кристаллической чистотой невинной дѣтской души, пріятной свѣжестью нѣжнаго, неиспорченнаго еще сердца. Казалось, мы увидѣли принца, одѣтаго въ рубище.

Роберту было лѣтъ четырнадцать, и было ясно, что онъ стыдится своей обстановки, и ему больно, что чужіе люди, джентльмены, видятъ его родителей пьяными. Отъ стыда и неожиданности нашего визита онъ былъ очень взволнованъ и, краснѣя, взялъ бланкъ, пробормоталъ: „Thank you, sir“, и быстро пошелъ впереди насъ, направляясь къ наружной двери. Ему, очевидно, хотѣлось скорѣе, чтобы мы ушли, чтобы избавиться отъ насъ, и мы поторопились оставить эту семью.

— Вотъ мальчикъ, котораго слѣдуетъ спасать,—произнесъ мой спутникъ, когда дверь за нами захлопнулась.—Именно для такого сорта дѣтей бригада наша неоцѣнима. Она нужна не столько для дѣтей вродѣ Франки и Дэви, сколько для такихъ, которыхъ грозитъ засосать страшное болото, окружающее ихъ

въ ихъ собственныхъ семьяхъ. И увидите, что Робертъ будетъ спасенъ!—сказалъ энергично мой спутникъ, горѣвшій огнемъ истиннаго миссіонера.

И дѣйствительно, Робертъ былъ спасенъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы его посѣтили, прошло лѣтъ пять или шесть; и теперь, собираясь разсказать здѣсь объ этомъ посѣщеніи, я нарочно справился о судьбѣ мальчика.

— Робертъ? — отвѣтилъ мнѣ мой знакомый „офицеръ“.— Онъ теперь у насъ помощникомъ главнаго техника на строительныхъ работахъ въ Каирѣ. Получаетъ триста фунтовъ въ годъ. Блестящая будущность!

Разсказавъ о томъ, какъ бригада вербуетъ свой „сырой матеріалъ“, попробую теперь дать краткое описаніе обработки его.

VI.

Было бы слишкомъ долго описывать разныя стороны жизни бригады, ея библейскіе классы, лагерныя собранія, ея ежегодныя демонстраціи въ Albert-Hall, ея парады, клубы, классы первоначальной помощи, и пр. и пр. Все это является лишь побочными дѣлами ея и спутниками основного воспитательнаго воздѣйствія, имѣющаго своимъ принципомъ военную дисциплину. Главная дѣятельность „офицеровъ“ ея заключается, поэтому, въ обученіи мальчиковъ военной гимнастикѣ, послушанію и аккуратности. Что же касается до отношеній между „офицерами“ и мальчиками, то они вполнѣ точно опредѣлены въ руководствѣ, изданномъ правленіемъ бригады для своихъ офицеровъ. Отношенія эти должны быть чисто братскія. Офицеръ, т.-е. руководитель роты, долженъ знать лично каждаго мальчика и его семейныя обстоятельства, и когда нужно, долженъ являться совѣтникомъ и другомъ.

„Старайтесь предоставить мальчикамъ и унтеръ-офицерамъ какъ можно больше дѣла въ связи съ ихъ ротой,—говорится въ этомъ руководствѣ. — Довѣряйтесь мальчикамъ. Ничто не вліяетъ такъ облагораживающимъ образомъ на мальчика, какъ возбужденіе въ немъ чувства чести и отвѣтственности.

„Никогда не нарушайте слова, даннаго хотя бы и по самому пустяшному дѣлу. Довѣріе офицеру является необходимѣйшимъ условіемъ успѣха, и офицерамъ рекомендуется не упускать ни малѣйшаго случая для укрѣпленія этой вѣры“.

Согласно этимъ указаніямъ руководители ротъ и поступаютъ,

часто являясь не только учителями военной маршировки, но и посредниками въ отысканiи занятiй и въ устройствѣ карьеры мальчика. Собирается обыкновенно рота для своихъ упражненiй разъ или два въ недѣлю по вечерамъ, а для библейскаго класса въ воскресенье по утрамъ. Мѣстомъ для собранiй служитъ почти всегда церковный домъ, т.-е. флигель, являющiйся обыкновенной принадлежностью нонконформистскихъ церквей въ Англiи. Впрочемъ, въ послѣднiе годы такими пристройками къ главному зданiю начали обзаводиться и церкви англиканскаго исповѣданiя. Въ такомъ церковномъ флигелѣ обыкновенно происходятъ разные митинги, концерты, базары, спѣвки и празднества, чѣмъ-либо связанные съ церковью. И тутъ же обучаются маршировкѣ члены той роты бригады мальчиковъ, которая пользуется покровительствомъ соотвѣтствующей конгрегацiи.

Въ одинъ изъ назначенныхъ для бригады вечеровъ мы, пользуясь приглашенiемъ знакомаго „капитана", входимъ въ церковный домъ, гдѣ упражняется восьмая рота западно-лондонскаго баталiона. Въ большой, освѣщенной электричествомъ залѣ, построенной, какъ и всѣ залы этого рода, безъ потолка, вся мебель убрана и нагромождена отчасти у задней стѣны и отчасти въ противоположномъ концѣ, на эстрадѣ. Мальчики собираются по одиночкѣ или группами, одѣтые въ свою форму, т.-е. въ маленькiя безкозырьковыя кепи, напоминающiя маленькiе тамбурины безъ погремушекъ, съ поясомъ и съ сумкой, накинутой черезъ плечо. Это—вся ихъ „форма", которая, однако, несмотря на всю свою простоту и дешевизну, придаетъ членамъ бригады молодцоватый видъ и военное однообразiе. Мальчики, очевидно, раньше, чѣмъ отправиться на ученье, хорошенько вымылись и причесались. Чистота и опрятность—главныя требованiя наружнаго осмотра.

Въ ожиданiи начала занятiй въ залѣ стоятъ шумъ и гамъ. Мальчики предаются разнымъ шалостямъ, со свойственной ихъ возрасту рѣзвостью, и принесенныя ими ружьеца исполняютъ роль барабанныхъ палокъ, костылей, носилокъ, словомъ—всего, чего хотите, только не боевого оружiя. Присутствiе капитана и офицеровъ ихъ ничуть не стѣсняетъ, хотя, вступая въ залу и проходя мимо своего начальства, мальчики отдаютъ ему честь по-военному. Все форменное обмундированiе офицера состоитъ лишь въ шапкѣ, извѣстной подъ именемъ „гленгарри" и составляющей обыкновенно принадлежность шотландскаго костюма. За исключенiемъ этой шапки, офицеръ ничего военнаго и никакихъ отличiй не носитъ, а одѣтъ въ свое обыкновенное платье.

Но вотъ наступилъ часъ занятій, и громовое „смирно!" со стороны капитана сразу воцаряетъ тишину и порядокъ. Мальчики быстро выстраиваются, по очереди каждый изъ нихъ произноситъ свой нумеръ—и начинаются упражненія: колонна то поворачивается направо, то налѣво, отступаетъ, наступаетъ, двоится, перестраивается по-четверо и по-шестеро въ рядъ. Въ залѣ только и слышны громкая, отрывистая команда капитана да ритмическое топанье мальчиковъ, двигающихся взадъ и впередъ, налѣво и направо.

Черезъ нѣсколько времени маршировка смѣняется молитвою „Отче нашъ", послѣ которой раздается команда „вольно!"—и, словно колода картъ, освобожденная отъ бандероли, только-что чинно и прямо стоявшіе въ строю мальчики быстро смѣшались и завозились по залѣ. Капитанъ и офицеры замѣшались также въ ихъ толпу, бесѣдуя и шутя съ ними, какъ съ товарищами, разспрашивая о разныхъ домашнихъ дѣлахъ и выслушивая разные разсказы.

Черезъ нѣсколько минутъ упражненія возобновились, затѣмъ были розданы листки, касавшіеся записи желающихъ въ члены какого-то кружка—не то плаванія, не то футболла. Послѣ этого капитанъ началъ примѣрять на мальчикахъ новыя шапки, присланныя изъ „главнаго штаба" бригады. Новыя шапки, имѣвшія, кажется, лишній бѣлый кантъ, произвели своего рода сенсацію въ средѣ роты, которая, однако, сейчасъ же принялась за дальнѣйшія упражненія съ ружьями. Занятія закончились церемоніей возведенія въ унтеръ-офицерскіе чины нѣсколькихъ мальчиковъ,—очень простой церемоніей, состоявшей лишь въ томъ, что капитанъ прикрѣплялъ соотвѣтственные банты къ рукавамъ у удостоенныхъ производства мальчиковъ.

Послѣ этой церемоніи былъ пропѣтъ гимнъ, взятый изъ сборника гимновъ бригады, и рота была объявлена „disunissed", т.-е. уволенной.

Но этимъ вечеръ ея еще не закончился. Сейчасъ же по окончаніи занятій въ стѣнахъ церковнаго дома, у дверей его на улицѣ выстроился оркестръ роты, состоявшій изъ десятка полтора флейтистовъ и барабанщиковъ, и мальчики во главѣ съ этимъ своимъ оркестромъ двинулись по улицѣ, чтобы совершить небольшую прогулку. Впереди шелъ подростокъ, игравшій на турецкомъ барабанѣ. Онъ былъ ростомъ выше другихъ музыкантовъ и дѣйствовалъ локтями и ударными палками, словно огромная птица крыльями. Онъ, очевидно, былъ мастеръ своего дѣла и умѣлъ извлекать изъ своего инструмента широкіе метрическіе

удары, наполнявшіе воздухъ воинственнымъ и бодрящимъ гуломъ, пріятно сливавшимся съ тоненькими задорными голосами флейтъ. Не успѣлъ оркестръ тронуться съ мѣста, какъ вокругъ него оказалась толпа уличныхъ дѣтей, которыя старались подражать военному строю и подпѣвали игравшему оркестру. Большинство дѣтей было безъ шапокъ, безъ верхней одежды и даже безъ обуви. Очевидно, дѣти уже собирались спать, но, заслышавъ музыку, выбѣжали на улицу, такъ, въ чемъ были, и теперь, словно соломинки, увлеченныя общимъ потокомъ, понеслись вмѣстѣ со всѣми другими дѣтьми вдоль по улицѣ. Вслѣдъ за отрядомъ „бригадныхъ" тоже бѣжала въ припрыжку толпа мальчишекъ и дѣвочекъ—и всѣ вмѣстѣ быстро двигались, и подъ музыку барабановъ и флейтъ, наигрывавшихъ что-то бойкое, поворачивали на другую улицу и таяли въ воздушной мглѣ, чтобы черезъ полчаса показаться вновь съ другой стороны у церковнаго же дома.

С. И. Рапопортъ.

Лондонъ.

ВЕШНІЙ ПОТОКЪ

РОМАНЪ.

I.

Былъ уже девятый часъ сентябрьскаго вечера, когда въ полутемный залъ Маріинскаго театра вошелъ Мамаевъ.

Онъ опоздалъ къ началу балета, засидѣвшись съ Стаховской въ ресторанѣ за обѣдомъ.

Стаховская сегодня была не занята въ балетѣ, и Мамаевъ долженъ былъ отвезти ее домой, чтобы переодѣться. Ей непремѣнно хотѣлось надѣть въ театръ новую кофточку, только-что привезенную изъ Парижа, цвѣта bleu turquoise, который чрезвычайно шелъ къ ея матово-блѣдному лицу, съ тонкимъ, изящнымъ профилемъ, и къ ея волнистымъ матово-бѣлокурымъ волосамъ.

Переодѣться къ обѣду Стаховская не успѣла, потому что урокъ, который она ежедневно брала у извѣстной учительницы танцевъ, сегодня затянулся позже обыкновеннаго, какъ это всегда случалось осенью, когда нужно было особенно много заниматься, чтобы размять ноги и корпусъ, немножко запущенные за лѣтнее время.

Мамаевъ по опыту зналъ, что перемѣна туалета займетъ больше часа времени, а потому уѣхалъ въ театръ, предоставивъ Стаховской пріѣхать туда въ каретѣ.

Конечно, не обошлось безъ того, чтобы они немного не повздорили, но это уже вошло у нихъ въ обыкновеніе за послѣднее время, и никого изъ нихъ особенно не смущало; стычки про-

исходили легкія: начинались съ пустяковъ, а кончались неопредѣленно,—такъ, что въ каждую минуту можно было возобновить добрыя отношенія, безъ перетряхиванья и анализа непріятнаго недоразумѣнія.

Однако, прежде этихъ стычекъ не было или, во всякомъ случаѣ, онѣ являлись рѣдкими исключеніями.

Только въ послѣднее время онѣ участились и грозили превратиться въ хроническое явленіе.

Совмѣстная лѣтняя поѣздка заграницу, какъ это часто бываетъ, не только не поспособствовала сближенію, но, напротивъ, посѣяла между ними сѣмена антагонизма: они ближе узнали другъ друга.

Съ этими мыслями входилъ Мамаевъ въ театральный залъ.

Онѣ не очень огорчали его.

Романъ съ Стаховской былъ ему интересенъ, какъ красивый эпизодъ на фонѣ его свѣтской и служебной жизни.

Стаховская была красивой женщиной, очень красивой—и выдающейся артисткой; она была молода, и балетная критика возлагала на нее большія надежды: въ танцахъ ея находили особую прелесть вдохновенія, большое чувство ритма и темпа, умѣнье одѣться со вкусомъ, придать извѣстное cachet варіаціи, красоту „attitudes“ и позъ, смѣлость сложныхъ пируэтовъ, сильно разработанную технику и еще многое другое, за исключеніемъ „элеваціи“ и „баллона“.

Это была танцовщица немножко terre-à-terre, и балетные критики, въ отчетахъ о ней, никогда не упускали случая, отдавая должное ея танцамъ, процитировать извѣстный стихъ: „Не называй ее небесной и у земли не отнимай“.

Это вливало каплю горечи въ существованіе Стаховской, которой, какъ всякому истинному художнику, хотѣлось имѣть въ своемъ талантѣ именно то, чего въ немъ не хватало.

Но у нея было немало и утѣшеній.

Она была самой изящной, миловидной и красивой артисткой балета; въ своей сферѣ—въ сферѣ виртуознаго танца, технически разработанной варіаціи и осмысленности общаго исполненія со стороны мимической—она не знала соперницъ; въ теченіе нѣсколькихъ только лѣтъ она уже завоевала видное положеніе въ балетѣ и занимала такія мѣста, которыя въ прежнія времена добывались, послѣ многихъ лѣтъ ожиданія, постепеннымъ переходомъ по разрядамъ сложной хореографическо-іерархической лѣстницы.

Карьера въ балерины ей была открыта, и даже теперь ей

давали уже танцовать отдѣльные балетики, а въ предстоящій сезонъ обѣщанъ былъ и большой, сложный балетъ.

У Мамаева было обширное знакомство во всѣхъ сферахъ петербургскаго общества.

Связи и богатство способствовали его быстрой карьерѣ; онъ былъ еще молодъ и уже готовился занять мѣсто начальника отдѣленія въ одномъ департаментѣ виднѣйшаго министерства.

Онъ былъ красивъ, изященъ, остроуменъ, прекрасный собесѣдникъ и bon-vivant, одѣвался у лучшаго портного въ Лондонѣ и періодически ѣздилъ туда освѣжать свой туалетъ.

Въ безукоризненно сшитомъ смокингѣ Мамаевъ пробирался теперь по узкому проходу къ абонированному имъ креслу перваго ряда и всматривался въ публику.

Сцена была ярко освѣщена, но залъ былъ погруженъ въ полутьму.

Мамаевъ плохо различалъ лица въ этой полутьмѣ, съ которой еще не освоилось его зрѣніе, и сѣлъ въ кресло. Онъ пожалъ руки своимъ ближайшимъ сосѣдямъ направо и налѣво, кивнулъ кое-кому изъ болѣе далекихъ и взглянулъ на сцену.

Подъ очаровательную симфонію Чайковскаго заросталъ дикимъ лѣсомъ дворецъ короля Флорестана.

Одинъ за однимъ гасли праздничные огни и меркли краски на пестрыхъ костюмахъ людей Соннаго Царства.

Зеленый сумракъ спускался на дворецъ и окутывалъ таинственнымъ колоритомъ волшебный садъ.

Группы внезапно заснувшихъ на ходу людей виднѣлись еще за разроставшейся зеленой порослью лѣса, сквозь прорѣзи которой мягкимъ фіолетовымъ пятномъ вырисовывалась Фея Сирени съ магической палочкой въ рукѣ, погрузившая въ долгій сонъ это сказочное царство короля Флорестана...

II.

По мѣрѣ того, какъ разросталась и углублялась въ чудныя многозвучныя красоты симфонія Чайковскаго, балетоманамъ становилось скучно, и они начали переговариваться, порой перекрикивая piano оркестра.

Кое-гдѣ раздались возмущенныя шиканья меломановъ.

Кто-то сзади, изъ особенно увлеченныхъ музыкою, фальшиво подпѣвалъ оркестру.

Мамаевъ всталъ со своего кресла, когда опустился занавѣсъ,

похлопалъ балеринѣ, которая вышла къ рампѣ и оказалась среди сада живыхъ цвѣтовъ.

Корзины и букеты выносились служителями изъ правой кулисы и образовали у рампы настоящую душистую изгородь.

Балерина кланялась, прикасалась къ корзинамъ, оторвала цвѣтокъ и прижала его къ груди, потомъ посылала воздушные поцѣлуи къ верху, къ тому эдему, изъ котораго шли наиболѣе неистовые возгласы и крики.

Въ партеръ она почти не смотрѣла и не кланялась балетоманамъ, давно находясь съ ними въ разладѣ.

Впрочемъ, одинъ изъ балетомановъ усиленно старался обратить на себя ея вниманіе и вызывалъ ее особымъ короткимъ выкрикомъ, походившимъ на собачій лай.

Другіе смѣялись.

Мамаевъ смотрѣлъ на всю эту сцену критическимъ, слегка насмѣшливымъ взглядомъ.

Онъ не одобрялъ балерины, и не столько за ея талантъ, сколько за ея закулисныя интриги, а также за ея недружелюбное отношеніе къ Стаховской.

Вызовы продолжались безъ конца, прерываемые шиканьями партіи второй балерины.

Въ послѣднія нѣсколько лѣтъ залъ Маріинскаго театра превратился въ дни балетныхъ спектаклей въ арену микроскопическихъ „политическихъ“ демонстрацій.

Только здѣсь публика чувствовала себя свободной выражать открыто свои мнѣнія и пользовалась этой возможностью при всякомъ случаѣ.

Впрочемъ, и здѣсь свобода выражать свое неодобреніе простиралась лишь до тѣхъ поръ, пока полиція не забирала въ верхнихъ сферахъ театра черезчуръ ретивыхъ демонстрантовъ и не выводила ихъ на свѣжій воздухъ.

Первая балерина была persona gratissima театральной дирекціи и пользовалась неограниченнымъ вліяніемъ на закулисныя дѣла.

Въ сущности, не дирекція, а она была вершительницей судебъ казеннаго балета и „бюрократически“ управляла имъ.

Ни на одной сценѣ нѣтъ такой прочной связи и такой сплоченности между артистами и публикой, какъ въ балетѣ; балетная публика все одна и та же; это огромный кадръ абонентовъ, изъ года въ годъ посѣщающихъ балетъ, свыкшихся съ нимъ, видимыми и невидимыми связями соединенныхъ съ артистами; всѣ другъ съ другомъ знакомы по залу и по балетнымъ объ-

дамъ и ужинамъ. Всѣ ходятъ въ балетъ какъ въ клубъ, гдѣ пріятно провести время „среди своихъ".

Привилегированное положеніе въ труппѣ первой балерины не получило одобренія публики, возмущенной чинимыми ею несправедливостями, и балетоманы быстро организовали „партію протеста", выдвинувъ съ этой цѣлью вторую балерину. Еще быстрѣе было дано mot d'ordre, и балетоманы-рецензенты стали хвалить въ рецензіяхъ эту артистку, пользовавшуюся и раньше ихъ симпатіями за талантъ и скромность.

Образовались, такимъ образомъ, въ балетѣ партіи Монтекки и Капулетти, и балетный залъ сталъ походить на византійскій циркъ съ его политической борьбой „голубыхъ" и „зеленыхъ".

Появились добровольные шикальщики и наемные клакёры, и, въ общемъ, балетные спектакли сдѣлались бурными, оживленными, интересными и крикливыми.

Эту борьбу вскорѣ перенесли на страницы газетъ, гдѣ обѣ партіи въ длиннѣйшихъ „балетно-политическихъ" статьяхъ боролись не на животъ, а на смерть.

Побѣдила, въ концѣ концовъ, партія свободомыслящихъ: публика все больше и больше охладѣвала къ первой балеринѣ.

Мамаеву давно уже надоѣла эта борьба, и онъ не принималъ въ ней больше активнаго участія.

Теперь онъ стоялъ спиной къ рампѣ и разглядывалъ ложи, немножко нервничая при воспоминаніи о распрѣ съ Стаховской; она до сихъ поръ не являлась, и это его чуть-чуть безпокоило.

Ужъ не нашла ли на нее злая минута, одна изъ тѣхъ, которыя случались съ ней нерѣдко? Тогда она сбрасывала съ себя только-что одѣтое платье, облекалась въ домашній туалетъ и рѣшительно отмѣняла выѣздъ.

Кто-то изъ ближайшей ложи бэль-этажа привѣтливо кивнулъ Мамаеву.

Онъ навелъ бинокль на ложу и поклонился.

— Съ кѣмъ это?—спросилъ его публицистъ Зимницкій.

— Анна Петровна.

— Кто это—Анна Петровна?

Мамаевъ искоса оглядѣлъ Зимницкаго.

— Карданова, — неохотно отвѣтилъ онъ. — Неужели не знаете?

— Почему же я долженъ знать? Я не туалетный хроникеръ и не „оазаристъ". Вотъ Боричевъ,—онъ толкнулъ локтемъ стоявшаго около него молодого господина съ старообразнымъ, выцвѣтшимъ лицомъ,—онъ знаетъ и обязанъ знать. Ибо завтра же

напишетъ: „назовемъ au hasard: г-жу Карданову (прелестный туалетъ цвѣта soleil couchant съ пальетками)...“ Такъ, вѣдь, Левъ Андреевичъ?

Боричевъ вяло улыбнулся и, можетъ быть, даже не совсѣмъ слыхалъ его слова. Онъ былъ занятъ напряженнымъ и сосредоточеннымъ оглядываніемъ ложъ.

— И вздоръ!—отвѣтилъ онъ черезъ минуту, поправляя ловкимъ движеніемъ золотое pince-nez. — Сугубый вздоръ-съ! во-первыхъ, не госпожа, а mademoiselle Карданова, вторая дочь madame Кардановой, вдовы извѣстнаго сановника; во-вторыхъ, это не soleil couchant, а saumon.

— Отчего ужъ не truite saumonée aux pommes?—усмѣхнулся Зимницкій. — А въ-третьихъ,—ибо, конечно, есть и въ-третьихъ?

— Всенепремѣнно. Гдѣ вы видите пальетки? Ихъ уже не носятъ.

— Простите мое невѣжество! Значитъ, я все навралъ.

— Почти. Одно вѣрно: туалетъ прелестный. И онъ отъ Пакэна.

— Вы видѣли счетъ?—съ насмѣшкой спросилъ Зимницкій.

— Мнѣ довольно видѣть туалетъ. Cachet... стиль... манера.

— Вамъ и книги въ руки,—и Зимницкій отвернулся отъ Боричева.

Анна Петровна дѣлала знаки Мамаеву, приглашая его въ ложу. Онъ мимикой отвѣтилъ, что зайдетъ въ слѣдующемъ антрактѣ, такъ какъ капельмейстеръ уже садился на свое мѣсто.

III.

На сценѣ была теперь поляна среди лѣса, черезъ который протекала рѣка.

Маркизы, графини и баронессы рѣзвились во время устроеннаго ими веселаго пикника передъ охотой принца Дезире.

Шутили, смѣялись, играли въ Collin-Maillard съ старымъ воспитателемъ принца, а въ концѣ концовъ танцовали съ появившимися пейзаночками и пейзанами сарабанду.

Мамаевъ смотрѣлъ на сцену разсѣянно.

Ему было скучно, и онъ раза два зѣвнулъ.

— Вамъ скучно?—спросилъ его Зимницкій.

— Скучно,—неохотно отвѣтилъ Мамаевъ.

— Отчего? Картина, развертывающаяся передъ нами, есть, можетъ быть, прообразъ будущей Россіи.

Мамаевъ вскинулъ на него удивленный взоръ.

— Будущей Россіи?—не понялъ онъ.

— Ну, да. Посмотрите на это трогательное единеніе интеллигенціи съ народомъ и эту общую сарабанду, гдѣ маркизъ держитъ за руку пейзанку, а баронесса—пейзана. Всѣ чувствуютъ себя равноправными въ этотъ чудный весенній день, и потому всѣмъ такъ непринужденно весело.

— Я не нахожу, чтобы было весело. Кордебалетъ танцуетъ вяло.

Зимницкій чуть презрительнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на него.

— Ахъ, вы съ профессіональной точки зрѣнія? Я говорю объ идеѣ.

— Объ идеѣ?—усмѣхнувшись, сказалъ Мамаевъ.—Странная идея! Развѣ возможно у насъ, чтобы сенаторъ или членъ государственнаго совѣта пустился въ плясъ съ кухаркой Матреной или прачкой Дарьей? Или чтобы графиня Елена Михайловна—онъ кивнулъ головой въ одну изъ ложъ бель-этажа—вдругъ затанцовала... ну, хотя бы трепака со своимъ кучеромъ... Это, милый мой, публицистическій бредъ.

— Вы меня поняли слишкомъ узко. Но—какъ символъ? Вы не допускаете единенія съ народомъ? Я на балетъ смотрю, какъ на поэтическую символику, и съ этой точки зрѣнія онъ интересенъ и забавенъ.

— Я на него смотрю не какъ на забаву, а какъ на искусство,—съ важностью отвѣтилъ Мамаевъ.

— Господа, вы мѣшаете слушать,—остановилъ ихъ генералъ Брядовъ, сидѣвшій рядомъ съ Мамаевымъ.

Они, дѣйствительно, увлеклись и заговорили черезчуръ громко. Оба замолчали.

Но Зимницкому хотѣлось говорить, и онъ, понизивъ голосъ до шопота, снова обратился къ Мамаеву.

— Сколько разъ вы видѣли „Спящую“?

— Много,—отвѣтилъ также шопотомъ Мамаевъ.—Разъ сорокъ, должно быть.

— Ну и что же скажете?

— Какъ что? Прекрасный балетъ, дивная музыка, геніальная постановка, костюмы съ большимъ вкусомъ.

— А еще?

— Что же еще?

— А символъ? Вы не чувствуете аллегоріи?

— Опять! Какой же символъ?—съ еще большей неохотой спросилъ Мамаевъ.

— Да вѣдь это—исторія Россіи,—началъ Зимницкій.—Спящая Красавица—это Россія. Она спитъ; добрая Фея Сирени коснулась ея волшебной палочкой и погрузила въ тяжелый сонъ до тѣхъ поръ, пока не явится какой-нибудь принцъ Дезире и не разбудитъ ее поцѣлуемъ. И тогда вѣковой сонъ спадетъ съ нея, запущенный домъ ея быстро обновится, заблещутъ яркими красками стѣны ея хоромъ и злые пауки, заткавшіе ея царство паутиной всевозможныхъ ограниченій, стѣсненій и усмотрѣній, разорвутъ со страха свои паутины и разбѣгутся въ разныя стороны. И надъ Россіей заблещетъ яркое весеннее солнце красоты, правды и свободы...

Мамаевъ хмуро улыбался съ чуть-чуть пренебрежительнымъ видомъ къ этому расфантазировавшемуся публицисту, который, по мѣрѣ того какъ говорилъ, все больше и больше увлекался аналогіями.

И пока Зимницкій говорилъ, Мамаеву неожиданно для него самого дѣлалось интересно, и онъ съ любопытствомъ прислушался къ его послѣднимъ словамъ.

— Это, дѣйствительно, забавно,—проговорилъ онъ:—балетъ —съ точки зрѣнія публицистики. Кто же, по вашему, злая Фея Карабасъ?

Зимницкій подумалъ и сказалъ:

— Историческая судьба; судьба исторіи, поклявшаяся погубить молодое народившееся существо.

— За что же?

— За то, что въ первые дни его жизни Каталабютъ (народное невѣжество) позвало на пиръ чужихъ людей править, володѣть нами, и отдать имъ свою свободу. За это Карабасъ обрекла этотъ народъ на историческую смерть. Но Фея Сирени парализовала этотъ приговоръ. Она погрузила прелестную малютку въ каталептическій сонъ и все царство ея—въ сонныя зеленыя дебри, съ тѣмъ, однакоже, что когда, въ тяжкихъ грезахъ, окрѣпнутъ силы этого спящаго царства, явится принцъ и поцѣлуемъ разбудитъ ее. Разбудитъ и скажетъ: я имѣю теперь довѣріе къ твоимъ силамъ. Встань, проснись, вѣдь весна на дворѣ.

— И этотъ принцъ?..—спросилъ Мамаевъ весело.

— Конечно, князь...

Онъ не договорилъ, потому что въ это время раздался оглушительный гулъ апплодисментовъ.

Изъ-за зеленаго холма, освѣщенная мягкимъ розовымъ свѣтомъ утренней зари, появилась вся въ блескѣ разсвѣта Аврора—первая балерина.

Когда аплодисменты смолкли, Мамаевъ, невольно заинтересованный аллегоріями Зимницкаго, сказалъ ему:

— Я не вѣрю въ вашего принца Дезире, въ вашего принца Желаннаго. Ни въ него, ни въ его „весну“.

— Почему?—поднявъ бровь, спросилъ Зимницкій.

— Послушайте,—серьезнымъ тономъ сказалъ Мамаевъ, положивъ руку ему на колѣно: — что бы вы сказали, еслибы въ одинъ прекрасный день управляющій вашимъ имѣніемъ оповѣстилъ бы васъ, что онъ выражаетъ вамъ свое довѣріе, и потому согласенъ допустить васъ высказаться о вашихъ нуждахъ? Вотъ вы смѣетесь... Вы бы подумали, что вашъ управляющій неумѣстно шутитъ. Потому что это вы, хозяинъ, можете и должны высказывать довѣріе или недовѣріе управляющему, который обязанъ быть у васъ на отчетѣ... а не онъ—вамъ.

— А, знаете, вы правы! — радостнымъ голосомъ отвѣтилъ Зимницкій.—Вы тысячу разъ правы, Владиміръ Григорьевичъ.

— По крайней мѣрѣ вездѣ въ Европѣ общество, народъ, выражаетъ довѣріе своему правительству, какъ управляющему своихъ дѣлъ. И если высказывается недовѣріе, то этотъ управляющій уходитъ, его замѣняютъ новымъ. А у насъ—наоборотъ. Управляющій высказалъ, наконецъ, довѣріе, и хозяинъ положенія невѣсть какъ обрадовался и возликовалъ. Такому хозяину цѣна—грошъ. И вотъ почему я не вѣрю ни въ вашу „весну“, о которой столько теперь говорятъ, ни въ ваше пресловутое довѣріе... Она сегодня въ ударѣ,—неожиданно проговорилъ онъ, кивнувъ на сцену.—Тройные пируэты великолѣпны. Точны, стремительны... великолѣпные пируэты...

Зимницкій поглядѣлъ съ удивленіемъ на Мамаева, потомъ—на балерину и пожалъ плечами.

И въ то же время профессоръ-солистъ, игравшій на скрипкѣ въ оркестрѣ варіацію балерины, злыми глазами взглянулъ на нихъ.

Ихъ безконечный разговоръ, переходившій изъ шопота въ громкую рѣчь, обижалъ и раздражалъ его неуваженіемъ и равнодушіемъ къ его художественной игрѣ.

Брядовъ и Боричевъ тоже смотрѣли на нихъ съ неудовольствіемъ и осужденіемъ.

„Нашли мѣсто, гдѣ вести политическіе дебаты!“

IV.

Раздались аплодисменты.

Балерина раскланивалась своимъ обычнымъ жестомъ, вздымая руки по направленію къ верхнимъ сферамъ и посылая туда улыбки и воздушные поцѣлуи. Затѣмъ она подошла къ зеленому холму и въ прежнемъ розовомъ сіяніи исчезла за нимъ, словно растаяла въ воздухѣ.

Фея Сирени и принцъ Дезире сѣли въ лодку и подъ звуки симфоніи Панорамы отправились въ дальній путь на поиски Спящаго Царства.

Настала зелено-фіолетовая ночь.

Мелькали темные зàмки съ освѣщенными окнами, часовни, рыбачьи суда, таинственныя озера, скалы.

А въ оркестрѣ шла чудная симфонія, мечтательно-грустная, задумчиво-волшебная...

Теперь танцевъ на сценѣ не было, и собесѣдники возобновили разговоръ, близко наклонивъ другъ къ другу головы и еще больше понизивъ голоса.

— Такъ вы не вѣрите?—сказалъ Зимницкій.

— Не вѣрю. Эта смѣна вѣяній въ нашемъ режимѣ—нелѣпа, потому что основана на настроеніяхъ, а не на твердомъ законѣ. „Диктатура сердца“... а рядомъ — „quos ego!“ недавно исчезнувшаго министра, а теперь „довѣріе къ обществу“. Все это — вздоръ. Нужно одно: реформы. И даже не нѣсколько, а одна коренная.

— Остальное приложится?

— Само собой. А то—„весна“, „весна“. И заговорили о ней въ сентябрѣ. Nonsens! Я ѣхалъ въ театръ. Небо заволокло тучами; сверху—холодный осенній дождь, и даже не дождь, а чортъ знаетъ что̀, внизу—грязь. Хмуро, темно, сыро, холодно. Какая весна, помилуйте! Вотъ здѣсь—весна. Взгляните на эту лодку, украшенную цвѣтами весенней сирени. Но вѣдь и это весна—бутафорская, безъ благоуханія. Намъ до настоящей весны далеко. И нужна какая-нибудь особая встряска, чтобы мы ее почувствовали. Повѣрьте же, что не дворникамъ дѣлать настоящую весну.

— Да вы—форменный пессимистъ...

— Я—дѣловой человѣкъ. О дѣлѣ будемъ говорить сколько угодно. И о поэзіи, если хотите. Но смѣшивать двѣ этихъ

вещи—не понимаю. И не понимаю того, какъ вы, публицисты, этого не понимаете и ликуете, когда вамъ говорятъ столь незначительныя слова...

— Мы отлично понимаемъ, не хуже васъ,—обидчивымъ голосомъ возразилъ Зимницкій.—Мы просто придрались къ этимъ словамъ, на нихъ строимъ свою програму и навязываемъ ее властямъ. Надо ловить моментъ.

— Это унизительно для уважающаго себя общества. Нужно сказать прямо то, что̀ нужно. И требовать. А если не хватаетъ силъ или умѣнья, то лучше гораздо молчать, чѣмъ играть въ какой-то политическій балаганъ. Свобода берется съ боя, и повѣрьте, что если мы, дѣйствительно, проснулись, то мы возьмемъ ее послѣ генеральнаго сраженія. Или не возьмемъ вовсе. Но вотъ, видите, мы уже подплыли къ „Спящему Царству“.

На сценѣ красовался запущенный, заросшій дворецъ Флорестана.

Группы охотниковъ, слугъ и дѣвушекъ спали глубокимъ сномъ на ступеняхъ дворца; спали лошади съ всадниками въ сѣдлахъ, спали собаки, спали всѣ.

Казалось, кусты и деревья—и тѣ заснули глубокимъ, безпробуднымъ сномъ.

Добрая Фея Сирени вела принца Дезире въ волшебный спящій замокъ.

„Чортъ его знаетъ, что̀ это за человѣкъ! — подъ звуки музыки думалъ Зимницкій, искоса поглядывая на красивое и задумчивое лицо Мамаева, который внезапно замолчалъ и, видимо, не желалъ больше разговаривать.—Вѣдь снобъ, форменный снобъ, и притомъ балетоманъ, и притомъ имѣетъ длительный романъ съ Стаховской и даже, можетъ быть, только потому, что она считается первой красавицей... Искренно восторгается пируэтами и „фуэтэ“. Оживлялся только тогда, когда говорили о балетѣ. А вотъ подите же! Заговорилъ и о политическихъ дѣлахъ! Чудо-чудное, диво-дивное! какъ поется въ „Садко“. Нѣтъ, что̀ онъ тамъ ни говори, а политика довѣрія все-таки разбудила нашу спящую красавицу—сонное общество“...

Онъ смотрѣлъ на сцену.

Темная спальня Авроры, вся затканная паутиной и подернутая плѣсенью временъ, казалась такой неуютной, сырой и мрачной!

Но вотъ раздался громовый ударъ въ оркестрѣ и—феерическая перемѣна декораціи: стѣны заблестѣли новой позолотой, краски сдѣлались яркими, паутина исчезла, въ каминѣ весело

загорѣлись дрова, въ альковѣ Спящей Красавицы зажегся фонарь.

И подъ вліяніемъ горячаго, страстнаго поцѣлуя юнаго, какъ весна, принца, давно жданнаго, давно желаннаго, случайно грезившагося въ кошмарномъ видѣніи тяжелаго долгаго сна, Аврора вдругъ проснулась и съ удивленіемъ оглядѣлась.

Можетъ быть, она продолжаетъ грезить? Можетъ быть, ей все это снится? Нѣтъ, нѣтъ, вотъ и весь этотъ уснувшій штатъ ея друзей, чиновниковъ и придворныхъ Флорестана, вотъ и народъ, когда-то принимавшій участіе въ празднествахъ, всѣ, всѣ, застигнутые сномъ, теперь просыпаются, протираютъ глаза и изумленными взорами, сначала недовѣрчиво и робко, потомъ все бодрѣе и увѣреннѣе оглядываютъ другъ друга.

И вотъ они начинаютъ подыматься...

Зимницкій посмотрѣлъ на сосѣднее кресло и хотѣлъ сказать Мамаеву, что, по его шутливому мнѣнію, общественное движеніе непремѣнно разовьется изъ этой балетной залы, изъ этой распри „зеленыхъ" и „голубыхъ" новаго византійскаго цирка.

Ему давно пришла въ голову эта мысль, и онъ носился съ нею. Этотъ залъ, казалось ему, былъ приготовительнымъ классомъ интеллигенціи.

Здѣсь она училась дѣлиться на партіи и бурно выражать свои антипатіи балеринѣ привиллегированной и монопольной, навязанной „казной", и балеринѣ, свободно созданной „общественными симпатіями".

Это была невинная игра въ невинные символы, какъ игра дѣтей въ „папу и маму" или въ „мужа и жену", но она доставляла какое-то особенное удовольствіе этой публикѣ.

Зимницкій повернулся къ Мамаеву, но его уже не было здѣсь.

Не дождавшись конца акта, онъ быстро шелъ по проходу, кивая направо и налѣво своимъ многочисленнымъ знакомымъ и безпокойно вглядываясь въ двери, изъ которыхъ ждалъ появленія Стаховской.

Но такъ какъ Стаховской все еще не было, то онъ, нѣсколько взволнованный, рѣшилъ пойти въ ложу къ Кардановымъ.

По дорогѣ онъ возстановилъ въ своемъ воображеніи сцену переодѣванія Стаховской и разсчитывалъ время, потребное для этого. Снять кофточку bleu turquoise, вымыть руки, сѣсть къ зеркалу—на все это четверть часа.

Но вотъ у зеркала начнется подвивка волосъ сзади, подъ затылкомъ, и чуть-чуть на вискахъ; можетъ быть, еще подвивка

волосъ, прикрывающихъ руло модной прически, хотя ondulations были уже сдѣланы сегодня парикмахеромъ. Потомъ двѣ-три ретуши щекъ заячьей лапкой—зачѣмъ? Женя и такъ свѣжа, молода, имѣетъ прекрасный цвѣтъ лица.

Но это ужъ ритуалъ. Безъ этого нельзя... Потомъ полировка ногтей пудрой Dorin и помадой Darupan — это беретъ у нея ужасно много времени, но зато ея красивые, миндалевидные ногти всегда изумительно розовы и блестятъ, точно смазанные прованскимъ масломъ.

Ну, а потомъ—одѣваніе... Онъ попытался себѣ представить это одѣваніе въ подробностяхъ, чтобы разсчитать время, но подробностей было столько и такихъ сложныхъ, что онъ мысленно махнулъ рукой, весело улыбнулся и сказалъ себѣ: „нѣтъ, она еще не выѣзжала“—и постучался у ложи.

V.

— Войдите!—раздался за дверью свѣжій молодой голосъ.

Мамаевъ узналъ голосъ юной Анны Петровны.

Ему отворили дверь, и онъ вошелъ въ аванложу. Въ самой ложѣ и въ ея аванложѣ было много народу. Точно въ двухъ смежныхъ купэ wagon-lit передъ отходомъ поѣзда, когда провожающіе набиваются въ эти узкія помѣщенія за пять минутъ до звонка.

Мамаевъ былъ нѣсколько ошеломленъ, но тотчасъ, по издавна усвоенной привычкѣ, спокойно оглядѣлся и разобрался въ этой толпѣ.

Вѣры Алексѣевны Кардановой, матери семейства, не было въ этотъ вечеръ въ ложѣ.

Она отпустила въ театръ своихъ дочерей: Анну съ замужней Ольгой и сыновей—студента Михаила съ офицеромъ Вадимомъ.

Около молодежи и набралась вся эта веселая публика.

Впрочемъ, настоящей молодежью можно было назвать только двухъ членовъ семьи Кардановыхъ, такъ какъ Вадиму было уже за тридцать, а Ольгѣ двадцать-шесть.

Мамаевъ поздоровался со всѣми.

Его всегда и вездѣ встрѣчали весело и привѣтливо. Онъ умѣлъ ладить со всѣми и подлаживаться ко всѣмъ. Въ этомъ не было ничего предосудительнаго, потому что въ этомъ savoir-vivre не было признаковъ исканія выгодъ, а просто свойство чрезвычайно гибкаго характера. Съ молодежью онъ умѣлъ ду-

рачиться и говорить забавныя глупости, съ людьми серьезными говорить серьезно и интересоваться ихъ идеями, съ профессіоналами говорить объ ихъ профессіи.

Поэтому всѣ чувствовали въ немъ своего въ тотъ моментъ, когда онъ стоялъ передъ ихъ глазами, и какъ-то быстро забывали о немъ, какъ только онъ долго не появлялся.

Одна Анна не забывала его.

Анна только-что кончила курсъ въ одномъ изъ петербургскихъ аристократическихъ пансіоновъ и начала увлекаться Мамаевымъ.

Ее влекла къ нему интересная внѣшность и красивое лицо; забавный разговоръ, который онъ всегда умѣлъ съ нею поддерживать, любопытство, свойственное подростку, которое онъ возбуждалъ въ ней своимъ отношеніемъ къ балету, и въ особенности къ Стаховской, а можетъ быть, и несознанное еще чувство, начинавшее пробуждаться въ ней къ этому красивому мужчинѣ.

Анна была рѣзвой дѣвушкой, съ чисто петербургскимъ пошибомъ поведенія.

Въ восемнадцать лѣтъ она уже знала многое, чего не знали дѣвушки предшествующаго поколѣнія, а чего не знала, о томъ догадывалась по книгамъ, преимущественно по французскимъ романамъ, которые она читала въ изобиліи и безъ всякаго контроля съ чьей бы то ни было стороны.

Мать никогда и ни въ чемъ не ставила ей преградъ и препятствій, въ особенности въ чтеніи.

„Если дѣвушка нравственно здорова, она должна читать все. Только чахлое растеніе ставятъ подъ колпакъ, а здоровое должно свободно расти на открытомъ воздухѣ, подъ солнцемъ, дождемъ, бурей и градомъ. Оно отъ этого не зачахнетъ, а укрѣпится",— часто говорила Вѣра Алексѣевна, въ отвѣтъ на дѣлаемыя ей предостереженія со стороны лицъ, мнившихъ себя компетентными въ дѣлѣ воспитанія.—„Повѣрьте, что все органическое въ мірѣ должно развиваться свободно. Регламентирующій бюрократизмъ, ça ne vaut rien въ дѣлѣ воспитанія дѣвушки. Напротивъ. Если я ей запрещу читать открыто какую-нибудь книгу, она будетъ ее читать закрыто, я хочу сказать—тайно. Но, все-таки же, будетъ. C'est une loi comme une autre"...

И Анна въ полной мѣрѣ пользовалась этой воспитательной системой свободы à outrance.

Теперь она увлекалась чтеніемъ „Willy"; съ огромнымъ интересомъ прочла „Minne" и съ большой скукой „La môme Pic-

râte, надъ которой неистово зѣвала, почти ничего не понявъ въ ней.

Въ послѣднее время ей казалось, что она влюбилась въ Мамаева.

Ей хотѣлось бы влюбиться въ какого-нибудь идеальнаго героя съ сильными страстями и предосудительнымъ поведеніемъ, во вкусѣ героя „Minne“; но, за неимѣніемъ таковаго, подходилъ à la rigueur и Мамаевъ.

Онъ былъ высокъ и строенъ, изящно одѣтъ; глаза его особенно прельщали ее: въ нихъ было что-то безпокойное, пытливое, властное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто чуть-чуть наглое, въ особенности когда онъ пристально смотрѣлъ на нее...

Она была увѣрена, что онъ въ эти минуты мысленно сравниваетъ ее съ Стаховской. Вообще, въ лицѣ его было много энергіи, которая сквозила не только во взглядѣ его темно-карихъ глазъ, но и въ этихъ поднятыхъ кверху усахъ, и въ остроконечной темной бородкѣ, всегда тщательно подстриженной и выхоленной, и въ этихъ красиво очерченныхъ губахъ, которыя, когда онъ смѣялся, всегда обнажали крупные, ровные, бѣлые зубы, и въ его большихъ, широкихъ рукахъ и, наконецъ, въ его походкѣ— рѣшительной, увѣренной, легкой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, твердой. И „сильныя страсти“ были въ немъ на лицо: это увлеченіе Стаховской, о которомъ всѣ знали и всѣ открыто говорили при ней; и „предосудительное поведеніе“ имѣлось въ наличности: оно и заключалось именно въ его незаконной связи съ танцовщицей.

Даже maman приходила въ восторгъ при видѣ ихъ вмѣстѣ, и иногда у нея вырывалось при Аннѣ:

— Какая это чудная парочка—Мамаевъ и Стаховская: брюнетъ и блондинка въ полномъ расцвѣтѣ силъ и красоты. C'est à croquer!

И Анну одолѣвали тогда честолюбивыя мечты: „Вѣдь то же самое могли бы сказать о ней, если бы она Мамаеву „попалась“ раньше, а не торчала бы въ нелѣпомъ пансіонѣ лишній годъ“.

Но такъ же ли она хороша, какъ эта танцовщица?

И задавъ себѣ этотъ вопросъ, Анна подбѣгала къ зеркалу и подвергала себя строгому критическому осмотру. И оставалась довольной: и ростъ, выше средняго, и тонкая фигура, которая теперь была „установлена“, какъ мода въ виду „декадентскихъ“ вѣяній, и тиціановскій — съ рыжеватымъ отливомъ — цвѣтъ ея роскошныхъ по густотѣ и мягкости волосъ, и молодыя сочныя губы на смугловатомъ лицѣ, почти лишенномъ румянца, и наивно-

любопытный взглядъ большихъ сѣровато-голубыхъ глазъ съ узкимъ, миндалевиднымъ, почти египетскимъ разрѣзомъ вѣкъ, и темныя, загнутыя кверху, какъ у дорогой французской куклы, рѣсницы — все это было, ma foi, недурно и даже очень недурно! И вотъ только отъ этой наивности взгляда она старалась тщательно себя отучить.

Въ аванъ-ложѣ Мамаева окружили, шутили, смѣялись...

Анна сейчасъ же такъ устроила, что должна была выйти изъ аванъ-ложи въ ложу, чтобы остаться наединѣ съ Мамаевымъ.

VI.

Она сѣла съ нимъ въ уголокъ, бросила на барьеръ небрежнымъ жестомъ афишу, за которою именно и пришла сюда, и наклонилась къ Мамаеву всѣмъ своимъ корпусомъ. Онъ косымъ взглядомъ оглядѣлъ ее съ головы до ногъ, вспомнивъ, какъ „обглядывала“ его иногда Стаховская, по ея любимому балетному жаргонному выраженію, и улыбнулся.

Анна не замѣтила ни этого слегка насмѣшливаго взгляда, ни этой улыбки.

— Владиміръ Григорьевичъ,—сказала она, опустивъ глаза, зная, что полузакрытыя вѣки съ длинными, темными загнутыми рѣсницами очень идутъ къ ея нѣжному личику,—это была новая мимика лица, только-что примѣренная ею утромъ передъ зеркаломъ,—Владиміръ Григорьевичъ, отчего вы у насъ такъ рѣдко бываете?

— Я очень занятъ, — отвѣтилъ онъ довольно небрежнымъ тономъ и поглядѣлъ внизъ, въ залъ, съ нѣсколько обезпокоеннымъ видомъ.

Онъ все ждалъ появленія Стаховской и удивлялся, что ея до сихъ поръ не было. Вѣдь скоро долженъ будетъ начаться второй актъ.

— Очень заняты? — переспросила она, вложивъ въ этотъ вопросъ оттѣнокъ насмѣшки и затянувъ послѣднее слово.

— Ну да.

Она помолчала. Потомъ, понизивъ голосъ, спросила:

— Стаховской?

Онъ опять „обглядѣлъ“ ее, и не понялъ, что она именно вложила въ этотъ вопросъ: полутонъ насмѣшливости или интимной довѣрчивости, на которую напрашивалась.

Онъ отвѣтилъ ей просто:

— Дѣлами и ею.

— Я думаю, ею больше, чѣмъ дѣлами.

— Возможно.

— Вы знаете,—еще ближе наклонившись къ нему, продолжала она,—я такъ завидую танцовщицамъ!

— Почему?

— Ахъ, по всему. Во первыхъ, онѣ могутъ гримироваться, дѣлать себѣ нужное лицо, одѣвать свѣтлый или темный парикъ, дѣлать фантастическія прически, словомъ—быть всегда интересными. И костюмы, и цвѣты, и ленточки... Во-вторыхъ, все, что есть у женщины красиваго, у нихъ открыто—ноги, плечи, спина... Въ-третьихъ, это должно быть такъ весело танцовать подъ хорошую музыку, подъ электрическое освѣщеніе, среди роскошной обстановки и передъ биноклями, устремленными на тебя...

Онъ ничего не отвѣтилъ и пожалъ плечами.

Ему было скучно, и онъ ощущалъ все большее и большее безпокойство отъ опаздыванія Стаховской.

— Отчего вы все смотрите внизъ? Вы ждете ее?

Онъ съ таинственнымъ видомъ кивнулъ ей.

— И боитесь?

— Кого?

— Ея, конечно.

— Почему?

— Она вамъ сдѣлаетъ сцену, за то, что вы со мной.

Онъ весело засмѣялся.

Она обидѣлась и надула капризно губы. Это было второе примѣренное передъ зеркаломъ выраженіе лица, которое очень шло ей.

— Отчего вы засмѣялись? Развѣ я такая дурнушка, что ко мнѣ и ревновать нельзя?

— Вы—хорошенькая. И вы это знаете такъ же, какъ и всѣ, кто имѣетъ наслажденіе любоваться вами. Но... ревнуютъ того, кого любятъ...

Она сдѣлала вдругъ большіе глаза, непомѣрно расширивъ ихъ.

Еще сегодня утромъ она повторяла этотъ эффектный пріемъ нѣсколько разъ передъ зеркаломъ до рѣзи, появившейся въ вѣкахъ.

Съ такими раскрытыми глазами она больше всего походила на bebé-jumeau.

— Что вы говорите?!—сказала она, и въ голосѣ ея зазвучали радостныя нотки.—Стаховская васъ не любитъ? Васъ?

— Ну... любитъ... Но не настолько, чтобы ревновать...

— Но тогда отчего же она съ вами... она... вмѣстѣ съ вами? Enfin...

— Да отчего же ей не быть... вмѣстѣ со мной? Но, мнѣ кажется, этотъ разговоръ не совсѣмъ подходящій для барышни... для дѣвушки общества...

Она вдругъ довѣрчивымъ жестомъ положила ему руку на колѣно.

Она старалась подражать въ своихъ внѣшнихъ пріемахъ манерамъ Стаховской, которую видѣла однажды на благотворительномъ вечерѣ, въ ложѣ вмѣстѣ съ Мамаевымъ. Стаховская тоже иногда прижималась всѣмъ корпусомъ къ нему и довѣрчиво клала ему руку на колѣно.

— О,—сказала она.—Дѣвушка общества! Оставьте, пожалуйста, это... Не лицемѣрьте! Вы знаете, что я съ наслажденіемъ читаю „Willy", люблю балетъ и танцовщицъ и выслушиваю всякія глупости у себя дома отъ нашихъ... представителей общества...

— А!—иронически перебилъ онъ ее.—Недовольство существующимъ порядкомъ?

Она поморщилась.

— Не говорите такъ... такимъ тономъ...

— „Я не люблю иронiи твоей, оставь ее нежившимъ и отжившимъ"!

— Именно. Съ вами никогда нельзя говорить серьезно.

— А вамъ хочется говорить серьезно?

— Ну да. Иногда очень хочется. И—не съ кѣмъ. Развѣ у насъ домъ? У насъ салонъ madame Рекамье́.

Онъ съ удивленіемъ поднялъ брови.

Этотъ тонъ былъ новъ для него въ устахъ этой молоденькой и хорошенькой куколки.

— Салонъ Рекамье́?

— Ну да. Maman помѣшана—passez-moi le mot—на томъ, чтобы собирать у себя „цвѣтъ интеллигенціи". Она такъ и говоритъ: la fine fleur интеллигенціи... Мнѣ „интелегенція" напоминаетъ почему-то „липовый цвѣтъ". „C'est chaud et dégoûtant.— Она засмѣялась совершенно дѣтскимъ смѣхомъ.—У насъ бываютъ артисты, пѣвцы, генералы, адмиралы, толстые и тонкіе студенты съ грудью на ватѣ и юбками на шелку... И всѣ говорятъ...

— О чемъ?

— Ну, точно вы не знаете? Вы же бывали у насъ! Обо всемъ. Говорятъ и другъ друга не слушаютъ. И maman гово-

ритъ, а втихомолку зѣваетъ. Она долго скучала послѣ смерти папы, а потомъ выдумала этотъ салонъ. Вокругъ говорятъ, а она думаетъ о своемъ, дѣлая видъ, что слушаетъ. Иногда она отвѣчаетъ невпопадъ, иногда говоритъ очень умныя вещи, отъ которыхъ всѣмъ дѣлается скучно и ей въ особенности...

— У васъ есть братья и сестра.

— Parlons-en! Братъ—офицеръ... У него вѣчныя фигли-мигли съ какими-то,—она сдѣлала паузу,—enfin, съ кокотками.

VII.

Она вдругъ вызывающимъ взглядомъ посмотрѣла на Мамаева, ожидая отъ него возмущенія за ея смѣлыя слова, но онъ только повелъ плечомъ и не обнаружилъ возмущенія.

— Братъ—студентъ скучный, ску-учный, вѣчно съ толстой книгой въ рукахъ, изъ которой онъ, кажется, не прочиталъ и предисловія. Онъ рѣдко говоритъ, но когда заговоритъ—такъ спать хочется. Я съ нимъ всегда говорю на ночь... И сестра Ольга. Между нами почти одиннадцать лѣтъ разницы. Ей—двадцать-девять, и она мнѣ кажется старухой. И она любитъ своего Леонида, который на войнѣ, и скучаетъ по немъ... Впрочемъ, всѣ въ нашемъ домѣ скучаютъ. Впрочемъ...—Анна сдѣлала лукавое лицо,—въ послѣднее время...—она наклонилась къ самому уху Мамаева такъ, что губами защекотала его.—La grande nouvelle du jour... Соломенная вдовушка Ольга начинаетъ увлекаться...

— Да что̀ вы?!

— Не ломайтесь. Вы сами должны были замѣтить...

— Забѣлинымъ?

— О, yes! Адвокатомъ Забѣлинымъ. Леонидушка подъ шрапнелями не чувствуетъ этой другой желтой опасности, потому что Забѣлинъ—желтоватый блондинъ, а Леонидъ—сѣдоватый брюнетъ.

— „Онъ далеко, онъ не узнаетъ...“—протянулъ Мамаевъ вполголоса.

— Ну да.

— Вотъ что̀...

— Ну да. Вы видите, въ салонѣ Рекамье́ всѣ развлекаются по своему. Только я одна...

— „Я здѣсь одна, никто меня не понимаетъ, и молча гибнуть я должна...“—засмѣявшись, продекламировалъ Мамаевъ.— Какъ жаль, что васъ не зовутъ Татьяной!

Она хлопнула его по рукѣ.

— Что это вы все стихами изъ оперъ? То изъ „Демона“, то изъ „Онѣгина“?

— Почему же именно изъ оперъ, а не изъ самыхъ произведеній? Итакъ...

— Итакъ, милый Владиміръ Григорьевичъ, найдите когонибудь, съ кѣмъ бы у меня могъ завязаться романъ... хорошенькій такой, солидный романчикъ... Противный! Вы не слушаете меня! Вы все смотрите въ залъ. Что ни говорите, а она васъ держитъ въ рукахъ? Скажите, вы боитесь ея? Это пріятное ощущеніе бояться женщины? Отчего вы меня съ ней не познакомите?..

— Анна, Владиміръ Григорьевичъ,—раздались голоса изъ аванъ-ложи.—Идите ѣсть замороженныя конфекты! Что за продолжительное интервью? Это становится...

Анна съ досадой встала.

— Пойдемте въ филіальное отдѣленіе салона Рекамье́,—сказала она, съ ненавистью поглядѣвъ на дверь.

Въ аванъ-ложѣ было шумно.

VIII.

Въ самомъ уголкѣ, подъ круглой матовой лампой, вдѣланной въ стѣну, сидѣла Ольга съ Забѣлинымъ.

Свѣтъ падалъ на нихъ сверху и клалъ странныя тѣни на ихъ лица.

Ольга была очень красивой женщиной. Она походила лицомъ на сестру, но такъ какъ была значительно старше ея, то черты лица ея были опредѣленнѣе, нѣсколько грубѣе и выразительнѣе. Волосы ея были свѣтлѣе волосъ Анны, но тоже съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, отливавшимъ подъ матовымъ свѣтомъ электричества красноватой бронзой. Подъ ея красивыми бровями лежала тѣнь отъ этого освѣщенія и затемняла ихъ выраженіе. Она была блѣднѣе Анны, и въ лицѣ ея чувствовалось какое-то утомленіе, какая-то вялость, придававшія ей странное устало-поэтическое выраженіе.

Забѣлинъ былъ полноватый блондинъ — очень красивый съ его глазами цвѣта стали, въ которыхъ было чуть-чуть холодности и надменности. Но когда онъ смотрѣлъ ими на Ольгу, холодъ этотъ мгновенно таялъ, а надменность превращалась въ нѣжность. Въ его лицѣ съ аккуратно подстриженной бѣлокурой бо-

родкой Henry IV, въ его фигурѣ, въ его красивыхъ, выхоленныхъ рукахъ было что-то деликатное и элегантное, свидѣтельствовавшее о породѣ.

Между присутствующими состоялось какъ бы интимное соглашеніе не тревожить эту парочку, относиться бережно къ ихъ очевидно только-что начавшемуся сближенію, изъ котораго неизвѣстно что̀ еще выйдетъ—красивая коротенькая идиллія, серьезный романъ или грустная элегія...

Одинъ только студентъ съ темно-рыжеватой бородкой, братъ Ольги, бросалъ иногда на нихъ недоброжелательные взоры, въ которыхъ можно было угадать оттѣнокъ презрительной пренебрежительности и во всякомъ случаѣ осужденія.

Офицеръ, другой братъ Ольги, стоялъ въ открытыхъ дверяхъ и разговаривалъ съ генераломъ, который зычнымъ голосомъ бранилъ танцовавшую балерину. Офицеръ изящнымъ жестомъ руки поглаживалъ свои удивительно выбритыя щеки или покручивалъ свои небольшіе усики и поддакивалъ генералу.

Когда Анна съ Мамаевымъ вошли въ аванъ-ложу, тамъ было еще нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ у противоположной стѣны.

Мамаевъ со всѣми поздоровался. Онъ былъ, кажется, знакомъ рѣшительно со всѣми и всѣхъ звалъ по именамъ и отчеству.

— Здравствуйте, Иларія Семеновна,—сказалъ онъ толстой дамѣ, на которой при малѣйшемъ движеніи звенѣли браслеты, цѣпи и всякія подвѣски.—Хлопочете о благотворительномъ вечерѣ?

— И имѣю виды на васъ.

— На меня? Помилуйте! Я не пою, не читаю, не танцую, не играю... полное отсутствіе талантовъ. Бездарность...

— Не то. Я разсчитываю на ваше содѣйствіе.

— Да, она говорила, разсчитываетъ на васъ,—какъ эхо, вставилъ стоявшій съ Иларіей Семеновной мужъ ея. Онъ былъ худощавъ, съ втянутымъ животомъ, точно не ѣлъ нѣсколько дней.

— Хорошо. Вы мнѣ дадите билеты. Немного. Потому что, à vrai dire,—еще не сезонъ. Не всѣ съѣхались. И если дѣло идетъ о теплыхъ вещахъ для нашихъ солдатиковъ, то не думаю, чтобы имъ много очистилось...

— Не то,—перебила она его.—Я разсчитываю даже не на васъ, а на Стаховскую.

Никто не удивился этимъ словамъ.

Только студентъ насмѣшливо посмотрѣлъ на Иларію Семеновну и на Мамаева.

— Ахъ, на Стаховскую! Что̀ она должна дѣлать? Танцовать?

— Не то... Продавать цвѣты и афиши. Попросите ее.

— Хорошо, я ей скажу...—такъ же просто отвѣтилъ Мамаевъ.

— А мнѣ устройте другой кіоскъ, рядомъ!—вдругъ вставила Анна.—Я буду продавать шампанское.

Ольга въ это время вдругъ прекратила разговоръ съ Забѣлинымъ.

— Ты? — съ удивленіемъ спросила она, обращаясь къ сестрѣ.

— Я,—вызывающимъ тономъ отвѣтила та.—А что̀?

— Я думаю, это немножко рано для тебя...

— Ахъ, оставь пожалуйста! Я не вмѣшиваюсь въ твои дѣла.

Лицо ея вспыхнуло яркимъ румянцемъ.

Всѣ вдругъ заговорили, чтобы не дать возгорѣться ссорѣ между сестрами.

— Я у васъ выпью все шампанское! — крикнулъ черезъ порогъ генералъ.

— А я закуплю всѣ цвѣты, — вполголоса, чтобы его не услышала Ольга, сказалъ Мамаевъ.

— Для Стаховской? — тономъ интимной тайны, съ чуть ревнивой ноткой въ голосѣ, спросила Анна.

— Хватитъ и на другихъ. Впрочемъ, купивъ у васъ цвѣты, я открою цвѣточный магазинъ.

Анна засмѣялась.

Иларія Семеновна уже уговаривалась съ Мамаевымъ о подробностяхъ; ея мужъ вторилъ ей, какъ эхо.

Раздались первые звуки оркестра, и Мамаевъ, вмѣстѣ съ остальными, поспѣшилъ выйти изъ ложи. Тамъ изъ посѣтителей остался только молодой Лубянскій, который проводилъ Мамаева злымъ взглядомъ.

„Что̀ съ нимъ?“ — подумалъ въ недоумѣніи Мамаевъ и вспомнилъ, какъ Лубянскій стоялъ у противоположной стѣны, скрестивъ на груди демонически руки и не спуская съ него, пока онъ говорилъ съ Анной, горящаго взгляда.

Влюбленъ онъ, что-ли, въ Анну, этотъ преподаватель Горнаго Института? Ему-то какое дѣло? Вотъ ужъ не собираюсь ухаживать за Анной!

Онъ торопливо спускался съ лѣстницы и безпокойно вглядывался въ публику.

Но Стаховской нигдѣ не было.

„Ужъ не случилось ли чего-нибудь съ ней?—подумалъ онъ.— Обычный приступъ капризнаго настроенія, или, можетъ быть, ея

карета столкнулась съ автомобилемъ? Мало ли что могло быть!" И въ немъ шевельнулось досадливое чувство. Эта Евгенія всегда умѣетъ держать его въ „трансѣ", вѣчно она держитъ его въ напряженномъ настроеніи, заставляетъ безпокоиться, волноваться, озираться и оглядываться.

Это, наконецъ, становится невыносимымъ!

Что, въ самомъ дѣлѣ! У него есть дѣла, есть служба, требующія спокойствія духа, самообладанія и времени. Она его лишаетъ и того, и другого, и третьяго... Пора, наконецъ, подтянуться и взять себя... и ее—въ руки.

Но это не такъ-то легко. Все это—теоретическое разсужденіе, свободно зарождающееся въ ея отсутствіе. А какъ только она появится, красивая, изящная, благоухающая, въ одномъ изъ своихъ красивыхъ туалетовъ, съ ея антично-прекраснымъ лицомъ, такъ трезвость пропадаетъ и наступаетъ опьяненіе.

Всѣ на нее смотрятъ, всѣ провожаютъ ее долгимъ взглядомъ, иногда завистливымъ, иногда восторженнымъ, а потомъ переводятъ эти взгляды на него.

И ему лестно. И только? Или въ этомъ сознаніи, что у него романъ съ первой красавицей балета, играетъ роль и какое-нибудь болѣе серьезное чувство, кромѣ чувства удовлетвореннаго „снобизма"?

Вотъ надъ этимъ вопросомъ онъ въ послѣднее время часто задумывался, но опредѣленнаго отвѣта не получалось.

Онъ и теперь поспѣшилъ отогнать отъ себя назойливый и непріятный вопросъ, и сосредоточилъ свое вниманіе на сценѣ.

IX.

Тамъ происходило шествіе сказокъ; среди дворцовъ, цвѣтовъ и свѣта рождались и исчезали сказки: Красная шапочка, Голубая птица, Синяя борода, Котъ и кошечка, Людоѣдъ и людоѣдка; потомъ сапфиры, брилліанты, серебро и золото, все это переливалось, какъ въ пестромъ калейдоскопѣ, веселило глазъ, ласкало слухъ, переносило изъ суровой дѣйствительности прозаическаго существованія въ волшебный край поэтической грезы.

— „Балеты долго я терпѣлъ, но и балетъ мнѣ надоѣлъ",— сказалъ вдругъ Зимницкій, подымаясь съ своего кресла.— Quand le ballet va—tout va—и, слѣдовательно, все въ Россійскомъ государствѣ преблагополучно. Имѣю честь...—онъ пожалъ руку Мамаеву и ушелъ, грузно переступая съ ноги на ногу.

Въ это время появилась, наконецъ, Стаховская.

На ней былъ прекрасный вечерній туалетъ, очевидное произведеніе Пакэна или Лаферьера, одного изъ этихъ неподражаемыхъ художниковъ, у которыхъ такъ гармонично сливаются пластика красокъ съ пластикой формъ изъ бархата, шолка, лентъ, кружевъ и другихъ матеріаловъ современной моды. Въ особенности цвѣтъ платья—feuille morte, золотистаго оттѣнка—шелъ къ блѣдному лицу, свѣтлымъ волосамъ и эфемерной фигурѣ Стаховской.

Зимницкій чуть не ахнулъ, наступилъ кому-то на ногу и растопырилъ отъ удивленія руки, точно его поразило необыкновенное явленіе.

Стаховская улыбнулась ему и мелькомъ взглянула на ложи, изъ которыхъ смотрѣли на нее въ бинокли.

Анна изъ ложи бель-этажа совсѣмъ перевѣсилась черезъ барьеръ и жадно впилась въ нее взоромъ.

— Я сяду на ваше мѣсто, — сказала Стаховская Зимницкому, несмотря на то, что балетоманы второго ряда уже зашевелились, приготовляясь сдѣлать обычныя перестроенія, чтобы освободить для нея кресло.

Она ласково кивала направо и налѣво, отрицательно кивала головой и сѣла рядомъ съ Мамаевымъ.

— Здравствуй,—сказала она, и въ это время опустился занавѣсъ.

Онъ засмѣялся, вдругъ успокоенный ея присутствіемъ.

Прежняя тревога сразу прошла.

— Ну, ужъ это скорѣе прощай, а не здравствуй!—отвѣтилъ онъ.—Вѣдь этакое удивительное умѣнье у тебя, Женя! Когда люди уходятъ—ты приходишь. Когда надо обѣдать—ты спишь, а когда надо ѣхать спать—ты хочешь ужинать.

— Не ворчи. Конечно, мы поѣдемъ ужинать. Я страшно проголодалась.

У барьера собрались балетоманы и вызывали балерину вяло, неохотно, изъ приличія. Въ моменты, когда опускался занавѣсъ, они всѣ окружали Стаховскую и сыпали комплиментами какъ изъ рога изобилія; нѣкоторые даже забывали повернуться лицомъ къ сценѣ, когда выходила на вызовы верховъ балерина.

И балерина это замѣтила и нахмурилась.

— Викторъ Васильевичъ, поѣдемъ ужинать?—спросилъ Мамаевъ у генерала, который весело разговаривалъ въ антрактѣ съ молодымъ Кардановымъ у ихъ ложи.

— Поѣдемъ. И Евгенія Сергѣевна?

— Конечно.

— А еще кто?

— Генералъ Брядовъ, Боричевъ, Игнатьевъ, я не знаю. Я поговорю.

Онъ безъ церемоніи отстранилъ балетомановъ отъ Стаховской и взялъ ее за руку повыше локтя, чтобы пошептаться съ нею.

Потомъ пошелъ приглашать избранныхъ лицъ.

Оваціи балеринъ кончились.

Плохо поддерживаемыя партеромъ, онѣ были всегда очень бурны, но кратковременны.

Пославъ еще нѣсколько воздушныхъ объятій и поцѣлуевъ быстро пустѣвшей залѣ, балерина исчезла за занавѣсью и больше не появлялась.

Въ залѣ стало темно. Капельдинеры появились среди рядовъ креселъ, собирая афиши и пустыя коробки изъ-подъ конфектъ.

Петербургскій сезонъ только еще начинался, и до разгара его было далеко.

Но въ Петербургѣ было шумно и оживленно. Рестораны были полны, ѣли и пили, говорили и острили съ веселыми лицами; на улицѣ шелъ дождь, пополамъ со снѣгомъ, было сыро, холодно, неуютно, а залъ „Медвѣдя“ былъ ярко освѣщенъ электричествомъ, столы были заняты почти всѣ, румынскій оркестръ игралъ свой обычный репертуаръ, лакеи во фракахъ безшумно сновали по ковру, разнося блюда и шампанское.

Стаховская уѣхала изъ театра съ генераломъ Сусловымъ въ своей каретѣ, а въ его экипажѣ поѣхалъ впередъ Мамаевъ, чтобы распорядиться занять столъ.

X.

Въ вестибюлѣ ресторана, у акваріума, онъ встрѣтился съ толстымъ господиномъ, у котораго на мясистомъ носѣ прыгало при малѣйшемъ движеніи золотое pince-nez, сильно увеличивавшее его небольшіе сѣрые глазки съ насмѣшливымъ и чуть-чуть презрительнымъ выраженіемъ.

Коротенькіе щетинистые усики его какъ-то смѣшно шевелились, когда онъ говорилъ.

Это былъ Jules Ferrand, корреспондентъ распространенной французской газеты „L'Aube“, командированный сюда десять мѣсяцевъ тому назадъ, при возникновеніи войны съ Японіей.

Онъ жилъ въ Петербургѣ и страшно скучалъ.

— Bonjour,—сказалъ ему Мамаевъ.

— Ah, tiens! C'est vous! — пожимая ему руку, отвѣтилъ monsieur Ferrand, выходя изъ задумчивости.—Comment va?

— Mais... ça marche...

— Ah, vous trouvez!..

У нихъ завязался разговоръ. Мамаевъ подозвалъ лакея и заказалъ ему столъ, слушая рѣчи француза.

Monsieur Jules Ferrand, командированный для передачи въ газету настроенія русскаго общества по поводу войны и для описанія революціи, которая, по мнѣнію редакціи его газеты, непремѣнно должна будетъ вспыхнуть, какъ неизбѣжное и логическое слѣдствіе военныхъ неудачъ и внутреннихъ неблагоустройствъ, жилъ уже много мѣсяцевъ безвыѣздно въ Петербургѣ en pleine déception.

Никакой революціи за эти истекшіе десять мѣсяцевъ не было. Напротивъ, съ назначеніемъ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, заговорили о какой-то „веснѣ".

И monsieur Ferrand излагалъ теперь Мамаеву свои жалобы и недоумѣніе.

— Я пораженъ,—сказалъ онъ Мамаеву,—десять мѣсяцевъ длится война: пораженія слѣдуютъ за пораженіями для вашей арміи, а между тѣмъ...—онъ кивнулъ по направленію ярко освѣщеннаго зала ресторана, изъ котораго неслись веселые звуки вальса румынскаго оркестра, — смотрите: здѣсь собрался истинный цвѣтъ столичнаго общества—генералы, офицеры, журналисты, аристократія, дамы легкія и дамы почтенныя... И всѣ ѣдятъ, пьютъ шампанское и вездѣ цвѣты, брилліанты и золото...

Мамаевъ почувствовалъ смущеніе и опустилъ взоры.

— Ну, такъ что же? — неопредѣленнымъ тономъ проговорилъ онъ.

— Ничего, я удивленъ,—отвѣтилъ Ferrand.—Я очень удивленъ.—C'est à ne rien comprendre. Нашъ патріотизмъ, de nous autres français, не допустилъ бы этого... ну, этого внѣшняго декорума, этого блеска. Это... какъ бы сказать деликатнѣе? C'est un manque du tact. А еще говорятъ о вашей великой славянской душѣ, о вашемъ патріотизмѣ свѣжаго, нетронутаго еще народа.

— Изъ чего слѣдуетъ, что вы plus royaliste que le roi и болѣе славянинъ, чѣмъ славяне, — попробовалъ пошутить Мамаевъ.

Но Ferrand горячо остановилъ его.

— Mais non, mon cher monsieur! Вашъ Петербургъ—какъ будто не столица Россіи, а какой-то иностранный городъ космополитовъ. C'est un vrai Cosmopolis! Столько неудачъ, столько нужды, столько траура въ семьяхъ и... такое веселье въ театрахъ и ресторанахъ! Это удивляетъ. И мнѣ грустно! Грустно на этихъ промокшихъ отъ безпрестаннаго дождя и снѣга улицахъ, грустно оттого, что я не вижу десять мѣсяцевъ солнца, и грустно оттого, что здѣсь такъ свѣтло и весело.

— Но не можемъ же мы всѣ посыпать пепломъ головы, одѣться во вретища—haillons—и запереться по домамъ? Это походило бы на уныніе, на упадокъ духа, и это было бы много хуже.

— Красный Крестъ обнищалъ,—продолжалъ, не слушая его, Ferrand,—у него нѣтъ средствъ. Ваши раненые нуждаются, а вы бросаете здѣсь тысячи, вмѣсто того, чтобы подкрѣпить вашими свободными деньгами—потому что онѣ, очевидно, свободны, если на нихъ можно покупать цвѣты и шампанское—кассы благотворительнаго общества. Откуда же весь этотъ индифферентизмъ и это легкомысленное веселье? У васъ много въ характерѣ общаго съ французами, но мы никогда не доходили до такого легкомыслія, pour ne pas dire un mot plus rude.

— Откуда?—вдругъ нашелся Мамаевъ.—C'est simple comme bonjour. Мы вѣримъ, что наши неудачи—неудачи, а не défaites, какъ вы говорите,—временны, случайны. Мы вѣримъ, что мы побѣдимъ, и вотъ почему мы не унываемъ, а веселимся. Еслибы мы унывали, было бы хуже.

Ferrand не согласился съ такимъ взглядомъ.

— Quelle blague!—сказалъ онъ.—У васъ на войнѣ очень плохо. Очень плохо,—повторилъ онъ.—И серьезнѣе, чѣмъ вы это себѣ рисуете. Ни одного свѣтлаго промежутка... Ялу, Тюренченъ, Вафангоу, Ляоянъ... Ни одного свѣтлаго промежутка. Pas ça!—онъ сдѣлалъ жестъ пальцами.

— Mais non, mais non!—протестовалъ Мамаевъ.—А Портъ-Артуръ? Эта эпическая поэма геройской защиты крѣпости.

— La fin de Port-Arthur est proche,—пророческимъ голосомъ отвѣтилъ Ferrand.—Oh, ça ne peut pas durer! И для героевъ есть предѣлъ. Et puis après Port-Arthur? Что случится, когда онъ падетъ?

— Побѣда подъ Мукденомъ.

— Ея не можетъ быть. У васъ дома плохо...

Мамаевъ засмѣялся.

— Вы чему?

— Вы всѣ, иностранные корреспонденты, сидите здѣсь въ ожиданіи революціи. Вы ждете мѣсяцъ, два, три, десять мѣсяцевъ—гдѣ же она?

Ferrand серьезно покачалъ головой.

— Ça ne va pas tarder. Она придетъ, вѣрьте мнѣ. И она не за горами. Она придетъ послѣ паденія Артура. Чаша переполнится. Послѣдняя капля заставитъ вылиться накопившійся матеріалъ.

— О, я не вѣрю въ ваши prophéties!

— Но, mon cher monsieur Mamaïeff, не надо быть пророкомъ, чтобы понять это. Надо быть слѣпымъ, глухимъ и опоеннымъ шампанскимъ, опьяненнымъ благоуханіемъ цвѣтовъ, звуками этой музыки и огнями этого вѣчнаго праздника, чтобы не предчувствовать этого. Le printemps proclamé par votre ministre va vite passer. Мнѣ пишутъ товарищи, которые поѣхали pour des enquêtes въ ваши провинціи, что народъ и общество тамъ созрѣли; что однихъ академическихъ разговоровъ о веснѣ, неопредѣленныхъ обѣщаній, полусвободы — всего этого мало. Нужны реформы и не много, а всего одна, но коренная. Нужна программа, строгая и опредѣленная, а не поэтическія метафоры... Этимъ не удовлетворить теперь Россіи. Mais voici vos amis...

Въ вестибюль входила компанія Мамаева во главѣ со Стаховской.

Ferrand поправилъ pince-nez, внимательно оглядѣлъ ее, закурилъ сигару и исчезъ.

XI.

Компанія усѣлась за столъ.

Подавали закуску, ужинъ, откупоривали шампанское, оркестръ игралъ какую-то меланхолическую вещицу, и Мамаеву сдѣлалось грустно и отъ этой мелодіи, и отъ разговора съ французскимъ корреспондентомъ.

Мамаевъ чувствовалъ какую-то неловкость, стѣсненность, неудовлетворенность. Ему вдругъ показался неумѣстнымъ этотъ пиръ среди электричества, цвѣтовъ и искристаго вина, этотъ праздникъ веселья, эти легкомысленные разговоры и это роскошное платье Стаховской и ея брилліанты, все то, что такъ недавно еще льстило его самолюбію.

Онъ пробовалъ выйти изъ этого настроенія, отдѣлаться отъ этой волны, нахлестнувшей на него безотчетную грусть.

„Вздоръ какой!—пробовалъ онъ себя утѣшать.—Заговорила славянская кровь: мы, вѣдь, куска не можемъ проглотить безъ покаянія—это давно извѣстно. И когда мы выпиваемъ бутылку шампанскаго, то непремѣнно должны подумать, что на эти деньги могли бы послать теплые кальсоны какому-нибудь солдату на Дальній Востокъ“.

Но эта мысленная шутка показалась ему весьма дурного тона.

И онъ искалъ выхода изъ своего невозможнаго настроенія. Онъ старался подбодрить себя: „Кто въ такомъ настроеніи — долженъ сидѣть дома, а не выходить въ общество“, — подумалъ онъ.

Къ счастью, на него еще никто не обращалъ вниманія.

Генералъ Сусловъ хохоталъ и разсказывалъ анекдоты.

Онъ говорилъ, до какого рамолисмента дошли наши сановники. Сегодня онъ встрѣтилъ одного изъ выдающихся сенаторовъ, подошедшаго къ только-что назначенному товарищу министра, генералу, и, похлопавъ его по плечу, подбодрялъ его: „Того, конечно, силенъ со своимъ флотомъ, но вы, генералъ, не ударите передъ нимъ лицомъ въ грязь. Наша надежда на васъ. Я увѣренъ, вы поведете эскадру къ побѣдамъ“. Товарищъ министра сдѣлалъ удивленный видъ. „Позвольте, ваше высокопревосходительство, эскадру ведетъ адмиралъ Рожественскій“. Сенаторъ прищурилъ глаза: „А вы кто же?“ —Тотъ назвалъ себя.— „А, ну, значитъ, я спуталъ. Это все равно. Я вѣрю и въ Рожественскаго“.

Всѣ смѣялись и больше всѣхъ Сусловъ.

— Ну, генералъ,—сказала Стаховская,—вы сами не ушли далеко отъ этого сенатора.

— За что такъ, красавица?

— Вы недавно приняли Полозову 3-ью за меня, — помните, въ...

— Помню, помню!—весело захохотавъ, сказалъ Сусловъ.— Я еще оралъ, какъ зарѣзанный: „Стаховскую!“ пока мнѣ Брядовъ,—онъ кивнулъ въ сторону другого генерала,—не сказалъ: „Что ты орешь, это вовсе не Стаховская, а Полозова 3-ья, Таня“. Ну, тогда я нашелся и сказалъ: „А будто Стаховская хуже танцуетъ Полозовой 3-ей? Вотъ я ее и вызываю, въ видѣ протеста дирекціи. Нельзя давать такую варіацію такому развинченному чортику въ банкѣ, какъ Полозова 3-ья, и нельзя дѣлать такую тьму на сценѣ, чтобы почтенный балетоманъ не могъ отличить одну фигуру отъ другой“.

Онъ опять захохоталъ, нагнулся къ Стаховской и поцѣловалъ ей руку, чокаясь съ нею и чуть не обливъ ея дорогого платья шампанскимъ.

— Просто, вы—ramolli,—сказала она.—Я васъ буду звать генералъ-ramolli. Хорошо?

— Нѣтъ-съ, не согласенъ!

Онъ нагнулся къ ней и началъ шептать ей что-то смѣшное.

А генералъ Брядовъ говорилъ съ Боричевымъ и внушалъ ему, что нельзя такъ писать о балетѣ, какъ онъ пишетъ.

— А какъ же?

— Нужно ругать дирекцію. Все нехорошо! Нехороши декораціи, костюмы, репертуаръ, освѣщеніе...

— Отопленіе...—подсказалъ ему иронически Боричевъ.

— Да, и отопленіе... Нѣтъ, что это вы меня путаете! Нѣтъ, впрочемъ, и отопленіе: духота въ театрѣ невыносимая. И вообще, все стало скверно... Я помню, въ мое время...

И онъ пустился въ воспоминанія о давно прошедшихъ временахъ балета.

Онъ рѣшительно всѣмъ былъ теперь недоволенъ. Рѣшительно всѣмъ. Боричевъ началъ зѣвать.

— Вы и танцовщицами недовольны?

— Да, и танцовщицами.

— Всѣми? И Стаховской?

— И ею... Нѣтъ!—вскрикнулъ онъ:—что вы меня путаете? Стаховская—исключеніе. Уже давно не было такой.

Стаховская погрозила ему пальцемъ.

— То-то,—сказала она.

И затѣмъ снова заговорили о балетѣ.

Стаховская говорила, что она не желаетъ подтанцовывать этой балеринѣ, изъ-за которой возгорѣлись распри въ балетѣ, что она, Стаховская, и сама уже готовая балерина, и что глупо дѣлаетъ дирекція, ставя ее на второй планъ, между тѣмъ какъ публика и критика—она благосклонно взглянула на Боричева—ее такъ любятъ и одобряютъ.

Генералъ Сусловъ разсказывалъ очень интересный случай, какъ балерина, танцуя „Зиму“ въ „Камарго“, вмѣсто утвержденнаго дирекціей историческаго костюма, надѣла свой собственный; директоръ оштрафовалъ ее за это на пятьдесятъ рублей. Она пожаловалась выше, и штрафъ долженъ былъ быть съ нея сложенъ. Директоръ, вынужденный сложить штрафъ съ балерины, вслѣдствіе приказанія сверху, нашелъ справедливымъ сложить штрафы и со всѣхъ остальныхъ артистовъ, когда-либо наложенные.

Это сочли актомъ демонстраціи противъ высшаго начальства, и директоръ долженъ былъ подать въ отставку.

Собственно, всѣ знали этотъ инцидентъ, но Сусловъ любилъ его разсказывать, потому что принималъ во всемъ этомъ „дѣлѣ“ какое-то непосредственное участіе и придавалъ большое значеніе малоизвѣстнымъ подробностямъ.

Боричевъ разсказалъ къ случаю, какъ онъ сумѣлъ обойти цензуру и передать объ этомъ вопіющемъ фактѣ въ газетѣ, подъ видомъ происшествія, случившагося въ концѣ XVIII вѣка при французскомъ дворѣ. Не такъ давно еще нельзя было касаться этихъ вопросовъ въ печати, и онъ, Боричевъ, рисковалъ многимъ.

Газетѣ сдѣлали, однако, предостереженіе съ пріостановкой розничной продажи, и редакторъ выругалъ Боричева, сказавъ: „Чортъ васъ возьми въ самомъ дѣлѣ! Недостаетъ еще, чтобы изъ-за вашихъ балетныхъ тюниковъ и башмаковъ газету запрещали!“ И съ тѣхъ поръ тщательно вытравлялъ изъ статей Боричева всѣ его неодобрительные отзывы. И когда Боричевъ писалъ, что госпожа Озерова 2-ая танцовала вяло, безъ entrain, то редакторъ, ничего не смыслившій въ балетѣ, перечеркивалъ отзывъ и писалъ: „госпожа Озерова танцовала блестяще, съ большимъ бріо“. А однажды, въ рецензіи „съ упоминовеніемъ именъ“ кордебалетныхъ танцовщицъ, плохо исполнившихъ „Золотой вальсъ“ въ „Щелкунчикѣ“, редакторъ передѣлалъ слово „плохо“ въ слово „великолѣпно“ и уже совсѣмъ глупо прибавилъ отъ себя: „всѣ онѣ прекрасно дѣлали фуэте“.

Тогда много смѣялись надъ этой рецензіей въ балетѣ и думали, что Боричевъ написалъ это „въ пьяномъ видѣ“.

И тогда-то чаша терпѣнія его переполнилась, онъ явился къ редактору и спросилъ его:

— Что это за ахинею вы прибавили о фуэте?

— А что-жъ? Это для красоты.

— Да вы знаете ли, что такое фуэте?

— А на кой чортъ мнѣ это знать? Выкрутасъ какой-нибудь ножной,—и помахалъ рукой въ воздухѣ, при чемъ получилось нѣчто совершенно неопредѣленное.

— Да какъ же вы пишете о томъ, чего не знаете? И вообще... Озеровой шикали, а вы пишете „танцовала съ бріо“. „Золотой вальсъ“ былъ исполненъ кордебалетомъ, а вы пишете фуэте... Вѣдь это же нелѣпость! И въ какое дурацкое положеніе вы меня ставите! Зачѣмъ вы это дѣлаете?

— А чтобы не получить запрещенія. Почемъ я знаю, кто стоитъ за Озеровой? И кто изъ цензурнаго или другихъ вѣ-

домствъ подъ вліяніемъ этихъ вотъ... вашихъ изъ „Золотого вальса“...

Боричевъ обругалъ редактора, и вотъ почему онъ ушелъ тогда изъ „Вечернихъ Вѣстей“ и перешелъ въ „Утреннюю Зарю“. Съ тѣхъ поръ въ „Вѣстяхъ“ пишетъ о балетѣ туалетный хроникеръ и больше пишетъ о бриллiантахъ, чѣмъ о танцахъ.

Всѣ смѣялись этому разсказу, и раскатистѣе всѣхъ Сусловъ.

Стаховская заливалась смѣхомъ и проливала отъ восторга шампанское.

Одинъ Игнатьевъ молчалъ. Онъ былъ убѣжденный и увлеченный ницшеанецъ и плохо понималъ балетъ.

Неизвѣстно, для чего онъ ходилъ въ него и участвовалъ во всѣхъ балетныхъ ужинахъ и вечерахъ. Онъ былъ всегда сосредоточенъ и мраченъ. Вѣрилъ въ ученье Ницше, какъ въ божественное откровеніе, и всѣ явленія жизни взвѣшивалъ на вѣсахъ этого ученія, а то, что взвѣсить было невозможно, просто отвергалъ.

На этотъ разъ, впрочемъ, когда Боричевъ кончилъ свой разсказъ, Игнатьевъ заговорилъ съ нимъ:

— Я задумалъ тоже написать статью о балетѣ.

— Вы?—удивился Боричевъ.

— Да, я. Серьезную, дѣльную статью: „Ницшеанство и хореграфія“. Мнѣ нужны будутъ кое-какія спеціальныя свѣдѣнія, и я обращусь тогда къ вамъ. Идея такова: исторія борьбы общества за освобожденіе—contrat social и прочее. Это практическая и идейная борьба за освобожденіе общества. Но слѣдующій этапъ свободы—выше. Это борьба личности за освобожденіе отъ уже освобожденнаго общества. Это и есть наивысшая, доступная человѣку на землѣ свобода—Ибсенъ, Ницше... вы меня понимаете?

Боричевъ похлопалъ вѣками, глотнулъ шампанскаго и сказалъ:

— Да, кажется.

— Слѣдите: сплоченное большинство—конечный идеалъ освобожденнаго общества—уже нелѣпость въ слѣдующемъ этапѣ! Глупости больше на свѣтѣ, чѣмъ ума. Слѣдовательно, умъ—въ меньшинствѣ, вы меня понимаете?—и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:—Прекрасно. Слѣдовательно, я за меньшинство, потомъ за tres faciunt collegium, потомъ—за то, что три ума хорошо, два лучше, одинъ—всего лучше. То-есть, за освобожденіе личности отъ путъ общества. Слѣдите...

— Но позвольте,—съ недоумѣніемъ проговорилъ Боричевъ,—я не вижу, при чемъ же тутъ балетъ?

— Слѣдите: у Ницше есть нѣсколько вещицъ о танцахъ въ „Заратустрѣ“: „Пѣснь Танца“ и „Другая пѣснь Танца„ и еще

кое-что. Значитъ, онъ, этотъ Одинокій, признавалъ танцы какъ искусство, вы меня понимаете? Ну-съ, такъ вотъ. Балетъ—искусство аристократическое, для немногихъ, для меньшинства. Отсюда, понимаете, и всѣ остальные выводы...

Слушая, Боричевъ выпилъ цѣлый стаканъ шампанскаго и сразу захмелѣлъ.

Теперь ему были одинаково интересны и Ницше, и балетъ, и самъ Игнатьевъ, и освобожденіе личности.

Стаховская дѣлала большіе глаза отъ усилія понять рѣчь Игнатьева, въ которой она чувствовала что-то „умное", и неожиданно сказала:

— Вотъ такимъ, какъ вы говорите, Ефремъ Ефимовичъ, и слѣдуетъ писать рецензіи о балетѣ.

Боричевъ сначала съ изумленіемъ вскинулъ на нее взоромъ, но потомъ сочувственно закивалъ головой.

— Да, именно, — проговорилъ онъ слегка заплетающимся языкомъ:—„Если принять во вниманіе тотъ внутренній смыслъ и то символическое значеніе, тщательно скрытое для всякой неосвобожденной отъ наслоившихся за вѣка и вѣка путъ личности, каковое открывается намъ при тщательномъ изученіи „Другой пѣсни Танца" изъ „Такъ говоритъ Заратустра" знаменитаго философа Ницше, то количество сдѣланныхъ госпожей Стаховской фуэте въ не менѣе знаменитой варіаціи второго акта „Лебединаго Озера" должно быть, по меньшей мѣрѣ, доведено до безпредѣльнаго количества, выражаемаго алгебраическою формулою $n+1$. Что же касается до renversés въ заключительной варіаціи pas d'action, то эти renversés слѣдуетъ сообразить съ теоремой о параллелизмѣ—касательной къ хордѣ, и тогда само собою обнаружится, что Одинокіе, освобожденные отъ воздѣйствія и путъ общественнаго кордебалета, стоятъ на недосягаемой аристократической высотѣ, недоступной даже для меньшинства..." Такова должна быть современная балетная рецензія и писать ихъ должны ницшеанцы, учителя алгебры и геометріи или отставные чиновники министерства финансовъ. А мы, бывшіе балетные критики, подаемъ въ отставку. А по сему случаю выпьемъ.

Сусловъ хохоталъ неистово, слушая эту рецензію.

Игнатьевъ сначала одобрительно кивалъ головой, но потомъ мрачно махнулъ рукой.

Брядовъ хмуро проговорилъ:

— Существовали Тальони, Гризи и прочія. Но онѣ существовали именно потому, что не было балетныхъ рецензентовъ.

Боричевъ хотѣлъ что-то возразить, но осовѣлъ окончательно и смолкъ.

Стаховская чуть-чуть обидѣлась: и на Боричева, который позволилъ себѣ съимпровизировать къ ея словамъ насмѣшливую иллюстрацію, и на Брядова, который всегда всѣмъ недоволенъ и осмѣливается вѣчно противопоставлять ей Тальони и Гризи. Положимъ, онъ старъ, но развѣ онъ могъ ихъ видѣть? Да еще и были ли эти Тальони и Гризи, а если и были, то кто ихъ тамъ знаетъ, какъ онѣ танцовали? Ужъ одно вѣрно, что выпустить бы ихъ теперь, такъ, навѣрное, ни одна изъ нихъ не сдѣлала бы ни тридцать-два фуэте, ни renversés послѣ тройного пируэта въ варіаціонной кодѣ. И никакого бы успѣха не имѣли.

Это было ея глубокое убѣжденіе.

XII.

Въ ресторанъ входили разряженныя въ изумительные туалеты дамы въ сопровожденіи блестящихъ военныхъ и статскихъ во фракахъ. На столикахъ благоухали цвѣты, и подъ матовымъ свѣтомъ электричества искристо переливалось въ стопахъ и креманкахъ янтарно-желтое шампанское; оркестръ игралъ мелодію изъ балета, придавая ей какіе-то особые оттѣнки, въ которой была цѣлая гамма настроеній—отъ меланхолически-грустнаго до страстно-замирающаго.

Jules Ferrand все еще стоялъ въ корридорикѣ, ведущемъ въ залъ и наблюдалъ съ полу-недоумѣвающимъ, съ полупрезрительнымъ выраженіемъ лица это странное общество веселившихся гражданъ, братья и дѣти которыхъ погибали въ трагической войнѣ.

Тамъ, на далекихъ, чужихъ поляхъ Манчжуріи замерзали, голодали и умиралъ отъ ранъ и болѣзней лучшій цвѣтъ этой страны, странной сѣверной страны, безъ солнца и тепла, гдѣ все такъ необыкновенно и отлично отъ другихъ странъ!

А здѣсь, въ искусственно созданной иллюзіи свѣта и тепла, подъ звуки веселой музыки, безпечно веселились граждане этой страны, не пошедшіе на войну.

Они создали себѣ искусственную весну изъ электрическаго суррогата солнца, оранжерейныхъ цвѣтовъ и министерскихъ обѣщаній.

Маленькіе свиные глазки корреспондента, защищенные прыгавшимъ на его толстомъ мясистомъ носу pince-nez, съ изумленіемъ перебѣгали съ одного столика на другой.

Онъ за десять мѣсяцевъ своего пребыванія здѣсь все еще никакъ не могъ привыкнуть къ отсутствію солнца на улицахъ сѣраго города и въ душахъ этихъ полуночныхъ людей.

И онъ въ сотый разъ задавалъ себѣ неразрѣшимый для француза-психолога вопросъ: вѣдь тѣ, герои эпическихъ битвъ—дѣти и братья этихъ вотъ здѣсь веселящихся гражданъ? Какъ же между ними и тѣми можетъ быть такая громадная разница? Когда онъ ѣхалъ сюда, тотчасъ же по объявленіи войны, онъ ожидалъ встрѣтить націю, объединенную однимъ могучимъ и властнымъ порывомъ патріотизма.

Послѣ первыхъ грустныхъ для національнаго самолюбія пораженій онъ ожидалъ встрѣтить всеобщее уныніе или революцію.

Но ни того, ни другого, ни третьяго не было: театры были полны, рестораны дѣйствовали на славу, шампанское лилось широкой опаловой рѣкой, и, можетъ быть, еслибы собрать всѣ его потоки въ одно русло, оказалась бы рѣка не меньшей ширины и глубины, чѣмъ та, которая образовалась изъ потоковъ пролитой русской крови.

На улицѣ безконечной пеленой падалъ снѣгъ и переходилъ, не долетая до земли, въ дождь.

Дома и тротуары стояли намокшіе, сѣрые, унылые; по улицамъ—лужи и грязь.

Мрачно, холодно, сыро, темно.

Утромъ горѣли огни, и послѣ краткаго полумрака трехъ—четырехъ-часового дня, мутнаго и бѣлесоватаго, вновь зажигались огни.

И такою жизнью сумерекъ жилъ этотъ странный народъ въ этой странной столицѣ, объятой, казалось, безпросвѣтной, безпробудной осенью.

А между тѣмъ вездѣ повторяли пущенное газетами крылатое слово „весна", и, кажется, успокоились на этомъ словѣ, пока не пришло другое крылатое слово „довѣріе".

Какъ мало имъ нужно! Японское общество, какъ только возникла война, стало экономно и бережливо и осторожно въ своихъ расходахъ; оно поспѣшило ограничить себя во всемъ. А здѣсь,—за ужинъ платятъ по сту рублей, а Красный Крестъ бьется, какъ рыба объ ледъ, нуждаясь въ средствахъ.

Мамаевъ видѣлъ съ своего мѣста monsieur Ferrand и слѣдилъ за нимъ.

Казалось, Мамаевъ угадывалъ мысли этого француза, пріѣхавшаго за революціей и за человѣческими документами русскаго

общества и ставшаго втупикъ передъ непостижимой загадкой русской общественной психологіи.

И Мамаеву дѣлалось совѣстно передъ французомъ. Именно передъ французомъ, а не передъ самимъ собой.

Опять заговорили о балетѣ.

Мамаевъ словно очнулся отъ сна.

Онъ внимательно оглядѣлъ своихъ компаньоновъ. Переливаясь тысячами огней, блеснулъ ему въ глаза огромный бриллiантъ въ ушахъ красавицы Стаховской, и отъ этого блеска ему сдѣлалось вдругъ страшно.

Стаховская говорила о дирекціи, и взоръ ея блестѣлъ не менѣе бриллiанта,—столько было въ немъ одушевленія.

Она бранила дирекцію, чиновниковъ, понасаженныхъ въ администраторы балета изъ училища правовѣдѣнія, новыхъ художниковъ, новыхъ композиторовъ, режиссеровъ и режиссершъ, и всѣ другіе поддерживали ее, и всѣ говорили о балетѣ и только о балетѣ, какъ будто въ Россіи не было сейчасъ ни войны, ни страшныхъ неудачъ, ни провозглашенной „весны“, ни милостиво объявленнаго „довѣрія“ и никакихъ другихъ вопросовъ, кромѣ балета.

И все скучнѣе и скучнѣе дѣлалось Мамаеву отъ этого страшнаго и рокового индифферентизма.

XIII.

У Вѣры Алексѣевны Кардановой была большая квартира на Сергіевской, которую она послѣ смерти мужа не захотѣла мѣнять.

Въ этой-то квартирѣ и собирался по пятницамъ тотъ разношерстный народъ, который образовалъ, по ироническому выраженію ея дѣтей, „салонъ Рекамье“.

Карданова терпѣть не могла картъ, но очень любила общество.

Протосковавъ мучительной печалью годъ послѣ смерти мужа, затворившись рѣшительно отъ всѣхъ и вся, она жила въ атмосферѣ горя, глубокихъ вздоховъ, молитвъ и слезъ. Горе ея казалось безутѣшнымъ.

Она прожила съ мужемъ много долгихъ, долгихъ и счастливыхъ лѣтъ, нажила четырехъ дѣтей и организовала сплоченную, дружную на рѣдкость семью.

Это-то и было ея главной и положительной заслугой.

Послѣ освобожденія крестьянъ состояніе ихъ замѣтно умень-

шилось, но, все-таки, было еще настолько достаточнымъ, чтобы жить не только безбѣдно, но даже рѣшительно ни въ чемъ существенномъ себѣ не отказывая.

Самъ Кардановъ занималъ видный постъ въ администраціи, получалъ хорошее содержаніе, что служило кое-какимъ подспорьемъ къ ихъ личнымъ средствамъ. Это былъ добродушнѣйшій и благожелательнѣйшій администраторъ, убѣжденный шестидесятникъ, остававшійся имъ до послѣдняго дня смерти. Онъ не сочувствовалъ тенденціи правительства послѣднихъ двадцати лѣтъ къ урѣзыванію освободительныхъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, и потому не двигался по службѣ съ той быстротой, съ какой двигались его сверстники, и вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣлъ достаточнаго мужества, чтобы уйти со службы.

Это былъ типичный чиновникъ-исполнитель, готовый лояльно исполнять предначертанія, даже не сочувствуя имъ, и любившій вечеромъ, на свободѣ, среди интимнаго кружка молодежи и близкихъ людей, осуждать правительство, въ духѣ либеральной воркотни, тѣмъ самымъ создавая себѣ ореолъ передового человѣка, „вѣчнаго студента", идущаго въ уровень вѣка.

Популярность, пріобрѣтаемая такой политикой, не Богъ вѣсть какой цѣны, но въ то недалекое отъ насъ время точекъ и точекъ съ запятой къ реформамъ шестидесятыхъ годовъ—такихъ либеральствующихъ сановниковъ народилось много; это были именно тѣ, о которыхъ въ писаніи сказано: „Вы не холодны и не горячи. Вы теплы. О, еслибы вы были холодны или горячи!"

Но душа у него была добрая, истинно благожелательная, и семья у него вышла дружная.

Вѣра Алексѣевна очень горевала объ утратѣ мужа, скончавшагося отъ быстро развившагося нефрита. Она не захотѣла мѣнять квартиры и обстановки комнатъ, какъ не захотѣла мѣнять и жизни. „Пусть все будетъ такъ, какъ было при Петрѣ Александровичѣ".

Неодушевленныя вещи — безмолвные памятники прошлаго. Онѣ невидимыми нитями связываютъ насъ съ ушедшими; онѣ ежеминутно напоминаютъ намъ о нихъ и держатъ насъ въ какомъ-то странномъ общеніи съ ними.

Черезъ годъ, отхлынувшая волна жизни стала вновь прибывать къ истомленной душѣ Кардановой; ей вдругъ жадно захотѣлось свѣта и воздуха, солнца, зелени, звука людской рѣчи.

И она собралась весной за-границу вмѣстѣ съ младшей дочерью Анной. Заграничное путешествіе развлекло, разсѣяло ее,

и если не залечило ея сердечной раны, то тщательно прикрыло ее болеутоляющей перевязкой.

Теперь она могла принимать, говорить, даже улыбаться, и только по ночамъ, когда въ домѣ становилось тихо, эта рана стонала и болѣла, вызывая на ея ослабѣвшіе и старые глаза слезы.

И осенью, въ ту осень, когда было объявлено на Руси о „веснѣ и довѣріи“, она открыла двери своего гостепріимнаго дома для друзей и знакомыхъ.

Общество, посѣщавшее этотъ домъ, было очень разнообразное.

Старшая, замужняя дочь Ольга, жившая со своимъ мужемъ отдѣльно, привлекла въ домъ матери офицеровъ, сослуживцевъ Леонида Егоровича Натарова, ея мужа.

Вотъ уже около года, какъ онъ на войнѣ, и съ тѣхъ поръ Ольга переселилась на житье къ матери.

Анна привела съ собой пансіонерокъ и курсистокъ; сынъ-студентъ усилилъ посѣтителей салона своими товарищами и молодыми приватъ-доцентами; старшій сынъ Вадимъ привелъ свѣтскихъ людей и гвардейскихъ офицеровъ. И у самой Вѣры Алексѣевны были очень разнообразныя знакомства во всѣхъ сферахъ общества. Ее часто посѣщали и сосѣди ея по имѣнію въ орловской губерніи.

Въ имѣніи этомъ она бывала рѣдко, но когда бывала, то, конечно, по своему общительному темпераменту, заводила связи и знакомства. Рядомъ съ ея имѣніемъ находилось имѣніе и ея свояченицы, сестры мужа, Таисы Александровны Кардановой, съ которой она видѣлась рѣдко, такъ какъ Таиса Александровна жила почти безвыѣздно въ помѣстьи, лично управляя обширными землями и заводами, ради которыхъ, кажется, и осталась старой дѣвой.

Иногда, впрочемъ, она являлась въ Петербургъ, въ домъ къ своему брату; но эти появленія были рѣдки.

Таиса Александровна вносила всегда въ этотъ мирный и благожелательный салонъ духъ озлобленной ворчливости и узко-реакціоннаго недовольства новыми вѣяніями, что вносило нѣкоторый нежелательный диссонансъ въ общее благодушное и теплое настроеніе.

XIV.

Въ одну изъ пятницъ у Кардановыхъ состоялось собраніе гостей.

На этотъ разъ оно носило особый характеръ; гости разбились на группы, и разговоры въ этихъ группахъ были ожив-

леннѣе, чѣмъ обыкновенно. Обыкновенно на этихъ вечерахъ было скучновато; русское общество не умѣло проводить вечеровъ безъ картъ, въ однихъ разговорахъ, да и разговоровъ до войны не оказывалось въ наличности: всѣ почти темы исчерпывались театрами и назначеніями; рѣдко говорили о литературныхъ явленіяхъ; только за ужиномъ начиналось общее оживленіе и споры — русскіе споры, когда одинъ старается наговорить возможно больше и перекричать другого, не слушая его доводовъ.

Отсутствіе общественныхъ интересовъ и общественныхъ трибунъ не создало въ русскихъ людяхъ привычки къ спору, не выработало самой техники спора. Карданова всегда возмущалась этимъ неумѣніемъ спорить. Ей бы хотѣлось слышать въ своемъ салонѣ „европейскій споръ“, академическаго характера, чтобы спорщики выслушивали другъ друга, взаимно бы уважали другъ друга, не говорили бы одинъ другому непозволительныхъ рѣзкостей и обидныхъ вещей.

— У насъ умѣютъ говорить только адвокаты, — заявляла она.—Il n'y a que les avocats... et encore!

Но война внесла небывалый подъемъ и давно невиданное оживленіе въ русское общество, вялое, сонное и апатичное въ своей массѣ до этого времени.

Теперь общественный пульсъ повысился, и началъ сказываться темпераментъ. Рѣчи сдѣлались оживленнѣе, голоса громче, взоры бодрѣе.

Потомъ, когда о войнѣ говорить пріутомились, явилась провозглашенная газетами „весна“, и пульсъ общественной жизни сталъ еще полнѣе.

На смѣну „веснѣ“ явилось „довѣріе“, какъ новый принципъ правительства — и общее возбужденіе къ жизни нашло новую поддержку.

Война, весна и довѣріе—три пароля, три лозунга, которые обновили общественную жизнь Россіи.

Можетъ быть, именно это обновленіе и было причиной переполненія ресторановъ и театровъ — единственныхъ мѣстъ, гдѣ люди могли сходиться и обмѣниваться мнѣніями. Эта уличная жизнь столицы, обыкновенно замкнутой и унылой, и удивила Жюля Ferrand, который не могъ понять причинъ этого „веселья“ во время неудачной войны, этого, какъ ему казалось, „пира во время чумы“.

Но именно это всеобщее оживленіе, эта возбужденность рѣчей и лицъ и были результатомъ долго искусственно сдержи-

ваемаго общественнаго темперамента, которому стало необходимымъ такъ или иначе вылиться.

Вѣдь больной, долго удерживаемый въ своей комнатѣ съ запертыми окнами и спущенными сторами, получивъ возможность выйти на воздухъ при первомъ появленіи въ организмѣ силъ, всегда чувствуетъ опьяненіе и часто дѣлаетъ не то, что нужно, злоупотребляя воздухомъ и свѣтомъ.

Гости съѣзжались въ уютную гостиную Кардановыхъ. Это была гостиная въ старинномъ стилѣ, строго выдержанная, съ глубокими диванами и креслами empire; къ ней примыкала маленькая гостиная, обставленная, по настойчивымъ просьбамъ Анны, въ стилѣ moderne, еще при жизни отца.

Здѣсь были диваны въ формѣ ширмъ съ полками, ширмы комбинировали съ креслами, низенькіе стулья съ высокими спинками и высокія кресла съ низкими спинками, шкапики причудливой формы; вазы съ необыкновенно-длинными, преимущественно зеленаго цвѣта женщинами, портьеры и ковры съ несуществующими цвѣтами, похожими на спрутовъ или на клубки извивающихся змѣй, лампы въ видѣ изогнутыхъ на особый манеръ обнаженныхъ женщинъ. И тона матерій была какіе-то неопредѣленные, преимущественно желтовато-зеленые или голубовато-терракоттовые.

— Словомъ, все наоборотъ,—говорила Карданова, когда они обзаводились всѣми этими новшествами подъ руководствомъ „главной декадентки“ въ домѣ—Анны. — Твой стиль,—говорила она Аннѣ,—напоминаетъ мнѣ австралійскую флору по старымъ географическимъ учебникамъ, которые увѣряли, что тамъ все наоборотъ: груши растутъ толстыми концами къ вѣткѣ, косточка сливъ находится снаружи, а не внутри плода, и тому подобное.

— Какой вздоръ, мама! — смѣялась Анна. — Развѣ могутъ быть такіе учебники?

Маленькая гостиная была, тѣмъ не менѣе, очень красива, но ея всѣ избѣгали, по неудобству мебели.

Сядешь на диванъ, все время опасаешься, какъ бы не свалить разставленныхъ на диванной ширмѣ съ полкой причудливыхъ bibelots. Сядешь въ кресло — непремѣнно ударишься локтемъ о ручки. Колѣни подходятъ чуть не къ подбородку, когда сядешь на низкомъ стулѣ, а когда на высокомъ—то ноги болтаются въ воздухѣ. Поэтому всѣ ютились въ большой гостиной и сосѣднемъ будуарѣ съ мягкой и удобной мебелью, которую ненавидѣла Анна за то, что эта мебель была „vieux jeu et définitivement démodé“.

Анна всегда удалялась на пятницахъ въ декадентскую гостиную и привлекала къ себѣ кого-нибудь изъ молодежи.

Ее не занимали эти серьезные разговоры ихъ салона: она для нихъ была слишкомъ молода и легкомысленна.

Теперь она сидѣла на маленькомъ, двухмѣстномъ диванчикѣ съ ширмой, защищавшей ее отъ постороннихъ взоровъ, вдвоемъ съ Лубянскимъ.

Анна погасила электричество, оставивъ лишь небольшой четыреугольный фонарь подъ опаловымъ стекломъ, дававшій комнатѣ мягкій, слабый и таинственный полусвѣтъ.

Въ этомъ опаловомъ свѣтѣ тонкое, красивое и изящное лицо дѣвушки казалось озареннымъ грустными желтовато-розовыми лучами уходящаго солнца. И ея большіе темные глаза казались еще больше, еще темнѣе.

Она разсѣянно слушала Лубянскаго.

Это былъ новый флиртъ, который занималъ ее вначалѣ, а потомъ она къ нему охладѣла.

XV.

Лубянскій былъ очень талантливымъ человѣкомъ, но, какъ многіе изъ талантливыхъ русскихъ людей, имѣлъ довольно распущенный характеръ.

Онъ состоялъ доцентомъ въ одномъ изъ спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, но своей наукой занимался мало и неохотно, а любилъ больше всего музыку. Музыкантъ онъ былъ чрезвычайно талантливый, но, конечно, дилеттантъ. Однако, его романсы среди знакомыхъ были очень популярны.

Онъ давно уже замѣтилъ охлажденіе къ себѣ Анны. Она ему нравилась своей молодостью, красотой и тѣмъ „бродильнымъ началомъ“, которое всегда, по его наблюденіямъ, находится въ дѣвушкахъ и придаетъ имъ особую пикантность. Онъ и не огорчился этимъ охлажденіемъ, потому что никогда не былъ увлеченъ ею серьезно, но любилъ на эту тему „поизводить“ ее.

— Какъ вы смѣете говорить мнѣ такія вещи?—вдругъ вскипѣла дѣвушка, вслушавшись въ его слова.

— Условимся,—отвѣтилъ онъ:—влюбленъ я въ васъ или нѣтъ?

— Ну, что изъ этого?

— Если влюбленъ, то смѣю. Отчего не говорить: я васъ люблю любовью брата и, можетъ быть, еще сильнѣй? Вы мнѣ

нравитесь; въ васъ есть какое-то cachet изящества. Что-то style moderne, вотъ вродѣ Стаховской.

При этомъ имени Анна нахмурилась, но онъ, не обращая вниманія, продолжалъ:

— Серьезно, что-то общее, съ коррективомъ: тамъ опытъ, здѣсь—нетронутость. И то и другое — на любителя. Но дѣйствуетъ. Это Moll и Dur какой-нибудь симфоніи.

— Какія глупости вы говорите! Какъ вы смѣете меня сравнивать съ нею?

— Ничуть. Условимся: если я влюбленъ въ васъ, то отчего не говорить? Стаховская—красавица.

— Отстаньте отъ меня съ Стаховской! Я вовсе не желаю походить на нее. Вотъ еще!

— Это не зависитъ отъ желанія. И отчего?

— Да ни отъ чего, просто не хочу.

— Ревнуете?

— Кого?—вызывающимъ тономъ спросила она и взглянула ему прямо въ глаза.

— Мамаева, конечно. Это—вашъ новѣйшій флиртъ или настоящее увлеченіе?

— Новѣйшій?.. А кто же прежній?

— Это я.

— Самонадѣянно, но...

— Но вѣрно. Послушайте, Аня...

— Какъ вы смѣете?! Это невозможно. Я уйду отъ васъ.

— Вотъ вздоръ какой! Куда? Туда?—Онъ кивнулъ головой по направленію гостиной.—Тамъ идутъ важные разговоры: о войнѣ, о веснѣ и прочее. Это не нашего съ вами ума дѣло. Я нахожу, что у насъ ужасно много говорятъ и мало дѣйствуютъ. Пользы не ожидаю, какъ выражается нашъ директоръ. И потомъ всѣ кричатъ:—весна, весна! Плохое то общество, которое не вѣритъ въ настоящую весну, а вполнѣ увѣрено въ ней, когда ее дѣлаютъ дворники... Гм... я бы сказалъ иначе, да боюсь, нѣтъ ли среди вашихъ гостей цензора. Вы не знаете, нѣтъ ли здѣсь цензора?

— Вы мнѣ говорите?—оторвавшись отъ мечтаній, спросила Анна.

— А вы меня не слушали? Ну, это все равно. На меня нашло. Я долженъ говорить, разъ вы молчите. Вы знаете, я похожъ на тотъ автомобиль, на который, въ какомъ-то англійскомъ разсказѣ, сѣли неопытные новобрачные и, пустивъ его, не умѣли остановить машины, и автомобиль мчался по улицамъ

города, и такъ они ѣздили три дня, пока автомобиль самъ не остановился, врѣзавшись въ заборъ. Я не знаю, можетъ ли автомобиль ѣздить безъ перерыва три дня. Но это все равно, для красоты и эффекта разсказа—можетъ. Вотъ и я начну говорить и остановиться не умѣю. Итакъ...

Но она прервала его:

— Любитъ Мамаева Стаховская или нѣтъ?

— Ну вотъ, вы сыграли роль стѣны, наткнувшейся на автомобиль. А я почемъ знаю? Всѣ носятся съ Мамаевымъ. А за что? Красивъ—да. А еще что? Ничто. Но вотъ я...

— Оставьте, пожалуйста. Вы—фонографъ. Когда скучно и нечего дѣлать, можно слушать ваши пластинки. Но это однообразно и скоро надоѣдаетъ. А когда не въ духѣ, то это невыносимо.

— Merci.

— На здоровье.

— Вы неузнаваемы. Прежде было не то. Помните: мы говорили, и много. Я вамъ пѣлъ и игралъ. Тогда еще не говорили о веснѣ—символической,—но то было, дѣйствительно, ранней, настоящей весной. Цвѣла сирень и мальчики на улицахъ кричали: „купите сирени!“ А потомъ кричали: „потопленіе двухъ японскихъ миноносокъ—три копѣйки!“ А теперь валитъ снѣгъ, а вездѣ кричатъ: „весна!“ И цѣна этой веснѣ, сдѣланной дворниками,—тоже три копѣйки. Тѣ же, кто сдѣлалъ вдругъ среди глубочайшей осени весну, могутъ позвать васъ въ участокъ и сказать: „потрудитесь взглянуть на улицы, покрытыя снѣгомъ,—никакой весны нѣтъ въ декабрѣ, а просто русская зима“... И настанетъ время, и уже, кажется, настало, что будетъ зима. А почтенная madame Рекамье́, ваша матушка, со своими сателлитами, разсуждаетъ съ академическимъ проникновеніемъ о новой эрѣ...

— Перемѣните пластинку.

— Уфъ! Усталъ. Развѣ грамофонъ самъ мѣняетъ пластинки? Это—дѣло ваше. Но такъ какъ вы молчите, а я завелся, то продолжаю. Нужно дать выходъ живымъ сокамъ жизни, чтобы дать настоящій расцвѣтъ веснѣ. А пока соки жизни находятся въ безконтрольномъ пользованіи бюрократіи—модное слово и притомъ псевдонимъ—нѣтъ ли здѣсь цензора? До тѣхъ поръ все останется по старому, дондеже соки не обрѣтутъ достаточно силъ и не прорвутъ толстую стѣну административнаго усмотрѣнія. Задержите меня, а то я уподоблюсь вашимъ посѣтителямъ салона.

— Я вамъ давно говорю,—заведитесь въ обратную сторону.
Въ это время послышались изъ будуара звуки музыки.
Лубянскій насторожился.

— А! это Тиль?

— Да, онъ. Прекрасно играетъ.

— Талантливый ученикъ консерваторіи—и только. Своего ничего нѣтъ. Музыку недостаточно играть правильно, даже по всѣмъ отмѣткамъ композитора. Ее надо понимать, и не столько понимать, сколько чувствовать, ощущать. Я не консерваторъ, а понимаю. Бѣдный неудачникъ! Мнѣ не везетъ въ жизни. Я обожаю музыку, благоговѣю передъ ней, но эта таинственная красавица съ задумчивой душой не любитъ меня. Я обожаю Анну, но эта дѣвушка съ задумчивыми глазами не любитъ меня. И такъ во всемъ. Минералогія, ужъ на что дама серьезная во всѣхъ отношеніяхъ и пренепріятная во многихъ, очень любитъ меня и привязалась ко мнѣ. А я ее не люблю! Занимаюсь нéхотя и, меня, можетъ быть, скоро вышибутъ изъ института. Тогда поступлю въ таперы. Трагизмъ въ томъ, что у каждаго есть весна. Расцвѣтъ мечтаній, увлеченій любви и страсти. „Слыхали ль вы за рощей темной пѣвца любви, пѣвца своей печали?“ —вдругъ пропѣлъ онъ, услыхавъ знакомую мелодію.—У меня не было весны, или я не умѣю ее въ себѣ почувствовать.

— Другую пластинку!

— Гм... Ужъ сколько я ихъ перемѣнилъ! Ну, извольте. Вы говорите: Мамаевъ, Мам...

— Перемѣните.

— Не годится и эта? Ну, такъ о чемъ бы? Нужно говорить. А то вы начнете зѣвать. Впрочемъ, вы и теперь зѣваете? „Ахъ, Анна, я тебя люблю!“

— Какъ вы смѣете!

— Позвольте, это изъ „Онѣгина“. И я это не сказалъ, а пропѣлъ. Пѣть все можно,—даже „Марсельезу“.

— Тамъ Ольга.

— Гдѣ?—сдѣлавъ видъ, что ищетъ глазами, спросилъ онъ.

— Какой вы глупый! Въ „Онѣгинѣ“.

— Ну, не могу же я васъ называть Ольгой, когда батюшка окрестилъ васъ Анной. Et puis après? Условимся: если я люблю васъ, то и смѣю говорить о любви. Tout comprendre, c'est tout pardonner. Если бы вы поняли меня...

— Отстаньте!

— Ну, вотъ, опять! Тогда пойдемте туда, гдѣ разбираются

высшіе государственные вопросы, и примемъ участіе въ преніяхъ. Нужно пріучаться къ парламенту. Уже робко и тихо—совсѣмъ piano-pianissimo—поговариваютъ о „Соборѣ". Здѣсь намъ дѣлать нечего. И очевидно—намъ вдвоемъ нѣтъ мѣста на земномъ шарѣ. Какъ хорошъ этотъ Marche Funèbre и какъ онъ его правильно играетъ! Хуже всего въ искусствѣ—это академизмъ и правильность. Не нужно ни того, ни другого. Нуженъ талантъ и больше ничего. Даже для флирта съ барышней. У меня его нѣтъ. То-есть, таланта. У меня ничего нѣтъ. Ну, дѣлать нечего. Возьмемъ лопату и пойдемъ дѣлать весну въ салонѣ Рекамье́. Боюсь, что когда настанетъ настоящая весенняя работа, то мы окажемся никуда негодными. Нельзя дѣлать новое дѣло со старыми дворниками, привыкшими къ старымъ порядкамъ. Пойдемъ.

Онъ всталъ, и она за нимъ.

Они вошли въ гостиную.

XVI.

Здѣсь политическій разговоръ былъ въ полномъ разгарѣ.

Вѣра Алексѣевна сидѣла на диванѣ, а кругомъ нея, въ креслахъ, на стульяхъ, сидѣли представители ея домашняго парламента.

— „Какая смѣсь одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній!"—сказалъ, входя съ Анной въ гостиную, Лубянскій.—И какъ всѣ по-русски спорятъ!—Онъ остановился у порога и театральнымъ жестомъ указалъ ей на говорившихъ, среди которыхъ поднялся въ эту минуту гамъ.—Всѣ говорятъ и никто не слушаетъ. Но тогда зачѣмъ говорятъ и для кого говорятъ, и съ кѣмъ говорятъ и кому говорятъ?

Какъ и тогда, въ театрѣ, Ольга сидѣла въ отдаленнѣйшемъ углу гостиной за стариннымъ трельяжемъ вдвоемъ съ Забѣлинымъ.

Въ ихъ лицахъ было что-то усталое, измученное, почти печальное. Такія лица бываютъ у влюбленныхъ, ясно сознавшихъ свою запылавшую любовь и принужденныхъ скрывать ее отъ посторонняго пониманія. Но истинная страсть всегда бурна, болтлива; ей хочется громко кричать, чтобы всѣ знали о ней, всѣ восхищались ею. А нужно было молчать, и это молчаніе было имъ тягостно.

Анна не любила салона своей матери и держалась отъ него

въ сторонѣ; она усѣлась съ Лубянскимъ неподалеку отъ Ольги съ Забѣлинымъ.

Анна давно уже замѣчала что-то ненормальное въ отношеніяхъ сестры къ Забѣлину и, конечно, очень скоро проникла въ тайну этихъ отношеній.

Сначала она очень не одобряла этого романа: онъ ей казался безнравственнымъ и грѣховнымъ. Какъ! Въ то время, какъ Леонидъ Егоровичъ на войнѣ испытываетъ всѣ трудности и лишенія похода, его жена заводитъ какой-то салонный романъ съ красивымъ адвокатомъ!

Неиспорченная еще душа Анны не могла освоиться съ этимъ страннымъ положеніемъ.

Ея вѣра въ любовь и ея любовь къ сестрѣ поколебались.

Что-то роковое, оскорбительное было во всемъ этомъ! И она чувствовала, какъ ея отношенія къ Ольгѣ становятся холодными, почти враждебными.

Она пробовала всесторонне освѣтить для себя этотъ новый вопросъ и говорила о немъ—очень осторожно—съ матерью, но мать уклонилась отъ разговора и сказала:

— Mêlez-vous de ce qui vous regarde.

Потомъ Анна говорила съ братьями.

Михаилъ отвѣтилъ:

— Я за свободу чувствъ и совѣсти. И то, и другое не поддаются нажиму. Всякій нажимъ производитъ совершенно обратное дѣйствіе. А любовь—такая штука... такая штука... безсмысленная штука! И потомъ...

Онъ взглянулъ на нее внимательно и вдругъ остановился.

— Ты еще дѣвчонка, ничего не понимаешь. И отстань.

Она обидѣлась, надулась.

— Вы всѣ считаете меня дурой и дѣвчонкой. Но мнѣ семнадцать лѣтъ, и, можетъ быть, я сама люблю.

Михаилъ захохоталъ.

— Ты?!

— Я. Это невозможно?

Онъ подумалъ.

— Нѣтъ, отчего же; пожалуй; все возможно. Кого?

— Много будешь знать, скоро состаришься,—сказала она ему и неожиданно для себя подумала о Мамаевѣ.

Въ первый разъ образъ Мамаева вдругъ всталъ въ ея воображеніи во всей своей прелести и въ перспективѣ возможности увлеченія имъ.

— Микробъ любви!—сказалъ Михаилъ.—Нашли время! На-

станетъ скоро время, когда надо будетъ думать не о любви. А вы всѣ позанялись флиртами. И Ольга больше всѣхъ.

— Что̀ ты хочешь сказать?

— Разное. Но это все равно. Ты—дѣвчонка еще. И это—твое счастье. Мужчинѣ теперь не до любви. И вотъ почему я не очень уважаю этого Забѣлина и всѣхъ остальныхъ, у которыхъ на умѣ любовь, въ то время какъ Россія страдаетъ отъ войны и ея лучшіе люди гибнутъ.

Анна пробовала говорить и съ Вадимомъ.

Вадимъ выслушалъ ее внимательно, затянулся папиросой, взялъ ее за подбородокъ и сказалъ:

— Ты, мордашка, молода и неопытна. Любовь зла—полюбишь и козла.

Больше онъ ничего не сказалъ, еще раза два затянулся и ушелъ отъ нея.

„Что̀ за вздоръ!—подумала она.—Забѣлинъ вовсе не уродъ, а, напротивъ, красавецъ".

Она опять вспомнила Мамаева, и ей стало какъ-то сладко на душѣ, потому что сердце забилось совершенно по новому.

И отношеніе къ Ольгѣ у нея вдругъ измѣнилось. Она стала къ ней какъ-то снисходительнѣе, мягче, бережнѣе. Только иногда, при особенно остромъ воспоминаніи о Натаровѣ, сердце ея сжималось, ей становилось жутко и недоброе чувство къ Ольгѣ овладѣвало вновь ея душой.

Усѣвшись съ Лубянскимъ въ уголку, она начала отъ скуки прислушиваться къ разговорамъ.

Говорила теперь Таиса Александровна, рѣдко наѣзжавшая въ Петербургъ.

Она жила въ орловской губерніи, въ своемъ имѣніи, гдѣ у нея была роскошная усадьба, домъ, наполненный драгоцѣнными коллекціями, земли и заводы.

Она всѣмъ этимъ управляла сама, тщательно слѣдила за поступленіемъ доходовъ и уменьшеніемъ расходовъ, вся погружалась въ матеріальные вопросы.

Кромѣ этихъ вопросовъ накопленія и наращенія благъ, для нея ничего больше не существовало.

Она начала увлекаться этимъ постепенно со времени утраты молодости, на границѣ зрѣлости. И, постепенно увлекаясь этимъ дѣломъ, она превратила его въ спортъ.

Отпадали друзья, черствѣло сердце, уходили въ даль духовные порывы. Она сидѣла въ своемъ родовомъ гнѣздѣ и копила; накопивъ, пріѣжала въ Петербургъ и вкладывала накопленное въ банкъ.

Иногда уѣзжала на короткій срокъ за-границу, гдѣ скучала. Скучала она и въ Петербургѣ. Она чувствовала себя хорошо только въ своемъ богатомъ помѣщичьемъ домѣ, среди коллекцій старинныхъ вазъ, гобеленовъ, картинъ и ювелирныхъ произведеній, которыя она цѣнила не по ихъ художественности, а по матеріальной цѣнности.

Она была старой дѣвой, и неизвѣстно было, для кого накапливала она эти богатства.

Вѣра Алексѣевна, въ глубинѣ души, думала, что для племянниковъ и племянницъ, и даже радовалась этому: ея дѣти будутъ хорошо обезпечены.

— Я не понимаю нашего времени,—ораторствовала Таиса Александровна.—Какой-то шумъ. О чемъ? Къ чему? Что нужно? Нужно одно: работать самому и умѣть заставлять работать другихъ. Не такъ ли? И когда всѣ будутъ работать, не станетъ времени для глупыхъ думъ и отвлеченныхъ мечтаній. Я такъ убѣждена.

— Я съ вами совершенно согласна,—заявила Бородина.— Я сама очень много работаю по благотворительности. Вотъ Николай Сергѣевичъ...—она указала на мужа, который курилъ съ сосредоточеннымъ видомъ, врядъ ли слыхалъ, о чемъ рѣчь и, вздрогнувъ при звукѣ его имени, чуть не выронилъ изъ рукъ папиросы.

— О, да!—съ необыкновенной поспѣшностью закивалъ онъ головой.—Да, да, это вѣрно...

Бородина презрительнымъ взглядомъ оглядѣла его.

— Что вѣрно? Для тебя, кажется, ничего въ мірѣ не существуетъ, кромѣ папиросъ. Ты врядъ-ли слыхалъ, о чемъ мы говорили.

— О, да!—началъ-было онъ по привычкѣ всегда во всемъ соглашаться съ супругой, но потомъ спохватился.—То-есть, какъ это не слыхалъ... Ну да, впрочемъ...

Но тутъ выручилъ его батюшка, отецъ Виѳанскій, обычный посѣтитель салона Кардановой.

Это былъ еще молодой человѣкъ, блондинъ, съ умнымъ лицомъ, выразительными глазами и спокойной, твердой рѣчью.

— Позвольте, уважаемая Таисія Александровна,—сказалъ онъ.—Вы говорите: работать и заставлять работать. Этого мало.

— Почему мало?

— Потому что надо знать, для чего работаешь?—это разъ. А во-вторыхъ, надо создать возможность работать. Свободу работы. Безъ свободы труда—трудъ будетъ непроизводителенъ.

— Что такое, что такое? — заволновалась Таиса Александровна.—Какая свобода труда? Зачѣмъ? Еще мало свободы? И это говоритъ духовное лицо? Вы знаете, — обратилась она къ окружающимъ ее за сочувствіемъ:—я перестала понимать, что вокругъ происходитъ. Я понимаю—чтобы ѣсть, надо работать и работать въ потѣ лица. Какъ это—свобода? Разъ я работаю, то я не свободна. И только несвободная работа можетъ быть производительна.

Батюшка сдѣлалъ удивленное лицо и хотѣлъ возразить, но Таиса Александровна замахала на него руками.

— Да, да, я утверждаю это. Вспомните такое же время, какъ вотъ сейчасъ надвигается. Всѣ говорили объ освобожденіи. Всѣ бредили этимъ. Былъ крѣпостной трудъ—и всѣ жили въ довольствѣ и хорошо. Добились освобожденія—что вышло? Мужики обнищали, опились, одичали; помѣщики разорились...

— Во всякомъ случаѣ не ты, матушка, — вполголоса сказалъ Калитинъ, невысокій человѣкъ въ синихъ очкахъ и длинныхъ, кудлатыхъ волосахъ, своему сосѣду Вешнякову.

И Калитинъ, и Вешняковъ посѣщали иногда этотъ салонъ. Оба писали въ газетахъ: Калитинъ—длинныя и скучныя статьи о народномъ хозяйствѣ въ крайне радикальномъ духѣ, за каковыя часто былъ высылаемъ изъ Петербурга для совершенія краткихъ путешествій въ Финляндію, Псковъ и другія не столь отдаленныя мѣста; Вешняковъ писалъ: „взгляды и нѣчто“ въ умѣренномъ духѣ обо всемъ, о чемъ угодно. Это былъ памфлетистъ „съ короткими строчками“, писавшій бойко, иногда остроумно, но поверхностно.

— Кое-что вѣрно въ ея словахъ,—возразилъ Калитину Вешняковъ.

Но тотъ, тряхнувъ кудрями, не обратилъ на него вниманія и обрушился на Таису Александровну.

— Позвольте, почтеннѣйшая Таиса Александровна, — сказалъ онъ сухимъ, деревяннымъ голосомъ, въ которомъ не было и признаковъ возмущенія, овладѣвшаго имъ.—Вы говорите nonsens'ы, простите меня. Помѣщики разорились, а мужички одичали вовсе не изъ-за факта освобожденія труда и личности.

— А изъ-за чего?

— А изъ-за режима. При такомъ режимѣ такъ и должно было быть. Иначе и не могло быть.

— Какой же нуженъ режимъ? Анархія что-ли? — грубоватымъ и презрительнымъ тономъ, еле взглянувъ на Калитина, проговорила Таиса Александровна.—Я васъ очень мало знаю,—

продолжала она, давая намекъ, что ему не слѣдовало вмѣшиваться въ ея разговоръ,—какъ и вы меня, но слыхала, что вы проповѣдуете въ своихъ статейкахъ — терроръ противъ помѣщиковъ.

Вешняковъ хихикнулъ.

— Хороши „статейки"! — сказалъ онъ сосѣду, Бравину.— Ни одной—меньше печатнаго листа. И это въ газетѣ!

— Такъ вы бы почитали,—язвительнымъ голосомъ отвѣтилъ ей Калитинъ. — Тогда, можетъ быть, и не говорили бы столь голословно.

— Недосугъ мнѣ, батюшка, заниматься чтеніемъ всякихъ вашихъ измышленій. Да и что̀ вычитаешь? Все то же. Свобода, свобода! А кому, зачѣмъ она нужна? Вотъ у насъ былъ кузнецъ въ домѣ. Тоже въ тѣ времена кричалъ, сказывали,—свобода!— рвался на свободу; а какъ выпустили его изъ усадьбы на всѣ четыре стороны, черезъ мѣсяцъ пришелъ съ подбитыми крыльями и въ дворню попросился. Только, говоритъ, дайте три цѣлковыхъ въ годъ жалованья, чтобы, молъ, служилъ какъ бы свободнымъ за вознагражденіе, а не какъ раньше, крѣпостной.

— Немудрено! — отвѣтилъ, злобно усмѣхаясь, Калитинъ.— Держали рабомъ до старости, а потомъ вышвырнули на всѣ четыре стороны.

— Это все оттого,—перебилъ его Бравичъ, — что освобожденіе было совершено безъ подготовки. Такія реформы нужно долго, медленно, тщательно подготавливать. Вести къ освобожденію постепенно.

— Не такъ ли, какъ у васъ въ министерствѣ подготавливаютъ доклады?—съ насмѣшкой спросилъ Калитинъ.

— А непремѣнно. Всестороннее освѣщеніе, ознакомленіе со всѣми деталями, тщательное обсужденіе. Къ свободѣ нужно воспитать людей. А не такъ вдругъ, открыть всѣ двери и сказать:—вы свободны. Нѣтъ, я за постепенность, уважаемый мой публицистъ,—извините, имени, отчества не знаю. Я за постепенность. А это, что̀ говорятъ о веснѣ—вздоръ-съ! Не бываетъ весны осенью. И жалѣю того, кто повѣритъ въ такое противоестественное перемѣщеніе сезоновъ-съ. Надо ихъ перемѣщать въ порядкѣ естественнаго чередованія, а не извращать законы природы, хотя бы символически, и законы историческіе.

— Напишите объ этомъ докладную записку, — фыркнувъ, сказалъ Калитинъ, и рѣшительно отвернулся отъ чиновника, начавъ прислушиваться къ тому, что̀ говорили около него сосѣди.

Одинъ изъ нихъ, высокій и сухой, съ огромной бородой и

очками изъ толстыхъ стеколъ на близорукихъ и подслѣповатыхъ глазахъ, разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ при представленіи новому министру.

— Онъ черезчуръ простъ въ обращеніи,—говорилъ онъ,— и это несомнѣнный минусъ. Министръ долженъ импонировать. А онъ садится за столъ и угощаетъ кофеемъ фотографа, пришедшаго къ нему, чтобы его снять. И все это вздоръ—провозглашенное имъ довѣріе и прочее. Онъ погубитъ этимъ Россію и себя. Не довѣріе нужно, а, напротивъ, полнѣйшее недовѣріе. Только когда подозрѣваешь, тогда можно и оградить себя. Вотъ я вышелъ въ толпу и всѣмъ довѣряю. Ну, ясно, съ меня снимутъ часы и вытащатъ кошелекъ. Вездѣ вѣдь хулигановъ много. А ежели я не довѣряю, то я буду остороженъ, и никто у меня ничего не вытащитъ, и я вернусь домой съ часами и кошелькомъ.

— Но позвольте, г. Бояриновъ,—вступилъ опять въ разговоръ возмущавшійся Калитинъ.—Не всѣ же хулиганы, и нельзя смотрѣть на общество, какъ на сборище хулигановъ.

— Всѣ-съ! — съ необыкновенной горячностью воскликнулъ Бояриновъ: — всѣ-съ! И это до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано, что вы не хулиганъ. Для меня каждый человѣкъ — мошенникъ, пока онъ не докажетъ противнаго.

Калитинъ сталъ злобно хохотать и сквозь свои синіе очки смѣрилъ взглядомъ говорившаго, съ головы до ногъ.

— Но вы это серьезно?

— Вполнѣ.

— Ну, такъ намъ и говорить не о чемъ. Это, дѣйствительно, новый взглядъ. На Западѣ существуетъ другой взглядъ: всѣ— люди, и каждый человѣкъ заслуживаетъ довѣрія, пока онъ не совершилъ преступленія. Нельзя принимать мѣръ противъ того, что не совершено. Это будетъ произволъ и насиліе. Не могу я васъ привлечь къ отвѣтственности за то, что, можетъ быть, у васъ мелькнула въ головѣ мысль обокрасть меня. Вы обкрадите, тогда я привлеку.

— Тогда ужъ будетъ поздно.

— Я знаю одно,—прервалъ ихъ Толоконниковъ,—что, кажется, настанетъ скоро время, когда изъ Россіи надо будетъ бѣжать.

— Почему?—спросилъ Калитинъ.

— Я не знаю. Я вѣдь только помѣщикъ; у меня семья, дѣти. Я обязанъ заботиться о нихъ, не такъ ли? А жить стало какъ-то страшно. Богъ знаетъ, что будетъ. Всѣ испуганы. И я испуганъ.

Вокругъ засмѣялись.

— Да чѣмъ же?

— Всѣмъ. И войной, и вотъ еще чѣмъ-то, чего я не понимаю. Но что-то носится. Я здѣсь временно, по дѣламъ. А что дѣлается тамъ, на мѣстахъ? Какое-то шевеленье, словно, знаете, какъ въ березѣ, побѣжали весенніе соки. И это страшно, это пугаетъ. Я чувствую, что я испуганъ. А вдругъ—пугачевщина?

XVII.

Карданова, не принимавшая участія въ общемъ разговорѣ, воспользовалась паузой, происшедшей вслѣдствіе того, что горничная и лакей стали разносить чай, и сказала:

— Вы, monsieur Толоконниковъ, слишкомъ напуганы. У васъ большая семья и небольшое имѣніе. Въ этомъ—все объясненіе. Я прислушивалась ко всѣмъ нашимъ разговорамъ и удивлялась. По моему, только мы, русскіе, способны такъ много и... извините меня, такъ безтолково говорить—о чемъ?—я не знаю. Обыкновенно можно говорить опредѣленно, объ опредѣленныхъ вещахъ. Но намъ, обществу, бросили какой-то туманный, общій символъ: „весна“. Что такое весна? Весны разныя бываютъ: дождливыя, ненастныя, холодныя. А наша сѣверная весна—каррикатура южныхъ зимъ. И потомъ — „довѣріе“. Что такое? Я не понимаю, о чемъ тутъ спорить, ссориться, негодовать, восхищаться, куда-то бѣжать, что-то спасать, на что-то надѣяться? Нужно ожидать поступковъ правительства, его дѣйствій. А до тѣхъ поръ я считаю, что все по-прежнему. Реформъ нѣтъ еще и въ поминѣ, да никто изъ правящихъ и не заикается о нихъ. Чего же вы такъ разволновались, милостивые государи?

Она всегда такъ говорила, общими фразами, неопредѣленными рѣчами, потому что еще никакъ не могла разобраться, къ какому лагерю ей надо примкнуть.

Сынъ-студентъ у нея былъ либераломъ, сынъ-офицеръ—консерваторомъ, въ самыхъ общихъ, неопредѣленныхъ чертахъ, какими были всѣ вообще до сихъ поръ на Руси.

Но братья, при различіи этихъ общихъ взглядовъ, жили очень дружно, и ихъ убѣжденія какъ-то мирно уживались одно рядомъ съ другимъ. Ольга, старшая дочь, замужемъ за офицеромъ, не имѣла, кажется, никакихъ политическихъ взглядовъ и вся была поглощена флиртомъ—или настоящей любовью—и въ этомъ Карданова еще не могла разобраться — къ Забѣлину.

Анна была еще совсѣмъ юной дѣвушкой, и мать тщетно старалась выяснить себѣ свой взглядъ на современное положеніе по взглядамъ молодежи.

Но ничего опредѣленнаго изъ этого не получалось.

Она только успѣла понять, что каждый членъ ея семьи занятъ своими мелкими, личными дѣлами и дѣлишками, мало интересуясь общимъ положеніемъ родины, несмотря на такое событіе первостепенной важности, какъ война съ Японіей, несмотря даже на то, что на войну эту пошелъ мужъ Ольги.

И Карданова нѣсколько недоумѣвала: что̀ это? Непривычка къ общественности? Индифферентизмъ? Или что̀ другое?

Изъ салонныхъ разговоровъ она тоже немногое могла уяснить себѣ.

Валер. Свѣтловъ.

КАВКАЗЪ

и

КАВКАЗСКІЕ НАМѢСТНИКИ

Назначеніе графа И. И. Воронцова-Дашкова кавказскимъ намѣстникомъ, при настоящихъ политико-экономическихъ условіяхъ края, породило много толковъ, въ особенности среди кавказскаго населенія.—Нѣкоторая часть общества привѣтствуетъ эту мѣру, какъ актъ величайшей государственной мудрости, а другіе утверждаютъ, что при существованіи телеграфа и желѣзныхъ дорогъ нѣтъ надобности обращаться къ административнымъ формамъ далекаго прошлаго, и что эта мѣра не принесетъ государству никакихъ существенныхъ выгодъ, хотя значительно возвыситъ расходы на администрацію края.

Можетъ быть, возстановленіе намѣстничества на Кавказѣ доказываетъ особое вниманіе къ нему со стороны правительства.— Но чѣмъ же вызывается подобное вниманіе?—Очевидно, соображеніями чисто экономическаго характера, такъ какъ экономическій строй въ этомъ краѣ никого не удовлетворяетъ, тогда какъ въ этомъ отношеніи мы всегда возлагали на край самыя радужныя надежды. На чемъ онѣ основаны,—это пока остается загадкой.

Нѣтъ надобности доказывать, что отъ экономической оцѣнки той или другой государственной области зависитъ въ наибольшей степени судьба послѣдней. Слишкомъ высокая экономическая оцѣнка Кавказа, собственно Закавказья, уже болѣе ста лѣтъ заставляла наше правительство согласовать свою внутреннюю политику въ краѣ съ такой оцѣнкой. Если экономическіе рессурсы

Закавказья слишкомъ обширны, то внимательное отношеніе къ нему правительства являлось неизбѣжнымъ и необходимымъ. Въ противномъ случаѣ, наше вѣковое исключительное вниманіе къ Закавказью было роковой ошибкой, которую повторять было бы нежелательно.

I.

Цѣнители Кавказскаго края.

Въ концѣ истекшаго года, въ газетахъ появилась статья В. С. Кривенко, подъ заглавіемъ: „Кавказъ", гдѣ авторъ выражалъ такую мысль: „Еслибы подобно Закавказью и Сѣверный Кавказъ съ Дагестаномъ также быстро признали русское подданство, то, вѣроятно, въ настоящее время наша южная окраина представляла бы собою драгоцѣннѣйшій брилліантъ, а не тотъ тусклый алмазъ, какимъ онъ остается до сихъ поръ". — Но почему?— спросимъ мы. Развѣ мало прошло времени для надлежащей шлифовки этого алмаза? Кавказская война закончилась въ 1862 году, а слѣдовательно Закавказье пользуется миромъ и спокойствіемъ уже около полувѣка. Періодъ времени не малый, и потому, казалось бы, достаточно было времени, чтобы двинуть культуру края по пути экономическаго прогресса, если только въ этомъ краѣ имѣются на лицо условія для того.

Кавказъ является, дѣйствительно, тусклымъ алмазомъ, но и въ этомъ видѣ онъ представляетъ самъ по себѣ большую цѣнность. Позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующій вопросъ: почему нашъ авторъ приравниваетъ Кавказъ къ алмазу, а не простому рѣчному булыжнику, цѣна котораго совсѣмъ другая?.. Нужны, какъ за, такъ и противъ, серьезныя, обоснованныя на фактахъ, доказательства, а такихъ доказательствъ у автора мы не находимъ.

Сказалъ ли г. Кривенко въ этомъ случаѣ что-либо новое? Нѣтъ!—Это говорилось давно. Высокая и даже слишкомъ высокая оцѣнка экономическихъ рессурсовъ Кавказа и Закавказья имѣетъ свою спеціальную исторію,—потому мы и считаемъ нужнымъ остановиться на ней.

Первымъ цѣнителемъ экономическихъ рессурсовъ Кавказа является бывшій камергеръ двора императора Павла, графъ Мусинъ-Пушкинъ.

Во второй половинѣ 1799 года, онъ доказывалъ, что Кавказскія горы—это та Колхида, о которой повѣствуютъ греческія легенды; что горы эти заключаютъ въ себѣ руды разныхъ дра-

гоцѣнныхъ металловъ; что стоитъ за это дѣло взяться съ надлежащей энергіей, и въ предѣлы Россіи польются неизсякаемыя матеріальныя богатства. Графъ Мусинъ-Пушкинъ вѣрилъ въ реальность своихъ предположеній и успѣлъ внушить эту вѣру императору Павлу. Успѣхъ Мусина-Пушкина объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что политика толкнула Россію за трудно проходимыя Кавказскія горы; что этотъ политическій замыселъ вызывалъ чрезвычайные расходы, которые въ то время были слишкомъ тяжелы для русской казны, а потому надежда на возможность пополнить эти расходы за счетъ Кавказскихъ горъ была крайне соблазнительной для правительства. И вотъ, мы читаемъ предложеніе, данное 17 октября 1799 г., на имя предсѣдателя бергъ-коллегіи: „Его императорское величество, высочайше позволяя камергеру гр. Мусину-Пушкину отправиться, по его желанію, въ видѣ путешественника, къ Кавказскимъ горамъ, для изысканія рудъ благородныхъ металловъ, высочайше повелѣть соизволилъ въ помощь ему, графу Мусину-Пушкину, дать по его выбору, изъ принадлежащихъ вѣдомству бергъ-коллегіи, двухъ добраго поведенія офицеровъ, знающихъ горное дѣло, и столько же бергъ-гагеровъ для шифрованія“. Отъ того же 17 октября, высочайшій рескриптъ генералу Кноррингу: „Камергеръ гр. Мусинъ-Пушкинъ, изъ усердія къ пользѣ нашей, просилъ нашего позволенія отправиться, въ видѣ путешественника, въ Кавказскія горы, для изысканія рудниковъ благородныхъ металловъ; соглашаясь на таковое похвальное его намѣреніе, повелѣваю вамъ дѣлать ему по начальству вашему, по линіи Кавказской, всевозможныя вспоможенія и предохранять его, сколь возможно вамъ будетъ, отъ опасностей сего предпріятія“.

Проходитъ годъ; надежды на горныя богатства Кавказа не ослабѣваютъ,—напротивъ, все больше и больше поглощаютъ вниманіе правительства. Первое донесеніе гр. Мусина-Пушкина читается лично государемъ, причемъ императоръ Павелъ пишетъ собственноручно, 8 октября 1800 г.: „Въ разсужденіе осмотра вами чинимаго, по вещамъ до горной части касающимся, повелѣваю: 1) касательно рудниковъ въ Грузіи находящихся и кои удобно быть-можетъ обратить въ пользу государства, вступить въ трактованіе съ царемъ грузинскимъ о кондиціяхъ, но не приступая къ заключенію по онымъ, прежде мнѣ донесть. 2) О горной минерализаціи Казбекскихъ горъ ожидать имѣете отзывы къ вамъ бергъ-коллегіи и равномѣрно съ нею сноситься въ разсужденіи трехъ офицеровъ, въ коихъ вы, по части вамъ порученной, какъ пишете, имѣете нужду. И на осмотръ вамъ бу-

дущею весною въ окрестностяхъ Эльборуса и каменнаго мѣста горъ, а осенью близь Каспійскаго моря лежащихъ, я соизволяю. О подаркахъ, какія нужны вамъ для князей горскихъ и прочихъ, повелѣніе уже дано генералъ-прокурору, которые къ вамъ и будутъ доставлены"...

Съ воцареніемъ Александра I-го, наступаетъ второй періодъ дѣятельности гр. Мусина-Пушкина; отъ словъ онъ переходитъ къ дѣлу, хотя возможно было ожидать, что призванные къ управленію судьбами имперіи новые люди вопросъ о Грузіи и дѣйствіяхъ гр. Мусина-Пушкина въ Кавказскихъ горахъ заново пересмотрятъ и разрѣшатъ его съ надлежащей осмотрительностью. Такъ и было поступлено въ отношеніи вопроса чисто политическаго—о присоединеніи Грузіи въ предѣламъ имперіи. Интриги грузинскихъ царевичей, бунты со стороны вліятельныхъ князей и духовенства давали поводъ отказаться въ пользу прямыхъ наслѣдниковъ отъ бѣдной, разоренной и крайне отдаленной Грузіи, безъ ущерба политическому престижу Россіи. Александръ I склонялся на такой политическій шагъ, но его удержало отъ подобной мѣры указаніе генерала Кнорринга на то обстоятельство, что единовѣрный грузинскій народъ, народъ угнетенный, ждетъ отъ русскаго императора защиты и спасенія его отъ притѣснителей, и что Грузія богата рудами благородныхъ металловъ, которые не разработываются, при чемъ грузинская казна получаетъ ежегодно разныхъ доходовъ до 240.000 р. сер. Трудно утверждать, но также трудно и отрицать, что на рѣшеніе императора Александра въ этомъ важномъ вопросѣ не имѣли хотя бы косвеннаго вліянія толки о минеральныхъ богатствахъ, хранящихся въ нѣдрахъ Кавказскихъ горъ. Объ этихъ сокровищахъ уже докладывалъ ему неоднократно гр. Мусинъ-Пушкинъ, который внесъ даже по этому предмету особый докладъ въ государственный совѣтъ; о нихъ говорятъ послы грузинскаго царя и, наконецъ, о тѣхъ же сокровищахъ доносилъ ген. Кноррингъ, лично осматривавшій грузинское царство. Въ рескриптѣ на имя послѣдняго императоръ Александръ, 12 сентября 1801 г., указываетъ: „Сборы государственные въ казну и особо царскому дому прежде принадлежавшіе, привести въ такое положеніе, чтобы все то, что, кромѣ хлѣба, натурой прежде собиралось, обращено могло быть въ сборъ хлѣбный, по мѣрѣ надобности онаго къ продовольствію войскъ, остальное разсчитать въ подать денежную, наблюдая, однако, преимущественно, что бы сіе новое распоряженіе не только не произвело излишняго отягченія жителямъ, но и подавало бы имъ всевозможное облегченіе въ ихъ

упражненіяхъ"... „Вникая въ часть хозяйственную попечительнымъ окомъ, не оставьте вы безъ вниманія и прочія статьи, доходы приносящія, стараясь о пріумноженіи оныхъ елико возможно, безъ отягченія и стѣсненія народнаго, способомъ одобренія и распространенія въ землѣ торговли, ремеслъ, земледѣлія и скотоводства. Часть горная въ Грузіи, составляя свою важность, должна обратить на себя особое вниманіе. Мы предположили поставить ее тамъ въ лучшее устройство и на сей конецъ назначаемъ знатные капиталы въ распоряженіе тайнаго совѣтника гр. Мусина-Пушкина, коему приведеніе этой части въ желанный порядокъ, а равно и утвержденіе битья монеты отъ насъ препоручается и что ему отъ насъ предписано будетъ, то въ свое время и вамъ сообщится".

Этимъ повелѣніемъ императоръ Александръ I устанавливаетъ планъ хозяйственныхъ дѣйствій въ Грузіи, причемъ послѣдній подраздѣляется на двѣ самостоятельныя группы: нормальное хозяйственное управленіе Грузіей вручается бдительному оку главнокомандующаго, а управленіе исключительное, какъ бы неотносящееся къ Грузіи, — хозяйство горное,—поручается спеціально гр. Мусину-Пушкину.

Интересенъ результатъ этой внутренней политики: указомъ правительственному сенату, въ 19 день ноября 1801 года, императоръ Александръ I повелѣлъ: 1) „Какъ главная препона успѣшному дѣйствію заводовъ грузинскихъ состоитъ въ недостаткѣ при нихъ знающихъ свое дѣло мастеровъ, почему будущій успѣхъ заводовъ долженъ основываться на томъ, чтобы снабдить оные, на первый случай, искусными горными заводскими служителями, то и предоставить гр. Мусину-Пушкину выбрать лично, часть изъ Колывано-Воскресенскихъ, часть же изъ прочихъ сибирскихъ заводовъ, потребныхъ ему людей. — Для производства выковки нужнаго заводскому дѣйствію желѣза на небольшихъ горнахъ кричными кузнецами, дать ему 6 человѣкъ таковыхъ мастеровъ, дабы сверхъ того главнаго предмета и сей видъ ковки ввести въ Грузіи въ употребленіе. 3) Для письмоводства и переписки откомандировать въ вѣдомство гр. Мусина-Пушкина изъ чиновниковъ, при бергъ-коллегіи состоящихъ, пять человѣкъ. 4) Капиталъ нужный на осмотръ заводовъ и горную развѣдку, въ теченіи будущаго года, также на награжденіе новымъ рудопріискателямъ, на подарки и угощеніе тѣхъ изъ князей, дворянъ и обывателей, съ коими гр. Мусинъ - Пушкинъ въ сношеніяхъ находиться будетъ, всего 12.000 руб., отпустить изъ доходовъ грузинскихъ. Но какъ на счетъ сей суммы нужны будутъ, еще

до отправленія туда, разныя здѣсь на мѣстѣ издержки, то повелѣли мы отпустить 5.000 р. сер. изъ кабинета нашего, которые и возвратить потомъ изъ грузинскихъ доходовъ. 5) Потребную же, на содержаніе чиновниковъ, мастеровыхъ и рабочихъ людей, къ сей экспедиціи назначенныхъ, сумму какъ на жалованье, которое имъ производить серебромъ, такъ и состоящимъ не въ штабъ- и оберъ-офицерскихъ чинахъ, на провіантъ, по справочнымъ цѣнамъ, натурою или деньгами, выдавать на счетъ прибавочной на чугунъ подати изъ нашего кабинета, сообразно тому, какъ сіе предписано указомъ 16 іюля сего года о чинахъ, состоящихъ уже при графѣ Мусинѣ-Пушкинѣ, такъ и командированнымъ туда чиновникамъ, мастеровымъ и рабочимъ отпускать изъ помянутой прибавочной на чугунъ пошлины, равно какъ и издержки, потребныя на доставленіе отсюда въ Тифлисъ и къ Алавертскому заводу нужныхъ матеріаловъ и орудій".

Въ высочайшемъ рескриптѣ на имя гр. Мусина-Пушкина, отъ того же 19 ноября, выражено монаршее желаніе о скорѣйшей постановкѣ горнаго дѣла въ Грузіи на широкую ногу. Этотъ рескриптъ заключенъ слѣдующими милостивыми словами монарха: „Неоднократные опыты отличнаго вашего усердія къ службѣ, ревностныхъ трудовъ и любви къ отечеству удостовѣряютъ меня заблаговременно, что вы сей новый подвигъ предпріемлете съ обыкновенною вамъ дѣятельностью, увѣнчаете съ желаннымъ успѣхомъ и удостоитесь совершеннаго моего благоволенія".

На 1803 годъ гр. Мусинъ-Пушкинъ испросилъ, кромѣ жалованья, при немъ состоявшимъ офицерамъ, чиновникамъ, мастеровымъ и служителямъ, изъ средствъ государственнаго казначейства, 80.000 руб. сер., каковое его ходатайство было безпрекословно уважено. Въ то же время гр. Мусинъ-Пушкинъ возбуждаетъ вопросъ о необходимости дать ему средства на постройку въ Тифлисѣ казенныхъ зданій такихъ размѣровъ, которые позволили бы размѣстить въ этихъ зданіяхъ, какъ горное управленіе, такъ и служащихъ при немъ. Зашелъ, наконецъ, вопросъ объ охранной стражѣ для горныхъ работъ, что видно изъ высочайшаго рескрипта на имя ген. Кнорринга, отъ 26 августа 1802 г.: „Управляющій экспедиціей для учрежденія горнаго въ Грузіи производства, т.-е. гр. Мусинъ-Пушкинъ, представляетъ, что какъ внутреннія безпокойства теперь въ ономъ краѣ не только не прекращаются, но еще и усиливаются, то непремѣнно нужно, чтобы для прикрытія заводовъ и горныхъ работъ вообще имѣть хотя одинъ полкъ казачій и одинъ бата-

ліонъ регулярныхъ войскъ съ приличнымъ количествомъ орудій, которыя и должны находиться въ совершенномъ его распоряженіи. А какъ указомъ 19 ноября 1801 г. предписано было вамъ сдѣлать съ помянутымъ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ общее положеніе, между прочимъ и въ разсужденіи обороны заводовъ, то и повелѣваю вамъ, по предварительномъ съ нимъ сношеніи, распорядиться сообразно надобности и обстоятельствамъ къ охраненію и совершенной безопасности горнаго производства".

Въ томъ же году гр. Мусинъ-Пушкинъ уже признаетъ испрошенные имъ на работы 1803 г. 80.000 руб. недостаточными, недостаточнымъ—и то количество войскъ, какое онъ первоначально испрашивалъ; а потому онъ входитъ съ дополнительнымъ представленіемъ, коимъ испрашиваетъ на тотъ же 1803 годъ 250.000 р. и ходатайствуетъ объ образованіи особаго корпуса войскъ для охраны горныхъ заводовъ. На это представленіе послѣдовалъ, отъ 25 ноября 1802 г., нижеслѣдующій высочайшій рескриптъ: „Докладъ вашъ отъ 28 сентября сего года, ко мнѣ изъ Тифлиса присланный, о новыхъ предположеніяхъ по тамошнему горному производству, для котораго требуется прибавка суммъ и учрежденіе вооруженнаго горнаго корпуса, я читалъ. При всѣхъ выгодахъ, какія тутъ представляются, не нахожу я однако же удобности на сей разъ онаго въ дѣйствіе производить, а потому и препоручаю вамъ, до дальнѣйшаго впредь усмотрѣнія, будущій 1803 г. ограничиться въ тѣхъ 80.000 р., кои вы сами, по представленію, отъ 12 іюня, на сіе назначили и указомъ отъ 25 августа сего года вамъ опредѣлены, стараясь по мѣрѣ того и работы всѣ расположить".

Двойственность цѣлей, какія преслѣдовало правительство въ Грузіи, въ свою очередь внесла двойственность въ систему финансоваго управленія краемъ: одновременно въ бывшей Грузіи русское правительство поставило себя въ положеніе хозяина, который заботится преимущественно объ интересахъ вновь присоединенной къ имперіи области, не эксплоатируетъ послѣдней, а лишь хлопочетъ, чтобы обыкновенныхъ доходовъ отъ этой области хватало на удовлетвореніе расходовъ по администраціи края. Въ то же время русское правительство въ послѣднемъ заняло мѣсто частнаго капиталиста-предпринимателя. Оно не жалѣетъ денегъ на разработку горныхъ богатствъ, эти деньги расходуются за счетъ русскаго народа, въ надеждѣ, конечно, что барыши отъ этого частнаго предпріятія съ избыткомъ покроютъ всѣ расходы на содержаніе русскихъ войскъ и сдѣлаютъ без-

убыточной рискованную политику въ этомъ далекомъ отъ Россіи, но многообѣщающемъ краѣ.

Гр. Мусинъ-Пушкинъ съ 1803 г., желая доказать, что горное дѣло въ Закавказьѣ можетъ идти за счетъ собственныхъ прибылей, какъ видно изъ высочайшаго указа, отъ 2-го октября 1803 г., установилъ слѣдующій способъ полученія казенныхъ денегъ: „Договорныя статьи, вами заключенныя съ помѣщиками-заводскими и съ греческими рудопромышленниками, при заводахъ обитающими, во всемъ ихъ пространствѣ, утверждаю; согласенъ и на покупку лорійскаго уѣзда у владѣтельнаго карабахскаго мелика Джимшида Шахназарова за просимую имъ цѣну 6.000 руб., производимою на тамошнихъ заводахъ мѣдью, по торговымъ въ Тифлисѣ цѣнамъ, для заселенія того уѣзда новыми вышлецами греческаго и армянскаго народа, равно какъ и на мнѣніе ваше относительно заводовъ, чтобы очищенную на заводахъ мѣдь вносить въ тамошнюю казенную экспедицію, а заводамъ на мѣсто того за каждый грузинскій пудъ, мѣрою 43 фун. 67 золотниковъ россійскаго вѣсу составляющій, получать черезъ каждые 4 мѣсяца, по пріемнымъ отъ экспедиціи квитанціямъ, изъ астраханской казенной палаты по 10 р. серебряною монетою, которыми деньгами и производить уже всѣ обороты заводскіе, не требуя на то новыхъ суммъ, предоставляя, впрочемъ, сдѣлать вамъ общее съ главнокомандующимъ Грузіи, кн. Ціановымъ, положеніе, какими людьми производить заводскія работы, доколѣ заселеніе лорійскаго уѣзда не сдѣлаетъ таковое распоряженіе излишнимъ“. Гр. Мусинъ-Пушкинъ нашелъ въ лицѣ казны надежнаго покупателя мѣди, которая получалась на заводѣ, но которую не представлялось возможности сбывать въ предѣлахъ края.

Дѣятельность гр. Мусина-Пушкина была прекращена смертью его, которая послѣдовала въ 1805 г. въ Тифлисѣ. По обыкновенію, послѣ его смерти начали всесторонне обсуждать то, что было имъ сдѣлано при жизни. Кн. Циціановъ, ни единымъ словомъ не упоминавшій раньше о горныхъ работахъ въ краѣ, 10 іюля 1805 г., за № 773, донесъ гр. Васильеву, „что Мусинымъ-Пушкинымъ на жалованье и другія издержки употребляется несоразмѣрная приходамъ сумма“... „Мѣдь никѣмъ изъ промышленниковъ не покупается, по причинѣ нековкости оной, которая, будучи отдаваема въ казенную экспедицію верховнаго грузинскаго правительства, по квитанціямъ коей горное начальство получаетъ изъ астраханской казенной палаты за оную плату, остается, какъ думаю, совсѣмъ не проданною, и казна

несетъ убытки. Не могу умолчать и о томъ, что необходимо нужно прислать сюда старшаго и безпристрастнаго чиновника для личнаго и мѣстнаго обозрѣнія и разсмотрѣнія, какъ способности выдѣлки здѣшнихъ рудъ, такъ и пользы государственной, оттого быть имѣющей, ибо я въ дѣлѣ семъ не знающъ; знаю только то, что много десятковъ тысячъ изъ астраханской казенной палаты отпущено и отпустить должно, а не продано и на 10 тыс. руб. Слышалъ также отъ горнаго начальства офицеровъ, что чинаровый уголь неспособенъ къ большой печи и большой расплавкѣ столько, сколько дубовый, а потому удовлетворительно, по долгу званія моего и присяги, сдѣлать заключеніе, что покойный гр. Мусинъ-Пушкинъ, при первомъ обозрѣніи рудниковъ, не видалъ лѣсовъ, а послѣ закрывалъ стыдъ своего невѣжества". Получивъ это донесеніе, министръ финансовъ всеподданнѣйше доложилъ: „Мѣди очищенной въ казенную экспедицію поступило 7.690 пудовъ грузинскаго вѣса; слѣдовательно, астраханская казенная палата должна отпустить горному начальству 76.900 р., въ число коихъ уже болѣе половины получено, выручено же за мѣдь, по 11 сентября, только 4.800 руб.; слѣдовательно, еще болѣе 70.000 руб. остается въ однѣхъ графахъ".

Смерть гр. Мусина-Пушкина поколебала надежды на минеральныя богатства Кавказскихъ горъ, и въ то же время доказала, что увлеченія этими проблематическими надеждами вовлекли казну въ значительные непроизводительные расходы.

Но со смертью гр. Мусина-Пушкина,—очевидно, идеалиста и мечтателя,—не умерли надежды, что Кавказскія горы, рано или поздно, сторицею возвратятъ то, что̀ на долю Закавказья удѣлитъ русскій народъ. Надежды Мусина-Пушкина заключались въ простой возможности найти въ Кавказскихъ горахъ богатый пластъ золотой или серебряной руды; эти надежды не осуществились, но онѣ не исчезли, а лишь видоизмѣнили свой характеръ.

Горное управленіе съ того времени продолжало существовать на Кавказѣ, принося казнѣ только убытки, а въ письмѣ генерала Канкрина къ генералу Сипягину, отъ 27 сентября 1827 г., за № 11, читаемъ: „по найденнымъ въ кабинетѣ блаженной памяти государя императора Александра Павловича бумагамъ покойнаго вице-президента бергъ-коллегіи гр. Мусина-Пушкина, нынѣ благополучно царствующему государю императору благоугодно было изъявить желаніе знать, что̀ по онымъ бумагамъ заключитъ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ и не полезно ли будетъ снова обратить вниманіе на Кавказскія

горы"... „Судя по сказаніямъ древнихъ и новыхъ писателей, горы Кавказскія и вся вообще полоса между Чернымъ и Каспійскимъ морями должна заключать въ себѣ разнаго рода металлы; въ особенности Мингрелія, Имеретія и Гурія, извѣстная въ древности подъ именемъ Колхиды, вѣроятно, изобилуютъ даже драгоцѣнными ископаемыми, и что по всему этому, несмотря на прежнія неудачи, надлежитъ преслѣдовать во всемъ тамошнемъ краѣ горныя развѣдки, и что департаментъ полагаетъ ежегодно отпускать на это по 20.000 руб. ассигнаціями". Скоро эти 20.000 превратились въ 35.000 руб. сер., и этотъ отпускъ неизмѣнно и ежегодно продолжается до настоящаго времени, безъ какихъ бы то ни было теоретическихъ или практическихъ результатовъ. Надежды на минеральныя богатства Кавказскихъ горъ не оправдались, но казна на разысканіе ихъ понесла весьма значительные денежные расходы.

Кн. Циціановъ, второй главнокомандующій на Кавказѣ, воочію убѣдился въ безнадежности разсчетовъ на минеральныя богатства Кавказскихъ горъ. Отказаться отъ подобныхъ надеждъ и трезво посмотрѣть на край, оцѣнивъ его по достоинству, было равносильно низведенію этого края на уровень курской, орловской или другой какой-либо изъ внутреннихъ губерній Россіи, что равносильно было упраздненію со стороны правительства исключительной заботливости объ этомъ краѣ. Но князь Циціановъ нашелъ изъ такого положенія прекрасный исходъ: онъ заявилъ, что Грузія награждена отъ природы необыкновенными дарами, что послѣдніе сулятъ въ скоромъ будущемъ полное процвѣтаніе Грузіи и немалыя пользы русскому народу. Склоняя правительство къ присоединенію къ предѣламъ имперіи царства Имеретинскаго, кн. Циціановъ указывалъ на богатѣйшіе лѣса въ долинѣ Ріона, что изъ этихъ лѣсовъ будетъ выстроенъ весь русскій черноморскій флотъ, и что за счетъ тѣхъ же лѣсовъ будетъ довольствоваться вся безлѣсная Новороссія. Когда зародились эти мечты о естественныхъ богатствахъ Закавказья, на тифлисскомъ рынкѣ установились цѣны (ст. 2065 Акт. кавказ. археограф. коммиссіи, т. II):

Четверть муки въ 7 п. 10 ф. . . .	6 р.	$16^1/_4$ к.	сер.
„ ячменя въ 6 п. 20 ф. . .	3 „	31	„	„

Въ Душетѣ:

„ муки	7 „	25	„	„
„ ячменя.	2 „	60	„	„
пудъ сѣна	— „	40	„	„

Мука въ то время въ россійскихъ губерніяхъ продавалась по 1 р. 50 коп. за четверть, а сѣно—по 1—2 коп. за пудъ. Взглядъ кн. Циціанова на Кавказскій край, въ смыслѣ его естественныхъ богатствъ, необыкновенно пришелся по вкусу кавказскимъ правительственнымъ канцеляріямъ. Съ тѣхъ поръ всѣ оффиціальныя представленія, исходившія изъ этихъ канцелярій, когда требовались все новыя и новыя ассигнованія на нужды Закавказья, всегда начинались основной посылкой, что край необыкновенно богатъ въ естественномъ отношеніи.

Убѣжденіе въ естественныхъ анонимныхъ богатствахъ края царило и царитъ въ обществѣ и до настоящаго времени непоколебимо.

Впослѣдствіи выяснилось, что лѣса Имеретіи годны только на дрова, такъ какъ при влажномъ и жаркомъ климатѣ древесина получается слишкомъ крупнозернистой, рыхлой и некрѣпкой. При постройкѣ сурамскаго туннеля лѣсъ на подмостки выписывался изъ Херсона, такъ какъ мѣстный лѣсъ не выдерживалъ надлежащаго давленія. Остальныя естественныя богатства, которыя опредѣлялъ Циціановъ общей фразой, не перечисляя ихъ, остаются пока неизслѣдованными.

А было много основаній, чтобы надъ реальностью этихъ богатствъ призадуматься. Министерство финансовъ въ 1816 году замѣтило (Акт. археол. ком., т. V, ст. 327): „съ присоединеніемъ Грузіи къ Россіи, въ 1801 г., высочайшимъ манифестомъ того же года предположено доходы съ края обращать на содержаніе правленія, а остатки отъ доходовъ обращать въ пользу Грузіи, на возстановленіе разстроенныхъ городовъ и селеній, съ доставленіемъ, однако, о доходахъ и расходахъ въ Грузіи свѣдѣній министру финансовъ или государственному казначею. Такихъ обстоятельныхъ свѣдѣній до 1810 г. не было. Какъ исчисляетъ казенная экспедиція, доходовъ въ Грузіи, вмѣстѣ съ присоединенными городами и областями отъ Персіи—до 300.000 руб. сер. деньгами и хлѣбомъ въ натурѣ до 17.000 четвертей"... „Доходы, однакоже, столь малы, въ сравненіи съ тамошними нуждами короны, что оныхъ едва достаточно на удовлетвореніе однихъ гражданскихъ чиновниковъ, пенсіонныхъ выдачъ и на содержаніе аманатовъ, и государственное казначейство принуждено посылать туда изъ внутреннихъ губерній большія суммы въ звонкой монетѣ на содержаніе тамошнихъ войскъ". Такого рода указанія на недостаточность доходовъ, получаемыхъ отъ богатаго края, объяснялись кавказскимъ начальствомъ необходимостью жертвъ со стороны государственнаго казначейства ради буду-

щихъ интересовъ и невозможностью примѣнять къ этому краю строгія требованія со стороны финансоваго вѣдомства. Эти объясненія казались совершенно правдоподобными: въ гражданскомъ управленіи Кавказскимъ краемъ царилъ полный хаосъ. Генералъ Ермоловъ, въ бытность свою главнокомандующимъ на Кавказѣ, по личному усмотрѣнію, понижалъ податные оклады, прощалъ недоимки, накопившіяся за многіе годы, прощалъ дани съ подвластныхъ Россіи хановъ, въ виду ихъ заслугъ и добропорядочнаго поведенія по отношенію къ Россіи, въ силу того правила своей внутренней политики, что кавказскихъ жителей нужно ласкать и не причинять имъ никакихъ непріятностей. На протестъ со стороны министра финансовъ противъ такихъ произвольныхъ дѣйствій Ермоловъ объяснилъ, что онъ поставленъ въ необходимость дѣйствовать такъ, а не иначе, въ силу мѣстныхъ условій края, угрожая министру финансовъ, „что если случится какой-либо важный вредъ и замѣшательство, кои трудно будетъ поправить, то никакой упрекъ не можетъ тогда пасть на меня, и я обязаннымъ найдусь отклонить отъ себя всякую отвѣтственность, представляя передъ императорскимъ величествомъ въ настоящемъ видѣ весь ходъ сего дѣла“ (ст. 23 Акт. арх. ком., т. VI). Неудовлетворительность государственнаго хозяйства въ этомъ богатомъ краѣ графъ Паскевичъ объяснилъ полнымъ административнымъ неустройствомъ послѣдняго, но мысль о естественныхъ богатствахъ края никогда не умирала, что заставило наше правительство изыскивать всевозможные способы для пробужденія народныхъ рабочихъ силъ, которые могли бы способствовать надлежащей эксплоатаціи естественныхъ богатствъ края.

Это печальное, повидимому, заблужденіе породило со стороны правительства массу фальшивыхъ политико-экономическихъ мѣръ, которыя слишкомъ дорого обошлись русскому плательщику государственныхъ повинностей и привели край, вѣрнѣе, его населеніе, къ полному экономическому застою.

Мѣры эти заключались въ слѣдующемъ:

1) Закавказье должно было обогатиться за счетъ торговли и казны, и—

2) жители Закавказья не должны были платить значительныхъ государственныхъ повинностей, даже вовсе могли быть освобождаемы отъ подобныхъ повинностей.

Осуществленіе этой правительственной программы и началось съ временъ императора Александра I, полагавшаго всѣ убытки по управленію Закавказьемъ пополнить за счетъ минеральныхъ богатствъ Кавказа.

Въ видахъ слабаго развитія русской фабричной промышленности и невозможности конкуррировать съ Западомъ, наше правительство, по указаніямъ Петра Великаго, всегда ревниво оберегало азіатскую торговлю. Торгъ съ Китаемъ, а въ особенности торгъ съ Персіей, признавался самымъ выгоднымъ для русскихъ промышленниковъ. По настоянію ген. Ермолова, ради интересовъ Закавказскаго края, этими дорогими для Россіи торговыми связями съ Персіей было пожертвовано.

Изъ представленія ген. Канкрина въ государстзенный совѣтъ, отъ 21 мая 1827 г., читаемъ: „Внимательное наблюденіе оборотовъ и хода торговли въ Грузіи и присоединенныхъ отъ Персіи провинцій, со времени изданія высочайшаго указа, отъ 8-го октября 1821 г., открыло постепенно увеличивающійся привозъ туда иностранныхъ товаровъ. Указомъ симъ постановлено: всѣ товары, привозимые въ Грузію изъ иностранныхъ земель, не подвергать другому платежу, какъ по 5% съ цѣны, объявленной сообразно тому, какъ послѣ Гулистанскаго трактата взималась пошлина съ товаровъ, изъ Персіи привозимыхъ. Иностранцы, пользуясь симъ преимуществомъ, начали проникать во внутренность Азіи, черезъ Редутъ-Кале. Портъ сей имѣетъ въ приходѣ значительное число судовъ разной величины. Привезенные на нихъ иностранные товары водворяются въ наши предѣлы съ уплатою 5% пошлины“ съ объявленной цѣны, тогда какъ въ другихъ русскихъ портахъ тѣ же товары оплачивались пошлиной отъ 25 до 30%. Сверхъ того, эта 5% пошлина уменьшается еще отъ низкой оцѣнки товаровъ“... „Опыты доказали, что наши фабрики требуютъ еще защиты и нѣкоторыхъ пожертвованій; слѣдовательно, правила, противныя сей системѣ, полезны для Грузіи, но вредны для Россіи, такъ какъ значительно уменьшаютъ потребность въ россійскихъ товарахъ въ Закавказскомъ краѣ и Персіи“. „Четвертый уже годъ нижегородская ярмарка не снабжаетъ Персію и Грузію товарами россійскихъ фабрикъ въ той степени, какъ бывало прежде, и купечество на это жалуется единогласно“. По такимъ уваженіямъ министръ финансовъ представилъ комитету министровъ, отъ 14 іюня 1825 г., о необходимости принять мѣры, кои бы затруднили сбытъ иностранныхъ товаровъ черезъ Грузію въ Азію, и, по предварительному одобренію, комитетъ опредѣлилъ сообщить оныя для соображенія главнокомандующаго въ Грузіи, каковое положеніе было удостоено высочайшаго утвержденія“. Ген. Ермоловъ сообщилъ: „Воспрещеніе транзита европейскими издѣліями черезъ Грузію въ Персію только тогда могло бы служить огра-

дою отъ подрыва фабрикъ нашихъ, когда бы Персія не имѣла другихъ путей для полученія европейскихъ товаровъ посредствомъ каравановъ, отправляемыхъ изъ Константинополи черезъ Анатолію и Эрзерумъ, каковой путь совершается съ меньшими издержками, нежели провозъ товаровъ черезъ Редутъ-Кале и Тифлисъ, и что не только пошлина по европейскому тарифу, но даже и нынѣ взимаемые по транзитному торгу 5%, заставляютъ ихъ всегда предпочесть направленіе товаровъ черезъ турецкія владѣнія, гдѣ всѣ расходы ихъ на подарки пашамъ и проч. составляютъ гораздо менѣе сей суммы. Извѣстно также, что англичане, или, лучше сказать, „Остъ-Индская компанія", производятъ значительный торгъ съ персіянами черезъ Бендеръ-Аббаси. Сверхъ того, при всеобщемъ стремленіи къ открытію новыхъ источниковъ и путей къ сбыту товаровъ, могутъ быть найдены предпріимчивыми и разсчетливыми негоціантами и другіе для ввоза въ Персію европейскихъ товаровъ пункты, какъ-то: черезъ Тавризъ, Батумъ и проч. И такъ, вообще отъ запретительныхъ съ нашей стороны мѣръ, въ отношеніи къ транзитному черезъ Грузію торгу, воспослѣдуетъ только то, что тамошнія области лишатся выгодъ, доставляемыхъ таковымъ торгомъ, едва еще тамъ возникающимъ, и что распоряженіе это обратится собственно въ пользу англичанамъ".

Въ 1842 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе (Полн. Собр. зак., ст. 16.008) объ учрежденіи *особаго комитета и временнаго отдѣленія для управленія Закавказскимъ краемъ*.

Въ именномъ указѣ по этому поводу читаемъ: „Въ видахъ скорѣйшаго водворенія въ Закавказскомъ краѣ прочнаго устройства, соотвѣтствующаго обстоятельствамъ края и дѣйствительнымъ потребностямъ его жителей, признавая необходимымъ дать болѣе единства и быстроты всѣмъ мѣрамъ, предпринимаемымъ по управленію симъ краемъ, въ порядкѣ законодательномъ и исполнительномъ, повелѣваемъ: для предварительнаго разсмотрѣнія и обсужденія всѣхъ вообще дѣлъ по управленію симъ краемъ, подлежащихъ разрѣшенію нашему, учредить особый комитетъ и сверхъ того временное отдѣленіе въ составѣ собственной нашей канцеляріи, для обработки всѣхъ новыхъ предположеній по устройству края. Комитету состоять, подъ предсѣдательствомъ военнаго министра кн. Чернышева, изъ предсѣдателя департамента законовъ государственнаго совѣта, министровъ—финансовъ, государственныхъ имуществъ, внутреннихъ дѣлъ и юстиціи и управляющаго временнымъ отдѣленіемъ собственной нашей канцеляріи".

Кавказскій комитетъ, по своему существу, напоминалъ то, что во Франціи и Англіи называютъ министерствомъ колоній. Въ данномъ случаѣ роль этого комитета была бы необыкновенно полезной, если бы онъ не имѣлъ узко-спеціальнаго назначенія— служить только интересамъ Закавказья, а не всѣмъ вообще русскимъ окраинамъ, что придало бы правительственнымъ распоряженіямъ касательно окраинъ строго опредѣленный характеръ и внесло бы въ управленіе этими окраинами общую для всѣхъ систему. Учрежденіе кавказскаго комитета лишь доказывало, насколько имп. Николай Павловичъ заботился объ устройствѣ этой русской южной окраины.

Въ томъ же 1842 г. (Полное Собраніе законовъ, ст. 16.244) послѣдовало высочайшее повелѣніе объ упраздненіи званія тифлисскаго военнаго губернатора: „вмѣсто того, учредить званіе начальника гражданскаго управленія Закавказскаго края, ввѣривъ ему, подъ начальствомъ главноуправляющаго, завѣдываніе гражданскою частью въ томъ краѣ, на основаніи особо данныхъ наставленій“.

Но все это не помогало дѣлу—край продолжалъ существовать за счетъ русскихъ плательщиковъ податей, такъ какъ правители края отказались отъ правила, начертаннаго при императорѣ Павлѣ: чтобы „въ Закавказьѣ ничего не заводилось, чего нельзя было покрыть за счетъ доходовъ края“. Это правило оказалось неосуществимымъ, и правительству осталось только желать, чтобы доходность края соотвѣтствовала хотя бы расходамъ по гражданскому управленію послѣднимъ, и была бы достигнута возможность удѣлять хотя часть этихъ доходовъ на военныя издержки, что могло быть достигнуто лишь путемъ коренныхъ реформъ въ области податного обложенія и вообще правильной постановки финансоваго въ краѣ управленія.

Время податной реформы, какъ сказано было раньше, для Закавказья уже давно наступило въ интересахъ какъ казны, такъ равно и плательщиковъ государственныхъ повинностей, такъ какъ народъ тамъ отбывалъ массу повинностей.

Къ нимъ присоединялись: поборы въ пользу грузинскихъ князей и дворянъ, которые за свою службу не получали отъ царей жалованья, а жили на счетъ народа; постоянные грабежи и набѣги со стороны мусульманскихъ народовъ; отсутствіе какихъ бы то ни было отхожихъ промысловъ и стороннихъ заработковъ;—и потому необходимо придти къ заключенію, что населеніе Грузіи было обременено повинностями до крайней степени. Благодаря этимъ повинностямъ, поборамъ и грабежамъ, грузин-

скій простолюдинъ того времени былъ въ полномъ смыслѣ слова —„голъ, какъ соколъ“.

Съ присоединеніемъ Грузіи къ предѣламъ имперіи, всѣ неопредѣленныя повинности, подъ названіехъ разныхъ приношеній и подарковъ, были отмѣнены. Махта, кодисъ-пуры, каланъ и сурсатъ были оставлены въ томъ же видѣ, какъ взыскивались они при царяхъ. Кулухи же, саагдамо и сашабо и натуральныя повинности были обращены въ денежную повинность, по очень низкой расцѣнкѣ, что составило ничтожную сумму, каковая безъ измѣненія взыскивалась съ жителей до 1844 г.

Такимъ образомъ, грузинское населеніе, съ первыхъ же дней прихода въ край русскихъ, получило значительное облегченіе въ податномъ обложеніи. Затѣмъ, постепенно, произволъ князей и дворянства былъ значительно ослабленъ, что въ свою очередь составляло большое облегченіе для простолюдина; предѣлы Грузіи были расширены, сосѣдніе независимые магометанскіе народы покорены русскимъ оружіемъ, чѣмъ были прекращены набѣги на Грузію, которые разоряли послѣднюю въ конецъ. А приливъ въ предѣлы края чужихъ денегъ породилъ всевозможные источники для заработковъ, возвысилъ стоимость сельско-хозяйственныхъ произведеній и создалъ небывалую до того торговлю. Пребываніе же въ предѣлахъ Грузіи главнаго русскаго начальства, въ свою очередь, исключало возможность со стороны мѣстныхъ чиновниковъ чрезмѣрно злоупотреблять своею властью. Словомъ, на долю грузинскаго народа досталось не мало,—благодаря факту добровольнаго его присоединенія къ Россіи,—какъ въ политическомъ, духовномъ, такъ равно и въ экономическомъ отношеніяхъ.

Народонаселеніе области могло благоденствовать только при условіи постоянной и систематической борьбы съ природой, чему мѣшали междоусобныя войны, набѣги сосѣднихъ горцевъ, въ томъ числѣ преимущественно изъ турецкихъ предѣловъ, что составляло явленіе почти заурядное, если не повседневное. Населеніе Имеретіи при ея царяхъ было настолько бѣднымъ и угнетеннымъ, что среди него вошло въ обычай торговать собственными дѣтьми. Продавались, по дешевымъ цѣнамъ, какъ мальчики, такъ въ особенности дѣвушки, которыми наполнялись гаремы мусульманскихъ государствъ. Мальчиковъ въ значительномъ числѣ доставляли въ Грузію, гдѣ они мѣстнымъ дворянствомъ зачислялись въ число ихъ крѣпостныхъ, противъ чего ратовалъ бывшій тифлисскій губернаторъ Симоновичъ.

Въ первое время присоединенія Имеретіи къ Россіи, порядокъ взиманія податей былъ оставленъ прежній, а въ 1823 г.

всѣ сборы, за исключеніемъ пшеницы и гоми, были переложены на деньги, по цѣнамъ того года, и къ нимъ добавлено—по 1 р. съ казенныхъ крестьянъ и по 50 к. съ крестьянъ, перешедшихъ въ казну отъ князей, измѣнившихъ правительству. Эти рубль и полтинникъ замѣнили собою натуральную службу царю и князьямъ, что, очевидно, было громаднымъ облегченіемъ для имеретинскаго простолюдина.

Такъ называвшаяся армянская область, по системѣ податного обложенія, до присоединенія къ Россіи, дѣлилась на двѣ части,—Эриванскую область и Нахичеванскую провинцію съ Ордубатскимъ округомъ.

Въ Эриванской области народонаселеніе отбывало повинности, какъ денежныя, такъ и натуральныя. Сердарь ежегодно назначалъ сумму, которая подлежала поступленію отъ хлѣбопашцевъ, кочевниковъ, городскихъ жителей и проч., и затѣмъ сами города или деревни должны были сдѣлать раскладку между жителями поселенія, сообразно съ платежною способностью каждаго изъ нихъ.

Вообще, обложеніе жителей армянскихъ областей, по истинѣ, было тяжелое. Нѣтъ сомнѣнія, что азіатскіе сборщики податей умѣли взять съ населенія не только все то, что съ нихъ слѣдовало по раскладкѣ, но и то, чего вовсе не слѣдовало, а потому ханскій гнетъ въ этихъ областяхъ былъ доведенъ до послѣдней возможности.

Съ присоединеніемъ къ Россіи Армянской области, всѣ многочисленныя и разнообразныя повинности были замѣнены,—подымною денежною повинностью. Кочевники были обложены денежной податью по 5 р. съ дыма. Кромѣ того, немалымъ податнымъ облегченіемъ являлось то, что іонха (люцерна), саманъ (солома), сѣно и сѣмена хлопчатника были свободны отъ обложенія, а подать въ натурѣ должна была поступать въ казну только пшеницею, ячменемъ, просомъ разнаго рода, хлопчатой бумагой и табакомъ. Русское правительство, по меньшей мѣрѣ, уменьшило налоги съ жителей Армянской области на $^2/_3$. Но это облегченіе отчасти парализовалось произвольными дѣйствіями со стороны сборщиковъ податей, откупщиковъ и коммиссіонеровъ; тѣмъ не менѣе, жителямъ этой области подъ властью Россіи жилось легче, чѣмъ во времена ханскаго владычества, и хотя, какъ свидѣтельствовалъ г.-м. Скалонъ, нѣкоторые жители переселялись изъ нашихъ владѣній въ предѣлы Персіи и Турціи, но эти переселенцы или принадлежали къ разряду кочевниковъ, и нынѣ постоянно перекочевывающихъ изъ одного сосѣдняго государства въ другое, или же находились люди, которые, въ силу своихъ

религіозныхъ вѣрованій, не хотѣли мириться съ новыми порядками жизни. Послѣдняя причина въ позднѣйшее время побудила кавказскихъ горцевъ въ большомъ числѣ выселиться въ предѣлы Азіатской Турціи.

Повинности въ другихъ мусульманскихъ провинціяхъ, какъ и въ Армянской области, также были тяжелы и разнообразны при прежнемъ ханскомъ режимѣ и значительно облегчены по иниціативѣ русскихъ военачальниковъ.

А потому, какъ было сказано выше, время податной реформы въ Закавказскомъ краѣ уже давно настало, и казалось бы, что цѣль этой реформы должна была сводиться къ двумъ главнымъ положеніямъ: а) уравнять повинности, отбываемыя населеніемъ, принимая въ соображеніе почвенныя, климатическія, экономическія и этнографическія условія; и б) установить необременительныя повинности, но такія, которыя соотвѣтствовали бы нуждамъ края и ставили бы населеніе въ возможность участвовать въ несеніи расходовъ, въ соотвѣтствующей пропорціи, на общегосударственныя потребности,—что, между прочимъ, предписывалось высочайше утвержденнымъ наказомъ, даннымъ главному управленію края.

При главноуправляющемъ ген. Головинѣ началъ разрабатываться вопросъ о податной реформѣ, и съ этою цѣлью въ Тифлисѣ, въ 1842 г., была образована особая коммиссія, которая обязана была выработать подробный проектъ этой реформы.

Что дѣлала эта коммиссія, сказать въ настоящее время очень трудно. Повидимому, она не составляла проектовъ, а довольствовалась тѣми, какіе доставлялись ей со стороны. Однимъ изъ такихъ стороннихъ сотрудниковъ явился управляющій тифлисскою казенною палатою Безакъ. Въ поданномъ имъ проектѣ онъ заявилъ, что существовавшая въ краѣ система податного обложенія заключала въ себѣ слабыя стороны, а именно: оклады податей опредѣлялись на цѣлые участки, а не на селенія, что порождало массу злоупотребленій; эти оклады не соотвѣтствовали современной численности жителей податной единицы обложенія, т.-е. участка; взыскивались съ жителей разные мелкіе налоги, которые, не принося казнѣ существенныхъ доходовъ, порождали массу злоупотребленій, и самымъ существеннымъ недостаткомъ системы было допущеніе натуральныхъ повинностей.

Въ своемъ проектѣ Безакъ рекомендовалъ обратить вниманіе на три основные элемента податного обложенія—почву, хозяйство и промышленность, причемъ всѣ казенныя земли, не входившія въ составъ оброчныхъ казенныхъ статей, оставить въ

полномъ распоряженіи крестьянъ, принять за единицу обложенія дымъ и назначить оклады, въ которые входили бы всѣ виды обложенія, а именно—податной, оброчный и земскій. Понятіе о дымѣ, какъ податной единицѣ, съ точностью никогда не было опредѣлено. Кавказскіе горцы южнаго и сѣвернаго склоновъ живутъ большими семьями, въ которылъ зачастую насчитывается нѣсколько взрослыхъ мужчинъ съ ихъ женами и дѣтьми, но, по принятой нынѣ податной терминологіи, они признаются, какъ единая семья, за одинъ дымъ. Армяне въ свою очередь живутъ подобными же большими семьями; среди грузинскаго населенія замѣчается то же самое.

Безакъ предложилъ существенное нововведеніе—подати опредѣлять не по участкамъ, а по селеніямъ, по числу дымовъ въ послѣднемъ, согласно камеральному описанію. Причемъ раскладка подати между дымами предоставлена жителямъ селеній. Впослѣдствіи выяснилось большое неудобство подобнаго податного обложенія; камеральныя описанія производились очень рѣдко,—въ періодъ времени между описаніемъ первымъ и послѣднимъ число дымовъ по деревнямъ или значительно увеличивалось, или значительно уменьшалось, вслѣдствіе переселенія крестьянъ, или по другимъ причинамъ. Обложеніе селеній, тѣмъ не менѣе, оставалось неизмѣннымъ, что являлось очень выгоднымъ для селеній, въ которыхъ число жителей съ каждымъ годомъ увеличивалось, и тяжелымъ для тѣхъ, въ которыхъ число дымовъ уменьшилось противъ камеральнаго описанія, въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Эти бѣднѣйшія села скоро оказывались неспособными платить податей, накоплялись безнадежныя къ поступленію недоимки, а въ результатѣ получалось—неравномѣрное обложеніе жителей государственными повинностями и крупные финансовые убытки казны.

Въ проектѣ Безака предлагалось включить окладъ въ 5 руб. для лицъ, занимающихся торговлей и не обложенныхъ до того никакими налогами. Опредѣленіе же въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ того или другого подымнаго оклада предоставлялось мѣстному главному управленію.

Комитетъ по дѣламъ Закавказскаго края, журналомъ, высочайше утвержденнымъ въ 26 день января 1843 г., проектъ Безака одобрилъ, при условіи: а) чтобы всѣ сборы, съ какою бы цѣлью ни предполагались опи, были исчислены для предъявленія къ платежу въ одной общей суммѣ, и б) всѣ натуральныя повинности, гдѣ только возможность представится, были обращены въ денежныя.

При осуществленіи этого проекта, въ Армянской области подымное обложеніе было точно разсчитано. Но и здѣсь, какъ и въ предѣлахъ бывшей Грузіи, подымные оклады возвышались или уменьшались по усмотрѣнію мѣстнаго высшаго начальства, что оставалось въ силѣ до 1901 года.

Подымные оклады, установленные въ 1844 г. при наплывѣ въ край русскихъ денегъ, при дешевизнѣ этихъ денегъ, когда за вязанку дровъ на тифлисскомъ рынкѣ можно было выручить не менѣе 50 коп., а за арбу—столько, сколько требовалось для взноса казенныхъ повинностей, т.-е. 3 руб.,—были не только не обременительны для жителей, но положительно ничтожны.

То же самое, хотя въ меньшей степени, въ силу климатическихъ особенностей западнаго Закавказья, можно сказать про обложеніе подымнымъ сборомъ населенія бывшей Имеретіи.

Что же касается Армянской области, то русское подымное обложеніе, по сравненію съ тѣмъ, что платило населеніе своимъ ханамъ, было равносильно полному освобожденію этого населенія отъ какихъ бы то ни было повинностей въ пользу государства.

Казалось поэтому, что русскимъ правительствомъ было все сдѣлано для процвѣтанія Закавказскаго края, но результаты всѣхъ этихъ милостей и заботъ получились совершенно нежелательные. Край продолжалъ оставаться мертвой красавицей, и потому предстояло найти волшебника, который разбудилъ бы эту красавицу къ дѣйствительной трудовой жизни.

II.

Кн. Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, первый кавказскій намѣстникъ. 1845—1854 гг.

Императоръ Николай Павловичъ, въ рескриптѣ на имя Воронцова, 17-го ноября 1844 г., писалъ: „Считаю нужнымъ избрать исполнителемъ моей непремѣнной воли лицо, облеченное всѣмъ моимъ неограниченнымъ довѣріемъ и соединяющее съ извѣстными военными доблестями опытность гражданскихъ дѣлъ, въ семъ порученіи равномѣрно важныхъ. Выборъ мой палъ на васъ, въ томъ убѣжденіи, что вы, какъ главнокомандующій войскъ на Кавказѣ и намѣстникъ мой въ сихъ областяхъ, съ неограниченнымъ полномочіемъ, проникнутые важностью порученія и моимъ къ вамъ довѣріемъ, не откажетесь исполнить мое желаніе“.

27-го января 1845 г., кавказскій комитетъ заслушалъ проектъ

высочайшаго рескрипта на имя намѣстника кавказскаго Воронцова, предварительно высочайше одобренный, слѣдующаго содержанія:

„Возлагая на васъ, вмѣстѣ съ званіемъ главнокомандующаго войсками на Кавказѣ и главное начальство надъ гражданскою частью въ томъ краѣ, въ качествѣ моего намѣстника, находя нужнымъ для пользы службы усилить права, которыя донынѣ были даны главноуправляющимъ гражданскою тамъ частью, и въ полномъ довѣріи къ лицу вашему—повелѣваю: 1) къ общему составу гражданскаго на Кавказѣ управленія, въ высшемъ отношеніи, присоединить и область Кавказскую и, на семъ основаніи, кавказскому областному начальству по всѣмъ дѣламъ, власть его превышающимъ, не обращаясь въ министерство, входить къ вамъ представленіями. Затѣмъ, отъ усмотрѣнія вашего, по прибытіи на мѣсто, будетъ зависѣть сообразить и представить на мое утвержденіе: отмѣнить ли вовсе вліяніе на гражданское управленіе области командующаго войсками на кавказской линіи, или ограничить это вліяніе извѣстными предметами; 2) всѣ тѣ дѣла, которыя, по существующему нынѣ порядку, представлялись отъ главнаго управленія Закавказскимъ краемъ на разрѣшеніе министровъ, предоставляется вамъ рѣшать на мѣстѣ. Движеніе и разрѣшеніе дѣлъ законодательныхъ подчиняются порядку, нынѣ существующему, и 3) начальникъ гражданскаго управленія въ Закавказскомъ краѣ будетъ вмѣсто васъ постоянно предсѣдательствовать въ совѣтѣ главнаго управленія. Вы опредѣлите на мѣстѣ, какія именно дѣла могутъ быть разрѣшаемы симъ совѣтомъ, и по какимъ затѣмъ дѣламъ долженъ онъ испрашивать у васъ разрѣшеній; 4) сверхъ того, предоставляется вамъ, когда вы найдете нужнымъ, принимать на мѣстѣ мѣры, обстоятельствами требуемыя, донося прямо мнѣ, какъ о дѣйствіяхъ вашихъ, такъ и о причинахъ, къ нимъ васъ побудившихъ“.

Въ этихъ замѣчательныхъ рескриптахъ почти нѣтъ указаній на порядокъ и способы веденія войны въ предѣлахъ Кавказскихъ горъ, гдѣ, по прежнему, Шамиль продолжалъ упорную борьбу съ русскими войсками. Исходъ этой борьбы, очевидно, не особенно безпокоилъ высшія правительственныя власти, въ виду назначенія главноуправляющимъ кн. Воронцова, хотя эта борьба требовала отъ Россіи ежегодно большихъ расходовъ, какъ людьми, такъ и деньгами. Въ цитированныхъ рескриптахъ вниманіе Воронцова обращается исключительно на гражданскія дѣла въ краѣ, которыя—что ясно видѣлъ Николай Павловичъ—шли не такъ

удачно, какъ бы этого хотѣло высшее правительство. Эти-то гражданскія дѣла породили мысль о необходимости выдѣлить Кавказъ въ особое намѣстничество, чтобы дать возможность Воронцову, облеченному полнымъ довѣріемъ государя, направить ихъ на надлежащую дорогу.

Для историческаго изслѣдователя время управленія Кавказомъ кн. Воронцовымъ и послѣдующими намѣстниками должно представлять двойной интересъ, въ отношеніи чисто историческомъ и какъ историческій матеріалъ для рѣшенія вопроса за и противъ децентрализаціи государственной власти въ предѣлахъ Россіи.

Кн. Воронцовъ вступилъ въ управленіе краемъ въ то время, когда по настояніямъ Головина, а въ особенности сенатора Гана, Закавказье получило болѣе или менѣе опредѣленное административное устройство, по своимъ формамъ тождественное съ администраціей губерній и областей центральной Россіи. Но это гражданское устройство края было слишкомъ молодымъ, еще не успѣвшимъ на новой почвѣ пустить глубокихъ корней, что не исключало возможности, по первымъ шагамъ этой административной машины, судить о ея цѣлесообразности и пригодности для своеобразнаго Закавказскаго края. Изъ многочисленныхъ архивныхъ документовъ и „Полнаго Собранія россійскихъ законовъ" за 1845—1855 г.г. видно, что Воронцовъ, отдавая полную справедливость работамъ сенатора Гана, пришелъ къ заключенію о необходимости въ нѣкоторыхъ частяхъ цѣлаго сдѣлать частныя измѣненія. Такъ, по проекту Гана, Закавказье было подраздѣлено на Грузино-Имеретинскую губернію и Каспійскую область,— кн. Воронцовъ, принимая во вниманіе географическія, топографическія и этнографическія особенности края, призналъ подобное подраздѣленіе недостаточнымъ, и по его представленіямъ Закавказье было подраздѣлено на губерніи Тифлисскую, Кутаисскую, Шемахинскую, Дербентскую и Эриванскую, что (Полное Собраніе законовъ, ст. 20.702, 20.703, 20.709 и 23.303) возвысило стоимость мѣстной администраціи на 273.195 руб. сер.

Учреждена должность директора походной канцеляріи намѣстника кавказскаго (П. С. з., ст. 22.113) съ содержаніемъ въ 2.600 руб. сер. Усилена канцелярія при совѣтѣ главнаго управленія намѣстника кавказскаго (П. С. з., ст. 19.716), на содержаніе которой, по штату, было назначено—16.090 руб. сер.

Канцелярія намѣстника кавказскаго, въ коей по штату 1840 г. состояло чиновниковъ 65, съ содержаніемъ 43.650 р., была значительно усилена (П. С. з., ст. 19.716), причемъ на ея содержаніе, по новому штату, было исчислено—53.675 руб. сер.

имуществами въ Закавказьѣ совершенно измѣненъ: вмѣсто палатъ учреждена особая экспедиція при главномъ управленіи Закавказскаго края, которая, согласно утвержденному штату (П. С. з., ст. 23.753), состояла изъ управляющаго экспедиціей,—онъ же членъ совѣта главнаго управленія,—14 чиновниковъ и 9 писцовъ разныхъ окладовъ, съ расходомъ въ годъ 17.585 руб. сер. Эта экспедиція, являясь для края центральнымъ управленіемъ, имѣла свои исполнительные органы,—при губернскихъ управленіяхъ тифлисской и шемахинской губ. были образованы особыя отдѣленія, въ составѣ 1 совѣтника, 2 столоначальниковъ, 2 помощниковъ столоначальника, 1 землемѣра и 6 писцовъ, съ ежегоднымъ расходомъ по тому же штату—11.740 руб. При губернскихъ правленіяхъ кутаисской и эриванской губерній съ этою же цѣлью учреждены особые столы, въ составѣ 1 столоначальника, его помощника и 3-хъ писцовъ, съ расходомъ—3.060 р. с. При канцеляріи дербентскаго военнаго губернатора—помощникъ дѣлопроизводителя и писецъ, съ расходомъ—790 р. с. въ годъ. При нѣмецкихъ колонистахъ въ Закавказьѣ—смотритель, съ окладомъ содержанія въ 1.275 р. с. Всего на управленіе государственными имуществами въ краѣ—34.450 р., что, противъ штатовъ 1840 г., составляло сбереженія въ суммѣ 54.790 руб. 80 коп.

Разсматривая организацію этихъ новыхъ установленій, невольно возникаетъ вопросъ,—кто же, согласно новымъ штатамъ, долженъ былъ являться блюстителемъ интересовъ казны? Кто долженъ непосредственно, на мѣстѣ нахожденія государственныхъ имуществъ, заботиться о ихъ цѣли и продуктивности, въ смыслѣ извлеченія возможныхъ казенныхъ доходовъ? Ни начальники отдѣленій, ни столоначальники, сидя въ своихъ канцеляріяхъ за сотни верстъ отъ управляемыхъ ими государственныхъ имуществъ, не могли въ дѣйствительности управлять послѣдними, а потому необходимо заключить, что князь Воронцовъ, взамѣнъ палатъ государственныхъ имуществъ съ ихъ попечительствами, создалъ лишь органы, которые должны были контролировать дѣйствія тѣхъ лицъ, кои были обязаны непосредственно распоряжаться этимъ видомъ государственнаго достоянія. И дѣйствительно, изъ того же штата мы видимъ, что непосредственное завѣдываніе государственными имуществами въ краѣ снова перешло къ мѣстной полиціи, т. е. къ уѣзднымъ и участковымъ полицейскимъ властямъ. При упраздненіи палатъ, а вмѣстѣ съ ними и бакинскаго попечительства государственныхъ имуществъ, въ составъ которыхъ входили самыя богатыя въ краѣ казенныя оброчныя статьи, какъ, напримѣръ, соляныя озера, нефтяныя

земли, рыбные и тюленьи промыслы и т. д., кн. Воронцовъ распорядился—„бакинское попечительство государственныхъ имуществъ упразднить, завѣдываніе же оными возложить на помощника уѣзднаго начальника". Этотъ незначительный чиновникъ долженъ былъ приватно, помимо своихъ прямыхъ полицейскихъ обязанностей, вѣдать тѣмъ крайне цѣннымъ имуществомъ, ради котораго можно было не жалѣть казенныхъ денегъ.

Противъ такого отношенія кн. Воронцова къ государственнымъ имуществамъ, несмотря на весь его авторитетъ, не могъ не возражать бывшій министръ государственныхъ имуществъ, гр. Киселевъ, а потому состоялось высочайшее повелѣніе (П. С. з., ст. 26.739) объ отмѣнѣ присылки на заключеніе министра государственныхъ имуществъ дѣлъ по Закавказскому краю, относящихся къ вѣдомству сего министерства.

Впрочемъ, дѣйствія кн. Воронцова въ области управленія государственными имуществами не являлись ошибочными, а вытекали, какъ результатъ строго послѣдовательный, изъ той системы, которая была положена Воронцовымъ въ основу управленія краемъ. Что существованіе въ краѣ палатъ государственныхъ имуществъ не согласовалось съ системой управленія послѣднимъ, это доказывается уже тѣмъ, что такой хозяинъ, какимъ былъ въ сущности первый кавказскій намѣстникъ, не могъ не видѣть совершенно ясно, что государственныя имущества, безъ явнаго ущерба для казны, не могли оставаться безъ надлежащаго присмотра и строгаго контроля со стороны высшей въ краѣ власти. Это заключеніе подтверждается отчасти: въ 1852 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе (П. С. з., ст. 26.736) о принятіи въ казенное управленіе имѣній духовнаго вѣдомства, съ производствомъ послѣднему ежегодно платежа въ 72.503 руб. 51 к. сереб.,—той именно суммы, какую духовное вѣдомство выручало въ послѣдніе годы съ этихъ имѣній. Духовныя имѣнія, въ большинствѣ случаевъ, состояли изъ незначительныхъ клочковъ земли, годныхъ только для занятія подъ постройку туземныхъ деревенскихъ домовъ, изъ городскихъ участковъ, уже состоявшихъ на арендѣ у частныхъ лицъ, мелкихъ зданій и лавокъ и т. п. Весьма возможно, что, при тщательномъ наблюденіи за этимъ недвижимымъ имуществомъ со стороны духовенства, они доставляли вѣдомству тѣ именно доходы, какіе указаны выше. Тѣмъ не менѣе, эти мизерныя имущества, по сравненію съ казенными имуществами края вообще, представляли собою ничтожную величину. Но, по представленію Воронцова (П. С. з., ст. 28.728), помимо возложенія завѣдыванія этими имуществами на экспедицію,

для той же цѣли были назначены три отдѣльные управляющіе, коимъ производилось ежегодно жалованье отъ казны въ суммѣ 3.300 руб. Какое же число чиновниковъ необходимо было, еслибы Воронцовъ желалъ привести въ точную извѣстность все вообще казенное имущество Закавказья? Слѣдовательно, Воронцовъ преднамѣренно не желалъ достигать указанной цѣли, на что, конечно, имѣлъ свои причины.

Что при уничтоженіи палатъ государственныхъ имуществъ Воронцовымъ не могло руководить желаніе достигнуть ничтожныхъ сбереженій, въ размѣрѣ около 50 тысячъ рублей ежегодно, это доказывается тѣмъ, что онъ вообще не былъ скупъ на казенныя деньги, когда дѣло касалось интересовъ края. Въ этомъ случаѣ могутъ служить доказательствомъ его мѣры по народному образованію. Желая поднять туземное населеніе въ смыслѣ европейской культуры, онъ не останавливался ни передъ какими жертвами со стороны казны. Первой мѣрой Воронцова въ этомъ направленіи — было ходатайство объ изъятіи учебныхъ заведеній Кавказа изъ-подъ вѣдомства харьковскаго учебнаго округа. Это представленіе было уважено (П. С. з., ст. 19.755), учебныя заведенія края были подчинены намѣстнику. Въ 1846 г., послѣдовали высочайшія повелѣнія объ учрежденіи въ Тифлисѣ школы кавказскихъ межевщиковъ (П. С. з., ст. 20.373) съ расходомъ изъ казны на этотъ предметъ 7.650 руб. ежегодно. Открыто (П. С. з., ст. 20.719) женское учебное заведеніе св. Нины; послѣдовало высочайшее повелѣніе о воспитаніи 4 туземцевъ (П. С. з., ст. 22.066) въ петербургскомъ технологическомъ институтѣ и ремесленномъ заведеніи московскаго воспитательнаго дома на полномъ казенномъ иждивеніи.

Въ 1847 г. (П. С. з., ст. 22.838) образованъ независимый отъ министерства народнаго просвѣщенія кавказскій учебный округъ, содержаніе, котораго, съ подвѣдомственными ему учебными заведеніями, уже открытыми и подлежащими открытію, согласно штату, опредѣлилось въ 185.980 рублей сер.

Въ 1848 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе (2.307) объ открытіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи 160 казенныхъ стипендій для воспитанниковъ кавказскихъ учебныхъ заведеній, причемъ стипендіаты на казенный счетъ отправлялись въ эти заведенія и на тотъ же счетъ возвращались на родину. Во время ученія имъ отпускалось отъ казны отъ 300 до 350 р., въ годъ. Для надзора за этими стипендіатами были назначаемы особые надзиратели въ столичныхъ городахъ Россіи, на что, въ

общемъ, ежегодно расходовалось около 60.000 руб. сер. изъ государственнаго казначейства.

Въ 1850 г. (25.245) въ тушино-пшаво-хевсурскомъ округѣ учреждено приходское училище, съ 50 казенно-коштными воспитанниками, полное содержаніе которыхъ было отнесено за счетъ военнаго вѣдомства, съ отпускомъ отъ казны на вознагражденіе учителей по 1.545 руб. въ годъ, хотя этотъ округъ во всей совокупности уплачивалъ казенныхъ податей всего 1.200 руб. въ годъ.

Въ 1853 г. (27.646) штатные расходы на кавказскій учебный округъ доведены до 210.740 рублей.

По тому времени расходы на кавказскій учебный округъ, перечисленные выше, являлись болѣе, чѣмъ значительными, если принять во вниманіе, что въ указанное время населеніе края не превышало 1.400.000 душъ обоего пола, что доходы этого края не приносили казнѣ болѣе 2.800.000 руб.,—слѣдовательно, кн. Воронцовъ не останавливался передъ чрезмѣрными расходами казенныхъ денегъ, если признавалъ этотъ расходъ производительнымъ и полезнымъ для края.

Кн. Воронцовъ, изыскивая средства къ сокращенію штатныхъ расходовъ, остановилъ свое вниманіе и на казенныхъ палатахъ. Онъ не нашелъ возможнымъ совершенно уничтожить эти органы министерства финансовъ, подобно палатамъ государственныхъ имуществъ, но рѣшилъ, что для Закавказья совершенно достаточно одной казенной палаты, которая обязана была играть въ краѣ роль центральнаго управленія, а потому, 18 декабря 1848 г., послѣдовалъ высочайшій указъ: существующія нынѣ въ Закавскомъ краѣ двѣ казенныя палаты: тифлисскую и шемахинскую, соединить въ одну, общую для всего края, казенную палату, подъ названіемъ закавказской.

При прежнемъ порядкѣ финансоваго управленія не было основаній ожидать въ краѣ хорошихъ финансовыхъ результатовъ, что въ достаточной степени подтверждается всѣми всеподданнѣйшими отчетами кн. Воронцова.

Неудовлетворительное финансовое положеніе края, въ первый годъ управленія кн. Воронцова, было очевиднымъ. Но, приступая къ разнаго рода реформамъ и нововведеніямъ, — что требовало со стороны казны все бо́льшихъ и бо́льшихъ матеріальныхъ пожертвованій въ пользу края, казалось бы, Воронцовъ принималъ на себя нравственную обязанность найти нужныя для нихъ денежныя средства въ самомъ краѣ, а не строить исключительно свои разсчеты „на тѣхъ подкрѣпленіяхъ“, какія можно было

получать отъ русскаго министра финансовъ, фактически устраненнаго отъ вліянія на ходъ финансовой жизни края. Слѣдовательно, сокращеніе въ краѣ числа казенныхъ палатъ, тогда какъ въ увеличеніи числа этихъ финансовыхъ органовъ настояла неотложная необходимость, кажется дѣяніемъ трудно объяснимымъ, если не искать разгадки этому дѣянію въ той же системѣ, которою руководствовался Воронцовъ при управленіи Закавказскимъ краемъ.

Для того, чтобы вполнѣ обрисовать духовный обликъ кн. Воронцова, какъ государственнаго человѣка, необходимо обратиться къ тому, что было написано или подписано кн. Воронцовымъ въ періодъ времени съ 1845 по 1855 г.г. Совокупность архивнаго матеріала, матеріала обширнаго и крайне разнообразнаго по содержанію, но не по руководящей мысли, приводитъ къ заключенію, что было бы большой несправедливостью причислить кн. Воронцова къ разряду умныхъ, трудолюбивыхъ, но заурядныхъ администраторовъ, которые ведутъ дѣло по примѣру прежнихъ лѣтъ, по тѣмъ руиннымъ системамъ, какія кѣмъ-то когда-то выработаны и положены въ основу всевозможныхъ административныхъ работъ. Нѣтъ, кн. Воронцовъ не походилъ на такого рода полезныхъ въ большинствѣ случаевъ, но заурядныхъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей. У кн. Воронцова мы ясно видимъ свою особую систему дѣлать государственное дѣло, благодаря которому къ нему нельзя приложить той заурядной мѣрки, при посредствѣ которой обыкновенно составляется общественное мнѣніе о заслугахъ и достоинствахъ администратора. Кн. Воронцовъ въ дѣлѣ управленія Закавказьемъ является безусловно новаторомъ, съ точно опредѣленной, тщательно обдуманной программой дѣйствій, которой онъ не видоизмѣняетъ со дня оставленія края навсегда.

Кн. Воронцовъ, облеченный полнымъ довѣріемъ государя, поставленъ былъ въ необходимость изыскать средства, чтобы въ наилучшей степени выполнить волю монарха, чтобы, помимо обременительной войны съ горцами, дать краю надлежащее гражданское устройство, которое отвѣчало бы цѣлямъ правительства. А потому кн. Воронцовъ былъ поставленъ въ необходимость рѣшить очень сложную дилемму: какимъ путемъ выполнить волю монарха? Главное, какимъ путемъ эту богатую естественными дарами природы страну поставить въ экономическомъ отношеніи на собственныя ноги. Кн. Воронцовъ сознавалъ, что это—задача очень трудная, но вполнѣ разрѣшимая и

при томъ разрѣшимая въ относительно короткій срокъ, исключительно при посредствѣ мѣстнаго населенія Но—

Не боюся я востока,
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный льетъ грузинъ...

Въ этихъ восьми строкахъ, со всей вдохновенной прозорливостью, Лермонтовъ нарисовалъ истинный нравственный обликъ края того времени.

Кн. Воронцовъ видѣлъ то же самое, но онъ былъ убѣжденъ, что противъ такого общаго недуга можно найти радикальныя средства, которыя разбудятъ спящій востокъ и въ его обветшавшій организмъ вольютъ бодрость и новыя вѣянія жизни. Такія лекарства, по глубокому убѣжденію Воронцова, должны были заключаться—въ пріобщеніи азіатскихъ народовъ къ общеевропейской цивилизаціи, что въ свою очередь вызывало необходимость дать этому народу нужныя для подобнаго пріобщенія матеріальныя средства. А такъ какъ это леченіе съ наибольшимъ успѣхомъ возможно было примѣнять одновременно не ко всей массѣ народа, а къ лучшимъ представителямъ послѣдняго, то, въ силу необходимости, нужно было употребить всѣ средства, чтобы подвергнуть леченію мѣстное дворянство, которое, познакомившись съ удобствами жизни вполнѣ культурнаго человѣка, будетъ являться самымъ дѣйствительнымъ проводникомъ просвѣщенія для остальной массы населенія. А съ просвѣщеніемъ, сами собою, проснутся дремлющія экономическія силы края.

Эти соображенія послужили краеугольнымъ камнемъ для той административной системы, какой руководствовался кн. Воронцовъ въ теченіе 10-лѣтняго управленія Закавказскимъ краемъ.

Коранъ не допускалъ возможности, чтобы государство свое право владѣть поземельной собственностью передавало на вѣчныя времена и потомственно въ пользованіе отдѣльнымъ членамъ государства. Всѣ правовѣрные, согласно тому же корану, не могли быть рабами, и потому пользовались полнымъ правомъ личной свободы. За государствомъ, въ лицѣ его верховнаго властелина, коранъ устанавливалъ лишь право обложенія подданныхъ повинностями въ пользу государства, и для сбора доходовъ въ пользу властелина существовалъ многочисленный классъ правительственныхъ чиновниковъ, подъ разными наименованіями.

Вообще, по догматамъ ученія Магомета во всѣхъ магометанскихъ государствахъ нѣтъ мѣста для какой бы то ни было родовитой земельной аристократіи. Порядки въ Персіи доказываютъ правильность сказаннаго выше, гдѣ и по настоящее время родственникамъ и любимцамъ шаха, а также заслуженнымъ чиновникамъ, раздаются въ управленіе не земли, а люди, живущіе въ томъ или другомъ участкѣ государства. Магометанскія провинціи восточнаго Закавказья, путемъ войны, пріобрѣтены нами отъ Персіи, а потому въ этихъ провинціяхъ мы нашли не мѣстныхъ лэндъ-лордовъ, а чиновниковъ ханскихъ, управлявшихъ отдѣльными поселками, подъ названіемъ бековъ, меликовъ и агаларовъ, которые являлись и низшими полицейскими чиновниками, и сборщиками податей въ пользу хана, за что, по общему правилу на Востокѣ, имѣли право пользоваться услугами управляемаго ими поселка и нѣкоторой частью собираемыхъ повинностей, такъ какъ эти чиновники не получали отъ своихъ хановъ жалованья. Слѣдовательно, въ закавказскихъ татарскихъ провинціяхъ не имѣлось на лицо мѣстной родовитой аристократіи, а потому и не представлялось возможности князю Воронцову примѣнить къ этимъ богатѣйшимъ въ краѣ провинціямъ свою систему управленія, т.-е. дѣйствовать на народную массу черезъ посредство родной этому народу аристократіи. Предстояло одно изъ двухъ — или отказаться отъ существеннѣйшихъ началъ системы управленія, или искусственнымъ образомъ создать въ татарскихъ провинціяхъ мѣстную арнстократію. Князь Воронцовъ предпочелъ послѣднее. По его настояніямъ и усиленнымъ представленіямъ, 6-го декабря 1846 г. (Полн. Собр. зак., ст. 20.672), за беками, меликами и агаларами на вѣчныя времена были закрѣплены тѣ казенныя земли, кои состояли въ районахъ поселковъ, которыми, до присоединенія ханствъ въ предѣлахъ Россіи, управляли отцы или дѣды этихъ заштатныхъ бековъ, меликовъ и агаларовъ. Такимъ путемъ, ради принципіальныхъ началъ административной системы князя Воронцова, казна навсегда лишилась самыхъ дорогихъ земель въ предѣлахъ Закавказья, на разумной эксплоатаціи которыхъ можно было строить небезосновательныя экономическія надежды. Какъ велики были въ этомъ случаѣ матеріальныя жертвы казны, до полнаго размежеванія земель въ предѣлахъ края, сказать невозможно; извѣстно только, что, одновременно съ закрѣпощеніемъ за беками, меликами и агаларами казенныхъ земель, за ними же были закрѣпощены и казенные крестьяне, — частью въ видѣ нукеровъ, частью въ видѣ арендаторовъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, что въ свою очередь сократило

размѣръ казенныхъ повинностей, кои раньше собирались въ пользу казны, такъ какъ подымная подать въ пользу казны съ крестьянъ, жившихъ на помѣщичьихъ земляхъ, взыскивалась въ значительно меньшемъ размѣрѣ.

По закону царя Вахтанга, который служилъ единственнымъ письменнымъ кодексомъ для бывшей Грузіи и руководствомъ до 1840 г., при рѣшеніи гражданскихъ дѣлъ въ русскихъ судахъ, дѣйствовавшихъ въ то время въ предѣлахъ Грузіи и Имеретіи, было положительно указано: — „лѣсъ, трава и вода никому не принадлежатъ“.

Грузія, непосредственная сосѣдка магометанскихъ государствъ, не могла не позаимствовать отъ сосѣдей взглядовъ на поземельную собственность въ томъ смыслѣ, что эта собственность есть исключительное достояніе государства,—что, между прочимъ, возможно заключить и по тѣмъ спискамъ недвижимыхъ имѣній, кои были предъявлены русскимъ властямъ членами царскаго грузинскаго дома въ первый годъ присоединенія Грузіи къ предѣламъ Россіи. Съ приходомъ русскихъ въ Закавказье, эти взгляды мѣстнаго населенія на поземельную собственность быстро уступили мѣсто новымъ взглядамъ, занесеннымъ на югъ съ сѣвера, такъ какъ русскіе порядки пользованія землей для привилегированныхъ классовъ грузинскаго населенія были несравненно выгоднѣе. Русская закавказская администрація въ теченіе первыхъ 50-ти лѣтъ по присоединеніи Грузіи, не привела въ достаточную извѣстность, какъ число членовъ привилегированныхъ сословій, такъ равно и того, что имъ принадлежало. А потому въ предѣлахъ Грузіи на долю казны изъ поземельной собственности осталось лишь то, на что не было охотниковъ, которые пожелали бы это присвоить.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ кн. Воронцова за 1849—1851 гг. читаемъ: „Къ безчисленнымъ щедротамъ, изливаемымъ в. и. в. на здѣшній край, присоединилось еще въ настоящемъ году благодѣтельное разрѣшеніе одного важнаго дѣла, которымъ вы исторгнули изъ нищеты одну изъ первыхъ здѣшнихъ княжескихъ фамилій, а именно кн. Мачабели. Сопротивленіе, оказываемое принадлежащими имъ крестьянами въ 7-ми ущельяхъ Осетіи, вынуждало правительство въ разное время употреблять военныя силы для приведенія ихъ въ покорность, и въ 1850 г. отряжаемо было войско для ихъ усмиренія; между тѣмъ, указомъ правительствующаго сената, осетины эти отчуждены изъ владѣнія князей Мачабели, и хотя они, основываясь на своихъ правахъ на оныхъ и повергли къ стопамъ в. и. в. просьбу о все-

милостивѣйшемъ повелѣніи пересмотрѣть это дѣло въ общемъ собраніи сената [1]), но въ то же время, сколько я по совершенному знанію этого дѣла ни увѣренъ въ несомнѣнности ихъ правъ, но, имѣя въ виду высочайшее мнѣніе в. и. в., сообщенное мнѣ военнымъ министромъ во время совершавшейся экспедиціи для усмиренія осетинъ, что каковое бы ни было рѣшеніе высшихъ судебныхъ мѣстъ, трудно будетъ признать и привести въ дѣйствіе таковое въ пользу Мачабели, такъ какъ опытомъ дознано, что горные осетины не будутъ, безъ употребленія военной силы, исполнять слѣдующей отъ нихъ повинности,—я имѣлъ счастіе испрашивать всемилостивѣйшаго назначенія имъ потомственнаго пенсіона въ шесть тысячъ рублей сер., взамѣнъ отчужденныхъ изъ зависимости ихъ осетинъ, съ тѣмъ, чтобы кн. Мачабели, оставаясь владѣльцами земли, получали за пользованіе оною съ этихъ осетинъ, обращаемыхъ въ казенное вѣдомство, 1/19 часть урожая съ земельныхъ произведеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ установлено, что кн. Мачабели, хотя безспорные владѣльцы земли, не имѣютъ права выгонять съ оной тѣхъ осетинъ, которые пожелаютъ на ней остаться"... „Этимъ благодѣяніемъ важный во всѣхъ отношеніяхъ край выведенъ изъ положенія шаткаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ многочисленная фамилія,—многія лица которой служили вѣрно и усердно, проливали свою кровь въ бояхъ послѣдняго полувѣка, и теперь служатъ престолу съ отличіемъ,—навсегда обезпечена въ средствахъ существованія".

Но, стремясь къ уничтоженію палатъ государственныхъ имуществъ, какъ учрежденій, мѣшавшихъ высшему сословію края производить повсемѣстный захватъ казенныхъ земель, и, въ то же время, заботясь о переселеніи въ край русскихъ и другихъ колонистовъ, кн. Воронцовъ самъ себѣ противорѣчилъ: хлопотать о заселеніи края русскими переселенцами, возможно было при условіи, если въ распоряженіи правительства имѣются свободныя казенныя земли, а между тѣмъ только учрежденія, подобныя палатамъ государственныхъ имуществъ, могли сохранить за казной эти земли. Но какъ ни странно кажется, а въ такомъ обширномъ, малонаселенномъ краѣ, какъ Закавказье, уже во времена Воронцова, казенныхъ свободныхъ земель не имѣлось!

Своеобразная административная система иногда ставитъ творца послѣдней въ необходимость поступаться всѣмъ, что есть въ немъ лучшаго и что составляетъ непремѣнное качество для всякаго

[1]) Сенатъ отвергъ притязанія кн. Мачабели, основываясь на томъ, что осетины никогда не состояли въ крѣпостной зависимости у кого бы то ни было.

представителя народа, къ которому онъ принадлежитъ по рожденію и которому онъ служитъ. Кн. Воронцовъ, какъ вдохновенный художникъ, вѣрилъ въ непреложность своей системы, и ради того, чтобы выполнить ее неуклонно, рѣшилъ, что мѣстное дворянство должно было занимать высшее служебное положеніе въ краѣ. А потому на всѣ высшія мѣста, какъ административныя, такъ и строевыя, съ чѣмъ были связаны значительныя матеріальныя выгоды, назначались преимущественно грузинскіе князья. Здѣсь шелъ вопросъ не о пригодности или непригодности того или другого князя для отправленія той или другой должности, а въ силу высшихъ политическихъ соображеній кн. Воронцова грузинскіе князья назначались для того только, чтобы обезпечить ихъ приличнымъ казеннымъ содержаніемъ. Встрѣчались командиры старыхъ русскихъ полковъ изъ грузинскихъ князей, которые ни слова не знали по-русски, тогда какъ офицеры и солдаты того же полка не знали ни слова по-грузински, и потому всѣ приказанія отдавались по полку черезъ переводчика („25 лѣтъ на Кавказѣ. Записки Зисермана"). Главный авдиторъ кавказской арміи изъ грузинскихъ князей, кое-какъ говорившій по-русски, умѣлъ только подписывать свою фамилію, причемъ обыкновенно встрѣчалъ докладчика вопросомъ: „Намъ пишутъ, или мы пишемъ?"—За этихъ кавказскихъ орловъ временъ кн. Воронцова, само собою разумѣется, дѣла вершались русскими мелкими чиновниками и адъютантами. Нужна была только подпись начальника да росписка въ требовательной вѣдомости о полученіи имъ содержанія.

Эта политика кн. Воронцова имѣла свою нехорошую сторону по отношенію къ тѣмъ же дворянамъ, которымъ онъ всячески покровительствовалъ. Грузинскіе князья перестали заботиться о своемъ хозяйствѣ, уповая исключительно на казну, а тѣмъ временемъ ихъ имѣнія приходили въ полное запущеніе, обременялись казенными и частными долгами и потому довольно часто переходили въ чужія руки.

Предоставивъ грузинскому дворянству всевозможныя матеріальныя выгоды, связанныя съ государственной службой, кн. Воронцовъ, съ терпѣніемъ образцоваго педагога, заставлялъ это дворянство усвоивать привычки къ жизни, свойственныя вообще европейскому дворянству. Въ этихъ видахъ кн. Воронцовъ всегда охотно принималъ у себя всѣхъ вліятельныхъ грузинскихъ князей, не отказываясь, въ свою очередь, посѣщать послѣднихъ. Это имѣло свои результаты: князья и дворяне бывшей Грузіи начали быстро усвоивать внѣшнюю сторону цивилизаціи, патрі-

архальная простота жизни скоро уступила мѣсто безумной роскоши, на удовлетвореніе которой требовались все бо́льшія и бо́льшія суммы денегъ. Кн. Воронцовъ былъ этимъ доволенъ, такъ какъ ему казалось, что его административная система начинаетъ приносить желанные результаты: народился стимулъ къ дѣятельности — жажда денегъ, который заставитъ мѣстное дворянство подумать о возможности и необходимости извлекать нужныя средства изъ своихъ обширныхъ имѣній, лежавшихъ пока втунѣ. Но начать сельско-хозяйственное дѣло, по мнѣнію кн. Воронцова, мѣстные помѣщики не могли, за неимѣніемъ денегъ, и въ краѣ созданъ, преимущественно для нуждъ дворянства, особый приказъ общественнаго призрѣнія, который давалъ дворянамъ денежныя ссуды на необременительныхъ для нихъ условіяхъ. Грузинское дворянство не замедлило воспользоваться услугами приказа. А такъ какъ въ краѣ въ то время еще не имѣлось помѣщиковъ, земли которыхъ были бы размежеваны, то ссуды выдавались приказомъ по облегченнымъ правиламъ, сущность которыхъ сводилась къ тому, что это кредитное установленіе не знало, подъ залогъ какого именно имѣнія выдается ссуда. Конечно, дворянство отлично понимало свои выгоды въ этихъ коммерческихъ сдѣлкахъ, и потому не торопилось вносить въ приказъ срочные платежи. Возникала безконечная переписка о продажѣ имѣній за долгъ приказу, но это обыкновенно ничѣмъ не кончалось, такъ какъ, во-первыхъ, не находилось охотниковъ покупать нѣчто совершенно неопредѣленное, а во-вторыхъ, возбуждались со стороны должника всевозможныя ходатайства, въ силу которыхъ недоимки прощались или разсрочивались на безконечно долгое время.

Князя Воронцова не смущали подобныя явленія въ жизни края, и онъ продолжалъ свое дѣло съ прежней энергіей. Снабдивъ мѣстную старую и новую аристократію обширной земельной собственностью, возможностью добывать значительныя деньги путемъ государственной службы, путемъ эксплоатаціи закрѣпощенныхъ крестьянъ, въ крайнемъ случаѣ, путемъ займа въ приказѣ общественнаго призрѣнія, — кн. Воронцовъ безусловно вѣрилъ, что эти лэндъ-лорды, обратясь къ раціональному сельскому хозяйству, обогатятъ какъ себя, такъ и казну, — стоитъ только указать путь, какъ слѣдуетъ взяться за сельское хозяйство. И кн. Воронцовъ въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ, пишетъ: „Съ особеннымъ удовольствіемъ доношу в. и. в., что въ послѣдніе два года разныя отрасли сельской промышленности получили сильное развитіе во всемъ краѣ. Не-

смотря на саранчу, засухи и другія бѣдствія, примѣры правительства возбуждаютъ охоту въ частныхъ лицахъ, и многія изъ нихъ уже начинаютъ видѣть пользу, происходящую отъ усовершенствованія сельскаго хозяйства. Первое мѣсто по части сельскаго хозяйства занимаетъ садоводство. Еще въ 1845 г. в. и. в. благоугодно было упразднить существовавшее безъ всякой пользы въ краѣ общество сельской и мануфактурной промышленности и повелѣть обратить отпускавшуюся изъ казны сумму на устройство новой фермы. Тогда же отведенъ, близъ самаго Тифлиса, удобный участокъ земли, который и обнесенъ глубокимъ рвомъ. Въ теченіе 1846 и 1847 г. г. посажено, на приготовленныхъ мѣстахъ, большое число виноградныхъ лозъ, выписанныхъ изъ Крыма, фруктовыхъ деревьевъ и растеній до 170 т. Къ несчастію, существовавшая въ теченіе 2-хъ лѣтъ саранча истребила нѣкоторыя изъ посадокъ, и особенно виноградъ"... „Въ нынѣшнемъ году производятся на этой фермѣ необходимыя простыя постройки; но одинъ изъ важныхъ предметовъ, на который нужно было задержать довольно значительную сумму, состоялъ въ проведеніи на ферму воды. Работы по водопроводу постоянно продолжаются".

Жители Тифлиса знаютъ, что мѣсто для этой фермы было выбрано совершенно неудачно, такъ какъ въ сосѣднихъ холмахъ не нашлось достаточнаго количества воды для поливки этой фермы, и потому послѣдняя была скоро заброшена.

Сельскимъ хозяйствомъ занималась вся администрація Закавказскаго края, за исключеніемъ лишь тѣхъ, кто долженъ былъ заниматься этимъ дѣломъ, и потому результаты получались отрицательнаго свойства.

О развитіи торговли въ Закавказскомъ краѣ, въ исключительныхъ интересахъ послѣдняго, кн. Воронцовъ заботился съ присущей ему энергіей, и направилъ свои усилія на возобновленіе тѣхъ торговыхъ льготъ, которыми пользовался край съ 1821 по 1831 г.г.

Статсъ-секретарь Вронченко, 28 февраля 1846 г., сообщалъ кн. Воронцову: „По случаю предположеній объ измѣненіи торговой системы въ Закавказскомъ краѣ, находя нужнымъ имѣть сколь можно достовѣрнѣйшее свѣдѣніе о количествѣ привозимыхъ туда изъ Россіи мануфактурныхъ издѣлій, и имѣя въ виду, что главная закупка сихъ издѣлій для края совершается постоянно пребывающими въ Москвѣ армянами у тамошнихъ и частью владимірскихъ фабрикантовъ и кромѣ того на нижегородской ярмаркѣ тѣми же, временно пріѣзжающими на ярмарку, армянами, большею частью у тѣхъ же фабрикантовъ,—я поручилъ предсѣдателю

московскаго отдѣленія мануфактурнаго совѣта, д. с. с. барону Мейендорфу, отобрать, какъ отъ фабрикантовъ, такъ и отъ армянскихъ торговцевъ въ Москвѣ, свѣдѣнія, на какую сумму и какихъ издѣлій отправляется ими ежегодно въ Закавказскій край, причемъ убѣдить ихъ къ сообщенію полныхъ показаній, съ предъявленіемъ Мейендорфу соотвѣтствующихъ статей въ подлинныхъ конторскихъ книгахъ, или подлинныхъ счетовъ". По собраннымъ такимъ путемъ свѣдѣніямъ, привозъ изъ Россіи въ Закавказье опредѣленъ въ 5.534.600 руб. сер. Можно было предполагать, что отправка товаровъ въ край была больше, такъ какъ спрашивались только крупныя фирмы и книжныя записи провѣрялись у послѣднихъ. Спросъ болѣе мелкихъ купцовъ едва ли былъ удобовыполнимъ, что подтверждается тѣмъ, что баронъ Мейендорфъ вытребовалъ изъ московской казенной палаты выписку изъ книгъ московскаго маклера Лаушкина, изъ которой было видно, что въ 1844 г. отправлено въ Тифлисъ и другіе города Закавказья (не считая Нахичевани, куда большая часть товаровъ также отправляется для Закавказья) болѣе 3.600 мѣстъ съ разными русскими издѣліями". Эти свѣдѣнія не понравились кн. Воронцову и его сторонникамъ, и потому онъ въ своей запискѣ говоритъ: „Я счелъ необходимымъ собрать о семъ предметѣ, какъ частно, такъ и оффиціально, сколь возможно вѣрныя свѣдѣнія, — посредствомъ спроса всѣхъ торгующихъ въ Тифлисѣ купцовъ; о торговлѣ же прочихъ городовъ я потребовалъ такія же свѣдѣнія черезъ уѣздныхъ начальниковъ. Дознаніе сіе привело къ слѣдующимъ результатамъ: по показаніямъ тифлисскихъ торговцевъ, отобраннымъ отъ каждаго изъ нихъ порознь и которыя, по объясненію управляющаго тифлисскою таможнею, кому сіе дѣло было поручено, представляются преувеличенными, вслѣдствіе свойственнаго купцамъ желанія дать сколь можно высокое понятіе о размѣрѣ производимыхъ ими оборотовъ,—тифлисскіе торговцы, по сложности трехъ послѣднихъ лѣтъ, получаютъ въ годъ русскихъ товаровъ на 2.011.000 руб. Во всѣхъ прочихъ городахъ, по свѣдѣніямъ уѣздныхъ начальниковъ, привозъ русскихъ товаровъ составляетъ никакъ не болѣе 500.000 руб." Несмотря, однако, на убѣдительность этой статистики, вопросъ о возобновленіи свободной торговли въ Закавказьѣ не прошелъ, хотя въ законодательныхъ мѣрахъ для подобной торговли не настояло существенной необходимости, такъ какъ въ краѣ свободно процвѣтала торговля контрабандными товарами. Ввозъ контрабанды почти не встрѣчалъ препятствій по той простой причинѣ, что службу пограничной стражи (П. С. з., ст. 21.827) отправляло

мѣстное населеніе подъ названіемъ конныхъ нукеровъ или чапаровъ, совершенно не отвѣчавшихъ своему назначенію.

Несмотря на контрабанду и облегченныя таможенныя правила, которыя заключались въ томъ, что иностранные товары оплачивались пошлиной въ тифлисской складочной таможнѣ, цѣны на мануфактурныя произведенія въ Закавказьѣ были необыкновенно высоки, причемъ добротность этихъ товаровъ была ниже посредственной, такъ какъ мѣстные купцы-армяне, не встрѣчая конкуррентовъ на мѣстныхъ рынкахъ, поставили за правило — все нужное покупать какъ можно дешевле и продавать какъ можно дороже. Въ краѣ въ то время еще не было правильной торговли. Тифлисскіе купцы-армяне, какъ люди уже болѣе развитые и болѣе зажиточные, монополизировали торговлю въ краѣ: Тифлисъ сталъ поставщикомъ товаровъ для всего края, такъ какъ въ этомъ городѣ сосредоточивался главный контингентъ покупателей, состоявшій изъ русскихъ чиновниковъ, офицеровъ и кавказскихъ войскъ. Мѣстное населеніе попрежнему спало мирнымъ сномъ, сдѣлавъ уступку новому времени лишь въ томъ отношеніи, что начало довольствоваться для прикрытія своего грѣшнаго тѣла дешевой бязью, дешевыми ситцами и отслужившими срокъ солдатскими шинелями, пристрастіе къ которымъ среди грузинскихъ крестьянъ осталось до настоящихъ дней. Въ силу сказаннаго, мѣстные купцы совершенно уподоблялись маркитантамъ,—они довольствовали кавказскую армію и армію кавказскихъ чиновниковъ, причемъ какъ та, такъ и другая ничего не могли добыть иначе, какъ изъ рукъ мѣстныхъ армянскихъ купцовъ. Дѣйствуя вполнѣ солидарно и зная, что торговые обороты края весьма ограничены,—такъ какъ нельзя продать больше того, что нужно русскому пришлому народу и грузинскимъ князьямъ, эти купцы всѣ свои разсчеты строили на возможности продать товаръ по невѣроятно высокой цѣнѣ, а потому они являлись большимъ экономическимъ зломъ въ краѣ. Нужно было, во что бы то ни стало, создать конкурренцію на мѣстныхъ рынкахъ. Но въ созданіи послѣдней починъ былъ сдѣланъ помимо кн. Воронцова.

Не успѣвъ возобновить торговыхъ льготъ, практиковавшихся въ Закавказьѣ съ 1821 по 1832 г., кн. Воронцовъ тѣсно связалъ свое имя съ установленіемъ закавказскаго транзита. Кн. Воронцовъ неутомимо доказывалъ, что эта торговля будетъ благодѣтельна для Закавказья, такъ какъ она дастъ значительные заработки, какъ мѣстному купечеству, такъ равно и населенію, которое приметъ участіе въ перевозкѣ транзитныхъ товаровъ отъ

Чернаго до Каспійскаго моря. Старанія кн. Воронцова увѣнчались успѣхомъ: 14 декабря 1846 г. (П. С. з., ст. 20.699) послѣдовало высочайшее повелѣніе „Объ облегченіи Закавказскаго края въ торговлѣ“. Въ этомъ повелѣніи было, между прочимъ, сказано: „открыть безпошлинный транзитъ европейскихъ товаровъ изъ Редутъ-Кале и Сухумъ-Кале въ Персію черезъ Тифлисъ и Нахичевань и персидскихъ товаровъ въ Редутъ-Кале, на основаніи правилъ у сего приложенныхъ“. Правила эти были несложны: купецъ въ пограничной таможнѣ заявлялъ о желаніи своемъ отправить товаръ транзитомъ въ Персію или обратно; на мѣста этихъ товаровъ налагались таможенныя пломбы, и товаръ отправлялся подъ надзоромъ таможеннаго объѣздчика къ мѣсту назначенія.

Всѣ симпатіи кн. Воронцова въ области торговли были на сторонѣ Одессы, какъ складочнаго пункта европейскихъ товаровъ, а потому со стороны кн. Воронцова были приняты разныя мѣры къ облегченію сношеній закавказскихъ купцовъ съ Одессой. Одна изъ подобныхъ мѣръ заслуживаетъ особаго вниманія: кн. Воронцовъ исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе о предоставленіи купцамъ Закавказскаго края вносить деньги въ интендантство кавказскаго корпуса, по квитанціямъ котораго эти купцы, отправляясь за товарами въ Одессу, получали свои деньги изъ одесскаго коммерческаго банка. Какъ контролировались въ этихъ случаяхъ дѣйствія кавказскаго интендантства и коммерческаго банка—неизвѣстно, но безъ надлежащаго контроля эта операція могла обойтись казнѣ очень дорого.

Въ интересахъ же торговли въ Тифлисѣ былъ учрежденъ спеціальный коммерческій судъ, на что расходовалось изъ казны ежегодно 10.710 руб.

Вопросъ объ изъятіи изъ обращенія старой негодной грузинской и татарской монеты, обращеніе которой въ народѣ было неудобно, былъ рѣшенъ по настоянію кн. Воронцова въ томъ смыслѣ, чтобы правительство купило этотъ бракъ по его номинальной стоимости, не нанося населенію чувствительныхъ убытковъ. Какъ велики были въ этомъ случаѣ убытки казны, объ этомъ въ нашихъ лѣтописяхъ не имѣется указаній.

Чтобы развить въ населеніи края болѣе или менѣе утонченные вкусы, въ Тифлисѣ былъ построенъ театръ, въ которомъ вначалѣ играла русская и грузинская драматическія труппы, а затѣмъ была выписана итальянская оперная труппа. Это развитіе въ мѣстномъ населеніи вкуса къ прекрасному обошлось казнѣ очень дорого. По высочайшему повелѣнію на содержаніе тиф-

лисскаго театра назначена была субсидія по 12.000 руб. ежегодно. Но помимо этой субсидіи, кн. Воронцовъ съ 1845 по 1854 г.г. на содержаніе театра израсходовалъ изъ казенныхъ средствъ еще 124.463 руб. 63 коп.

Производя подобные крупные расходы на нужды края, кн. Воронцовъ, къ сожалѣнію, не принималъ никакихъ мѣръ къ усиленію его доходности, что видно изъ кассовыхъ вѣдомостей закавказской казенной палаты. Такъ, въ 1853 году поступило дѣйствительныхъ доходовъ — 2.214.847 руб. 12 коп.; въ томъ же 1853 г. израсходовано на гражданское управленіе края 3.153.256 руб. 99 коп.; вслѣдствіе чего получился дефицитъ въ 938.409 руб. 87 коп. Въ 1854 г. поступило дѣйствительныхъ доходовъ — 2.380.336 руб. 98 коп., а израсходовано въ томъ же 1854 г. на гражданское управленіе краемъ 3.263.085 руб. 56½ коп., вслѣдствіе чего получился дефицитъ въ 883.748 руб. 58½ коп. Всѣ эти дефициты покрывались на счетъ монетнаго двора и государственнаго казначейства.

Но, помимо перечисленныхъ выше доходовъ и расходовъ, въ краѣ ежегодно расходовались значительныя суммы военнымъ вѣдомствомъ. Эти расходы подраздѣлялись на двѣ группы — расходы мирнаго времени и расходы, вызываемые войной. Расходы первой группы въ 1853 г. выразились въ суммѣ 6.966.157 р.

Что же касается расходовъ чисто военныхъ, то въ мѣстныхъ архивахъ о размѣрѣ этихъ расходовъ свѣдѣній не имѣется, по той причинѣ, что кн. Воронцовъ вовсе не настаивалъ на составленіи отчетовъ. Изъ отношенія государственнаго контролера къ кн. Воронцову, отъ 13 февраля 1854 г., читаемъ: „Интендантство отдѣльнаго кавказскаго корпуса не доставило государственному контролю отчетовъ по мирнымъ расходамъ за 1847, 1848, 1850 и 1851 г.г. и по военнымъ расходамъ съ 1843 по 1851 г.г. и сверхъ того отчетовъ дополнительныхъ съ 1837 г.“.

А потому остается только предполагать, что эти расходы были немалые. Довольствіе войскъ провіантомъ обходилось казнѣ дорого, что видно изъ сохранившихся вѣдомостей кавказскаго интенданта.

Такимъ образомъ, результатомъ девятилѣтняго управленія краемъ кн. М. С. Воронцова получилось: израсходованы непроизводительно въ краѣ многіе милліоны рублей, добытые потомъ и кровью русскими плательщиками государственныхъ податей; казенная собственность въ видѣ недвижимой земельной собственности совершенно расхищена, — осталось только то, что казалось

ничего нестоющимъ; грузинское дворянство, усвоившее внѣшній лоскъ цивилизацій, совершенно разстроило свое матеріальное положеніе, ставъ легкой добычей разнаго рода эксплоататоровъ; то же дворянство, получавшее не по заслугамъ отвѣтственныя должности на государственной службѣ, усвоило себѣ мысль, что оно должно пользоваться исключительнымъ положеніемъ среди остального русскаго дворянства, и что правительство обязано всѣми своими средствами поддерживать грузинское дворянство; наплывъ въ край чужихъ денегъ, незначительность податного обложенія, свобода по отбыванію воинской повинности—совершенно деморализовали мѣстныя производительныя силы края.

Н. Г. Макіевскій-Зубокъ.

СВЯТОЙ

РОМАНЪ.

Antonio Fogazzaro. Il Santo. Romanzo. Milano, 1906 (Casa edit. Castoldi).

III *).

Бурныя ночи.

Спускаясь къ рѣшеткѣ домика Сельвы, донъ Клементій спрашивалъ себя съ тайной тревогой: узналъ онъ ее или нѣтъ? А если узналъ, то какъ это на него подѣйствовало? Внизу, у входа, онъ обернулся къ тому, кого звалъ Бенедетто, и взглянулъ ему въ лицо—изможденное, блѣдное, одухотворенное мыслью. На немъ не было слѣдовъ волненія. Глаза его отвѣтили на взглядъ дона Клементія удивленно, точно спрашивая: почему вы меня разглядываете? Монахъ подумалъ: „Можетъ быть, онъ не узналъ ее, или же думаетъ, что я не знаю, кто она". Онъ взялъ Бенедетто подъ руку и, крѣпко держа его, безмолвно повернулъ вмѣстѣ съ нимъ къ рѣкѣ. Пройдя нѣсколько минутъ подъ деревьями, онъ сказалъ:

— Что же ты не спрашиваешь, что было на собраніи?— Въ тонѣ его вопроса звучала большая нѣжность.

— Разскажите пожалуйста,—попросилъ Бенедетто усталымъ и равнодушнымъ тономъ.—„Онъ ее узналъ",—рѣшилъ про себя донъ Клементій, и сталъ говорить о собраніи, какъ человѣкъ, занятый другимъ, безъ всякаго воодушевленія, не останавливаясь на подробностяхъ; спутникъ же его ни разу не прервалъ его вопросами или замѣчаніями.

---

*) См. выше: январь, стр. 236.

— Мы разошлись, — сказалъ донъ Клементій, — ничего не порѣшивъ, потому что къ Сельвѣ пріѣхали гости. Поэтому я не успѣлъ также устроить работу для тебя у синьора Джіованни. Но завтра, кажется, мы опять соберемся—или всѣ, или только часть. А ты,—прибавилъ онъ нерѣшительно,—хочешь еще разъ придти или нѣтъ?

Бенедетто отвѣтилъ тѣмъ же беззвучнымъ голосомъ, продолжая идти:

— Пріѣзжія дамы, которыхъ я видѣлъ, еще останутся?

Донъ Клементій крѣпко сжалъ ему руку.

— Не знаю,—сказалъ онъ и прибавилъ:—Еслибы я зналъ...

Бенедетто открылъ ротъ, чтобы что-то сказать, но удержался.

Они въ молчаніи продолжали идти по гористой мѣстности, которая производила жуткое впечатлѣніе въ темнотѣ, въ особенности изъ-за глухого рева рѣки. Черезъ нѣсколько времени Бенедетто остановился.

— Падре,—сказалъ онъ,—мнѣ нужно поговорить съ вами. Можетъ быть, наша бесѣда будетъ долгая.

— Хорошо, милый, но теперь поздно, войдемъ въ монастырь.

Бенедетто жилъ въ домѣ для странниковъ, который соединялся длиннымъ дворомъ съ одной стороны съ улицей, съ другой—съ корридоромъ монастыря.

— Я не хотѣлъ бы вернуться въ монастырь въ эту ночь, падре,—сказалъ онъ.

— Ты не хочешь вернуться сегодня на ночь?

Въ теченіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ свободномъ служеніи монастырскому уставу, Бенедетто нѣсколько разъ, съ разрѣшенія своего учителя, проводилъ ночь въ горахъ, въ молитвѣ. Донъ Клементій понялъ, что для его ученика наступилъ моментъ тяжкой душевной борьбы, и что ему хотѣлось вырваться вонъ изъ стѣнъ монастыря, гдѣ воображеніе его осаждали мрачныя мысли.

— Выслушайте меня, падре!—сказалъ Бенедетто.

Онъ произнесъ эти слова очень рѣшительно, и донъ Клементій понялъ всю важность того, что Бенедетто хотѣлъ высказать, и уже не настаивалъ на неудобствѣ поздняго часа. Они пошли дальше по дорогѣ, подождали, пока проѣхали мимо приближавшіеся издали всадники, и тогда Бенедетто молча обнялъ своего учителя. Донъ Клементій, изумленный, чувствуя, какъ онъ весь дрожитъ, и увѣренный, что его такъ взволновала встрѣча съ Жанной, сталъ его ободрять:

— Мужайся, милый, мужайся! Это—испытаніе, которое тебѣ посылаетъ Господь.

— Нѣтъ, это не то, что вы думаете,—тихо сказалъ Бенедетто, попросилъ учителя сѣсть на камень, а самъ сѣлъ на траву и скрестилъ руки на груди.—Съ сегодняшняго утра,—сказалъ онъ,—я чувствую новую волю Господню относительно себя, но не могу ясно понять ее. Вы знаете, что три года тому назадъ, въ маленькой церкви, гдѣ я молился за мою умирающую жену, у меня было видѣніе; но еще до него, когда я стоялъ закрывъ глаза, я ясно прочелъ внутреннимъ взоромъ слова Марты: „Учитель здѣсь и зоветъ тебя". Сегодня утромъ, когда вы служили въ церкви, я увидѣлъ передъ собой тѣ же слова, и внутренній голосъ настойчиво повторялъ: „Неужели ты не понимаешь, неужели не понимаешь?" Я весь день былъ взволнованъ, потомъ сталъ читать св. Августина, и когда углубился въ него, то мнѣ послышался громкій голосъ съ улицы: „Учитель здѣсь и зоветъ тебя". Мнѣ это, вѣроятно, только послышалось послѣ долгаго чтенія Августина, но все же я весь задрожалъ и у меня явилась тревожная мысль: что, если Господь повелѣваетъ мнѣ стать монахомъ? Это вѣдь совпадало съ моимъ видѣніемъ, которому вы и донъ Джузеппе Флоресъ совѣтовали не вѣрить, говоря, что у меня нѣтъ призванія къ монашеству. И дѣйствительно, у меня странное нежеланіе вступить въ какой-либо изъ монашескихъ орденовъ. Но, можетъ быть, это нежеланіе послано мнѣ какъ испытаніе. Я хотѣлъ сказать вамъ объ этомъ, когда мы отправлялись къ синьору Сельва, но вы такъ торопились, что я не успѣлъ. Тамъ, сидя въ саду, я почувствовалъ глубокую усталость, и заснулъ на нѣсколько минутъ. Во снѣ я увидѣлъ дона Джузеппе Флореса, который сказалъ мнѣ, что Господь меня зоветъ.—Куда, куда Онъ меня зоветъ?—спросилъ я съ такой мукой въ душѣ, что проснулся. Въ эту минуту раздались голоса пріѣзжихъ дамъ. Я узналъ ея голосъ, и окончательно убѣдился въ томъ, что это она, когда она приблизилась. На минуту я растерялся, но потомъ у меня просвѣтлѣло въ душѣ; я почувствовалъ близость Господню, и не страшился болѣе ни за себя, ни за нее. Я сейчасъ же рѣшилъ, что если мы встрѣтимся наединѣ, я буду говорить съ ней какъ съ сестрой, попрошу у нея прощенія. Я вѣрю, что скажу ей истину, что внушу ей надежду на душевный покой для нея, и разсѣю ея страхъ за меня.

Донъ Клементій перебилъ его въ ужасѣ:

— Нѣтъ, не надо ничего ей говорить, сынъ мой,—сказалъ онъ, внутренно рѣшивъ предотвратить ихъ встрѣчу, предупредивъ Сельву.

— Я понимаю,—продолжалъ Бенедетто грустнымъ тономъ,—

всѣ ваши возраженія, но если я ее встрѣчу, развѣ я не долженъ обратить ее къ добру, какъ прежде я обращалъ ее ко злу? Вѣдь вы сами меня учили, что, любя Бога превыше всего, нельзя заботиться болѣе всего о спасеніи собственной души. Когда любишь, не думаешь о себѣ,—вы сами говорили это.

— Хорошо, хорошо, милый!—отвѣтилъ падре, гладя его по головѣ.—А все-таки завтра ты пойдешь въ Дженнэ, и тамъ останешься, пока я не позову тебя обратно. Я дамъ тебѣ письмо къ настоятелю церкви. Онъ хорошій человѣкъ, и ты будешь жить у него. Понялъ? А теперь, пойдемъ въ монастырь, потому что уже поздно.

Онъ всталъ, и вслѣдъ за нимъ поднялся Бенедетто. Пробили часы надъ ихъ головами, и донъ Клементій, не начавъ сразу считать удары, не зналъ, пробило ли десять, или одиннадцать. Онъ потерялъ сознаніе времени среди стольких неожиданныхъ волненій. Они медленно шли по крутой каменистой дорогѣ для муловъ,—донъ Клементій впереди, Бенедетто за нимъ,—оба молчали и у каждаго изъ нихъ бушевала буря въ груди; глухой ревъ рѣки былъ къ ней надлежащимъ аккомпанементомъ. Бенедетто думалъ о томъ, какими таинственными путями онъ совершилъ свой путь отъ первой встрѣчи съ Жанной, тоже въ монастырѣ, въ Праліи, гдѣ Жанна его соблазняла и покорила,—къ этому монастырю, гдѣ душа его крѣпка, несмотря на близость Жанны. А въ сердцѣ дона Клементія житейское благоразуміе боролось съ влеченіемъ къ святости, которую онъ проповѣдывалъ своему любимому ученику въ спокойное время. Доводы благоразумія дѣйствовали на него своей очевидностью; внушенія святости влекли издалека своей строгой и грустной красотой. Онъ смотрѣлъ на двѣ звѣзды, сіявшія вверху, какъ ему казалось, кроткимъ и печальнымъ свѣтомъ. „О, нечистая земля,—думалъ онъ,—грустная земля! И нечисто, быть можетъ, и благоразуміе, жалкое земное благоразуміе!“

Они прошли мимо главнаго входа въ ограду монастыря, прошли по темной галереѣ, которая тянулась подъ библіотекой, и дошли до запертой двери, у которой донъ Клементій позвонилъ. Имъ пришлось ждать, потому что послѣ десяти часовъ всѣ ключи монастыря передаются настоятелю.

— Такъ вы мнѣ позволите,—спросилъ Бенедетто,—провести ночь внѣ дома?

Бенедетто показался теперь дону Клементію слишкомъ слабымъ и больнымъ, и онъ боялся за его здоровье, пострадавшее отъ полевыхъ работъ и отъ лишеній, которыя онъ налагалъ на

себя. Онъ ему это сказалъ, но Бенедетто сталъ умолять учителя не думать о его плоти, такъ какъ для него единственно важное —понять, какъ онъ долженъ поступить. Онъ говорилъ, что ночью въ горахъ онъ ближе всего чувствуетъ близость къ Богу. Убѣжденный его доводами, учитель поцѣловалъ его въ лобъ и благословилъ, обѣщая молиться за него.

Въ коридорѣ послышались шаги; въ замкѣ повернулся ключъ. Бенедетто исчезъ какъ тѣнь.

Старикъ фра Антоніо, привратникъ монастыря, почтительно сказалъ дону Клементію, открывая ему дверь, что его ждетъ у себя отецъ-настоятель. Донъ Клементій поднялся, съ фонарикомъ въ рукахъ, въ коридоръ, гдѣ находилось помѣщеніе настоятеля и нѣсколько дальше—келья самого дона Клементія.

Настоятель, падре Омобоно Равазіо изъ Бергамы, ждалъ его въ своей скромной пріемной, единственнымъ украшеніемъ которой была хорошая картина Моронэ. Настоятель очень любилъ живопись и музыку. Онъ былъ умный, очень культурный человѣкъ съ живымъ смышленымъ лицомъ и нѣсколько грубоватыми манерами, удивлявшими монаховъ, которые привыкли къ аристократизму его предшественника, знатнаго римлянина. Падре Омобоно пріѣхалъ изъ Пармы, и только за три дня до того вступилъ въ управленіе монастыря.

Донъ Клементій опустился на колѣни и поцѣловалъ руку настоятеля.

— Что это вы замѣшкались въ Субіакѣ?—спросилъ настоятель. — Вмѣсто десяти часовъ вы вернулись въ одиннадцать и отняли у себя часъ сна, а теперь я долженъ отнять у васъ еще часокъ, чтобы задать вамъ два вопроса. Вы пошли къ нѣкоему синьору Сельва. Скажите же мнѣ, ваша совѣсть спокойна?

Получивъ отъ дона Клементія утвердительный отвѣтъ, настоятель медленно понюхалъ табаку и снова заговорилъ:

— Я очень радъ, но меня это удивляетъ. Я вашего Сельву не знаю, но въ Римѣ онъ извѣстенъ. Онъ, кажется, пишетъ о религіи въ духѣ Росмини, и сегодня я получилъ письмо изъ Рима съ сообщеніемъ, что именно сегодня должно было состояться собраніе въ домѣ еретика Сельвы. Меня предупреждаютъ, что и вы, вѣроятно, собираетесь быть тамъ, и просятъ не пускать васъ туда. Но васъ уже не было, когда получилось письмо, а такъ какъ ваша совѣсть спокойна, то, очевидно, мнѣ написали неправду.

Донъ Клементій отвѣтилъ, что Сельва не еретикъ, и что на собраніи говорили о недугахъ церкви и о томъ, какъ ихъ из-

лечить,—и говорили такъ, что настоятель, навѣрное, согласился бы съ ораторами.

Настоятель отвѣтилъ, что не дѣло монаха искать средствъ для исцѣленія церкви; его дѣло — только молиться. — Поэтому, сынъ мой, не ходи больше въ этотъ домъ!.. Ради спокойствія нашей обители, не проси у меня больше разрѣшенія ходить туда.

Онъ перешелъ на „ты“ и ласково коснулся рукой плеча монаха, огорченнаго тѣмъ, что онъ не увидитъ больше полюбившихся ему друзей и, главное, не сможетъ поговорить съ синьоромъ Джіованни и отвратить опасность, грозящую Бенедетто. Онъ пробовалъ еще разъ увѣрить настоятеля въ искреннемъ благочестіи Сельвы, но тотъ твердо стоялъ на своемъ, повторяя, что монахи его монастыря ни въ какихъ обсужденіяхъ недуговъ церкви участвовать не должны, и что онъ запрещаетъ дону Клементію ходить къ Сельвѣ.

— А теперь о другомъ,—сказалъ онъ.—Я узналъ, что въ домѣ для странниковъ, гдѣ никто посторонній не имѣетъ права поселиться навсегда, уже три года живетъ молодой человѣкъ, помѣщенный тамъ вами, — конечно, съ разрѣшенія моего предшественника. Вы—его духовный наставникъ и, кажется, очень привязаны къ нему. Правда, что онъ работаетъ въ саду и обнаруживаетъ большое благочестіе, служащее примѣромъ и для другихъ; но такъ какъ онъ, повидимому, не имѣетъ намѣренія постричься въ монахи, то его пребываніе здѣсь нарушаетъ нашъ уставъ. Что вы мнѣ можете на это сказать?

Донъ Клементій зналъ, что въ монастырѣ многіе косятся на его дружбу съ Бенедетто. У него уже были непріятности по этому поводу, и теперь его возмутило, что настоятеля успѣли съ первыхъ же дней возстановить противъ его ученика. Онъ покраснѣлъ отъ возмущенія и не сразу отвѣтилъ, стараясь раньше подавить закипѣвшее въ немъ гнѣвное чувство; потомъ онъ сказалъ, что считаетъ своимъ долгомъ разсказать настоятелю всю исторію Бенедетто.

— Этотъ молодой человѣкъ,—сказалъ онъ, — нѣкій Пьеро Майрони изъ Бресчіи; вы, вѣроятно, слыхали о его семьѣ. Отецъ его, донъ Франко Майрони, женился на простой, бѣдной дѣвушкѣ. Родителей у него уже не было, и онъ жилъ у бабушки, маркизы Майрони, очень властной и гордой женщины.

— Какъ же!—воскликнулъ аббатъ:—я ее зналъ. Ужасное созданіе! Я отлично помню ее. У нея было двѣнадцать кошекъ, и она носила большой черный парикъ.

— Я только слышалъ про нее, но не видалъ, — сказалъ

донъ Клементій съ улыбкой, и сталъ разсказывать дальше. — Такъ, вотъ, эта бабушка и слышать не хотѣла о такомъ неравномъ бракѣ. Молодая чета нашла пріютъ у дяди жены, которая тоже была сирота. Донъ Франко пошелъ въ солдаты въ 1859 г. и умеръ отъ раны. Жена его умерла вскорѣ послѣ него. Сына ихъ приняла къ себѣ бабушка Майрони, а послѣ ея смерти—его венеціанскіе родные. Бабушка оставила ему огромное состояніе. Онъ женился на дочери своихъ родственниковъ, но она, къ несчастью, сошла съ ума, кажется, вскорѣ послѣ свадьбы. Онъ очень страдалъ изъ-за этого и велъ уединенную жизнь, пока не встрѣтилъ, къ своему несчастью, женщину, разведенную съ мужемъ. Тогда онъ пережилъ время глубокаго паденія и въ своемъ образѣ жизни, и въ отношеніи къ религіи. Потомъ вновь все измѣнилось какимъ-то чудомъ. Его жена передъ смертью пришла въ себя, призвала мужа, говорила съ нимъ и умерла какъ святая. Эта смерть обратила его сердце къ Богу; онъ покинулъ ту женщину, отказался отъ богатства и ночью ушелъ изъ дому, никому не говоря—куда. Такъ какъ онъ видѣлъ меня въ Бресчіи и чувствовалъ симпатію къ нашему ордену, то явился сюда, разсказалъ мнѣ свою жизнь и умолялъ меня помочь ему вернуться къ праведной жизни. Я думалъ, что онъ хочетъ вступить въ нашъ орденъ, но онъ сказалъ, что считаетъ себя недостойнымъ, и не знаетъ, какова воля Господня относительно его. Пока же онъ хочетъ жить въ покаяніи, работать, зарабатывать хлѣбъ—нищенскій хлѣбъ—собственными руками. Онъ еще говорилъ мнѣ о какихъ-то своихъ видѣніяхъ. Я все это передалъ тогдашнему настоятелю, и рѣшено было, чтобъ онъ жилъ въ домѣ для странниковъ, работалъ въ качествѣ младшаго садовника и за это получалъ жалкую пищу, которою онъ ограничивался. Въ теченіе трехъ лѣтъ онъ не пилъ ни вина, ни молока, не съѣлъ ни одного яйца, а питался только хлѣбомъ, маисомъ, плодами и овощами. Онъ живетъ какъ святой,—это подтвердитъ каждый въ монастырѣ,—но считаетъ себя великимъ грѣшникомъ.

— Гм... такъ вотъ оно что!—задумчиво сказалъ настоятель.—Но почему онъ не вступаетъ въ орденъ?.. Да, еще объ одномъ я васъ хотѣлъ спросить: вы знаете, что онъ нѣсколько ночей провелъ внѣ монастырскихъ стѣнъ?

— Да, онъ молился въ горахъ,—отвѣтилъ донъ Клементій, и самъ почувствовалъ, что краснѣетъ.

— Можетъ быть, — сказалъ настоятель, — но не всѣ этому вѣрятъ. Лучше, чтобы онъ молился у себя въ кельѣ... Скажите, какъ его зовутъ?

— Пьеро; но онъ, придя сюда, захотѣлъ измѣнить имя, и я его назвалъ Бенедетто, считая, что это имя для него подходящее.

Настоятель выразилъ желаніе повидать синьора Бенедетто, и приказалъ дону Клементію прислать его на слѣдующее утро, послѣ ранней заутрени. Донъ Клементій нѣсколько смутился, и долженъ былъ сознаться, что не можетъ ручаться за приходъ Бенедетто въ назначенное время, такъ какъ и въ эту ночь онъ ушелъ изъ монастыря, и нельзя съ точностью опредѣлить, въ которомъ часу онъ вернется. Настоятель выразилъ большое неудовольствіе. Донъ Клементій въ виду этого рѣшился разсказать о встрѣчѣ съ синьорой Десаль, прежней возлюбленной Бенедетто, о разговорѣ на возвратномъ пути и о томъ, что онъ намѣренъ послать Бенедетто въ Дженнэ, чтобы онъ тамъ остался до отъѣзда синьоры Десаль. Настоятель выслушалъ его, нахмуривъ брови, и сказалъ очень сердитымъ голосомъ:

— Пусть онъ возвращается въ сѣти грѣха. Пусть уходитъ отъ насъ. Пусть ѣдетъ въ Дженнэ и еще куда-нибудь подальше. И всего этого вы мнѣ не разсказали сразу?! Вамъ казалось неважнымъ, что въ монастырѣ разыгрываются такія интриги? Уходите, уходите...

Донъ Клементій хотѣлъ отвѣтить, что никакихъ интригъ тутъ нѣтъ, что онъ даже не былъ увѣренъ, узнала ли синьора Десаль его ученика, и все-таки рѣшилъ его удалить, на всякій случай. Но свое желаніе оправдаться онъ подавилъ въ себѣ, какъ недостойный взрывъ самолюбія, и ушелъ, смиренно попрощавшись съ настоятелемъ.

Взявъ фонарикъ, оставленный въ корридорѣ, донъ Клементій не пошелъ, однако, сразу къ себѣ въ келью, а медленно направился по длинному корридору въ самую глубь, къ витой лѣстницѣ, по которой спустился тоже очень медленнымъ шагомъ; очутившись въ очень узкомъ корридорѣ внизу, онъ направился въ часовню. Онъ сосредоточенно думалъ о своемъ любимомъ ученикѣ, о недоброжелательствѣ къ нему всей братьи и о томъ, что ему придется теперь принять окончательное рѣшеніе: или произнести монашескій обѣтъ, или оставить монастырь. Донъ Клементій возлагалъ большія надежды на Бенедетто; его мистическій пылъ и его смиренный духъ казались дону Клементію знаками высшаго призванія. Правъ былъ швейцарскій аббатъ, говорившій у Сельвы, что нуженъ новый святой, и, быть можетъ, желательно именно, чтобы этотъ святой былъ міряниномъ. Дону Клементію казалось, что Бенедетто и есть тотъ святой,

котораго ждутъ,—и поэтому онъ видѣлъ какъ бы знакъ свыше въ отвращеніи Бенедетто отъ монашества. Такимъ же предначертаніемъ божественной воли онъ считалъ пріѣздъ Жанны Десаль; вѣдь ея присутствіе заставитъ его какъ можно скорѣе покинуть монастырь. Но что съ нимъ теперь на горѣ? Какое рѣшеніе укрѣпилось въ его сердцѣ? Донъ Клементій вошелъ въ часовню, опустился на колѣни и поднялъ глаза на большой образъ Христа, который въ эту торжественную минуту показался ему живымъ, явственно призывающимъ къ себѣ всѣхъ страждущихъ и колеблющихся. Погрузившись въ размышленія, онъ сталъ думать о томъ, въ чемъ никогда не признавался даже самому себѣ. Онъ ясно чувствовалъ въ эту минуту, что все въ ихъ старинномъ монастырѣ мертво, кромѣ живого Христа, что монастырь пересталъ быть очагомъ духовнаго свѣта, отъ котораго расходятся лучи христіанской вѣры по всему міру. Онъ застылъ въ традиціонныхъ формахъ благочестія, и въ стѣны его не проникаетъ свѣжая струя жизни; монахи не имѣютъ общенія, какъ въ ранніе вѣка, съ природой, не поддерживаютъ ея творческихъ силъ своимъ плодотворнымъ трудомъ. Джіованни Сельва заразилъ дона Клементія въ частыхъ бесѣдахъ своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ современнымъ формамъ монастырской жизни, и теперь, думая о Бенедетто, онъ все болѣе проникался чувствомъ протеста противъ монастыря. Въ душѣ его жила надежда, что Бенедетто сдѣлается великимъ поборникомъ евангельской истины,—не обыкновеннымъ проповѣдникомъ, а исключительно плодотворнымъ работникомъ во славу Христа, не воиномъ регулярнаго дисциплинированнаго церковнаго войска, а свободнымъ рыцаремъ святого Духа. Донъ Клементій никогда съ такой ясностью не чувствовалъ той глубокой пропасти, которая отдѣляетъ монастырь съ его застывшимъ уставомъ отъ идеала святости, соотвѣтствующей духу современности. И ему стало страшно при мысли, что Бенедетто приметъ рѣшеніе, противоположное горячему желанію его учителя, что онъ выберетъ монастырь.

Но донъ Клементій испугался. Не совершаетъ ли онъ почти смертный грѣхъ своимъ судомъ надъ путями Господними, своимъ желаніемъ воздѣйствовать на рѣшенія Бенедетто? Стоя на колѣняхъ, охваченный порывомъ глубокаго раскаянія, онъ шепталъ о преклоненіи своемъ передъ волей Господней, какова бы она ни была. Потомъ онъ поднялся и вышелъ изъ часовни; но вмѣсто того, чтобы направиться къ себѣ въ келью, онъ прошелъ во второй монастырскій дворъ и сталъ глядѣть въ сторону горъ, гдѣ проводилъ эту ночь въ молитвѣ Бенедетто. Нѣсколько звѣздъ

блистали надъ утесистой черной стѣной горъ, и при ихъ слабомъ свѣтѣ вырисовывались на монастырскомъ дворѣ площадка, нѣсколько небольшихъ деревъ, огромная старая башня аббата Умберто, своды галереи, старыя вѣковыя стѣны и въ стрѣльчатомъ сводѣ надъ большимъ порталомъ—двойной рядъ каменныхъ фигуръ, изображавшихъ шествіе монаховъ. Монастырскій дворъ и въ особенности башня имѣли очень внушительный видъ среди ночи. При свѣтѣ звѣздъ монастырь казался болѣе живымъ, нежели днемъ, при солнцѣ; онъ высился въ какомъ-то мистическомъ общеніи съ звѣздами. Въ немъ какъ бы слился воедино духъ разныхъ эпохъ,—такъ, какъ образуется органическое архитектурное цѣлое изъ множества обтесанныхъ камней и каменныхъ изваяній, какъ разныя мысли и чувства слиты въ единой человѣческой личности. Старые камни, насыщенные любовью душъ, жившихъ среди нихъ, ихъ святыми желаніями и святой скорбью, ихъ жалобами и мольбами, сохраняли отпечатокъ минувшаго, сіяли свѣтомъ, проникавшимъ въ глубину души. Эти служители Бога, ушедшіе отъ міра, чтобы удалиться отъ зла, могли быть источникомъ обновленной силы. Но для того, чтобы камни оставались живыми, нужно было, чтобы потокъ жизни проходилъ черезъ нихъ, чтобы тамъ не переводились пламенныя, проникнутыя жаждой самоуглубленія души. Но эти мысли о паденіи монашескаго идеала легли на душу дона Клементія какъ тяжкій грѣхъ. Онъ почувствовалъ, что онѣ коренятся въ самолюбивыхъ мечтахъ, въ духовномъ стяжательствѣ отъ котораго такъ предостерегаютъ мистики—его учителя. Крѣпко сжавъ руки, онъ устремилъ пристальный взоръ на гору, гдѣ, вѣроятно, въ эту минуту молился Бенедетто, и внутренно отказался отъ своевольныхъ желаній относительно его будущаго. Онъ поручилъ его волѣ Божіей, заранѣе благословляя рѣшеніе свыше, все равно, направитъ ли оно Бенедетто къ монашеской жизни, или же вернетъ въ міръ.

Направившись наконецъ обратно къ себѣ въ келью, донъ Клементій сталъ снова думать о своемъ разговорѣ съ настоятелемъ, о злѣ, тяготѣющемъ надъ церковью, и о средствахъ исцѣленія ея. Онъ вспомнилъ также бесѣды съ синьоромъ Джіованни о словахъ: „да будетъ воля Твоя", понимаемыхъ обыкновенно какъ выраженіе одной только покорности, между тѣмъ какъ въ нихъ преподанъ долгъ напрягать всѣ свои силы для того, чтобы осуществить законы божескіе въ сферѣ свободной человѣческой дѣятельности. Синьоръ Джіованни больше волновалъ его своими словами, чѣмъ настоятель. Такъ кто же изъ нихъ двухъ сказалъ слово истины?

Прежде чѣмъ войти въ свою келью, донъ Клементій подошелъ къ окну и, въ корридорѣ, глядя на далекіе огни Субіака, подумалъ о красной виллѣ и о женщинѣ, которая туда пріѣхала. Любила ли она еще Пьеро Майрони? Знаетъ ли она, что онъ укрылся въ монастырѣ Св. Схоластики? Узнала ли она его и что намѣрена предпринять? Она, навѣрное, не осталась въ маленькой квартиркѣ Сельвы и живетъ въ какомъ-нибудь изъ отелей Субіака. Неужели же эти далекіе огни—свѣтъ изъ непріятельскаго лагеря? Донъ Клементій перекрестился и прошелъ въ свою маленькую келью, для короткаго сна до ранней заутрени.

Бенедетто пошелъ по дорогѣ, которая вела къ монастырю Священнаго Грота. Поднимаясь вверхъ по каменистымъ тропинкамъ, онъ сталъ искать камень, на которомъ въ предшествующій разъ молился всю ночь. Поиски нѣсколько остудили пламенныя мистическія мысли, съ которыми онъ вышелъ изъ монастыря, и боясь, что въ эту ночь не наступитъ для него внутреннее просвѣтленіе, онъ опустился на колѣни и погрузился въ молитву, заглушая всѣ осаждавшія его мысли. Онѣ казались ему искушеніями, ввергающими его душу въ грѣхъ. Уставъ стоять на колѣняхъ, онъ сѣлъ на камни, закрывъ глаза, и отдыхалъ, вдыхая запахъ дикихъ травъ, растущихъ между камнями. Тогда передъ его внутреннимъ взоромъ появился образъ Жанны съ блѣднымъ лицомъ подъ большой черной шляпой съ перьями; она улыбалась ему глазами, полными слезъ.

Сердце его крѣпко забилось, и онъ напрягъ всѣ свои внутреннія силы, чтобы побѣдить влеченіе къ обаятельному образу. Онъ сосредоточился мысленно на представленіи о монастырѣ Святой Схоластики, столь близкомъ его сердцу, сталъ представлять себѣ башню на монастырскомъ дворѣ, церковь, часовню, алтарь, кельи, распятія у изголовья монаховъ и ангельское лицо своего учителя, мирно спящаго въ этотъ часъ,—и побѣдилъ этими представленіями образъ женщины съ блѣднымъ лицомъ, оттѣненнымъ большой шляпой съ черными перьями. Лицо ея стало все рѣже мелькать передъ нимъ и потерялось въ безсознательныхъ глубинахъ его души. Тогда онъ поднялся и, сложивъ молитвенно руки, сталъ повторять слова „Подражанія Христу“, поручая себя рѣшеніямъ воли Господней. Ему стало легче,—духъ мятежности оставилъ его душу; но ангелъ мира все же еще не спустился въ нее. Утомленная мысль его останавливалась только на образахъ и представленіяхъ внѣшняго міра, на смутныхъ бѣ-

лыхъ формахъ среди ночной тьмы, на далекомъ рокотѣ воды, на слабомъ ароматѣ травы подлѣ него. Онъ крѣпко сжалъ руки и обратилъ жадный взоръ въ сторону монастыря. Онъ молился, чтобы Господь помогъ ему, не допустилъ бы его пораженія. И тогда въ глубинѣ его души, помимо его воли, возникли образы, которыхъ онъ, по совѣту своего учителя, никогда болѣе не вызывалъ въ себѣ съ того времени, какъ поселился въ монастырѣ,— образы видѣнія, запись о которомъ хранилась у дона Джузеппе Флореса.

Онъ увидѣлъ себя стоящимъ на колѣняхъ въ Римѣ, на площади св. Петра, между обелискомъ и папертью великаго храма, освѣщеннаго луной. Площадь пустынна; шумъ далекой рѣки казался Бенедетто въ эту минуту шумомъ фонтановъ на площади. На ступеняхъ собора стоитъ толпа людей, одѣтыхъ въ красныя, фіолетовыя и черныя одежды. Они грознымъ жестомъ указываютъ ему пальцемъ на замокъ Св. Ангела, какъ бы прогоняя его изъ священнаго мѣста. Но вотъ ему уже представляется нѣчто новое, не входившее въ прежнее видѣніе. Ему кажется, что онъ поднимается, гордо выпрямившись, на встрѣчу враждебной толпѣ. И за спиной его раздаются восторженные клики, со всѣхъ сторонъ на площадь стекаются массы народа, подхватываютъ его и вносятъ его на ступени храма, провозглашая его реформаторомъ церкви, намѣстникомъ Христа. Онъ оборачивается лицомъ къ толпѣ и дѣлаетъ жестъ, знаменующій его власть надъ католическимъ міромъ. Въ эту минуту у него мелькаетъ мысль о сатанѣ, предлагающемъ Христу царство земное, и онъ съ ужасомъ падаетъ ницъ на камни, чувствуя себя недостойнымъ столь великаго искушенія и взывая о помощи своей истерзанной душѣ.

Бенедетто долго стоялъ на колѣняхъ въ нѣмой молитвѣ въ смутномъ ожиданіи чего-то, чего онъ самъ не могъ опредѣлить. Потомъ онъ снова сѣлъ на камни и глубоко вздохнулъ. Онъ чувствовалъ, что въ эту ночь ему не будетъ просвѣтленія. Минуты медленно текли. Утомленная душа жаждала для своего успокоенія послѣдней части видѣнія—когда онъ какъ бы вознесся по бурному ночному небу — навстрѣчу спускающимся ангеламъ. И онъ смутно подумалъ, что ему нечего печалиться. Если это ждетъ его въ грядущемъ, то онъ можетъ только радоваться. Онъ не будетъ побѣжденъ въ готовящемся ему искушеніи, а если и будетъ, то Богъ поможетъ ему воспрянуть. Нечего жаждать теперь откровеній божественной воли.

Бенедетто рѣшилъ, что можетъ спуститься съ горы и вер-

нуться къ себѣ. Онъ поднялся съ тяжелой, какъ свинецъ, головой и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ монастырю, но сейчасъ же остановился. Ноги отказывались ему служить, и ему бросилась кровь въ голову. Онъ уже около сутокъ ничего не имѣлъ во рту, и теперь почувствовалъ острый приступъ голода. Въ головѣ у него замутилось, по всему тѣлу стали бѣгать мурашки, и онъ никакъ не могъ совладать съ дрожью, охватившей его. Онъ потерялъ ясное сознаніе мѣста, гдѣ находится; только когда разразилась давно надвигавшаяся гроза и громкіе раскаты грома огласили горы, онъ нѣсколько пришелъ въ себя. „Что я дѣлаю?—мысленно спросилъ онъ себя. — Зачѣмъ мнѣ спускаться внизъ“?

Онъ долженъ былъ сдѣлать большое усиліе, чтобы припомнить все, что было съ нимъ. Наконецъ, онъ вспомнилъ, что рѣшилъ вернуться въ монастырь, потому что молитва ненужна тому, кто увѣренъ, что вознесется на небо. Но онъ тутъ же подумалъ, что грѣхъ искушать Бога, и опять все слилось и завертѣлось передъ его глазами; ему слышался голосъ, болѣе громкій, чѣмъ раскаты грома, и онъ грозно взывалъ въ облакахъ: „Не искушай Господа Бога твоего!“ Бенедетто поднялъ глаза къ небу, сложилъ руки для молитвы, но тутъ его оставили послѣднія силы. Онъ зашатался, раскрылъ широко руки, медленно опрокинулся назадъ и, упавъ на землю, остался лежать безъ движенія.

Онъ долго лежалъ на травѣ безъ движенія, и когда очнулся, то не могъ сразу сообразить мѣста и времени. Онъ чувствовалъ только удивительную легкость въ членахъ и большую внутреннюю радость,—въ душѣ его словно открылся источникъ любви, и все его существо прониклось ею. Понявъ наконецъ, гдѣ онъ очутился, Бенедетто улыбнулся. Какъ онъ попалъ сюда, онъ все-таки еще не могъ сообразить, и не ощущалъ даже желанія знать. Онъ чувствовалъ себя слитымъ съ жизнью всего окружающаго, однимъ изъ голосовъ, сливающихся въ общемъ хорѣ бытія,—чувствовалъ себя частью благоухающихъ горъ, мягкаго воздуха. Погруженный въ блаженство этихъ ощущеній, закрывъ глаза и подставляя руки каплямъ мягко падающаго дождя, онъ чувствовалъ безконечное желаніе, чтобы такую радость познали тѣ, которые не вѣрятъ, которые не любятъ. Постепенно онъ сталъ вспоминать, почему онъ очутился на пустынной горѣ ночью, вспомнилъ о неопредѣленности завтрашняго дня, о Жаннѣ, объ изгнаніи изъ монастыря. Но всѣ эти сомнѣнія оставили его душу; воспоминаніе о мистическомъ видѣніи изгладилось, — онъ

отдался божественной волѣ, покоряясь ея опредѣленію. Мысль о Жаннѣ возбуждала въ немъ только желаніе отнестись къ ней по-братски — онъ точно видѣлъ ее теперь съ высоты неприступной башни. Когда наконецъ къ нему вернулось спокойное пониманіе происходящаго, онъ замѣтилъ, что платье его все смочено дождемъ, который продолжалъ медленно накрапывать. Что теперь дѣлать? Постучаться въ монастырь слишкомъ поздно. Онъ рѣшилъ ждать утра подъ деревьями по дорогѣ въ монастырь. Къ великому его удивленію, ждать пришлось недолго. Ему казалось, что ночь еще въ самомъ началѣ, что немного только заполночь, а между тѣмъ вскорѣ начало свѣтать: съ монастырской башни пробило четыре часа—и издали послышались чьи-то шаги. Это былъ пастухъ, который шелъ изъ монастыря Св. Схоластики и несъ—ранѣе обыкновеннаго въ этотъ день—молоко въ Священный Гротъ. Бенедетто окликнулъ его. Услышавъ его голосъ, пастухъ вздрогнулъ и чуть не выронилъ кувшинъ съ молокомъ отъ изумленія.

— Какъ, это вы, Бенеде?—воскликнулъ онъ, узнавъ Бенедетто.—Какимъ образомъ вы здѣсь очутились?

Бенедетто попросилъ у него нѣсколько капель молока.

— Разскажите отцамъ, что вы мнѣ отдали немного молока,—сказалъ онъ.—Скажите, что я изнемогалъ и попросилъ у васъ немного молока во имя Господне.

— Пейте, пейте!—отвѣтилъ пастухъ съ глубокимъ благоговѣніемъ, считая Бенедетто святымъ.—Да неужели же вы провели здѣсь ночь? Вѣдь вы весь промокли отъ дождя.

Бенедетто выпилъ.

— Да благословитъ васъ Господь,—сказалъ онъ пастуху,—за доброту вашу и за свѣжесть молока.

Онъ обнялъ пастуха, и тотъ еще много лѣтъ спустя разсказывалъ, какъ его бросило въ жаръ и какъ забилось сердце его отъ поцѣлуя Бенедетто. Онъ говорилъ, что такое сильное волненіе онъ испыталъ только когда причащался въ первый разъ, что у него сразу прошла тяжкая головная боль, которой онъ страдалъ нѣсколько дней до того. И онъ понялъ тогда, что получилъ поцѣлуй отъ святого, и упалъ передъ нимъ на колѣни. На самомъ дѣлѣ, однако, онъ на колѣни не всталъ, а продолжалъ сидѣть на камнѣ. Бенедетто дважды сказалъ ему:—„А теперь идите, дорогой сынъ мой!“ Отправивъ его въ монастырь Священнаго Грота, онъ самъ направился къ Св. Схоластикѣ. На каменистомъ пути была глубокая тишина. Горы, облака, темныя стѣны [монастыря и башни казались отяжелѣвшими отъ сна.

Бенедетто вошелъ въ монастырь, прошелъ къ себѣ, легъ, не снимая промокшей одежды, на свою узкую, твердую койку и, скрестивъ руки на груди, заснулъ глубокимъ сномъ.

IV.

Лицомъ къ лицу.

Раскаты грома разбудили въ третьемъ часу ночи Ноэми, послѣ того какъ она только-что заснула. Она спала въ сосѣдней комнатѣ съ Жанной, и дверь между ними была открыта. Жанна ее тотчасъ же позвала. Онѣ разговаривали до двухъ часовъ, и Ноэми, совершенно обезсиленная, добилась наконецъ отъ своей подруги, чтобы та дала ей уснуть. Она сдѣлала видъ, что не слышитъ. Жанна опять ее позвала.

— Ноэми, гроза! Мнѣ страшно. Я приду къ тебѣ.

— Спи и не мѣшай мнѣ спать.

Жанна смолкла, потомъ опять заговорила жалобнымъ дѣтскимъ голосомъ, хорошо знакомымъ Ноэми:

— Неужели ты еще не выспалась?—спросила она.—Неужели не можешь теперь поговорить со мной? Вѣдь ты спала часа три.

Ноэми зажгла спичку и взглянула на часы.

— Не три часа, а двадцать-двѣ минуты,—сказала она.— Довольно болтать.

Жанна помолчала съ минуту, а потомъ стала жалобнымъ тономъ говорить, что Ноэми ее разлюбила, не сочувствуетъ ея горю.

— Ну, говори!—сказала Ноэми, вздохнувъ. Она видѣла, что Жанна, все равно, не дастъ ей уснуть.—Что ты мнѣ скажешь, чего не сказала за четыре часа?

Опять раздался громъ, но Жанна перестала обращать на него вниманіе.

— Завтра мы поѣдемъ въ монастырь,—сказала она.—Только мы вдвоемъ.

— Ну, да; это уже дѣло рѣшенное.

Жалобный голосъ Жанны смолкъ, но черезъ минуту она снова заговорила:

— Однако,—сказала она,—ты не дала мнѣ слова, что никому изъ своихъ ничего не скажешь.

— Я тебѣ десять разъ давала слово.

— А ты знаешь, какъ объяснить имъ мой вчерашній обморокъ? Ты скажешь, что мнѣ сдѣлалось дурно отъ разочарованія, когда я увидѣла, что монахъ—не Пьеро.

— Жанна, вѣдь ты въ двадцатый разъ говоришь мнѣ это!

— Противная, ты совсѣмъ меня не любишь!.. А скажи, какъ ты думаешь, онъ меня забылъ?

— Я не буду больше отвѣчать тебѣ.

— Нѣтъ, отвѣть! Только одно слово—и я перестану мѣшать тебѣ спать.

Чтобы прекратить наконецъ разговоръ, Ноэми отвѣтила:

— Конечно, забылъ. Да, можетъ быть, онъ никогда и не любилъ тебя.

— Ты это говоришь съ моихъ же словъ. Сама ты объ этомъ судить не можешь.

Ноэми перестала отвѣчать на продолжающіеся вопросы и оклики Жанны, пока та наконецъ не заплакала; Ноэми опять смягчилась и заговорила:

— Да что тебѣ нужно, Господи помилуй?

— Пьеро не могъ знать, что мой мужъ умеръ и что я свободна.

— Ну, такъ что же изъ этого слѣдуетъ?

— Какъ что? Ты меня положительно бѣсишь!

Опять наступило молчаніе. Ноэми не отвѣчаетъ, притворяясь обиженной. Но Жанна продолжаетъ думать вслухъ:

— Послушай, какъ ты думаешь, неужели у него нѣтъ теперь искушеній? Вотъ было бы странно, если бы даже искушенія исчезли у него.

Она сказала это съ такимъ комичнымъ презрѣніемъ, что Ноэми засмѣялась. Ея подруга не владѣла собой въ эту ночь, и Ноэми ясно это сознавала. Она знала, что не такой она будетъ при встрѣчѣ съ Пьеро Майрони, если они дѣйствительно встрѣтятся.

Громъ замолкъ, и Жаннѣ захотѣлось узнать, прошла ли гроза. Но ей было тяжело сойти съ постели; она боялась, что ей сдѣлается дурно, и что ее послѣ того не пустятъ въ монастырь. Она опасалась также, что въ случаѣ очень дурной погоды хозяева будутъ удерживать ее отъ поѣздки, и потому хотѣла поскорѣе знать, не просвѣтлѣло ли небо. Она упросила Ноэми встать и выглянуть въ окно. Ноэми исполнила ея просьбу, подошла къ окну, высунула руку въ темноту и, вглядываясь въ нее, стала различать тяжелыя тучи на небѣ и темные профили горъ.

— Идетъ дождь,—сказала она Жаннѣ, закрывая окно.

Жанна вздохнула, точно боялась, что дождь уже никогда не прекратится. И капли дождя падали все громче и громче и о чемъ-то тихо шептали Жаннѣ. А она не понимала тихихъ словъ, не поняла, что человѣкъ, мыслью о которомъ была полна ея душа, лежитъ безъ чувствъ подъ дождемъ въ горахъ.

На слѣдующее утро, когда обѣ подруги довольно поздно не выходили изъ своихъ комнатъ, синьора Сельва, нѣсколько встревоженная, тихонько вошла въ комнату своей сестры. Ноэми была уже почти одѣта, и сдѣлала ей знакъ молчать. Жанна наконецъ заснула, и Ноэми хотѣла, чтобы она хоть немного выспалась. Обѣ сестры вышли вмѣстѣ и прошли въ кабинетъ Джіованни, который ждалъ ихъ. Ну, что же? Дѣйствительно донъ Клементій—тотъ, кого любитъ Жанна? Мужъ и жена съ нетерпѣніемъ ждали отвѣта Ноэми. Джіованни былъ совершенно увѣренъ, что это такъ, а жена его еще нѣсколько сомнѣвалась. Они ждали отъ Ноэми разрѣшенія ихъ сомнѣній.

Ноэми, однако, молчала. Она бы, можетъ быть, выдала секретъ подруги, для того, чтобы помимо ея вѣдома помочь ей, войдя въ заговоръ съ Сельвой и его женой. Но она боялась разногласій съ сестрой и ея мужемъ. Они, какъ католики, будутъ навѣрное за то, чтобы человѣкъ, покинувшій міръ, не возвращался въ него. Ей же, какъ протестанткѣ, полагалось думать, что христіанскій бракъ выше монашества. При этомъ она, однако, не была вполнѣ увѣренною и въ себѣ; она чувствовала, что если Майрони женится теперь на Жаннѣ, она внутренно осудитъ его. Въ виду всего этого она рѣшила лучше утаить истину.

— Вы что думали?—сказала она.—Что вчерашній монахъ, прошедшій мимо насъ, ея прежній возлюбленный? Что вашъ донъ Клементій и есть Майрони? Такъ вотъ же нѣтъ—это не онъ.

— Неужели не онъ?—воскликнулъ Джіованни удивленно и недовѣрчиво.

— Вотъ видишь,—что я говорила?—торжествовала его жена.

Но Джіованни не сдавался и сталъ спрашивать Ноэми, увѣрена ли она въ томъ, что утверждаетъ, и какъ въ такомъ случаѣ объяснить обморокъ синьоры Десаль. Ноэми отвѣтила, что Жанна анемична, и ей часто становится дурно, но это не убѣдило Джіованни. Въ словахъ и въ лицѣ Ноэми онъ чувствовалъ что-то недоговоренное. Марія справилась о томъ, какъ прошла ночь. Узнавъ, что Жанна плохо спала, она спросила, что ее тревожило.

— Да ничего особеннаго,—отвѣтила Ноэми съ легкимъ раздраженіемъ, и чтобы прекратить разговоръ, подошла къ окну посмотрѣть, какая погода. Небо было все покрыто тучами, воздухъ былъ теплый, но дождь не прекращался. Ноэми спросила, какъ далеко до монастыря Св. Схоластики.—Зачѣмъ тебѣ это знать?—спросила Марія. Услыхавъ, что Жанна хочетъ въ это же утро поѣхать въ монастырь вмѣстѣ съ Ноэми, она запротестовала. Ѣхать въ такую погоду было бы безуміемъ. Послѣднюю часть пути нужно все равно пройти пѣшкомъ. Лучше же подождать до завтра или до послѣ-завтра.

Узнавъ, что рѣшеніе ѣхать въ монастырь явилось у Жанны ночью, Джіованни еще болѣе укрѣпился въ своемъ подозрѣніи, тѣмъ болѣе, что Ноэми говорила нерѣшительнымъ тономъ, сама не зная, не лучше ли ужъ разсказать правду.

— Ноэми,—сказалъ Джіованни строгимъ тономъ,—не отрицай! Я увѣренъ, что синьора Десаль узнала дона Клементія. Ты это знаешь, и твой долгъ открыть мнѣ правду, чтобы предотвратить ихъ встрѣчу.

— То, что я сказала, вѣрно,—возразила Ноэми совершенно твердо, но въ тонѣ ея было признаніе, что она не открыла всей правды.

— Ты говоришь, что она его не узнала? Но ты знаешь еще что-то. Скажи же.

— Я, дѣйствительно, знаю еще кое-что,—отвѣтила Ноэми,—но не могу сказать. Я только прошу васъ сейчасъ же предупредить дона Клементія, что синьора Десаль и я будемъ сегодня же въ монастырѣ. Больше я вамъ ничего не скажу, и пойду теперь будить Жанну.

Она быстро ушла, оставивъ сестру и ея мужа въ полномъ недоумѣніи. Джіованни подумалъ-было, что Ноэми сама отлично знаетъ, что донъ Клементій дѣйствительно Майрони, но скрываетъ это по просьбѣ подруги; а чтобы все-таки предотвратить встрѣчу, она и проситъ написать дону Клементію. Но Марія была увѣрена, что сестра ея не въ состояніи солгать, и отвергла предположеніе мужа. Оставивъ Джіованни, который сѣлъ писать записку, она вышла изъ кабинета, и въ корридорѣ увидѣла Ноэми. Та пришла попросить, чтобы послали въ Субіакъ за коляской, потому что Жанна рѣшила тотчасъ же ѣхать въ монастырь. Ноэми прибавила, что, конечно, раньше чѣмъ часа черезъ полтора Жанна не будетъ готова, такъ какъ она только-что проснулась, но что во всякомъ случаѣ нужна коляска, такъ какъ при ея слабости ей нельзя ходить пѣшкомъ.

Раздался звонокъ изъ комнаты Жанны, которая уже съ нетерпѣніемъ ждала подругу.

— Гдѣ ты пропадаешь?—спросила она полу-сердито, полушутливо.—Что ты пошла разсказывать сестрѣ?

Ноэми пригрозила, что сейчасъ же уйдетъ, и Жанна стала упрашивать ее остаться. Затѣмъ, глядя ей пристально въ глаза, она спросила, какъ ей одѣться и причесаться.

— Да не все ли равно?—сказала Ноэми.—Ужъ не хочешь ли ты вновь завоевать своего Майрони?

— Хочу быть красивой, вотъ и все,—сказала Жанна.

Она была, дѣйствительно, очень хороша въ эту минуту въ своемъ ярко-желтомъ пеньюарѣ, съ распущенными черными волосами, падающими ниже пояса. Глаза ея сверкали такой же полнотой жизни, какъ въ прежнее время, въ ту минуту, когда Майрони входилъ къ ней въ комнату, или же когда она только слышала шаги его въ передней.

— Я хотѣла бы пріѣхать въ томъ же туалетѣ, какой былъ на мнѣ при послѣднемъ свиданьи въ Праліи. Я хотѣла бы явиться сегодня въ моемъ зеленомъ пальто на мѣху—теперь, въ маѣ мѣсяцѣ,—хотѣла бы, чтобы онъ сразу увидѣлъ, что я все та же, что ничто не измѣнилось. О, Боже, Боже!

Она порывисто обняла Ноэми, положила ей голову на плечо и, сдерживая рыданія, шептала невнятныя слова.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказала она наконецъ.— Я сумасшедшая, я злая! Уѣдемъ поскорѣе отсюда, ѣдемъ въ Римъ!

— Хорошо,—взволнованно отвѣтила Ноэми.—Поѣдемъ сейчасъ же. Я пойду спросить, какой ближайшій поѣздъ.

Но Жанна ее удержала. Нѣтъ, такой отъѣздъ былъ бы безуміемъ. Что подумала бы сестра Ноэми и ея мужъ? Закрывъ лицо руками, она стала шептать, что хочетъ лишь на минутку поглядѣть на него... что уѣхать, совсѣмъ его не видавъ, она не можетъ.

— Идемъ!—сказала она послѣ долгаго молчанія, и открыла наконецъ лицо.— Пойдемъ одѣваться. Я одѣнусь, какъ ты скажешь мнѣ,—хоть въ рубище.

Когда синьора Сельва постучалась въ дверь, чтобы сказать, что коляска стоитъ у дверей, Жанна стала съ шутливымъ смиреніемъ упрашивать Ноэми, чтобы та позволила ей надѣть ея любимую большую шляпу à la Рембрандтъ. Черная шляпа съ перьями, спущенная на блѣдное лицо, на сверкающіе черные глаза, художественно завершала прекрасный образъ стройной женщины въ темномъ плащѣ, съ горящимъ, страстнымъ и гор-

дымъ лицомъ. Она почувствовала, здороваясь съ Маріей Сельва, что произвела на нее впечатлѣніе своей красотой. То же она почувствовала во взглядѣ Джіованни, причемъ ей показалось, что онъ отнесся къ ней не дружественно. Она даже спросила Ноэми, не выдала ли она ея тайны, и успокоилась, только получивъ отрицательный отвѣтъ. Садясь въ коляску, Ноэми думала о томъ, скажетъ ли кто-нибудь дону Клементію имя синьоры Десаль, знаетъ ли онъ о любовной исторіи Майрони, и даже если знаетъ, то извѣстно ли ему имя женщины, которую любилъ Майрони. Ноэми очень хотѣлось познакомиться съ человѣкомъ, внушившимъ такое сильное чувство ея подругѣ и такъ странно покинувшимъ міръ. Но ей хотѣлось бы повидать его раньше одной,— ужасно подумать, что встрѣча Жанны съ нимъ произошла бы неподготовленной. Хоть бы ей удалось поговорить раньше съ этимъ монахомъ, съ дономъ Клементіемъ, предупредить его, если онъ самъ ничего не подозрѣваетъ, и узнать что-нибудь о Майрони, о его душевномъ состояніи, его намѣреніяхъ. „Предоставимъ все это волѣ Провидѣнія,—рѣшила она наконецъ, садясь въ коляску.—Да поможетъ небо бѣдной Жаннѣ!“

Выйдя изъ коляски, когда онѣ подъѣхали къ узкой дорожкѣ для муловъ, Жанна робко, какъ бы заранѣе предвидя отказъ, предложила Ноэми, что она одна пойдетъ въ монастырь съ мальчикомъ-проводникомъ, который прибѣжалъ вслѣдъ за ихъ коляской изъ Субіака. Ноэми рѣшительно воспротивилась. Жанна тогда попросила, чтобы, по крайней мѣрѣ, Ноэми оставила ее наединѣ съ Пьеро, если удастся устроить свиданіе съ нимъ. Ноэми сама не знала, что ей отвѣтить, и предложила поговорить сначала съ отцомъ Клементіемъ и разспросить его о Пьеро. Но Жанна пришла въ ужасъ отъ одного предположенія посвятить дона Клементія въ ея тайну, и горячо попросила Ноэми не дѣлать этого. Онѣ медленно поднялись по каменистой дорожкѣ. Жанна часто останавливалась. Она дрожала, какъ въ лихорадкѣ, и протягивала холодныя, дрожащія руки подругѣ, чтобы та видѣла ея волненіе. Изъ моря тумана, застилавшаго небо, проглянуло солнце.

V.

Донъ Клементій кончилъ служить раннюю обѣдню въ семь часовъ, поговорилъ съ настоятелемъ и отправился въ домъ для странниковъ. Бенедетто спалъ, скрестивъ руки на груди. Лицо его сохраняло счастливое, успокоенное выраженіе. Донъ Клемен-

тій ласково провелъ рукой по его волосамъ и тихо окликнулъ его. Пьеро вздрогнулъ, очнулся, поднялъ голову съ нѣсколько растеряннымъ видомъ, потомъ вскочилъ съ постели и поцѣловалъ руку дону Клементію.

— Ну, что,—спросилъ донъ Клементій:—Господь открылъ тебѣ свою волю?

— Я—въ Его власти, отвѣтилъ Бенедетто,—какъ листъ во власти вѣтра, какъ листъ, который не знаетъ, куда его несетъ.

Донъ Клементій взялъ его голову обѣими руками, притянулъ его къ себѣ, поцѣловалъ его и долго не отпускалъ.

— Ты долженъ пойти теперь къ настоятелю, — сказалъ онъ.—А потомъ приходи ко мнѣ.

Бенедетто пристально посмотрѣлъ на него и безмолвно спросилъ, зачѣмъ ему идти къ настоятелю. Но взглядъ дона Клементія выражалъ рѣшимость молчать, и ученикъ покорно повиновался и только спросилъ:

— Нужно идти сейчасъ, или я могу еще помыться въ ручьѣ?

— Пойди, помойся,—съ улыбкой отвѣтилъ учитель.

Мытье въ водѣ холоднаго горнаго ручья, протекавшаго мимо монастыря, было единственнымъ физическимъ удовольствіемъ, которое разрѣшалъ себѣ Бенедетто. На этотъ разъ освѣжающее прикосновеніе чистой горной струи было ему особенно отрадно. Онъ думалъ, погружая голову въ воду, что небесный Отецъ посылаетъ его на новый путь и защититъ его на немъ. Онъ благословилъ чистоту воды, влившую въ душу его столько отрады, и вернулся къ учителю, который ждалъ его на дворѣ. Донъ Клементій вздрогнулъ, увидавъ его,—до того Бенедетто показался ему преображеннымъ. Подъ влажнымъ лѣсомъ волосъ глаза его сіяли спокойной небесной радостью, и исхудавшее лицо цвѣта слоновой кости было одухотворено, какъ лица святыхъ на картинахъ эпохи Возрожденія. Какъ не подходила къ его лицу крестьянская одежда, которую онъ носилъ! Донъ Клементій радъ былъ, что уже ночью ему пришла мысль дать Бенедетто старое платье послушника. Онъ уже сказалъ объ этомъ настоятелю, который, прежде чѣмъ дать согласіе или отказать, хотѣлъ повидать Бенедетто и поговорить съ нимъ.

Настоятель, въ ожиданіи Бенедетто, сѣлъ играть пьесу своей композиціи косточками пальцевъ и сопровождалъ звуки движеніями губъ и бровей. Услышавъ тихій стукъ въ дверь, онъ не отвѣтилъ и не пересталъ играть. Кончивъ пьесу, онъ повторилъ ее еще разъ сначала, сыгралъ хроматическую гамму, и тогда

только пошелъ открыть дверь. У порога стоялъ на колѣняхъ Бенедетто.

— Это кто?—сурово спросилъ онъ.

— Мое имя—Пьеро Майрони,—отвѣтилъ Бенедетто;—но въ монастырѣ меня зовутъ Бенедетто.

Сказавъ это, онъ хотѣлъ взять руку настоятеля, чтобы поцѣловать ее.

— Подождите,—сказалъ настоятель, нахмуривъ брови, и, отдергивая руку, поднялъ ее.—Что вы здѣсь дѣлаете?

— Работаю въ монастырскомъ саду.

— Да я не о томъ!—воскликнулъ настоятель.—Я спрашиваю, зачѣмъ вы явились сюда? Кто васъ послалъ?

— Донъ Клементій.

Настоятель замолчалъ, долго глядѣлъ на стоящаго на колѣняхъ, потомъ пробормоталъ что-то непонятное и наконецъ далъ ему поцѣловать руку.

— Встаньте, — сказалъ онъ, не смягчая голоса. — Войдите. Закройте дверь.

Когда Бенедетто вошелъ, настоятель точно забылъ о его присутствіи, надѣлъ очки, сталъ перелистывать и читать книги и бумаги, повернувшись къ нему спиной. Бенедетто стоялъ и ждалъ, чтобы онъ заговорилъ.

— Майрони изъ Бресчіи?—спросилъ настоятель непріязненнымъ тономъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ. Наконецъ онъ снялъ очки и повернулся къ Бенедетто.

— Зачѣмъ вы пришли въ нашъ монастырь?—спросилъ онъ.

— Я—большой грѣшникъ,—отвѣтилъ Бенедетто.—Господь повелѣлъ мнѣ уйти изъ міра, и я ушелъ.

Настоятель помолчалъ съ минуту, потомъ, пристально посмотрѣвъ на молодого человѣка, сказалъ съ ироническимъ спокойствіемъ:

— Нѣтъ, милый мой, это—неправда.

Онъ вынулъ табакерку, осторожно нюхнулъ щепотку табаку, отряхнулъ пальцы и продолжалъ тѣмъ же спокойно-ироническимъ тономъ:

— Вѣрно, быть можетъ, то, что вы—большой грѣшникъ, но невѣрно, что вы ушли изъ міра. Вы—не въ міру и не внѣ міра.

Бенедетто поглядѣлъ на него, ничего не отвѣчая, но въ глазахъ его было столько скорби и столько смиренія, что настоятель опустилъ глаза на открытую табакерку и сталъ перебирать табакъ пальцами.

— Не понимаю васъ!—сказалъ онъ: —Вы живете въ мірѣ и не въ мірѣ, въ монастырѣ и не въ монастырѣ. Боюсь, что вы такъ же легкомысленны, какъ вашъ прадѣдъ, вашъ дѣдъ и вашъ отецъ. Всѣ они были легкомысленные красавцы.

Блѣдное лицо Бенедетто слегка покраснѣло.

— Ихъ души—у Господа, — сказалъ онъ, — и они теперь выше насъ. Ваши слова нарушаютъ велѣніе Господне.

— Замолчите!—воскликнулъ настоятель.—Вы говорите, что покинули міръ, а сами полны гордыни. Еслибы вы хотѣли дѣйствительно оставить міръ, вы бы стремились сдѣлаться послушникомъ. Почему вы этого не добивались? Вы хотѣли пожить здѣсь для отдыха—вотъ и все. Или, быть можетъ, у васъ были непріятности дома, и вы хотѣли отдѣлаться отъ всего, чтобы потомъ опять зажить по старому. А тѣмъ временемъ вы разсказываете басни легковѣрному дону Клементію, отнимаете мѣсто, которое досталось бы какому-нибудь бѣдному страннику, и стараетесь провести братію—что̀ не такъ трудно—и умилостивить Бога — что̀ уже труднѣе — молитвами. Не отрицайте правды.

Бенедетто сильно поблѣднѣлъ; губы, раскрывшіяся для словъ умиротворенія, были недвижимы; глаза устремились на настоятеля съ прежней кроткой строгостью. Это спокойное молчаніе, видимо, печалило настоятеля.

— Да говорите же! — сказалъ онъ. — Покайтесь. Развѣ вы не похвалялись особымъ даромъ ясновидѣнія, чуть ли не творили чудеса? Вы говорите, что были большой грѣшникъ. Покажите, что вы теперь не грѣшникъ, оправдайтесь, если можете. Скажите, какъ вы жили, объясните свои притязанія на то, что Господь васъ призвалъ; объясните, почему вы пришли ѣсть хлѣбъ братьевъ, не пожелавъ стать сами монахомъ и работая, въ сущности, очень мало.

— Отецъ,—отвѣтилъ Бенедетто, и строгость его голоса и его лица мало соотвѣтствовала кротости его словъ, — все это полезно мнѣ, грѣшнику, живущему уже три года въ безмятежности и радости, въ дружескомъ общеніи съ святыми душами. Ваши слова прекрасны и сладки для души моей; они—милость Господня. Они показали мнѣ, сколько еще во мнѣ гордости: я испытываю удовольствіе отъ поруганія. Но, какъ служитель святой истины, я долженъ вамъ сказать, что суровость нехороша даже въ примѣненіи къ тому, кто заблуждается, потому что добрыя слова, быть можетъ, заставили бы его раскаяться въ своемъ обманѣ. И говорю я также, что въ словахъ вашихъ,

отецъ, не почіетъ духъ истиннаго нашего Отца, Которому да воздастся слава!

При послѣднихъ словахъ Бенедетто опустился на колѣни, съ просвѣтленнымъ отъ экстаза лицомъ.

— Жалкій грѣшникъ, ты еще поучаешь меня?!—воскликнулъ настоятель.

— Вы правы, вы правы, — отвѣтилъ Бенедетто, скорбно складывая руки.—Теперь я скажу вамъ про мой грѣхъ. Я желалъ любви неправедной, страстно полюбилъ женщину, принадлежавшую другому, какъ и я былъ связанъ съ другой женщиной. Я уступилъ своей страсти, и въ то же время позабылъ о Богѣ и жилъ въ грѣхѣ. Та женщина тоже не вѣрила въ Бога, и моя вѣра умерла. Я былъ эгоистомъ, былъ слабъ, обманывалъ. Господь образумилъ меня, взывая ко мнѣ голосами умершихъ отца и матери. Я отошелъ отъ женщины, которую любилъ, но безъ твердой рѣшимости, колеблясь въ душѣ между добромъ и зломъ. Вскорѣ я опять вернулся къ ней, весь горя грѣховнымъ чувствомъ, зная, что гублю себя, и готовый погибнуть. Во мнѣ не оставалось уже никакой воли къ добру, когда меня коснулась и спасла благостная, святая рука умирающей женщины.

— Посмотрите мнѣ прямо въ глаза!—сказалъ настоятель.— Вы никогда никому не сообщали о томъ, что вы здѣсь?

— Никому. Никогда.

— Я вамъ не вѣрю,—сухо отвѣтилъ настоятель.

Бенедетто выслушалъ и эти слова съ прежнимъ спокойствіемъ.

— Вы сами знаете,—продолжалъ настоятель,—почему я не вѣрю.

— Я предполагаю,—отвѣтилъ Бенедетто, склоняя лицо,— что причина одна: мой грѣхъ свидѣтельствуетъ противъ меня.

— Встаньте!—приказалъ непреклонный настоятель.—Я выгоню васъ изъ монастыря. Пойдите теперь повидать дона Клементія въ его кельѣ, а потомъ уходите и никогда не возвращайтесь. Поняли?

Бенедетто сдѣлалъ утвердительный знакъ головой и хотѣлъ преклонить колѣно по установленному ритуалу, но настоятель удержалъ его знакомъ руки.

— Подождите, — сказалъ онъ, потомъ надѣлъ очки, взялъ листокъ бумаги и, стоя, написалъ нѣсколько словъ.

— Что вы будете дѣлать,—спросилъ онъ въ то время, какъ писалъ,—когда уйдете изъ монастыря?

Бенедетто отвѣтилъ тихимъ голосомъ:

— Развѣ ребенокъ, котораго отецъ беретъ спящимъ на руки, знаетъ, что его отецъ намѣренъ сдѣлать съ нимъ?

Настоятель ничего не отвѣтилъ, докончилъ писать, вложилъ листокъ въ конвертъ, заклеилъ его и, не поворачивая головы, передалъ письмо Бенедетто, стоявшему за его спиной.

— Возьмите,—сказалъ онъ,—и снесите дону Клементію.

Бенедетто попросилъ позволенія поцѣловать его руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, уходите!—рѣзко возразилъ настоятель дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ. Бенедетто повиновался. Выйдя въ корридоръ, онъ услышалъ, что разсерженный настоятель тотчасъ же сѣлъ за рояль. Раздались бурные звуки.

Прежде чѣмъ войти въ маленькую келью дона Клементія, Бенедетто остановился у большого окна въ концѣ корридора. Тамъ, за нѣсколько часовъ до того, стоялъ его учитель, глядя на огни Субіака и думая о врагѣ,—о прекрасной, умной женщинѣ съ добрымъ сердцемъ, которая пріѣхала, быть можетъ, для того, чтобы отнять у Бога духовнаго сына дона Клементія. Теперь его духовный сынъ самъ не сомнѣвался, что женщина, которую онъ любилъ грѣховной любовью, узнала о томъ, что онъ здѣсь, въ монастырѣ, и явится къ нему. Но эта увѣренность сопровождалась въ его просвѣтившейся душѣ надеждой, что и она познаетъ истину и просвѣтится высшей любовью.

Донъ Клементій, услышавъ издали его шаги, полуоткрылъ дверь своей кельи. Бенедетто вошелъ и передалъ ему письмо настоятеля.

— Я долженъ покинуть монастырь,—сказалъ онъ спокойно.— Тотчасъ же и навсегда.

Донъ Клементій ничего не отвѣтилъ и открылъ письмо. Читая его, онъ сказалъ, глядя на Бенедетто съ улыбкой, что его отъѣздъ въ Дженнэ былъ рѣшенъ уже наканунѣ. Бенедетто замѣтилъ, что настоятель прибавилъ: „навсегда“. У дона Клементія были слезы на глазахъ, но онъ все-таки улыбался.

— Вы довольны? — спросилъ Бенедетто грустнымъ тономъ.

Доволенъ? — Донъ Клементій не могъ объяснить свои чувства. Уѣзжалъ его ученикъ, котораго онъ любилъ всей душой, уѣзжалъ навсегда послѣ трехъ лѣтъ радостнаго духовнаго общенія. Но это было знакомъ свыше. Господь уводилъ его изъ монастыря, призывая его на иные пути. Дону Клементію было очень грустно, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ доволенъ, чего, однако, не могъ разъяснить Бенедетто. Нужно было, чтобы онъ

самъ услышалъ призывъ свыше,—иначе призывъ этотъ не могъ имѣть силы.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не доволенъ, но я спокоенъ. Ты понимаешь меня? А теперь выслушай мои послѣднія слова, которыя, надѣюсь, принесутъ тебѣ пользу.—Донъ Клементій сказалъ это взволнованнымъ тихимъ голосомъ. Бенедетто наклонилъ голову, и учитель возложилъ на нее руки торжественно и нѣжно.

— Желаешь ты отдать всего себя служенію высшей истины и церкви Господней, видимой и невидимой?

Бенедетто произнесъ: „Да“,—твердымъ голосомъ, и донъ Клементій взялъ съ него еще обѣтъ жить въ чистотѣ и бѣдности и въ послушаніи церкви до тѣхъ поръ, пока онъ не освободитъ его отъ обѣта. Бенедетто рѣшительнымъ голосомъ произносилъ свое согласіе, и послѣ того донъ Клементій привлекъ къ себѣ голову ученика и сказалъ ему, наклонившись къ его лбу:

— Я просилъ у настоятеля разрѣшенія дать тебѣ платье послушника, чтобы, уйдя отсюда, ты носилъ хоть знакъ прикосновенности къ монашеству. Настоятель хотѣлъ поговорить съ тобой прежде, чѣмъ рѣшить.

Донъ Клементій поцѣловалъ ученика въ лобъ, чтобы безъ словъ передать ему благожелательный отзывъ настоятеля послѣ ихъ бесѣды—и затѣмъ показалъ ему записку настоятеля: „Разрѣшаю“,—писалъ онъ.—„Отошлите его немедленно, чтобы я не поддался соблазну удержать его здѣсь“.

Бенедетто порывисто обнялъ учителя и прислонился головой къ его плечу, ничего не говоря. Донъ Клементій пробормоталъ:

— Ты доволенъ? Теперь я спрашиваю тебя объ этомъ.

Но онъ два раза повторилъ вопросъ, не получая отвѣта. Наконецъ раздался шопотъ:

— Могу я не отвѣтить? Могу я помолиться?

— Конечно, дорогой, помолись.

Бенедетто опустился на колѣни передъ большимъ Распятіемъ на стѣнѣ, и когда онъ поднялся, лицо у него было ясное, спокойное. По знаку учителя онъ надѣлъ платье послушника, приготовленное на постели, и опоясался кожанымъ поясомъ. Одѣвшись, онъ показался учителю, улыбаясь и широко раскрывъ руки, а учителю пріятно было видѣть его такимъ возвышенно-прекраснымъ въ смиренной одеждѣ.

— Вамъ ничего не приходитъ въ голову, глядя на меня?—спросилъ Бенедетто.

— Нѣтъ.—Донъ Клементій думалъ сначала, что волненіе Бенедетто вызвано его смиренностью. Но теперь онъ понялъ, что была еще какая-то другая причина. Но какая?

— Ахъ, да!—вдругъ воскликнулъ онъ.—Ты вспомнилъ о твоемъ видѣніи?

— Конечно.— Бенедетто видѣлъ себя умирающимъ подъ тѣнью большого дерева въ платьѣ бенедиктинскаго монаха. И онъ не вѣрилъ этому видѣнію, главнымъ образомъ, изъ-за своего страннаго внутренняго протеста противъ произнесенія монашескаго обѣта. Теперь же видѣніе пріобрѣтало пророческій смыслъ. Донъ Клементій, читая въ сердцѣ своего ученика, понялъ, что онъ чувствуетъ себя теперь избранникомъ, которому даны были знаки свыше, но въ то же время боится питать въ себѣ гордыню вѣрой въ свое предназначеніе для высокихъ цѣлей.

— Не думай объ этомъ,—сказалъ онъ Бенедетто, и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ. Онъ передалъ ему письмо и книги для священника въ Дженнэ. Къ этому священнику донъ Клементій направилъ Бенедетто, чтобы онъ тамъ жилъ, пока самъ не рѣшитъ, внимая высшей волѣ, остаться ли ему тамъ, или вернуться въ Субіакъ, или же отправиться въ другое мѣсто.

— Отецъ мой,—сказалъ Бенедетто,—я не думаю даже о томъ, что станетъ со мной завтра. Я знаю только, что Господь здѣсь и зоветъ меня, но не вижу въ этомъ знака исключительной милости ко мнѣ. Моя ошибка была въ непониманіи того, что Господь всегда здѣсь и всегда зоветъ: меня, васъ, всѣхъ. Нужно только, чтобы стало нѣсколько тише въ душѣ, и тогда призывъ становится слышенъ.

Тонкій лучъ свѣта проникъ въ келью. Донъ Клементій подумалъ, что какъ только пройдетъ дождь, синьора Десаль пріѣдетъ осматривать монастырь. Онъ ничего не сказалъ, но внутреннее его безпокойство сказалось въ томъ, что онъ вздрогнулъ и поднялъ глаза къ небу, указывая Бенедетто, что ему пора уходить изъ монастыря. Бенедетто попросилъ, какъ милости, чтобы учитель разрѣшилъ ему еще помолиться сначала въ церкви Св. Схоластики, потомъ въ Священномъ Гротѣ. Солнце опять скрылось; снова пошелъ дождь. Учитель и ученикъ сошли вмѣстѣ въ церковь, постояли тамъ, молясь другъ подлѣ друга, и въ этомъ состояло ихъ прощаніе. Бенедетто направился въ Священный Гротъ въ девять часовъ. Онъ вышелъ изъ монастыря Св. Схоластики никѣмъ не замѣченный—какъ разъ въ то время, какъ фра Антоніо говорилъ съ посланнымъ отъ Джіованни Сельвы.

Въ эту минуту лучъ солнца озарилъ старыя стѣны, дорогу, горы. Со всѣхъ сторонъ раздались веселые голоса птичекъ, и Бенедетто громко произнесъ, вторя имъ:

— Иду!

VI.

Жанна и Ноэми пріѣхали въ монастырь въ десять часовъ. За нѣсколько шаговъ до входа въ ограду у Жанны сдѣлалось сильное сердцебіеніе. Ей хотѣлось зайти раньше въ монастырскій садъ; мальчикъ-проводникъ говорилъ ей, что у монаховъ Св. Схоластики чудесный садъ, въ которомъ работаютъ садовники: одинъ старикъ изъ Субіака, а другой—молодой пріѣзжій. Она не въ силахъ была больше говорить; блѣдная, обезсиленная, опираясь на руку Ноэми, она едва дотащилась до входной двери. Къ счастью, фра Антоніо открылъ имъ дверь еще раньше, чѣмъ Ноэми позвонила, и Ноэми попросила дать стулъ и принести стаканъ воды для синьоры, которой сдѣлалось дурно. Испуганный привратникъ прежде всего сунулъ въ руку Ноэми горшечекъ съ супомъ, который вынесъ для ожидавшаго у дверей нищаго, а потомъ побѣжалъ за стуломъ и за водой. Жанна вскорѣ оправилась, посидѣвъ и выпивъ воды, и фра Антоніо пошелъ доложить о прибытіи посѣтительницъ дону Клементію, на обязанности котораго лежалъ пріемъ гостей.

— Скажите, что пріѣхали дамы изъ дома синьора Сельвы.

Донъ Клементій явился съ нѣсколько смущеннымъ видомъ. Ему было совѣстно передъ Жанной за то, что, помимо ея вѣдѣнія, онъ зналъ ея тайну. Изъ двухъ посѣтительницъ первой поднялась къ нему навстрѣчу Ноэми, и онъ принялъ ее за синьору Десаль. Высокая, стройная, изящная, Ноэми имѣла вполнѣ видъ покорительницы сердецъ. Ей, однако, никакъ нельзя было дать съ виду болѣе двадцати-пяти лѣтъ, и потому она не могла быть женщиной, о многочисленныхъ побѣдахъ которой разсказывалъ ему Бенедетто. Но бенедектинецъ объ этомъ не подумалъ. Ноэми хотѣлось поскорѣе удостовѣриться, вѣрно ли передалъ фра Антоніо ея слова.

— Здравствуйте, падре,—сказала она своимъ звучнымъ, красивымъ голосомъ.—Мы съ вами видѣлись вчера, когда вы выходили изъ дома Сельвы.

Донъ Клементій утвердительно кивнулъ головой. Ноэми, дѣйствительно, видѣла его наканунѣ, и была поражена его красотой. Она подумала, что еслибы это былъ синьоръ Майрони, то лю-

бовь Жанны была бы понятна. Въ сознаніи своей свѣжести и молодости, ей не приходило въ голову, что ее могутъ принять за Жанну, которой уже исполнилось тридцать-два года. Жанна тѣмъ временемъ соображала, какъ бы ей воспользоваться своимъ минутнымъ недомоганіемъ.

— Васъ вчера не ждали,—сказалъ донъ Клементій, обращаясь къ Ноэми.—Вы пріѣхали изъ Венеціи?

— Изъ Венеціи?—съ изумленіемъ спросила Ноэми.

— Мнѣ синьоръ и синьора Сельва сказали, что вы живете въ окрестностяхъ Венеціи,—пояснилъ донъ Клементій.

Ноэми поняла его ошибку и улыбнулась; она отвѣтила что-то неопредѣленное, думая про себя, что слѣдуетъ воспользоваться этимъ недоразумѣніемъ и поговорить наединѣ съ дономъ Клементіемъ,—если нужно, посвятить его во все. Къ тому же ей улыбалась мысль говорить съ красивымъ монахомъ подъ именемъ Жанны. Она взглядомъ попросила Жанну, которая тоже поняла ошибку дона Клементія, чтобы она молчала.

— Моя подруга,—сказала Ноэми,—знаетъ вашъ монастырь, я же въ немъ никогда не была.

Потомъ, обращаясь къ Жаннѣ, она прибавила:

— Если падре будетъ столь любезенъ и пойдетъ показать мнѣ монастырь, то ты можешь остаться здѣсь. Тебѣ вредно ходить.

Жанна такъ поспѣшно приняла это предложеніе, что Ноэми заподозрила, нѣтъ ли у нея какого-нибудь тайнаго плана, и уже подумала, не дѣлаетъ ли она ошибку, оставляя ее. Во всякомъ случаѣ, теперь уже было поздно перерѣшать. Дону Клементію не улыбалась перспектива остаться наединѣ съ дамой, и онъ предложилъ подождать. Можетъ быть, синьора оправится и тоже пойдетъ съ ними. Но Жанна рѣшительно запротестовала. Лучше не ждать ее. Она съ удовольствіемъ посидитъ здѣсь одна.

Проходя изъ перваго двора во второй, внутренній, Ноэми снова напомнила падре о встрѣчѣ наканунѣ.

— Съ вами, кажется, былъ еще кто-то?—сказала она, и сразу устыдилась того, что оставляетъ монаха въ заблужденіи и выдаетъ себя за Жанну. Донъ Клементій отвѣтилъ ей, понизивъ голосъ:

— Да, синьора. Со мной былъ садовникъ нашего монастыря.

У обоихъ лица покраснѣли, но они не глядѣли другъ на друга, и чувствовали каждый только свою краску стыда.

— Вы знаете, кто мы?—спросила Ноэми.

Донъ Клементій отвѣтилъ, что, кажется, знаетъ. Вѣдь онѣ, повидимому, тѣ двѣ дамы, которыхъ ждала къ себѣ синьора Сельва. Насколько ему помнилось, синьора Сельва говорила о своей сестрѣ и о синьорѣ Десаль.

— Такъ вы знали о нашемъ пріѣздѣ отъ сестры?

При этихъ словахъ Ноэми, донъ Клементій не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть:

— Значитъ, синьора Десаль не вы?

Ноэми поняла, что онъ все знаетъ. Значитъ, онъ предупрежденъ, и внезапная встрѣча уже не произойдетъ. Она облегченно вздохнула, и ея женское сердце, освободившись отъ тревоги, наполнилось любопытствомъ.

Донъ Клементій говорилъ ей о башняхъ, о древнихъ сводахъ, о фрескахъ въ церкви, а она все думала: какъ навести его на разговоръ о Майрони? Она довольно безцеремонно прервала его въ то время, какъ онъ показывалъ ей вырѣзанныя надъ дверью каменныя названія монаховъ, и спросила его, часто ли въ монастырь приходятъ люди съ усталой душой, разочарованные и жаждущіе посвятить себя Богу.

— Я протестантка,—сказала она,—и это меня очень интересуетъ.

Донъ Клементій подумалъ про себя, что это ее интересуетъ не столько потому, что она протестантка, сколько изъ дружбы съ синьорой Десаль.

— Нельзя сказать, чтобы часто,—отвѣтилъ онъ.—Но иногда, дѣйствительно, приходятъ. Обыкновенно, люди съ усталой душой предпочитаютъ вступать въ другіе монашескіе ордена. Вы протестантка? Но, можетъ быть, вы все-таки зайдете посмотрѣть церковь нашего монастыря?

Онъ сталъ по этому случаю разсказывать о какомъ-то англичанинѣ, тоже протестантѣ, который, однако, подолгу жилъ въ Субіакѣ и часто посѣщалъ монастыри Св. Схоластики и Священнаго Грота. Ноэми поспѣшила вернуться къ интересующей ее темѣ разговора, и спросила, приходитъ ли кто-нибудь въ монастырь только для искупленія своей вины, не надѣвая монашескаго платья? Но на это она не получила отвѣта. Донъ Клементій увидалъ входящаго во дворъ монаха, необыкновенно высокаго роста, и, извинившись передъ Ноэми, подошелъ къ нему и сказалъ нѣсколько словъ. Потомъ онъ подошелъ снова къ Ноэми вмѣстѣ съ нимъ, и представилъ ей дона Леона, говоря, что онъ великолѣпный проводникъ и, какъ

человѣкъ необыкновенно большихъ познаній, гораздо лучше покажетъ ей всѣ сокровища монастыря, чѣмъ онъ. Послѣ этого онъ, къ величайшей досадѣ Ноэми, удалился.

Когда Жанна осталась наединѣ, у нея опять сдѣлалось сильное сердцебіеніе. Боже, какъ здѣсь оживало все прошлое, какъ вспомнилась Пралія! У нея захватывало духъ при мысли, что онъ много разъ въ день ходитъ по этимъ дворамъ. И ему, вѣрно, тоже часто вспоминалась незабвенная встрѣча въ Праліи. А вѣдь теперь и онъ свободенъ, и она. Какое безуміе!

Фра Антоніо, испугавшись сначала, что его оставили наединѣ съ синьорой, которая сидѣла полумертвая на стулѣ, былъ крайне изумленъ, когда она вдругъ стала осаждать его вопросами.— „Нѣтъ ли сада въ монастырѣ?“ —Есть, въ двухъ шагахъ отсюда.— „Кто наблюдаетъ за порядкомъ въ саду?“ — Садовникъ.— „Молодой? Старикъ? Изъ Субіака или чужой?“ —Старикъ. Изъ Субіака.— „И больше никто?“ —Еще кромѣ него Бенедетто.— „Бенедетто? Кто это такой?“ — Молодой человѣкъ, землякъ дона Клементія.— „А донъ Клементій откуда родомъ?“ —Изъ Бресчіи.— „И его зовутъ Бенедетто?“ —Всѣ его зовутъ Бенедетто, но дѣйствительно ли это его настоящее имя, фра Антоніо не могъ сказать.— „Что же это за человѣкъ?“ —Это фра Антоніо можетъ сказать. Онъ—самый святой изъ братьевъ. По его лицу видно, что онъ знатнаго рода, а между тѣмъ онъ живетъ какъ собака, ѣстъ только хлѣбъ, плоды и траву, проводитъ ночи въ горахъ, въ молитвѣ. Онъ обрабатываетъ землю, и кромѣ того еще работаетъ въ библіотекѣ вмѣстѣ съ дономъ Клементіемъ. И какое у него доброе сердце! Какъ часто онъ отдаетъ нищимъ свою жалкую порцію ѣды!— „А гдѣ бы его можно было видѣть теперь?“ —Да, конечно, въ саду. Фра Антоніо предполагалъ, что онъ занятъ въ виноградникѣ.

У Жанны такъ забилось сердце, что у нея потемнѣло въ глазахъ. Она замолчала и не могла тронуться съ мѣста. Фра Антоніо думалъ, что она уже забыла про Бенедетто,—и сталъ ей разсказывать про монастырь въ Праліи, гораздо болѣе величественный и прекрасный, чѣмъ монастырь Св. Схоластики. Но Жанна вдругъ перебила его:

— Гдѣ же этотъ садъ?—спросила опа.—Какъ пройти въ него?

Фра Антоніо, нѣсколько удивленный, отвѣтилъ, что нужно пройти черезъ весь монастырь, или же обойти его снаружи. Жанна быстро встала, охваченная пламеннымъ порывомъ, вышла изъ ограды, повернула направо и вошла въ галерею подъ

библіотекой; тамъ она остановилась на минуту, прижала руку къ безумно бьющемуся сердцу и пошла дальше.

Монастырскій пастухъ, стоявшій у входа во дворикъ, передъ домомъ для странниковъ, указалъ, какъ пройти въ садъ. Она спросила, не въ саду ли человѣкъ, котораго зовутъ Бенедетто. Несмотря на то, что она усиленно сдерживала себя, голосъ ея задрожалъ, въ ожиданіи утвердительнаго отвѣта. Пастухъ отвѣтилъ, что не знаетъ, вызвался пойти посмотрѣть, нѣсколько разъ постучался въ калитку, потомъ сталъ звать:— „Бенеде, Бенеде!"—Наконецъ, послышались шаги. Жанна прислонилась къ рѣшеткѣ, чтобы не упасть. Боже, если это Пьеро, что она ему скажетъ?—Калитка открылась, но изъ нея вышелъ не Пьеро, а какой-то старикъ. Жанна свободнѣе вздохнула. Старикъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ и сказалъ пастуху: „Бенедетто нѣтъ здѣсь". Жаннѣ опять сдѣлалось нехорошо. Она вся похолодѣла. Пастухъ и старикъ-садовникъ смотрѣли на нее молча, съ любопытствомъ.

— Это вы, синьора, ищете Бенедетто?—спросилъ старикъ.

Жанна не отвѣчала. За нее отвѣтилъ пастухъ; затѣмъ онъ разсказалъ, что Бенедетто провелъ ночь въ горахъ, что онъ, пастухъ, нашелъ его на зарѣ, промокшимъ отъ дождя, въ лѣсу, подлѣ Священнаго Грота, предложилъ ему молока, которое Бенедетто выпилъ, какъ умирающій, въ котораго вновь вливается жизнь. Пастухъ не преминулъ разсказать, что Бенедетто его обнялъ и поцѣловалъ, и что этотъ поцѣлуй святого вылечилъ его отъ всѣхъ болѣзней, которыми онъ страдалъ.

— Прошла головная боль, прошла ломота въ костяхъ—все прошло. И я сказалъ себѣ: клянусь святой Екатериной, этотъ человѣкъ—святой. И онъ, дѣйствительно, святой.

Въ то время, какъ говорилъ пастухъ, прошелъ мимо хромой нищій изъ Субіака. Увидавъ даму, онъ остановился и поклонился, снявъ шляпу. Жанна такъ жадно слушала пастуха, говорившаго о Пьеро, что не видѣла и не слышала нищаго. Когда пастухъ кончилъ, она спросила у садовника, гдѣ можно было бы застать теперь Бенедетто. Садовникъ затруднился отвѣтить, но нищій поспѣшилъ вмѣшаться въ разговоръ:

— Вы ищете Бенедетто?—спросилъ онъ слезливымъ голосомъ.—Онъ въ Священномъ Гротѣ.

Жанна быстро, порывисто обернулась къ нему.

— Въ Священномъ Гротѣ? — спросила она. И садовникъ спросилъ нищаго, дѣйствительно ли онъ видѣлъ Бенедетто въ Священномъ Гротѣ. Нищій сталъ слезливо разсказывать цѣлую

исторію о томъ, какъ онъ шелъ по дорогѣ въ Священный Гротъ со связкой дровъ и упалъ. Его поднялъ проходившій мимо монахъ и провелъ его въ монастырь, гдѣ другіе монахи привели его въ чувство и накормили его. Отдохнувши, онъ пошелъ дальше, а монахъ остался въ святомъ гротѣ. Монахъ же этотъ, который его подобралъ по дорогѣ, и былъ Бенедетто. Онъ его хорошо зналъ, но не призналъ сразу подъ необычной монашеской одеждой.

— Да ты съ ума сошелъ!—обрушились на него садовникъ и пастухъ, браня его дуракомъ за то, что онъ могъ принять какого-то монаха за Бенедетто. Жанна дала ему денегъ, прося его хорошенько припомнить лицо монаха и сказать, дѣйствительно ли это былъ Бенедетто, или нѣтъ. Нищій сталъ благодарить и благословлять ее, и сказалъ, что, можетъ быть, онъ дѣйствительно ошибся, что это не былъ Бенедетто. Онъ ушелъ, побрякивая полученными деньгами, а Жанна стала еще разспрашивать пастуха и садовника, возможно ли, чтобы Бенедетто надѣлъ монашеское платье. Но они рѣшительно не допускали этого, говоря, что нищій—совершенно невмѣняемый человѣкъ.

Пастухъ ушелъ; Жанна вошла въ садъ и сѣла подъ оливковымъ деревомъ; она рѣшила, что Ноэми легко можетъ узнать отъ привратника, гдѣ ее разыскать. Старикъ-садовникъ, въ которомъ тоже загорѣлось любопытство, спросилъ ее, съ безконечными извиненіями, не родственница ли она Бенедетто.

— Вѣдь мы знаемъ,—сказалъ онъ,—что онъ знатнаго рода,—очень знатнаго рода.

Жанна не отвѣтила на вопросъ садовника. Но она въ свою очередь спросила, почему всѣ считаютъ Бенедетто знатнымъ человѣкомъ.—Это видно по его манерамъ,—отвѣтилъ садовникъ,—и, главное, по его лицу.—„А онъ навѣрное не сдѣлался монахомъ?"—Навѣрное.—„Почему же собственно?"—Этого никто не могъ сказать. О немъ ходило много слуховъ,—но какъ знать, что правда? Говорили, что жена измѣнила ему, и что это заставило его уйти въ монастырь.—Жанна ничего не отвѣтила, и садовникъ подумалъ, что, можетъ быть, она и есть жена Бенедетто, которая пришла теперь каяться въ своей винѣ и просить прощенія.—Если правда то, что говорятъ про жену,—продолжалъ садовникъ,—то, можетъ быть, конечно, у нея были свои причины уходить отъ него, но ужъ навѣрное можно сказать, что добрѣе и благороднѣе человѣка, чѣмъ онъ, она не нашла въ своей жизни. Знаете, синьора, всѣ отцы здѣсь святые люди—кто же этого не знаетъ?—но такого добраго человѣка,

какъ онъ, нѣтъ ни въ Святой Схоластикѣ, ни въ Священномъ Гротѣ. Клянусь, что нѣтъ, хотя донъ Клементій и святой человѣкъ. Но такого, какъ Бенедетто, нѣтъ.—Жанна опять вспомнила слова нищаго: Бенедетто надѣлъ монашеское платье. Она знала, что нельзя довѣрять его словамъ, но все-таки сердце ея забилось смутной тревогой.

— Посидите здѣсь, синьора,—сказалъ садовникъ.—Не пройдетъ и получаса, какъ онъ вернется. Да что я говорю—онъ будетъ черезъ четверть часа. Онъ, вѣроятно, въ библіотекѣ съ дономъ Клементіемъ или же въ церкви. Изъ библіотеки есть прямой выходъ въ садъ.

— Да вотъ онъ!..—воскликнулъ старикъ.

Жанна вскочила. Дверь изъ библіотеки медленно открылась. Но вмѣсто Пьеро изъ нея показалась Ноэми въ сопровожденіи высокаго монаха. Ноэми увидѣла подругу подъ оливковыми деревьями и въ изумленіи остановилась. — Жанна въ саду? Неужели... Нѣтъ, старикъ, который стоитъ подлѣ нея, не можетъ быть Майрони, а никого другого возлѣ нея нѣтъ. — Она улыбнулась и пригрозила ей пальцемъ. Донъ Леоне, узнавъ отъ Ноэми, что это и есть та дама, про которую она говорила ему при обходѣ монастыря, попрощался. Онъ высказалъ предположеніе, что дамы поднимутся теперь въ Священный Гротъ, а туда онъ уже не могъ сопровождать ихъ.

Было около одиннадцати часовъ, а коляска должна была ждать ихъ тамъ, гдѣ онѣ ее оставили, въ половинѣ перваго; къ завтраку онѣ должны были вернуться домой въ часъ. Ноэми сказала, что если Жанна хочетъ видѣть Священный Гротъ, то нужно торопиться. Нездоровье ея очевидно уже прошло. Ноэми стала торопить ее, даже не спрашивая ее, почему она оставила фра Антоніо и побѣжала въ садъ. Жанна предложила Ноэми отправиться одной въ Священный Гротъ,—она же подождетъ ее въ саду. Ноэми стала подозрѣвать какую-то новую комедію.

— Нѣтъ, нѣтъ,—сказала она.—Идемъ со мной въ Священный Гротъ, или же, если тебѣ нехорошо, то спустимся сейчасъ же въ Субіакъ.

Жанна стала возражать, что сейчасъ же спуститься внизъ не имѣетъ смысла, потому что онѣ не застанутъ еще коляски; но Ноэми настаивала, говоря, что пока онѣ спустятся, коляска уже пріѣдетъ. Жанна продолжала, однако, протестовать. Тогда Ноэми молча поглядѣла на нее, стараясь прочесть въ ея глазахъ какое-то скрытое намѣреніе. Въ эту минуту Жанна вдругъ вспомнила слова нищаго и порывисто взяла подругу подъ-руку.

— Ты хочешь, чтобы я пошла съ тобой въ Священный Гротъ?—сказала она.—Хорошо, пойдемъ. Ты сама не знаешь, на что̀ меня толкаешь. Но да свершится судьба!

Прежде чѣмъ двинуться въ путь, она отдѣлилась отъ Ноэми, которая смотрѣла на нее съ удивленіемъ, оторвала листокъ изъ записной книжки и написала карандашомъ: „Я въ Священномъ Гротѣ. Прошу именемъ Джузеппе Флореса обождать меня“. Не подписавъ своего имени, она передала записочку садовнику—„для того человѣка, когда онъ вернется“,—взяла подругу подъ-руку и сказала:

— Пойдемъ!

Солнце ярко освѣщало каменистую дорогу, которая вела вверхъ къ монастырю Священнаго Грота. Жанна не отвѣчала ни слова на всѣ вопросы Ноэми, которую сильно тревожило ея молчаніе, ея блѣдность. Она чувствовала, какъ Жанна вся дрожитъ, едва удерживаясь отъ плача. Что̀ случилось въ самую послѣднюю минуту? Ей показалось, что Жанна что-то узнала въ саду, о чемъ ей не хочется говорить. Ноэми была сильно встревожена, и дикая природа, окружавшая ихъ, еще усиливала ея волненіе; поэтому она искренно обрадовалась, услышавъ голоса. Навстрѣчу имъ показалась группа: профессоръ Данэ верхомъ, Маринье и настоятель пѣшкомъ спускались внизъ изъ Священнаго Грота.

Данэ обрадовался встрѣчѣ, остановился, представилъ дамъ настоятелю и сталъ говорить съ восхищеніемъ о Священномъ Гротѣ. Жанна, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ настоятелемъ, спросила, не произносилъ ли въ его монастырѣ кто-нибудь недавно монашескаго обѣта, или не надѣвалъ ли монашескаго платья. Настоятель отвѣтилъ, что находится здѣсь всего лишь нѣсколько дней, и не можетъ отвѣтить ей съ точностью на ея вопросъ. Но онъ почти увѣренъ, что, по крайней мѣрѣ, за послѣдній годъ никто не постригался въ монахи въ Св. Схоластикѣ, и даже не надѣвалъ платье послушника. Жанна просіяла. Теперь она поняла, что было глупо повѣрить хоть на минуту, что Пьеро сталъ монахомъ, когда она за двѣнадцать лишь часовъ до того видѣла его въ крестьянской одеждѣ. Ей захотѣлось въ ту же минуту вернуться въ садъ Св. Схоластики, но какъ это сдѣлать? Подъ какимъ предлогомъ вернуться? Она продолжала идти, чтобы хоть скорѣе отдѣлаться отъ посѣщенія Священнаго Грота. Ноэми предложила отдохнуть подъ тѣнью дубовъ, но Жанна нетерпѣливо отказалась. Она раскраснѣлась, глаза ея сверкали, и она стала быстро подниматься по ступе-

нямъ лѣстницы, которая вела къ монастырю. Ноэми не понимала причины столь быстрой перемѣны въ настроеніи Жанны. Дойдя до верху, Ноэми залюбовалась широкимъ видомъ на горы, который открывался передъ ними, но Жанна торопила ее, и онѣ направились ко входу въ монастырь. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онѣ подошли, дверь открылась, пропуская компанію посѣтителей, мужчинъ и дамъ, выходившихъ послѣ осмотра монастыря. Монахъ, который сопровождалъ ихъ, увидавъ Жанну и Ноэми, оставилъ дверь открытой. Жанна поспѣшила войти, и Ноэми послѣдовала за ней.

— Фрески XIII-го вѣка,—объяснялъ монахъ равнодушнымъ тономъ, вводя ихъ въ корридоръ. Ноэми остановилась, заинтересовавшись старинной живописью. Жанна стояла позади монаха, не глядя ни направо, ни налѣво, занятая своими мыслями. Что̀ если настоятель сказалъ неправду? Если вѣрно то, что̀ говорилъ нищій? Ей припомнилась ихъ радостная неожиданная встрѣча въ Праліи, его блѣдное лицо, его „благодарю“, которое преисполнило ее такой глубокой радостью. Она съ трудомъ сдержала волненіе, охватившее ее при одномъ воспоминаніи, и стала торопить Ноэми.

— Пойдемъ дальше,—сказала она.

Она пошла вслѣдъ за монахомъ, не слушая его и не глядя на то, что̀ онъ показывалъ. Ноэми тоже съ трудомъ скрывала свое безпокойство. Она боялась, главнымъ образомъ, обратнаго пути. Ей казался самымъ опаснымъ пунктомъ садъ въ Св. Схоластикѣ, куда Жанна намѣревалась вернуться, судя по тому, что̀ она сказала старому садовнику. У Ноэми прошла охота видѣть этого Майрони, про котораго она столько наслышалась. Ей хотѣлось одного: вернуться съ Жанной домой, избѣжавъ всякихъ встрѣчъ, и она рѣшила подольше побыть въ Священномъ Гротѣ, чтобы осталось какъ можно меньше времени для Св. Схоластики. Поэтому она дѣлала видъ, что ей крайне интересно осмотрѣть драгоцѣнныя внутреннія святыни монастыря, невзрачнаго по внѣшнему виду. На самомъ дѣлѣ она предпочла бы пріѣхать сюда другой разъ съ сестрой и ея мужемъ, чтобы осмотрѣть все со спокойной душой.

Въ священномъ гротѣ, куда спустились Ноэми и Жанна съ ихъ провожатымъ, ихъ охватилъ мертвенно-холодный воздухъ; ихъ окружали таинственныя тѣни, среди которыхъ мелькали желтоватые отблески сверху; онѣ вдыхали запахъ мокрыхъ камней, дымныхъ свѣтильниковъ, проходили мимо маленькихъ часовенъ, мимо гротовъ, распятій, лѣстницъ, исчезающихъ во мракѣ

пещеръ; спускаясь дальше, онѣ проникли въ нижнія пещеры, гдѣ сверкалъ мраморъ, красный, черный, и бѣлый, виднѣлись статуи монаховъ у стѣнъ, въ оконныхъ нишахъ, у колоннъ,—каждый монахъ представленъ былъ съ традиціоннымъ ореоломъ. Онѣ шли, не зная, куда ихъ ведетъ путь передъ ними, и Жаннѣ все окружавшее казалось чѣмъ-то фантастическимъ.

Спускаясь по Святой Лѣстницѣ, онѣ слѣдовали за монахомъ, который велъ ихъ, идя на четыре-пять ступенекъ впереди. Вдругъ Жанна ухватилась рукой за плечо монаха, потомъ, устыдившись своего инстинктивнаго порывистаго движенія, отдернула руку; монахъ остановился и удивленно повернулъ къ ней голову.

— Простите! — сказала она:—не знаете ли вы, кто этотъ монахъ?

Между двумя площадками лѣстницы, за выступомъ стѣны съ лѣвой стороны, стояла въ темномъ углу, прислонивъ голову къ мрамору, темная фигура въ одеждѣ бенедиктинца. Жанна прошла сначала мимо, не замѣтивъ темной фигуры, потомъ, случайно обернувшись, увидѣла ее, и въ ея трепетномъ сердцѣ вспыхнула надежда.

— Онъ не монахъ, синьора,—сказалъ проводникъ.

Онъ наклонился съ ключомъ въ рукахъ, чтобы открыть рѣшетку одной изъ часовенъ.

— Кто?—спросила Ноэми.

— Онъ не монахъ?—повторила Жанна.

Ея голосъ прозвучалъ такъ странно, что Ноэми вздрогнула. Она не замѣтила фигуры, стоявшей въ тѣни у стѣны.

Монахъ, открывшій тѣмъ временемъ часовню, сталъ давать объясненія.

— Подлинный портретъ святого Франциска не здѣсь,—сказалъ онъ, продолжая начатый раньше разговоръ.—Нѣсколько ниже есть святой Францискъ, написанный Мането. Мы его потомъ увидимъ. Пожалуйте...

Ноэми тихо спросила Жанну, что съ ней, но когда та спокойно отвѣтила: „ничего“, она вошла въ часовню и стала слушать объясненія монаха. Тогда черная фигура отдѣлилась отъ стѣны. Жанна увидѣла, какъ человѣкъ въ черномъ сталъ медленно подниматься въ тѣни подъ стрѣльчатыми сводами. Дойдя до верхней площадки, онъ повернулъ налѣво, исчезъ по лѣвую сторону, потомъ вдругъ снова появился на поворотѣ лѣстницы, въ глубинѣ, и въ эту минуту его озарилъ лучъ свѣта, падавшій изъ невидимаго окна. Онъ поднимался медленно, какъ будто съ

трудомъ. Прежде чѣмъ исчезнуть за стѣной аркады, онъ наклонилъ голову, чтобы взглянуть внизъ. Жанна узнала его.

Въ одну секунду, точно подчиняясь молніеносной волѣ, управляющей ею, точно гонимая вихремъ своей судьбы, блѣдная, съ твердой рѣшимостью въ душѣ, но не зная еще, что̀ она скажетъ, что̀ сдѣлаетъ, она пошла вверхъ по лѣстницѣ. Пройдя верхнюю площадку, ступая на освѣщенную часть лѣстницы, она оступилась, упала и съ минуту лежала, не поднимаясь; такимъ образомъ Ноэми, выйдя изъ часовни, не увидѣла ее и подумала, что она спустилась внизъ, въ поискахъ за портретомъ святого Франциска. Жанна снова поднялась и пошла впередъ, охваченная страстью, не внимая призывамъ къ святости и покою въ изображеніяхъ на священныхъ стѣнахъ. Вокругъ нея было тихо и пусто. Она шла незнакомой дорогой, твердо и быстро, какъ въ гипнозѣ, проходила по темнымъ переходамъ, по свѣтлымъ промежуткамъ, не колеблясь ни на минуту, не глядя ни направо, ни налѣво, ничего не видя, вся обратившись въ слухъ, слѣдя за отдаленнымъ шорохомъ, за легкимъ скрипомъ двери въ отдаленіи,—и когда открылась отъ ея толчка послѣдняя дверь, она очутилась лицомъ къ лицу съ Пьеро.

Онъ тоже узналъ ее на лѣстницѣ, когда она прошла мимо. Онъ былъ почти увѣренъ, что она его не узнаетъ, но все же держался вдали отъ обычнаго пути посѣтителей монастыря. Когда же онъ услышалъ въ отдаленной залѣ, куда скрылся, шорохъ женскаго платья, онъ понялъ и сталъ ждать ее, обернувшись лицомъ къ двери.

Она увидѣла его движеніе, застыла, какъ вкопанная, въ раскрытыхъ дверяхъ и устремила взоръ на его глаза, которые уже не имѣли выраженія глазъ Пьеро Майрони.

Онъ казался преображеннымъ. Фигура его—можетъ быть, потому, что онъ былъ одѣтъ весь въ черное,—казалась болѣе тонкой. Блѣдное, исхудалое лицо съ высокимъ лбомъ выражало такую глубину мысли и такую скорбную кротость, какой Жанна никогда въ немъ не знала. И глаза у него были совершенно другіе. Въ нихъ было несказанно-божественное выраженіе, безконечная кротость и сила, та сила, которая дается высшей любовью, идущей не изъ сердца, а изъ таинственнаго источника души. Любовь эта проникала ей не въ сердце, а въ тайники души, ей самой до того невѣдомые. Она медленно сложила руки и опустилась на колѣни.

Бенедетто приложилъ къ губамъ палецъ лѣвой руки, а другой указалъ на стѣну противъ открытаго балкона, съ котораго

видны были зеленыя рощи и слышенъ былъ ревъ глубокой рѣки. Посреди стѣны чернѣло написанное крупными буквами слово: „Silentium“.

Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, съ того времени, какъ начертано было это слово, здѣсь никогда не раздавался звукъ человѣческаго голоса. Жанна даже не взглянула на стѣну, не видѣла ничего. Ей достаточно было, что Пьеро приложилъ палецъ къ своимъ губамъ, чтобы и она сжала свои. Но сдержать слезы, душившія ее, она не могла. Она глядѣла на него съ сжатыми губами, и тихія слезы катились по ея лицу. Неподвижно, опустивъ руки, Бенедетто стоялъ, слегка наклонивъ голову, и закрылъ глаза, погруженный въ мысли. Властное слово, чернѣвшее на стѣнѣ, говорившее о мракѣ и смерти, побѣдило эти двѣ души.

Вдругъ, черезъ нѣсколько секундъ послѣ того, какъ Бенедетто закрылъ глаза отъ ея взора, она зашаталась и вся задрожала, горько зарыдавъ. Онъ открылъ глаза, кротко взглянулъ на нее, и она стала жадно впивать его взглядъ и снова зарыдала какъ бы отъ скорбной благодарности. Онъ опять приложилъ палецъ къ губамъ, и она кивнула головой, показывая, что будетъ молчать, что будетъ спокойна. Повинуясь его знаку, его взгляду, она поднялась, отошла въ сторону, пропустила его въ открытую дверь, смиренно пошла за нимъ, съ умершей надеждой, съ умершими мечтами въ душѣ. Ея любовь превратилась въ страхъ и благоговѣніе.

Она прошла за нимъ въ часовню, которую называли верхней церковью. Тамъ, противъ трехъ маленькихъ стрѣльчатыхъ сводовъ, замыкающихъ въ себѣ мракъ, вырисовывался алтарь, и серебряное Распятіе блестѣло на темномъ фонѣ старинныхъ картинъ. Жанна опустилась на колѣни, по его знаку, на молитвенной скамейкѣ, стоявшей справа отъ большого свода; онъ же сталъ на колѣни съ лѣвой стороны. На плафонѣ свода живописецъ XIV вѣка изобразилъ Скорбную Матерь. Ее освѣщалъ лучъ, падавшій изъ высокаго окна слѣва; Бенедетто былъ въ тѣни.

Его голосъ прозвучалъ едва слышно:

— Все еще не обрѣли вѣры?

Такъ же тихо, какъ онъ, и не поворачивая къ нему головы, она отвѣтила:

— Да.

Онъ на минуту помолчалъ, и потомъ продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Хотите вѣрить? Хотите поступать такъ, какъ еслибы у васъ была вѣра въ Бога?

— Если для этого не нужно лгать,—хочу.

— Обѣщаете жить для страждущихъ, любить ихъ такъ, какъ еслибы каждый изъ нихъ былъ частью души, вами любимой?

Жанна ничего не отвѣтила. Она была честна, хорошо себя знала, и не могла утверждать, что она на это способна.

— Можете обѣщать мнѣ это, — продолжалъ Бенедетто, — если я обѣщаю призвать васъ къ себѣ, когда наступитъ предначертанный часъ?

Она не знала, о какомъ торжественномъ и недалекомъ часѣ онъ думалъ, говоря это, и отвѣтила, задыхаясь:

— Да, да!

— Въ тотъ часъ я васъ позову, — произнесъ голосъ въ тѣни.—Но до того никогда не ищите встрѣчи со мной.

Жанна прижала руку къ глазамъ и отвѣтила тихо:

— Не буду!

Ей казалось, что все это—горячечный бредъ. Пьеро замолчалъ. Прошли двѣ-три минуты. Она отняла руку отъ глазъ, полныхъ слезъ, и устремила взоръ на крестъ, сіявшій передъ нею на темномъ фонѣ старинныхъ картинъ. Она прошептала:

— Вы знаете, что донъ Джузеппе Флоресъ умеръ?

Молчаніе.

Жанна обернулась. Въ церкви никого, кромѣ нея, не было.

VII.

Святой.

Луна уже зашла; прохладный поздній часъ; рѣка сердито бурлила, и лишь отъ времени до времени ревъ ея переходилъ въ тихій рокотъ, точно она разсказывала кому-то, что другіе не должны были слышать. Джіованни Сельва внимательно вслушивался въ говоръ рѣки. Сидя у перилъ террасы, онъ облокотился на нихъ и глядѣлъ въ темноту. Марія и Ноэми, которыя тоже вышли подышать вечерней прохладой, сидѣли въ сторонѣ. Марія шепнула что-то на-ухо сестрѣ, и та вышла. Оставшись наединѣ съ мужемъ, Марія наклонилась къ нему и поцѣловала ему волосы.

— Джіованни!—сказала она. Въ звукѣ его имени она часто

изливала всю свою нѣжность въ такія минуты, когда всѣ другія слова казались ей недостаточными, слишкомъ часто произнесенными множествомъ иныхъ устъ.

— Марія, — отвѣтилъ Джіованни грустнымъ, усталымъ тономъ.—Дорогая!

Она помолчала, потомъ, положивъ обѣ руки ему на голову, медленно стала гладить его волосы, говоря:

— Счастливы страдающіе за истину.

Онъ обернулся къ ней, поглядѣлъ, нѣтъ ли Ноэми на террасѣ, потомъ привлекъ къ себѣ лицо жены и нѣжно поцѣловалъ ее.

— Я такъ нуждаюсь въ тебѣ, — сказалъ онъ, — въ твоей силѣ.

— Я для того и живу,—отвѣтила Марія,—и я сильна тѣмъ, что ты меня любишь.

Онъ взялъ ея руку и благоговѣйно поцѣловалъ.

— Ты видишь, что̀ со мной! — воскликнулъ онъ, поднимая лицо.—Но ты не знаешь самой глубины моихъ страданій, потому что и я этого не знаю; я старъ, и все-таки еще не знаю себя. Я какъ-разъ объ этомъ думалъ. Когда страдаютъ отъ раны, то причина страданія ясна; но когда человѣка мучитъ лихорадка, то причина темна, и никогда нельзя узнать ее вполнѣ.

Не прошло и мѣсяца со времени собранія, на которомъ говорилось о единеніи между прогрессивными католиками. Никакого единенія не вышло, но послѣдовалъ рядъ непріятныхъ фактовъ, очевидно связанныхъ съ тѣмъ, что̀ тогда происходило. Профессора Данэ архіепископъ отозвалъ въ Ирландію,—и онъ узналъ, что его немилость вызвана донесеніями изъ Рима. Только благодаря вліянію одного кардинала, его друга, у него не отняли право проповѣди и не включили его сочиненій въ списокъ запрещенныхъ книгъ. Донъ Клементій больше не появлялся, и когда Джіованни посѣтилъ его въ монастырѣ, онъ со слезами на глазахъ сказалъ ему, что ихъ дружбу нужно на время скрыть, какъ прячутъ сокровища во время войны. Дону Паоло Фарэ, который читалъ въ Парижѣ лекціи о религіи для взрослыхъ, запрещено было продолжать ихъ. На молодого де-Лейни стала оказывать давленіе его семья. Мать стала умолять именемъ его умершаго отца, чтобы онъ порвалъ сношенія съ такими опасными друзьями, какъ Сельва,—и онъ былъ увѣренъ, что мать дѣйствуетъ подъ вліяніемъ своего духовника. Онъ отстоялъ свою независимость, но цѣной большихъ семейныхъ непріятностей. Самымъ чувствительнымъ ударомъ для Джіованни было появленіе

въ авторитетномъ клерикальномъ журналѣ трехъ обстоятельныхъ статей о его произведеніяхъ; въ нихъ, на ряду съ литературными похвалами, были строгія порицанія его раціонализму и дерзости, съ которой онъ пишетъ о богословскихъ вопросахъ, обладая только свѣтскими знаніями. По существу, эти статьи были безпощаднымъ предварительнымъ осужденіемъ книги, которую Джіованни готовилъ къ печати, о раціоналистической основѣ христіанской морали; цѣлью критика было подвергнуть этотъ и другіе труды Сельвы папскому осужденію, помѣщенію въ списокъ осужденныхъ книгъ.

— Ты сомнѣваешься въ правотѣ своихъ идей? — спросила Марія.

Вопросъ ея не былъ искреннимъ. При всей своей любви къ мужу она ясно читала въ его душѣ и знала, что, несмотря на самостоятельность его мыслей, осужденіе церкви его очень безпокоитъ. Марія, опасаясь больно задѣть его вопросомъ, боится ли онъ, выразила другое опасеніе, чтобы вызвать его на признаніе. Но отвѣтъ Джіованни очень ее удивилъ.

— Да, — сказалъ онъ. — Я сомнѣваюсь въ себѣ. Я боюсь, что живу исключительно головой и преувеличиваю значеніе моихъ идей. Я сомнѣваюсь въ себѣ, потому что не провожу моихъ идей въ жизнь. Боюсь, что я слишкомъ презираю людей, не раздѣляющихъ моихъ мыслей, слишкомъ презираю противниковъ, вмѣсто того, чтобы отнестись къ нимъ любовно; я, можетъ быть, неправъ, чувствуя гадливость къ тому швейцарскому аббату, который пріѣхалъ тогда вмѣстѣ съ Данэ; онъ, вѣроятно, и передалъ все, что у насъ говорилось, въ ненадлежащемъ свѣтѣ. Боюсь, что я веду не достаточно дѣятельную жизнь, живу слишкомъ легко, слишкомъ пріятно,—умственный трудъ вѣдь мнѣ пріятенъ. Я сомнѣваюсь даже въ моей любви къ Богу, потому что слишкомъ мало люблю своихъ ближнихъ. Ты, Марія, воплощаешь свою вѣру, работаешь на бѣдныхъ, утѣшаешь ихъ, учишь ихъ. А я ничего не дѣлаю.

Марія знала, что дѣйствительно ему недоставало теплоты братскаго чувства къ людямъ. Она чувствовала, сама боясь признаться себѣ въ этомъ, что это мѣшало ея мужу успѣшно выполнять свою великую религіозную миссію, соотвѣтствующую его интеллектуальнымъ способностямъ, его глубокой, просвѣтленной вѣрѣ, которая была у него скорѣе результатомъ ума, глубокихъ мыслей и любви къ Богу, чѣмъ плодомъ традицій и привычекъ. Она упрекала себя въ томъ, что иногда радовалась холодности Джіованни къ людямъ, потому что она придавала осо-

бую цѣнность его любви къ ней. Онъ сознавалъ свой братскій долгъ и никогда не былъ глухъ къ просьбамъ, всегда сочувствовалъ чужимъ страданіямъ. Онъ не любилъ Бога въ людяхъ,—что̀ составляетъ пламенность любви,—а любилъ людей въ Богѣ; это—холодная любовь, любовь добраго брата къ брату, только для того, чтобы угодить Отцу. Но и это чувство бываетъ только въ лучшихъ человѣческихъ сердцахъ. Таковымъ было и сердце Джіованни—и ему было грустно сознаваться, что онъ не способенъ на высокій паѳосъ любви. Марія съ безконечной нѣжностью проводила рукой по его волосамъ, призывая на него милость и прощеніе Бога.

— Хочешь,—сказала она,—я могу сейчасъ же дать тебѣ случай сдѣлать доброе дѣло. Ноэми получила письмо отъ своей подруги Десаль и нуждается въ твоемъ содѣйствіи, чтобы помочь ей.

— Позови ее,—сказалъ онъ.

Ноэми пришла на зовъ. Въ этотъ день между ней и Джіованни прошло легкое облачко неудовольствія. У нихъ вышелъ разговоръ о религіи,—это былъ исключительный случай, такъ какъ обыкновенно они избѣгали этой темы въ бесѣдахъ. Ноэми слѣпо держалась своихъ религіозныхъ убѣжденій, и не любила спорить и обсуждать ихъ. При всей своей нѣжности къ Маріи и большомъ уваженіи къ Джіованни, она боялась разсуждать съ ними о своей вѣрѣ, чувствуя, что болѣе склонна стать на сторону скептицизма Жанны, чѣмъ прогрессивнаго либеральнаго католицизма Сельвы. Къ тому же у нея было сильное подозрѣніе, что онъ хочетъ обратить ее въ свою вѣру, и потому она въ спорѣ держала себя еще болѣе рѣзко изъ чувства самообороны. Потомъ ей стало совѣстно, что она огорчила Джіованни: она знала, сколько непріятностей онъ и безъ того терпитъ изъ-за своихъ религіозныхъ убѣжденій, видѣла, до чего онъ разстроенъ—и ей хотѣлось загладить свою рѣзкость, тѣмъ болѣе, что и сестра ея просила относиться къ нему помягче и добрѣе. Но она рѣшила выказать ему довѣріе, разсказавъ все про Жанну. Она только сказала, что Жанна, больная тѣломъ и духомъ, услыхала, что въ Дженнэ есть святой, исцѣляющій души, и проситъ въ своемъ письмѣ узнать о немъ и написать ей. Одна Ноэми не можетъ поѣхать въ Дженнэ, и потому проситъ, чтобы Джіованни сопровождалъ ее. Вначалѣ она сообщила только это, но потомъ нарушила всѣ запреты подруги и разсказала обо всемъ, что̀ произошло. Она сказала, что бѣдная Жанна болѣе несчастна, чѣмъ когда-либо послѣ того, какъ встрѣтила въ Субіакѣ своего

бывшаго возлюбленнаго.—„Такъ, значитъ, это все-таки былъ донъ Клементій?“ —воскликнулъ Джіованни.—Нѣтъ,—отвѣтила Ноэми,—это былъ садовникъ, сопровождавшій его въ тотъ вечеръ; теперь онъ ушелъ изъ монастыря—и онъ-то и есть тотъ святой въ Дженнэ, о которомъ идетъ слава по всему округу,—о которомъ говорятъ даже въ Римѣ.—Ноэми просила простить ее за то, что она раньше не разсказала правды,—но подруга умоляла ее не говорить. Она разсказала теперь о встрѣчѣ Жанны съ Пьеро въ Священномъ Гротѣ. Ноэми подробностей свиданья не знала; Жанна ей только сказала, что всѣ ея надежды разбиты, что Майрони былъ въ монашескомъ платьѣ, говорилъ какъ человѣкъ, посвятившій себя Богу, что она обѣщала ему заняться дѣлами благотворительности и что всякія прямыя сношенія между ними прекратились. Теперь Жанна писала изъ виллы Діедо подлѣ Венеціи, гдѣ она поселилась вмѣстѣ съ братомъ, послѣ того какъ уѣхала изъ Субіака. Письмо ея было очень печальное. Братъ ея, удивленный тѣмъ, что она вдругъ вздумала посвящать столько времени бѣднымъ, сталъ возмущаться этой перемѣной ея образа мыслей и образа жизни. Пусть бы она давала имъ сколько угодно денегъ,—онъ противъ этого ничего не имѣлъ. Но звать къ себѣ въ домъ нищихъ и посѣщать ихъ въ ихъ лачугахъ—этого онъ не могъ допустить. Онъ считалъ это глупостью, сумасбродствомъ. Кромѣ того, являлись и другія препятствія. Она хотѣла вступить дѣятельнымъ членомъ въ женскіе союзы, занимающіеся помощью бѣднымъ, но къ ней относились съ недовѣріемъ; большинство дамъ чуждалось ея, помня ея исторію съ Майрони и зная ея равнодушіе къ религіи. Чѣмъ больше трудностей представлялось ей на пути, тѣмъ сильнѣе сказывалась въ ней привычка къ праздности, и она чувствовала, что не сумѣетъ идти по новому пути, если не будетъ духовной поддержки отъ *него*. Видѣть его она не могла, писать не рѣшалась, такъ какъ его запретъ относился, очевидно, и къ письменнымъ сношеніямъ, и она ни за что бы не нарушила даннаго ему прямого обѣщанія. Вдругъ она прочла въ газетахъ корреспонденцію изъ Рима о „Святомъ изъ Дженнэ“. Корреспондентъ разсказывалъ, что этотъ святой еще молодъ, что онъ былъ садовникомъ въ саду при Св. Схоластикѣ. Такъ, значитъ, это онъ. Она написала письмо Ноэми, умоляя ее отправиться въ Дженнэ и обратиться къ нему съ просьбой подать ей, Жаннѣ, милостыню нѣсколькихъ ободряющихъ словъ.

Ноэми рѣшила отправиться туда и попросила Джіованни сопровождать ее, на что тотъ сейчасъ же согласился, охотно за-

бывъ ихъ мимолетную ссору. Марія предложила тоже отправиться съ ними. Рѣшено было пойти на слѣдующій же день, пѣшкомъ, и выйти изъ дому въ пять часовъ утра, чтобы не было слишкомъ жарко ходить.

О новомъ святомъ очень много всюду говорили. Въ корреспонденціи, которую читала Жанна, сказано было, что въ Дженнэ приходитъ множество людей, чтобы видѣть и послушать святого; говорили о чудесныхъ исцѣленіяхъ, совершонныхъ имъ; бенедиктинцы разсказывали съ преклоненіемъ о томъ, какъ онъ провелъ три года въ покаяніи и молитвахъ, работая въ саду въ Св. Схоластикѣ. Въ Субіакѣ разсказывали другое. Одинъ лѣсничій, родственникъ служанки Сельвы, говорилъ ей, что ходилъ въ Дженнэ съ какимъ-то иностранцемъ, видимо художникомъ, который пріѣхалъ изъ Рима повидать святого. На пути туда и обратно они видѣли человѣкъ пятьдесятъ, отправлявшихся туда съ той же цѣлью—все люди изъ лучшаго общества. Въ Дженнэ имъ разсказали про все, что было. Разъ ночью священнику-настоятелю въ Дженнэ приснился огненный шаръ надъ большимъ крестомъ, поставленнымъ на вершинѣ холма. Огненный шаръ зажегъ крестъ, который пылалъ, не сгорая, и освѣщалъ всѣ горы и долины вокругъ. На слѣдующій день къ священнику явился молодой человѣкъ въ одеждѣ бенедектинскаго послушника и принесъ ему письмо. Въ письмѣ было сказано: „Посылаю вамъ ангела, пылающаго небеснымъ огнемъ; о немъ скоро заговорятъ въ Дженнэ и въ цѣломъ мірѣ“. Въ письмѣ сказано было также, что этотъ юноша очень знатнаго рода—даже королевской крови, но работалъ какъ простой садовникъ въ монастырскомъ саду, смиряя себя передъ Господомъ. Настоятель былъ внѣ себя отъ этого совпаденія сна съ появленіемъ послушника и заболѣлъ отъ волненія. Слѣдующій день былъ праздничный. Два другихъ священника не могли замѣнить его,—одинъ былъ боленъ, другой уѣхалъ къ больной матери. Служанка настоятеля разнесла по всему околотку вѣсть о бенедиктинцѣ и о вѣщемъ снѣ священника. Масса народа собралась въ церкви, чтобы послушать, какъ будетъ служить бенедиктинецъ, который вошелъ въ церковь; они настаивали на томъ, чтобы онъ служилъ. Онъ не соглашался, говоря, что не имѣетъ права, но они упрашивали его, чтобы онъ хоть произнесъ проповѣдь. Они не отпускали его, и онъ наконецъ сдѣлалъ знакъ, чтобы всѣ вышли изъ церкви, и сказалъ тѣмъ, которые стояли поближе отъ него, что будетъ говорить на площади передъ церковью. И тамъ онъ говорилъ. Что онъ собственно сказалъ, служанка не сумѣла повторить, и Марія не могла точно узнать отъ лѣсничаго. Но

приблизительно, насколько она поняла и добавила догадками, онъ сказалъ слѣдующее:

„Развѣ вы можете войти въ церковь? Развѣ вы примирились съ вашими братьями? Помните слова Христа, говорившаго, что нельзя приближаться къ алтарю, не примирившись съ братьями? Нельзя войти въ церковь, питая злобу противъ кого-либо или нанеся обиду ближнему, или посягая на его душу. Знаете ли вы, что всѣ мессы и молитвы ни къ чему, если раньше не очистить сердца по слову Христову? Если вы осквернены злобой, уходите. Христосъ не потерпитъ васъ въ храмѣ“.

— Да что!—говорилъ лѣсничій Торквато.—Дѣло было не въ словахъ, а въ голосѣ, во взглядѣ. Всѣ стали на колѣни, плакали: нѣкоторыя женщины, враждовавшія между собой, стали обнимать другъ дружку. Святой, увидавъ это, сказалъ:—„Войдите, преклоните колѣни передъ алтаремъ. Господь теперь вошелъ въ ваши души, молитесь ему въ тишинѣ“.—Вся толпа вошла въ церковь, опустилась на колѣни, и, по словамъ Торквато, въ теченіе четверти часа было такъ тихо, что слышно было бы, если бы пролетѣла муха. Потомъ святой сталъ громкимъ голосомъ читать „Отче нашъ“, и всѣ повторяли за нимъ слова молитвы. Торквато разсказалъ еще, что настоятель, услыхавъ про все это, обнялъ и поцѣловалъ своего гостя, и этотъ поцѣлуй вылечилъ его отъ лихорадки. Тогда стали водить къ нему больныхъ, чтобы онъ ихъ исцѣлялъ своимъ благословеніемъ. Онъ отказывался, но тѣ, кому удавалось тайкомъ коснуться его платья, выздоравливали. Всѣ стали ходить къ нему за совѣтами, разсказывали о томъ, какъ онъ спасъ однимъ движеніемъ руки человѣка, упавшаго въ воду, и совершилъ множество другихъ чудесъ.

Этотъ разсказъ лѣсничаго Марія передала сестрѣ и мужу.

— Можетъ быть, все это такъ же вѣрно, какъ то, что онъ королевской крови?—спросила Ноэми.

— Узнаемъ завтра,—отвѣтилъ Джіованни, поднимаясь.

Они вышли часовъ въ шесть утра; небо было облачное, дулъ легкій вѣтерокъ, благоухали лѣса и горы, пѣли птицы. Поднимаясь вверхъ по узкой дорожкѣ для муловъ, они оставили по лѣвую руку монастыри Св. Схоластики, Священнаго Грота, Св. Лаврентія и пошли по мосту, перекинутому черезъ горный потокъ. Дорогой они много говорили о святомъ, къ которому направлялись. Джіованни удивлялся, что донъ Клементій ничего не сообщалъ ему о необычайныхъ дарованіяхъ молодого садовника. Ему понравилась переданная со словъ лѣсничаго рѣчь Бенедетто передъ церковью. На эту тему онъ много бесѣдовалъ съ дономъ

Клементіемъ, указывая ему на то, что слово Христово не соблюдается на практикѣ, что лучшіе изъ христіанъ не примѣняютъ его въ жизни. Если бы вѣрующіе не входили въ церковь, не очистивъ душу, христіанская мораль дѣйствительно была бы самой высокой въ мірѣ. Ему понравилось также чтеніе „Отче нашъ" въ церкви вмѣстѣ съ причтомъ. Но онъ очень неодобрительно отнесся къ разсказамъ о чудесахъ. Онъ считалъ непростительной слабостью со стороны Бенедетто то, что онъ не сумѣлъ сразу порвать съ суевѣріемъ толпы, создающей такого рода славу.

Джіованни спросилъ Ноэми, какое представленіе у нея объ этомъ человѣкѣ. Она затруднялась дать опредѣленный отвѣтъ. Разсказы о немъ Жанны убѣждали ее, что Майрони поступилъ съ нею нехорошо, что онъ никогда не любилъ ее настоящимъ образомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней пробуждалось странное любопытство: ей хотѣлось знать, полюбилъ ли бы этотъ человѣкъ ее больше, чѣмъ Жанну. Она отвѣтила Джіованни, что характеръ Майрони—для нея загадка. О его развитіи и умѣ она ничего опредѣленнаго не можетъ сказать. Очевидно, что если такая женщина, какъ Жанна, его полюбила, то онъ человѣкъ достойный въ умственномъ отношеніи.—„А каковы были его прежніе религіозные взгляды?"—спросилъ Джіованни. Ноэми сказала, что, судя по нѣкоторымъ фактамъ, извѣстнымъ ей отъ Жанны, по тому, какъ онъ подъ вліяніемъ семейныхъ религіозныхъ традицій порвалъ съ нею въ разгаръ ихъ любви, онъ былъ тогда католикомъ старой школы.

Они продолжали идти нѣсколько времени молча, изрѣдка лишь встрѣчая по пути горцевъ, спускавшихся внизъ на мельницу въ Субіакѣ, на мулахъ, нагруженныхъ мѣшками съ зерномъ. Они остановились отдохнуть на большомъ лугу при поворотѣ въ Дженнэ. Солнечные лучи пробивались сквозь тучи и золотили горы. Пустившись снова въ путь, они увидѣли ѣдущаго имъ навстрѣчу на мулѣ знакомаго доктора изъ Дженнэ.

— Вы отправлнетесь въ Дженнэ?—спросилъ онъ.—Посмотрѣть святого? Сегодня тамъ масса народу.

Масса народу? Ноэми это было очень непріятно: она боялась, что ей не удастся обстоятельно поговорить съ Майрони. Сельва и Марія стали спрашивать, почему тамъ будетъ много народу. Оказалось, что нѣсколько сосѣднихъ городовъ хотятъ переманить святого къ себѣ, а мѣстныя женщины не отпускаютъ его.

— И все это дѣлается для того, чтобы я могъ отдохнуть,—

прибавилъ докторъ.—А также чтобы дать отдыхъ аптекарю. Теперь докторомъ сталъ бенедиктинецъ, а его одежда замѣняетъ аптеку.

Онъ разсказалъ, что сегодня пріѣдутъ делегаты изъ Филетино, изъ Треви, для переговоровъ съ мѣстными жителями, чтобы какъ-нибудь подѣлить между собою святого.—Можетъ быть, еще дѣло до драки дойдетъ.

— Вы, однако, тоже называете его святымъ?—сказала Марія.

— Да,—засмѣялся докторъ. — Всѣ его такъ зовутъ. Есть, однако, люди, считающіе его дьяволомъ.

— Да неужели? Кто же это? И почему?

Докторъ скорчилъ лукавое лицо человѣка, который много знаетъ, но не хочетъ говорить всего.—Тутъ, въ Дженнэ,—сказалъ онъ,—проживаютъ два священника изъ Рима—продувной народъ!.. Мнѣ они не говорили своего мнѣнія о святомъ, но настоятель уже начинаетъ немножко отстраняться отъ него. Они потихоньку дѣлаютъ свое дѣло... какъ насѣкомыя, которыя губятъ растеніе, не касаясь ни плодовъ, ни цвѣтовъ, ни листьевъ, даже не корней,—потому что ихъ бы тамъ открыли,—а внѣдряются въ сердцевину и тамъ остаются. Пройдетъ мѣсяцъ, другой—и растеніе непремѣнно засохнетъ.

— Но вы сами что о немъ думаете?—спросила Марія.— Дѣйствительно ли этотъ человѣкъ выдаетъ себя за святого? Неужели его радуетъ слава, которою его окружаетъ суевѣрная толпа? Правда, что онъ исцѣляетъ больныхъ?

Докторъ продолжалъ смѣяться, слушая ее.—Я смѣюсь,—отвѣтилъ онъ.—Это случай заразной мистической психопатіи. Простите, я спѣшу въ Субіакъ. Всего хорошаго.

Ноэми была болѣе всѣхъ взволнована ожидаемой встрѣчей съ человѣкомъ, котораго любила Жанна, и отъ волненія стала чувствовать усталость. Они отдохнули вторично у начала подъема въ Дженнэ. Тамъ они услышали чьи-то шаги за собой и обернулись. Какой пріятный сюрпризъ—донъ Клементій! Прекрасное лицо монаха тоже озарилось радостью. Онъ преклонялся передъ Сельвой, и съ трудомъ удерживался отъ искушенія видаться съ нимъ вопреки запрещенію настоятеля. Теперь же онъ счелъ неожиданную встрѣчу подаркомъ судьбы и присоединился къ друзьямъ безъ всякаго колебанія. Марія представила его Ноэми, и онъ покраснѣлъ, узнавъ ту, которую принялъ за искусительницу Бенедетто.

— А гдѣ же ваша подруга? — спросилъ онъ, боясь услышать, что она тутъ же гдѣ-нибудь по близости. Узнавъ, что ея

нѣтъ, онъ просіялъ. Ноэми улыбнулась, замѣтивъ, какъ онъ обрадовался; тогда онъ еще больше смутился. Другіе тоже улыбнулись, но никто ничего не сказалъ. Первымъ прервалъ молчаніе Джіованни. Онъ сказалъ, что имъ навѣрное по пути—вѣдь донъ Клементій, конечно, идетъ въ то же мѣсто, куда и они—къ садовнику, котораго онъ привелъ къ нимъ въ тотъ знаменательный вечеръ. Донъ Клементій отвѣтилъ, что, дѣйствительно, идетъ къ Бенедетто. Онъ извинился въ томъ, что представилъ его тогда подъ видомъ садовника. Это было не обманомъ, а желаніемъ, чтобы Джіованни сблизился съ нимъ непосредственно, безъ воздѣйствія, ничего не зная заранѣе о немъ.

Продолжая вмѣстѣ дальнѣйшій путь, они заговорили о Бенедетто. Ноэми, забывъ усталость, жадно слушала падре. Онъ же, какъ нарочно, говорилъ очень мало и очень осторожно, такъ что она отъ нетерпѣнія почувствовала снова усталость. Она взяла подъ-руку Марію и предоставила ея мужу разговаривать съ монахомъ, идя впереди дамъ. Тогда донъ Клементій признался Джіованни, что идетъ къ Бенедетто съ очень непріятнымъ порученіемъ. Кто-то, очевидно, написалъ въ Римъ въ непріязненномъ для Бенедетто духѣ, обвиняя его въ произнесеніи еретическихъ рѣчей, въ томъ, что онъ чуть ли не выдаетъ себя за чудотворца, и что онъ носитъ монашеское платье, не имѣя на это права. Объ этомъ написали изъ Рима настоятелю Св. Схоластики, который приказалъ ему, дону Клементію, отправиться въ Дженнэ и потребовать, чтобы Бенедетто снялъ монашескую одежду. Донъ Клементій тщетно старался отговорить настоятеля отъ этого рѣшенія. Это ему не удалось, и такъ какъ все равно кого-нибудь послали бы съ этимъ порученіемъ, то донъ Клементій предпочиталъ взять эту миссію уже лучше на себя. Кромѣ того, онъ получилъ странное письмо отъ священника-настоятеля изъ Дженнэ. Настоятель былъ честный, но боязливый человѣкъ. Онъ написалъ дону Клементію, что Бенедетто, по его мнѣнію, дѣйствительно благочестивый христіанинъ, но онъ слишкомъ много говоритъ о религіи со всѣми, и въ рѣчахъ его есть несомнѣнная доля квіетизма и раціонализма. Онъ сообщалъ, что его обвиняютъ въ пользованіи дьявольской властью для распространенія своихъ идей. Это обвиненіе онъ, конечно, считалъ лишеннымъ всякаго основанія, но предпочиталъ, чтобы Бенедетто все-таки не жилъ у него. Онъ считалъ, что лучше всего ему было бы уѣхать куда-нибудь подальше, гдѣ онъ могъ бы жить спокойно, никому невѣдомый.

Ихъ разговоръ прерванъ былъ голосомъ Маріи, которая звала

мужа. У Ноэми сдѣлалось сердцебіеніе отъ усилившейся жары, и ей нужно было еще разъ отдохнуть. Обѣ дамы сѣли на камень. Донъ Клементій попрощался на короткое время, чтобы потомъ снова увидаться съ ними въ Дженнэ. Марія была очень встревожена утомленнымъ видомъ сестры, и раскаивалась, что позволила ей идти пѣшкомъ. Она и Джіованни глядѣли на Ноэми, которая улыбалась имъ, очень поблѣднѣвшая. Они молчали всѣ трое, и среди дикой каменистой природы имъ становилось нѣсколько жутко. Они почувствовали облегченіе, услышавъ за собой голоса поднимающихся вверхъ путешественниковъ. Ѣхало человѣкъ шесть-семь съ двумя мулами, и они пѣли молитвы. Когда они приблизились, то верхомъ на мулахъ появились молодая дѣвушка и молодой человѣкъ, оба исхудавшіе какъ скелеты. Дѣвушка, при видѣ Сельвы и двухъ дамъ, широко раскрыла глаза; у молодого человѣка глаза были закрыты. Остальные продолжали молиться съ сосредоточенными лицами. Однообразная молитвенная мелодія сливалась съ топотомъ муловъ и терялась въ высотѣ. Вскорѣ вслѣдъ за грустной процессіей показалась поднимавшаяся вверхъ группа веселыхъ молодыхъ людей, которые шли, смѣясь и разговаривая объ очень суетныхъ дѣлахъ. При видѣ Джіованни и двухъ дамъ они смолкли, и только пройдя дальше, стали снова смѣяться и шутить, говоря, что Джіованни можетъ быть и есть святой между двумя искусительницами.

Большое облако съ серебряными краями, первое изъ стаи облаковъ, несшихся на западъ, затемнило солнце; Ноэми, успѣвшая отдохнуть, предложила воспользоваться прохладой и продолжать путь. Пройдя нѣсколько дальше, они встрѣтили человѣка въ черномъ, который спускался внизъ на мулѣ.

— Простите,—сказалъ онъ дамамъ, останавливая мула:—можетъ быть, одна изъ васъ—ея свѣтлость, герцогиня ди Чивителла?

Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ извинился, объяснивъ, что одинъ его другъ, сенаторъ, просилъ его выѣхать навстрѣчу этой герцогини, которую онъ не зналъ въ лицо, и сопровождать ее въ Дженнэ, гдѣ она хочетъ повидаться со святымъ.

— Что же,—прибавилъ онъ, улыбаясь,—и вы, вѣроятно, идете къ нему же? Теперь всѣ идутъ и ѣдутъ къ нему. Прежде приходили сюда, чтобы видѣть папу. Да, здѣсь былъ папа Александръ IV. Вы увидите надпись, свидѣтельствующую объ этомъ. А теперь пріѣзжаютъ смотрѣть на святого. Думаютъ, что онъ выше папы. Боюсь, что онъ ниже папы. Видѣли вы двухъ больныхъ? Видѣли римскихъ студентовъ? Увидите еще много другихъ по-

сѣтителей. Но боюсь, что онъ этого не стоитъ. Добраго пути, господа!

Пройдя дальше, они поднимались, подъ прояснившимся небомъ, между зелеными скатами, окаймлявшими лощину Дженнэ, среди которой высилась церковная башня. Джіованни здѣсь уже бывалъ, и никакихъ измѣненій не нашелъ, несмотря на пребываніе здѣсь святого, будто бы совершающаго чудеса. Женѣ его, которая впервые была здѣсь, показалось, что это мѣсто—подходящее для религіознаго созерцанія по тишинѣ и уединенности. Ноэми съ грустью подумала о бѣдной Жаннѣ, которая томится вдали.

Съ итальян. З. В.

АЛЕКСАНДРЪ ЕГОРОВИЧЪ

БЕЙДЕМАНЪ

Біографическій очеркъ.

Кто былъ А. Е. Бейдеманъ и стоитъ ли знакомить читателя съ личностью, которая почти неизвѣстна?

На такой вопросъ я отвѣчу: да, пожалуй почти никто въ публикѣ не знаетъ А. Е. Бейдемана, даже по имени,—и это жаль. Жаль, что у насъ исчезаютъ люди, жизнь которыхъ можетъ служить поучительнымъ примѣромъ, — а между тѣмъ она проходитъ иногда безслѣдно.

А. Е. Бейдеманъ былъ художникъ далеко не дюжинный; но и художники едва знаютъ его и знаютъ только съ одной стороны. Это объясняется не только нашей апатичностью, лѣнью и равнодушіемъ, но и тѣмъ, что судьба, не давъ возможности развиться таланту А. Е. во всей полнотѣ, прекратила преждевременно его жизнь.

Изъ документовъ академіи художествъ мы знаемъ, что А. Е. Бейдеманъ былъ ея ученикомъ, награжденъ медалями за представленныя работы, но не былъ удостоенъ первой золотой медали, дающей право на отправку за границу. Извѣстно также, что впослѣдствіи А. Е. былъ признанъ академіей адъюнктъ-профессоромъ и скончался въ 1869 году.

Мы, близко знавшіе А. Е., можемъ къ этимъ скуднымъ свѣдѣніямъ добавить съ своей стороны, что онъ былъ родомъ молдаванинъ; что отецъ его занимался подрядами для дѣйствующей

русской арміи во время войны и, потерявъ въ этомъ дѣлѣ свое состояніе,—умеръ, оставивъ въ наслѣдство вдовѣ, съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, процессъ, который тянулся десятки лѣтъ. Знаемъ, что вдовѣ было тяжело жить съ ограниченными средствами, при заботѣ о содержаніи и воспитаніи дѣтей.

Старшій сынъ Александръ, о которомъ идетъ рѣчь,— былъ опредѣляемъ то въ одну, то въ другую школу, и съ трудомъ дотащился до гимназіи; но и здѣсь ему не везло: учителя наводили на него скуку безсодержательными уроками, отбили охоту къ наукѣ, и онъ, бросивъ безполезное ученіе, началъ ходить въ академію художествъ, куда влекла его любовь къ рисованію.

Въ академіи талантъ А. Е. Бейдемана былъ замѣченъ; болѣе другихъ профессоровъ отличалъ его живой, умный и геніальный (нынѣ развѣнчанный невѣждами) К. П. Брюлловъ. При этомъ онъ пользовался совѣтами даровитаго художника, А. А. Агина.

Въ это время А. Е. сблизился съ выдающимися учениками академіи: Трутовскимъ, Лагоріо, Соколовымъ, Чернышевымъ, Филипповымъ, Хлопонинымъ и Осиповымъ. Но особенно тѣсно сдружился онъ съ Трутовскимъ и Лагоріо, съ которыми сплотили его юныя надежды, любовь къ искусству и недостатокъ средствъ.

Время, о которомъ я говорю,—было вторая половина сороковыхъ годовъ. Я жилъ тогда въ пажескомъ корпусѣ—и никого изъ упомянутыхъ юныхъ художниковъ не зналъ. Свои личныя воспоминанія о Бейдеманѣ приведу послѣ, а пока предлагаю прочесть воспоминанія К. А. Трутовскаго, который, по моей просьбѣ, написалъ ихъ въ 1877 году. На рукописи Трутовскій набросилъ портретъ Бейдемана, какимъ онъ былъ въ молодости.

Вотъ ея содержаніе.

I.

„Въ 1845 году, окончивъ курсъ въ инженерной академіи и оставшись преподователемъ при инженерномъ училищѣ, я началъ ходить въ академію художествъ, въ качествѣ вольноприходящаго. Не помню, при какихъ обстоятельствахъ, но я очень скоро сошелся съ Бейдеманомъ и Лагоріо. Оба они давно уже были между собой пріятелями, и мы цѣлый день были вмѣстѣ, то въ академіи, то у Бейдемана, который жилъ тогда вмѣстѣ съ матерью, маленькимъ братомъ и двумя сестрами. Скоро къ нашему тріо присоединились еще Хлопонинъ и Осиповъ. Всѣмъ намъ было

каждому около 20-ти лѣтъ, всѣ мы были восторженные юноши; всѣ наши разговоры, всѣ занятія касались одного искусства. Мы читали все, что попадалось объ искусствѣ, пріобрѣтали, на послѣднія деньги, какія-нибудь изданія, касающіяся искусствъ,—и нашъ кружокъ рѣзко отдѣлялся отъ другихъ учениковъ, которые шли чисто академическимъ путемъ, и далѣе академическихъ задачъ не шли. Насъ не увлекали академическія программы; насъ занимала живость народныхъ сценъ,—сценъ типичныхъ и даже фантастическихъ. Въ то время жанръ еще былъ въ младенчествѣ, и наши академическіе авторитеты не очень благосклонно на него посматривали и, конечно, презирали отъ глубины души. Увлекало насъ также *черченіе* карандашомъ, вкусное, ловкое и характерное. Тогда отличался въ этомъ родѣ Чернышевъ. Изъ всѣхъ насъ Бейдеманъ, конечно, былъ самый талантливый и самый восторженный и увлекающійся. Его южная натура сказывалась во всемъ (онъ былъ изъ Молдавіи). Все, что выходило изъ его рукъ, все носило отпечатокъ яркаго таланта и оригинальности. Писалъ ли онъ этюдъ, рисовалъ ли рисунокъ, чертилъ ли — все у него выходило какъ-то не такъ, какъ у другихъ. Но ярче всего выказывалась его оригинальность въ композиціяхъ. Тутъ у него не было соперниковъ. Расположеніе фигуръ, пятна свѣта и тѣни, типы головъ, все это выходило у него совсѣмъ не такъ, какъ у другихъ. Воображеніе было у него блестящее. Бывало, когда мы сочиняли эскизъ на заданную тему, то какъ ни старались сдѣлать что-нибудь новое, какъ только сравнивали свой эскизъ съ эскизомъ Бейдемана, то тотчасъ бросалась въ глаза огромная разница. Подзадоренные сочиненіемъ Бейдемана, каждый изъ насъ хотѣлъ къ слѣдующему мѣсяцу сдѣлать что-нибудь въ такомъ же родѣ. Но приходилъ экзаменъ,—и Бейдеманъ опять выставлялъ что-нибудь еще болѣе оригинальное и своеобразное. Изъ профессоровъ одинъ Брюлловъ (К. П.) своимъ чутьемъ цѣнилъ Бейдемана и на экзаменѣ, большей частью, ставилъ Бейдеману за эскизъ 1-й №, а слѣдующимъ—20-й и 30-й, чтобы показать, какъ выдавался Бейдеманъ своимъ дарованіемъ. Нѣкоторые его эскизы были восхитительны, и, кажется, еслибы онъ занялся такими картинами, гдѣ играетъ роль воображеніе, то онъ имѣлъ бы европейскую извѣстность. Вкусу у него была бездна, а также того художественнаго чутья, съ которымъ художникъ чувствуетъ всякую линію, всякую черту, характеризующую лицо, фигуру или предметъ. Мы, бывало, занимались тѣмъ, чтобы ловко и характерно начертить какую-нибудь шляпу съ широкими полями, или сапогъ, или другой предметъ, —

и все же характернѣе всѣхъ и ловче выходило все у Бейдемана.

„Средства у Бейдемана, какъ и у всѣхъ насъ, были ничтожны; и кромѣ того, у него была семья, которую онъ содержалъ; мы же, остальные члены нашего кружка, были одиноки. Картинъ въ то время онъ почти не писалъ,—не писалъ потому, что для этого нужно было имѣть средства, спокойствіе, и онъ, чтобы добыть деньги, долженъ былъ рисовать въ разныя изданія. Много онъ рисовалъ въ сатирическій журналъ „Искра“, издаваемый Неваховичемъ; рисовалъ глупыя каррикатуры на камнѣ. Его мучила эта нелѣпая работа; но что̀ было дѣлать! — работа эта давала ему постоянныя, хотя и небольшія средства.

„Когда Бейдеманъ былъ еще очень молодъ, на него имѣлъ большое и плодотворное вліяніе художникъ А. А. Агинъ, человѣкъ очень умный, даровитый и горячо любившій искусство. Объ Агинѣ у насъ мало знаютъ, хотя это былъ человѣкъ, глубоко понимавшій искусство. Къ сожалѣнію, онъ проявилъ себя только въ рисункахъ и композиціяхъ;—и въ нихъ онъ высказалъ огромныя дарованія, особенно въ томъ отношеніи, что шелъ по пути, уклонявшемуся отъ рутинной академической композиціи. Бейдеманъ былъ очень близокъ съ Агинымъ; а потомъ и мы всѣ сблизились съ нимъ, и очень часто проводили у Агина вечера, толкуя объ искусствѣ,—и какіе это были пріятные вечера! Агинъ хотя былъ гораздо старше насъ, но горячность у него была юношеская. Обыкновенно, мы кончали наши вечера пѣніемъ, хотя и нестройнымъ, — но всякій тянулъ свою ноту съ полнымъ усердіемъ. Я тогда очень любилъ читать стихи, и читалъ ихъ съ ожесточеніемъ. Бейдеманъ больше всѣхъ восторгался моимъ чтеніемъ.

„Бейдеманъ былъ тогда друженъ съ Ѳедотовымъ, и часто посѣщалъ его на Васильевскомъ-Острову, въ 16-й линіи. Я еще не былъ тогда знакомъ съ Ѳедотовымъ, и Бейдеманъ разсказывалъ мнѣ о работахъ его, о томъ, какъ онъ самъ добивался всего въ техникѣ, и какъ искалъ свои типы. Кромѣ Ѳедотова, въ то время не было въ Петербургѣ, да и вообще въ Россіи, ни одного художника-жанриста, у котораго можно было бы поучиться, зайти въ его мастерскую, поглядѣть, какъ работаетъ;—и всѣ мы искали дороги своей. Изъ профессоровъ никто не могъ быть полезенъ: всѣ они очень мало обращали вниманія на художниковъ народныхъ сценъ, мало того,—относились къ нимъ съ пренебреженіемъ. Одинъ Бруни, какъ образованный человѣкъ, могъ относиться иначе,—но зато онъ любилъ,

чтобъ ученики его были въ очень почтительномъ отношеніи къ нему и чувствовали бы, что онъ—начальство. Ко мнѣ еще онъ былъ благосклоннѣе, потому что я былъ военный и инженеръ, и не вполнѣ ученикъ академіи.

„Лѣтомъ, Бейдеманъ жилъ или проводилъ все время съ Лагоріо. Они ѣздили вмѣстѣ писать этюды на Лахту и на взморье; у нихъ была своя лодка, которой они сами, или, лучше сказать, Лагоріо управлялъ мастерски. Во время этихъ экскурсій, этюды писалъ Лагоріо, а Бейдеманъ предавался far-niente: лежалъ на травѣ и изучалъ природу больше глазами.

„Никто изъ старыхъ и опытныхъ профессоровъ не могъ указать Бейдеману истинный его путь, сообразный съ характеромъ его таланта. Если профессоръ говорилъ, что надо прежде всего изучить рисунокъ, то указывалъ на произведенія Егорова, Шебуева и др.; но что могъ ощущать такой живой и впечатлительный художникъ, какъ Бейдеманъ, глядя на эти правильно нарисованныя, но сухія и безжизненныя произведенія! Онъ чувствовалъ, какъ всѣ мы, что нужно еще что-то, кромѣ правильности. Это чувствовалось, но не было талантливаго человѣка, который бы разъяснилъ намъ этотъ вопросъ. Конечно, со временемъ Бейдеманъ понялъ все, но поздно, уже тогда, когда голова его ушла далеко впередъ противъ техники, и воображеніе работало съ неудержимой силой. Поэтому у Бейдемана, нѣтъ ни одного серьезнаго, оконченнаго произведенія, которое бы выказало настоящее свойство его таланта; и онъ удовлетворялъ потребность своего творчества и воображенія въ композиціяхъ и мелкихъ работахъ.

„Въ 1850 году я вышелъ въ отставку и уѣхалъ къ себѣ въ деревню, въ харьковскую губернію, ахтырскій уѣздъ. Деревня, гдѣ я поселился, представляла собою очаровательный уголокъ Малороссіи: усадьба, домъ, деревня, все это было окружено садами; за садами виднѣлись пруды, за прудами лѣсъ. Я испытывалъ невыразимое наслажденіе, послѣ двѣнадцати-лѣтней жизни въ Петербургѣ. Южный климатъ, малороссійскій народъ, полная независимость помѣщичьей жизни, мечты о томъ, что тутъ я буду работать, дѣлать этюды, собирать типы,—все это вмѣстѣ дѣлало жизнь въ деревнѣ такою привлекательною, что не хотѣлось куда-нибудь ѣхать. А ѣхать надо было! Если бы въ то время достало доброй воли выбраться изъ деревни да отправиться туда, гдѣ сосредоточена дѣятельность художниковъ, туда, на Западъ, въ Римъ, Парижъ и т. д., то, вѣроятно, вышло бы совсѣмъ другое!.. Въ деревнѣ я въ первый разъ взялъ кисть въ

руки и сталъ писать масляными красками съ натуры; ѣздилъ по окрестнымъ деревнямъ, по ярмаркамъ, и все зачерчивалъ; все меня интересовало въ высшей степени. Лѣтомъ, въ томъ же году, я получилъ письмо отъ Бейдемана изъ Петербурга, въ которомъ онъ мнѣ писалъ, что будетъ скоро въ Харьковѣ съ Неваховичемъ, и желалъ бы видѣться со мной. Я, конечно, пришелъ въ восторгъ отъ этого извѣстія, и, дѣйствительно, скоро получилъ еще письмо уже изъ Харькова отъ Бейдемана; тотчасъ же велѣлъ закладывать въ свою старомодную коляску четверку высокихъ и костлявыхъ коней — и отправился въ Харьковъ, который былъ отъ моей деревни въ 120-ти верстахъ. Путешествіе на своихъ лошадяхъ, по проселочнымъ дорогамъ, при нѣкоторыхъ неудобствахъ, все же очень пріятно, но, конечно, лѣтомъ. Ѣдешь не спѣша; пока лошади кормятся, гуляешь по селу, въ которомъ остановился, и питаешься взятой съ собою дома, приготовленной въ изобиліи, провизіей; и 120 верстъ проѣдешь не менѣе, какъ въ 2½ сутокъ... Я и теперь очень люблю такія путешествія, особенно (даже исключительно) по Малороссіи. Пріѣхавъ въ Харьковъ, я тотчасъ полетѣлъ въ ту гостинницу, гдѣ остановился Бейдеманъ. Встрѣча наша была самая восторженная: мы душили другъ друга въ объятіяхъ, болтали безъ умолку, и рѣшили завтра же ѣхать ко мнѣ въ деревню. Путешествіе вдвоемъ съ Бейдеманомъ было для насъ истиннымъ наслажденіемъ. Онъ на каждомъ шагу вскрикивалъ: „Удивительно! удивительно!“ И не мудрено: онъ чуть ли не съ дѣтства жилъ въ Петербургѣ, и не видѣлъ сельской природы, которая всегда нравится городскому жителю, даже не такому восторженному, какъ Бейдеманъ. Когда же, наконецъ, мы пріѣхали въ деревню мою (Поповку), то чуть оба не прыгали отъ восторга, да и дѣйствительно прыгали. Явились на столъ вареники, галушки, борщи, разныя наливки; чай пили въ одномъ изъ садовъ. Послѣ обѣда разстилались ковры въ саду; и мы тамъ нѣжились, вдыхая чудесный воздухъ. Со мной жила тогда моя сестра, шестнадцати лѣтъ; она была хорошенькая дѣвушка, и Бейдеманъ произвелъ на нее нѣкоторое впечатлѣніе. Бейдеману она тоже нравилась; и онъ безпрестанно чертилъ ея профиль, фигуру и, по своему обыкновенію, восторгался и кричалъ: „Удивительно!“

„Дней пять, которые пробылъ у меня Бейдеманъ, прошли очень быстро. Не хотѣлось еще уѣзжать такъ скоро, но ему оставаться долѣе было невозможно. Мнѣ, не помню, почему-то, нельзя было опять ѣхать изъ деревни,—и Бейдеманъ уѣхалъ одинъ.

„Послѣ этого свиданія въ деревнѣ я не видѣлъ Бейдемана нѣсколько лѣтъ. Въ это время я переѣхалъ въ другую деревню, курской губерніи, женился, ѣздилъ за границу; и когда я увидѣлъ Бейдемана въ 1858 году, то уже прежней дружбы между нами не существовало. Онъ во многомъ измѣнился, какъ, вѣроятно, и всѣ мы, и въ искусствѣ онъ избралъ новую и совершенно другую дорогу. Онъ сталъ изучать съ свойственной ему страстностью византійскій стиль живописи, и, повидимому, хотѣлъ придать формамъ этого стиля, часто сухимъ, жизненность и красоту въ изящномъ и правильномъ рисункѣ и болѣе красивой композиціи. Я разъ или два былъ у него въ академіи, гдѣ онъ имѣлъ казенную квартиру, потомъ у него въ домѣ на Васильевскомъ-Острову, а потомъ мы долго не видѣлись. Какая именно произошла въ немъ внутренняя перемѣна, я судить не могъ; но по наружности онъ былъ уже не такъ живъ и не такъ сообщителенъ. Послѣдній разъ я былъ у Бейдемана въ его домѣ, зимой; въ его мастерской было что-то начато имъ, но что — не помню. Черезъ нѣсколько дней, я услышалъ, что онъ заболѣлъ; я собирался навѣстить его, какъ вдругъ слышу, что его не стало!..

„Съ воспоминаніемъ о Бейдеманѣ связано для меня воспоминаніе о первой молодости, молодыхъ, нерѣдко дикихъ порывахъ и стремленіяхъ; въ моемъ воображеніи ясно воскресаетъ его милое, оригинальное южное лицо, и я, какъ будто, слышу его любимое восклицаніе: „Удивительно!..“ Я убѣжденъ, что еслибы нашъ кружокъ былъ въ иныхъ условіяхъ, въ иной обстановкѣ, то изъ каждаго изъ насъ вышло бы совсѣмъ не то, что вышло теперь...“

II.

1850-й годъ, — какъ видно изъ „Воспоминаній“ К. Я. Трутовскаго, — разлучилъ юныхъ друзей. Въ половинѣ мая Бейдеманъ уѣхалъ съ Неваховичемъ, издателемъ иллюстрированнаго журнала „Искра“, изъ Петербурга на югъ. Трутовскій уѣхалъ къ себѣ въ деревню; Лагоріо оставался въ Петербургѣ и писалъ картину на первую золотую медаль.

При какихъ обстоятельствахъ я познакомился съ Лагоріо — не помню. Мы скоро сошлись дружески; я у него часто бывалъ, читалъ ему во время его работы и съ нетерпѣніемъ поджидалъ пріѣзда Бейдемана. Лагоріо жилъ въ одномъ домѣ съ матерью Бейдемана, у которой столовался. Онъ познакомилъ

меня съ этой доброй женщиной, ожидавшей съ нетерпѣніемъ возвращенія сына.

Выѣхавъ изъ Петербурга, Бейдеманъ, по дорогѣ, свернулъ въ харьковскую деревню, къ другу своему Трутовскому, и затѣмъ продолжалъ путь до Одессы, гдѣ Неваховичъ скончался. Отсюда Бейдеманъ пустился далѣе на югъ, — употребивъ на это весь свой заработокъ,—заѣхалъ въ Бендеры, къ сестрѣ своей матери; въ Ѳеодосіи навѣстилъ сестру Лагоріо, и черезъ Тифлисъ проѣхалъ въ Грузію, до самыхъ окраинъ Кавказа.

12-го января 1851 года, А. Е. Бейдеманъ явился въ Петербургъ, послѣ девятимѣсячнаго путешествія. Онъ ѣхалъ съ разными попутчиками и обозами, присаживаясь къ нимъ, и возвратился благополучно, но безъ гроша денегъ, съ безконечнымъ запасомъ жизненныхъ впечатлѣній. Его особенно поразилъ Кавказъ, своей природой и типами.

Мы встрѣтились безъ особенныхъ изліяній чувствъ и восторговъ; но, при частыхъ свиданіяхъ и бесѣдахъ, между нами сказалась такая полная солидарность во взглядахъ на жизнь и искусство, что мы искренно полюбили другъ друга. Вскорѣ не было у него никого ближе меня, и у меня—ближе его. Мы видѣлись ежедневно; и свиданія наши незамѣтно продолжались часами. Лагоріо былъ нашъ третій другъ; составилось новое юное тріо;—я замѣнилъ Трутовскаго, уѣхавшаго въ провинцію. Настроеніе наше было восторженное; мы поклонялись искусству; въ душахъ нашихъ былъ гимнъ природѣ, красотѣ и свободѣ.

По возвращеніи въ Петербургъ, Бейдеманъ былъ заваленъ работами на деревяшкахъ для различныхъ изданій, и получалъ за рисунки, смотря по величинѣ ихъ,—отъ 50 коп. до 3 рублей. Этими работами онъ помогалъ своей матери.

Но что̀ представляла собою эта работа на деревяшкахъ, оказывавшая помощь художнику и его семейству? Была ли она пріятная, легкая, приносила ли ему пользу? Теперь объ этой работѣ почти никто не имѣетъ никакого понятія. Работа эта, какъ видно изъ сохранившихся документовъ, состояла въ томъ, что издатель какого-либо журнала или книги обращался къ художнику съ такимъ заказомъ: „При семъ прилагаю три деревяшки. На нихъ нужно нарисовать: 1) Слонъ работаетъ, по колѣно, или выше колѣнъ, въ водѣ, веревкой тащитъ затопленное бревно; слонъ пятится къ берегу. На берегу—полуодѣтые люди. Вдали, въ водѣ, еще два слона, также работаютъ. У каждаго на шеѣ проводникъ, полуодѣтый и черный; а у того, что на первомъ

планѣ, проводникъ очень старый и безпечно лежащій на его шеѣ. Дѣло, главнымъ образомъ, состоитъ въ томъ, чтобы нарисовать, какъ *пятится* слонъ съ *тяжелымъ* бревномъ".

„2) Охота на тигра, изъ прилагаемой книги, и только то, что отчеркнуто; кистей и колокольчиковъ на головѣ слона—не надо. Корнаку, или проводнику, надо дать въ руки ружье, которымъ онъ старается выстрѣлить въ голову тигра.

„3) Слонъ, съ старымъ проводникомъ, вбѣжалъ выше колѣнъ въ воду, опрокипулъ небольшую плывшую лодку съ двумя гребцами и аравитяниномъ; они плаваютъ въ водѣ; лодка опрокинута; слонъ хоботомъ схватилъ дитя, бывшее въ водѣ, и подаетъ своему проводнику, сидящему у него на шеѣ. Дитя — лѣтъ девяти, полуодѣтое и черное.

„Если можно — первую деревяшку сдѣлать не позже, какъ завтра, а потомъ и остальныя.

„*Необходимо нужно какъ можно скорѣе* и доставить Ег. Вас. Гогенфельдену, для вырѣзанія. Ужасно нужно, право"...

Бывали и такіе заказы: „1) Нарисовать двухъ собакъ; 2) тушканчика, траву и кусты; 3) пожилого персіянина, бѣдно одѣтаго и смотрящаго, какъ кузнецъ куетъ у горна и поетъ пѣсни; 4) изобразить вѣтеръ самумъ, налетающій на Хакима, который ѣдетъ по дорогѣ на одногорбомъ верблюдѣ; 5) бой быковъ въ Испаніи; 6) движущіеся столы; 7) птицелова" и т. д.

Не правда ли, какъ все это интересно и легко исполнимо для художника, который долженъ рисовать безъ натуры? Невольно приходятъ на память слова, сказанныя мнѣ К. Брюлловымъ: „Художникъ долженъ знать столько данныхъ, сколько ихъ въ природѣ"...

Такъ приходилось зарабатывать юному художнику средства для своего существованія; да еще въ то же время требовалось, чтобы онъ ежемѣсячно представлялъ къ экзамену классный рисунокъ съ натуры, классный этюдъ масляными красками и эскизъ на заданный сюжетъ.

Работа на деревяшкахъ также доставляла не мало заботы художнику. Ему предстояло удовольствіе видѣть свой рисунокъ вырѣзаннымъ плохимъ граверомъ въ такомъ видѣ, что оставалось съ болью въ сердцѣ развести руками и вытаращить глаза. При этомъ онъ могъ еще видѣть и слышать, какъ читающіе смѣялись надъ его рисункомъ, искаженнымъ до неузнаваемости. Необходимость заставляла его все выносить, мириться съ обстоятельствами и даже радоваться, когда подобные заказы слѣдовали одинъ за другимъ.

Случалось и такъ, что не только плохой граверъ портилъ рисунокъ, но тупоумный цензоръ зачеркивалъ его безцеремонно и надписывалъ красными чернилами *на немъ*: „печатать не дозволяется“; или отдавалъ приказъ переставить фигуры съ одной стороны на другую, перемѣнить выраженіе лица, которое ему не нравилось и казалось неприличнымъ для изображаемаго начальника.

III.

А. Е. Бейдеманъ хотѣлъ изобразить на своей картинѣ юнаго художника, къ которому мать привела молодую стыдливую дочь для позированія. Эскизъ былъ имъ хорошо обдуманъ, милъ, деликатно понятъ и прочувствованъ; но у него не было времени для такой работы, — надо было пробивать себѣ дорогу; и онъ рѣшилъ, для полученія серебряной медали, написать портретъ своей матери. Всѣ пріятели радовались, что портретъ оказался удачнымъ; академія удостоила его серебряной медали 27-го сентября 1851 года. Но впереди была малая золотая медаль, которую необходимо было получить, чтобы имѣть право работать на большую золотую, дающую средства ѣхать за границу на нѣсколько лѣтъ, за счетъ академіи. Эта большая золотая медаль есть цѣль, къ которой стремятся всѣ ученики, такъ какъ заграничная поѣздка, дѣйствительно, можетъ расширить горизонтъ художника, познакомивъ его съ подлинными произведеніями великихъ и разнообразныхъ мастеровъ. Въ числѣ другихъ и Бейдеманъ принялъ участіе въ конкурсѣ на вторую золотую медаль, для которой было задано: „Іоаннъ Предтеча проповѣдуетъ въ пустынѣ“. Эскизъ былъ утвержденъ, Бейдеману отведена мастерская въ академіи и работа началась...

Я не видѣлъ начала исполняемой имъ программы, такъ какъ уѣхалъ на лѣто въ Малороссію; но, возвратясь къ осени въ Петербургъ, тотчасъ поспѣшилъ навѣстить своего друга и посмотрѣть его работу.

При входѣ въ мастерскую, я увидѣлъ прежде начатую программу, доведенную до половины, стоявшую въ сторонѣ; а на виду былъ большой холмъ, на которомъ изображенъ тотъ же сюжетъ, въ гораздо бóльшемъ размѣрѣ и измѣненномъ видѣ. Я былъ пораженъ задушевностью и смѣлостью композиціи, оставившей далеко за собою первоначальный эскизъ. Мы обнялись. Работа была доведена почти до конца, и Бейдеманъ ждалъ только прихода совѣта профессоровъ, отъ которыхъ зависѣла его судьба.

Дни шли; онъ жаждалъ продолжать свою работу и долженъ былъ сдерживать свой пылъ, въ ожиданіи посѣщенія совѣта, который не приходилъ.

Спустя нѣсколько времени, я опять прихожу въ мастерскую и застаю моего друга, убитаго горемъ и растеряннаго. Совѣтъ былъ у него утромъ, сдѣлалъ ему строгій выговоръ за отступленіе отъ утвержденнаго эскиза, и приказалъ ему окончить къ сроку прежде начатую программу и выставить ее съ прочими программами въ залахъ академіи. Такъ и было сдѣлано. Съ отчаяніемъ въ сердцѣ, холодной рукой, почти безучастно, онъ окончилъ къ сроку программу, не получивъ за нее медали. Но совѣтъ положилъ гнѣвъ на милость и назначилъ ему небольшое денежное пособіе.

Неужели такъ и слѣдовало поступить съ юнымъ и пылкимъ талантомъ, работавшимъ такъ, какъ требовала его душа? Неужели и художнику, въ своихъ произведеніяхъ, „не слѣдуетъ смѣть свое сужденіе имѣть"? Неужели подобный приговоръ не абсурдъ и не глубокая рана, нанесенная юному таланту? Какое оправданіе можно найти совѣту академіи?—Такъ спрашивалъ я многихъ; и мнѣ отвѣчали, что отступленіе отъ утвержденнаго эскиза не дозволено потому, что художнику можетъ помогать чужая рука. Если бы это было дѣйствительно такъ, то рѣшеніе совѣта было бы правильное и даже мягкое. Но вѣдь такое объясненіе здѣсь не имѣло смысла потому, что за работой конкуррентовъ совѣтъ обязанъ наблюдать. Кромѣ того, неужели опытные профессора не дошли до того, чтобы видѣть—рука ихъ ученика или не его рука работала? — Рѣшеніе профессоровъ объясняется просто ихъ рутиною, непростительной холодностью и лѣнью, которая мѣшаетъ имъ чаще посѣщать мастерскія конкуррентовъ. Не было между ними уѣхавшаго тогда за границу умирать К. Брюллова! Онъ обнялъ бы талантливаго ученика, далъ бы ему медаль и денежную поддержку,—я твердо въ этомъ убѣжденъ; онъ всегда отличалъ Бейдемана передъ всѣми.

IV.

Въ 1853 году, Бейдеману пришлось вторично конкуррировать на малую золотую медаль, на тему „Бѣгство Св. Семейства въ Египетъ". На этотъ разъ медаль была ему присуждена.

Время шло. Сидя въ моей уединенной мастерской, окруженной садикомъ, мы бесѣдовали съ Бейдеманомъ о своихъ рабо-

тахъ, о моей поѣздкѣ въ Малороссію, съ наступленіемъ весны, и о предстоящей ему работѣ на конкурсъ, для полученія медали.

Былъ великій постъ, и я, увлеченный службой страстной недѣли, началъ рядъ рисунковъ на темы изъ св. писанія. Окончивъ рисунокъ на молитву: „Св. ангелы и архангелы, всѣ святые, молите о насъ грѣшныхъ“, и сцену передъ причащеніемъ говѣющихъ,—я началъ ночью, въ тишинѣ, рисунокъ на слова Христа: „Пріидите ко мнѣ, всѣ трудящіеся и обремененные“. Сюжетъ этотъ очень интересовалъ Бейдемана; онъ внимательно слѣдилъ за эскизомъ, который былъ оконченъ къ разсвѣту. Простившись, мы разошлись, каждый къ себѣ.

Утромъ я получилъ отъ Бейдемана секретно посланную мнѣ изъ академіи, наскоро набросанную карандашомъ, записку, въ которой онъ извѣщалъ, что вызванъ на конкурсъ, сидитъ теперь взаперти и дѣлаетъ эскизъ на заданную ему тему: „Пріидите ко мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененные“. Въ той же запискѣ онъ просилъ позволенія воспользоваться нашей вчерашней бесѣдой и сдѣланнымъ эскизомъ. Я несказанно былъ радъ такому счастливому стеченію обстоятельствъ.

Эскизъ Бейдемана былъ утвержденъ, и ему предстояло написать эту программу къ осени. Мы вскорѣ послѣ этого простились, и я уѣхалъ въ Малороссію.

Работая на эту программу, Бейдеманъ опять увлекся, внесъ жизненный современный интересъ, изобразивъ царя, схожаго съ императоромъ Николаемъ I, который на колѣняхъ обращается къ Христу. Тутъ же были славяне, греки, воины, дѣти и взрослые, рабы и бѣдняки... Казалось бы, такъ и слѣдовало,—вѣдь тогда была война: Севастополь громили враги, флотъ былъ уничтоженъ; Россіи грозила еще большая бѣда. Царь, дѣйствительно, въ это время страдалъ; и душа его искала опоры и помощи—въ молитвѣ. Но совѣтъ увидѣлъ въ этомъ ослушаніе и вольнодумство—и въ медали Бейдеману отказалъ.

Уже не разъ, обезкураженный холоднымъ отношеніемъ академіи, Бейдеманъ горевалъ и волновался; но по настоянію родныхъ, въ 1855 году, вторично явился конкуррентомъ на первую золотую медаль на тему „Христосъ въ домѣ у Маѳы и Маріи“. Я не видѣлъ этой программы; но знаю лишь то, что медали Бейдеманъ опять не получилъ, и что вмѣсто этого ему было дано званіе художника 14-го класса. Онъ просилъ задать ему еще разъ программу; но совѣтъ не согласился...

Я лично давно потерялъ всякое уваженіе къ академіи; мнѣ опротивѣла она своею условностью и бездушнымъ отношеніемъ

къ молодежи. Конечно, при нашей дружбѣ съ Бейдеманомъ, я имѣлъ на него вліяніе, критикуя рутинныя требованія академіи. Примѣры равнодушнаго отношенія профессоровъ къ ученикамъ были постоянно передъ глазами,—и одинъ изъ нихъ былъ особенно возмутителенъ:

Бѣдный, трудолюбивый и талантливый ученикъ, Павелъ Сорокинъ, былъ въ числѣ конкуррентовъ на первую золотую медаль. Ему было задано: „Первые мученики христіанства въ Россіи".— Добросовѣстно работалъ Сорокинъ (Павликъ, какъ мы его называли, братъ профессора Евграфа и мозаиста Василія), вѣрно передалъ содержаніе; все было хорошо—техника, выраженіе— но что же?.. въ медали ему отказали по его *молодости*. Павликъ нашъ повѣсилъ голову, одурѣлъ и опечалился. Впослѣдствіи онъ добрелъ до права быть отправленнымъ за границу; и тамъ я его видѣлъ; видѣли и другіе, знавшіе его прежде. Онъ былъ неузнаваемъ, ходилъ растерянный, ничего не понимая... Мы всѣ жалѣли его и, глядя на него, еще болѣе чувствовали не только охлажденіе, но и злобу на академію, бывшую когда-то для насъ храмомъ искусства, передъ которымъ замирало наше сердце... Мы благоговѣли тогда и передъ ея жрецами. Но теперь хотѣлось прокричать всѣмъ о пошлости академіи, одурачить ее, и мы задумали рисовать пародіи на ея требованія, изобразить нѣсколько излюбленныхъ ею сюжетовъ въ такомъ видѣ, чтобы совѣтъ профессоровъ пришелъ въ недоумѣніе, серьезно разбирая ихъ. Затѣя наша не осуществилась. Бейдеманъ былъ уже не въ состояніи продолжать борьбу съ академіей; къ тому же, многолѣтній процессъ его матери съ казной счастливо окончился: онъ получилъ небольшой капиталъ, женился, удалился отъ докучливаго и пошлаго круга своихъ родныхъ—въ Гатчину, гдѣ отдыхалъ въ тихой семейной жизни.

Въ 1856 году я нерѣдко навѣщалъ его; и мы рѣшили, съ наступленіемъ весны, отправиться за границу; и дѣйствительно, весной 1857 года, Бейдеманъ съ женой и ребенкомъ и я выѣхали изъ Петербурга: онъ—въ Мюнхенъ, а я—въ Швейцарію.

V.

Въ тихомъ, переполненномъ художниками, Мюнхенѣ Бейдеманъ успокоился и чувствовалъ себя счастливымъ. Здѣсь онъ началъ писать сцену мирнаго препровожденія времени мюнхенскихъ жителей въ общественномъ саду, гдѣ на переднемъ планѣ—

его жена и ребенокъ [1]). Кромѣ того, онъ сдѣлалъ эскизъ для картины, также изъ мѣстной жизни, изображающей „патера, несущаго дары по улицѣ, для причащенія больного". День клонится къ вечеру, видны окрестныя горы и жилища, народъ благоговѣйно преклоняетъ колѣни передъ процессіей [2]).

Хорошо жилось Бейдеману въ Мюнхенѣ; но я звалъ его въ Парижъ, въ центръ художественной жизни, куда съѣзжались художники Англіи, Бельгіи, Германіи, а также изъ другихъ странъ Европы и всего свѣта. Здѣсь было богатое собраніе искусства всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ; жизнь была не такая замкнутая, и художественный пульсъ билъ въ то время въ Парижѣ. Къ тому же, мы тосковали другъ о другѣ въ разлукѣ; хотѣлось дѣлиться новыми впечатлѣніями.

Наша переписка кончилась тѣмъ, что Бейдеманъ съ семьей переѣхалъ въ Парижъ.

Поселились мы другъ отъ друга далеко; онъ—на Монмартрѣ, а я—близъ Люксембургскаго сада. Несмотря на огромное, раздѣлявшее насъ, пространство и работу, мы видѣлись часто и знакомились съ городомъ и толпой, сидя на верху городскихъ омнибусовъ, сновавшихъ по улицамъ въ разныя стороны, останавливались, гдѣ приходилось, чтобы закусить, и опять продолжали разъѣзжать по городу. Были дни, когда мы проводили время въ музеяхъ Лувра, Люксембурга, Версаля, бродили по церквамъ, разсматривая работы мастеровъ; и это служило намъ мотивами для безконечныхъ бесѣдъ.

Случалось сходиться въ ресторанахъ съ русскими художниками: Боголюбовымъ, А. Чернышевымъ, Лагоріо, М. Клодтомъ и другими; и тутъ опять шли горячіе споры о направленіи русской школы, о парижской академіи и о цѣломъ рядѣ художниковъ всѣхъ націй. Эти споры обнаружили ясно различіе нашихъ взглядовъ на искусство: особенно возбуждалъ неудовольствіе Делакруа (Евгеній), за котораго стояли Бейдеманъ, Боголюбовъ и я, а прочіе бранили за небрежность и неоконченность въ рисункѣ.

Къ этому времени относится первое знакомство Бейдемана съ техникой гравированія острой водкой на мѣди, наше увлеченіе идеями свободы и поклоненіе геніальному писателю, разоблачавшему язвы родной Россіи,—Герцену. Такъ, однажды, вечеромъ, у меня въ квартирѣ былъ набросанъ эскизъ „Коло-

---

[1]) Картина эта не кончена, и въ настоящее время находится въ Петербургѣ, въ музеѣ Имп. Александра III.

[2]) Эскизъ картины, подаренный мною В. Е. Маковскому, находится у него въ собраніи.

кола", звонящаго на всю Европу, звуки котораго пробуждаютъ Россію отъ ея апатіи. Этотъ эскизъ былъ нарисованъ окончательно Бейдеманомъ и посланъ Герцену въ подарокъ, за что получена отъ него благодарность, съ приложеніемъ его фотографій намъ въ подарокъ.

Въ Парижѣ я познакомилъ Бейдемана съ двоюроднымъ братомъ моимъ, гр. Алексѣемъ Толстымъ, который поручилъ ему давать уроки племяннику и племянницѣ своей будущей жены, С. А. Б. Кромѣ того, я рекомендовалъ его священнику при русскомъ посольствѣ, І. В. Васильеву, какъ художника, которому смѣло можно и даже слѣдуетъ поручать работы въ строившейся тогда въ Парижѣ русской церкви.

На лѣто мы съ Бейдеманомъ и нашими семьями отправились въ Нормандію, къ океану, и поселились недалеко другъ отъ друга, онъ—въ маленькомъ городкѣ Вёль, а я—въ деревнѣ Соттевиль; и мы часто посѣщали другъ друга. Бейдеманъ задумалъ написать двѣ картинки изъ нормандской жизни.

Вернувшись въ Парижъ, я узналъ, что предсѣдательница академіи художествъ, великая княгиня Марія Николаевна, желаетъ назначить вице-президентомъ князя Г. Г. Гагарина, съ которымъ я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и я немедленно познакомилъ съ нимъ Бейдемана. Это знакомство очень пригодилось моему другу въ Петербургѣ, куда онъ вскорѣ переселился съ семьей.

VI.

Въ концѣ 1860 года я выѣхалъ изъ Парижа въ Петербургъ, и мы вновь увидѣлись съ Бейдеманомъ послѣ долгой разлуки.

Въ это время Бейдеманъ пробавлялся кое-какими заказами и уроками. Въ числѣ его учениковъ былъ молодой гардемаринъ, худой и болѣзненный, съ большими способностями къ живописи и правильнымъ взглядомъ на искусство. Занимаясь подъ руководствомъ Бейдемана, онъ познакомился съ гравированіемъ на мѣди острой водкой и сдѣлалъ три гравюры для издаваемой мною тогда „Живописной Украины". Это былъ извѣстный позже всѣмъ и недавно погибшій художникъ Вас. Вас. Верещагинъ [1]). Бейдеманъ также принялъ участіе въ моемъ изданіи, и далъ

[1]) Добровольно отправившись на войну, Верещагинъ увидѣлъ весь ужасъ и гнусность этого дикаго и отвратительнаго истребленія людей людьми для рѣшенія ихъ спора между собою,—и изобразилъ это въ своихъ картинахъ.

нѣсколько работъ: „Засѣданіе въ судѣ черноморскихъ казаковъ", „Нищіе", „Евреи" и „Видъ казацкой станицы". Всѣ эти гравюрки были свѣжи, талантливы и типичны.

Въ 1861 году открылась вакансія на мѣсто адъюнктъ-профессора при академіи художествъ, и совѣтъ академіи, по баллотировкѣ, присудилъ это мѣсто баловнику К. Брюллова—Михайлову. Однако, такого отступленія отъ обычнаго способа избранія преподавателей великая княгиня Марія Николаевна не утвердила и потребовала, чтобы мѣсто было предоставлено тому, кто получитъ премію по конкурсу на заданную тему. Михайловъ отказался отъ участія въ конкурсѣ, на который явилось пять состязателей.

Конкурсная задача была: „Аполлонъ и Діана истребляютъ семейство Ніобеи".

Бейдеманъ сдѣлалъ картонъ съ фигурами въ натуральный ростъ. Сцена была живая и производила впечатлѣніе; въ ней было сохранено чувство красоты въ мужскихъ и женскихъ фигурахъ разныхъ возрастовъ; при этомъ знаніе формъ было передано свободно и мастерски.

Рано утромъ,—до рѣшенія совѣта,—я пришелъ съ Бейдеманомъ въ залы академіи, чтобы взглянуть на выставленные къ конкурсу картоны, и, не доходя до его картона, уже ясно видѣлъ громадную разницу его работы съ прочими конкуррентами. Не сомнѣваясь въ побѣдѣ, я обнялъ и расцѣловалъ моего друга.

— Лёва, это *ты* такъ увѣренно говоришь; но что скажетъ совѣтъ?..

Совѣтъ, къ нашей общей радости, на этотъ разъ присудилъ ему первый нумеръ.

Съ утвержденіемъ Бейдемана адъюнктъ-профессоромъ академіи, матеріальная его жизнь была сравнительно обезпечена, такъ какъ онъ получилъ квартиру съ отопленіемъ и жалованье въ пятьсотъ рублей въ годъ. Кромѣ того, у него явилась возможность внести жизнь въ летаргическій сонъ академіи.

Небольшіе рисунки Бейдемана съ натуры отдѣльныхъ фигуръ его конкурснаго картона „Семейство Ніобеи" находятся въ моемъ собраніи у И. Н. Терещенко. А картонъ?.. Гдѣ же самый картонъ, свидѣтельствующій объ изученіи формъ человѣка, красотѣ его, о смѣломъ рисункѣ, о талантливой композиціи, умѣньи придать интересъ сюжету, исполненному и передѣланному сотни разъ художниками? Увы!.. скатанный въ валекъ, картонъ много разъ мѣнялъ помѣщеніе по чердакамъ, а по смерти Бейдемана,

когда я пожелалъ его купить, оказался совершенно съѣденнымъ мышами!...

Съ 1861-го по 1870-ый годъ, дѣятельность А. Е. Бейдемана значительно усилилась. Онъ писалъ образа на мызу великаго князя Михаила Николаевича (близъ Стрѣльны) и плафонъ въ его петербургской дворцовой церкви, а также образа для дворцовой церкви въ Ливадіи и образа для церкви въ больницѣ императора Александра II, въ Петербургѣ. Кромѣ того, онъ давалъ уроки великимъ князьямъ, занимался съ учениками академіи и биржевой школы; работалъ въ русской парижской церкви, въ имѣніи князя Барятинскаго, не пренебрегая никакими заказами.

Около 1863 г., Бейдеманъ составилъ прекрасный рисунокъ, замѣчательный по композиціи, въ память манифеста 19-го февраля 1861 г., съ котораго сдѣлана была гравюра и приложена къ одному изъ изданій Гоппе. Это было время, когда мы были далеко другъ отъ друга. Я жилъ въ пензенской своей деревнѣ, и могъ слѣдить за тѣмъ, что происходитъ съ нимъ, только по его письмамъ, довольно частымъ.

Изъ этихъ писемъ видно, какъ много работалъ Бейдеманъ, какъ тяготила его весьма многочисленная родня, и какъ рвался онъ освободиться отъ этой обузы. Разъѣзжая изъ конца въ конецъ по Россіи, онъ вездѣ отыскивалъ работы,— ѣздилъ для этого и въ Европу,—но съ трудомъ работа доставалась ему, туго и скупо оплачивалась. Наконецъ, мало-по-малу, началъ матеріально оправляться Бейдеманъ: хотя частью въ долгъ, онъ обзавелся небольшимъ домомъ съ садикомъ въ 20-й линіи Васильевскаго-Острова и съ любовью устроивалъ семейное свое гнѣздо. Его радовало проявленіе новой жизни въ ученикахъ академіи, зарожденіе артели художниковъ,—будущихъ членовъ „Передвижной выставки“.

... „Авось,—писалъ онъ мнѣ,—съ пріѣздомъ въ свой домъ, при которомъ мастерская, дѣло вести будетъ сподручнѣе, да я и не буду брать срочныхъ большихъ работъ, а погружусь въ мои композиціи; буду дѣлать маленькія картины, эскизы, картоны; займусь гравюрой; и жду всякаго блага отъ этого. Тогда-то займемся вмѣстѣ. Такое время составляетъ цѣль моей жизни; между тѣмъ и дѣтки подростаютъ. Мы съ женою значительно старѣемъ и все къ покою ближе, а теперь наше состояніе хотя и не описывай—чуть не каторжное: ни покою, ни радостей“...

Стремясь всею душою соединиться съ нимъ и работать, я не могъ этого сдѣлать, такъ какъ былъ обремененъ хозяйствомъ и дѣлами—дворянскими и земскими. Мнѣ оставалось только —

жалѣть объ изнуряющихъ его трудахъ, о скудномъ заработкѣ, бояться за его столь необходимое здоровье и радоваться, что онъ близится къ идеалу и цѣли своей жизни. Вотъ, вотъ, думалъ я, еще немного, и—мой Саша броситъ вынуждаемую необходимостью работу, расправитъ крылья и, вольный, свободный, полетитъ въ иной міръ, міръ красоты и фантазіи,— тотъ міръ, котораго всегда жаждала его душа и который вполнѣ былъ ему родной...

Но наши надежды остались надеждами; имъ не пришлось сбыться!

Въ письмѣ, отъ 9-го марта 1870 года, въ воскресенье, въ шесть часовъ вечера, жена А. Е. Бейдемана писала мнѣ:

„Добрый другъ мой, Левъ Михайловичъ! сейчасъ получила я письмо ваше. Не знаю, о чемъ писать вамъ сперва,—о несчастной ли кончинѣ моего Саши, или о моемъ безвыходномъ положеніи. Саша, можно сказать, умеръ не своею смертью, а убитъ *гипсомъ*,— руками Микель-Анджело, которыя лежали на полкѣ, въ кабинетѣ надъ дверьми. Ему показалось, что я зову его,—онъ вышелъ на лѣстницу посмотрѣть, и, возвратясь, такъ хлопнулъ сильно дверью, что гипсъ сорвался (24 фунта) съ полки и упалъ ему на голову, сдѣлалъ большую рану. Но онъ не лишился чувствъ, даже не упалъ, а побѣжалъ въ кухню; и мы сейчасъ стали прикладывать воду съ арникой; сейчасъ же явился докторъ и перевязалъ, какъ слѣдуетъ. Это было въ четвергъ, 13-го февраля. Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ хорошо; рана стала заживать; онъ работалъ, былъ веселъ и спокоенъ; но черезъ недѣлю, на слѣдующій четвергъ, у него сдѣлалась рожа на головѣ, а вслѣдъ за нею—воспаленіе клѣтчатки; — и въ четвергъ, 27-го февраля, его не стало“... „У меня все описали. Я сижу какъ въ темномъ лѣсу, и не знаю, откуда забрезжитъ свѣтъ. Голова моя идетъ кругомъ; одного, чего я боюсь,—чтобы не сойти съ ума“...

VII.

Прослѣдивъ въ бѣгломъ очеркѣ жизнь А. Е. Бейдемана, считаю нелишнимъ остановиться на нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ фактахъ.

Первое — мы видимъ: юношу безъ отца, очутившагося на чужбинѣ, въ сѣверной столицѣ,— съ матерью, отягощенною денежнымъ процессомъ, обремененною заботами о дѣтяхъ.

Второе—мы видимъ юношу, пылкаго уроженца юга, попав-

шаго въ среднюю школу, гдѣ господствовало стадное, рутинное и безсодержательное обученіе, способное охладить и оттолкнуть даровитую натуру отъ преподавателей чепухи. Юноша отказывается отъ такого просвѣщенія и поступаетъ въ академію художествъ, куда влечетъ его природа. Здѣсь онъ скоро выдѣляется изъ массы учениковъ, обращаетъ на себя вниманіе профессоровъ,—и тогдашній полубогъ К. Брюлловъ шлетъ ему поцѣлуй за его эскизъ. Отличіе передъ другими воодушевляетъ и укрѣпляетъ юнаго художника; затѣмъ, по выѣздѣ больного К. Брюллова за границу, онъ работаетъ подъ строгимъ и умнымъ наблюденіемъ художника А. Агина, сближается съ П. А. Ѳедотовымъ, вступаетъ въ товарищескія отношенія съ молодыми, талантливыми учениками. Но въ моментъ, когда, достаточно подготовленный въ техникѣ, онъ желаетъ отдаться собственному влеченію, его встрѣчаетъ бездушная рутина профессоровъ, лишаетъ заслуженной первой медали. Онъ бросаетъ Петербургъ и ѣдетъ за границу—искать разрѣшенія своей художественной задачи.

Далѣе—мы видимъ постоянное скитаніе талантливаго художника для отысканія заработка. Наконецъ, его надежда избавиться отъ гнетущей нужды начинаетъ осуществляться, и въ это самое время... роковая судьба лишаетъ его жизни, не давъ возможности вылить въ живописи давно скопившіяся мысли и чувства. И онъ, такъ искренно любящій жену и дѣтей, видитъ, что оставляетъ ихъ въ нуждѣ и долгахъ... А я, который былъ ему ближе всѣхъ, на котораго онъ разсчитывалъ, умирая, обремененный заботами и платежами, былъ безсиленъ сдѣлать что-либо, сидя за тысячу верстъ...

Молодымъ художникамъ имя Бейдемана неизвѣстно; люди, близко знакомые съ русскимъ искусствомъ, знаютъ его по двумъ — тремъ работамъ, хранящимся въ галереѣ Третьякова, („Изображеніе головы Спасителя“ и набросокъ, осмѣивающій рьяныхъ аллопатовъ и хирурговъ).

Мнѣ приходилось не разъ слышать отзывы о Бейдеманѣ не иначе, какъ объ *иконописцѣ*; при этомъ многіе еще прибавляли: „кажется, *какой-то*“...

Какой иконописецъ могъ получать отъ К. Брюллова похвалы за бойкіе, энергичные, талантливые эскизы? Какой иконописецъ могъ рисовать безконечное количество самыхъ разнообразныхъ сюжетовъ для всевозможныхъ изданій? Какой иконописецъ могъ получить премію по конкурсу за сложный, большой картонъ съ голыми фигурами въ натуральную величину, съ сильными движеніями, смѣлыми ракурсами, — или могъ зло, остроумно

одной чертой набросить каррикатуру своего профессора? Какой иконописецъ справился бы съ трудной задачей выразить въ рисункѣ смыслъ манифеста 19-го февраля, съ массой правдивыхъ фигуръ самыхъ разнообразныхъ типовъ Россіи [1])? Какой иконописецъ могъ быть настолько проникнутъ огненнымъ свободнымъ словомъ Герцена чтобы послать ему въ подарокъ рисунокъ звонящаго въ набатъ колокола? Какой иконописецъ принялъ бы участіе въ сочиненіи на конкурсъ памятника Пушкину [2]), или, пораженный сценой покончившихъ съ собою любовниковъ, непосредственно передалъ бы это впечатлѣніе холсту [3]); или будетъ писать портретъ чахоточной молодой дѣвушки, жизненно передавая это тяжелое впечатлѣніе [4])?..

Нѣтъ, А. Е. Бейдеманъ былъ не иконописецъ, а громадный и разнообразный талантъ, который отъ каррикатуръ и передачи глубокихъ идей, трагическихъ и любовныхъ сценъ—могъ углубляться и всею душою понять религіозное смиреніе и святой экстазъ.

Тяжелая необходимость зарабатывать пищу, одежду и теплый уголъ себѣ и семьѣ заѣдала его, и писаніе иконъ служило ему только поддержкой. Не было бы такой необходимости, — и онъ вознесся бы въ другой міръ—міръ фантазіи, философіи и исторіи человѣчества; еще немного времени... и онъ удивилъ бы насъ своими произведеніями, ихъ новизною и глубиною пережитыхъ мыслей и чувствъ.

Поучительна жизнь А. Е. Бейдемана, честно трудившагося человѣка, случайно и преждевременно погибшаго. Я никогда не видѣлъ его празднымъ; онъ всегда работалъ, вѣчно искалъ работы; и отдыхъ его состоялъ въ бесѣдахъ объ искусствѣ, его цѣли и глубокомъ значеніи.

Онъ—былъ бы головою выше многихъ академическихъ профессоровъ, взятыхъ вмѣстѣ, и осмѣялъ бы ихъ отжившую рутину и ихъ самихъ, требовавшихъ рабскаго подчиненія условнымъ и затхлымъ воззрѣніямъ на искусство, осуждавшихъ всякое смѣлое проявленіе личнаго чувства и самостоятельности. Имъ было недоступно пониманіе вдохновеннаго творчества. Они не признавали

---

[1]) Слѣдовало бы этотъ рисунокъ распространить ко дню 50-лѣтняго юбилея освобожденія крестьянъ. Оригиналъ его находился въ кабинетѣ импер. Александра II.

[2]) Бейдеманъ вылѣпилъ изъ воска прекрасный эскизъ этого памятника и подарилъ мнѣ, по окончаніи конкурса, который состоялся послѣ смерти Бейдемана. Не знаю, куда исчезъ этотъ эскизъ.

[3]) Работа эта хранится у меня въ имѣніи Погорѣльцахъ.

[4]) Находится эскизъ тамъ же.

права человѣка на свободное проявленіе личности, настаивали на выполненіи условныхъ движеній, условной одежды, требовали условныхъ формъ и даже условныхъ пейзажей. Они выросли во лжи и неправдѣ; по ихъ понятіямъ, простота, искренность, правдивость и живое изображеніе жизни были неумѣстны въ искусствѣ. Они были вымирающіе представители вымирающей системы.

Мы, ученики академіи, не раздѣляли взглядовъ профессоровъ. Мы чувствовали трупный запахъ въ ихъ требованіяхъ, чувствовали, что пришло время освободиться отъ связывавшихъ насъ оковъ на свободу. Неизмѣримо далеки были тогдашніе профессора отъ внутренней мучительной работы, переживаемой А. Е. Бейдеманомъ. Они не понимали ни его юношеской искренности, ни его нравственныхъ терзаній.

Безучастно брошенный академіей, онъ искалъ какой-либо „*работишки*". Въ тѣ времена, дешевые дагерротипы, а потомъ фотографіи, въ значительной степени уменьшили заказы сравнительно дорогихъ живописныхъ портретовъ. На картины почти не стало охотниковъ; оставались заказы на образа, и при этомъ по самой низкой цѣнѣ. Между тѣмъ, писаніе образовъ требовало отъ художника значительной затраты на холстъ, краски, кисти, натурщиковъ и манекены, такъ что отъ полученной платы оставалась сумма, едва покрывающая расходъ; да и та шла не на прихоти, а опять-таки на квартиру, пищу и одежду.

Является грустное чувство, глядя на массу нарождающихся вновь художниковъ, на старѣющихъ и состарившихся, на этихъ людей, одаренныхъ тонкимъ чувствомъ, чуткихъ, нервныхъ идеалистовъ и философовъ, неспособныхъ къ наживѣ. Гибнутъ люди, гибнутъ таланты въ безплодной борьбѣ. Мало-по-малу теряя всякую надежду на осуществленіе своихъ идеаловъ и духовныхъ стремленій, не имѣя средствъ къ существованію, они взываютъ къ обществу, чтобы оно дало какую-нибудь „*работишку*"... Холодно, голодно!..

Но можетъ ли талантъ съ искрой божества, съ тѣмъ святымъ огнемъ, который горитъ въ его душѣ, получивъ „*работишку*", отнестись къ ней безсовѣстно и равнодушно? Нѣтъ!.. Талантъ вникнетъ и въ нее, найдетъ и въ ней интересъ, освѣтитъ ее духовнымъ огнемъ, и „*работишка*" выходитъ изъ его рукъ— одухотворенною.

Приходилось и А. Е. Бейдеману добывать хлѣбъ, рисуя всякую всячину на деревяшкахъ, иллюстрировать въ журналахъ и писать иконы. Но, какъ истинный художникъ, онъ проникался данными задачами, и чѣмъ задача была серьезнѣе, тѣмъ глубже

онъ уходилъ въ нее. Такъ, принимаясь за икону св. Антонія и прочихъ святыхъ, онъ изучалъ ихъ жизнь, изображенія, написанныя предшествующими художниками и древними иконописцами; и тогда только являлось у него одухотворенное изображеніе подвижника. Это не было равнодушнымъ повтореніемъ написаннаго, это не была своевольная потѣха красками, бьющими на эффектъ,—это было талантливое изображеніе, незамѣтно притягивающее къ себѣ, внушающее отрѣшеніе отъ плотскихъ удовольствій, отъ пустоты жизни, призывающее на подвигъ и борьбу духовную. Вглядываясь въ лики святыхъ, переданныхъ кистью Бейдемана, вы чувствуете въ себѣ глубокую духовную связь съ изображенной имъ личностью и потребность смотрѣть еще и еще,—и не можете оторвать глазъ.

А. Е. Бейдеманъ, отрѣшившись по необходимости отъ бурныхъ фантазій, мутившихъ его въ молодости, сталъ замѣчательнымъ біографомъ тѣхъ подвижниковъ христіанства, которыхъ пришлось ему изображать. Съ молитвеннымъ настроеніемъ, страдая душой, онъ проникался глубокимъ уваженіемъ къ святымъ мученикамъ давно протекшихъ временъ.

Итакъ, едва ли можно сказать о Бейдеманѣ, что это „какой-то, кажется, иконописецъ"!..

VIII.

Проходятъ десятки лѣтъ, и мы, поколѣніе за поколѣніемъ, наслаждаемся твореніями художниковъ, жившихъ душою въ своихъ произведеніяхъ... Что десятки лѣтъ! Прошли сотни лѣтъ, и геніи продолжаютъ жить, приводятъ насъ въ восторгъ, потрясаютъ и возвышаютъ душу, вознося отъ земной пошлости въ область духовнаго міра, въ міръ идей, вѣчной дивной гармоніи звуковъ, чуднымъ сочетаніемъ красокъ, огненнымъ словомъ!... Что сотни лѣтъ и вѣка!.. Прошли тысячи и тысячи лѣтъ, и неумирающій огонь безсмертныхъ геніевъ и теперь поражаетъ насъ великими произведеніями въ скульптурѣ и живописи, потрясающею мощью архитектуры, невыразимою прелестью музыкальныхъ звуковъ, глубокимъ знаніемъ человѣческой природы, правдивостью, простотою и силой.

Но такіе геніи рѣдки. На ихъ долю выпало великое счастье—исполнить свою творческую миссію,—а сколько такихъ же геніевъ и великихъ талантовъ, поставленныхъ въ тиски общественной жизни, погибло и гибнетъ въ ея гниломъ, засасывающемъ бо-

лотѣ, отъ безсмысленныхъ случайностей, слабаго здоровья, людского тупоумія и безучастія!..

Къ числу такихъ погибшихъ крупныхъ талантовъ я смѣло причисляю А. Е. Бейдемана, одареннаго чуткой душой, умомъ, громаднымъ воображеніемъ, художественной памятью, и настолько владѣвшаго техникой, что онъ могъ свободно высказывать то, что хотѣлъ и чувствовалъ. Къ этому онъ былъ вполнѣ подготовленъ, жаждалъ исполнить задачу своей жизни, стремился къ ней многіе годы; ужасная случайность погубила его, и смерть поглотила то, что онъ могъ исполнить и чего мы ожидали отъ него съ нетерпѣніемъ.

Бейдеманъ оцѣненъ не былъ при жизни и забытъ по смерти. Его смѣлый порывъ на волю изъ академической рутины, за который онъ такъ жестоко поплатился, былъ едва ли не первой искрой для послѣдующаго протеста тѣхъ 14-ти молодыхъ художниковъ, которые выступили на новый путь и, покинувъ академію, составили „*Общество передвижниковъ*“.

27-го февраля исполнится тридцать-шесть лѣтъ со дня смерти Бейдемана, и я счастливъ, что имѣю возможность сказать хотя что-нибудь о забытомъ замѣчательномъ талантѣ, дорогомъ и близкомъ для меня человѣкѣ, котораго часто, очень часто вспоминаю. Быть можетъ, мои отрывочныя воспоминанія объ А. Е. Бейдеманѣ пригодятся будущимъ составителямъ исторіи русской живописи.

Левъ Жемчужниковъ.

ПРАЗДНЫЯ МЫСЛИ

Idle Ideas in 1905. Jerome K. Jerome.

V *).

Нужно ли военнымъ быть вѣжливыми?

Однажды я возымѣлъ желаніе мирно и пріятно провести зиму въ Брюсселѣ за работою и самоусовершенствованіемъ. Брюссель—веселый, жизнерадостный городъ, и, вѣроятно, это удалось бы мнѣ, если бы не бельгійская армія. Бельгійская армія упорно преслѣдовала и тѣснила меня. Судя по личному опыту, я долженъ сказать, что это—хорошая армія. Наполеонъ установилъ аксіому, что мы не должны упускать врага изъ виду, не должны дозволять ему подумать хотя бы на одну секунду, что онъ ускользнулъ отъ насъ. Не знаю, какой тактики придерживается бельгійская армія при другихъ обстоятельствахъ, но относительно меня планъ кампаніи былъ рѣшенъ и проведенъ ею съ успѣхомъ, изумившимъ меня самого.

Для меня оказалось совершенно невозможнымъ ускользнуть отъ преслѣдованія бельгійской арміи.

Нарочно избиралъ я самыя спокойныя, отдаленныя улицы, я выходилъ во всякіе часы: рано утромъ, въ полдень, поздно вечеромъ. У меня бывали минуты безумнаго торжества, когда я воображалъ, что я спасенъ. Ее нигдѣ не было видно, ее не было слышно.

*) См. выше: январь, стр. 302 и слѣд.

— Теперь,—говорилъ я себѣ,—я вздохну свободно хоть на пять минутъ.

Но я оказывался несправедливымъ по отношенію къ ней: она уже совершала обходъ. На первомъ поворотѣ до слуха моего долеталъ звукъ барабанной дроби. Прежде чѣмъ я успѣвалъ пройти четверть мили—она уже нагоняла меня. Я вскакивалъ въ вагонъ трамвая и дѣлалъ нѣсколько миль; затѣмъ, полагая, что она потеряла меня изъ виду, я соскакивалъ и продолжалъ свою прогулку. Черезъ пять минутъ меня настигалъ другой отрядъ. Я бѣжалъ домой, и бельгійская армія провожала меня торжествующей барабанной дробью. Побѣжденный, пристыженный, навсегда распростившись съ національной британской гордостью, я пробирался въ свою комнату и запиралъ дверь. Тогда побѣдоносная бельгійская армія отступала къ своимъ казармамъ.

Будь при ней музыка—я бы еще примирился съ нею: я люблю военную музыку. Но при бельгійской арміи имѣется только барабанъ, да и тотъ—не настоящій. Это—игрушечный барабанъ, похожій на тотъ, въ который я самъ барабанилъ во время оно, покуда его не отняли у меня и не пригрозили, что разобьютъ его о мою собственную голову, если я не перестану играть на немъ. По-моему, это низко—расхаживать по улицамъ, барабаня на подобной штукѣ, въ сознаніи своей безнаказанности. Никто не рѣшился бы на это, будь при немъ его мать. Вѣдь онъ даже не барабанитъ. Онъ прогуливается съ барабаномъ, колотя по немъ палочкой. Тутъ нѣтъ мелодіи, нѣтъ смысла, даже ритма нѣтъ.

Сначала, внимая ему издали, я счелъ это дѣломъ рукъ какого-нибудь мальчишки, которому слѣдовало бы ходить въ школу или приносить пользу домашнимъ, катая колясочку съ младенцемъ. Я даже спрятался въ подъѣздѣ, намѣреваясь выскочить оттуда и нарвать ему уши, когда онъ пройдетъ мимо. Къ изумленію моему, я узналъ, что это бельгійская армія готовится къ ужасамъ войны, что сдѣлало меня сторонникомъ мира во что бы то ни стало.

Говорятъ, что арміи необходимы для сохраненія мира въ Европѣ. Что касается меня лично—я пошелъ бы, если понадобится, на стычку. Можно ли говорить, что войны отжили свой вѣкъ, когда взрослые люди съ перьями на шапкахъ, гремящіе желѣзнымъ товаромъ, отправляются на прогулку не иначе какъ подъ надзоромъ двоихъ людей, бьющихъ въ игрушечный барабанъ и свистящихъ въ оловянную свистульку? Отрядъ солдатъ съ ранцами за спиною, котелками и манерками, обвѣшанныхъ

всякими смертоносными орудіями и марширующихъ въ тактъ—всегда напоминаетъ мнѣ Бѣлаго Рыцаря сказки.

Я полагаю—съ практической точки зрѣнія,—что для того, чтобы сражаться за родной край или за чужой (послѣднее дѣлается чаще), часть населенія должна умѣть обращаться съ ружьемъ. Но какую пользу, при современныхъ условіяхъ войны, можетъ принести маршировка наноскахъ и построеніе въ ряды—вотъ одинъ изъ многихъ, непостижимыхъ для моего ума, вопросовъ.

Въ средніе вѣка, когда люди боролись грудь съ грудью, стройность массовыхъ движеній являлась необходимостью,—но теперь, когда мы стрѣляемъ изъ-за прикрытія бездымнымъ порохомъ, слѣдовало бы разъяснить военнымъ людямъ, что мѣсто сержанта, обучающаго новобранцевъ,—въ музеѣ рѣдкостей.

Мнѣ случилось жить близъ казармъ въ Гайдъ-паркѣ, и я основательно ознакомился съ методомъ его обученія. Въ большинствѣ случаевъ сержантъ—толстякъ съ походкою индюка. Голосъ его—одно изъ чудесъ природы, и у васъ большая смётка, если вы сумѣете отличить его отъ собачьяго лая. Говорятъ, что рядовые послѣ нѣкоторой практики усвоиваютъ это различіе. Но я лично въ этомъ сомнѣваюсь. У меня какъ разъ въ эти времена была прекрасная собака, и мы забавлялись, глядя на упражненія сержанта съ его отрядомъ. Однажды онъ въ продолженіе десяти минутъ выпаливалъ, какъ всегда, свое: „Боу! Боу! Боу!“—и все шло какъ слѣдуетъ. Вдругъ, къ безграничному его изумленію, рота, повернувшись къ нему спиною, замаршировала прямо къ озеру.

— Стой!—рявкнулъ сержантъ, едва лишь къ нему вернулся голосъ, и это случилось какъ разъ во-время для того, чтобы спасти солдатъ отъ водяной могилы.

Рота остановилась.

— Кто, громъ и молнія, и все такое... сказалъ вамъ: маршъ?

Солдаты переглянулись, но ничего не сказали и были возвращены на прежнее мѣсто. Минуту спустя, повторилось то же самое. Я положительно подумалъ, что сержантъ лопнетъ, и уже готовился бѣжать въ казармы за медицинскою помощью. Но пароксизмъ прошелъ. Призывая къ себѣ на помощь соединенныя силы небесъ и ада, онъ обратился къ солдатамъ, прося ихъ объяснить ему „по-человѣчески“: почему имъ вздумалось, отказавшись, очевидно, отъ его услугъ, обучаться самостоятельно?

Въ эту минуту мой Колумбъ снова залаялъ, и, благодаря ему, дѣло разъяснилось.

— Пожалуйста, уйдите, сэръ!—попросилъ меня сержантъ:—

какъ я могу обучать людей, когда ваша собака каждую минуту мѣшаетъ мнѣ?

И этотъ случай не былъ единственнымъ. То же самое повторялось неоднократно. Собака, казалось, понимала и дѣйствовала съ умысломъ. Иногда, встрѣчая на прогулкѣ солдата съ его возлюбленной, Колумбъ неожиданно рявкалъ за моею спиною, и солдатъ, моментально покинувъ свою даму, принимался продѣлывать военные пріемы.

Военное министерство обвинило меня въ дрессировкѣ собаки, но я не дрессировалъ ее: у нея отъ природы былъ такой голосъ. Я намекнулъ въ министерствѣ, что вмѣсто того, чтобы обвинять собаку, изъяснявшуюся на ея родномъ языкѣ, они лучше бы научили своихъ сержантовъ говорить по-англійски.

Власти со мною не согласились. Въ воздухѣ чувствовалась гроза, и, живя тамъ, гдѣ я жилъ, я счелъ за лучшее разстаться съ Колумбомъ. Я видѣлъ, къ чему клонитъ военное министерство, и не желалъ, чтобы отвѣтственность за несовершенство британской арміи пала на меня.

Лѣтъ двадцать тому назадъ мы переживали въ Лондонѣ бурное время, и правоспособнымъ гражданамъ было предложено образовать добровольную милицію. Я былъ молодъ и интересовался такими дѣлами гораздо болѣе, чѣмъ теперь. Итакъ, въ одно воскресное утро я очутился въ обществѣ пяти-шести сотъ болѣе или менѣе почтенныхъ гражданъ во дворѣ албанскихъ казармъ. Начальство полагало, что мы сумѣемъ лучше охранить свои дома и защищать нашихъ женъ и дѣтей, если постигнемъ тайны маршировки и усвоимъ поворотъ глазъ „налѣво“.

Для этой цѣли къ намъ былъ откомандированъ сержантъ. Онъ появился изъ буфетной, отирая губы и похлопывая тросточкою по ногѣ. Но при видѣ насъ онъ измѣнилъ выраженіе своего лица. Мы были плотными, представительными джентльменами; большинство явилось въ длинныхъ сюртукахъ и цилиндрахъ. Сержантъ оказался человѣкомъ съ понятіемъ. Онъ отбросилъ мысль о томъ, чтобы насъ ругать и кричать на насъ, а потому не находилъ исхода. Спина его утратила свою неподвижность. Онъ почтительно встрѣтилъ насъ и заговорилъ языкомъ, принятымъ въ обществѣ.

— Добрый день, джентльмены,—сказалъ сержантъ.

— Добрый день,—отвѣтили мы, и затѣмъ наступило молчаніе.

Сержантъ переминался съ ноги на ногу. Мы ждали.

— Ну, джентльмены,—сказалъ сержантъ съ пріятною улыбкой,—не приступить ли намъ къ занятіямъ?

Мы согласились. Онъ показалъ намъ, какъ слѣдуетъ „построиться“, и затѣмъ обвелъ критическимъ взглядомъ нашу заднюю шеренгу.

— № 3-й! Съ вашего позволенія, немного впередъ, сэръ! — предложилъ онъ.

№ 3-й, представительный джентльменъ, выступилъ впередъ.

Сержантъ оглядѣлъ критическимъ взоромъ переднюю шеренгу.

— Съ вашего позволенія, подайтесь немного назадъ, сэръ, — обратился онъ къ третьему съ конца.

— Не въ состояніи, — объяснилъ третій джентльменъ; — все, что я могу сдѣлать, это — держаться на мѣстѣ.

Критическій взоръ сержанта устремился въ глубину рядовъ.

— Прошу нѣкоторыхъ: грудь впередъ! Не угодно ли вамъ съ другой ноги, джентльмены?

И ученіе продолжалось въ томъ же пріятномъ для насъ родѣ.

— Ну, теперь, джентльмены, мы попробуемъ маршировку. Скорымъ шагомъ! Маршъ! Благодарю васъ. Мнѣ жаль безпокоить васъ, но, пожалуй, понадобится бѣжать — впередъ, разумѣется. Итакъ, если вы ничего противъ этого не имѣете — бѣглымъ шагомъ! Стой! Хорошо, если бы вы постарались въ слѣдующій разъ лучше сохранять равненіе. Оно выходитъ гораздо внушительнѣе. Современемъ вы научитесь переводить дыханіе.

Если обученіе необходимо, почему бы не производить его именно такимъ способомъ? Почему бы сержанту не обращаться къ новобранцамъ въ вѣжливой формѣ?

— Ну, молодые люди, вы готовы? Не волнуйтесь, — нѣтъ необходимости превращать въ тяжелый трудъ то, что должно быть для всѣхъ насъ удовольствіемъ. Вотъ такъ! Очень хорошо, если принять во вниманіе вашу неопытность. Ваша выправка оставляетъ желать лучшаго, рядовой Буллибой. Извините за личное обращеніе къ вамъ, но неужели у васъ отъ природы развинчены колѣнки? Не сдѣлаете ли вы маленькаго усилія надъ собою для того, чтобы не имѣть вида маріонетки, пружины которой ослабѣли? Благодарю васъ, теперь лучше. Видите ли, эти мелочи кажутся банальными, но все же мы должны приложить стараніе къ тому, чтобы предстать въ возможно лучшемъ видѣ...

— Вы недовольны вашими сапогами, рядовой Монморанси? Простите. Изъ того, какъ вы нагибаетесь и смотрите на нихъ, я вывелъ заключеніе, что видъ ихъ не удовлетворяетъ васъ. Я ошибся.

— Вы страдаете разстройствомъ желудка? Не дать ли вамъ водки? Это не разстройство? Такъ что же у васъ съ желудкомъ?

Почему вы стараетесь это скрыть? Тутъ нечего стыдиться. Это со всякимъ случается.

Такимъ образомъ, водворивъ съ помощью добрыхъ словъ порядокъ по всей линіи, онъ могъ бы приступить къ полезнымъ для здоровья упражненіямъ.

— На плечо! Хорошо, джентльмены, для начала очень хорошо! Но все же—съ критической точки зрѣнія—не совсѣмъ близко къ совершенству. Его не такъ легко достигнуть, какъ кажется. Я позволю себѣ замѣтить рядовому Томпсону, что ружье, положенное на плечо подъ правымъ угломъ, можетъ обезпокоить стоящаго позади джентльмена. Даже въ виду его собственнаго удобства я посовѣтовалъ бы рядовому Томпсону послѣдовать въ данномъ случаѣ общему примѣру.

— Я также намекнулъ бы рядовому Сентъ-Леонарду, что мы не изучаемъ здѣсь искусство жонглировать тяжелымъ ружьемъ. Сентъ-Леонардъ дѣлаетъ это очень ловко, но оно не нужно для военнаго времени.

— Повѣрьте, джентльмены, методъ обученія былъ основательно разработанъ и отъ единичныхъ опытовъ нельзя ожидать его улучшенія. Будемъ дѣйствовать единодушно. Это однообразно, но безопасно. А теперь, еще разъ, джентльмены!

Казарменный плацъ превратился бы такимъ образомъ въ источникъ безобиднаго развлеченія для тысячъ людей. Выраженіе: „офицеръ и джентльменъ"—оказалось бы имѣющимъ серьезное значеніе. Дарю эту мысль, чего бы она ни стоила, „Пэлль-Мэллю", и свидѣтельствую ему при этомъ мое почтеніе.

Недостатокъ военныхъ людей состоитъ въ томъ, что они слишкомъ усердно изучаютъ исторію, слишкомъ много читаютъ и черезчуръ склонны къ умствованію. Еслибы они оглядѣлись вокругъ, они замѣтили бы, что многое измѣнилось. Кто-то сказалъ британскому офицеру, что битва при Ватерлоо была выиграна на поляхъ въ Итонѣ. Поэтому онъ отправляется въ Итонъ—заниматься спортомъ. Когда-нибудь ему придется увидѣть другое Ватерлоо, и тогда—но уже поздно—онъ узнаетъ, что побѣда была выиграна не на поляхъ лаунъ-тенниса, но въ классной комнатѣ...

Стоя на валу долины Ватерлоо, можно составить себѣ понятіе о битвахъ былыхъ временъ. Остальныя поля сраженій въ Европѣ быстро исчезаютъ: полезная голландская капуста, какъ это отмѣтилъ бы съ чувствомъ удовлетворенія Карлейль, скрыла мѣста, бывшія свидѣтелями людского безумія. Сапожники мирно тачаютъ сапоги, женщины весело болтаютъ у колодца на томъ

самомъ мѣстѣ, на которомъ, сто лѣтъ тому назадъ, тысячи людей въ красныхъ мундирахъ и тысячи людей въ синихъ отчаянно бились между собою на смерть, подобно освирѣпѣвшимъ фоксъ-терріерамъ.

Но поле сраженія при Ватерлоо мало измѣнилось. Проводникъ, дѣдъ котораго принималъ участіе въ битвѣ (поразительно количество участвовавшихъ въ ней дѣдовъ,—изъ нихъ можно было бы составить цѣлый полкъ), можетъ указать вамъ каждую рытвину, служившую прикрытіемъ для пѣхоты. Все дѣло началось и кончилось на протяженіи какой-нибудь квадратной мили.

Можно себѣ представить, какую пользу принесло тутъ искусное маневрированіе сложной военной машины: движенія развернутымъ, сомкнутымъ строемъ, дѣйствіе центра, праваго и лѣваго крыла! Быть можетъ, когда-то стоило (если только когда-нибудь это стоило, въ чемъ разумные люди начинаютъ сомнѣваться) терять два года солдатской службы на то, чтобы научить солдатъ гусиному шагу. Но учить людей въ двадцатомъ вѣкѣ военнымъ пріемамъ, полезнымъ въ эпоху тридцатилѣтней войны, это все равно, что нагружать броненосцы холстомъ.

Однажды я слѣдовалъ за ротою волонтеровъ черезъ Блэкфрайерскій мостъ по пути отъ Соутварка къ Тэмплю. Близъ Людгэта начальникъ отряда, молодой, но добросовѣстный офицеръ, скомандовалъ: „На-лѣво кругомъ!“ —Авангардъ немедля свернулъ въ узкую аллею, которая привела бы роту къ границамъ Уаттфрайерса, гдѣ ей пришлось бы застрять навѣкъ. Пришлось остановиться, сдѣлать поворотъ направо и отступить шаговъ на сто. Затѣмъ раздалась команда: „Маршъ!“—Голова колонны, минуя Людгэтъ, двинулась къ мясному рынку.

Но тутъ офицеръ пересталъ быть офицеромъ и заговорилъ толкомъ.

— Не сюда!—крикнулъ онъ:—вверхъ по Флитъ-стриту черезъ Мидль-Тэмпль-Лэнъ.

И безъ дальнѣйшихъ недоразумѣній армія будущаго пошла своею дорогой.

VI.

Опрометчивы ли ранніе браки?

Въ настоящее время я скупъ на совѣты по вопросамъ, въ которыхъ не считаю себя авторитетомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я задумалъ статью о маленькихъ дѣтяхъ. Она не пре-

тендовала на авторитетность; я даже не предполагалъ исчерпать сюжетъ. Я соглашался предоставить моимъ послѣдователямъ дальнѣйшее его развитіе, если они найдутъ, конечно, что по этому вопросу возможно еще что-нибудь сказать. Статья мнѣ понравилась. Я взялъ изъ редакціи ея оттиски съ тѣмъ, чтобы показать ее одной дамѣ, моей пріятельницѣ, имѣвшей двоихъ дѣтей. Въ нихъ не было ничего замѣчательнаго, хотя сама она, конечно, носилась съ ними. Мнѣ пришло на умъ, что статья можетъ оказаться для нея полезнымъ руководствомъ. Я вручилъ ей статью, раскрывъ ее на надлежащемъ мѣстѣ.

— Прочтите ее внимательно и спокойно,—посовѣтовалъ я,—не развлекайтесь ничѣмъ. Положите рядомъ карандашъ и листокъ бумаги и отмѣтьте пункты, по которымъ вы желали бы получить болѣе подробное освѣдомленіе. Укажите мнѣ то, что я, по вашему мнѣнію, упустилъ изъ виду. Быть можетъ, въ томъ или въ другомъ пунктѣ вы будете несогласны со мною. Въ такомъ случаѣ не стѣсняйтесь, я не обижусь. Если статья заинтересуетъ публику, я, по всей вѣроятности, выпущу дополненное и исправленное ея изданіе въ формѣ памфлета, и въ такомъ случаѣ тѣ намеки и указанія, которые кажутся вамъ почти дерзкими, сослужатъ мнѣ большую службу.

— У меня нѣтъ карандаша,—отвѣтила она;—о чемъ вы пишете?

— О маленькихъ дѣтяхъ,—отвѣтилъ я, и одолжилъ ей карандашъ.

Вотъ чему еще я научился. Если вы не желаете навѣкъ проститься съ нимъ,—не давайте женщинѣ карандаша. Въ отвѣтъ на просьбу вашу о возвратѣ его,—у нея имѣются три отвѣта. Первый: что она отдала вамъ его назадъ и вы положили его въ карманъ, гдѣ онъ и лежитъ, а если и не лежитъ, то долженъ тамъ лежать. Второй: что вы никогда не давали ей карандаша. Третій: что она терпѣть не можетъ, когда ей даютъ карандаши и требуютъ ихъ обратно какъ разъ въ такую минуту, когда она занята гораздо болѣе важнымъ дѣломъ.

— Что вы знаете о дѣтяхъ?—спросила она.

— Увидите сами, когда прочтете статью,—отвѣтилъ я;—тутъ все написано.

Она презрительно перелистала статью.

— Тутъ, кажется, немного,—возразила она.

— Оно изложено въ сжатой формѣ,—пояснилъ я.

— Я рада, что это не длинно. Хорошо, я прочту,—согласилась она.

Мнѣ подумалось, что мое присутствіе помѣшаетъ ей сосредоточиться, и потому я вышелъ въ садъ. Пусть она читаетъ на свободѣ. По временамъ я подкрадывался и заглядывалъ въ окно. Она, повидимому, не дѣлала отмѣтокъ, но посмѣивалась про себя. Увидѣвъ, что она дочитала до конца, я вошелъ.

— Ну?—спросилъ я.

— Это юмористическая статья,—освѣдомилась она,—или ее слѣдуетъ принимать серьезно?

— Разумѣется, тамъ и сямъ встрѣчаются искры юмора...

Она не дала мнѣ договорить.

— Если вы писали въ юмористическомъ жанрѣ, то это—вовсе не смѣшно; если же вы писали серьезно, то для меня ясно только одно, а именно то, что вы—не мать.

Съ безошибочнымъ инстинктомъ врожденнаго критика она угадала мое единственное больное мѣсто. На всѣ другія возраженія я могъ бы отвѣчать. Но на этотъ единственный язвительный упрекъ у меня не было отвѣта. И вотъ почему съ тѣхъ поръ я скуплюсь на совѣты по вопросамъ, не входящимъ въ область моей компетенціи. Еслибы не это—я каждый годъ въ Валентиновъ день многое бы желалъ сказать моимъ добрымъ друзьямъ—птицамъ. Я желалъ бы серьезно поговорить съ ними. Не слишкомъ ли рано думать о бракахъ въ февралѣ мѣсяцѣ? Разумѣется, они отвѣтили бы мнѣ то же, что и моя пріятельница, мать двоихъ дѣтей:

— Что вы понимаете въ этомъ? Вѣдь вы—не птица.

Мнѣ извѣстно, что я—не птица, но именно поэтому имъ бы слѣдовало прислушаться къ мнѣнію посторонняго человѣка, не связаннаго птичьими условностями.

Февраль мѣсяцъ, дорогіе мои друзья, по крайней мѣрѣ въ нашемъ сѣверномъ климатѣ—слишкомъ ранняя пора. Приходится вить гнѣздо на сильномъ вѣтру, и, повѣрьте мнѣ, ничто такъ не раздражаетъ женщину, какъ вѣтеръ. Природа всегда останется природой, и женскій полъ, друзья мои, одинаковъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ, будь это птицы или человѣческія существа. Я старше большинства изъ васъ, и говорю на основаніи личнаго опыта.

Еслибы мнѣ съ женою пришлось строить домъ, я не выбралъ бы такого времени года, когда вѣтеръ рветъ у нея изъ рукъ доски и кирпичи, заворачиваетъ ей юбки на голову и она, ради спасенія своей жизни, должна цѣпляться за жерди на лѣсахъ. Я хорошо изучилъ женщину и знаю, что не таковъ ея идеалъ медоваго мѣсяца. Въ апрѣлѣ, въ маѣ—солнце сіяетъ,

воздухъ насыщенъ ароматомъ, и тогда, принеся одну-двѣ охапки кирпичей, одну-двѣ кадки съ глиною, мы, не опасаясь, что домъ нашъ унесетъ вѣтромъ на другую улицу, могли бы присѣсть, свѣсивъ ноги на стѣнкѣ, поклевать, что Богъ послалъ. Затѣмъ я могъ бы посвистать для ея развлеченія, и при такихъ условіяхъ устройство гнѣзда ничего бы не доставило намъ, кромѣ удовольствія.

Ласточки умнѣе. Онѣ избрали—и очень разумно—іюнь мѣсяцъ. Въ Тиролѣ, въ горной деревушкѣ, я имѣлъ возможность близко наблюдать за ласточками, вившими себѣ гнѣздо. Въ первое же утро я вышелъ, послѣ кофе, изъ темныхъ, прохладныхъ, обширныхъ сѣней гостинницы на яркій солнечный свѣтъ и, самъ не зная почему, захлопнулъ за собою тяжелую дверь.

Покуда я набивалъ трубку, мимо меня пролетѣла ласточка—самецъ. Онъ описалъ кругъ и затѣмъ усѣлся на перила въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ меня. Во рту онъ держалъ нѣчто, казавшееся ему большимъ и тяжелымъ кирпичомъ. Онъ положилъ его передъ собою и закричалъ мнѣ что-то, чего я не могъ понять. Я не шевельнулся. Онъ совсѣмъ разгорячился и сказалъ еще что-то. Было несомнѣнно, что онъ обращался ко мнѣ—никого другого по близости не было. Судя по его тону, я понялъ, что онъ на меня сердится.

Въ эту минуту мой дорожный спутникъ, еще совершавшій свой туалетъ, высунулся изъ окна, какъ разъ надо мною.

— Вотъ странно!—крикнулъ онъ мнѣ:—я замѣтилъ это вчера вечеромъ. Пара ласточекъ вьетъ гнѣздо здѣсь въ сѣняхъ. Смотрите, не примите его за подставку для шляпы. Старушка-хозяйка говоритъ, что они уже третій годъ вьютъ гнѣздо на томъ же мѣстѣ.

Тутъ я сразу понялъ, что желалъ мнѣ сказать мой случайный знакомецъ:

— Послушайте вы, сэръ, держащій во рту кусочекъ дерева, вы заперли дверь, и я не могу попасть въ домъ.—Теперь, когда у меня былъ ключъ къ его словамъ, они показались мнѣ до такой степени ясными и понятными, что я положительно забылъ о томъ, что имѣю дѣло съ птицею.

— Простите,—отвѣтилъ я,—мнѣ это не пришло въ голову. Какое странное мѣсто для гнѣзда вздумалось вамъ выбрать!

Я открылъ передъ нимъ дверь; поднявъ свой кирпичикъ, онъ влетѣлъ въ сѣни, и я послѣдовалъ за нимъ. У супруговъ завязался оживленный разговоръ.

— Онъ заперъ дверь,—говорилъ супругъ,—вонъ тотъ, что

сосетъ кусочекъ дерева. Я ужъ думалъ, что мнѣ и не попасть домой.

— Знаю,—было отвѣтомъ:—тутъ стало такъ темно, что, вѣришь ли, я просто не вижу, что дѣлаю.

— Славный кирпичикъ, не правда ли? Куда бы ты хотѣла его вставить?

Замѣтивъ меня, они понизили голоса. Очевидно, она хотѣла, чтобы онъ положилъ кирпичъ и далъ ей время подумать. Она еще не рѣшила, куда онъ больше подойдетъ. Онъ съ своей стороны былъ увѣренъ, что нашелъ для него подходящее мѣсто. Другія птицы ссорятся во время устройства гнѣзда, но ласточки—самыя кроткія изъ птицъ. Она позволила ему сдѣлать такъ, какъ онъ хотѣлъ; онъ поцѣловалъ ее и улетѣлъ. Она скосила вслѣдъ ему одинъ глазъ, и убѣдившись, что онъ исчезъ изъ виду, ловко и быстро вытащила кирпичикъ и помѣстила его по другую сторону двери.

— Бѣдные, милые мужья! (Я угадалъ эту фразу, судя по тому, какъ она вздернула головку.) Пусть ихъ думаютъ, что они лучше понимаютъ дѣло. Самое благоразумное—не спорить съ ними.

Каждое лѣто я терзаюсь негодованіемъ. Мнѣ доставляетъ удовольствіе наблюдать за ласточками, которыя вьютъ гнѣздо подъ окномъ моего кабинета. Такой онѣ веселый, болтливый, маленькій народъ! Такъ и кажется, что онѣ разсказываютъ другъ другу нѣчто милое и не лишенное юмора, такъ какъ порою мнѣ слышится легкій щебечущій смѣхъ. Меня радуетъ ихъ близость; иногда я начинаю думать, что когда мозгъ мой изощрится, то, прислушиваясь въ сумеркахъ къ тому, что онѣ щебечутъ, я также пойму ихъ разсказы.

Двѣ-три фразы мнѣ уже удалось понять. „Когда-нибудь потомъ". „Много-много дней тому назадъ". „Въ чужой странѣ, далеко-далеко отсюда". Мнѣ приходится такъ часто слышать эти слова, что я увѣренъ, что понялъ ихъ правильно. Эти шесть-семь гнѣздъ я называю „Улицею Ласточекъ". Два или три изъ нихъ помѣщаются, подобно отдѣльнымъ вилламъ, на собственной территоріи; остальныя на половину примыкаютъ одно къ другому. Я всегда злюсь при мысли, что ими завладѣютъ воробьи. Воробьи умышленно вертятся здѣсь, ожидая того времени, когда чета ласточекъ окончитъ свою работу, и затѣмъ, съ грубымъ смѣхомъ, отъ котораго кровь закипаетъ у меня въ жилахъ, они выгоняютъ ласточекъ и сами завладѣваютъ ихъ домомъ.

— Ну, будетъ убиваться, милая, — шепчетъ Томми своей

Дженни после того, какъ улегся первый взрывъ отчаянія,— начнемъ сначала!

И полчаса спустя, съ головою, полною новыхъ плановъ, онѣ уже выбираютъ подходящее мѣсто и снова весело щебечутъ. Однажды я въ теченіе двухъ недѣль наблюдалъ за постройкою такого гнѣзда, и когда, послѣ трехдневнаго отсутствія, я вернулся домой и нашелъ удобно устроившуюся въ немъ чету воробьевъ— я обезумѣлъ отъ гнѣва.

М-ссъ Воробей выглянула изъ гнѣзда. Быть можетъ, гнѣвъ подѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ на мое воображеніе, но мнѣ показалось, что она подмигнула мнѣ.

— Миленькій домикъ, не такъ ли? Солидная постройка!

Тутъ подлетѣлъ м-ръ Воробей, держа во рту растрепанное, окрашенное въ голубой цвѣтъ и принадлежащее мнѣ перо. Я узналъ его. Оно выпало изъ метелки, съ помощью которой горничная разбиваетъ китайскій фарфоръ въ нашей гостиной. Въ другое время я былъ бы радъ, если бы онъ унесъ всю эту штуку—съ ручкою включительно. Но теперь похищеніе этого пера показалось мнѣ лишнимъ оскорбленіемъ. М-ссъ Воробей чирикнула отъ восторга при видѣ этого растрепаннаго безобразія. Получивъ даромъ домъ, они намѣревались затратить нѣкоторый запасъ энергіи на внутреннее украшеніе своего жилища. „Сама" походила на городскую воробьиху,—безъ сомнѣнія, она родилась и получила воспитаніе на Реджентъ-стритѣ.

— На свѣтѣ мало справедливости,—сказалъ я себѣ,—но она восторжествуетъ въ этомъ дѣлѣ, въ томъ случаѣ, конечно, если мнѣ удастся найти лѣстницу.

Я нашелъ лѣстницу, и по счастью она оказалась достаточно длинна. Воробьевъ не было дома,—они, вѣроятно, отправились на розыски дешевыхъ фотографическихъ рамокъ и японскихъ вѣеровъ. Я аккуратно смелъ ихъ жилище въ ведро съ грязною водою и очистилъ „Улицу Ласточекъ" отъ всѣхъ слѣдовъ его. Едва успѣлъ я отставить лѣстницу, какъ вернулась м-ссъ Воробей съ кусочкомъ розовой шерсти во рту. Очевидно, ей нравилось сочетаніе цвѣтовъ розоваго съ голубымъ. Она выронила шерсть, и, присѣвъ на водосточномъ желобѣ, старалась понять, въ чемъ дѣло.

— Нумеръ первый, нумеръ второй, нумеръ четвертый, гдѣ же, провалъ его возьми... (воробьи, не исключая и женскаго рода, всѣ вульгарны), гдѣ же нумеръ третій?

М-ръ Воробей слетѣлъ съ крыши,—онъ несъ кусочекъ желтой матеріи—отъ абажура, насколько я могъ судить.

— Ну, шевелись! — крикнулъ онъ. — Что ты сидишь на дождѣ?

— Я вылетѣла на одну минуту,—отвѣтила м-ссъ Воробей,— нѣтъ, даже и двухъ минутъ не прошло. А когда я вернулась...

— Ступай же домой,—прервалъ м-ръ Воробей,—тамъ разскажешь.

— Объ этомъ-то я и хочу сказать, но ты меня не слушаешь. Нѣтъ дома, и ничего нѣтъ...

— Ничего нѣтъ?...

М-ръ Воробей, сидѣвшій на краю желоба, повернулся на мѣстѣ и оглядѣлъ улицу. Стоя за лавровымъ кустомъ, я могъ видѣть только его спину. Онъ встопорщился и казался разсерженнымъ.

— Что ты сдѣлала съ домомъ? Стоитъ мнѣ на минуту отвернуться...

— Я ничего съ нимъ не сдѣлала. Говорю тебѣ, я только-что вылетѣла...

— Не въ томъ суть, куда ты летала! Куда дѣвался домъ— вотъ что я желаю знать!..

Они переглянулись. Если когда-либо поза птицъ выражала изумленіе—оно выразилось въ положеніи ихъ хвостовъ. Затѣмъ воробьи стали злобно перешептываться. Мнѣ пришло на мысль, что съ помощью силы или хитрости они попытаются завладѣть другимъ гнѣздомъ. Но другія гнѣзда были заняты, и даже съ кроткою Дженни Ласточкой, когда она сидитъ у себя съ дѣтьми, шутки плохи.

М-ръ Воробей подлетѣлъ къ нумеру второму, сунулъ-было туда голову, и затѣмъ вернулся на мѣсто.

— Она сказала, что это не нашъ домъ,—объяснилъ онъ м-ссъ Воробей. Наступило молчаніе.

— Это не особенно аристократическая улица,—замѣтила м-ссъ Воробей.

— Если бы только я не чувствовалъ себя утомленнымъ, я построилъ бы собственный домъ,—сказалъ м-ръ Воробей.

— Попробуй,—сказала м-ссъ Воробей.—Говорятъ, что тебѣ бываетъ полезно поработать отъ времени до времени.

— Мало ли какой вздоръ нынче говорятъ! — сказалъ м-ръ Воробей:—не всякому слуху вѣрь.

— Ничего нѣтъ хорошаго и въ томъ, чтобы сидѣть сложа руки,—чирикнула м-ссъ Воробей,—не забывайте, что я—дама благороднаго происхожденія. Впрочемъ, каждый порядочный человѣкъ и самъ понимаетъ свои обязанности...

— Для чего только я женился!—воскликнулъ м-ръ Воробей. И они улетѣли, перебраниваясь.

VII.

Сколькими чарами обладаетъ музыка, по вашему мнѣнію?

Покойный маэстро Вагнеръ доказывалъ, что музыка,—музыкальная драма, какъ онъ называлъ ее,—включаетъ въ себѣ всѣ искусства. Относительно всѣхъ отраслей музыкальнаго искусства я пожалуй согласенъ съ покойнымъ маэстро Вагнеромъ. Сознаюсь, впрочемъ, — хотя мои музыкальные вкусы могутъ привести въ ужасъ покойнаго маэстро Вагнера,—что по временамъ я оказываюсь неспособенъ одновременно слѣдить за тремя различными мотивами.

— Слушайте! — шепчетъ мнѣ Вагнеровскій энтузіастъ:—корнетъ повторяетъ лейтъ-мотивъ Брунгильды!—Но по моимъ извращеннымъ понятіямъ, корнетъ занятъ далеко не однимъ этимъ мотивомъ.

— Вторыя скрипки,—продолжаетъ Вагнеровскій энтузіастъ,—выносятъ теперь тему Вотана.—Для меня и безъ словъ ясно, что онѣ многое выносятъ: по лицамъ музыкантовъ струится потъ.

— Мѣдные инструменты, — продолжаетъ мой пріятель, поставившій себѣ цѣлью развить мой слухъ, — аккомпанируютъ пѣвцамъ.

Я сказалъ бы: топятъ ихъ. Бываютъ случаи, когда я самъ брежу Вагнеромъ не меньше любого изъ его поклонниковъ. Всѣмъ намъ свойственны аристократическіе порывы. Но разница между прирожденными аристократами и нами, плебеями, трудящимися людьми — та же самая, какая существуетъ хотя бы между орломъ и цыплятами съ птичьяго двора. Я—цыпленокъ съ птичьяго двора, у меня есть крылья. Бываютъ и у меня минуты восторга, когда я готовъ отряхнуть отъ ногъ прахъ земной и воспарить въ область искусства. Я немного летаю, но тѣло мое тяжело, и я могу долетѣть лишь до застрѣхи. Тамъ, по истеченіи нѣкотораго времени, я начинаю чувствовать себя одинокимъ и соскакиваю снова внизъ къ моимъ сотоварищамъ.

Когда въ такіе филистерскіе періоды я слушаю Вагнера,

мои лучшія чувства бываютъ оскорблены. На сценѣ появляется одинокая, беззащитная женщина, тщетно старающаяся о томъ, чтобы ее услышали. Она снискиваетъ себѣ этимъ пропитаніе; быть можетъ, у нея на рукахъ—больная мать, младшіе братья и сестры. Сто-сорокъ мужчинъ, вооруженныхъ громадными инструментами, хорошо организованныхъ и, въ большинствѣ случаевъ, хорошо упитанныхъ, прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы ни единаго звука ея голоса нельзя было разслышать сквозь грохотъ ихъ инструментовъ. Я вижу, какъ она стоитъ, то раскрывая, то закрывая ротъ и все болѣе и болѣе багровѣя въ лицѣ. Безъ сомнѣнія—она поетъ; ее можно бы было слышать, если бы только эти сто-сорокъ человѣкъ дали ей передышку. Она дѣлаетъ могучее послѣднее усиліе; сквозь громъ барабановъ, ревъ трубъ, визгъ скрипокъ—отчетливо прорывается послѣдняя отчаянная нота.

Она побѣдила, но побѣда дорого ей обошлась. Она безъ чувствъ падаетъ на сцену, и ее уносятъ статисты. Рыцарское негодованіе, при видѣ столь нервнаго состязанія, не даетъ мнѣ усидѣть на мѣстѣ. Я чувствую желаніе перескочить барьеръ, сбросить лысаго предводителя ея враговъ съ его высокаго стула и вступить въ бой съ кларнетомъ или тромбономъ,—смотря по тому, кто попадется подъ руку.

— Трусливые забіяки!—хочется мнѣ крикнуть:—какъ вамъ не стыдно? Сто-сорокъ противъ одной, все еще красивой и сравнительно молодой лэди? Замолчите на минуту,—неужели вамъ трудно? Дайте бѣдняжкѣ возможность показать себя.

Знакомая дама говорила мнѣ, что когда она слушаетъ Вагнера, ей кажется, что пѣвцу аккомпанируютъ четыре оркестра, и каждый изъ нихъ играетъ свой собственный мотивъ. Какъ я уже говорилъ, порой Вагнеръ уноситъ меня въ громѣ и вихрѣ своихъ перекрещивающихся гармонизацій. Но, увы, бываетъ пора (послѣобѣденная пора), когда я жажду чего-нибудь, похожаго на мелодію.

Вагнеръ доказываетъ также, что игра и пѣніе должны сливаться воедино. Мнѣ случилось слышать артистовъ, прошедшихъ школу великаго маэстро. Какъ пѣвцы—они не оставляли желать ничего лучшаго, но игра ихъ не удовлетворила меня. Вагнеръ не могъ избѣжать оперной условности, да и никто этого не можетъ. Когда оперный любовникъ встрѣчаетъ свою возлюбленную, онъ отводитъ ее въ уголъ и, повернувшись къ ней спиною, подходитъ къ рампѣ, чтобы доложить публикѣ, какъ онъ ее обожаетъ. Окончивъ, онъ въ свою очередь уда-

ляется въ уголъ, а она выступаетъ впередъ и докладываетъ публикѣ, что она прямо-таки безъ ума отъ него.

Узнавъ, что она любитъ его, онъ въ порывѣ радости выходитъ на правую сторону и говоритъ, что это—счастливѣйшая минута его жизни; она стоитъ съ лѣвой стороны, въ двѣнадцати футахъ отъ него, и у нея является предчувствіе, что счастіе ихъ слишкомъ велико и потому—недолговѣчно. Затѣмъ они вмѣстѣ отходятъ въ глубину, и дальнѣйшая сцена любви уже происходитъ, какъ предполагается, за кулисами.

Я не такъ понимаю сценическую игру. Но я не вижу, какъ можно замѣнить ее чѣмъ-нибудь болѣе естественнымъ. Когда вы поете во всю силу вашихъ легкихъ, вамъ не желательно, чтобы полная женщина висѣла у васъ на шеѣ. Если вы убиваете человѣка, и въ это время пускаете высокую ноту, вамъ не желательно, чтобы онъ юлилъ вокругъ васъ, защищаясь отъ удара. Вы хотите, чтобы онъ благоразумно подождалъ на указанномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, покуда вы не кончите и не скажете ему, или—вѣрнѣе—публикѣ,—до какой степени вы ненавидите и презираете его.

Когда придетъ время и онъ окажется тамъ, гдѣ, думая о вашемъ верхнемъ „do", вы разсчитываете найти его, вы слегка кольнете его мечомъ въ плечо, и тогда онъ можетъ умереть подъ звуки своей собственной аріи.

Если вы были серьезно ранены въ сраженіи или въ какой-нибудь схваткѣ и вамъ приходится пѣть передъ смертью длинную балладу, вы не станете думать о томъ, каковы въ дѣйствительности ощущенія и поступки человѣка, которому осталось прожить всего нѣсколько минутъ. Самое вѣроятное—то, что онъ совсѣмъ бы не захотѣлъ пѣть. Истинно любящая его женщина не позволила бы ему пѣть. Она умоляла бы его лежать спокойно, и позаботилась бы о томъ, нельзя ли чѣмъ-нибудь помочь ему.

Еслибы толпа, жаждущая вашей крови, поднималась по лѣстницѣ, вы не стали бы ожидать ее, стоя съ распростертыми руками далеко отъ двери. При желаніи играть естественно, вы заперли бы дверь и принялись бы кричать благимъ матомъ, чтобы вамъ принесли комодъ, кровать и другія вещи, которыми можно забаррикадировать дверь. Будь вы, наконецъ, королемъ, дающимъ пиръ, вы не пожелали бы сидѣть одиноко въ отдаленномъ концѣ залы, не имѣя другого собесѣдника, кромѣ вашей жены, между тѣмъ какъ ваши гости, повернувшись къ вамъ спиною, исполняли бы длинный и сложный танецъ. Вы захотѣли бы принять участіе въ весельи и показали бы имъ, что вы—король.

Въ драмѣ всѣ эти мелочи принимаются въ соображеніе. Въ оперѣ все, по необходимости, приносится въ жертву музыкѣ. Видѣлъ я молодыхъ, восторженныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, думавшихъ, что они и онѣ могутъ одновременно пѣть и играть. Опытный артистъ выходитъ на середину сцены и собирается съ силами. Негодуетъ ли онъ на то, что у него убили мать, радуется ли тому, что ему придется сразиться съ врагами отчизны, ожидающими лишь той минуты, когда онъ кончитъ пѣть, для того, чтобы напасть на городъ—онъ предоставляетъ композитору это выяснить.

Маэстро Вагнеръ полагалъ также, что для посѣтителей оперы задній планъ декорацій вполнѣ можетъ замѣнить картинную галерею. Зàмокъ на скалѣ, къ которому возможно подняться лишь на воздушномъ шарѣ, причемъ сразу во всѣхъ окнахъ его мгновенно зажигаются огни черезъ минуту послѣ заката солнца, между тѣмъ какъ полная луна восходитъ на небѣ съ быстротою метеора. Удивительное море, раскрывающееся для того, чтобы поглотить корабль, снѣговыя горы, надъ которыми тѣнь героя скользитъ, подобно грозовому облаку, величественный старый зàмокъ, дрожащій отъ вѣтра,—все это можетъ замѣнить посѣтителю оперы всевозможныхъ Коро и Тёрнеровъ. Заплативъ за входъ отъ шиллинга и дороже, онъ можетъ любоваться въ теченіе вечера на десять такихъ полотенъ.

Но, быть можетъ, самою смѣлою изъ надеждъ маэстро Вагнера была мечта его о томъ, что группировка оперныхъ хористовъ можетъ удовлетворить публику по части скульптурной красоты.

Я не вполнѣ увѣренъ въ томъ, насколько большинство публики тяготѣетъ къ скульптурѣ. Не знаю, приходила ли подобная мысль какому-нибудь анархисту, но еслибы я былъ организаторомъ по устройству тайныхъ сборищъ съ недозволенными цѣлями, я пригласилъ бы моихъ товарищей въ отдѣленіе музея, посвященное скульптурѣ. Нѣтъ мѣста болѣе свободнаго отъ подглядываній и подслушиваній. Существуютъ, однако, немногочисленные цѣнящіе скульптуру избранники, и таковые, какъ мнѣ думается, не удовлетворятся созерцаніемъ хористовъ въ разнообразныхъ ихъ костюмахъ.

Если даже теноръ олицетворяетъ идеалъ Аполлона, и сопрано настолько сильфидообразно, насколько ему полагается это по либретто, даже тогда я усомнюсь въ томъ, что оперный хоръ можетъ служить въ глазахъ знатока дешевою и пріятною замѣною барельефа изъ эллинскаго мрамора. Главное, что̀ требуется отъ хориста, это—опытъ.

Особенно восхищаетъ меня въ хорѣ его единодушіе. Вся деревня одѣвается совершенно одинаково. Въ обыкновенныхъ деревняхъ существуетъ соперничество, ведущее къ злобѣ и ревности. Какая-нибудь красавица появится въ день мѣстнаго праздника въ голубомъ уборѣ, и поразитъ всѣ мужскія сердца. На слѣдующемъ праздникѣ другая щеголиха отобьетъ у нея поклонниковъ, благодаря зеленой шляпкѣ. Въ оперныхъ деревняхъ дѣвицы рѣшаютъ, очевидно, туалетный вопросъ заранѣе. По всей вѣроятности, онѣ собираются на митингъ.

— Свадьба нашего дорогого графа, — заявляетъ предсѣдательница,—назначена на четырнадцатое, въ одиннадцать часовъ утра. Вся деревня должна собраться въ десять съ половиной для того, чтобы встрѣтить свадебный поѣздъ и поздравить молодыхъ. Замужнія женщины должны явиться съ мужьями; каждая дѣвушка обязуется привести съ собою кавалера подходящаго къ ней роста. По счастью, въ нашей деревнѣ число жителей мужского и женскаго рода одинаково. Дѣти выдѣлятся въ самостоятельную живописную группу.

— Было бы желательно,—продолжаетъ ораторша,—чтобы деревня встрѣтила нашего дорогого графа гдѣ-нибудь неподалеку отъ мѣстнаго трактира. Костюмъ женщинъ долженъ состоять изъ короткой розовой, доходящей до колѣнъ юбки, убранной гирляндами цвѣтовъ, изъ „болеро" цвѣта мальвы, корсажа декольте и безъ рукавовъ. При чулкахъ тѣлеснаго цвѣта полагаются желтые атласные башмаки. Тѣмъ, что будутъ стоять впереди, слѣдуетъ надѣть жемчужныя ожерелья и вколоть въ прическу простенькіе изумрудные гребни. Слава Богу, мы всѣ можемъ себѣ позволить такую роскошь, и если только погода не испортится и не произойдетъ ничего особеннаго (нашъ графъ не особенно счастливъ въ жизни, и потому нужно быть готовыми ко всякимъ случайностямъ), но если ничего особаго не случится, намъ предстоитъ пріятный день.

Повѣрьте мнѣ, маэстро Вагнеръ, этого нельзя. Музыкальная драма не можетъ замѣнить собою всѣ искусства въ мірѣ. Цѣль искуснаго композитора заключается въ томъ, чтобы мы, слушая его музыку, забыли обо всѣхъ остальныхъ артистическихъ соображеніяхъ.

VIII.

Какимъ образомъ и въ маломъ можно быть счастливымъ.

Народамъ, страдающимъ шовинизмомъ, джингоизмомъ и прочими „измами", къ какой бы странѣ они ни принадлежали, можно посовѣтовать проѣхаться по Голландіи. Теперь принято думать, что счастье измѣряется пространствомъ. Чѣмъ больше страна, тѣмъ лучше въ ней живется. Счастливѣйшій французъ не можетъ быть такъ счастливъ, какъ несчастнѣйшій изъ британцевъ—по той причинѣ, что Британія во много тысячъ миль больше Франціи. При взглядѣ на карты Европы и Азіи, швейцарскій поселянинъ долженъ чувствовать себя безконечно несчастнымъ по сравненію съ русскимъ мужикомъ. Причина, почему всѣ въ Америкѣ счастливы и добры, состоитъ въ томъ фактѣ, что территорія Америки равняется территоріи луны. Американскій гражданинъ, вскочившій не на ту лошадь, пропустившій поѣздъ и потерявшій багажъ—утѣшается этимъ сознаніемъ.

Сообразно этому, рыбы должны были бы чувствовать себя счастливѣйшими изъ смертныхъ, такъ какъ море, судя по атласу (я лично не измѣрялъ его), занимаетъ пространство въ сто-сорокъ-четыре милліона квадратныхъ миль. Но, быть можетъ, и въ морѣ существуютъ невѣдомыя намъ подраздѣленія. Возможно, что живущая у британскихъ береговъ сардинка печальна и недовольна судьбою именно потому, что норвежская сардинка—гордая обитательница моря бо́льшихъ размѣровъ. Потому, быть можетъ, она и покинула берега Британіи. Стыдясь быть британскою сардинкой, она эмигрировала въ Норвегію, приняла тамъ норвежское подданство и теперь снова стала сама собою.

Въ туманные дни счастливый лондонецъ можетъ согрѣваться тою мыслью, что въ британской имперіи никогда не заходитъ солнце. Онъ не часто видитъ солнце, но это уже подробность. Онъ смотритъ на себя, какъ на обладателя солнца; солнце начинаетъ свою краткую жизнь въ британской имперіи и кончаетъ ее въ британской имперіи: во всѣхъ критическихъ вопросахъ жизни солнце всегда на сторонѣ британской имперіи. Неразумные люди другихъ странъ грѣются на солнцѣ и чувствуютъ его тепло, но только—вслѣдствіе своего невѣжества. Они не знаютъ,

что солнце составляетъ часть британскихъ владѣній; знай они это—имъ стало бы холодно.

Сознаю, что мои взгляды могутъ показаться ересью. Никакъ не могу вбить въ свою непатріотическую голову, что надо непремѣнно гоняться за большимъ. Когда я рѣшаюсь высказывать въ Англіи мои несовременные взгляды, меня называютъ плохимъ англичаниномъ. Сначала это очень огорчало меня: я превратился въ тѣнь. Но мало-по-малу я привыкъ. Повсюду со мною повторилось бы то же самое. Въ Нью-Іоркѣ я былъ бы плохимъ американцемъ, въ Константинополѣ—плохимъ туркомъ. Но я намѣревался поговорить о Голландіи. Праздникъ въ Голландіи можетъ служить коррективомъ преувеличенныхъ имперіалистическихъ мечтаній.

Въ Голландіи нѣтъ бѣдныхъ. Быть можетъ, люди тамъ несчастны отъ сознанія, какъ мала ихъ страна; но если это и такъ,—они скрываютъ подобный фактъ.

Съ перваго взгляда голландскій крестьянинъ, покуривающій свою толстую трубку, кажется не меньшею величиной, чѣмъ уайтъ-чепельскій разносчикъ или мальчишка съ парижскаго бульвара. Однажды въ одномъ голландскомъ городѣ я видѣлъ нищаго. Вокругъ него собралась съ разныхъ концовъ цѣлая толпа народа; сначала всѣ думали, что онъ одѣлся нищимъ на пари съ кѣмъ-нибудь. Онъ оказался португальцемъ. Ему предложили—въ ожиданіи лучшаго—работу на докахъ съ платою, въ переводѣ на англійскія деньги, въ десять шиллинговъ за день. На обратномъ пути я освѣдомился о немъ. Мнѣ сказали, что онъ занялъ пару флориновъ у надсмотрщика и уѣхалъ съ вечернимъ поѣздомъ.

Въ Голландіи легко найти работу, и потому поиски работы утрачиваютъ всякую прелесть. Голландскій земледѣлецъ живетъ въ каменномъ домѣ, по большей части ему принадлежащемъ и состоящемъ изъ шести комнатъ. Владѣнія его ограничиваются однимъ акромъ съ небольшимъ, и онъ ѣстъ мясо только разъ въ день. Въ остальное время онъ довольствуется цыплятами, яйцами, сыромъ и пивомъ. Но онъ, тѣмъ не менѣе, рѣдко ропщетъ на судьбу. Его жена и дочь щеголяютъ по воскресеньямъ въ золотыхъ и серебряныхъ уборахъ, стоимостью отъ пятидесяти до ста фунтовъ, и въ домѣ имѣется достаточно старинной утвари изъ олова и дельфтскаго фаянса для того, чтобы устроить мѣстный музей въ любомъ краю, за исключеніемъ Голландіи. По большимъ праздникамъ, которыхъ здѣсь много, голландская женщина такъ изукрашена, что ее стоитъ похитить. Голландская дѣвушка

не нуждается въ журналѣ модъ для того, чтобы знать, какъ ей одѣться: для этого ей лишь стоитъ взглянуть на портретъ ея матери или бабушки, висящій надъ сверкающимъ чистотою каминомъ. Костюмы переходятъ по наслѣдству отъ матери къ дочери, но они шьются изъ солиднаго матеріала; одна моя знакомая, желавшая пріобрѣсти таковой для костюмированнаго бала, оставила эту мысль, узнавъ, во что онъ ей обойдется. Голландская дѣвушка въ воскресномъ платьѣ, не считая украшеній, цѣнится фунтовъ въ пятьдесятъ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ она носитъ плотно прилегающій къ головѣ шлемъ изъ массивнаго золота или серебра. Голландскій женихъ, прежде чѣмъ посвататься, ходитъ нѣкоторое время за нею по пятамъ и смотрится въ ея головной уборъ только для того, чтобы убѣдиться, на мѣстѣ ли у него локонъ на лбу и прямо ли надѣта его шляпа.

Въ другихъ европейскихъ странахъ національный костюмъ вымираетъ; годъ за годомъ модная лавка все расширяетъ свою гнусную торговлю. Но страна Рубенса, Рембрандта, Теньера и Жерара Доу остается вѣрною искусству. Почтовыя карточки ничего не преувеличиваютъ. Мужчины въ удивительныхъ курткахъ мѣшками, изъ кармановъ которыхъ, порою, торчитъ пара цыплячьихъ головокъ,—въ нарядныхъ цвѣтныхъ рубашкахъ, въ чулкахъ изъ англійской шерсти и громадныхъ деревянныхъ башмакахъ, покуривающіе изъ большихъ трубокъ; женщины—въ пестрыхъ, шитыхъ курточкахъ, въ рубашкахъ ослѣпительной бѣлизны, увѣнчанныя безчисленными плоеными оборочками чепцовъ, сверкающія золотомъ и серебромъ,—всѣ эти люди—не созданіе фантазіи художника. Вы можете встрѣтить ихъ вечеромъ, по праздничнымъ днямъ. Они чинно прогуливаются рука-объ-руку или флиртуютъ съ голландскою степенностью.

Въ болѣе холодные дни женщины носятъ цвѣтные шолковые плащи, вытканные дома, изъ-подъ широкихъ складокъ которыхъ порою слышится дѣтскій крикъ; иногда оттуда выглядываетъ головка въ чепчикѣ, смотритъ съ преждевременною серьезностью на окружающій ее игрушечный міръ и затѣмъ снова прячется въ свое убѣжище. Что касается дѣтей—о нихъ можно сказать, что они похожи на голландскихъ куколъ. Но что это за толстенькія, счастливыя, веселыя куклы! Вамъ вспоминаются блѣднолицыя, съ провалившимися глазами куклы, которыми кишатъ другія—великія и потому счастливыя, конечно, страны, и вы начинаете желать, чтобы для нашихъ государственныхъ мужей и выдающихся журналистовъ вопросъ о территоріи игралъ меньшую роль, а счастье и благосостояніе людей—нѣсколько большую.

Голландскій крестьянинъ живетъ на берегу канала и къ дому его ведетъ мостикъ. Но голландскія дѣти—вѣроятно, это уже въ крови у нихъ—никогда не попадаютъ въ каналъ, и голландская мать, повидимому, не допускаетъ такой возможности.

Могу себѣ представить, какъ бы себя чувствовала англійская мать, если бы ей пришлось жить съ семьею въ домѣ, окруженномъ каналами! До того часа, покуда дѣти не лягутъ спать, у нея не было бы ни одной спокойной минуты. Самый видъ канала внушаетъ англійскому ребенку мысль о прелестяхъ неожиданнаго купанья. Я разспрашивалъ по этому поводу одного голландца. Случалось ли, чтобы голландскія дѣти падали въ каналъ?

— Да,—отвѣтилъ онъ,—подобные случаи бывали.

— Дѣлаете ли вы что-нибудь въ такихъ случаяхъ?—спросилъ я.

— О, да,—отвѣтилъ онъ:—мы ихъ вытаскиваемъ.

— Но я хочу сказать, — пояснилъ я,—дѣлаете ли вы что-нибудь для предупрежденія такихъ случаевъ и для того, чтобы они не повторялись съ дѣтьми?

— Да,—отвѣтилъ онъ:—мы ихъ ростимъ.

Въ Голландіи всегда вѣтеръ; онъ дуетъ съ моря. Остановить его стремленіе — невозможно. Онъ перескакиваетъ черезъ низкія плотины, носится съ крикомъ по грустнымъ мягкимъ дюнамъ и воображаетъ, что онъ разгуляется во всю и надѣлаетъ въ странѣ не мало бѣдъ. Но голландецъ только посмѣивается за своею большою трубкой, едва лишь дѣло доходитъ до рева и завыванья.

— Добро пожаловать, другъ милый!—ухмыляется онъ:—реви себѣ и шуми. Чѣмъ ты сильнѣе, тѣмъ лучше для меня.

И какъ только вѣтеръ миновалъ длинныя прямыя плотины, и оказался внутри волнистой линіи песчаныхъ дюнъ, голландецъ овладѣваетъ имъ и не выпускаетъ до тѣхъ поръ, покуда тотъ не передѣлаетъ всей работы.

Вѣтеръ — слуга голландца; прежде чѣмъ онъ вырвется на свободу, онъ обязанъ пустить въ ходъ десять тысячъ мельницъ, выкачать воду, перепилить дрова, освѣтить городъ, выковать желѣзо, выпрясть пряжу, подогнать большія, тяжеловѣсныя, молчаливыя перевозныя баржи и поиграть съ дѣтьми въ саду. Онъ возвращается къ морю уже остепенившимся, заработавшимся, усталымъ вѣтромъ, а голландецъ со своею вѣчной трубкой— только посмѣивается ему вслѣдъ. Иногда въ Голландіи, спускаясь внизъ по каналу, вы слышите постоянный тихій шумъ, похожій на шорохъ вѣтра среди колосьевъ. Это — непрекращающееся

жужжаніе мельничныхъ крыльевъ. Далеко на морѣ вѣтеръ—безумный дикарь; онъ бьется, реветъ, уничтожаетъ безцѣльно. Здѣсь, на мельничной улицѣ, онъ—вѣтеръ цивилизованный, тихо посвистывающій за работою.

Болѣе всего плѣняютъ насъ въ Голландіи опрятность и чистота.

Быть можетъ, съ голландской точки зрѣнія и тутъ встрѣчаются недочеты. Здѣшняя домашняя жизнь представляется мнѣ сплошною чисткой и уборкой. Молочное ведро считается негоднымъ для употребленія до тѣхъ поръ, покуда въ него нельзя смотрѣться какъ въ зеркало. Большія мѣдныя кострюли, висящія подъ навѣсомъ, съ наружной стороны дома, сверкаютъ какъ червонное золото. Вы могли бы обѣдать на красномъ кирпичномъ полу, еслибы вымытый до цвѣта сливочнаго сыра столъ не оказывался болѣе для этого пригоднымъ. У каждаго порога стоитъ пара деревянныхъ башмаковъ, и горе тому голландцу, который бы вздумалъ переступить его не въ однихъ чулкахъ!

Деревянные башмаки подчиняются модѣ. Каждую весну ихъ красятъ заново. Въ одномъ округѣ цвѣтъ ихъ—оранжевый, въ другомъ — красный, въ третьемъ — бѣлый, цвѣтъ невинности и чистоты. Щеголи допускаютъ украшеніе въ видѣ звѣзды или фриза на носкѣ. Ходить въ нихъ не такъ легко, какъ кажется, а бѣгать въ сабо—я бы никому не посовѣтовалъ.

— Какъ вы бѣгаете въ деревянныхъ башмакахъ?—спросилъ я однажды у голландца.—Я попробовалъ, но ушибся.

— Мы не бѣгаемъ,—отвѣчалъ голландецъ.

При помощи наблюденія я убѣдился въ его правотѣ. Голландскій мальчикъ предпочитаетъ бѣгать на рукахъ и перепрыгиваетъ черезъ голову другихъ мальчиковъ при встрѣчѣ.

Дороги въ Голландіи—прямыя, ровныя, осѣненныя деревьями; изъ окна вагона кажется, что онѣ удобны для велосипедистовъ, но это—иллюзія. Мнѣ случилось пріѣхать изъ Гарвича съ извѣстнымъ художникомъ-рисовальщикомъ и весьма извѣстнымъ юмористомъ. Они захватили съ собой велосипеды, намѣреваясь предпринять поѣздку по Голландіи.

Недѣли двѣ спустя, я встрѣтилъ въ Дельфтѣ ихъ, или—лучше сказать—ихъ останки. Сначала я пришелъ въ ужасъ: мнѣ показалось, что они перепились Они не могли стоять, не могли сидѣть спокойно; они дрожали всѣми членами и щелкали зубами, при каждой попыткѣ заговорить. У юмориста не осталось ни одной шуточки; художникъ былъ бы не въ состояніи получить собственный гонораръ; онъ выронилъ бы его по дорогѣ въ

карманъ. Голландскія дороги вымощены на всемъ ихъ протяженіи громадными круглыми камнями, по которымъ прыгаетъ, скачетъ и ныряетъ вашъ велосипедъ.

Если вы желаете осмотрѣть въ Голландіи не одни большіе города, вы должны имѣть нѣкоторое понятіе о голландскомъ языкѣ. Голландскій языкъ—я это говорю въ качествѣ любителя—похожъ на плохую, съ дурнымъ произношеніемъ нѣмецкую рѣчь. Что до меня—мой нѣмецкій языкъ оказывается даже пригоднѣе для Голландіи, чѣмъ для Германіи. Англо-саксамъ нечего отваживаться на голландское G. Въ смыслѣ успѣха это безнадежно; бывали случаи, что подобная попытка приводила къ разрыву сношеній. Мое G, предшествуемое покашливаніемъ и сопровождаемое всхлипываніемъ—всего болѣе подходитъ къ настоящему. Но, тѣмъ не менѣе, оно еще не совершенно.

Необходимо знать заранѣе, сколько времени вы намѣрены пробыть въ Голландіи? Люди говорятъ о дорогой старой Англіи, но самая дорогая на всемъ бѣломъ свѣтѣ страна—Голландія. Флоринъ равняется французскому франку и англійскому шиллингу. Говорятъ, что въ Голландіи дешевы сигары. Дешевой голландской сигары вамъ хватитъ на цѣлый день. До тѣхъ поръ, покуда вы не забудете ея вкуса, вы не пожелаете курить. Мнѣ знакомъ человѣкъ, высчитавшій, что онъ сберегъ сотни фунтовъ вслѣдствіе того, что въ теченіе мѣсяца онъ упорно курилъ голландскія сигары. Прошли года, прежде чѣмъ у него явилось желаніе покурить.

Наблюдая за постройками въ Голландіи, вы наглядно убѣдитесь въ существованіи того, что считали ранѣе простою формулой, а именно въ томъ, что вся страна построена на сваяхъ. На двѣнадцати футахъ ниже уровня улицы вы видите земледѣльцевъ, которые, стоя въ рыбацкихъ лодкахъ по колѣна въ водѣ,—вбиваютъ огромныя деревянныя сваи въ грязь. Я чувствовалъ бы себя нервнымъ какъ котенокъ, если бы мнѣ пришлось жить въ одномъ изъ верхнихъ этажей. Но голландецъ высовывается изъ окна, выступающаго надъ улицею на шесть футовъ выше перпендикуляра, и съ довольнымъ видомъ покуриваетъ трубку.

Въ Голландіи существуетъ пріятное обыкновеніе ставить желѣзнодорожные часы минутъ на двадцать—впереди или позади городскихъ — теперь не могу сказать въ точности. Да и самъ голландецъ этого не знаетъ.

— Еще успѣете,—говоритъ онъ.

— Но поѣздъ отходитъ въ десять,—замѣчаете вы,—до вокзала цѣлая миля, а теперь половина десятаго.

— Онъ отходитъ въ десять часовъ двадцать минутъ,—отвѣчаетъ онъ,—у васъ еще цѣлый часъ.

Пять минутъ спустя, онъ хлопаетъ васъ по плечу.

— Я ошибся. Поѣздъ идетъ въ десять безъ двадцати минутъ. А то—на другой линіи.

Другой голландецъ принимается доказывать, что первое его предположеніе справедливо. Они начинаютъ добираться до истины научнымъ способомъ.

Тѣмъ временемъ вы вскакиваете въ кэбъ. Результатъ всегда одинъ и тотъ же: или вы пріѣхали на десять минутъ раньше, или на двадцать минутъ позже, чѣмъ слѣдуетъ. На платформѣ вы всегда встрѣтите массу женщинъ, подробно объясняющихъ мужьямъ, что некуда было торопиться, или что нужно было выѣхать часа на полтора заранѣе, но въ томъ, какъ и въ другомъ случаѣ, виноватыми оказываются, конечно, мужья. Мужчины шагаютъ взадъ и впередъ и бранятся.

Заходила рѣчь о томъ, чтобы согласовать городскіе часы съ желѣзнодорожными. Противъ этого было, однако, приведено возраженіе, что въ такомъ случаѣ у голландца не осталось бы ровно никакихъ поводовъ для озабоченности и неудовольствія.

IX.

Говорить ли намъ то, что мы думаемъ, или думать то, что мы говоримъ?

У меня есть безумный другъ, утверждающій, что характерною чертою нашего времени является обманъ. Онъ доказываетъ, что всѣ общественныя отношенія зиждутся на обманѣ. Служанка входитъ съ докладомъ о пріѣздѣ м-ра и м-ссъ Скучнякъ.

— Проклятіе!—восклицаетъ хозяинъ.

— Тише,—говоритъ хозяйка,—закройте дверь, Сюзанна,—сколько разъ я должна вамъ повторять, чтобы вы запирали двери?

Хозяинъ идетъ на цыпочкахъ наверхъ и запирается у себя въ кабинетѣ. Хозяйка оправляется передъ зеркаломъ и выжидаетъ до тѣхъ поръ, покуда съ лица ея не изгладятся всякіе слѣды неудовольствія, и уже затѣмъ входитъ въ гостиную съ протянутыми руками и съ видомъ человѣка, привѣтствующаго посѣщеніе ангеловъ. Она такъ рада видѣть Скучняковъ! Какъ мило съ ихъ стороны, что они вздумали наконецъ заѣхать! Почему же они не привезли съ собою другихъ Скучняковъ? Гдѣ

этотъ шалунъ — Скучнякъ-младшій? Неужели они такъ-таки и не увидятъ его больше? А прелестная малютка Флосси Скучнякъ? Слишкомъ молода для того, чтобы ѣздить по гостямъ? Какіе пустяки! И пріемный день — не въ пріемный день, если не соберутся всѣ Скучняки.

Скучняки, надѣявшіеся не застать ее дома и явившіеся лишь оттого, что по этикету полагается посѣщать знакомыхъ не менѣе четырехъ разъ въ сезонъ, объясняютъ, что они все время стремились сюда.

— Сегодня мы окончательно рѣшили, что ѣдемъ къ вамъ, — повторяетъ м-ссъ Скучнякъ, — „милый Джонъ", — сказала я поутру, — „сегодня я, во что бы то ни стало, ѣду къ дорогой м-ссъ Ограниченной".

По тону ея можно понять, что если бы сегодня ихъ вздумалъ посѣтить самъ принцъ Уэльскій, — и его попросили бы заѣхать вечеромъ или въ какой-нибудь другой день. Сегодня Скучняки рѣшили доставить себѣ исключительное удовольствіе: побывать у м-ссъ Ограниченной.

— А какъ здоровье вашего мужа? — спрашиваетъ м-ссъ Скучнякъ.

Хозяйка на минуту нѣмѣетъ и настораживаетъ уши.

Она слышитъ, какъ онъ прокрадывается въ прихожую. Она слышитъ, какъ тихо открывается и закрывается входная дверь. Тогда она приходитъ въ себя. Она думала о томъ, какъ будетъ огорченъ ея мужъ, когда узнаетъ, какого удовольствія онъ лишился!

Такъ обстоитъ дѣло не только со „скучняками" и „ограниченными", но даже и съ нами, хотя мы — ни то, ни другое. Всѣ круги общества зиждутся на иллюзіи, что каждый изъ насъ очаровательенъ, что всѣ мы рады видѣть каждаго, что каждый радъ видѣть насъ, что со стороны каждаго очень мило навѣстить насъ, что мы въ отчаяньи отъ его ухода.

Что бы мы предпочли: — остаться въ кабинетѣ и докурить сигару или — спѣшить въ гостиную, гдѣ миссъ Кринъ собирается пѣть? Можно ли задавать подобный вопросъ? Мы такъ спѣшимъ, что даже толкаемъ другъ друга. Миссъ Кринъ, въ сущности, не стала бы пѣть, но если мы настаиваемъ... Конечно, мы настаиваемъ. Миссъ Кринъ, послѣ милой нерѣшимости, уступаетъ. Мы стараемся не глядѣть другъ на друга, и сидимъ, поднявъ глаза къ потолку. Миссъ Кринъ кончаетъ и встаетъ изъ-за рояля.

— Почему такъ мало? — говоримъ мы, едва лишь смолкаютъ аплодисменты. Увѣрена ли миссъ Кринъ, что она спѣла романсъ цѣликомъ? Или она, недобрая, пропустила куплетъ? Миссъ

Кринъ увѣряетъ, что тутъ виноватъ композиторъ. Но она знаетъ другой романсъ. При этомъ намекѣ наши лица проясняются. Мы требуемъ другого романса.

Вино нашего хозяина всегда оказывается самымъ лучшимъ, какое намъ когда-либо случалось пить.—Пожалуйста, еще стаканчикъ!—„Невозможно, докторъ строго запретилъ". А хозяйская сигара? Мы и не подозрѣвали о существованіи такихъ сигаръ въ наше время. Но мы положительно не въ состояніи выкурить другую. Если онъ уже такъ настаиваетъ, мы возьмемъ ее съ собой. А кофе хозяйки! Не откроетъ ли она намъ рецептъ его приготовленія? А ребенокъ? Право, это не поддается выраженію. Вообще, дѣти—какъ дѣти. Откровенно говоря, мы не видѣли въ дѣтяхъ ничего особеннаго и даже считали неискреннимъ восхищеніе ими. Но этотъ ребенокъ! Мы чуть-было не спросили: откуда они его достали? А какъ продекламировала маленькая Дженетъ „Сцену у дантиста"! До сихъ поръ любительское чтеніе какъ-то не производило на насъ впечатлѣнія. Но эта дѣвочка геніальна. Ее слѣдуетъ готовить для сцены. Мать ея не совсѣмъ одобряетъ артистическую карьеру. Но мы стоимъ за сцену: нельзя ее лишать подобнаго таланта.

Каждая невѣста—красавица. Каждая невѣста кажется очаровательной въ простомъ костюмѣ изъ... (смотри подробности въ мѣстной газетѣ). Каждая свадьба является поводомъ для всеобщаго ликованія. Съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ, мы рисуемъ ожидающее новобрачныхъ идеальное счастье. Можетъ ли оно быть иначе? Она—дочь своей матери. (Громкое „ура!") Онъ—мы хорошо знаемъ его! (Еще болѣе громкое „ура!") При этомъ у неблаговоспитанныхъ молодыхъ людей, сидящихъ въ концѣ стола, невольно вырывается тотчасъ же подавленное фырканье.

Мы вносимъ обманъ даже въ религію. Сидя въ церкви, мы въ опредѣленное время полными самодовольства голосами заявляемъ Всевышнему о томъ, что мы—жалкіе черви, что въ насъ нѣтъ ничего добраго. Такъ оно полагается и никому не вредитъ.

Мы до тѣхъ поръ увѣряемъ себя, что каждая женщина добра, что каждый мужчина благороденъ, покуда они противъ нашей воли не заставляютъ повѣрить обратному. Тогда мы начинаемъ на нихъ гнѣваться и разъясняемъ имъ, что такимъ грѣшникамъ не мѣсто среди насъ—людей совершенныхъ. Горе, причиненное намъ смертью богатой тетки, мы едва бываемъ въ состояніи перенести. Портные и обойщики, помогающіе намъ хотя отчасти выразить наше огорченіе, составляютъ себѣ состояніе. Мы утѣшаемся только тѣмъ, что она переселилась въ лучшій міръ. Всѣ

переселяются въ лучшій міръ, когда имъ уже нечего дѣлать въ этомъ. Священникъ настолько увѣренъ въ подобномъ фактѣ, что у него уже имѣется заранѣе составленная на этотъ случай и напечатанная въ маленькой книжкѣ формула. Будучи ребенкомъ, я очень удивлялся тому, что всѣ люди попадаютъ въ рай. Вспоминая всѣхъ умершихъ, я рисовалъ себѣ рай переполненнымъ. Мнѣ становилось почти жаль чорта, къ которому, такъ сказать, никто не заглядываетъ. Онъ рисовался мнѣ въ видѣ одинокаго, пожилого джентльмена, сидящаго у воротъ день за днемъ, уже готоваго утратить всякую надежду и говорящаго себѣ, что, пожалуй, не стоитъ оставаться на посту.

Старая нянька, которой я вздумалъ однажды довѣриться, выразила убѣжденіе, что если я буду говорить такимъ образомъ, я такъ или иначе попадусь чорту въ лапы. Вѣроятно, я былъ очень испорченнымъ малышомъ. Мысль о томъ, какъ онъ встрѣтитъ меня, первое явившееся къ нему послѣ многихъ лѣтъ человѣческое существо — показалась мнѣ не лишенною очарованія: разъ въ жизни, по крайней мѣрѣ, на меня обратятъ вниманіе.

На каждомъ публичномъ митингѣ главный ораторъ всегда бываетъ „честный, славный малый". Люди съ Марса, читая наши газеты, вынесли бы убѣжденіе, что каждый членъ парламента — веселый, добродушный, съ благороднымъ сердцемъ и великой душою, святой человѣкъ, сохранившій въ себѣ частицу земного ровно настолько, чтобы не быть взятымъ живымъ на небо. Развѣ не вся публика, объединенная общимъ порывомъ, громовыми криками трижды провозглашаетъ его „честнымъ, славнымъ малымъ"? Таково общее мнѣніе. Мы всегда выслушивали съ величайшимъ удовольствіемъ блестящую рѣчь оратора, только-что сѣвшаго на свое мѣсто. Мы не зѣвали; мы, раскрывъ ротъ, упивались его краснорѣчіемъ.

Чѣмъ выше мы поднимаемся по лѣстницѣ, тѣмъ шире оказывается неизбѣжный фундаментъ иллюзіи. Если съ великимъ человѣкомъ случается несчастіе, окружающіе его маленькіе люди утрачиваютъ всякій интересъ къ жизни. А такъ какъ міръ отчасти переполненъ великими людьми и съ ними часто случается то или другое, то надо удивляться, какъ міръ еще влачитъ свое существованіе.

Нѣсколько времени тому назадъ, заболѣлъ нѣкій замѣчательный и добрый человѣкъ. Я читалъ ежедневно въ газетахъ, что вся страна погружена въ скорбь. Обѣдающіе въ ресторанахъ люди, слыша отъ лакеевъ это извѣстіе, опускаютъ голову на столъ и заливаются слезами. Незнакомые люди, встрѣчаясь на улицахъ, падаютъ другъ другу въ объятія и рыдаютъ, какъ ма-

ленькія дѣти. Въ это время я какъ-разъ былъ за границею, но уже собирался домой. Мнѣ было прямо стыдно возвращаться. Я посмотрѣлся въ зеркало и почувствовалъ смущеніе при видѣ собственнаго моего лица: это было лицо человѣка, не знавшаго огорченій въ теченіе цѣлыхъ недѣль. Предстать въ подобномъ видѣ передъ лицомъ удрученнаго горемъ народа значило бы усилить его скорбь. Мнѣ стало ясно, что у меня мелко-эгоистическая натура. Моей пьесѣ посчастливилось въ Америкѣ, и для спасенія собственной жизни я не могъ бы принять страдальческаго вида. Были даже такія минуты, когда я, переставъ слѣдить за собою, принимался насвистывать.

При малѣйшей возможности я остался бы за границею до тѣхъ поръ, покуда какой-нибудь ударъ судьбы не привелъ бы меня въ одинаковое настроеніе съ моими соотечественниками. Но у меня оказались неотложныя дѣла. Первый человѣкъ, съ которымъ пришлось мнѣ говорить въ Дуврѣ, былъ таможенный. Горе могло бы сдѣлать его нечувствительнымъ къ тому факту, что у меня оказались четыре дюжины сигаръ. Но онъ, наоборотъ, очевидно обрадовался своей находкѣ. Онъ потребовалъ за нихъ штрафъ и ухмыльнулся, получивъ его. На платформѣ какая-то дѣвочка разсмѣялась изъ-за того, что дама уронила картонку на собаку,—но вѣдь дѣти вообще смѣшливы, и притомъ она, быть можетъ, еще не слыхала этого извѣстія. Я гораздо болѣе удивился, когда въ вагонѣ я увидѣлъ господина почтенной наружности, читавшаго юмористическій журналъ. Правда, онъ не очень смѣялся: онъ понималъ, насколько это было бы неприлично, но до сатирическихъ ли журналовъ пораженнымъ скорбью гражданамъ?

Не пробывъ въ Лондонѣ и часа, я пришелъ къ заключенію, что мы—англичане—удивительно умѣемъ владѣть собою. Судя по газетамъ, лишь день тому назадъ, всей націи грозила опасность захирѣть и умереть отъ разбитаго сердца. Но въ какой-нибудь одинъ день нація взяла себя въ руки.

„Мы плакали цѣлый день,—сказала она себѣ,—мы плакали цѣлую ночь. Это не помогло. Понесемъ же снова бремя жизни“.

Многіе изъ насъ, какъ я замѣтилъ это за обѣдомъ въ отелѣ, съ охотою принялись за ѣду.

Мы создаемъ себѣ иллюзіи по поводу самыхъ серьезныхъ вещей. На войнѣ солдаты каждой арміи бываютъ всегда самыми храбрыми въ мірѣ. Солдаты другой страны—всегда предатели и хитрецы; поэтому они порою и одерживаютъ побѣды. Литература—искусство обмана.

— Теперь садитесь въ кружокъ,—говоритъ авторъ,—бросайте мнѣ въ шапку мѣдныя монеты, а я заставлю васъ повѣрить, что въ Бэйсуотерѣ живетъ молодая дѣвица Анжелина, прекраснѣе которой нѣтъ дѣвицы въ мірѣ. Предположимъ еще, что въ Ноттингъ-Гиллѣ живетъ молодой человѣкъ по имени Эдвинъ, влюбленный въ Анжелину.

И какъ только въ шапкѣ наберется достаточное количество пенсовъ, авторъ принимается разсказывать, что Анжелина сдѣлала и сказала то-то и то-то, и что Эдвинъ совершилъ много замѣчательнаго. Мы знаемъ, что онъ выдумалъ все это походя. Мы знаемъ, что онъ выдумываетъ вещи, могущія доставить намъ удовольствіе. Онъ со своей стороны долженъ себя увѣрить, что сочиняетъ все это въ силу внутренняго побужденія: потому что не можетъ безъ этого обойтись. Но мы прекрасно знаемъ, что еслибы мы перестали бросать пенсы въ его шляпу, то онъ обошелся бы.

Театральный антрепренеръ бьетъ въ свой барабанъ.

— Пожалуйте къ намъ, пожалуйте къ намъ! — зазываетъ онъ. — Мы станемъ васъ увѣрять, что м-ссъ Джонсонъ—принцесса, а старикъ Джонсонъ — пиратъ. Пожалуйте, пожалуйте! Не опоздайте.

И м-ссъ Джонсонъ, дѣлая видъ, что она — принцесса, выходитъ изъ шаткаго зданія, долженствующаго изображать замокъ, а старикъ Джонсонъ, дѣлая видъ, что онъ—пиратъ, появляется на другой качающейся штукѣ, которую мы соглашаемся принимать за океанъ. М-ссъ Джонсонъ старается убѣдить насъ въ томъ, что она влюблена въ него, хотя мы знаемъ, что она не влюблена. И Джонсонъ прикидывается очень страшнымъ человѣкомъ, а м-ссъ Джонсонъ притворяется—до одиннадцати часовъ,—что она вѣритъ ему. И мы платимъ—отъ шиллинга до полъ-соверена — за то, чтобы сидѣть и слушать ихъ въ теченіе двухъ часовъ.

Такъ утверждаетъ мой пріятель, но онъ, какъ я уже замѣтилъ вначалѣ, не въ своемъ умѣ.

X.

Почему мы ненавидимъ иностранцевъ?

Преимущество иностранца надъ англичаниномъ состоитъ въ томъ, что онъ добродѣтеленъ по природѣ. Онъ не стремится, какъ мы, стать добродѣтельнымъ. Онъ не вступаетъ, какъ мы,

въ новый годъ съ рѣшимостью идти стезею добра, что съ грѣхомъ пополамъ удается намъ до половины января. Онъ бываетъ добродѣтеленъ круглый годъ.

Когда ѣдущему въ трамваѣ иностранцу приказываютъ входить или выходить съ ближайшей стороны, ему даже въ голову не придетъ, что входъ и выходъ возможны и съ противоположной стороны. Однажды я былъ въ Брюсселѣ свидѣтелемъ того, какъ беззаконный иностранецъ дерзко покусился войти въ вагонъ съ неуказанной стороны. Дверь была открыта; онъ стоялъ возлѣ нея. Еслибы ему пришлось обойти бывшую у него на пути линію для того, чтобы сѣсть въ вагонъ съ указанной стороны, онъ опоздалъ бы. Онъ вошелъ, пользуясь тѣмъ, что кондукторъ не глядѣлъ въ его сторону, и занялъ мѣсто. Удивленіе кондуктора, когда онъ замѣтилъ новаго пассажира, было безгранично. Какъ онъ попалъ сюда? Кондукторъ все время стоялъ у входа и не видѣлъ, чтобы онъ прошелъ мимо. Правда, по прошествіи нѣкотораго времени, правдивое объясненіе этого факта мелькнуло въ умѣ кондуктора, но онъ все еще колебался, не рѣшаясь обвинить человѣка въ такомъ грѣхѣ.

Кондукторъ обратился къ самому пассажиру. Чему приписать его присутствіе: чуду или преступленію?

Пассажиръ сознался. Кондукторъ, болѣе огорченный, чѣмъ разгнѣванный, тотчасъ же предложилъ ему сойти. Репутація трамвая не должна пострадать. Пассажиръ выказалъ упорство; тогда вагонъ остановили и призвали жандармовъ. Казалось, что они вдругъ выросли изъ-подъ земли и стали подъ команду внушительной наружности сержанта. Сначала сержантъ почти отказывался вѣрить заявленію кондуктора. Даже теперь, если бы пассажиръ заявилъ, что онъ вошелъ съ надлежащей стороны, ему повѣрили бы. Съ точки зрѣнія иностранныхъ властей легче было допустить, что кондукторъ былъ пораженъ временною слѣпотой, нежели повѣрить, что рожденный женщиною человѣкъ могъ умышленно совершить поступокъ, воспрещенный печатнымъ объявленіемъ.

Случись это со мною, я попросту солгалъ бы, и тѣмъ избавился бы отъ бѣды. Но онъ былъ гордъ или не имѣлъ здраваго смысла (одно изъ двухъ!), и потому упорно держался истины. Ему было приказано немедленно сойти и ожидать слѣдующаго вагона. Отовсюду прибывали новыя жандармскія силы: сопротивленіе оказывалось немыслимымъ. Онъ сказалъ, что выйдетъ. Теперь онъ уже намѣревался сойти съ надлежащей стороны, но это не удовлетворило бы правосудія. Онъ вошелъ съ неука-

занной стороны и долженъ выйти съ неуказанной. Сообразно этому, его высадили на рельсы, и послѣ этого кондукторъ еще прочелъ ему проповѣдь о томъ, какъ рискованно входить и выходить съ ненадлежащей стороны.

Въ Германіи есть законъ,—превосходный законъ, который не мѣшало бы ввести въ Англіи,—воспрещающій сорить на улицахъ бумагою. Мой пріятель, англійскій офицеръ, разсказывалъ мнѣ, что однажды въ Дрезденѣ, будучи незнакомъ съ этимъ закономъ, онъ разорвалъ длинное письмо на пятьдесятъ кусочковъ и бросилъ ихъ на мостовую. Его остановилъ полицейскій, который въ очень вѣжливой формѣ сообщилъ ему о существованіи такого закона. Мой пріятель-офицеръ согласился съ тѣмъ, что это—очень хорошій законъ, поблагодарилъ полицейскаго за разъясненіе и сказалъ, что на будущее время онъ намѣренъ съ нимъ сообразоваться. Тогда полицейскій сказалъ, что относительно будущаго это, конечно, улаживаетъ дѣло, но необходимо уладить его и въ настоящемъ: тутъ онъ указалъ на валявшіеся вокругъ лоскутки письма — около 50-ти счетомъ. Пріятель мой офицеръ пріятно разсмѣялся и сознался, что онъ не знаетъ, какъ помочь горю. Полицейскій, болѣе находчивый, чѣмъ онъ, нашелъ, однако, выходъ. Онъ состоялъ въ томъ, что пріятель мой офицеръ долженъ приняться за работу и подобрать обрывки письма — счетомъ около пятидесяти. Пріятель мой — генералъ въ отставкѣ, обладающій представительною наружностью; обращеніе его не лишено по временамъ надменности. Онъ не могъ представить себя ползающимъ среди бѣла дня на четверенькахъ по главной улицѣ Дрездена и подбирающимъ бумажки.

И самъ нѣмецкій полицейскій согласился съ тѣмъ, что положеніе неловкое. Если англійскій генералъ на это не согласенъ, имѣется и другой выходъ. Пусть англійскій генералъ послѣдуетъ въ сопровожденіи толпы зѣвакъ за полицейскимъ до ближайшей тюрьмы, до которой отсюда около трехъ миль ходьбы. Такъ какъ теперь часа четыре, они, по всей вѣроятности, уже не застанутъ судью. Но самая удобная изъ тюремныхъ камеръ будетъ предоставлена въ распоряженіе генерала, и онъ, полицейскій, не сомнѣвается, что, уплативъ штрафъ въ сорокъ марокъ, генералъ будетъ отпущенъ на свободу завтра въ такое же время. Генералъ предложилъ заплатить какому-нибудь мальчику за собираніе бумажекъ. Полицейскій заявилъ, что буква закона этого не допускаетъ.

— Я обдумалъ дѣло,—разсказывалъ мой пріятель,—разсмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, включая возможность сбить этого

малаго съ ногъ и удрать, и я пришелъ къ заключенію, что, въ общемъ, первое его предложеніе причинитъ мнѣ менѣе хлопотъ. Но я не имѣлъ понятія о томъ, до какой степени трудно собирать мелкія бумажки съ каменныхъ плитъ! Это отняло у меня почти десять минутъ и послужило развлеченіемъ для тысячи людей—по приблизительному подсчету. Но все же это—хорошій законъ; я только предпочелъ бы заранѣе знать о его существованіи.

Однажды мнѣ пришлось быть съ американскою лэди въ нѣмецкой оперѣ.

Въ германскихъ театрахъ дамы сидятъ безъ шляпъ, и я опять-таки желаю, чтобы оно было такъ и въ Англіи. Но американскія лэди привыкли не соблюдать предписанныхъ мужчинами правилъ. Она объявила швейцару, что она останется въ шляпѣ; тотъ со своей стороны объяснилъ ей, что она не останется: оба они нѣсколько разгорячились. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отойти и купить програму; чѣмъ меньшее количество людей вмѣшивается въ споръ, тѣмъ бываетъ лучше.

Моя спутница откровенно заявила швейцару, что она не обратитъ вниманія ни на какія его слова. Онъ вообще не казался человѣкомъ разговорчивымъ, и, быть можетъ, такое заявленіе обезкуражило его. Во всякомъ случаѣ, онъ даже не попытался возразить. Онъ только продолжалъ стоять на самой серединѣ прохода и, казалось, думалъ о чемъ-то далекомъ. Проходъ былъ около четырехъ футовъ ширины, а швейцаръ имѣлъ въ поперечникѣ не менѣе трехъ футовъ шести дюймовъ и вѣсилъ около семи пудовъ. Я занялся, какъ уже говорилъ, покупкою программы, а когда я вернулся, моя знакомая держала шляпу въ рукахъ и втыкала въ нее головныя булавки съ такимъ видомъ, какъ будто это была не шляпа, а сердце швейцара. Ей не хотѣлось слушать оперу; она все время порывалась говорить о швейцарѣ, но сидѣвшая вокругъ публика не допустила ее даже до этого.

Съ тѣхъ поръ она провела въ Германіи три зимы. Теперь, когда дверь бываетъ открыта передъ нею и она могла бы, казалось, безпрепятственно пройти къ своему мѣсту, по лицо оффиціальное, покачавъ головою, объясняетъ ей, что она должна подняться двумя этажами выше, пройти по корридору и снова спуститься внизъ для того, чтобы сѣсть на свое мѣсто, она извиняется въ своей ошибкѣ и отходитъ съ пристыженнымъ видомъ.

Правительства на континентѣ въ совершенствѣ выдрессировали своихъ гражданъ. Первый законъ на континентѣ—повино-

веніе. Мнѣ кажется вполнѣ достовѣрнымъ преданіе объ испанскомъ королѣ, едва не утонувшемъ изъ-за того, что сановникъ, на обязанности котораго лежало—вытаскивать изъ воды испанскихъ королей, какъ разъ около этого времени скончался и преемникъ ему еще не былъ назначенъ. Если вы, имѣя билетъ перваго класса, сядете во второй, вы подвергаетесь за это на континентѣ тюремному заключенію. Какая кара полагается за проѣздъ съ билетомъ втораго класса въ первомъ — не могу сказать въ точности,—по всему вѣроятію, смертная казнь,—но одинъ изъ моихъ друзей чуть было не удостовѣрился въ этомъ по опыту.

Не будь онъ такъ прямолинейно-честенъ, все обошлось бы благополучно. Онъ — одинъ изъ людей, гордящихся своею честностью. Кажется, ему прямо-таки доставляетъ удовольствіе быть честнымъ. Онъ взялъ билеты второго класса для поѣздки по горной желѣзной дорогѣ, но, случайно встрѣтивъ на платформѣ знакомую даму, вошелъ съ нею въ отдѣленіе перваго класса. По прибытіи на мѣсто, онъ сказалъ это кондуктору и, держа въ рукѣ портмонэ, спросилъ: сколько онъ долженъ приплатить?

Его увели въ какую-то комнату и заперли дверь. Былъ составленъ протоколъ, который ему прочли вслухъ и заставили подписать, а затѣмъ послали за полицейскимъ. Полицейскій подвергъ его перекрестному допросу въ теченіе четверти часа. Его ссылкѣ на даму не повѣрили. Гдѣ была дама? Онъ этого не зналъ. Обыскали окрестности, но не нашли ее. Онъ высказалъ предположеніе, оказавшееся справедливымъ, что, соскучившись бродить по станціи, она отправилась въ горы. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ сосѣднемъ городѣ, анархисты что-то учинили, а потому полицейскій предложилъ обыскать виновнаго, чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли при немъ бомбъ.

По счастью, тутъ подоспѣлъ агентъ Кука, сопровождавшій партію туристовъ, который взялъ на себя трудъ объяснить въ деликатныхъ выраженіяхъ властямъ, что пріятель мой—отчасти оселъ, не умѣющій отличить перваго класса отъ второго. Его ввели въ заблужденіе красныя подушки: онъ думалъ, что онѣ бываютъ обыкновенно во второмъ классѣ.

Всѣ свободно вздохнули. Среди общаго ликованія протоколъ былъ уничтоженъ, но тутъ глупому контролеру понадобилось разспросить относительно дамы, ѣхавшей въ вагонѣ второго класса съ билетомъ перваго. Можно было догадаться, что ей предстоитъ пережить нѣсколько непріятныхъ минутъ, когда она вернется на станцію.

Но замѣчательный представитель Кука оказался и тутъ на высотѣ положенія. Онъ объяснилъ, что другъ мой былъ отчасти и лгуномъ. Говоря о томъ, что онъ ѣхалъ съ этой дамой, онъ просто хвасталъ. Ему *хотѣлось* поѣхать съ нею—вотъ что онъ въ сущности сказалъ, но онъ плохо изъясняется по-нѣмецки.

Снова всѣ возликовали. Репутація моего друга была возстановлена. Онъ не былъ погибшимъ существомъ, за которое его приняли, но, очевидно, лишь безсознательнымъ идіотомъ. Подобнаго человѣка германскія власти могли уважать; на счетъ такого человѣка германскія власти даже согласились выпить пива.

Иностранцы—не только мужчины и женщины, но даже собаки—добродѣтельны по природѣ. Владѣльцу собаки въ Англіи приходится тратить много времени на то, чтобы извлекать ее изъ свалки, ссориться съ владѣльцемъ другой собаки, доказывая ему, что не ваша собака бросилась на нее первая, объяснить разсерженнымъ пожилымъ дамамъ, что ваша собака не загрызла кошку, что кошка умерла отъ разрыва сердца, перебѣгая дорогу; увѣрять недовѣрчивыхъ смотрителей за дичью, что это не ваша собака, что вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о томъ, чья она.

Съ иностранными собаками жизнь течетъ мирно. Когда иностранная собака видитъ свалку, у нея выступаютъ слезы на глазахъ, и она бѣжитъ за полицейскимъ. Когда иностранная собака видитъ бѣгущую кошку, она спѣшитъ дать ей дорогу. Нѣкоторымъ иностраннымъ собакамъ надѣваютъ манто, въ кармашкѣ котораго лежитъ носовой платокъ, и обуваютъ ихъ въ сапожки. Шляпы они еще не носятъ — до поры до времени. Когда же имъ одѣнутъ шляпы, онѣ ухитрятся тѣмъ или другимъ способомъ вѣжливо приподнимать ихъ при встрѣчѣ со знакомою кошкой.

Однажды, за границею, я попалъ въ сумятицу, точнѣе говоря: она закрутила, завертѣла меня, прежде чѣмъ я успѣлъ отдать себѣ въ ней отчетъ. Причиною ея оказался принадлежащій очень юной лэди фоксъ-терьеръ (сумятица была уже значительно въ ходу, когда выяснилось, что онъ принадлежитъ ей). Она прибѣжала уже къ концу ея, сильно запыхавшись. Ей пришлось пробѣжать около мили и почти все время кричать. Оглядѣвшись кругомъ и увидѣвъ все, что случилось, а также узнавъ обо всемъ, чего ей не удалось видѣть, она залилась слезами. Будь владѣльцемъ собаки англичанинъ, онъ, увидѣвъ происшедшее, махнулъ бы на ближайшій трамвай, идущій по любому направленію. Но, какъ я уже сказалъ, иностранецъ добродѣтеленъ по при-

родѣ. Когда я оставилъ ее, она давала свои карточки семерымъ пострадавшимъ.

Но я намѣревался поговорить, главнымъ образомъ, о собакѣ. Она начала съ невинной попытки поймать воробья. Ничто такъ не забавляетъ воробья, какъ погоня за нимъ собаки. Разъ двѣнадцать она думала, что онъ уже у нея въ зубахъ. Тутъ ему подвернулась другая собака. Не знаю, почему называютъ этихъ выродковъ собаками; но за границею ихъ порода очень распространена: у нихъ нѣтъ хвоста, и они похожи на свиней, когда имъ хорошо живется. Представившійся моимъ взорамъ экземпляръ больше всего походилъ на цыновку у двери. Фоксъ-терьеръ ухватилъ его за шиворотъ и опрокинулъ въ канаву, какъ разъ въ виду мотора-велосипеда. Толстая лэди-велосипедистка соскочила, чтобы спасти его, и столкнулась съ мотористомъ. Толстую лэди отбросило шаговъ на двѣнадцать, и она сшибла съ ногъ мальчика-итальянца, несшаго на подставкѣ алебастровые бюсты.

Много видѣлъ я на своемъ вѣку различныхъ безпорядковъ, но ни одного, въ которомъ не былъ бы такъ или иначе замѣшанъ торговецъ бюстами, маленькій итальянецъ. Гдѣ скрываются эти маленькіе итальянцы въ мирное время — остается для меня загадкой. Возможность столкновенія привлекаетъ ихъ, какъ солнечный свѣтъ—мухъ. Мотористъ въѣхалъ въ повозку съ молокомъ и розлилъ его по срединѣ трамвайной линіи. Казалось, что трамваю придется остановиться, по крайней мѣрѣ, на четверть часа, но при взглядѣ на кондуктора трамвая у каждаго являлась мысль, что стоитъ ему звонить съ достаточною энергіей, и это кажущееся препятствіе разсѣется и исчезнетъ. Въ англійскомъ городѣ на все это не обратили бы особеннаго вниманія. Кто-нибудь объяснилъ бы, что главною причиной всего является собака, и все дальнѣйшее показалось бы вполнѣ естественнымъ.

Иностранцевъ же охватилъ страхъ при мысли, что Всевышній по той или по другой причинѣ прогнѣвался на нихъ. Полицейскій кинулся ловить собаку. Восхищенная собака отскочила, заливаясь яростнымъ лаемъ, и начала рыть задними ногами каменья. Это испугало няньку, везшую колясочку, и тогда я уже оказался запутаннымъ въ дѣло. Сидя на краю троттуара, съ опрокинутою колясочкою по одну сторону и съ ревущимъ ребенкомъ—по другую, я высказалъ фоксъ-терьеру мое о немъ мнѣніе.

Забывъ о томъ, что я на чужбинѣ и опъ рискуетъ не понять меня, я высказалъ это ему по-англійски, весьма пространно, громко и отчетливо. Стоя отъ меня въ двухъ шагахъ, онъ вни-

малъ мнѣ съ выраженіемъ такого восторга, равнаго которому я уже не видѣлъ ни раньше, ни позже ни на одной человѣческой или собачьей физіономіи. Онъ упивался моими словами, какъ небесной музыкой.

„Гдѣ я слышалъ ранѣе эту мелодію? — казалось, говорилъ онъ себѣ: — старыя знакомыя слова, слышанныя мною въ юности!...“

Онъ подошелъ ко мнѣ еще ближе. Когда я кончилъ, въ глазахъ у него почти стояли слезы.

„О, повторите ихъ,—казалось, умолялъ онъ,—повторите ихъ —родныя англійскія проклятія и ругательства, которыя я уже не надѣялся услышать въ этомъ забытомъ Богомъ краю!“

Отъ молодой лэди я узналъ, что фоксъ-терьеръ—англійскаго происхожденія. Этимъ все объяснялось. Иностранная собака не способна ни на что подобное. Иностранецъ добродѣтеленъ по природѣ: вотъ почему мы ненавидимъ его.

Съ англійск. О. Ч.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Раздумье.

Всю жизнь, отъ юности и вплоть
До самой старости преклонной,
Въ борьбѣ подчасъ ожесточённой
Межъ силъ плотской и отвлечённой—
Не могъ въ конецъ я побороть
Ни плотью духъ, ни духомъ плоть.
Какъ мнѣ для мысли обликъ нуженъ,
Такъ мысль подъ формой мнѣ нужна;
Мой умъ съ веселымъ смѣхомъ друженъ,
И грусть душѣ моей родна.
То грезой какъ во снѣ утѣшенъ,
То строго мысля на яву,
Не потому ли я живу,
Что все еще уравновѣшенъ?

1904 г.

II.

Современныя замѣтки.

1.—О фальшивомъ вѣрноподданномъ.

Онъ слово „подданный“ постигъ со всѣхъ сторонъ,
Но вовсе пренебрегъ къ нему приставкой: „вѣрно“;
И, ложнымъ прозвищемъ украшенъ, служитъ онъ
Царю и родинѣ съ охотою, но—скверно.

2.—О бюрократической покорности.

Своей покорностью они въ глаза намъ тычутъ;
А въ милость царскую случись врагамъ ихъ впасть—
Небось умѣло ограничутъ
Неограниченную власть.

1905 г.

III.

Клеветникамъ Россіи.

Надежда съ высоты престола намъ дана,
Что мы награждены свободой полной будемъ;
Но „люди русскіе“ нашли, что русскимъ людямъ
Она въ обѣщанномъ объемѣ не нужна.
И вотъ они, трудясь усердно надъ задачей:
Какъ надо понимать намъ данныя права,
То изворотливо, какъ ябедникъ - подъячій,
Толкуютъ ясныя слова;
То, смѣло пользуясь не рыцарской сноровкой,
Они стараются—такой пріемъ не новъ—
Въ находчивой игрѣ уклончивости ловкой
Искусству подражать канатныхъ плясуновъ.
Межъ тѣмъ какъ свойственно всему людскому роду
Желать смягченія житейскихъ нуждъ и бѣдъ,
Стремиться къ радостямъ, любить и чтить свободу—
Ужель у русскаго такихъ влеченій нѣтъ?
Ужель Творецъ рѣшилъ: „будь нравственный калѣка,
Несхожій съ прочими по сердцу и уму“?
И только русскаго Онъ создалъ человѣка
Не по подобью Своему?
Вѣдь еслибъ русскому подобный выпалъ жребій
И русская душа была бы такъ пуста—
Мы были бъ на землѣ отребьемъ всѣхъ отребій...
Нѣтъ! вами взведена на братьевъ клевета.
Издавна истый сынъ я русскаго народа;
И, противленія не вѣдая добру,
Когда дается намъ гражданская свобода—
Ее я съ радостью великою беру!

10 января 1906.

IV.

Изъ-за чего?

Не вѣрится, чтобы изъ чести лишь одной
На рабство обрекли вы снова край родной
(Иного смысла нѣтъ къ прошедшему возврата).
А коль изъ выгоды,—ума какая трата,
Чтобъ—съ возгласомъ: „впередъ!"—путь обернуть назадъ!
Вотъ черносотенцы, тѣ просто говорятъ:
„Мы русское ура во всю орали глотку,
„Молились, пѣли гимнъ... пожалуйте на водку"!

15 января 1906 г.
Тамбовъ.

Алексѣй Жемчужниковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1906.

Противоположные взгляды на манифестъ 17-го октября. — Выводы, прямо вытекающіе изъ его текста.—Государственная роспись на 1906-й годъ.—Превышенія необходимой обороны.—Возвращеніе къ старымъ формамъ административной расправы.— Широкая волна произвола. — Съѣздъ дворянскихъ предводителей. — Проектируемое преобразованіе Государственнаго Совѣта.—Положеніе нашей печати.—Нѣсколько словъ объ учредительномъ собраніи.—По поводу партіи демократическихъ реформъ.

Одна, по меньшей мѣрѣ, необходимая предпосылка политической жизни имѣется у насъ на лицо: образовался цѣлый рядъ политическихъ партій, обнимающій собою все пространство отъ самой крайней правой до самой крайней лѣвой стороны. Оригиналенъ способъ группировки этихъ партій, изобрѣтенный недавно одною изъ нихъ. По мнѣнію „русскихъ монархистовъ", демаркаціонною чертою между партіями должно служить отношеніе ихъ къ „самодержавію русскаго царя". Противъ самодержавія — гласитъ объявленіе, напечатанное въ № 6 „Московскихъ Вѣдомостей", — „идутъ не только революціонныя и конституціонныя партіи, открыто называющія себя соціалистами - революціонерами, соціалистами - демократами, конституціонными демократами, но и партія правового порядка, союзъ 17-го октября, партіи торгово-промышленная и умѣренно-прогрессивная". Наоборотъ, „за самодержавіе стоятъ многочисленные политическіе партіи и союзы: союзъ русскихъ людей, русская монархическая партія, союзъ русскаго народа, союзъ землевладѣльцевъ, союзъ русскихъ патріотовъ и другіе, объединившіеся въ общую организацію — всенародный русскій союзъ", и признающіе русскаго царя „не инымъ, какъ только православнѣйшимъ и самодержавнѣйшимъ". Въ дальнѣйшей полемикѣ, происходившей также въ формѣ объявленій, союзъ 17-го октября заявилъ, что противодѣйствуютъ царской волѣ, выраженной въ мани-

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 февраля 1906.

I.

— А. Ѳ. Кони.—Очерки и воспоминанія. (Публичныя чтенія, рѣчи, статьи и замѣтки). Спб. 1906.

Есть книги, появленіе которыхъ весьма желательно въ переходныя эпохи, хотя въ нихъ нѣтъ *настоящаго,* въ смыслѣ отраженія современной борьбы и неизбѣжной тревоги, хотя въ нихъ говорится о *прошломъ* безъ всякихъ соображеній о практикѣ *будущаго.* Въ этихъ книгахъ образы прошлаго менѣе всего изслѣдуются съ суровымъ безпристрастіемъ историка, ищущаго въ нихъ фактовъ,—напротивъ, факты играютъ лишь служебную роль, являясь живыми примѣрами дѣйствія высшихъ началъ, созидающихъ въ глубинахъ человѣческаго духа уразумѣніе и потребность возвышенной, разумной и идеально-плодотворной жизни. Изслѣдуя морально-общественныя основы извѣстнаго круга явленій прошлаго, авторъ превращаетъ ихъ въ синтезы, въ ясныя и положительныя формулы, особенно понятныя людямъ ближайшихъ поколѣній, и создаетъ изъ нихъ то, что̀ моралисты-историки называютъ итогами общественнаго самосознанія, завѣтами прояснившагося прошлаго, обращенными къ неизвѣстному будущему. Прошлое обращаетъ къ будущему уразумѣніе своего опыта, свое продуманное слово, свою назрѣвшую назидательную мысль.

Такова книга А. Ѳ. Кони, наполненная тѣнями душевно согрѣтаго прошлаго, *учительная* по существу, предназначаемая служить благимъ цѣлямъ грядущихъ поколѣній. Прошлое дорого автору рядомъ тѣхъ свѣтлыхъ дѣятелей, которые не только сами прожили свѣтло и честно, но и озарили жизненный путь другимъ, щедро дѣлясь съ ними пло-

дами сердца и ума; сохранить о нихъ память казалось автору тѣмъ необходимѣе, что русскіе, по его мнѣнію, не умѣютъ цѣнить своихъ выдающихся людей и надолго удерживать въ памяти черты ихъ дѣятельности и жизни. „У насъ нѣтъ вчерашняго дня,—говоритъ А. Ѳ. Кони.—Оттого и завтрашній день всегда такъ туманенъ и тусклъ. Поэтому и смерть выдающагося общественнаго и государственнаго дѣятеля напоминаетъ у насъ паденіе человѣка въ море. Шумъ, пѣна, высокія брызги воды, широкіе, волнующіеся круги... а затѣмъ все столкнулось, слилось въ одну безформенную, одноцвѣтную, сѣрую массу, подъ которою все скрыто, все забыто"... Противъ такого забвенія протестуетъ нравственное чувство; оно требуетъ, чтобы плодотворный жизненный подвигъ претворился, по своемъ завершеніи, въ доброе благодарное чувство и схематизировался въ плодотворную руководственную мысль. Излагая „жизнь, трудъ и душевный складъ" ряда почившихъ и забываемыхъ, а отчасти уже забытыхъ дѣятелей въ области духовнаго и гражданскаго развитія нашего общества, А. Ѳ. Кони стремился „вызвать симпатію и уваженіе къ этимъ сѣятелямъ правды и просвѣтительныхъ идей, ожививъ, по мѣрѣ силъ, предъ слушателями ихъ нравственно-привлекательные образы".

Въ обширномъ томѣ собраны статьи о дѣятеляхъ самаго разнообразнаго свойства: здѣсь и Пушкинъ, и В. Ѳ. Одоевскій, Достоевскій и Горбуновъ, Соловьевъ и Гаазъ, Кавелинъ и Чичеринъ, вел. кн. Елена Павловна и галерея сподвижниковъ освобожденія крестьянъ, и юбилейное слово благополучно здравствующему В. Д. Спасовичу, и выдающіеся работники судебной реформы. Но это разнообразіе характеровъ и сферъ дѣятельности далеко не производитъ впечатлѣнія случайнаго „собранія сочиненій"; напротивъ, оно проникнуто удивительной цѣльностью настроенія и единствомъ руководящихъ идей. Подобная цѣльность и единство достигаются, съ одной стороны, пріуроченіемъ огромнаго большинства очерковъ къ освободительному періоду второй половины прошлаго вѣка, а съ другой—единствомъ субъективнаго освѣщенія и основныхъ пріемовъ художественнаго письма автора.

Связь съ завѣтами освободительной эпохи устанавливается прежде всего посвященіемъ книги гр. Д. А. Милютину, „вся жизнь котораго проникнута глубокой любовью къ Россіи и уваженіемъ къ человѣческому достоинству и наукѣ". Затѣмъ, эта связь осязательно чувствуется въ томъ исключительномъ вниманіи, какое удѣляетъ авторъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, вопросу о морально-общественномъ значеніи реформы. Въ статьѣ о Градовскомъ авторъ съ особымъ чувствомъ проводитъ ту мысль, что въ основѣ „великихъ реформъ, обновившихъ нашъ общественный бытъ",—„лежало глубокое довѣріе

къ духовнымъ силамъ русскаго народа, къ его воспріимчивой способности къ совершенствованію; оно свѣтитъ изъ этихъ реформъ чистымъ благотворнымъ лучомъ". На почвѣ этого „чувства довѣрія" устанавливаетъ авторъ моральную связь Градовскаго съ эпохой, которой онъ отдалъ свои силы. Теплымъ и добрымъ чувствомъ проникнуты воспоминанія автора, въ которыхъ сохранились событія и факты общественнаго подъема въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. „Я помню эти лекціи—говорилъ онъ о Кавелинѣ—и оживленную толпу молодежи и одушевленное лицо профессора, говорившаго взволнованнымъ голосомъ о нравственномъ и юридическомъ значеніи совершившейся реформы и призывавшаго всѣхъ къ дружному единенію въ успѣшномъ осуществленіи великихъ начинаній, ознаменовавшихъ новое царствованіе. Мысль о лучшемъ устройствѣ сельскаго быта не покидала его никогда". Душевное участіе автора осязательно чувствуется въ его этюдѣ о вел. кн. Еленѣ Павловнѣ, гдѣ онъ обстоятельно и широко обрисовываетъ ея роль въ подготовительномъ періодѣ дѣла освобожденія крестьянъ, и весь этюдъ является какъ бы актомъ душевной признательности великой княгинѣ за то, что „мысли ея, главнымъ образомъ, обращались къ освобожденію крестьянъ, въ которомъ ей пришлось принимать такое живое и плодотворное участіе".

Въ центрѣ общественнаго міросозерцанія автора, созданнаго при столь непосредственномъ воздѣйствіи освободительныхъ идеаловъ шестидесятыхъ годовъ, стоятъ реальные запросы общественной и духовной жизни человѣка. Требуя отъ общественнаго дѣятеля широты взгляда и отчетливаго сознанія своихъ гражданскихъ и индивидуальныхъ стремленій, А. Ѳ. Кони считаетъ весьма недостаточнымъ для характеристики человѣка признанія въ немъ только ума, хотя бы и обширнаго. *Умный* человѣкъ, по его опредѣленію, значитъ лишь человѣкъ *хорошо вооруженный*. Важно знать внутреннія стремленія, руководимыя этимъ умомъ; важно, чтобы, наряду съ нимъ, въ человѣкѣ билось горячее отзывчивое сердце. Поэтому-то признаніе, что „Градовскій всегда былъ доступенъ изученію съ этой стороны", является для автора источникомъ истиннаго нравственнаго удовлетворенія. „Больное" сердце Градовскаго—оно билось въ груди неизмѣннаго идеалиста, душевныя силы котораго до конца были направлены на служеніе началамъ нравственнаго развитія и справедливости. Его идеализмъ не былъ безпочвеннымъ и отвлеченнымъ"... Идеализмъ этотъ—„черпалъ силы и опору для своего существованія и для предъявленія нравственныхъ требованій въ реальныхъ условіяхъ и задачахъ той жизни, въ которыя онъ вступилъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ". Какъ слѣдствіе изъ цѣлаго ряда соображеній,

вытекало требованіе, чтобы наука не замыкалась въ предѣлы отвлеченныхъ кабинетныхъ занятій, но выходила, для непосредственныхъ и возвышающихъ воздѣйствій, на широкую арену страдающей, мятущейся, непросвѣтленной жизни, чтобы она служила ей и въ этомъ служеніи черпала моральные устои своего существованія. Поэтому, въ изложеніи автора становился естественнымъ тотъ особый, приподнятый тонъ,—обличающій высокую напряженность личнаго сочувствія,—въ которомъ авторъ ведетъ свою рѣчь о дѣятеляхъ съ широко развитымъ общественнымъ чувствомъ, какимъ былъ, напримѣръ, извѣстный когда-то профессоръ римскаго права Н. И. Крыловъ. „Предъ своими слушателями—говоритъ авторъ—Крыловъ являлся не кабинетнымъ ученымъ, преподающимъ отвлеченное отъ современной жизни знаніе, а живымъ человѣкомъ, горячо любившимъ свой народъ, болѣвшимъ за него сердцемъ и никогда не забывавшимъ ни этой любви, ни этой боли, уходя мысленно въ даль прошедшихъ вѣковъ и чужихъ учрежденій. Его слушатели это понимали“...

Идеализмъ бываетъ различенъ, какъ по своему источнику, такъ и по качеству своихъ проявленій. Авторъ изслѣдуетъ въ людяхъ по преимуществу ту, если можно такъ выразиться, практическую сторону идеализма, которая находитъ себѣ выраженіе въ общественно-плодотворныхъ результатахъ. Въ высшей степени своего развитія она является въ безкорыстной и беззавѣтной, почти евангельской, любви къ человѣчеству, любви сострадательной и дѣятельной, не вѣдающей ни эллина, ни іудея, равно цѣлительной всюду, гдѣ есть тѣлесная страда и духовная жажда. Эта дѣятельная любовь къ страждущимъ людямъ никогда не умираетъ въ человѣчествѣ, но не часто въ обыденной жизни приходится видѣть, чтобы она такъ захватывала, такъ подчиняла себѣ всего человѣка, какъ это было у забытаго обществомъ и воскрешеннаго авторомъ Ѳ. П. Гааза. Изображеніе жизни и дѣятельности этого утѣшителя сирыхъ, несчастныхъ и обездоленныхъ исполнено А. Ѳ. Кони съ глубокой, благоговѣйной любовью, и докторъ Гаазъ является въ этомъ изображеніи своего рода апостоломъ дѣятельной, а потому живой любви къ людямъ, въ ореолѣ почти святости и идеальной нравственной чистоты. И какъ бы оправдывая эту чуть ли не канонизацію человѣка, совершившаго въ своей скромной долѣ христіанина-врача такъ много во имя распятаго за міръ Христа, авторъ ищетъ поддержки въ правдивой народной памяти, которая хранитъ долгое и признательное преданіе о людяхъ, творившихъ добро по чистому побужденію сердца. „Если, вѣрное себѣ, наше общество не сохранило памяти о Гаазѣ,—говоритъ онъ,—„темные люди“, бѣдняки, и даже отверженцы общества поступили иначе. Они не забыли. Простой народъ въ Москвѣ до сихъ поръ на-

зываетъ бывшую полицейскую больницу „Гаазовскою". Арестантъ, отправляемый по этапу, знаетъ, что надѣтые на него облегченные кандалы зовутъ „гаазовскими", да въ отдаленномъ Нерчинскомъ острогѣ теплится лампада предъ иконою св. Ѳеодора Тирона, сооруженная заключенными на свои скудные заработки, по полученіи вѣсти о смерти „святого доктора"...

Идеализація бываетъ большею частью неизбѣжнымъ и во многихъ случаяхъ естественнымъ элементомъ въ жизнеописаніяхъ дѣятелей, призванныхъ служить свѣтильниками сердца и разума и будить вѣру въ „забытыя слова". Невольное желаніе поставить образъ надъ толпой какъ можно выше находитъ себѣ нерѣдко объясненіе въ продолжительномъ и участливомъ изученіи изображаемаго лица, въ нравственныхъ точкахъ соприкосновенія, въ родствѣ міровоззрѣній, наконецъ въ личномъ знакомствѣ и узахъ любви и дружбы. Но если желаніе это находитъ себѣ оправданіе въ высокихъ и искреннихъ побужденіяхъ, то на изображаемыхъ лицахъ подобная идеализація не можетъ не отражаться, съ другой стороны, извѣстной утратой яркости индивидуальной окраски, присущей каждому дѣятелю порознь, извѣстнымъ схематизированіемъ, совмѣщеніемъ людей различныхъ поколѣній на одной исторической плоскости. При свойствахъ таланта А. Ѳ. Кони, живописующаго людей, главнымъ образомъ, со стороны ихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, это иначе и быть не можетъ. Мы подчеркиваемъ эту художественную особенность изображеній автора, изучающаго дымчатыя дали болѣе любовнымъ взоромъ художника-психолога, чѣмъ безстрастнаго и холоднаго аналитика. Это въ особенности замѣтно на характеристикахъ людей, привлекавшихъ автора не столько высокими нравственными качествами, сколько игрой ума и блескомъ таланта. Примѣняя и къ такимъ лицамъ тѣ же пріемы морально-психологической реставраціи, среди которыхъ идеализація была законнымъ элементомъ опредѣленной художественной структуры, къ такому, напримѣръ, дѣятелю, какимъ былъ покойный И. Ѳ. Горбуновъ, авторъ придавалъ ему оригинальное освѣщеніе — тамъ, гдѣ процессу схематизаціи не поддавались слишкомъ уже разнообразныя, поражавшія глубокимъ бытовымъ реализмомъ и какъ бы *законнымъ* безпорядкомъ въ противорѣчіяхъ черты, словно не укладывавшіяся ни въ какую категорію опредѣленій. Но Горбуновъ—примѣръ исключительный, наглядно доказывающій противоположность между изобразительнымъ пріемомъ А. Ѳ. Кони и тѣмъ, который онъ же отмѣтилъ въ отзывѣ Н. Крылова о книгѣ Чичерина: „Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII вѣкѣ". Крыловъ говорилъ въ своемъ отзывѣ: „Самая блистательная, поразительная сторона въ сочиненіи Чичерина—это... возведеніе фактическихъ явленій въ понятія, понятій въ лица"...,—у

А. Ѳ. Кони лица характеризуются по преимуществу со стороны внутреннихъ руководящихъ началъ, по возможности внѣ бытовой обстановки, и лишь постольку на исторической почвѣ, поскольку эта почва служитъ ареной дѣятельности возвышающихъ, идеальныхъ сторонъ извѣстной нравственной организаціи. Въ отдѣльныхъ случаяхъ этотъ пріемъ сходенъ съ тѣмъ психологическимъ творческимъ процессомъ, который конкретные образы, созданные усиліями сложной синтетической работы, схематизируетъ въ понятія и присущія образамъ собственныя имена превращаетъ въ нарицательныя, придавая имъ свойства украшающихъ эпитетовъ и тѣмъ самымъ свидѣтельствуя объ удачной концепціи образа, о произведенномъ имъ сильномъ и яркомъ впечатлѣніи. Во вліяніи не только на умъ, но и на сердце, въ распространеніи понятій, возвышающихъ и очищающихъ душу читателей, кроется, прежде всѣхъ художественныхъ достоинствъ, тотъ источникъ обаянія рѣчей А. Ѳ. Кони, который дѣлаетъ его книгу какъ бы сплошной галереей прозрачныхъ „свѣтящихся“ людей. Въ самомъ дѣлѣ, одни люди *свѣтятся* у него глубиной и кристальной чистотой своего духа, какъ Владиміръ Соловьевъ, который прошелъ жизнь „съ выдержкою и терпѣніемъ мудреца и незлобивою чистотою ребенка“. Другіе свѣтили кроткимъ и сіяющимъ огонькомъ, какъ В. Ѳ. Одоевскій, горѣвшій тихой „лампадой“ предъ образомъ, на которомъ „были начертаны—*правда, знаніе* и *дѣятельная любовь* къ людямъ“. Третьи сверкали и искрились огнемъ ума, таланта, народной русской рѣчи, какъ Пушкинъ. Четвертые взростили въ душѣ своей чистыя сѣмена добра и правды и посвятили служенію имъ всю свою жизнь, какъ Градовскій, Кавелинъ, Стояновскій и др., словно застывшіе въ величавомъ храмѣ Ѳемиды, на стражѣ священныхъ завѣтовъ правосудія...

Въ связи съ идеализаціей стоятъ и другія особенности творчества А. Ѳ. Кони. Сдѣлавъ, обычно, два-три мимолетныхъ указанія на происхожденіе и школу дѣятеля, отмѣтивъ особыя обстоятельства, повліявшія на складъ его натуры, авторъ затѣмъ непосредственно раскрываетъ передъ читателемъ душу этого дѣятеля и прокладываетъ въ ней дорогу, заставляя его *свѣтиться* лучами его духовной натуры, искрами ума, богатствомъ житейскаго опыта и раздумья, указывая въ ней возвышенные образы, глубокія мысли, „забытыя“, но далеко еще не изжитыя слова; при этомъ, сравненія, конкретныя воспоминанія рѣдко направляются къ опредѣленному сопоставленію съ цѣлью уяснить или точнѣе обозначить ту или иную черту. Большею частью они возникаютъ на художественной подпочвѣ, въ цѣляхъ разнообразія господствующаго настроенія, оживленія, какъ бы преднамѣреннаго перебоя захватившей читателя волны извѣстнаго чувства. Подобными вставками авторъ умѣетъ оттѣнять переходы отъ одной мысли къ другой

чрезвычайно эффектно и красиво, что особенно сказывается въ живой рѣчи, стяжавшей столь выдающуюся извѣстность А. Ѳ. Кони, какъ оратору, и оказавшей немалое вліяніе на своеобразный складъ его очерковъ. „Моему внутреннему взору представляется,—какъ будто это было вчера,—неожиданно прерывалъ свою рѣчь о Спасовичѣ авторъ,—яркій день ранней весны, когда солнце уже грѣло и заливало своимъ свѣтомъ и залу думы, и молодыя, полныя надеждъ лица, и когда за окномъ блистали, падая съ крыши, золотыя капли быстро тающаго снѣга... Такъ же таялъ въ тѣ дни снѣгъ, долго державшій подъ своей мертвой пеленою нашу родину, и грѣло только-что взошедшее солнце незабвенныхъ шестидесятыхъ годовъ. На порогѣ общественной жизни насъ готовились встрѣтить великія реформы"...

Врагъ крайностей и насилія съ той и другой стороны, авторъ остановился въ своихъ очеркахъ лишь на дѣятеляхъ положительной творческой работы. Полагая, можно думать, истинное „освобожденіе" въ послѣдовательномъ культурномъ перерожденіи общественныхъ и народныхъ массъ, путемъ политическаго воспитанія, онъ могъ бы о большинствѣ своихъ избранниковъ сказать тѣми же словами, какими онъ характеризовалъ Одоевскаго: „являясь защитникомъ человѣческой личности, Одоевскій всегда на первый планъ ставилъ не поглощающія эту личность учрежденія, а ея духовныя свойства, придающія смыслъ и значеніе самой дѣятельности учрежденій". Работа по выработкѣ учрежденій должна идти рядомъ съ сознательной внутренней работой по выработкѣ общественныхъ идеаловъ на почвѣ уваженія къ личности и закону,—только въ такой работѣ, по мнѣнію автора, кроется прочный залогъ успѣха и политической реформы.

Таковъ характеръ новой книги А. Ѳ. Кони, предложенной имъ русскому обществу.

II.

— О государствѣ русскомъ. Флетчеръ. Изданіе второе (А. С. Суворина). Спб. 1905.

Благодаря просвѣщенному содѣйствію гр. С. С. Уварова, замѣчательная книга Флетчера появляется передъ русскимъ читателемъ на 57 лѣтъ позже первой попытки ея обнародованія. Въ свое время это была громкая и печальная исторія. Въ 1848 году О. М. Бодянскій, профессоръ московскаго университета, напечаталъ въ „Чтеніяхъ при имп. обществѣ исторіи и древностей россійскихъ" переводъ Флетчеровой книги „Russia at the close of the sixteenth century". За это „преступленіе" Бодянскій былъ переведенъ въ казанскій университетъ (отъ чего, впрочемъ, отказался и вышелъ въ отставку), а книжка

„Чтеній“ съ переводомъ была признана крайне опасною для русскаго общества и конфискована. Собственно само сочиненіе Флетчера сыграло, повидимому, роль жертвы въ дѣлѣ ратоборства двухъ русскихъ царедворцевъ, сводившихъ, при ея посредствѣ, свои личные счеты. Дѣло въ томъ, что, какъ свидѣтельствуетъ А. В. Никитенко, гр. Уваровъ (министръ народнаго просвѣщенія) „сбросилъ“ гр. Строганова съ мѣста попечителя въ Москвѣ. Строгановъ, въ отместку, представилъ государю записку о либерализмѣ „коммунизмѣ и соціализмѣ“, господствующемъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ цензурѣ, которая въ то время составляла украшеніе именно этого министерства. При дворѣ встревожились, и Уваровъ едва удержался на своемъ мѣстѣ. Между тѣмъ Строгановъ, въ качествѣ предсѣдателя „Общества исторіи и древностей“, разрѣшилъ напечатать записки Флетчера, а Шевыревъ донесъ министру, указавъ на „неблаговидность въ данную минуту“ печатать Флетчерово изображеніе Россіи XVI-го вѣка. „И какъ то всегда бываетъ на святой Руси,—замѣчаетъ Никитенко,—онъ (Шевыревъ) подкрѣплялъ свое представленіе завѣреніемъ въ собственной преданности и усердіи къ Богу и царю.“. Строганову былъ объявленъ строжайшій выговоръ, а книга, какъ сказано, изъята изъ обращенія. Напрасно Бодянскій, двѣнадцать лѣтъ спустя, пытался возобновить вопросъ о выпускѣ перевода сочиненія Флетчера и писалъ по этому поводу гр. Строганову: „Какое можетъ быть въ теперешнюю пору примѣненіе разсказа этого англичанина о Руси конца XVI-го столѣтія — къ Руси второй половины XIX-го? Еще въ 1848-мъ году могли люди неблагонамѣренные проводить нѣкоторую параллель между давноминувшимъ временемъ и нынѣшнимъ, между русскими Царя Грознаго и русскими Царя Благодушнаго. Если ваше сіятельство найдете теперешнее положеніе дѣлъ благопріятствующимъ для такого представленія, истинно окажете не послѣднюю услугу, какъ непосредственно Историческому Обществу, такъ и вообще отечественной исторіи, для которой повѣствованіе подданнаго Елисаветы Англійской о нашихъ предкахъ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ряду иностранныхъ источниковъ русскаго бытописанія“. Изъ этой попытки ничего не вышло, и сочиненіе Флетчера осталось, какъ выражался Бодянскій, „гнить въ типографіи московскаго университета“.

Хотя весь этотъ вопросъ можетъ уже считаться взвѣшеннымъ исторіей, однако ничто не можетъ удержать любознательнаго читателя стать лично безпристрастнымъ судьей и всмотрѣться въ дѣло по существу. Шевыревъ считалъ опаснымъ появленіе перевода Флетчеровой книги на томъ основаніи, что она способна вызвать нежелательныя сопоставленія Руси XVI-го вѣка съ современной ему Нико-

лаевской эпохой. Можно имѣть какую-угодно точку зрѣнія на современность и исторію, но нельзя не признать, что у Шевырева, человѣка начитаннаго и занимавшаго опредѣленную и видную позицію въ нашихъ общественныхъ теченіяхъ, были всѣ данныя для того, чтобы судить, опять-таки съ своей точки зрѣнія, о возможномъ вліяніи книги Флетчера на современную общественную мысль. Считаясь съ этими данными, мы, конечно, далеки отъ мысли оправдывать достойную лучшей участи готовность Шевырева спасать отечество путемъ навѣтовъ, но вопросъ объ основательности этихъ данныхъ напрашивается самъ собой. Конечно, Шевыревъ не могъ быть, съ его идеализаціей оффиціальной русской старины, очень расположенъ къ Флетчеру, изображавшему эту старину съ точки зрѣнія очевидца, обосновывавшаго свои наблюденія и выводы фактами, которые, при всѣхъ недостаткахъ своего освѣщенія въ книгѣ автора, нашли такую высокую оцѣнку въ научныхъ авторитетахъ. Подносся свое сочиненіе англійской королевѣ, Флетчеръ писалъ: „Цѣль моя при этомъ была та, чтобы записать для себя предметы болѣе важные, нежели забавные, и преимущественно истинные, а не странные. Въ образѣ тамошняго правленія ваше величество изволите усмотрѣть не только весьма удивительную, но и дѣйствительно существующую, форму государства тираническаго (далеко не сходную съ образомъ вашего правленія), безъ истиннаго познанія о Богѣ, безъ письменныхъ законовъ, безъ общаго правосудія, кромѣ того, которому источникомъ служитъ законъ изустный, то-есть правительственныя власти, имѣющія сами крайнюю нужду въ законѣ для того, чтобы обуздать ихъ собственную несправедливость. Поступки ихъ, въ какой степени они тягостны и бѣдственны для несчастнаго угнетеннаго народа, населяющаго эту страну, въ такой же мѣрѣ могутъ подать мнѣ и другимъ вѣрноподданнымъ вашего величества справедливый поводъ признать себя счастливыми и благодарить Бога за истинно королевское и милостивое правленіе вашего величества. Вамъ же доставитъ болѣе утѣшенія и радости тѣмъ, что въ вашемъ королевствѣ вы повелѣваете не рабами, а подданными, которые исполняютъ свои обязанности изъ любви, а не изъ страха“. Уже эта выраженная здѣсь основная точка зрѣнія на государственную форму въ Россіи, хотя бы и въ царствованіе грознаго царя Ивана Васильевича, не могла доставить особенно утѣшительныхъ данныхъ для свойственной людямъ извѣстнаго склада идеализаціи нашей старины въ Шевыревскомъ духѣ. Но у Флетчера эта точка зрѣнія нашла себѣ послѣдовательное и для своего времени многостороннее развитіе въ различныхъ главахъ его сочиненія. Такъ, напримѣръ, въ главѣ „Образъ правленія“ Флетчеръ даетъ ему такую характеристику, которая, дѣйствительно, не могла не навести на рядъ

сопоставленій со взглядами, господствовавшими въ оффиціальныхъ кругахъ въ Николаевскую эпоху. Вотъ, напримѣръ, какъ говоритъ подробнѣе Флетчеръ о существовавшемъ въ его время образѣ правленія: „Образъ правленія у нихъ весьма похожъ на турецкій, которому они, повидимому, стараются подражать, сколько возможно, по положенію своей страны и по мѣрѣ своихъ способностей въ дѣлахъ политическихъ. Правленіе у нихъ чисто тираническое: всѣ его дѣйствія клонятся къ пользѣ и выгодамъ одного царя и, сверхъ того, самымъ явнымъ и варварскимъ образомъ. Это видно изъ Sophismata или тайнъ ихъ образа правленія, описанныхъ ниже, и угнетенія дворянства и простого народа, безъ всякаго притомъ соображенія ихъ различныхъ отношеній и степеней, равно какъ изъ податей и налоговъ, въ коихъ они не соблюдаютъ ни малѣйшей справедливости, не обращая никакого вниманія на высшее сословіе, такъ и на простолюдиновъ. Впрочемъ, дворянству дана несправедливая и неограниченная свобода повелѣвать простымъ или низшимъ классомъ народа и угнетать его во всемъ государствѣ, куда бы лица этого сословія ни пришли, но въ особенности тамъ, гдѣ они имѣютъ свои помѣстья, или гдѣ опредѣлены царемъ для управленія. Простолюдинамъ сдѣлана также нѣкоторая маловажная уступка тѣмъ, что они могутъ передавать свои земли по наслѣдству любому изъ сыновей, въ чемъ они, обыкновенно, слѣдуютъ нашему Gauillkinde, и располагать имуществомъ своимъ произвольно, имѣя право дарить и завѣщевать его по собственному желанію“.

Если нельзя не признать значительнаго преувеличенія въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ Флетчера о томъ, что оба класса, и дворяне, и простолюдины, по отношенію къ своему имуществу, суть не что иное, какъ хранители царскаго дохода,—„потому что все нажитое ими рано или поздно переходитъ въ царскіе сундуки“,— то взгляды Флетчера на замѣщеніе общественныхъ и правительственныхъ должностей, и въ особенности на отправленіе правосудія, находятъ себѣ историческое подтвержденіе и обнаруживаютъ его освѣдомленность во многихъ московскихъ дѣлахъ. Практичный англичанинъ смотрѣлъ на дѣло по существу и вскрывалъ, если можно такъ выразиться, ядро нашего дореформеннаго строя, поддерживавшагося вѣка благодаря „тираническому“ образу правленія. Вотъ, напримѣръ, сжатая характеристика, данная Флетчеромъ нашему старинному судопроизводству, о дѣлахъ, касающихся жизни и смерти: „Здѣсь нѣтъ ни одного, кто бы имѣлъ судебную должность или власть, переходящую по наслѣдству, или основанную на грамотѣ; но всѣ опредѣляются по назначенію и волѣ царя, и судьи такъ стѣснены въ отправленіи своей должности, что не смѣютъ рѣшить ни одного особеннаго дѣла сами собою, но

должны пересылать его вполнѣ въ Москву, въ Царскую Думу". Картинка засѣданія этой царской думы у Флетчера принадлежитъ къ превосходнѣйшимъ изображеніямъ этого рода. За много-много лѣтъ до нашего времени цари московскіе рѣшили мудреную задачу о томъ, какъ можно сочетать произволъ самовластія съ видомъ законности, облеченной въ форму совѣта избранныхъ людей, призваннаго для обсужденія дѣлъ государственныхъ. Изображая обычный характеръ засѣданія, Флетчеръ замѣчаетъ въ концѣ: „но предлагать билли по мнѣнію отдѣльныхъ лицъ относительно какого-нибудь общеполезнаго дѣла—какъ это дѣлается въ Англіи—Русскій Земскій Соборъ вовсе не дозволяетъ подданнымъ".

Могло показаться Шевыреву опаснымъ и то, въ какихъ чертахъ изображаетъ Флетчеръ положеніе низшихъ классовъ народа. „О состояніи низшаго класса и простого народа можно имѣть нѣкоторое понятіе изъ того,—пишетъ онъ,—что̀ уже было сказано касательно образа правленія, состоянія дворянства и завѣдыванія областями и главными городами въ государствѣ. Во-первыхъ, о свободѣ ихъ, въ какой мѣрѣ они ею пользуются, можно судить по тому, что они не причислены ни къ какому разряду и не имѣютъ ни голоса, ни мѣста на соборѣ, или въ высшемъ земскомъ собраніи, гдѣ утверждаются законы и публичныя постановленія, клонящіяся обыкновенно къ угнетенію простолюдиновъ, ибо остальные два класса, т.-е. дворянство и духовенство, которые имѣютъ голосъ въ такихъ собраніяхъ (хотя далеко не пользуются свободою, необходимою въ общихъ совѣщаніяхъ для блага всего государства, согласно съ значеніемъ и правами каждаго по его званію), довольствуются тѣмъ, чтобы все бремя лежало на простолюдинахъ и что могутъ облегчить сами себя, сваливая все на нихъ. Далѣе, до какого рабскаго состоянія они унижены не только въ отношеніи къ царю, но и къ боярамъ и вообще дворянамъ (которые и сами суть не что̀ иное, какъ рабы, особливо съ нѣкотораго времени), это можно видѣть изъ собственнаго сознанія ихъ въ просьбахъ и другихъ бумагахъ, подаваемыхъ кому-либо изъ дворянства или высшихъ правительственныхъ лицъ: здѣсь они сами себя называютъ и подписываются холопами, т.-е. ихъ крѣпостными людьми или рабами, такъ точно, какъ, въ свою очередь, дворяне признаютъ себя холопами царя. Можно поистинѣ сказать, что нѣтъ слуги или раба, который бы болѣе боялся своего господина, или который бы находился въ большемъ рабствѣ, какъ здѣшній простой народъ, и это вообще, не только въ отношеніи къ царю, но и его дворянству, главнымъ чиновникамъ и всѣмъ военнымъ, такъ что если бѣдный мужикъ встрѣтится съ кѣмъ-либо изъ нихъ на большой дорогѣ, то долженъ отвернуться, какъ бы не смѣя смотрѣть ему въ лицо, и пасть ницъ,

ударяя головою о земь, такъ точно, какъ онъ преклоняется предъ изображеніями своихъ святыхъ". Положеніе крестьянъ и въ Николаевскую эпоху было не только не лучше, но, напротивъ, значительно хуже, если принять во вниманіе большую работу, потраченную правительствомъ, въ теченіе протекшихъ столѣтій, на выработку способовъ многосторонняго, прямого и косвеннаго закрѣпощенія народной массы.

А слѣдующая картинка не безынтересной покажется и читателю современному, который захотѣлъ бы поразмыслить о томъ, какова историческая давность многочисленныхъ пріемовъ, употребляемыхъ административной властью и въ настоящее время. Конечно, читателю необходимо призвать на помощь при этомъ нѣкоторое творческое воображеніе, чтобы черты отдаленной эпохи перенести въ міръ существующихъ реальныхъ формъ и отношеній и принарядить обнаженную сущность кажущагося отжившимъ въ пестрыя ткани новѣйшихъ завоеваній въ сферѣ цивилизаціи и, такъ называемаго, европеизма. Тогда безхитростный разсказъ Флетчера пріобрѣтетъ особенный смыслъ, наглядно указующій, какъ упорно защищаетъ исторія отъ посягательствъ новизны свои вѣками сложившіяся и окаменѣвшія формы. „О правленіи русскаго царя,—разсказываетъ Флетчеръ,—гдѣ бы то ни было, въ странахъ ли наслѣдственныхъ, или завоеванныхъ, можно сказать слѣдующее. Во-первыхъ, у народа отнимаютъ оружіе и другія средства къ защитѣ и не позволяютъ никому имѣть ихъ, кромѣ бояръ. Во-вторыхъ, безпрестанно отнимаютъ у него деньги, товары и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не оставляютъ ничего, кромѣ тѣла и жизни. Въ-третьихъ, царь раздаетъ и раздѣляетъ свои владѣнія на многія мелкія части, учреждая въ нихъ отдѣльныя управленія, такъ что нѣтъ ни у кого довольно владѣній для того, чтобы усилиться, хотя бы даже имѣлъ другія средства. Въ-четвертыхъ, области управляются людьми незначащими, не имѣющими сами по себѣ силы и совершенно чуждыми жителямъ тѣхъ мѣстъ, коими завѣдываютъ. Въ-пятыхъ, царь смѣняетъ обыкновенно своихъ правителей одинъ разъ въ годъ, дабы они не могли слишкомъ сблизиться съ народомъ или войти въ сношенія съ непріятелемъ, если завѣдываютъ пограничными областями. Въ-шестыхъ, въ одно и то же мѣсто онъ назначаетъ правителей, непріязненныхъ другъ другу, дабы одинъ былъ какъ бы контролеромъ надъ другимъ, какъ-то князей и дьяковъ, отчего (вслѣдствіе ихъ взаимной зависти и соперничества) здѣсь менѣе повода опасаться тѣсныхъ между ними сношеній; кромѣ того, царь узнаетъ этимъ путемъ обо всѣхъ злоупотребленіяхъ. Въ-седьмыхъ, часто посылаетъ онъ тайно въ каждую область нарочныхъ, пользующихся особеннымъ его довѣріемъ, для развѣдыванія обо всемъ, тамъ происходящемъ, и обо всѣхъ

тамошнихъ безпорядкахъ. Это очень обыкновенное дѣло, хотя такія лица посылаются невзначай, и никому неизвѣстно, въ какое время ихъ должно ожидать“.

Понятно, что въ свое время Шевыревъ долженъ былъ задуматься надъ вопросомъ, насколько съ его точки зрѣнія было не безопасно пускать въ оборотъ читающей публики сочиненіе, подававшее столько поводовъ къ опаснымъ умствованіямъ и вреднымъ толкованіямъ. Инымъ могло показаться, что, будучи переведено на языкъ позднѣйшаго офиціальнаго стиля съ примѣсью елейной мистики о божественномъ происхожденіи власти и обычнаго патріотическаго пустословія, сочиненіе это дастъ поводъ заключить, что, въ существѣ своемъ, русская государственность весьма мало измѣнилась отъ Грознаго до Николая I, и что если это измѣненіе, какъ можно было предполагать, и произошло кое-гдѣ въ разныхъ частяхъ государственнаго организма, то оно коренилось еще глубоко внутри и не могло пробраться наружу. Усвоеніе внѣшнихъ европейскихъ формъ дѣлало на первый взглядъ невозможнымъ сопоставленіе Николаевской эпохи съ эпохой Грознаго или Ѳедора Іоанновича, но по существу произволъ власти, неправосудіе, угнетеніе и обираніе народа продолжали существовать, какъ и встарь. Выростала лишь одна сила, съ которою не считался Грозный: сила общественнаго мнѣнія. Значеніе этой силы прекрасно сознавалъ Шевыревъ и, становясь въ добровольные агенты борьбы съ этой силою, онъ и счелъ опаснымъ распространеніе у насъ книги Флетчера.

Г. Суворинъ оказалъ несомнѣнную услугу переизданіемъ этой книги, сохраняющей во многомъ свою общественную занимательность и для современнаго читателя. Онъ сопроводилъ ее краткимъ предисловіемъ—„отъ издателя“ и замѣткой А. А. Титова, излагающей исторію перваго перевода сочиненія Флетчера; затѣмъ онъ предпослалъ ему написанное для перваго изданія предисловіе кн. М. А. Оболенскаго. Все это прекрасно, но дѣло въ томъ, что это предисловіе значительно устарѣло, тѣмъ болѣе, что въ научномъ отношеніи оно не было полнымъ и для своего времени. Редакторъ могъ бы воспользоваться позднѣйшими изданіями, напримѣръ Э. Бонда (Edward A. Bond, London, 1856), гдѣ въ превосходномъ введеніи онъ могъ бы извлечь большинство свѣдѣній, которыя оказались бы весьма небезполезными для русскаго читателя, особенно же данныя о самомъ Флетчерѣ. Также слѣдовало бы указать въ примѣчаніяхъ и нѣкоторыя неточности русскаго перевода; бросается въ глаза, напримѣръ, фраза: „дѣла, рѣшаемыя Соборомъ, дьяки или секретари излагаютъ въ формѣ *прокламацій*“; въ подлинникѣ—„draw into a forme of proclamation“, что прекрасно можетъ быть передано словомъ „указъ“; кромѣ того, слово Соборъ (the Zabore) параллелизуется словомъ „or parliament“, что

также (можетъ быть, не безъ умысла въ свое время) не отмѣчалось въ переводѣ 1848 г. и осталось неотмѣченнымъ и при второмъ изданіи, а между тѣмъ это—весьма характерная черточка.

III.

— Карлъ Каутскій. Томасъ Моръ и его утопія. Переводъ съ нѣмецкаго М. А. и А. Г. Генкель. Спб. 1905. Книгоиздательство М. В. Пирожкова.

О Томасѣ Морѣ существуетъ на русскомъ языкѣ немало статей преимущественно біографическаго и историко-литературнаго содержанія, существуетъ русскій переводъ, но нѣтъ работы, которая была бы направлена на критическое разсмотрѣніе его „утопіи" съ точки зрѣнія соціальной цѣнности его идей для современнаго читателя. Въ этомъ смыслѣ нельзя не признать весьма полезнымъ перевода на русскій языкъ книги Каутскаго, появившейся въ Германіи въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ и установившаго на Мора совершенно особую точку зрѣнія. Разсматривая Мора (вмѣстѣ съ Т. Мюнцеромъ), какъ „мощнаго бойца у преддверія соціализма", авторъ сообщаетъ въ предисловіи, что онъ приступалъ къ работѣ безъ всякой предвзятой мысли: „Современное соціалистическое движеніе,—говоритъ онъ,—также мало выигрываетъ отъ благопріятнаго сужденія о Морѣ, какъ мало оно потеряло бы отъ того, еслибы отнестись къ Мору отрицательно. Если, стало быть, во мнѣ выработался настоящій энтузіазмъ къ этому человѣку, то его слѣдуетъ отнести цѣликомъ къ его личности, а не къ теоретическому положенію, какое онъ, какъ соціалистъ, занимаетъ. Относительно его я старался никогда не забывать своей задачи, какъ критика; если, тѣмъ не менѣе, кому-нибудь изъ моихъ читателей покажется, что я стараюсь выставить ему Мора въ односторонне-благопріятномъ освѣщеніи, то я сошлюсь хотя бы на то, что мое изложеніе, все-таки, оказывается чрезвычайно сдержаннымъ сравнительно со всѣмъ тѣмъ, что̀ писали о Морѣ другіе его біографы, далеко притомъ не всегда принадлежавшіе къ числу его партійныхъ друзей. Моромъ нельзя заниматься и не полюбить его при этомъ".

Новизна постановки вопроса заставила Каутскаго заняться Моромъ подробнѣе и полнѣе освѣтить его съ исторической и біографической стороны. Предназначая свой трудъ не для однихъ лишь спеціалистовъ, но и для большой публики, Каутскій ставитъ своей задачей помочь ей оріентироваться въ тѣхъ историческихъ условіяхъ, пониманіе которыхъ необходимо для уясненія чертъ эпохи и міросозерцанія Мора. Своеобразіе этихъ условій заставило автора сдѣлать цѣлый рядъ экс-

курсовъ вглубь среднихъ вѣковъ, чтобы выяснить общій строй быта и понятій, господствовавшихъ въ Англіи съ XVI вѣка. Эти экскурсы, охватившіе основныя черты вѣковъ гуманизма и реформаціи, съ политической и экономической тенденціей на первомъ планѣ, составили обширное „введеніе", замѣчательное ясностью изложенія и единствомъ въ развитіи руководящихъ идей. „Какъ и вообще всякій соціалистъ,— говоритъ Каутскій,— такъ же точно и Моръ можетъ быть понятъ только лишь въ томъ случаѣ, если стать на точку зрѣнія современной ему эпохи. Между тѣмъ, именно его эпоху значительно труднѣе понять, чѣмъ вѣкъ любого послѣдующаго соціалиста, такъ какъ она сильно разнится отъ современной намъ. Чтобы разобраться въ ней, необходимо вознакомиться не только съ начальными стадіями развитія *капитализма*—надо узнать также послѣднюю пору жизни *феодализма* и прежде всего детально постичь ту громадную роль, которая въ это время доставалась на долю съ одной стороны церкви, съ другой— міровой торговлѣ. Моръ, подобно всѣмъ другимъ, точно также подпалъ подъ сильное вліяніе того и другого, и намъ пришлось бы переливать изъ пустого въ порожнее, если бы мы поддались хоть на минуту искушенію набросать характеристику личности и твореній перваго соціалиста, не показавъ предварительно, хотя бы даже въ самыхъ общихъ чертахъ, ту комбинацію историческихъ моментовъ, продуктомъ которыхъ онъ является".

Слѣдуетъ замѣтить, однако, что выясненіе этихъ историческихъ моментовъ сдѣлано Каутскимъ слишкомъ схематично, намѣчено слишкомъ общими и отвлеченными чертами, не всегда достаточными для того, чтобы войти въ духъ и міросозерцаніе эпохи, создавшей Томаса Мора.

Вторая часть посвящена біографіи Мора, выдвигающей на первый планъ черты его умственнаго склада и строй его нравственныхъ и общественно-политическихъ убѣжденій. Но особый интересъ пріобрѣтаетъ изложеніе Каутскаго въ третьей части его труда, посвященной характеристикѣ „Утопіи" и критикѣ ея съ той точки зрѣнія, которая является обычно-характерной для Каутскаго, т.-е. съ марксистско-матеріалистической. Эту точку зрѣнія необходимо имѣть въ виду читателю, особенно въ критической части работы Каутскаго: распространеніе идей опредѣленнаго порядка дорого для Каутскаго не менѣе, если не болѣе, чѣмъ установленіе правильнаго „историческаго" взгляда на Мора, какъ на соціалиста. „Въ этой работѣ мнѣ лишь рѣдко представлялся случай ссылаться на сочиненія Маркса и Энгельса,—говоритъ Каутскій по этому поводу.—Впрочемъ, единичныя цитаты далеко не въ полной мѣрѣ могли бы указать, чѣмъ я обязанъ этимъ двумъ мыслителямъ въ теоретическомъ отношеніи. Ссылка можетъ дать ука-

заніе, когда пользуешься у автора извѣстнымъ фактомъ или точкою зрѣнія. Между тѣмъ очень трудно выразить ссылками весь методъ изслѣдованія, которымъ пользуешься. Поэтому считаю умѣстнымъ напомнить здѣсь, что если мнѣ удалось стать на новую и, быть можетъ, интересную точку зрѣнія, то я обязанъ этимъ марксистскому пониманію исторіи и методу".

Одной изъ руководящихъ мыслей Каутскаго является то положеніе, что Моръ, подобно многимъ другимъ выдающимся мыслителямъ, былъ геніальнымъ прозорливцемъ и сумѣлъ предвосхитить у современнаго соціализма извѣстныя положенія раньше, чѣмъ вырабатывались тѣ матеріальныя условія, на которыхъ они должны были обосноваться. Послѣдовательнымъ развитіемъ фактически вѣрно поставленной мысли онъ добирался до этого „предвосхищенія", исходя при этомъ изъ тѣхъ началъ капитализма, которыя въ его время уже существовали. Кромѣ спеціальной цѣли—повліять на управленіе и конституцію Англіи, Моръ поставилъ своей задачей предостеречь своихъ соотечественниковъ отъ вредныхъ послѣдствій капитализма—и это въ эпоху, когда капиталистическое производство было еще въ зародышѣ; выработанный имъ планъ борьбы съ его вредными послѣдствіями содержитъ въ себѣ въ общихъ чертахъ всю программу современнаго соціализма.

Каутскій подробно и въ нѣсколькихъ мѣстахъ останавливается на возраженіи представителямъ того взгляда, который допускалъ возможность разсмотрѣнія „утопіи", какъ „гуманистической забавы", „слегка подогрѣтаго изданія Платоновскаго коммунизма. Въ противоположность Платоновскому, основанному на развитіи понятія о справедливости, коммунизмъ Мора своей исходной точкой имѣетъ критику существовавшихъ въ его время политическихъ и экономическихъ условій. Даже болѣе: „Моровскій коммунизмъ ни съ Платоновскимъ, ни съ христіанскимъ коммунизмомъ (это, по выраженію Каутскаго, коммунизмъ „нищенской сумы, а не работы") ничего общаго не имѣетъ, онъ *вполнѣ современенъ* и возникъ изъ *капитализма*". Поэтому Каутскій протестуетъ и противъ того мнѣнія, по которому „утопія" въ настоящее время должна бы сдѣлаться достояніемъ либо спеціально филологическаго журнала, либо фельетона.

Трагизмъ судьбы Мора Каутскій видитъ въ его одинокомъ сознаніи необходимости разрѣшенія задачъ, выдвигаемыхъ эпохой въ то время, какъ матеріальныя данныя для этого разрѣшенія еще не успѣли обозначиться во всей своей очевидности. Задачи эти сводились къ тому, чтобы—„выступить въ защиту обиженныхъ противъ своевластія притѣснителей; между тѣмъ онъ стоитъ совершенно одиноко, и начинанія его ему же самому кажутся безнадежными". Книга кончается указаніемъ на величіе характера Мора, доказавшаго твердость своихъ убѣ-

жденій своей трагической кончиной на эшафотѣ. „Болѣе трехсотъ лѣтъ должно было пройти, прежде чѣмъ возможно было понять, что намѣченныя имъ цѣли были не измышленіями праздной фантазіи, а результатомъ глубокаго пониманія сущности экономическихъ тенденцій его эпохи. „Утопіи“ скоро исполнится 400 лѣтъ, уже прошло съ лишнимъ столько времени отъ дня рожденія Мора, а все еще идеалы его не достигнуты, все еще лежатъ они впереди человѣчества, идущаго къ прогрессу“.

IV.

— Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова. Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія В. В. Каллаша. Томъ четвертый. Стихотворенія и басни. Спб. (1906?). Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“.

Намъ приходилось уже касаться этого изданія и выяснить его характеръ и планъ. Оно преслѣдуетъ серьезныя историко-литературныя цѣли, но въ тѣхъ предѣлахъ, какіе необходимы для удовлетворенія запросовъ широкой публики. Эти же соображенія легли въ основу редакторской работы и при изданіи настоящаго, четвертаго тома, гдѣ собраны лирическія стихотворенія и басни Крылова. Располагая матеріалъ въ хронологическомъ порядкѣ, редакторъ въ текстѣ басенъ слѣдуетъ посмертному изданію 1844 года (съ корректурными исправленіями), первоначальныя же редакціи и варіанты относитъ къ примѣчаніямъ; что касается до распредѣленія басенъ, то г. Каллашъ совершенно основательно оставилъ то же распредѣленіе басенъ „въ девяти книгахъ“, которое было установлено самимъ Крыловымъ. Въ примѣчанія, по плану редактора, отнесено все то, что было найдено имъ нужнымъ для объясненія отдѣльныхъ басенъ и стихотвореній. „Мы находили излишнимъ,—говоритъ г. Каллашъ,—гоняться за проскользнувшими въ печать пріуроченіями басенъ Крылова къ отдѣльнымъ событіямъ и лицамъ, какъ это дѣлаетъ Кеневичъ: рамки басенъ слишкомъ широки и даютъ возможность для всевозможныхъ пріуроченій—post factum. Въ этомъ отношеніи мы приводили только то, что находили болѣе достовѣрнымъ и интереснымъ. Не гонялись мы также и за библіографической полнотой варіантовъ, но указывали изъ нихъ все то, что сколько-нибудь характерно для Крылова и его творческихъ пріемовъ. Полнаго свода всѣхъ варіантовъ можно, конечно, требовать только отъ академическаго изданія“. При этомъ редакторъ добавляетъ, что имъ были изучены всѣ рукописи Крылова, принадлежащія общественнымъ учрежденіямъ, и сдѣланы всѣ извлеченія, которыя могли представлять общій интересъ.

Въ предисловіи находимъ нѣсколько странное заявленіе: „Коли-

чество отведенныхъ издателями печатныхъ листовъ не позволило намъ, къ сожалѣнію, дать настолько обстоятельныя вступительныя статьи и примѣчанія къ баснямъ, какъ бы этого намъ хотѣлось". Дѣйствительно, это наиболѣе замѣтный недостатокъ настоящаго изданія: въ немъ мало обобщающихъ очерковъ въ виду неодинаковой извѣстности Крылова въ различныхъ направленіяхъ его литературной дѣятельности, совершенно поглощенныхъ его популярностью, какъ баснописца. Какъ это ни можетъ показаться страннымъ съ перваго взгляда, но у насъ нѣтъ обстоятельныхъ, основанныхъ на новѣйшемъ изученіи, историко-литературныхъ работъ о басняхъ со стороны ихъ содержанія; прежнія статьи, давно уже сдѣлавшіяся достояніемъ хрестоматій, требуютъ критическаго пересмотра,—между прочимъ, съ точки зрѣнія художественной и моральной оцѣнки воспитательнаго значенія басенъ.

Вмѣсто предположенной, повидимому, вначалѣ обстоятельной вступительной статьи читатели находятъ въ настоящемъ томѣ сжатый, но чрезвычайно мѣткій очеркъ, заключающій въ себѣ характеристику лирическихъ стихотвореній и басенъ Крылова. „Въ своемъ творческомъ развитіи,—говоритъ здѣсь г. Каллашъ, Крыловъ двигался въ сторону наименьшаго сопротивленія. Смягченная сатира давала извѣстный исходъ основному настроенію души писателя, и въ то же время не дразнила въ общемъ гусей цензурныхъ и административныхъ. Густая псевдо-классическая закваска, навѣянная, главнымъ образомъ, уроками Дмитревскаго, никогда не исчезала у Крылова, но ушла подъ спудъ, когда ему пришлось удовлетворять спросу на реализмъ и народность. Литературная мода заставляетъ его даже пользоваться отдѣльными подробностями сентиментализма, смѣшныя стороны котораго онъ понималъ слишкомъ хорошо, и злоупотребленіе которымъ онъ началъ осмѣивать очень рано. „Лукавый дѣдушка" много таилъ про себя и часто писалъ не то, что̀ думалъ. Басенные звѣри давали ему возможность искусно припрятать свою затаенную мысль, свой „рѣзкій, охлажденный умъ", свой безысходный скептицизмъ. Рисуя звѣриные нравы, онъ не то осмѣивалъ ихъ, не то выставлялъ, какъ нѣчто законное, или во всякомъ случаѣ неизбѣжное. Въ результатѣ сложныхъ и тяжелыхъ жизненныхъ перипетій онъ приходитъ къ особой „обывательской морали", которая пришлась по душѣ среднему человѣку, и которую онъ облекъ въ блестящія краски колоритной народности, гибкаго и подвижного юмора, мнимо-наивной проказливости разсказа, здороваго реализма, афористической сжатости и эпиграмматической мѣткости".

Въ этомъ прекрасномъ очеркѣ недостаточно охарактеризована одна, чрезвычайно важная сторона творчества Крылова — тонкій и

нѣжный лиризмъ, въ которомъ за сентиментальнымъ прекраснодушіемъ скрывалась глубокая сердечная чуткость ко всему, на чемъ лежала печать поэзіи и красоты.

Въ итогѣ—русскіе читатели впервые получаютъ полное и обстоятельно проредактированное собраніе сочиненій Крылова, оживленное рядомъ художественныхъ приложеній въ видѣ портретовъ, разнаго рода снимковъ и проч. Въ концѣ помѣщенъ указатель всѣхъ вошедшихъ въ настоящее изданіе произведеній Крылова.

V.

— Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ.—Лекціи профессоровъ Р. В. Ш. о. н. въ Парижѣ. — Подъ редакціей профессоровъ Е. В. де-Роберти, Ю. С. Гамбарова и М. М. Ковалевскаго.—Изданіе Г. Ѳ. Львовича. Спб. 1905.

Это изданіе является однимъ изъ конкретныхъ памятниковъ замѣчательнаго въ своемъ родѣ учрежденія, создавшагося въ культурнѣйшемъ центрѣ Европы по иниціативѣ нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ, не нашедшихъ, по слишкомъ хорошо извѣстнымъ условіямъ отечественнаго покровительства наукамъ и искусствамъ, возможности работать у себя на родинѣ, и предназначеннаго для слушателей, для той русской молодежи, которой не оказалось мѣста въ родныхъ университетахъ. Печать внимательно и любовно слѣдила за развитіемъ этого „вольнаго университета“ и знакомила русскую публику съ ростомъ и успѣхами этого учрежденія. По настоящей книгѣ читатели могутъ судить, насколько серьезны были курсы, предлагавшіеся слушателямъ, и насколько интересы чистаго знанія лежали прежде всего въ основѣ этой въ то же время общественной задачи.

Настоящій сборникъ не представляетъ собой чего-либо систематическаго и созданнаго по заранѣе намѣченному плану. Редакторы смотрятъ на него, какъ на образцы читавшихся профессорами этой школы курсовъ, „болѣе или менѣе самостоятельныхъ мемуаровъ“, по выраженію М. М. Ковалевскаго. Эти мемуары распадаются въ сборникѣ на четыре рубрики: соціологія, исторія философіи, экономика, право и политика. Въ дальнѣйшихъ сборникахъ редакція имѣетъ въ виду издать и курсы по антропологіи и этнографіи, по исторіи вообще и исторіи учрежденій, по философіи наукъ и по исторіи религій и метафизическихъ системъ.

Въ отдѣлѣ соціологіи настоящаго сборника находимъ лекцію Тарда, посвященную его теоріи психическихъ воздѣйствій („интеръ-психологія“), какъ составляющихъ основу всѣхъ общественныхъ явленій, статью г. де-Роберти—„Къ оцѣнкѣ основныхъ предпосылокъ соціоло-

гической теоріи Карла Маркса“, заключающую въ себѣ ученіе экономическаго матеріализма („экономическій матеріализмъ прочно овладѣлъ всей областью исторіи“, но онъ—„безсиленъ дать намъ *раціональное* объясненіе всей совокупности общественныхъ явленій“). За этими статьями идутъ: М. М. Ковалевскаго — „Соціальная доктрина Спенсера“, г. Шейниса — „Къ исторіи самоубійства“. Въ отдѣлѣ „Исторія философіи“ помѣщены статьи г. В. Анри—„Философія Лейбница и современная энергетика“, г. Баша — „Столѣтняя годовщина Канта“, Лесевича—„Отъ Огюста Конта къ Авенаріусу“. Въ экономическомъ отдѣлѣ нашли себѣ мѣсто статьи: Шарля Жида—„Возникновеніе и развитіе экономіи въ XIX вѣкѣ“, Рене Вормса—„Методы научнаго анализа въ обществовѣдѣніи“, М. М. Ковалевскаго—„Исходные моменты въ развитіи капиталистическаго хозяйства“, А. И. Чупрова—„Мелкое земледѣліе и его основныя нужды“. Наконецъ, въ отдѣлѣ права и политики помѣщенъ рядъ статей г.г. Тарбуріеша, Гамбарова, Ковалевскаго, Виноградова, Трачевскаго и Тамамшева. Здѣсь затронуты вопросы о природѣ собственности, о государствѣ („Взглядъ на общій ходъ развитія политической мысли во второй половинѣ XIX в.“), о японцахъ съ точки зрѣнія ихъ историческаго развитія, о раннихъ сношеніяхъ Россіи съ Грузіей и армянами.

„Очевидно, ни одинъ сборникъ, не противорѣча своей природѣ и самому своему названію,—говоритъ г. Ковалевскій въ своемъ предисловіи,—не можетъ претендовать на полноту и законченность. Ихъ нѣтъ, и ихъ сознательно не преслѣдовали издатели выпускаемаго нынѣ сборника. Задача ихъ несравненно скромнѣе: они хотятъ познакомить широкіе круги русскаго общества съ тою образовательною дѣятельностью, которой они посвятили себя на пользу русскихъ людей, ищущихъ заграницей отвѣта на многіе вопросы, которые призвана была бы подымать не существующая пока у насъ школа общественныхъ и политическихъ наукъ. Издатели не сомнѣваются въ томъ, что подобная школа возникнетъ и въ Россіи въ близкомъ будущемъ; ея созданіе будетъ завершеніемъ предпринятаго ими дѣла и дастъ имъ возможность перенести свое преподаваніе въ русскую среду. Пока свободныхъ школъ у насъ нѣтъ, не безполезно будетъ открыть всѣмъ, добывающимъ знаніе путемъ саморазвитія, возможность извлечь пользу изъ того преподаванія общественныхъ наукъ на русскомъ языкѣ, центромъ котораго, за послѣдніе четыре года, сдѣлался Парижъ“.

Не сомнѣваемся, что настоящая книга встрѣтитъ сочувственный пріемъ въ русской публикѣ, особенно въ средѣ молодыхъ читателей, передъ которыми выросла настоятельная задача искать путей къ истинному самообразованію въ переживаемые ею томительные періоды университетскаго запустѣнія.—Евг. Л.

Въ январѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

А., М.—Довольно! Отповѣдь крайнимъ партіямъ. Спб. 905. Ц. 20 к.
Брюсовъ, Валерій.—Вѣнокъ. Стихи: 1903—1905 гг. М. 906. Ц. 2 р.
Бутенко, Влад.—Утро, трагед. въ 3 д. Од. 905.
Быховскій, В. В.—Въ эпоху довѣрія. Спб. 906. Ц. 1 р.
В., Ф.—Буква Ѣ въ курсѣ народной школы. М. 901. Ц. 5 к.
Ванъ-Ворстъ, Б. и М.—Американскія работницы. Спб. 906. Ц. 50 к.
Веселкова-Кильштеттъ, М.—Стихи и пьесы. Спб. 906. Ц. 2 р.
Виноградовъ, Н. Д.—Философія Давида Юма. Ч. I: Теоретическая философія. М. 905. Ц. 1 р. 50 к.
Галкинъ, М. А.—Практическій скотолечебникъ. Ч. I. Спб. 906. Ц. 30 к.
Гладковъ, Б. И.—Толкованіе Евангелія. Спб. 906. Ц. 1 р. 60 к.
Годлевскій, С. Ф.—Свобода и право. Къ вопросу объ основахъ всенароднаго избранія представителей Россіи. Спб. 906. Ц. 20 к.
Головнинъ, проф. Д. Н. — Мысли объ основахъ реформы высшей школы. М. 906. Ц. 20 к.
Горыничъ, А. — Еврейскій и польскій вопросы въ Россіи и ихъ разрѣшеніе. Спб. 906. Ц. 20 к.
Дербекъ, Ф. А.—Исторія чумныхъ эпидемій въ Россіи съ основанія государства до настоящаго времени. Спб. 905.
Доброхотовъ, Ан.—Деспотія коммунистическаго строя. Посвящается пролетаріямъ всѣхъ странъ. М. 906. Ц. 10 к.
Долгова, Е. — Флоренція. Картинныя галереи. I. Уффици. Съ 20-ю рис. М. 904. Ц. 85 к.
——— II. Галерея Питти. Академія художествъ. Музей С. Марко и др. Спб. 905. Ц. 1 р.
Жагадисъ.—Облака. Поэма. М. 905. Ц. 65 к.
Запанковъ, Н. А.—Учитель народной школы. Спб. 906.
Зомбартъ, В.—Промышленный рабочій вопросъ. Съ нѣм. п. р. Ю. Филиппова. Спб. 906. Ц. 25 к.
Измайловъ, В.—По горячимъ слѣдамъ. Банкометы. Разсказы. Спб. 906. Ц. 3 к.
Исаевъ, А. А.—Смута и земельный вопросъ. Спб. 906. Ц. 15 к.
——— Характеръ русской революціи. Спб. 906. Ц. 15 к.
Кабанессъ и *Л. Насъ*. — Революціонный неврозъ. Съ франц. Д. Ф. Коморскій. Спб. 906. Ц. 2 р.
Кревецький, Іван.—Корифеі росийськоі критики і украинське письменство. I. В. Г. Белінский. У Львови. 905. Ціна 50 сот.
Кудринскій, Ѳ.—Литовцы. Вильна, 906. Ц. 30 к.
Лассаль, Ферд. — Капиталъ и трудъ. Перев. Э. Зиновьевой. 2-е изд. Спб. 906. Ц. 75 к.
Лермонтовъ, М. Ю.—Полное собраніе сочиненій. Изд. п. р. Арс. И. Введенскаго. Т. IV: Драматическія произведенія. Спб. 906. Ц. за IV тома 3 р.
Менгеръ, А. — Право на полный продуктъ труда. Перев. О. Бужанскаго. Спб. 906. Ц. 30 к.
Менстровъ, М., свящ. — Единое на потребу. Бесѣда о небесномъ и земномъ. Спб. 905,
Миклашевскій, Ал.—Обязательное обученіе въ народной школѣ. Юрьевъ-Дерптъ. 906. Ц. 75 к.

Микулинъ, А. А.—Фабричная инспекція въ Россіи. 1882—1906 гг. Кіевъ, 906. Ц. 2 р. 25 к.

Миропольскій, О.—Учебникъ грамоты для молодыхъ солдатъ. Составл. по распоряж. Военнаго Министра и по указаніямъ Коммиссіи Педагогич. Музея военно-учебныхъ заведеній. Изд. 9-е. Спб. 906. Ц. 15 к.

Модестовъ, В. И.—Исторія римской литературы. Дополненіе къ изданію 1888 г. лекцій по исторіи римской литературы, чит. въ кіев. и спб. университетахъ. М. 906.

Моррисъ, В.—Вѣсти ниоткуда, или эпоха счастья. Съ англ. А. П. Спб. 906.

Нагуевскій.—Изъ жизни музеевъ. Каз. 906.

Нижегородцевъ.—Русскіе коммунисты-духоборы. М. 906. Ц. 5 к.

Нодо, Л. — Письма о войнѣ съ Японіею. Перев. съ франц. Н. Логовъ. Спб. 906. Ц. 1 р.

Оленовъ, Мих.—Такъ называемый „кризисъ марксизма". Ч. I: „Кризисъ" теоріи. Ч. II: „Кризисъ" русскаго марксизма. Спб. 906. Ц. 1 р.

Першке, Л. Л.—Обзоръ отраслей промышленности въ Закавказскомъ краѣ, служащихъ источникомъ косвенныхъ налоговъ, и поступленіе акцизнаго по краю дохода за 1904 годъ. Тифл. 905.

Пименова, Э.—Страна сфинксовъ и пирамидъ. Египетъ. Спб. 906. Ц. 15 к.

По, Эдгаръ.—Собраніе сочиненій, въ переводѣ съ англ. К. Д. Бальмонта, т. II. Разсказы, статьи, отрывки, афоризмы. М. 906. Ц. 1 р. 30 к.

Подъяпольскій, П.—О высокомъ вѣроятіи проявленія внушеній, заданныхъ родителямъ у дѣтей. Сарат. 905. Ц. 30 к.

Постниковъ, А. П.—Элементарный курсъ электротехники. Изд. 2-е. Съ 106 чертеж. М. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Рафаловичъ, Сергѣй.—Свѣтлыя пѣсни. Спб. 905.

Сперанскій, А. А. — Изъ литературы древняго Египта. Вып. I: Разсказъ о двухъ братьяхъ. Первоисточникъ сказаній о Кощеѣ. Спб. 906. Ц. 1 р. 80 к.

Стасюлевичъ, М. — Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. II. Періодъ второй: отъ Карла В. до крестовыхъ походовъ. 768—1096 гг. Третье изданіе. Спб. 906. Стр. 910. Ц. 3 рубля съ пересылкою.

Строевъ, Н.—Историческій моментъ. II. Крестьянскій съѣздъ. Спб. 906. Цѣна 25 к.

Туганъ-Барановскій, М.—Очерки по новѣйшей исторіи политической экономіи и соціализма. 3-е изд. Спб. 906. Ц. 1 р.

Фланденъ, Э. — Политическія учрежденія современной Европы. Англія—Бельгія. Перев. Н. Лихаревой. Спб. 906. Ц. 1 р.

Фоссъ, М. — Морская война. Съ черт. Перев. И. Гельмерсенъ Спб. 906. Цѣна 2 рубля.

Хоценовъ, К. С. — Опытъ простого изъясненія трагедіи Шекспира „Макбетъ". Пск. 905. Ц. 30 к.

Штутцъ, Ульрихъ.—Церковное право Перев. п. р. Евг. Темниковскаго. Яросл. 905. Ц. 2 р.

Щепкина, Е.—Краткій очеркъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до начала XX вѣка. 2-е изд. Спб. 906. Ц. 1 р.

Щетининъ, кн. Г. А. — Въ московскомъ университетѣ. Изъ недавняго прошлаго. М. 906. Ц. 15 к.

Юринъ, Н. Т. — Что такое кредитное товарищество и какъ его организовать въ деревнѣ. Саратовъ, 905.

Якубовичъ, П. (Л. Мельшинъ). Стихотворенія. Т. II: 1898—1905. Спб. 906. Цѣна 1 рубль.

Stackelberg, Bar. G. — Die Methoden des proportionalen Wahlsystems und deren Anwendbarkeit bei landschaftlichen Wahlen in den baltischen Provinzen. Pet. 906.

— „Библіотека для всѣхъ", С. Н. Рутенбергъ: 1) Парвусъ, Настоящее политическое положеніе и виды будущаго, ц. 3 к. 2) А. Бебель, Общество будущаго, ц. 55 к. 3) Сѣдой, Д., Промышленная жизнь Англіи въ XVIII и XIX ст., ц. 30 к. 4) Р. З., Великая французская революція, ц. 10 к. 5) Ф. Д., Всенародное Учредительное собраніе, ц. 15 к. 6) М. Н. К., Исторія парижской коммуны 1871 года, ц. 20 к. 7) А. Тунъ, Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи. Перев. Вѣры Засуличъ, Д. Кольцова и др. Спб. 906. Ц. 1 р.

— Библіотека нашихъ дѣтей: 1) Игнатьевъ, И., Ботаническіе очерки, кн. 1 и 2. Ц. 40 к. 2) Ульяновъ, А., Въ акробаты. Ц. 6 к. 3) Ивашкевичъ, А., Побѣгъ. Ц. 6 к. 4) Ульяновъ, А., Въ ученьи. Ц. 6 к. 5) Сысоевъ, В., Сказки животныхъ, кн. 1 и 2. Ц. 55 к. Спб. 906.

— Библіотека „Общественной пользы": 1) М. А. Рейснеръ, б. проф. Томскаго университета, Государство и вѣрующая личность, ц. 2 р. 50 к.; 2) П. Масловъ, Аграрный вопросъ въ Россіи, ч. I: Общія условія сельскаго хозяйства; ч. II: Крестьянское хозяйство въ Россіи, ц. 2 р. 50 к.; 3) Фридманъ, Наша финансовая система, ц. 50 к.; 4) В. М. Гаршинъ, Трусъ, ц. 5 к. 5) Ф. Нефедовъ, Зигда, ц. 3 к.; 6) В. М. Гаршинъ, 1. Плѣнница. 2. Attalea princeps, ц. 2 к.; 7) Его же, То, чего не было; Лягушка-путешественница; Сказка о жабѣ и розѣ, ц. 3 к.; 8) Ф. Нефедовъ, Въ туманѣ, ц. 10 к.; 9) Д. Айзлинъ, Исторія одного преступленія, ц. 4 к.; А. Дживелеговъ, Очерки по исторіи Германіи, 1866—71 гг., ц. 30 к.; 10) В. Гаршинъ, Четыре дня. Спб. 906. Ц. 3 к.

— Библіотека просвѣщенія: 1) Зомбартъ, В., Рабочій вопросъ, съ нѣм. С. Брусовъ. Ц. 27 к. 2) Государственное страхованіе рабочихъ въ Германіи, Н. И. Сувирова. Ц. 49 к. 3) Нищета философіи. Отвѣтъ на „Философію нищеты" Прудона. Соч. К. Маркса Ц. 39 к. 4) Большіе города, ихъ общественное, политическое и экономическое значеніе. Сборникъ статей. Спб. 906. Цѣна 44 коп.

— Государства и народы Европы: 1) Англія. Этнографическій очеркъ. Съ 15 рис. Спб. 906. Ц. 10 к. 2) Германія. Е. Э. Сно, съ 15 рис. Спб. 906. Цѣна 10 коп.

— Дѣло наслѣдниковъ Л. А. Крона съ Ж. В. Кронъ. Спб. 906.

— Извѣстія Спб. Политехническаго Института. 1905. Т. IV, вып. 1—2. Спб. 905.

— Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича: Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій. Т. I: вып. IV. Спб. 905.

— Изданія Е. Д. Кусковой: 1) С. Прокоповичъ, Союзы рабочихъ и ихъ задачи. Спб. 905. Ц. 7 к. 2) Р. Бланкъ, Классовая борьба и Политическія коалиціи. Спб. 905. Ц. 25 к.

— Историческій очеркъ дѣятельности Херсонскаго Губернскаго Земства за 1865—1899 гг. Вып. II. Херс. 905.

— Какъ надѣлить крестьянъ землею? Аграрная программа партіи „Свободомыслящихъ", въ связи съ политикою агр. программъ другихъ партій. Спб. 906. Ц. 5 к.

— Краткій обзоръ начальнаго народнаго образованія въ Херсонской губерніи за 1903 г. Херс. 905.

— Матеріалы подворной переписи Полтавской губерніи въ 1900 году: 1) Золотоношскій уѣздъ; 2) Лохвицкій уѣздъ. Полт. 905.

— Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1904 годъ. Годъ XIX. Полт. 905.

— Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организація врачебной помощи въ Россіи за 1903 г. Спб. 905.

— Памяти Чехова. Общество любителей русской словесности. Спб. 906. Цѣна 1 рубль.

— Письмо В. Бѣлинскаго къ Н. Гоголю. Спб. 905. Ц. 5 к.

— Политическій строй современныхъ государствъ. Т. II: Сборникъ статей В. И. Водовозова, Б. Вышеславцева, Діонео, Г. Б. Іоллоса, М. М. Ковалевскаго и др. М. 906. Ц. 1 р. 50 к.

— Пѣсни ста поэтовъ. Японская антологія. Спб. 906.

— Русскій біографическій словарь, изд. подъ наблюд. Предсѣдателя Имп. Русск. Историч. Общества А. А. Половцова: 1) Дабеловъ — Дядьковскій; 2) Обезьяниновъ — Очкинъ; 3) Плавильщиковъ — Примо; 4) Чаадаевъ—Швитковъ. Спб. 905.

— Сборникъ программъ для чтенія по вопросамъ государственнаго строя. М. 906. Ц. 50 к.

— Свободная совѣсть. Литературно-философскій сборникъ. Кн. I. М. 906. Ц. 1 р. 25 к.

— Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ и главныхъ оборотахъ по казенной продажѣ питей въ 2-хъ губ. и въ 2-хъ обл. очереди 1904 г., за 1904 годъ. Спб. 905.

— Университетъ и политика. Изданіе Союза студентовъ Спб. университета и „Академическаго Союза слушательницъ Спб. высшихъ женскихъ курсовъ“. Спб. 906. Ц. 75 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Arthur Schnitzler. Zwischenspiel. Komödie. Berlin, 1906 (S. Fischer Verlag).

Артуру Шнитцлеру больше всего удаются психологическія пьесы— съ вопросами, обращенными къ человѣческой душѣ, но безъ опредѣленныхъ отвѣтовъ. Онъ умѣетъ открывать всяческія „возможности" для сложныхъ человѣческихъ чувствъ и показывать внутреннюю правду кажущихся противорѣчій, которыя обыкновенно служатъ объектомъ для возмущенія со стороны моралистовъ. Иногда, впрочемъ, Шнитцлеръ самъ выступаетъ въ роли моралиста и строгаго судьи человѣческихъ поступковъ, изрекаетъ приговоры и назначаетъ кары; но тогда онъ утрачиваетъ истинную мудрость художника, которому все понятно и доступно въ человѣческой психикѣ, и становится банальнымъ проповѣдникомъ житейскаго благоразумія. Такимъ прорицателемъ азбучныхъ истинъ Шнитцлеръ былъ въ своей пьесѣ „Одинокій путь", написанной какъ бы для иллюстраціи скучной пословицы: „что посѣешь, то и пожнешь". Тѣмъ пріятнѣе привѣтствовать его возвращеніе на путь художественной правды, не столь опредѣленной и практичной, какъ житейскія сентенціи, но глубже проникающей въ духовную жизнь человѣка.

Новая пьеса Шнитцлера носитъ названіе „Интермеццо" (Zwischenspiel) и приближается къ типу его прежнихъ острыхъ, вызывающе-смѣлыхъ художественныхъ пьесъ, каковы: „Зеленый попугай", „Анатоль" и др.; въ нихъ дѣйствіе происходитъ на тонкомъ, какъ остріе, рубежѣ между противоположными началами, управляющими жизнью, между правдой и ложью, между любовью и гнѣвомъ, и т. д.

„Интермеццо" названо комедіей, но это обозначеніе—слегка ироническое. Такъ какъ въ пьесѣ не происходитъ никакихъ катастрофъ, а психологическая развязка опредѣляется взаимнымъ соглашеніемъ заинтересованныхъ лицъ, то авторъ, отдавая дань обычному отождествленію драмы съ внѣшними катастрофами, а комедіи—съ благополучнымъ исходомъ, называетъ свою пьесу комедіей только потому, что драматизмъ ея скрытъ въ душахъ и противорѣчитъ житейскому благоразумію.

Еслибы комедія Шнитцлера была средневѣковой „моралитэ", гдѣ выступаютъ въ роли дѣйствующихъ лицъ отвлеченныя понятія, управ-

ляющія событіями, то пьесу можно было бы озаглавить: „Искренность, Свобода и Судьба". Психологическій замыселъ пьесы, т.-е. ея жизненная правда, заключается именно въ противоположеніи другъ другу этихъ трехъ понятій. Люди хотятъ быть искренними; они столь заносчивы, что вѣрятъ въ свою свободу, въ то, что они сами создали ее для себя; но судьба, т.-е. сила, ведущая человѣка къ невѣдомой для него самого цѣли, безконечно переплетаетъ и осложняетъ мотивы дѣйствій и самыя дѣйствія: правда жизни осуществляется, но не такая, какою ее хотѣли сотворить „искреннія" и свободныя" два существа, а разрушительная для нихъ обоихъ, противоположная ихъ ожиданіямъ.

Этотъ психологическій замыселъ углубляется философской мыслью, положенной въ основу психологическаго эксперимента. Для Шнитцлера правда жизни заключается въ отсутствіи соизмѣримости правды желаній съ правдой фактовъ. Есть логика совершающихся событій и даже дѣйствій человѣка, но надъ нею человѣкъ не властенъ, и она ему не судья. Другими словами, поступки человѣка, соотвѣтствующіе или противоположные его собственному мѣрилу добра, не характерны для него. Важны только внутреннія побужденія, все равно, осуществились ли они или нѣтъ. Правда желаній—единственное психологическое мѣрило человѣка, рѣшающее его отношенія къ міру. Эту правду желаній Шнитцлеръ и приводитъ въ столкновеніе съ вопросомъ о свободѣ и искренности. Получается рядъ вопросовъ объ осуществимости свободы, противоположной остротѣ желаній, объ искренности и правдѣ, и главное, о соотношеніи психологическихъ мотивовъ и жизненныхъ фактовъ. Отвѣтовъ, какъ всегда, у Шнитцлера нѣтъ. Въ „Интермеццо" дѣйствіе, начинающееся съ внѣшняго конфликта и будто бы легкаго его разрѣшенія, постепенно углубляется, по мѣрѣ того, какъ внѣшнее рѣшеніе переходитъ въ фактъ внутренней жизни и тамъ создаетъ неожиданныя осложненія. Къ концу комедіи въ сущности внѣшнимъ образомъ ничто не мѣняется. Подтверждается только рѣшеніе, принятое вначалѣ, но такъ какъ оно прошло черезъ душевную борьбу, то изъ внѣшняго факта стало проявленіемъ выстраданной правды души.

Дѣйствующія лица комедіи—мужъ и жена, которые строятъ свою жизнь на началахъ полной обоюдной свободы и искренности. Ихъ связываетъ взаимная любовь и, кромѣ того, общая артистическая дѣятельность. Онъ—композиторъ и капельмейстеръ въ оперномъ театрѣ, гдѣ поетъ его жена, выдающаяся пѣвица, которая пользуется всюду большимъ успѣхомъ. Онъ считаетъ ее идеальной исполнительницей своихъ композицій; она преклоняется передъ его талантомъ, и, кромѣ того, поетъ охотно только то, что онъ съ ней прошелъ. У нихъ есть

маленькій сынъ, и семейная жизнь ихъ кажется имъ идеаломъ мудрости; они увѣрены, что предохранили себя отъ всякихъ тяжелыхъ сюрпризовъ чувства. Но сразу опредѣляется различіе между композиторомъ Амадеусомъ и его женой Сециліей. Амадеусъ вполнѣ спокоенъ. Онъ знаетъ, что разъ навсегда между нимъ и женой рѣшена полная взаимная откровенность, что оба они свободны по взаимному соглашенію,—и ему кажется, что этими рѣшеніями все сдѣлано. Съ нимъ кокетничаетъ молодая графиня, съ которой онъ разучиваетъ оперныя партіи; она даже утверждаетъ, что Амадеусъ въ нее влюбленъ, но онъ все время говоритъ ей: „Развѣ вы не знаете, какія отношенія у меня съ женой; какъ мы другъ другу все говоримъ; какъ мы свободны,—и какъ мы, поэтому, не знаемъ постороннихъ увлеченій?“ Фредерика—такъ зовутъ графиню—слегка подсмѣивается надъ его увѣренностью и теоретичностью, но, видимо, не теряетъ надежды побѣдить его строгость къ себѣ, доказавъ ему, что болѣе искренно было бы съ его стороны подчиниться своему чувству къ ней: въ его влюбленности она не сомнѣвается. Своему другу, драматургу Альберту, который дразнитъ его флиртомъ съ графиней, онъ тоже убѣжденно говоритъ про устойчивость своего семейнаго счастья, основаннаго на взаимной искренности. Онъ наглядно иллюстрируетъ свой жизненный принципъ тѣмъ, что свободно и безъ ревности говоритъ о своемъ бывшемъ ученикѣ, молодомъ князѣ, другѣ его жены. Но когда мужъ и жена остаются вдвоемъ, то оказывается, что ихъ семейное счастье далеко не такъ безоблачно. Мужъ все говоритъ о прочности ихъ союза, обезпеченной ихъ полной откровенностью другъ съ другомъ. Но жена не утѣшается вѣрой въ искренность, основательно доказывая мужу, что не въ передачѣ разговоровъ съ кѣмъ бы то ни было заключается незыблемость чувства. На требованіе мужа разсказать ему въ точности, какъ и о чемъ она говорила со своимъ молодымъ поклонникомъ, Сецилія отвѣчаетъ, что въ передачѣ словъ внутренняя ихъ правда какъ-то ускользаетъ, и получается нѣчто другое. Въ бесѣдѣ супруговъ несостоятельность этой принципіальной откровенности ясно обнаруживается. Амадеусу кажется, что онъ абсолютно искрененъ. Онъ повторяетъ каждое слово своихъ разговоровъ съ графиней, въ то время какъ жена далеко не такъ опредѣленно говоритъ о своихъ бесѣдахъ съ княземъ Сигизмундомъ. А между тѣмъ видно, что изъ нихъ двоихъ болѣе вѣрна жена и болѣе легкомысленъ мужъ, хотя онъ и прославляетъ удивительную прочность ихъ семейнаго союза. Сецилія не разспрашиваетъ его, такъ какъ она не вѣритъ въ значеніе внѣшней искренности, чувствуя, что правда сложнѣе, чѣмъ ее можно выразить. Она чувствуетъ, что отношенія ея съ мужемъ измѣнились, хотя онъ этого не замѣчалъ до ея словъ. Наконецъ, послѣ

сухихъ разспросовъ о Сигизмундѣ съ его стороны и ея осторожныхъ разспросовъ, подкрѣпляющихъ ея грустныя предположенія, они договариваются до рѣшительнаго объясненія. Сецилія первая говоритъ о томъ, что пришла минута осуществить провозглашенный ими принципъ свободы и разойтись. Она рѣшается на это, увѣренная, что мужъ разлюбилъ ее; онъ же увѣренъ, что она требуетъ свободы изъ любви къ Сигизмунду. Онъ сейчасъ же соглашается. Сециліи даже кажется, что онъ слишкомъ поспѣшно начинаетъ восторгаться свободой ихъ отношеній; но она поддерживаетъ иллюзію и настаиваетъ на полной свободѣ. Мужу ея ихъ взаимное довѣріе представляется истинной побѣдой надъ обычной психологіей супружествъ, основанныхъ на притворствѣ и лжи. Онъ раньше говорилъ Альберту, что считаетъ болѣе достойнымъ предоставить другъ другу свободу, чѣмъ побѣждать въ себѣ новыя чувства и влеченія во имя принципа вѣрности. Такого рода вѣрность кажется ему мелкимъ компромиссомъ. Теперь, когда наступаетъ моментъ подтвердить на дѣлѣ свое теоретическое пониманіе свободы, Амадеусъ мнитъ себя на высотѣ положенія. Все случилось какъ по писанному: онъ не чувствуетъ ревности и гордится своей внутренней побѣдой, одержанной благодаря искренности отношеній. Одного только онъ не видитъ—того, что искренность между ними совершенно внѣшняя. Въ душѣ Сециліи происходитъ драма разбитой любви, а онъ объ этомъ не подозрѣваетъ. Самъ онъ думаетъ, что искренно поглощенъ однимъ только чувствомъ къ женѣ; въ дѣйствительности же въ данную минуту его больше интересуетъ легкій флиртъ съ графиней. Такимъ образомъ, какъ всегда въ удачныхъ пьесахъ Шнитцлера, происходитъ идеологическая игра, балансированіе между кажущимся и истиннымъ. Снаружи—искренность, побѣда свободы, благородство мужа, предоставляющаго свободный выборъ женѣ, а въ дѣйствительности — скрытая подъ свободой драма обманутой любви. Кажущійся подвигъ мужа на самомъ дѣлѣ—жертва, которую онъ принимаетъ отъ жены.

Послѣ объясненія съ Сециліей мужъ ея чувствуетъ внутреннее облегченіе. Всѣ сомнѣнія разрѣшены. Онъ хочетъ, чтобъ они разошлись друзьями—и даже совсѣмъ не разошлись. Какъ друзья, они могутъ имѣть общій домъ, куда она будетъ пріѣзжать, уставшая отъ жизни, и повѣрять ему все, что у нея на душѣ. Сецилія—противъ этого плана; она, въ сущности, уходитъ отъ мужа изъ гордости, думая, что онъ ее не любитъ, и требуетъ для себя свободы только для того, чтобы освободить его. Но онъ настаиваетъ, указывая на артистическую связь между ними, которая не должна быть порвана изъ-за ихъ личныхъ отношеній. Наконецъ они рѣшаютъ провести лѣто врозь и потомъ устроить свою жизнь каждый отдѣльно, оставаясь друзьями.

Это рѣшеніе вполнѣ удовлетворяетъ легкомысленнаго композитора и кажется ему торжествомъ мудрости и свободы. Гораздо печальнѣе его жена, передъ которой онъ чувствуетъ себя столь правымъ и благороднымъ, потому что ея рѣшеніе—не теоретическое, а связанное съ дѣйствительнымъ чувствомъ.

Настоящая драма на фонѣ столь легкомысленно провозглашеннаго принципа свободы разыгрывается съ половины второго дѣйствія. Прошло лѣто и часть осени, и въ теченіе этого времени мужъ и жена разно пользовались предоставленной ими другъ другу свободой. У мужа разыгрался романъ съ графиней и даже уже кончился, не оставивъ слѣдовъ въ его душѣ. Онъ легко относится къ жизни, думая, что таково же отношеніе къ жизни его жены, и не подозрѣвая серьезности ея любви къ нему. Онъ ждетъ ее домой послѣ долгаго отсутствія. Дѣйствіе происходитъ въ Вѣнѣ, а она пѣла съ большимъ успѣхомъ въ Берлинѣ и посылала ему оттуда письма съ самыми точными отчетами о всѣхъ событіяхъ и переживаніяхъ своей жизни. Въ телеграммѣ, полученной имъ передъ ея выѣздомъ изъ Берлина, она сообщаетъ о своемъ необычайномъ успѣхѣ и о блестящихъ предложеніяхъ, которыя ей дѣлаютъ, приглашая ее въ берлинскую оперу. Амадеусъ съ нетерпѣніемъ ждетъ ее домой, и ему хотѣлось бы, чтобы она не уѣзжала изъ Вѣны, пока онъ самъ не освободится и не сможетъ уѣхать вмѣстѣ съ нею. Онъ знаетъ, что князь Сигизмундъ былъ съ нею въ Берлинѣ, но не ревнуетъ, относясь къ ней принципіально только какъ къ другу. При этомъ, однако, онъ и думать не хочетъ о разводѣ, и возмущается, когда его пріятель разсказываетъ ему, что въ газетахъ пишутъ о томъ, что жена его выходитъ замужъ за князя Сигизмунда. Свѣтскія сплетни, связанныя съ его именемъ и съ именемъ его жены, мало его безпокоятъ; онъ считаетъ себя и ее выше условныхъ понятій чести. Но разводъ кажется ему безсмыслицей; онъ слишкомъ дорожитъ ихъ свободно-дружескими отношеніями. Послѣ разговора съ пріятелемъ онъ съ особымъ волненіемъ поджидаетъ жену. Она пріѣзжаетъ, и тогда обнаруживаются осложненія, непредвидѣнныя его спокойной теоріей свободы. Чувства Сециліи—ясныя; она не переставала любить мужа и теперь имѣетъ большее нравственное право заботиться о немъ, чѣмъ раньше, когда нѣкоторыя ея заботы могли быть приписаны ревности. Она спокойно разспрашиваетъ его о романѣ съ графиней, узнаетъ о его мимолетности,—и теперь, вѣря въ искренность охлажденія къ графинѣ, радуется, но скрываетъ это, притворяясь только участливымъ другомъ. Сила чувства и правда любви заставляютъ ее поступиться той искренностью, которую ея мужъ считалъ основой единственно правдивыхъ и цѣнныхъ отношеній. Какъ участливый другъ, она заботится о томъ, чтобы уберечь мужа

отъ опасныхъ послѣдствій его легкомысленнаго увлеченія—о томъ, чтобы среди бумагъ графини не осталось его писемъ, которыя могли бы возбудить подозрѣнія мужа графини. Онъ незадолго передъ тѣмъ убилъ на дуэли бывшаго возлюбленнаго своей жены, узнавъ о его связи съ нею уже послѣ того, какъ все давно кончилось. Сецилія боится, чтобы та же участь не постигла и ея мужа, и болѣе озабочена этимъ, чѣмъ полагается „только другу". Но Амадеусъ не догадывается объ истинныхъ чувствахъ жены, и увѣренъ, что она занята своей любовью къ Сигизмунду, въ чемъ, однако, ее не винитъ, продолжая относиться къ ней объективно, дружественно. Онъ разспрашиваетъ ее о Берлинѣ, узнаетъ, что она проводила все время съ Сигизмундомъ, о чемъ она разсказываетъ совершенно спокойно. Но онъ спрашиваетъ ее уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, дѣйствительно ли она выходитъ замужъ за графа. Она опять входитъ въ роль свободной, легкомысленной женщины, говоритъ, что жизнь ея полна соблазновъ и что она вовсе не стремится ихъ побѣждать. Она доказываетъ, что не выходитъ замужъ за Сигизмунда главнымъ образомъ потому, что не увѣрена въ прочности своего чувства къ нему, и намекаетъ на свое новое увлеченіе пѣвцомъ, съ которымъ она пѣла въ Берлинѣ. Психологическій интересъ этой сцены заключается въ томъ, что въ ней опять перемѣшивается правда мотивовъ и желаній съ призрачностью фактовъ. Сецилія по прежнему любитъ своего мужа; въ то время какъ онъ легкомысленно и свободно отдавался другимъ увлеченіямъ, считая ихъ какъ бы внѣ психологіи, не нарушающими союза съ Сециліей, она оставалась ему вѣрна, и всѣ ея намеки, ея легкомысленный образъ жизни никакой фактической правды не содержатъ. Но въ нихъ есть нѣчто для нея самой весьма существенное. Фактически она клевещетъ на себя—нарочно, только потому, что считаетъ любовь мужа потерянною. Но все, что она говоритъ о своихъ желаніяхъ, о волѣ, открытой для соблазновъ—правда, и это для нея самой—смерть ея прежней свободной любви къ мужу. Опять завязывается чисто Шницлеровскій узелъ внѣшней и внутренней правды, искреннихъ и призрачныхъ отношеній. Мужъ увѣренъ въ томъ, что жена его стихійно свободна въ своихъ инстинктахъ и подчиняетъ имъ свою жизнь, а между тѣмъ факты, по которымъ онъ судитъ, не существуютъ. Въ дѣйствительности, однако, т.-е. въ своихъ истинныхъ влеченіяхъ, она такова, какой ему представляется—и въ этомъ для нея опредѣленіе ея судьбы.

Новая встрѣча супруговъ создаетъ совершенно новыя отношенія. Только легкомысліе и самонадѣянность Амадеуса даютъ ему увѣренность, что своими формулами свободы они разъ навсегда осилили судьбу. На самомъ дѣлѣ ихъ психологія мѣняется при измѣнившихся

обстоятельствахъ. Слушая слова жены о чувствахъ и желаніяхъ, владѣющихъ ею, и о ея мнимыхъ жизненныхъ переживаніяхъ, Амадеусъ не узнаетъ свою прежнюю, удовлетворенную семейнымъ счастьемъ жену. И эта новая, сложная и, какъ ему кажется, болѣе опасная въ своей вызывающей задорности и красотѣ женщина начинаетъ ему нравиться болѣе чѣмъ когда-либо. Въ немъ пробуждается страсть къ Сециліи. Онъ пересталъ любить ее прежней спокойной любовью, „свободно“ отрекся отъ нея и сталъ въ ней цѣнить только друга. Теперь онъ видитъ въ „другѣ“ новую женщину, плѣняющую его—и высказываетъ это ей. Онъ увѣренъ, что далеко не безразличенъ и ей. „Мы давно,—говоритъ онъ,—перестали относиться другъ къ другу какъ мужъ и жена, — мы рѣшили легко относиться къ жизни, быть свободными и принимать всякое счастье, которое намъ посылаетъ судьба. Неужели же мы будемъ столь безумны или столь трусливы, что откажемся отъ величайшаго счастья, которое открывается для насъ?“ Сецилія для него теперь не жена, которую онъ когда-то любилъ, а женщина, соблазнившая его: ее онъ хочетъ отнять у другихъ. И тутъ, когда судьба заставляетъ его вернуться къ женщинѣ, отъ которой онъ спокойно и свободно ушелъ, онъ видитъ только торжество своего принципа свободы, случай проявить свое легкое эпикурейское отношеніе къ жизни. Но на этотъ разъ судьба оказывается сильнѣе и подчиняетъ его закону страданій, отъ которыхъ вѣра въ свою свободу не спасаетъ его. Сецилія сопротивляется его страсти, проситъ его образумиться, потому что она уже не такъ сильна и стойка, какъ прежде, и можетъ поддаться соблазнителю, даже зная, что губитъ себя этимъ. Но онъ ослѣпленъ охватившей его страстью, не понимаетъ ея психологіи, требуетъ „свободнаго счастья“, — въ которомъ она ему не отказываетъ, хотя глубоко опечалена вульгарнымъ финаломъ ихъ свободной любви.

Въ третьемъ актѣ разыгрывается душевная трагедія, вызванная неожиданной перемѣной въ чувствахъ Амадеуса къ женѣ. Вмѣстѣ съ возродившейся страстью измѣняется и его принципъ свободы. Онъ продолжаетъ вѣрить всему, что жена говорила о себѣ и своей жизни въ Берлинѣ, но теперь это для него нестерпимо. Любовь отодвинула на задній планъ мысли о свободѣ и искренности, какъ основахъ брака. Онъ чувствуетъ, что или долженъ навсегда уѣхать отъ женщины, къ которой уже не можетъ относиться какъ къ другу, не предъявляя требованій вѣрности и взаимности,—или вызвать на дуэль князя Сигизмунда, такъ какъ одинъ изъ нихъ долженъ исчезнуть изъ жизни Сециліи. На этой мысли онъ останавливается, и явившагося къ нему друга посылаетъ съ вызовомъ къ князю, предоставляя выбрать какой угодно предлогъ. Женѣ своей о принятомъ имъ рѣшеніи онъ сообщить не можетъ, такъ какъ оказывается, что ея нѣтъ дома, — она очень

рано ушла, сказавъ, что вернется къ обѣду. Амадеусъ уже ревнуетъ,—принципъ свободы, довѣрія, искренности уже не властенъ надъ нимъ. Но въ то время какъ онъ ждетъ друга съ отвѣтомъ, ему докладываютъ о приходѣ князя Сигизмунда. Онъ пораженъ, — но принимаетъ его, и бесѣда съ нимъ приноситъ ему великую радость. Онъ узнаетъ, что Сигизмундъ дѣйствительно любитъ Сецилію, но ея взаимностью никогда не пользовался. Ея сдержанность онъ даже объяснялъ себѣ тѣмъ, что она считаетъ себя связанной съ мужемъ, пока носитъ его имя,—хотя мужъ своимъ свободнымъ образомъ жизни и даетъ ей собственно право на полную свободу. Князь предлагаетъ Амадеусу дать разводъ женѣ,—для того, чтобы тогда князь могъ добиться ея руки. Теперь же онъ не рѣшается даже бывать въ ея обществѣ, чтобы не скомпрометировать ее. Амадеусъ прежде всего счастливъ, узнавъ, что его опасенія напрасны, и объясняетъ молодому князю, что отнынѣ его заботы о чести Сециліи и его намѣреніе вызывать на дуэль всякаго, кто усомнится въ ея добродѣтели,—будь это даже ея мужъ,—излишни. Объ этомъ позаботится онъ самъ. Князь почти счастливъ тѣмъ, что вызвалъ гнѣвную отповѣдь Амадеуса, потому что это служитъ залогомъ счастья любимой имъ женщины. Онъ понимаетъ теперь, что его роль въ ея жизни была чисто служебная,—что онъ былъ нуженъ ей только для того, чтобы вернуть любовь мужа. Онъ это и говоритъ Амадеусу. У мужа открываются наконецъ глаза на дѣйствительно глубокое чувство жены. Теперь, послѣ ухода князя, онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ жену, счастливый тѣмъ, что отнынѣ можетъ воскреснуть съ обновленной силой ихъ прежняя любовь. Приходъ Сециліи еще болѣе усиливаетъ его надежды. Оказывается, что она была у графини Фредерики, чтобы выпросить у нея письмо, которое могло скомпрометировать его въ глазахъ графа, и представляло такимъ образомъ опасность въ виду пылкаго нрава графа. Письмо она принесла, и Амадеусъ разрываетъ его, умиленный этимъ новымъ доказательствомъ любви Сециліи. Онъ разсказываетъ ей обо всемъ, что̀ случилось за ея отсутствіе, и говоритъ съ увѣренностью объ ожидающемъ ихъ теперь счастьи любви.

Но на это слѣдуетъ отповѣдь Сециліи, слегка напоминающая отвѣтъ и уходъ Ибсеновской Норы, только съ тою разницей, что Нора уходитъ отъ оскорбленій, нанесенныхъ ея чистой душѣ компромиссами практическаго жизненнаго благоразумія, а Сецилія оскорблена не средой, а тѣмъ, что въ душѣ ея мужа—и въ ней самой—проснулась темная сила, убившая ихъ свѣтлую любовь. Мужа она считаетъ виновнымъ въ томъ, что онъ опошлилъ ихъ прошлое банальной любовной авантюрой, прельстившись тѣмъ, что̀ ему показалось въ ней новаго. Себя же она казнитъ за желанія, дѣйствительно родившіяся въ ея

душѣ, хотя любовь къ мужу удерживала ее отъ слѣдованія имъ. Она отказывается отъ любви мужа въ тотъ моментъ, когда прочно завоевала ее. Въ этомъ отказѣ нѣтъ отвѣта на тайну любви и на вопросъ о томъ, что̀ составляетъ ея истинную основу. Напротивъ того, въ немъ заключается вопросъ: свобода, истина, любовь съ ея властными требованіями—какъ разрѣшить этотъ узелъ, который судьба завязываетъ въ чувствахъ людей, ищущихъ истины и добра? Отвѣтъ одинъ: трагическая правда страданій искупаетъ всѣ противорѣчивыя желанія, приближаетъ къ той цѣли, которая лежитъ внѣ сознательной воли и управляетъ событіями. Правду страданія избираетъ и Сецилія, навсегда отказавшись отъ вернувшагося къ ней любимаго мужа.

II.

Hermann Bahr. Der arme Narr. Schauspiel. Wien, 1906. Carl Konegue Verlag.

Германъ Баръ—одинъ изъ самыхъ чуткихъ популяризаторовъ современныхъ философскихъ идей. Помимо теоретической разработки ихъ, онъ, главнымъ образомъ, отражаетъ ихъ въ художественномъ творчествѣ, и въ этомъ—интересъ его беллетристическихъ произведеній, въ особенности его драматическихъ пьесъ, пользующихся большимъ успѣхомъ на сценѣ. Баръ не оригиналенъ, не даетъ новыхъ рѣшеній—и дѣйствительной глубины въ немъ нѣтъ. Но онъ умѣетъ затронуть новыя темы, интересно поставить вопросъ, освѣтить жизненное положеніе, воплощающее этическія и эстетическія чаянія современнаго человѣка,—и поэтому замыслы его пьесъ всегда интересны. Его любимая тема, разработанная въ нѣсколькихъ пьесахъ („Атлетъ", „Мастеръ" и другихъ)—вопросъ о томъ, умѣетъ ли современный человѣкъ быть дѣйствительно свободнымъ, и какъ относится общество къ исключительно свободнымъ личностямъ. Другая тема Бара—борьба индивидуализма съ деспотизмомъ общественности. Ее онъ разрабатываетъ въ прогремѣвшей у насъ драмѣ „Министръ". Затѣмъ онъ безконечно варьируетъ въ множествѣ драмъ и комедій вопросы о свободѣ въ области любви, вѣрности, ревности, во всемъ, что̀ требуетъ переоцѣнки въ нашемъ современномъ пониманіи. По существу, конечно, это—дальнѣйшее развитіе индивидуалистическихъ драмъ Ибсена,—но Баръ вноситъ въ свою разработку смѣлость доведенныхъ до конца выводовъ изъ современныхъ ученій. Отвѣты Бара, слишкомъ догматичные—большей частью ортодоксально-ницшеанскіе—и поэтому болѣе отвлеченные, чѣмъ жизненные, не передаютъ психологической

сложности мотивовъ, управляющихъ дѣйствительностью. Замыслы его поэтому, въ большинствѣ пьесъ, выше его разрѣшеній.

Новая пьеса Бара типична для него въ этомъ отношеніи. Въ ней взято очень смѣлое противопоставленіе, поставленъ острый, отвлеченно и жизненно интересный вопросъ, взята жизнь въ яркомъ ракурсѣ, выясняющемъ условность общепризнанныхъ критеріевъ правды и правоты. Всѣ мотивы драмы сопоставлены самобытно. Но самая идея драмы, т.-е. философскій отвѣтъ автора на поднятый имъ вопросъ, вкладывается въ рамки опредѣленнаго ученія; онъ—банально-ницшеанскій, и хотя крайне эффектно—въ сценическомъ смыслѣ—заканчиваетъ пьесу, но разочаровываетъ несоотвѣтствіемъ оригинальности замысла.

Одноактная драма Бара носитъ названіе „Der arme Narr" (Жалкій безумецъ). Противопоставлено въ ней то, что называется въ жизни благоразуміемъ, практичностью, положительностью, — тому, что считается глупостью, фантазерствомъ, иногда безнравственностью, иногда безуміемъ. Къ этимъ двумъ полюсамъ жизни можно свести все, что включается въ понятія объ идеализмѣ и позитивизмѣ. Баръ ополчается противъ мнимо-праваго позитивизма, во имя праваго по существу—хотя бы даже вопреки видимости—идеализма. Но не это оригинально въ его драмѣ. Художественное творчество всегда славило и возводило на пьедесталъ идеалистовъ, не умѣющихъ справляться съ практическими задачами. Во имя вѣчной справедливости творческая фантазія художниковъ—иногда и народная фантазія—изображала этихъ пасынковъ жизни съ ея практической моралью любимцами судьбы, оберегающей ихъ, покровительствующей имъ. Всѣ „чистые глупцы" старыхъ сказаній и наивные, не преуспѣвающіе въ жизни идеалисты, съ ихъ благородными несбыточными мечтами, воплощаютъ нравственное торжество идеализма—если не въ дѣйствительности, то въ мечтахъ человѣчества о преображенной дѣйствительности. Въ этомъ отношеніи романтики сходятся съ новѣйшими индивидуалистами; героизмъ, подвиги альтруизма и самоотреченія, также какъ культъ личности съ ея отстаиваніемъ своей свободы—представляютъ собою одинаковое прославленіе наджизненнаго идеализма, противоположнаго торжеству срединности.

Но Баръ освѣщаетъ этотъ вѣчный мотивъ оригинальнымъ жизненнымъ положеніемъ, и самобытность его—въ драматизмѣ психологическаго узла, составляющаго содержаніе пьесы. Позитивизмъ воплощенъ въ драмѣ въ лицѣ крупнаго комерсанта Винцента Гайста. Онъ очень честенъ и всю жизнь провелъ въ неукоснительномъ исполненіи того, что считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ. Теперь, въ концѣ жизни, онъ задумывается надъ тѣмъ, дѣйствительно ли онъ правъ въ своихъ

жизненныхъ принципахъ. Онъ устраиваетъ сравненіе своихъ жизненныхъ итоговъ съ жизненными итогами другого человѣка,—своего же брата, стоящаго на противоположномъ полюсѣ, служившаго не долгу, а своей волѣ; эта провѣрка и составляетъ содержаніе драмы. У Винцента Гайста есть два брата. Съ дѣтства и въ молодости Винцентъ былъ полной противоположностью своихъ двухъ братьевъ, имѣющихъ много общаго другъ съ другомъ. Винценту съ дѣтства говорили, что нужно ограничивать свои желанія, работать, думать о дѣлѣ, а не о себѣ, знать, что жизнь тяжела, пріучать себя къ лишеніямъ и т. д. Онъ всему этому вѣрилъ и подчинялся строгимъ требованіямъ своего отца. Но тотъ же отецъ допускалъ своеволіе въ его младшихъ братьяхъ, которые считались избранными натурами; одинъ былъ музыкантъ, другой обладалъ данными для того, чтобы блистать въ жизни и завоевать счастье. Они имѣли на все право; имъ позволялось не подчиняться закону труда и ограниченія желаній. „Нужно не мѣшать ихъ полету“, „нужно ихъ понимать“,—отвѣчали Винценту, когда онъ возмущался и протестовалъ противъ различнаго отношенія къ себѣ и къ другимъ. Но онъ ничѣмъ не выдѣлялся, считался неталантливымъ, и его воспитали для труда и строгаго выполненія долга. Всю молодость онъ чувствовалъ горечь противъ баловней судьбы, не обреченныхъ, какъ онъ, приносить всѣ личныя радости въ жертву долгу, но результаты его и ихъ жизни доказали ему его правоту. Привычка къ труду сдѣлала Винцента солиднымъ дѣльцомъ, и онъ, къ которому относился пренебрежительно даже его собственный отецъ, преуспѣлъ въ жизни, сдѣлался достойнымъ владѣльцемъ фирмы, стоявшей высоко при его отцѣ и дѣдѣ. А жизнь его столь талантливыхъ и блестящихъ братьевъ сложилась, напротивъ того, печально. Одинъ изъ нихъ, музыкантъ Эдуардъ, полюбилъ въ ранней молодости недостойную женщину; ослѣпленный страстью, онъ дошелъ до того, что доставалъ деньги для своей возлюбленной — кражею изъ кассы своего же отца. На него донесъ главный бухгалтеръ, его предали суду, и онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Великодушіе Винцента выразилось въ томъ, что, по отбытіи наказанія Эдуардомъ, онъ взялъ его къ себѣ, далъ ему занятіе въ дѣлѣ, причемъ его положеніе въ домѣ—крайне скромное, даже приниженное. Весь городъ знаетъ о великодушіи Винцента, и Эдуардъ тоже признаетъ его доброту къ себѣ и благодаренъ ему за то, что онъ пріютилъ его у себя. Еще печальнѣе судьба красавца Гуго, котораго всѣ звали „свѣтлымъ“ за его красоту и обаяніе: онъ прожигалъ свою молодость, но рано очутился въ психіатрической лечебницѣ въ качествѣ неизлечимаго душевно-больного.

Одинъ только Винцентъ прожилъ жизнь въ сознаніи своей правоты. Теперь онъ старъ и ждетъ смерти. Онъ радуется, что можетъ

умереть спокойно—безъ раскаянія. „Въ этомъ—красота жизни",—говоритъ онъ нотаріусу, котораго призвалъ для составленія завѣщанія. Наслажденія заманчивы, но они развѣваются какъ прахъ. „Я правъ,—повторяетъ онъ.—Отказываться и страдать—вотъ долгъ человѣка, и кто исполняетъ его, тотъ силенъ. Я умираю въ этомъ сознаніи—и я правъ. Я не хотѣлъ бы умереть какъ люди, у которыхъ цѣлью жизни была радость". Свой жизненный принципъ онъ хочетъ распространить и на свое потомство, и потому дѣлаетъ очень жестокое завѣщаніе: свое состояніе онъ завѣщаетъ дочери, девятнадцатилѣтней Софіи, но только въ томъ случаѣ, если она согласится выйти замужъ за пятидесятилѣтняго бухгалтера Густера—того, который служилъ еще при отцѣ Винцента и возбудилъ дѣло противъ Эдуарда. Его знанію дѣла Винцентъ довѣряетъ, и такъ какъ самое главное для него—благосостояніе его торговой фирмы, то онъ можетъ умереть спокойно, только передавъ дѣла въ надежныя руки старика. Поэтому, если дочь Винцента не согласится стать женой Густера, то наслѣдство перейдетъ къ нему, а она останется ни съ чѣмъ. Такъ какъ по всѣмъ разговорамъ Софіи, по ея привязанности къ ея несчастнымъ дядямъ видно, что она не поступитъ благоразумно, не согласится на бракъ со старикомъ, ненавистнымъ ей, какъ доносчикъ на Эдуарда, то очевидно, что отецъ изъ преданности дѣлу лишаетъ ее наслѣдства. Это ясно и для него; онъ знаетъ, каковы ея наклонности, симпатіи и взгляды,—но для него дороже торжество благоразумія и практичности, и потому онъ дѣлаетъ такое завѣщаніе, чтобы оно обязывало его дочь поступить благоразумно или лишиться всего. Даже нотаріусъ даетъ ему ясно понять безсердечность его поступка; но онъ считаетъ себя безусловно правымъ и спокойно ждетъ смерти, исполнивъ свой послѣдній долгъ, т.-е. обезпечивъ дальнѣйшее процвѣтаніе фирмы. Но теперь у него есть еще одно желаніе, и онъ ждетъ его исполненія. Онъ попросилъ, чтобы врачъ психіатрическаго заведенія, въ которомъ содержится его братъ Гуго, привелъ ему больного на свиданіе. Всѣ, конечно, приписываютъ это желаніе свидѣться съ Гуго естественному братскому чувству, но Винцентъ признается нотаріусу, въ чемъ дѣйствительная причина его желанія повидать брата, котораго онъ называетъ „жалкимъ безумцемъ". Онъ разсказываетъ нотаріусу про этого брата, котораго врачъ согласился привести только вечеромъ, такъ какъ онъ не переноситъ дневного свѣта и плачетъ, когда видитъ солнце. „Подумайте, — разсказываетъ онъ нотаріусу, — ему только сорокъ лѣтъ, и онъ—совершенная развалина. Отъ свѣтлаго, сіяющаго красавца остался жалкій, плачущій безумецъ".... „Но не думайте,—продолжаетъ онъ,—что я попросилъ привести его изъ жалости къ нему... Я не сентименталенъ. Отъ этого меня жизнь оту-

чила... Но мнѣ нужна провѣрка, доказательство моей правоты. Я на это имѣю право. Я хочу увидѣть рядомъ его жизнь и мою. Теперь, въ концѣ, я хочу поставить ихъ рядомъ и смѣрить. Увидимъ тогда. Пусть онъ, сіяющій, станетъ передо мной, который всегда во всемъ себѣ отказывалъ. Тогда будетъ видно. Онъ такъ гордился красотой своей жизни. Но самое важное—красота смерти. Увидимъ, кто достигъ ея".

Въ этомъ ожиданіи брата, „жалкаго безумца", сосредоточенъ главный драматизмъ пьесы. Позитивизмъ, не увѣренный въ себѣ, тяготѣющій къ противоположному полюсу жизни, къ идеализму, его разрушающему, и стремленіе позитивизма къ самооправданію черезъ пораженіе идеализма—эти соотношенія двухъ вѣчныхъ основныхъ началъ жизни очень сильно и художественно возсозданы въ готовящейся встрѣчѣ двухъ братьевъ.

Гуго приходитъ въ сопровожденіи врача. Въ сценическомъ отношеніи встрѣча и разговоръ братьевъ очень сильны. Идутъ долгія приготовленія передъ появленіемъ „жалкаго безумца"; сначала входитъ докторъ и даетъ инструкціи Винценту и Софіи, какъ обращаться съ Гуго, и тогда только появляется онъ самъ. Съ его приходомъ сразу становится яснымъ отвѣтъ автора на вопросъ о томъ, кто правъ: тотъ, кто во имя благоразумія проповѣдуетъ отреченіе, или тотъ, кто ставитъ цѣлью жизни радость. Проповѣдникъ культа радости—„жалкій безумецъ" Гуго, и Баръ—всецѣло на его сторонѣ. Идеалъ Гуго—ницшеанскій: испить жизнь до дна и сдѣлать радость закономъ жизни.

Но есть въ словахъ Гуго оттѣнокъ, который отдѣляетъ его отъ обычнаго ницшеанства. Провозглашая законъ радости, Баръ славитъ, однако, не міръ реальной дѣйствительности, а мечты о мірѣ, красоту не воплощенную, а угадываемую вѣщей душой. Это уже идеализмъ, выходящій за предѣлы позитивной жизнерадостности ницшеанцевъ. Чтобы воплотить эту мысль, Баръ изображаетъ своего пророка радости—безумцемъ. И безуміе Гуго заключается въ томъ, что онъ любитъ не тотъ міръ, который его окружаетъ, а другой, болѣе яркій, болѣе прекрасный—и, какъ ему кажется, болѣе реальный—настоящій. „Зачѣмъ вы это дѣлаете, докторъ?"—говоритъ онъ своему врачу, когда тотъ его вводитъ въ домъ его брата, т.-е. въ домъ, гдѣ Гуго прожилъ свое дѣтство и юность.—„Зачѣмъ вы все еще подвергаете меня испытаніямъ? Вѣдь пора же наконецъ знать. Вы все ѣздите со мной и хотите меня обмануть, но вѣдь я сразу замѣтилъ, что это поддѣлка... и плохая поддѣлка. Поддѣльныя улицы, поддѣльные дома. Все подмѣнили. Я вѣдь помню, отлично помню. Вы не уничтожите въ моей памяти моего прекраснаго міра вашей дешевой, плохой поддѣлкой. О, мой прекрасный, сіяющій міръ!"

И вотъ этотъ безумецъ съ своей мечтой о несуществующемъ прекрасномъ мірѣ оказывается счастливѣе и мудрѣе своего благоразумнаго брата, призвавшаго его для провѣрки своего превосходства. Гуго только въ первыя минуты подавленъ дѣйствительностью и кажется жалкимъ, угнетеннымъ. Онъ скоро справляется съ новыми для его больной воли впечатлѣніями и начинаетъ ощущать свое „я“, возвышающееся надъ человѣческими слабостями. „Мнѣ радостно,—говоонъ.—Другое, скорби человѣческія, споры, все это глубоко подо мной... а я лечу, улетаю въ упоеніи. Я опять чувствую *себя*“... Гуго называетъ брата „бѣднымъ Винцентомъ“, не знающимъ истины, т.-е. радости, и, впадая въ экстазъ, поетъ диѳирамбъ жизни: „Нужно съ гордостью пѣть ей хвалу и погрузиться глубоко въ ея пучины, чтобы брызги летѣли,—опуститься глубже, на дно... тамъ Богъ... погрузиться въ святыя, дышащія присутствіемъ Божіимъ, пучины жизни. Оттуда, со дна, я добылъ сіяніе людямъ. Но нужно сначала потонуть—иначе этого не узнать. Нужно горѣть въ огнѣ жизни... нужно изжить жизнь до смерти“ (sich todtleben). Этому оргіастическому диѳирамбу жизни приданъ отчасти характеръ бреда, но вѣщаго, таящаго въ себѣ истину бреда. Винцентъ чувствуетъ, что торжество—не на его сторонѣ, и когда Гуго называетъ брата „жалкимъ безумцемъ“, то Винцентъ внутренно соглашается, что изъ нихъ двухъ безумнѣе—и болѣе достоинъ сожалѣнія—тотъ, кто отвергъ радость. Винцентъ побѣжденъ—онъ завидуетъ безумцу, поющему гимны жизни. Въ этомъ—„мораль“ драмы. Баръ прославляетъ въ ней идеализмъ съ его трагической первоосновой. Гуго—пророкъ радости, источникъ которой—не внѣшній міръ, а творчество духа, несоизмѣримое съ нормами дѣйствительности.— З. В.

ЗАМѢТКА.

Юбилейная литература о Шиллерѣ.

1) Schillers sämmtliche Werke. Säkularsausgabe in 16 Bänden, herausgegeben v. Eduard v. der Hellen. Stuttgart u. Berlin, Cottasche Buchhandlung.

2) Mahrbacher Schiller-Buch. Zur hunderten Widerkehr von Schillers Todestag herausgegeben vom Schväbischen Schiller Verein.

3) Schillers Jugendfreunde, von Julius Hartmann, mit zahlreichen Abbildungen. Stuttgart u. Berlin, 1904.

4) Schiller, v. Otto Harnack, 3 Bände, 2-e verbesserte Auflage, 1905.

5) Charlotte von Schiller, v. Jacob Wychgram. Berlin, 1904. Mit fünf Kunstdrucken. Bidefeld und Leipzig.

6) Schiller. Dem deutschen Volke dargestellt v. Jacob Wychgram.

7) Schiller. Sein Leben und seine Werke. Von Karl Berger, 1-e B. München, 1905.

8) Schillers Dramen. Beiträge zu ihren Verständniss. Von Ludvig Bellermann. 3-e Aufl. Berlin, 1905.

Столѣтіе со дня смерти Шиллера вызвало обширную литературу, цѣлый рядъ изданій и статей, иногда весьма цѣнныхъ. Юбилей великаго поэта прошелъ, какъ извѣстно, въ Германіи довольно скромно, такъ какъ не нашелъ сочувствія въ оффиціальныхъ сферахъ. Иронія судьбы сказалась и въ этомъ случаѣ. Однако литературныя сферы въ Германіи не раздѣляли оффиціальной точки зрѣнія на Шиллера, а постарались ознаменовать его юбилей рядомъ значительныхъ изданій. Первое мѣсто слѣдуетъ отвести полному собранію сочиненій Шиллера извѣстной фирмы Котта.

Редакторъ изданія, фонъ-Гелленъ, сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобы мы могли признать его критическимъ, и положилъ немало упорнаго труда. Ему удалось достигнуть своей цѣли: настоящее изданіе можетъ считаться вполнѣ образцовымъ, какъ по исправности текста, такъ и превосходному введенію, составленному лучшими спеціалистами (Фестеръ, Кеттнеръ, Кёстеръ, Миноръ, Пстерсенъ, Эрихъ Шмидтъ, Вальцель, Вейсенфельсъ). Особенною обстоятельностью отличается введеніе Минора (къ „Валленштейну“), Фестера (къ историческимъ сочиненіямъ Шиллера) и Вальцеля (къ „Вильгельму Теллю“).

Настоящее изданіе по цѣнѣ является общедоступнымъ, а по исполненію—классическимъ.

Весьма большой интересъ представляетъ сборникъ „Mahrbacher

Schillerbuch", заключающій 32 статьи, посвященныя Шиллеру, и многочисленныя иллюстраціи.

Большой томъ in 4° является образцовымъ и въ типографскомъ отношеніи. Наиболѣе интересными представляются статьи, заключающія новый матеріалъ о Шиллерѣ.

Вновь издано Эрихомъ Шмидтомъ письмо В. Гумбольдта, написанное подъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти Шиллера къ г-жѣ Сталь. Гумбольдтъ высказываетъ глубокую скорбь по поводу кончины Шиллера и называетъ его единственнымъ человѣкомъ, котораго онъ, Гумбольдтъ, когда-либо любилъ (C'était le seul homme que j'aimais beaucoup sur la terre). По мнѣнію Гумбольдта, Шиллеру были свойственны лишь благородныя и возвышенныя стремленія: „Il n'y a jamais eu un homme, qui comme lui ne se nourissait jamais que de ce qu'il y avait de plus noble et de plus élevé, qui vivait uniquement dans la sphère des idées dont rien qui eût été commun ou vulgaire n'approchait jamais"... Гумбольдтъ говоритъ о любви Шиллера къ древнему Риму и превозноситъ личныя качества поэта (C'était le seul homme vraiment doux, vraiment humain, vraiment compatissant que j'aye jamais vu.) Въ концѣ разсматриваемаго нами изданія мы находимъ цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ документовъ: неизданныя письма Шиллера и письма къ Шиллеру (Виланда, Гофена, Конца, Гауга, Шубарта, Шиммельмана, Карла Августа, Гердера, Фойхта, Фосса и др.). Равнымъ образомъ мы находимъ много новыхъ данныхъ относительно послѣднихъ лѣтъ вдовства Шарлотты Шиллеръ въ изданной въ концѣ сборника ея перепискѣ съ Коттой. Заслуживаютъ вниманія интересныя статьи, имѣющія отношеніе къ біографіи Шиллера (Музей Шиллера въ замкѣ Грейфенштейнъ; Шиллеръ въ Людвигсбургѣ; Шиллеръ въ Карловой школѣ; Шубартъ и Шиллеръ). Изъ статей теоретическаго характера слѣдуетъ отмѣтить: „Schiller und die Bildende Kunst"; „Freiheit und Nothwendigkeit in Schillers Dramen: Wallenstein und Makbeth"; „Schillers Theatralismus"; „Schillers Balladentechnik". Но, независимо отъ перечисленныхъ, и другія статьи сборника имѣютъ выдающееся историко-литературное значеніе. „Mahrbacher Schillerbuch" представляетъ собою весьма замѣтное явленіе въ литературѣ о Шиллерѣ.

Сочиненіе Гартмана *о друзьяхъ юности Шиллера* не заключаетъ много новаго матеріала, но зато является полнымъ сводомъ біографическихъ данныхъ всѣхъ близкихъ къ Шиллеру людей и подробно излагаетъ ихъ отношенія къ поэту. Матеріалъ распредѣленъ по главнымъ моментамъ жизни Шиллера. Мы знакомимся съ его друзьями въ Лорхѣ, Людвигсбургѣ, Штутгартѣ и пр. Періодъ юности и молодости Шиллера получаетъ у Гартмана яркое освѣщеніе. Книга Гарт-

мана украшена множествомъ портретовъ главнѣйшихъ друзей, сподвижниковъ и учителей поэта. Гартманъ знакомитъ насъ и съ малоизвѣстными доселѣ друзьями Шиллера.

„Общедоступная біографія Шиллера“ Гарнака (въ 3 изд.) даетъ полную картину жизни и дѣятельности поэта. Не претендуя на оригинальность, сочиненіе Гарнака считается со всѣми новыми данными о Шиллерѣ и изложено красивымъ и яснымъ слогомъ. Переводъ этой книжки на русскій языкъ весьма желателенъ.

Необыкновенно изящная книжечка Вихграма (Charlotte v. Schiller) представляетъ собою цѣльную и прочувствованно написанную біографію благородной супруги поэта. Вихграмъ доводитъ свое изложеніе до кончины Шарлотты Шиллеръ. Новыхъ матеріаловъ авторъ не вноситъ въ свое изложеніе, но чрезвычайно искусно и умѣло пользуется извѣстными фактами. Нельзя не согласиться съ заключительными словами автора: „Шарлотта ф. Ленгенфельдтъ имѣетъ полное право на почетную память своего народа, такъ какъ она олицетворяетъ въ своемъ лицѣ лучшее нравственное и духовное призваніе женщины; она была достойной спутницей нашего великаго поэта“. Книга издана очень изящно и украшена превосходными портретами.

Тому же автору (Вихграму) принадлежитъ объемистая, прекрасно иллюстрированная біографія Шиллера, отличающаяся большой полнотою и общедоступностью изложенія. Большого таланта авторъ не проявляетъ и не особенно углубляется въ сюжетъ, но монографія его составлена весьма толково и общедоступно. Книга Вихграма выдержала уже нѣсколько изданій. Ею пользовалась и редакція „Библіотеки великихъ писателей“ (г. Венгеровъ) при русскомъ изданіи Шиллера.

Сочиненіе Бергера о Шиллерѣ, первая часть котораго появилась въ 1905 г., напоминаетъ по плану и изложенію извѣстную монографію Бѣльшовскаго о Гёте. Матеріалъ использованъ авторомъ во всей полнотѣ, но планъ книги не представляетъ собою ничего достопримѣчательнаго и не отличается цѣльностью и связностью. Книга является какъ бы рядомъ отдѣльныхъ этюдовъ, написанныхъ съ талантомъ и интересныхъ, но въ изложеніи автора нельзя уловить общей руководящей идеи. Къ достоинствамъ сочиненія Бергера относятся ясность и изящество изложенія, равномѣрное распредѣленіе деталей и отсутствіе экскурсовъ въ сторону.

Послѣдняя изъ указанныхъ нами монографій—„Чтенія о драмахъ Шиллера“ Беллермана. Это сочиненіе (3 тома) выдержало три изданія. Авторъ анализируетъ всѣ драматическія произведенія Шиллера весьма добросовѣстно и обстоятельно. Нельзя, однако, сказать, чтобы сочиненіе Беллермана изобиловало оригинальными взглядами или достоинствами композиціи. Изложеніе отличается растянутостью и монотон-

ностью; подробныя изложенія содержанія пьесъ мы считаемъ излишними для нѣмецкаго читателя. Но критическіе взгляды Беллермана отличаются трезвостью, а планъ изложенія—большою ясностью; содержаніе сочиненія Беллермана легко потому усвоивается. Книги Беллермана —наиболѣе всесторонній и полный анализъ драмъ Шиллера и, какъ такой, надолго сохранятъ свое значеніе.

Вотъ всѣ главнѣйшія сочиненія юбилейной литературы о Шиллерѣ [1].

Л. Шепелевичъ.

[1]) Въ нѣмецкихъ журналахъ за 1905 появилось также много цѣнныхъ статей о Шиллерѣ. Изъ иностранныхъ—особенный интересъ къ Шиллеру проявила итальянская журналистика.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 февраля 1906.

Памятная годовщина. — Идейное значеніе событій 9-го января 1905 г. въ Петербургѣ и нѣсколько воспоминаній. — Петиція рабочихъ. — Георгій Гапонъ.—Арестъ „временнаго правительства".—Смѣна общественнаго настроенія.—Характерные показатели.—Что поддерживаетъ революціонное настроеніе въ обществѣ?—Несостоявшееся тверское земское собраніе. — Новая народная газета. — Проф. Н. И. Стороженко, Р. А. Писаревъ, Н. А. Лейкинъ †.

9-е января 1905 года—день для Россіи историческій. Мало равныхъ ему по значенію дней было въ прошломъ; немного будетъ, навѣрное, и въ будущемъ. Не пролитой кровью онъ будетъ долго памятенъ. Не числомъ жертвъ—убитыхъ, раненыхъ и избитыхъ. Не тѣмъ даже, что войска стрѣляли въ безоружныхъ. Кровавыхъ дней минувшій годъ подарилъ намъ множество. Число жертвъ бакинскихъ событій, октябрьскихъ дней въ Одессѣ, Томскѣ и въ рядѣ другихъ городовъ— и декабрьской недѣли въ Москвѣ, не говоря уже о прибалтійскомъ краѣ, далеко превзошло количество погибшихъ и пострадавшихъ 9-го января на улицахъ Петербурга. Стрѣльба въ безоружныхъ много разъ потомъ повторялась. 9-ое января—это былъ день критическій. Критическій— для пережившей себя формы государственнаго строя. Еще болѣе критическій для политическаго сознанія и вѣры народа въ лицѣ всего городского рабочаго класса. Въ этотъ день реально обнаружилось, что идея самодержавія порабощена полицейско-бюрократическимъ режимомъ, что она въ немъ растворилась и исчезла. Въ этотъ день сотни тысячъ мистически настроенныхъ рабочихъ воочію убѣдились, что ихъ представленіе о царѣ, какъ полновластномъ источникѣ правды на землѣ и любви къ народу, какъ будто, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Ихъ вѣра въ царя—отца угнетенныхъ и обиженныхъ—поколебалась. Ихъ послѣдняя надежда—пробить непосредственнымъ обращеніемъ стѣну, вѣками выросшую между верховной властью и народомъ— рухнула. Въ ихъ сознаніи раскрылась вся безжизненность стародавняго противоположенія: царь и народъ—чиновники и „господа". 9-ое января оторвало рабочій классъ отъ царя и сблизило съ „господами"—не съ хозяевами фабрикъ и заводовъ, а съ такими же, какъ они, представителями труда, только труда интеллектуальнаго.

Въ первыхъ числахъ января прошлаго года, Петербургъ узналъ впервые, что такое всеобщая забастовка. Одинъ за другимъ стали останавливаться заводы. Публика съ жадностью бросилась читать га-

зеты, сообщавшія, что̀ дѣлается на окраинахъ и ка̀къ протекаетъ новое—теперь уже такое привычное—явленіе. На газетныхъ столбцахъ общество увидѣло мало кому извѣстное имя священника Георгія Гапона. Оно узнало, что въ Петербургѣ существуетъ крѣпко сплоченная рабочая организація—„общество фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ“, имѣющее въ разныхъ частяхъ города одиннадцать отдѣленій. Оно съ удивленіемъ читало о собраніяхъ въ этихъ клубахъ для рабочихъ. Общее впечатлѣніе было самаго крайняго недоумѣнія. Было очевидно, что народилось что-то большое, грозное и важное. Но что̀ именно и ка̀къ—разобраться сразу было невозможно. Народилось—не въ студенчествѣ, не въ кругахъ интеллигенціи и вообще лицъ свободныхъ профессій—словомъ, не тамъ, откуда вышли въ свое время Крапоткинъ, Рысаковъ, Перовская, Каракозовъ и позже—Карповичъ, Сазоновъ, Балмашевъ. Народилось—въ той сѣрой массѣ окраиннаго городского населенія, отдѣльные лишь представители которой принимали участіе въ революціонныхъ вспышкахъ и иногда въ демонстраціяхъ—и то больше какъ любопытствующіе зрители, чѣмъ какъ активные дѣятели. Народилось—самостоятельно, безъ сторонней „преступной агитаціи“,—напротивъ, не то подъ покровительствомъ, не то съ вѣдома полицейскихъ агентовъ. Народилось—и охватило многія тысячи людей тяжелаго физическаго труда... Кто слыхалъ про организацію среди рабочихъ, тотъ зналъ, что она—дѣло рукъ Зубатова и департамента полиціи. Извѣстно было, какъ въ Москвѣ, въ цѣляхъ борьбы съ революціей, устраивались собранія рабочихъ, на которыхъ имъ читались „благонамѣренныя“ лекціи. Извѣстно было, что, переведенный въ Петербургъ, Зубатовъ энергично дѣйствовалъ въ томъ же направленіи и здѣсь, пока не попался въ какомъ-то злоупотребленіи. Въ памяти оставались депутаціи отъ рабочихъ, являвшіяся въ „Русское собраніе“, и случаи обнаруженія между наиболѣе активными рабочими переодѣтыхъ полицейскихъ. Кто слыхалъ про священника Гапона, тотъ зналъ, что онъ—ставленникъ Зубатова, служилъ священникомъ въ пересыльной тюрьмѣ и имѣлъ близкія сношенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве. Невольно вставалъ неразрѣшимый вопросъ: какъ при всемогуществѣ полиціи и при ея руководительствѣ рабочія организаціи могли сдѣлаться революціонными, какъ могло революціонное въ нихъ движеніе развиться до полуполитической, полуэкономической всеобщей забастовки?.. Также какъ широкіе слои общества, недоумѣвали и газетные репортеры. По крайней мѣрѣ, недоумѣніе было общимъ тономъ ихъ отчетовъ. Рабочіе, видимо, всѣхъ постороннихъ чуждались, неохотно давали свѣдѣнія о своихъ желаніяхъ и намѣреніяхъ, неохотно пускали на свои собранія. Стремленія Зубатова и его вдохновителей отдѣлить рабочихъ отъ „крамолы“ упали

на благопріятную почву вѣкового недовѣрія къ „господамъ", и въ этомъ отношеніи имѣли очевидный успѣхъ.

Недолго обществу пришлось читать о ходѣ забастовки. Черезъ день или два послѣдовало циркулярное запрещеніе печатать о ней что бы то ни было. Еще черезъ день или два забастовали и газеты. 8-го января стало извѣстно, что на другой день, въ воскресенье, рабочіе всѣхъ фабрикъ собираются идти къ Зимнему дворцу, чтобы лично вручить Государю петицію о своихъ нуждахъ. Неопредѣленныя объявленія отъ градоначальника, появившіяся на углахъ улицъ, подтверждали, что дѣйствительно готовится грандіозная манифестація противъ Зимняго дворца. Вечеромъ въ редакціи газеты „Наши Дни" собрались писатели, журналисты, нѣсколько профессоровъ, адвокатовъ и общественныхъ дѣятелей. Среди присутствовавшихъ былъ одинъ рабочій—представитель „общества фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ". Цѣлью собранія было выясненіе положенія и обсужденіе, что можно и должно сдѣлать, главнымъ образомъ, для предотвращенія ожидаемаго на завтра кровопролитія. Оказалось, что люди, до сихъ поръ бывавшіе, если не непосредственно, то идейно, во главѣ всякихъ демонстрацій,—изъ нихъ многіе еще недавно вернувшіеся изъ ссылки—изъ губерній отдаленныхъ, или изъ Ревеля, Новгорода, Бѣлоострова и Сестрорѣцка—освѣдомлены почти такъ же мало, какъ и рядовые обыватели. Чувствовалась въ нихъ растерянность. Чувствовались ихъ готовность и желаніе слиться съ рабочими... Представитель рабочихъ говорилъ отрывочно и немного. Въ его словахъ звучала непоколебимая преданность „батюшкѣ" и вѣра въ „батюшку". „Батюшка" рѣшилъ идти къ дворцу, „батюшка" не хочетъ, чтобы съ рабочими были посторонніе—и такъ будетъ. На фонѣ его категоричныхъ и краткихъ заявленій особенно ярко выступали расплывчатость рѣчей и явная непрактичность предложеній ораторовъ, непрерывно смѣнявшихъ одинъ другого. То предлагалось послать депутатовъ къ Гапону, условиться съ нимъ и дѣйствовать завтра совмѣстно. На это заявляли, что Гапонъ неизвѣстно гдѣ проводитъ вечеръ и ночь, и что онъ совмѣстныя дѣйствія съ кѣмъ бы то ни было постороннимъ отвергаетъ. То раздавалось, какъ что-то серьезное и могущее имѣть успѣхъ, требованіе немедленно всѣмъ ѣхать по казармамъ и убѣждать офицеровъ и солдатъ завтра въ толпу не стрѣлять. То, наконецъ, предлагалось немедленно же составить сообща свободный, не считающійся съ цензурой, нумеръ газеты,—было даже придумано названіе,—напечатать его и черезъ посредство рабочихъ, которыхъ для этого „навѣрное" дастъ Гапонъ, распространить утромъ по городу въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Рѣшено было послать депутацію къ министру внутреннихъ дѣлъ, князю Святополкъ-Мирскому, и къ предсѣдателю комитета министровъ

С. Ю. Витте. Но и предложеніе выпустить свободный газетный нумеръ встрѣтило сочувственную поддержку большинства. А потому, когда въ число депутатовъ былъ предложенъ одинъ талантливый „передовикъ", кто-то закричалъ: „нѣтъ, онъ долженъ остаться, онъ нуженъ для газеты".

Депутація уѣхала. Нѣсколько человѣкъ поѣхали, все-таки, искать Гапона. Оставшіеся принялись обсуждать вопросъ о газетѣ. Судили долго и скучно. Все прибывали новыя лица. Появились иностранные корреспонденты. Вскорѣ вернулись ѣздившіе къ Гапону и сообщили, что видѣть его самого имъ не удалось, а тѣ изъ рабочихъ, которыхъ они видѣли, рѣшительно отказали, по полной безполезности затѣи, какъ поставить на работу наборщиковъ, такъ и командировать кого бы то ни было для разноски по городу газеты. Началось томительное ожиданіе возвращенія депутаціи. Разговоры естественно вертѣлись вокругъ завтрашняго дня. Что рабочіе громадной массой, и отъ Нарвскихъ воротъ, и отъ Московскихъ, и отъ Шлиссельбургскаго тракта, и съ Выборгской, и съ Васильевскаго-Острова, пойдутъ въ назначенный часъ къ Зимнему дворцу—было несомнѣнно. Выйдетъ ли къ нимъ Государь, или манифестанты будутъ встрѣчены нагайками, шашками и пулями—еще копошилось сомнѣніе. Оно исчезло, когда депутаты повѣдали печальный исходъ ихъ миссіи. Министръ внутреннихъ дѣлъ депутаціи не принялъ. Его товарищъ заявилъ, что единственное средство предотвратить кровопролитіе—въ томъ, чтобы рабочіе отказались отъ ихъ намѣренія. Предсѣдатель комитета министровъ много говорилъ о своемъ безсиліи что-нибудь сдѣлать и чѣмъ-нибудь помочь. Ѣхать сейчасъ въ Царское и упрашивать Государя прибыть въ Зимній дворецъ и принять петицію рабочихъ—и мысли объ этомъ сановники не допускали. Кровь завтра будетъ неизбѣжно—съ этимъ ужаснымъ сознаніемъ всѣ оставили поздно ночью редакцію. Завтра—начало революціи. Что она дастъ? Въ чемъ выразится и во что выльется?..

Теперь извѣстно уже во всѣхъ подробностяхъ, какъ у Нарвскихъ воротъ раздался залпъ по процессіи съ хоругвями, образами и царскимъ портретомъ, какъ падали люди, какъ воздухъ огласился криками, стонами и мольбой. Извѣстно, что было въ теченіе всего дня на окраинахъ и въ центрѣ города. Извѣстно, какъ на рѣшеткѣ академическаго сквера послѣ залпа повисъ трупъ ребенка-мальчика безъ головы... Не будемъ перечислять всѣхъ ужасовъ... Возобновимъ въ памяти наши личныя впечатлѣнія.

Около часа дня Морская была почти пуста. Черезъ арку на площадь, хотя съ разборомъ, но пускали. Вокругъ дворца стоялъ пав-

ловскій полкъ. Одна рота того же полка и эскадронъ конногвардейцевъ расположились фронтомъ къ Адмиралтейскому проспекту. Эскадронъ кавалергардовъ—фронтомъ къ Пѣвческому мосту. Ружья еще были составлены въ козлы. Спѣшенные кавалеристы держали лошадей въ поводу. По площади лихо гарцовалъ молодой пѣхотный офицеръ. По Адмиралтейскому проспекту, за Невскимъ, виднѣлось движущееся море людской толпы. То же—за Пѣвческимъ мостомъ. На рѣшеткѣ Александровскаго сада и на деревьяхъ чернѣли фигуры, больше подростки и дѣти... Вотъ отъ толпы отдѣлилось нѣсколько людей. Ихъ схватили и ведутъ черезъ площадь къ воротамъ дворца. Малорослые, тщедушные мастеровые, въ потертыхъ пальто съ мерлушковыми воротниками, и вокругъ каждаго четыре-пять гвардейцевъ великановъ съ ружьями на перевѣсъ и штыками, обращенными къ „бунтовщику". Команда: „садись!" — „въ ружье!" — „палаши вонъ!" — командуетъ ротмистръ. Лязгъ тяжелыхъ палашей, и эскадронъ широкимъ галопомъ несется на толпу. Толпа дрогнула, повернула. Солдаты врѣзались въ нее... Эскадронъ вернулся. Толпа опять растетъ и приближается. Выходитъ рота. Сигналъ на рожкѣ. Ружья подняты... Команда—и противный сухой короткій звукъ ружейнаго залпа прорѣзалъ тишину. За первымъ залпомъ второй... У Пѣвческаго моста въ это время кавалергарды шли въ атаку... Черезъ часъ или два мы были на Гороховой и видѣли злобные глаза толпы, смотрѣвшей на ѣхавшаго въ саняхъ офицера. Одинъ рабочій даже бросился за санями. Потомъ—на Невскомъ слышали залпы отъ Полицейскаго моста...

Вечеромъ и ночью погруженный во мракъ городъ освѣщался кострами, у которыхъ грѣлись солдаты. Повсюду стояли военные заставы и караулы, ходили и ѣздили патрули... Въ „вольно-экономическомъ обществѣ" происходило многолюдное собраніе. Какъ и вчера, потребность переговорить, условиться и какъ-нибудь выйти изъ невыносимаго положенія зрителей совершающагося собрала не одну сотню людей. Прибавилась еще потребность подѣлиться жгучими впечатлѣніями дня. Опять были страстные, но безсодержательные разговоры. На собраніи присутствовалъ Георгій Гапонъ. Онъ пріѣхалъ переодѣтый, съ обстриженной головой и бородой, и не выдалъ своего инкогнито. Узнать его въ лицо никто не могъ—для собравшихся онъ былъ чужой человѣкъ иного міра. Только много времени спустя, стало извѣстно, что 9-го января вечеромъ онъ былъ въ вольно-экономическомъ обществѣ. Тогда же его присутствіе, кромѣ развѣ немногихъ посвященныхъ въ тайну лицъ, прошло незамѣтно.

Фактъ появленія Гапона, и именно 9-го января, въ среду, которой онъ еще наканунѣ такъ упорно чуждался, былъ чрезвычайно знаменателенъ. Теперь, годъ спустя, этотъ фактъ выясняется, во всемъ

своемъ значеніи. Движеніе рабочихъ, которое, по мысли Гапона, должно было разрѣшиться идейнымъ сліяніемъ царя съ народомъ на Дворцовой площади, не было только отдѣльнымъ моментомъ общаго освободительнаго движенія, охватившаго Россію за три-четыре мѣсяца передъ тѣмъ. Нѣтъ, оно было явленіемъ самостоятельнымъ, и эту самостоятельность Гапонъ ревниво оберегалъ. „Мы идемъ къ Тебѣ, Государь,—такъ начиналась петиція,—мы всѣ рабочіе и жители Петербурга, съ нашими женами, дѣтьми, отцами и матерями, идемъ къ Тебѣ просить правды и защиты. Мы бѣдны, забиты, обременены непосильнымъ трудомъ. Насъ оскорбляютъ, обращаются съ нами не какъ съ людьми, но какъ съ рабами, которые должны молча терпѣть самую жестокую участь. Много ужъ мы терпѣли и со дня на день все глубже и глубже становится наше паденіе. У насъ нѣтъ правъ, намъ не даютъ образованія, насъ душатъ насиліемъ и несправедливостью. Мы пропадаемъ, мы обезсилены“. Въ дальнѣйшемъ изложеніи приводились, правда, просьбы и политическаго характера. Но черезъ всю петицію красной нитью проводилось, что пришли и просимъ *мы*. *Мы*—рабочіе, *мы*—Твой народъ, въ смыслѣ низшихъ слоевъ населенія. „Мы собрались передъ Твоимъ дворцомъ и просимъ: спаси насъ, не отказывай въ помощи Твоему народу, помоги ему разорвать путы безправія, нищеты и невѣжества, освободи его отъ невыносимаго гнета чиновниковъ. Разрушь стѣну, отдѣляющую Тебя отъ народа, чтобы онъ могъ, вмѣстѣ съ Тобой, управлять государствомъ, созданнымъ для счастья народнаго, того счастья, которое вырываютъ отъ насъ, оставляя на нашу долю только муки и униженіе“.

Во всѣхъ этихъ словахъ ясно слышалось стремленіе обособить себя и свои дѣйствія отъ революціонныхъ элементовъ, въ обычномъ о нихъ у насъ представленіи, и отъ ихъ дѣйствій. Петиція заключала въ себѣ славянофильскую ноту, но не въ теоретической конструкціи доктрины, а въ той формулировкѣ, въ которой представленіе о царѣ живетъ въ сознаніи крестьянства и жило до 9-го января въ сознаніи городскихъ рабочихъ. „Если Ты не отвѣтишь на нашу просьбу—говорилось въ заключеніе,—тогда мы умремъ на этой площади, передъ Твоимъ дворцомъ. Намъ больше некуда идти, и передъ нами только двѣ дороги: одна ведетъ къ свободѣ и къ счастью, другая—въ могилу. Укажи, Царь, какимъ путемъ намъ идти, и мы пойдемъ, хотя бы онъ привелъ насъ къ могилѣ. Пусть наша жертва спасетъ измученную Россію. Мы, не колеблясь, принесемъ эту добровольную жертву“.

Поголовная смерть всѣхъ рабочихъ Петербурга была, конечно, риторической фигурой. Человѣкъ не легко умираетъ. Пока въ немъ теплится хоть искра жизни, онъ живетъ и хочетъ жить. Для рабочихъ нашлась третья дорога. Георгій Гапонъ, душа движенія и его

олицетвореніе, разорвалъ съ прошлымъ, скинулъ санъ, снялъ рясу... и пришелъ въ „вольно-экономическое общество“.

Въ учебникахъ исторіи любятъ гадать на тему: „если бы, то“ и т. д. Что было бы,—спрашиваютъ,—если бы Государь 9-го января вышелъ на площадь передъ дворцомъ и принялъ петицію?—на то отвѣтить съ увѣренностью нельзя. Во всякомъ случаѣ, было бы не то, что происходило въ теченіе 1905 года. Событія несомнѣнно бы пошли по иному пути. Быть можетъ, надолго бы отсрочился манифестъ 17-го октября. Была ли бы обезпечена въ тотъ день личная неприкосновенность Государя? Съ абсолютной увѣренностью говоримъ: да! Утверждать противное, какъ это дѣлали высшіе представители власти, могли только тѣ, кто привыкли на все и на всѣхъ смотрѣть сквозь бумажную призму оффиціальныхъ донесеній и за нею не видѣть и не понимать самой простой человѣческой психологіи. Рабочіе боготворили царя, когда шли ко дворцу. Они были въ состояніи религіознаго экстаза. Они искренно вѣрили тогда, что имъ „больше некуда идти“...

Гапонъ — единственно крупное самобытное имя, которое создала русская революція. Послѣ 9-го января онъ эмигрировалъ за границу и, какъ писалось въ газетахъ, сталъ соціалъ-демократомъ. Въ октябрѣ или ноябрѣ онъ снова былъ въ Петербургѣ, но не остался, а уѣхалъ. Гапону теперь въ Россіи дѣла нѣтъ — это видно изъ его писемъ. Въ немъ, все-таки, живъ священникъ русской деревни. Онъ вынужденъ былъ разорвать съ прошлымъ, но духовно переродиться въ одинъ день онъ оказался не въ силахъ. Такъ и изъ сознанія передовыхъ рядовъ крестьянства—фабричныхъ рабочихъ—не исчезъ идеалъ царя. 9-го января для нихъ началось сближеніе съ „господами“. Завершится оно нескоро...

Въ ночь съ 10-го на 11-ое января были произведены обыски у депутатовъ, ѣздившихъ изъ редакціи „Нашихъ Дней“ къ князю Святополкъ-Мирскому и къ С. Ю. Витте. Обысканныхъ немедленно увезли въ Петропавловскую крѣпость. Въ ихъ лицѣ было арестовано „временное правительство“. Большей несообразности, чѣмъ это арестованіе журналистовъ, ученыхъ и адвокатовъ, какъ „временнаго правительства“, неизвѣстно кѣмъ, когда и для чего образованнаго, невозможно было себѣ представить. Полиція имъ обнаружила изумительную неосвѣдомленность и непростительное непониманіе обстоятельствъ. Захватить депутатовъ было болѣе чѣмъ просто — при выходѣ отъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ они всѣ оставили свои визитныя карточки. Никому только въ голову не пришло, что члены „временнаго правительства“ такъ не поступили бы. Никто не подумалъ, что нѣтъ ничего общаго между просьбой предотвратить кровопролитіе и руководительствомъ активнымъ революціон-

нымъ дѣйствіемъ, каковымъ министры считали шествіе и манифестацію рабочихъ. Люди, которыхъ манифестанты чуждались, которые стремились раскрыть глаза правительству на истинное значеніе и на размѣры готовившагося событія, люди, которые неизмѣримо далеко стояли отъ оффиціозныхъ рабочихъ организацій, гдѣ зародилась, выросла и окрѣпла мысль придти съ петиціей къ Государю,—оказались сочтенными властью, когда событіе совершилось, его вдохновителями и виновниками. Для каждаго простого смертнаго один перечень именъ арестованныхъ показывалъ всю несообразность ихъ ареста. А для власти потребовались недѣли заключенія и безконечные допросы, чтобы формально разсѣять миражъ, созданный растерянностью и испуганнымъ воображеніемъ.

Кстати—курьезъ, до сихъ поръ, кажется, еще не появлявшійся въ печати. У одного изъ арестованныхъ, бывшаго профессора университета, былъ найденъ при обыскѣ на столѣ „документъ": записка отъ профессора Б., приглашавшая придти вечеромъ черезъ нѣсколько дней. Арестованнаго по поводу записки, конечно, не спросили—„документъ" давалъ нить къ раскрытію всей крамолы. Въ дѣйствительности же дѣло было самое простое и ничуть не преступное. На 12-ое января предполагался обѣдъ въ честь полуторастолѣтней годовщины московскаго университета: устроители отмѣнили обѣдъ, и г. Б. пригласилъ къ себѣ нѣкоторыхъ записавшихся, чтобы порѣшить, какъ быть съ собранными деньгами и съ сдѣланными заказами. Въ числѣ прочихъ онъ послалъ записку и арестованному члену „временнаго правительства". Ничего не зная о захватѣ „документа", приглашенные въ назначенные день и часъ собрались. Вдругъ дверь распахнулась, и на порогѣ комнаты показался полицейскій приставъ, за нимъ помощники его, околоточные и цѣлый отрядъ городовыхъ и дворниковъ. Раздалось внушительно-вѣжливое: „прошу всѣхъ остаться на мѣстахъ, я долженъ переписать присутствующихъ и произвести обыскъ; гдѣ хозяинъ?" Сконфуженный хозяинъ подошелъ. Принесли столъ, за который сѣли приставъ и его помощники. Городовые, съ видомъ людей, готовыхъ каждую минуту броситься на того, кто станетъ оказывать малѣйшее сопротивленіе, заняли выходы. Мысль о бомбахъ, явно тревожившая ихъ въ первую минуту, скоро, повидимому, перестала имъ давить на мозгъ. Начался опросъ. Первый назвалъ себя: „тайный совѣтникъ, академикъ"... Послѣ строгаго внушенія, что надо говорить, какой академіи академикъ,—приставъ спросилъ второго. Отвѣтъ: „дѣйствительный статскій совѣтникъ, профессоръ". Ни одного, кажется, изъ присутствующихъ не оказалось въ рангѣ ниже статскаго совѣтника. И все-таки былъ составленъ протоколъ, въ который занесли, что въ комнатѣ три окна и двѣ двери, и что въ ней было обнару-

жено двадцать-три человѣка, сидѣвшихъ на диванахъ, креслахъ и стульяхъ по стѣнамъ и около столовъ. Послѣ составленія протокола, почтенный старикъ-ученый съ трудно скрываемымъ волненіемъ напрасно спрашивалъ пристава: „чѣмъ мы можемъ оградить себя на будущее время отъ вашего появленія?" Отвѣта онъ не получилъ.

Въ теченіе чуть не всего минувшаго года ходили слухи, что первая годовщина 9 января будетъ отмѣчена во всей Россіи событіями исключительной важности. Послѣ отмѣны революціонными организаціями вооруженной демонстраціи, предполагавшейся въ концѣ октября, прямо говорилось, что именно къ этому дню готовятся боевыя дружины, чтобы нанести послѣдній рѣшительный ударъ правительству. Въ дѣйствительности ничего подобнаго не произошло. Представители, уполномоченные восемью организаціями, отказались отъ бурнаго ознаменованія годовщины и объявили на 9-е января только „всеобщій трауръ". Но и это ихъ объявленіе не имѣло успѣха. По крайней мѣрѣ, въ уличной жизни Петербурга — „трауръ" не бросался въ глаза. Магазины торговали, часть фабрикъ не работала, другая работъ не прерывала. Почему долгія ожиданія не сбылись и предположенія не оправдались? Отвѣтъ, думаемъ, простъ. Историческія событія по заказу не совершаются. Одно воспоминаніе о прошломъ фактѣ, какъ бы оно ни было интенсивно, еще не можетъ создать всего того, что необходимо для духовнаго подъема массъ населенія на большую высоту, безъ чего невозможно направить ихъ ни на какія дѣйствія. Новый годъ засталъ настроеніе всѣхъ слоевъ общества, не исключая рабочихъ, на нисходящей вѣтви революціонной волны.

Признаки подготовлявшейся смѣны настроенія чувствовались уже съ ноября. Движеніе пошло послѣ 17-го октября слишкомъ ускореннымъ темпомъ для того, чтобы не вызвать въ обществѣ естественнаго утомленія и его результата — реакціи. Какъ нервное напряженіе отдѣльнаго человѣка имѣетъ предѣлъ, за которымъ наступаетъ потребность въ отдыхѣ во что бы то ни стало, такъ и общество—коллективный человѣкъ—не можетъ долго жить съ натянутыми нервами. Всего хуже для него несбывшіяся ожиданія. Нѣтъ большей ошибки, какъ вызывать усилія массъ на то, что недостижимо. Чѣмъ шире и глубже цѣль, тѣмъ вѣрнѣе можно вызвать массу на усиліе — это правда. Но если цѣль поставлена чрезмѣрно широко, если, идя въ бой, боецъ переоцѣнилъ свои силы и недоцѣнилъ силъ противника, и цѣль потому осталась недостигнутой, то масса теряетъ вѣру даже въ правоту дѣла. Нельзя было говорить рабочимъ: „бастуйте, пока не будетъ созвано учредительное собраніе на основѣ всеобщаго и т. д.

голосованія и пока не будетъ введенъ восьмичасовой рабочій день". Это была грубѣйшая ошибка. Ибо объективная оцѣнка обстоятельствъ показывала, что ни учредительнаго собранія со всей полнотою власти, ни установленія восьмичасовой нормы рабочаго дня,—революціи добиться въ теченіе нѣсколькихъ дней не удастся. А это говорилось и говорилось не разъ. Потомъ торжественно объявлялось, что хотя и т. д., но, все-таки, „мы" побѣдили, или приблизились къ побѣдѣ. Объявлялись слова, которыя утѣшить, пожалуй, способны, и то болѣе авторовъ, чѣмъ тѣхъ, къ кому ихъ обращаютъ, но изгладить значеніе факта — никогда. Съ другой стороны, на общественное настроеніе не могли не подѣйствовать явные эксцессы революціи, вродѣ почтово-телеграфной забастовки, попытки подорвать народный кредитъ, вовлеченія въ борьбу среднихъ учебныхъ заведеній и, наконецъ, самаго крупнаго и въ то же время самаго ужаснаго эксцесса—московскаго вооруженнаго возстанія.

Характернымъ показателемъ наступившаго колебанія въ отношеніяхъ общества къ революціи, со склонностью перемѣщенія симпатій слѣва направо, служитъ измѣнившійся тонъ реакціонной прессы. Нельзя не признать, что манифестъ 17-го октября поставилъ такія газеты, какъ „Московскія Вѣдомости" и „Гражданинъ", въ крайне тяжелое положеніе. Все содержаніе ихъ credo, въ сущности, всегда исчерпывалось вѣрноподданническимъ долгомъ недопускающаго разсужденій повиновенія. У нихъ не было лучшаго оружія противъ враговъ, какъ раскрытіе неповиновенія или хотя бы неискренности въ повиновеніи. Имъ онѣ боролись, побѣждали—и благодаря своей „беззавѣтной" преданности торжествовали. И вдругъ не только „виды правительства" перемѣнились, нѣтъ—съ высоты самого престола раздалась непреклонная воля: „даровать незыблемыя основы гражданской свободы" и „установить, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы". Подчиниться этой волѣ или не подчиняться было для нихъ одинаково равносильно полному отказу отъ всего, что ими писалось и твердилось много лѣтъ. Подчиненіе означало бы прямой отказъ отъ credo. Неподчиненіе— то же самое. Даже болѣе: если бы „Московскія Вѣдомости" и „Гражданинъ" открыто заявили себя противниками новаго государственнаго строя, они бы вырвали изъ-подъ своихъ ногъ единственную опору. Строго говоря, имъ ничего не оставалось другого, какъ умереть. Такъ и поступилъ князь Мещерскій съ „Гражданиномъ". Газета прекратилась, и взамѣнъ ея стали выходить личные дневники издателя. Мы далеки отъ мысли утверждать, что послѣ 17-го октября въ Россіи не осталось мѣста для реакціонной печати. Во Франціи и болѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ революціи немало старонниковъ

монархическаго абсолютизма, все еще не покидающихъ мечты о реставраціи, и немало исповѣдующихъ монархическія начала газетъ. Было бы странно, если бы у насъ сразу вымерли всѣ реакціонеры. Но ихъ роль перемѣнилась. Реакціонерамъ въ духѣ „Московскихъ Вѣдомостей", по содержанію ихъ воззрѣній, теперь мѣсто въ оппозиціи, и вѣрноподданническій долгъ уже не можетъ лежать въ основѣ ихъ политической аргументаціи. На смѣну прежнихъ реакціонныхъ газетъ должны народиться новыя—оппозиціонно-реакціонныя. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы говоримъ.

Переходъ въ оппозиціонный лагерь, конечно, сопряженъ съ потерей выгодной позиціи. А потому реакціонная печать, пользуясь минутой смѣны настроенія въ обществѣ и открытаго возврата къ старымъ способамъ дѣйствій въ правительствѣ, изощряетъ всѣ силы остроумія, чтобы словами затемнить категоричный и ясный смыслъ манифеста 17-го октября, и доказать, что въ этотъ день ничего особеннаго не произошло. Манифестъ носитъ обычный заголовокъ и изданъ „самодержцемъ". Слѣдовательно, ни о какой перемѣнѣ формы государственнаго строя въ немъ не можетъ быть рѣчи и нѣтъ. Такова маловразумительная логика [1]).

Не менѣе, чѣмъ тонъ газетъ, измѣнился тонъ иныхъ заявленій, идущихъ изъ реакціонной среды. 1-го декабря, въ Царскомъ-Селѣ, Государю представлялись депутаціи отъ союза русскихъ людей, отъ монархической партіи, отъ союза землевладѣльцевъ, отъ общества хоругвеносцевъ и добровольной охраны, отъ совѣта редакціи журнала „Русское Крестьянство", отъ общества крестьянъ села Воробьевы-Горы подъ Москвой и синодальный миссіонеръ. Хотя „при выходѣ Государя Императора въ залъ всѣ депутаціи привѣтствовали Его Величество земнымъ поклономъ", т.-е. едва ли не намѣренно употребили вообще не требуемую придворнымъ этикетомъ форму привѣтствія, однако оба изъ опубликованныхъ ихъ адресовъ носили сдержанный характеръ и показывали, что, быть можетъ „скрѣпя сердце", но депутаціи, все-таки, и понимаютъ, и принимаютъ манифестъ 17 октября въ его истинномъ смыслѣ. „Воля Твоя для насъ, коренныхъ русскихъ людей, священна. Ей мы покоряемся. За Тобой пойдемъ, куда повелишь". Такъ начинался адресъ союза русскихъ людей. И эта вступительная фраза умаляла силу ссылки на „великія начала свободы народной, Тобой провозвѣщенныя манифестомъ отъ 26 февраля 1903 г." (не 17 октября и даже не 12 декабря 1904 г.). Также она умаляла силу просительнаго пункта: „созови великій земскій соборъ въ Москвѣ", „путемъ существующихъ сословныхъ выборныхъ учрежденій". Адресъ

---

[1]) См. выше: „Внутреннее Обозрѣніе".

союза землевладѣльцевъ, носившій явный отпечатокъ впечатлѣнія только-что пережитыхъ погромовъ, не шелъ далѣе просьбъ о „безпощадной карѣ злоумышленниковъ, а въ особенности ихъ вожаковъ и сановныхъ попустителей всякаго ранга", объ увольненіи министерства графа Витте и о призывѣ „иныхъ исполнителей Твоей монаршей воли". Въ видѣ неяснаго намека только, безъ дальнѣйшаго развитія мысли, было сказано, что „манифестъ 17 октября возбудилъ во всѣхъ слояхъ преданнаго Тебѣ населенія существенное сомнѣніе относительно неприкосновенности исконной русской самодержавной неограниченной власти". И въ отвѣтъ Государемъ Императоромъ было сказано: „Не сомнѣваюсь, что вы пойдете не по иному, какъ только по предначертанному мною пути; поэтому и призываю васъ передать всѣмъ любящимъ дорогую нашу родину, что манифестъ, данный мною 17 октября, есть полное и убѣжденное выраженіе моей непреклонной воли и актъ, не подлежащій измѣненію"... 23-го декабря, тамъ же представлялась коммиссія отъ „союза русскаго народа", состоявшая изъ 23 лицъ. Къ сожалѣнію, отчетъ объ этомъ пріемѣ не былъ оффиціально опубликованъ, и мы лишены возможности воспроизвести сущность адресовъ и устныхъ рѣчей. Но почти всѣ газеты воспользовались нарушеніемъ цензурныхъ правилъ органомъ „союза", газетой „Объединеніе", и отчетъ читателямъ навѣрное извѣстенъ. Вспомните, что̀ читалъ г. Дубровинъ, что̀ говорили гг. Майковъ, Булацель, Барановъ, Борисовъ и другіе! Что̀ говорили они не обинякамн и не намеками и къ чему взывали! Даже со стороны кн. Мещерскаго нѣкоторыя рѣчи встрѣтили рѣзкое осужденіе...

Сколько дней или мѣсяцевъ продлится реакція въ обществѣ?— Мыслимо ли отвѣтить на этотъ вопросъ! Близится весна, оживленіе природы послѣ зимняго сна, начало полевыхъ работъ и посѣва—и что̀ весна принесетъ деревнѣ, неизвѣстно. Близятся выборы—дѣло новое, невѣдомое—и какъ они пройдутъ, тоже неизвѣстно. А приподнять завѣсу надъ предстоящимъ хочется до боли...

Не страшна реакція внѣшняя—реакція правительства, какъ бы она тяжела ни была. Страшна реакція внутренняя—реакція въ общественномъ настроеніи и въ общественномъ сознаніи. Переутомленное и извѣрившееся общество—худшій врагъ освободительнаго движенія. Такому обществу свобода не нужна. Оно ея не хочетъ. Оно хочетъ одного: покоя. И если стремящееся къ реакціи правительство сумѣетъ въ такой моментъ дать покой, то его побѣда обезпечена... Сумѣетъ ли?— Признаковъ умѣнья не видно. Напротивъ, правительство дѣлаетъ все, чтобы революція не замерла. Его излишества не даютъ обществу ни

минуты спокойствія. Эксцессы и ошибки революціи понизили тонъ настроенія въ странѣ. Эксцессы правительственной власти его поддерживаютъ отъ окончательнаго паденія. Самый утомленный человѣкъ не можетъ не содрогаться, наблюдая безудержность въ расправѣ и ненужную кровожадность не въ борьбѣ, а въ какой-то дикой мстительности. Свобода печати—и нѣтъ газетъ. Типографіи запечатаны. Редакторы чуть не поголовно или осуждены, или ждутъ суда. Свобода собраній—и ихъ нѣтъ уже болѣе мѣсяца. Только 22 января, петербургскій градоначальникъ объявилъ, что отмѣняетъ свое распоряженіе отъ 13 декабря и впредь будетъ допускать собранія, „при условіи точнаго и неуклоннаго соблюденія" правилъ, изданныхъ тогда, когда свобода собраній еще не была провозглашена. Неприкосновенность личности—и обыски, аресты каждый день. Скоро всѣ казенныя зданія придется обратить въ тюрьмы. Законность—и произволъ, ссылки безъ суда, розги, нагайки. Въ Томскѣ распоряженіемъ командующаго войсками округа устраненъ отъ должности и затѣмъ, по докладу министра юстиціи, уволенъ „несмѣняемый" предсѣдатель окружного суда. Наконецъ — разстрѣлы. Разстрѣлы грубо противозаконные — въ Москвѣ, въ Варшавѣ, въ Ригѣ, въ Либавѣ, на Кавказѣ. Не убійства сопротивляющихся, нѣтъ—разстрѣлы, какъ казнь...

Изъ Феллина сообщаютъ „Рижскому Вѣстнику" [1]) о разстрѣляніи 53 человѣкъ—судомъ... штабсъ-ротмистра. „Въ городѣ было разстрѣлено 9 января 40 чел. и 11 января 13 чел. Сколько разстрѣлено въ уѣздѣ, пока неизвѣстно. Изъ числа разстрѣленныхъ 9 января 40 человѣкъ лишь 14 человѣкъ казненныхъ содержались въ тюрьмѣ, какъ участвовавшіе въ нападеніи на имѣніе Каббаль, феллинскаго уѣзда, и въ разгромахъ имѣній въ вейсенштейнскомъ уѣздѣ. Остальные 26 чел., извѣстные подъ кличкою „мазуриковъ", были арестованы въ г. Феллинѣ ночью передъ казнью и наканунѣ въ своихъ домахъ и квартирахъ, въ постели. Приведенные въ тюрьму, они узнали, что обречены на разстрѣлъ. Упавъ на колѣни, они стали просить присланнаго на усмиреніе штабсъ-ротмистра о судѣ надъ ними и о пощадѣ. Но это, очевидно, было невозможно... Связанные по рукамъ, они вмѣстѣ съ выведенными изъ камеръ тюрьмы 14 арестантами, исповѣдовавшись и пріобщившись Христовыхъ тайнъ, направились на берегъ прилегающаго къ городу озера. Здѣсь у подножія развалинъ стариннаго замка зіяла громадная яма. Поодаль уже собралась довольно многолюдная толпа эстовъ, плакавшихъ, стонавшихъ и дрожавшихъ отъ страха. Придя къ ямѣ, всѣ обреченные на разстрѣлъ, съ искаженными отъ ужаса лицами, снова упали на колѣни предъ штабсъ-ротмистромъ,

[1]) Заимствуемъ изъ „Руси" отъ 19 января.

прося опять о судѣ и пощадѣ. Одинъ изъ нихъ, мѣстный ходатай по дѣламъ, хорошо говорившій по-русски, молвилъ съ сложенными руками: „Ваше превосходительство, судите насъ! Мы невиновны! Сошлите насъ на каторгу, на необитаемый островъ, мы будемъ работать день и ночь, но даруйте намъ жизнь!“... Но раздалась команда; первую шеренгу въ пять человѣкъ подвели къ ямѣ, поставили на колѣни, лицомъ къ ямѣ; раздалась команда: „заряжай!“ и затѣмъ „взводъ, пли!“ У нѣкоторыхъ казненныхъ слетали черепа и летѣли черезъ яму. Несмотря на то, что драгуны стрѣляли почти въ упоръ и въ затылокъ, нѣкоторые послѣ выстрѣла еще кричали и мучались, и ихъ изъ револьвера дострѣливалъ офицеръ. Не было возможности и силъ смотрѣть на эту картину, и послѣ разстрѣла первой шеренги многіе со слезами ушли. Такъ какъ эти 26 чел. были арестованы предъ казнью и разстрѣлены безъ суда, то о казни ихъ ходятъ толки, будто среди нихъ было немало неповинныхъ. Въ числѣ 14 казненныхъ также были два мальчика, 15 и 17 лѣтъ, сыновья одного эстонца изъ м. Оберпалена. Ихъ разстрѣляли вслѣдствіе того, что скрывшійся ихъ отецъ стрѣлялъ въ Оберпаленѣ въ офицера, хотѣвшаго войти въ его домъ съ солдатами, чтобы арестовать революціонеровъ. Теперь, какъ говорятъ, онъ разысканъ и арестованъ“... Чьи нервы выдержатъ такое испытаніе, какъ эта корреспонденція?!

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы писали: „За провозглашеніе латышской республики много прибавится если не казненныхъ, то сосланныхъ. Такъ не должно быть — быть можетъ, да. Но таковъ фактъ въ его роковой неизбѣжности. Государство живетъ началами права, а не внутренней справедливости. И современное государство обладаетъ слишкомъ большой силой, чтобы склониться передъ насильственнымъ отрицаніемъ права, хотя бы справедливымъ“. Само собою разумѣется, намъ и въ голову не приходила возможность того безправія, которое творится во имя права...

Сессіи очередныхъ губернскихъ земскихъ собраній нынѣче повсемѣстно опоздали. Въ законный срокъ, до 1 декабря, кажется, нигдѣ занятія собраній начаты не были. Въ теченіе декабря прошли собранія въ немногихъ губерніяхъ. Въ большинствѣ они были отложены на январь, а кое-гдѣ и на февраль.

Исключительность обстоятельствъ переживаемаго времени придаетъ особый интересъ и особое значеніе губернскимъ собраніямъ. Земства, какъ бы ни была неудовлетворительно поставлена система представительства въ нихъ, все-таки единственныя у насъ организаціи съ политическимъ прошлымъ и съ твердо установившимися традиціями общественнаго служенія. Города, въ этомъ отношеніи, всегда стояли

и стоятъ ниже земства. Только въ земствѣ можетъ найти отраженіе и всестороннее мѣстное освѣщеніе самый большой, самый трудный и самый колоссальный вопросъ—аграрный. Пока его освѣщала преимущественно одна сторона—дворянство. Или, пожалуй, и другая—крестьянство, если, впрочемъ, можно придавать цѣну случайно проникавшимъ въ печать отдѣльнымъ заявленіямъ крестьянскихъ обществъ, то составленнымъ по старому шаблону вѣрноподданническихъ приговоровъ, то по новому — отъ имени „гражданъ" села такого-то, требующихъ упраздненія „института" земскихъ начальниковъ и введенія „прогрессивнаго" подоходнаго налога, и говорящихъ о „конъюктурѣ" или объ учредительныхъ „функціяхъ" (въ газетахъ какъ-то сообщалось, что въ Москвѣ у одного задержаннаго была найдена пачка заготовленныхъ крестьянскихъ приговоровъ, въ которыхъ было оставлено мѣсто только для названія сельскаго общества и числа лицъ, явившихся на сходъ). Далѣе, лишь отъ земства можно ожидать оцѣнки, подъ практическимъ угломъ зрѣнія, закона о выборахъ въ Думу и предстоящихъ ближайшихъ задачъ Думы. Наконецъ, губернскимъ собраніямъ неизбѣжно предстоитъ урегулировать тѣмъ или инымъ способомъ финансовый кризисъ, установить отношенія къ такъ называемому третьему элементу, „явочнымъ порядкомъ" занявшему своеобразное положеніе, едва ли соотвѣтствующее идеѣ самоуправленія и выборному представительству населенія, и т. д., и т. д.

При такихъ ожиданіяхъ, вызываетъ искреннее сожалѣніе извѣстіе, что въ тверской, напр., губерніи губернское собраніе не состоялось. Въ № 4, отъ 20-го января, „Руси", предсѣдатель тверской губернской управы, В. фонъ-Дервизъ, помѣстилъ протестъ за подписью двадцати-одного гласнаго, отказавшихся отъ участія въ засѣданіяхъ собранія и своимъ отказомъ сдѣлавшихъ собраніе несостоятельнымъ. Мотивы отказа: ограниченіе публичности засѣданій установленіемъ, по распоряженію губернскаго предводителя дворянства, входныхъ билетовъ и то, что, по его же распоряженію, въ зданіе собранія была введена въ большомъ числѣ полиція. Можно, пожалуй, и не возражать, что подобныя условія дѣятельности „явно оскорбительны для достоинства земскаго собранія", привыкшаго дѣйствовать открыто, не боясь ничьего присутствія и не прибѣгая къ полицейской охранѣ. Но если на одну чашку вѣсовъ положить эти условія, а на другую—важность вопросовъ и дѣлъ, подлежавшихъ обсужденію и рѣшенію собранія, то врядъ ли возможны сомнѣнія, которая, при извѣстномъ спокойствіи духа наблюдателя, должна перетянуть. Кромѣ вопросовъ, общихъ для всей Россіи, тверское собраніе должно было отозваться на погромъ управы и на избіеніе служащихъ 17 октября. Оно должно было выяснить авторитетно и гласно, какъ причины погрома, такъ его размѣры и слѣд-

ствія. Оно должно было сказать свое вѣское слово о дѣйствіяхъ полиціи и губернатора. „Тверская управа—сообщаетъ „Правда Божія“ (№ 19)—предъявляетъ къ губернатору искъ въ 70 тысячъ рублей за убытки, понесенные земствомъ во время октябрьскихъ погромовъ, явившихся результатомъ непринятія мѣръ къ охраненію земства“. На собраніи лежала обязанность раскрыть завѣсу оффиціальнаго языка искового прошенія, изъ-за которой трудно выйти на свѣтъ внутренней сути дѣла, и оцѣнить основанія иска, не съ точки зрѣнія формулъ X тома свода законовъ, какъ будетъ дѣлать судъ, а во всемъ ихъ общественномъ значеніи. Нѣтъ спора, что защита начала публичности также составляетъ долгъ земства. Но въ данномъ случаѣ на тверскомъ земствѣ лежалъ долгъ большій... Согласно закону, собраніе будетъ созвано вторично. Надѣемся, что если предводитель дворянства и не отмѣнитъ своего распоряженія, гласные не повторятъ „забастовки“. Общественные дѣятели не имѣютъ права легко поддаваться чувству оскорбленнаго достоинства и оставлять свой постъ, когда они на немъ нужны.

Въ послѣднемъ засѣданіи петербургскаго съѣзда конституціонно-демократической партіи обсуждалось обращенное ко всѣмъ губернскимъ земствамъ предложеніе предсѣдателя совѣта министровъ выбрать изъ числа гласныхъ лицъ, къ которымъ гр. Витте могъ бы обращаться за содѣйствіемъ по нѣкоторымъ подлежащимъ вѣдѣнію совѣта министровъ вопросамъ. Съѣздъ принялъ слѣдующую резолюцію: „Въ виду того, что нѣтъ никакихъ основаній довѣрять современному правительству, партіи конституціонно-демократической и ея членамъ слѣдуетъ противодѣйствовать этому неизвѣстно для чего предпринимаемому мѣропріятію“. Какъ видно изъ телеграммъ, губернскія собранія въ Новгородѣ, въ Костромѣ и въ Воронежѣ выборовъ не произвели. Сдѣлали ли они это самостоятельно или подъ давленіемъ резолюціи съѣзда? Предложеніе гр. Витте вышло изъ министерства еще въ ноябрѣ, когда до образованія Государственной Думы, по самымъ оптимистическимъ разсчетамъ, оставалось четыре-пять мѣсяцевъ, когда рисовалась возможность выборовъ на началахъ всеобщаго голосованія, когда, словомъ, были совершенно не тѣ условія, чѣмъ теперь. Теперь подобное совѣщаніе или подобная коммиссія при совѣтѣ министровъ утратили всякій смыслъ, а потому производить избраніе—безцѣльная трата времени. Если собранія руководились этими соображеніями, то мы ни слова сказать не можемъ. Если же они поступили такъ, подчиняясь указанію съѣзда конституціонно-демократической партіи, то это было бы большой съ ихъ стороны ошибкой. Сила земства въ настоящій моментъ—въ его внѣпартійности. Нѣкоторые представители

конституціонно-демократической партіи часто подчеркиваютъ, что она зародилась въ земской средѣ. Зародилась — да, но, зародившись въ этой средѣ, она ее въ себѣ растворила. Этотъ процессъ погубилъ земскіе съѣзды. Боимся думать, что онъ погубитъ и мѣстныя земскія организаціи, отнявъ отъ нихъ главное: самостоятельность...

Выше мы цитировали новую газету „Правда Божія". Это газета народная, выходитъ съ января, въ Москвѣ, подъ редакціей извѣстнаго священника и публициста Г. С. Петрова. Она, дѣйствительно, „народная" и по языку, и по изложенію—и заслуживаетъ полнаго вниманія. На смѣну лубочной литературѣ, въ деревню широко пошли брошюры, переполненныя такими терминами, которые и среди городского населенія не всякій сумѣетъ выговорить, не то что уже понять. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ брошюры до послѣдней степени партійно-тенденціозны, и не столько стремятся разсказать или объяснить, сколько убѣдить и обратить въ свою партійную вѣру. А запросъ на объективный разсказъ и на объясненіе безъ полемическихъ пріемовъ въ деревнѣ—громадный. Вышедшіе пока нумера „Правды Божіей" свидѣтельствуютъ, что редакція поставила себѣ задачей удовлетворить именно этотъ запросъ.

Имя скончавшагося недавно профессора московскаго университета Н. И. Стороженка хорошо извѣстно не только многочисленнымъ его слушателямъ, сохранившимъ о немъ самую добрую память, но и всѣмъ, кому близка исторія искусства. Его труды о Шекспирѣ и шекспировской эпохѣ, между которыми особенно выдаются двѣ книги: „Предшественники Шекспира" (1872) и „Робертъ Гринъ" (1878), об-
...вниманіе и въ Англіи: Н. И. былъ выбранъ вице-пре-
...пировскаго общества (New Shakespeare Society).
...ченіи предмета, прекрасно изложенныя,
...работы, много способствовали рас-
...ой литературѣ [1]). Много потру-
...ійской словес-

ской губерніи. Особенно велики были его заслуги во время голодовокъ 90-хъ годовъ, когда онъ умѣлъ привлекать къ дѣлу помощи не только мѣстныя, но и другія силы. При самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ онъ оставался неуклонно вѣренъ лучшимъ земскимъ традиціямъ.

Н. А. Лейкинъ былъ хорошо извѣстенъ любителямъ популярнаго чтенія. Его юмористическія сцены обнаруживали широкую наблюдательность и детальное знакомство съ купеческимъ и мѣщанскимъ бытомъ. Но онъ былъ не только бытописателемъ; въ его произведеніяхъ, расходившихся въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, всегда звучала и обличительная нота. Въ теченіе двадцати лѣтъ покойный состоялъ гласнымъ петербургской городской думы, а послѣднія двѣнадцать лѣтъ былъ усерднымъ членомъ коммиссіи по народному образованію и однимъ изъ дѣятельныхъ попечителей городскихъ начальныхъ училищъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюле...

[illegible] Стр. 863 испорчена
3и 865 оборвана внизу.

